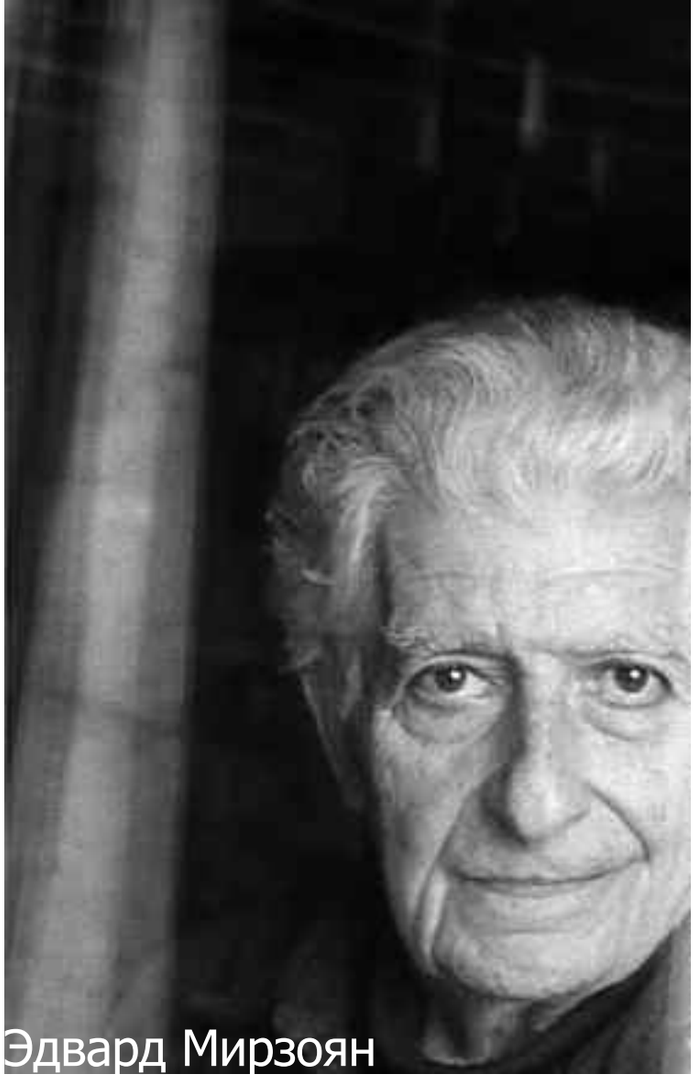


Эдвард Мирзоян

в письмах и диалогах

Лилит Епремян

ЭДВАРД МИРЗОЯН

в письмах и диалогах

Ереван 2011

Первое монографическое исследование об Эдварде Мирзояне – одной из наиболее крупных композиторских фигур Армении, видном государственном и общественном деятеле. Книга насыщена документальным материалом – письмами, интервью, статьями, фотографиями. Изложенная доступным языком, монография предназначена как для музыкантов, так и для широкого круга читателей.

Հեղինակն իր խորին երախտագիտությունն է հայտնում պարոն Մայքլ Մինասյանին՝ մենագրության ստեղծմանն աջակցելու համար: Գիրքը հրատարակված է ՀՀ Մշակույթի նախարարության ֆինանսական աջակցությամբ: Հեղինակը հատուկ շնորհակալություն է հայտնում «Ազգային պատկերասրահ» հիմնադրամին՝ գրքի հրատարակմանն աջակցելու համար:

Автор благодарит г-на Майкла Минасяна за содействие в работе над монографией. Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Армении. Автор благодарит Фонд “Национальная галерея” за содействие в издании книги.

УДК 791.43(479.25):791.44.071.1:75/76
ББК 85.373(2Ар)+85.14
Е 180

Епремян Лилит
Е 180 Эдвард Мирзоян в письмах и диалогах. – Ереван: “Тигран Мец”, 2011. – 616 с.

УДК 791.43(479.25):791.44.071.1:75/76
ББК 85.373(2Ар)+85.14

ISBN 978-99941-2-531-9

редактор
доктор искусствоведения
Маргарита Рухкян

визуальная концепция и оформление
Арутюн Самуэлян

фотография на обложке
Карэн Микаэлян

© Лилит Епремян, 2011
© Арутюн Самуэлян, дизайн и оформление, 2011
Отпечатано в типографии Издательства “Тигран Мец”

Посвящается моей дочери,
Шаганэ Микаэлян-Терлемезян

Два слова...

Книга эта рождалась непросто. Вопросом вопросов был выбор жанра первой развернутой монографии об одной из ключевых фигур в армянской музыкальной культуре советского и постсоветского времени Эдварде Мирзояне. Мемуары, музыковедческий анализ, элементы психоаналитического исследования, эпистолярное наследие, интервью соединились в итоге в своеобразном синтезе жанров, где ведущей драматургической составляющей стала переписка композитора, в основном публикуемая впервые. Письма, наряду с привычным алфавитным принципом их организации, даны в основном тексте монографии в контексте описываемых событий – как голоса очевидцев-современников, как спрессованная во времени позиция самих действующих лиц, доносимая из прошлого.

Книга писалась в непосредственном контакте с Мирзояном. Читателям будет интересна его точка зрения **(слова Мирзояна даны жирным шрифтом)**. Мирзоян мыслит на двух языках одновременно, вкус и аромат армяно-русского двуязычия я сохранила в русском тексте. При этом, естественно, возникла путаница с пунктуацией в двуязычных предложениях, поэтому оговорюсь, что точка в конце предложения в основном соответствует языку начала предложения /*точка в армянском языке совпадает с двоеточием в русском языке*/. Письма публикуются на языке оригинала, все армянские тексты даны в авторизованном переводе на русский язык.

Облегчена работа с комментариями – /*выделенные в скобках*/ они вкраплены в сам текст во избежание трудоемкого перелистывания объемного фолианта. Чтобы не перегружать книгу, о персоналиях даны самые необходимые унифицированные данные, независимо от степени известности человека /*фамилия, имя, специальность или должность упоминаемой личности*/[1].

[1] Опущены повторные комментарии о знаменитой “пятерке” композиторов – Александре (Котик) Арутюняне, Арно Бабаджаняне, Эдварде Мирзояне, Лазаре (Зарик) Сарьяне /*сын Мартироса Сарьяна*/ и Адаме (Адик) Худояне – в силу их чрезвычайно частого упоминания. По той же причине нет пояснений к персоналиям жены Э. Мирзояна Елены (Ляли) Степанян-Мирзоян, директора Музфонда Союза композиторов Армении Бабкена Сосяна, а также к некоторым именам с мировой известностью – композиторов Арама Хачатуряна, Дмитрия

Книга состоит из нескольких разделов. Основного – характеристики творческого пути с интермедийными вкраплениями размышлений современников о композиторе; эссе о некоторых известных учениках Мирзояна; диалогов с композитором; наконец, раздела избранных писем, уже в этом формате для удобства пользования представленных в традиционно-алфавитном порядке. Публикуются письма почти исключительно из архива Мирзояна,– переписка композитора в полном объеме – задача будущих исследований. Письма снабжены развернутыми комментариями Мирзояна и автора.

Автор благодарит за помощь в подготовке книги Медею Абрамян, Маргариту Рухкян, Аракси Сарьян, Эдуарда Татевосяна, Рубена Алтуняна, Ирину Тигранову, Марию Мависакалян, Цовинар Мовсисян, Марине Ароян, Эдуарда Айрапетяна, Левона Чаушяна, Рубена Саркисяна, Алексана Киракосяна, Генриха Игитяна, Алексея Симонова, Веру Тонконогову-Джагацпанян, Арсена Гадзияна, Генриха Бахчиняна, Самвела Карапетяна, редакцию газеты “Новое Время”, Музей литературы и искусства имени Чаренца, Армянскую психоаналитическую ассоциацию. В работе над книгой был учтен исследовательский опыт авторов первых монографических брошюр о Мирзояне –Терезы Аразян[2] и Маргариты Тер-Симонян[3], а также Армена Будагяна, записавшего “Фрагменты” – книгу воспоминаний Э. Мирзояна[4].

Особая благодарность за всемерную помощь и поддержку – супруге Эдварда Михайловича и главной распорядительнице архива Мирзояна Елене Мамиконовне Степанян-Мирзоян. И, конечно, удивительному – терпеливому и беспокойному, открытому и полифоничному, традиционному до консервативности и, одновременно, абсолютно свободному художнику ***Эдварду Мирзояну.***

Шостаковича, Тихона Хренникова, виолончелиста Мстислава Ростроповича, художника Мартироса Сарьяна и др.

[2] **Արազյան Թ.**, Էդվարդ Միրզոյան, Եր., 1963:

[3] Тер-Симонян М. Эдвард Мирзоян. М., 1969.

[4] Эдвард Мирзоян. Фрагменты. Ер., 2005.

Часть 1

Победитель

Каждый, кто, прочтя эту книгу,
обвинит меня в субъективизме,
окажется прав:
субъективизм – единственно
возможный подход для
беспристрастного исследования.

“Ты пишешь о Мирзояне? – спросил меня как-то один писатель-публицист с сочувственной интонацией в голосе. – Ну что можно о нем написать? Он что – диссидент?! Нет – лояльный режиму функционер”. В тот момент я ничего не ответила. Хочу ответить сейчас, но не ему – этого прекрасного человека по имени Валерий Айдинян уже нет... Это очень непросто понять и объяснить. Парадокс Мирзояна в том, что в этом лояльном почти всем сменившимся на его долгом веку властям, режимам и порядкам человеке скрыт интуитивный, мощный заряд ***культуры протеста***[5]. Ведь это именно он своим Квартетом открыл пути к философии “шестидесятничества” в армянской музыке. Именно он поразил обращением к откровенности, интимности интонации и максимальным самоограничением средств в эпоху мегаломании в звуках и образах. Именно он резко вырулил на повороте, радикально сменив акценты в приоритетах дальнейшего развития армянской композиторской школы. И обозначил главную линию – ***комитасовскую***, которая была еще далеко не так глубоко осознана, как сегодня.

Термин “шестидесятничество” настолько неоднозначен, что прибегать к нему здесь было с моей стороны, по крайней мере, рискованно. Но именно это понятие поможет приоткрыть завесу над загадкой неординарной личности нашего героя. Шестидесятничество определяется не открытым или скрытым диссидентством, не антимарксистскими взглядами, а своеобразной ***культурой протеста***, обозначенного сдвигом от монументальности к камерности, приватности, а главное – ***индивидуальной ответственности*** за идеалы гуманизма и личностности. “Шестидесятники создали больше, чем особую атмосферу, они создали особое публичное пространство. По существу, это был “параллельный полис”, /*но*/ формально он не был отделен от основного (официального) полиса, а находился внутри него”[6]. Шестидесятники были лично ответственны за все, что про-

[5] О тенденциях протестного переосмысления симфонического жанра в сторону его камернизации, в частности, на примере Симфонии Мирзояна см: Арановский М. Симфонические искания. М., 1979, с.173-183.

[6] Гусейнов А. Н. В. Мотрошилова и философы-шестидесятники. // Мотрошилова Н. Работы

исходило в стране, и потому не могли быть равнодушны ни к чему. Они стремились преобразовать социальный мир в соответствии с самыми высокими критериями, которые не были лозунгом или громкой формулой идеологического фронта. Эти критерии не были кем-то даны или спущены "сверху" – шестидесятники задавали их лично. Либеральные ценности достоинства и свободы личности утверждались не на словах, а собственным творчеством, которое обладало критериями нравственной заостренности. Они не отрицали светлого коммунистического будущего, а стремились найти к нему пути, осознавая собственную миссию как преобразователя, реорганизатора застарелых норм и шаблонов в искусстве и обществе.

Если мы коммунизм построить хотим,
трепачи на трибунах не требуются.
Коммунизм – это мой самый высший интим,
а о самом интимном не треплются.

Евг. Евтушенко

Конечно, задавая профессиональные критерии и в некотором смысле абсолютизируя их, шестидесятники в определенный момент не могли избежать кризиса этих критериев, ощущения их ограниченности или исчерпанности. Но сам масштаб личности их носителей, в том числе такой фигуры, как Мирзоян, которые интуитивно намного обгоняли свое время и умели угадывать будущее, обеспечил жизнеспособность этих идей.

"Шестидесятничество <...> функционировало так, как если бы представляло собой ***этическое состояние.*** Это единственное в своем роде сочетание социального и индивидуального, когда первое было скрыто, спрятано во втором, когда не общественные маски застывали на лицах, урезая, усредняя, омертвляя их, а, напротив, живые, трепетные лица просвечивали сквозь общественные маски, этот уникальный опыт неотчужденного существования в отчужденном и даже чуждом социуме составляет характерную черту шестидесятничества"[7].

Это проявлялось и в творчестве, и в общественной позиции Эдварда Мирзояна, который нес в себе настолько мощный заряд личной свободы преображения застарелых идеологических догм, что подобное качество не могло уйти в песок, раствориться в небытии. Именно это он, в первую очередь, передал своим ученикам и следующему поколению в целом, которое подпадает в разряд "младших шестидесятников" и которые, противопоставляясь своим предшественникам, не всегда осознавали эту тесную преемственную связь. Не осознавали и не признавали не потому, что были недостойными или неблагодарными людьми. Подобно психологическому бунту подростковости, периода мучительного процесса взросления, некоторые "младшие шестидесятники" закономерно отвергли в какой-то момент авторитет своих "родителей", пытаясь с рьяностью входящих в жизнь тинейджеров по-новому сконструировать новый мир идей и звуков. Естественный конфликт поколений здесь был усложнен тектоническим изломом эстетических и стилистических констант, веяний, проникших сквозь железный занавес советского идеологического фронта. Но все они, пройдя непростой путь собственного становления, признали магическую притягательность идей, заложенных в неповторимой композиторской интуиции Эдварда Мирзояна.

разных лет. М., 2005, с.4-12.
7. Там же.

О противостоянии "отцов" и "детей" свидетельствуют строчки Риммы Казаковой "В защиту поколения":

Поверив в свой приход, в свой
добрый случай,
как быстро позабыли вы о нас!
О том, что мы могли сильней и
лучше,
чем это получается у вас.
Но дерево расти не перестанет,
не пропадут ни жертвы, ни труды.
Мы – лес, мы – кроны,
вы – еще кустарник,
мы – ветки, вы – соцветья и
плоды.
Мы наглость вам простим и
озверелость,
наивной непогрешности тщету.
Когда вы, наконец, войдете в
зрелость,
еще мы будем в силе и в цвету.

Само время диктовало стиль и образ жизни "шестидесятничества" в самом раннем его проявлении, которое довольно отличалось от социальной картины мира нового поколения – младших 60-ов, 70-ов, 80-ов и др. Вот почему Мирзоян-композитор не мог соответствовать каноническому образу поэта-оракула, вознесенного над людьми и отделенного от них творческим даром непроходимой пропастью. Напротив, он – один из многих, и сила его – в умении растворяться в людях, жить ими и ради них.

На заданный то ли в шутку, то ли всерьез мой вопрос о том, какую роль он хотел бы сыграть в кино, если бы был артистом, Эдвард Мирзоян однажды ответил так: “Лет 20 назад мне задали тот же вопрос – я ответил: Арно Бабаджаняна. Сейчас я сыграл бы самого себя – такого, какой я есть на самом деле...” Может быть, через эту игру с вопросами-ответами, как и через многие едва уловимые детали и нюансы, Мирзоян хотел сказать что-то очень важное. О том, что в нем скрыта ТАЙНА, которую угадать, прочесть пока не удалось...

Как-то после концерта в зале имени А. Хачатуряна, где исполнялась Симфония Мирзояна, ко мне подошла композитор и журналист Наира Диванян с микрофоном. И я, под впечатлением от услышанного, в этот самый микрофон на всю Армению назвала Мирзояна одним из самых трагичных художников, который в жизни и творчестве существует в абсолютно разных измерениях... После телевизионной передачи реакция была неожиданной. “Как же, – в растерянности звонили Эдвард Михайлович и его прекрасная жена Елена Мамиконовна (Ляля), – как же так? Почему трагичный?! У нас же все так счастливо сложилось...” И тут Эдвард Михайлович, который умеет недоговаривать, но не умеет лгать самому себе, сказал любопытную фразу: “А может быть, ты права?..”

Ведь творчество и жизнь – это параллельные миры, которые, если и пересекаются, то только по чистой случайности. Вот он проходит по фойе концертного зала, останавливаясь на каждом шагу с сияющей улыбкой. И почти ничего не указывает на то, что этот простой и такой доступный каждому человек – посланник планетарной цивилизации. Он здесь – и одновременно не здесь. Он копается в мелочах суетного быта – и обладает масштабом глобального видения, угадывая направленность социальных и природных потрясений, человеческих судеб, творческих исканий. Он не волшебник, и не маг. Он – человек ***чувствующий***, секрет его угадывания – в силе интуиции.

Парадокс, но художники, которым подвластно ощущение вселенской боли, как правило, в конечном итоге из этой изнурительной борьбы выходят победителями (Бетховен, Чайковский). “Perpetuum mobile” Эдварда Мирзояна, возможно, точное отражение его несгибаемой, всепобеждающей воли – не случайно она избрана “темой главной партии” в фильме Алексея Симонова о Мирзояне “Перпетуум мобиле, или Альбом для внучки”.

Он победил смерть, которая преследовала его еще во чреве матери с занесенным над ней ножом в руках убийцы. По собственному признанию, лишь три дня из долгой жизни он не чувствовал физической боли, преодолевая ее с таким напором, что даже мысли об этом никто не допускал. А когда в последние годы уже не удается скрыть недомоганий, Мирзоян, мужественно преодолевая их, не оставляет без своего присутствия мало-мальски важных концертов, официальных приемов или обильных дружеских застолий.

Мы слишком привыкли обрамлять творческую личность Мирзояна именами великих предшественников, творцов-единомышленников, огромной команды друзей, учеников и последователей. Но Мирзоян вырвался из окружения, продиктованного биографией и судьбой. Как знак, как автономная, взрывная единица пассионарной энергии, он вышел в иное измерение, в некий абсолют. Его “штучные” сочинения – Квартет, Симфония, “Эпитафия”, которая пока не оценена в должной мере, и др. – вырвались в первый ряд в марафонском беге композиторской мысли XX века.

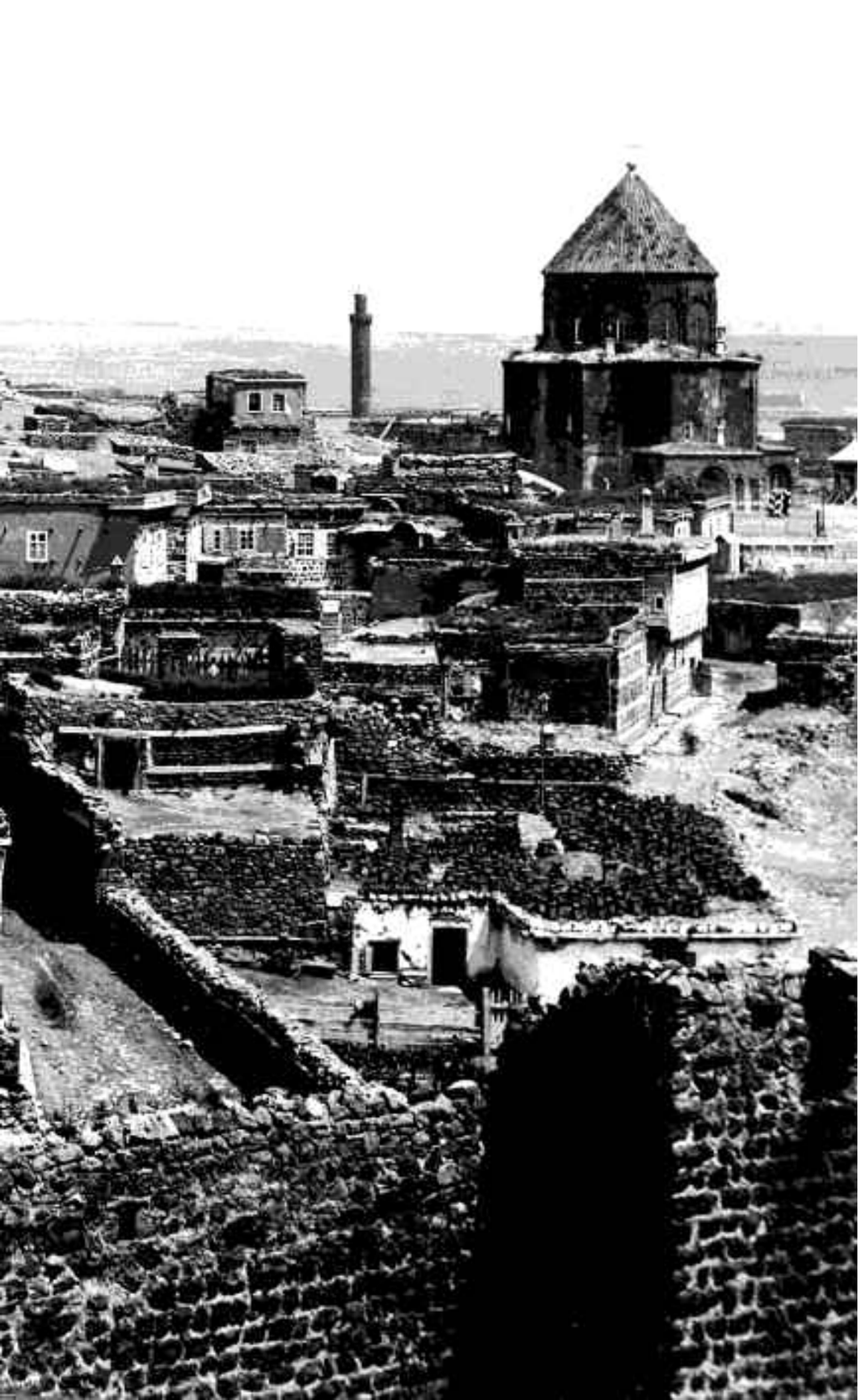
Мирзоян победил даже в немногословии. Он умеет не только взрываться ярким светом, но и уходить в темноту, в творческое инобытие, в упрямое безмолвие. Но и в этой мучительной немоте есть и своя философия, и ответ на упрек в молчании. В ней скрыто многое – и страх оказаться вне времени и духа экспериментаторства, и в то же время – неумение лгать и притворяться в искусстве. Мирзоян оказался первооткрывателем новой эстетики, нового мироощущения, новых путей в армянской музыке XX века. Но воцарившийся дух экспериментаторства как сверхидеи, к которому привела осевшая в умах установка на эксперимент любой ценой, вплоть до потери самой музыки, – был неприемлем для Мирзояна. И в напряженном ритме музыкально-общественной деятельности республики, где Эдвард Мирзоян был первым и непререкаемым авторитетом, его композиторские премьеры стали крайне редкими.

В этом молчаливом поединке он не избежал сомнения в своем призвании, которое он сам называет главным испытанием в жизни. Но творческий спор, который могло разрешить только Время, сегодня по крупному счету разрешился в его пользу. Пережив авангард, музыка возвращается к своим биологическим истокам, к естественной физиологии восприятия (Щедрин Р.). Но дело даже не в этом, потому что, вернувшись к “естественной физиологии восприятия”, мы обнаружили, что значительное число сочинений, не противоречащих этой самой физиологии, осталось в прошлом, стало рудиментом давно прошедших дней. Музыка же Мирзояна перешагнула в новый век, ведя свой диалог с современностью с позиций сегодняшнего дня, в котором по-настоящему ценно нечто принципиально иное. “По отношению к творческим методам, манерам, языку /*художника*/ практически не столь существенны вопросы “как” и “зачем”, ибо первое давно перестало интересовать ко всему привыкшую публику, а второе неизвестно даже самому художнику. Главным же становится вопрос “что”. А это “что” есть, в первую очередь, акт и результат реализации через мышление или чувство ее душевных коллизий, то есть отпечаток сиюминутного существования и самочувствования ее души”[8].

[8] Чириков И. Паломничество на “Третий этаж”. // “Искусство”, N 4, 1990, с.14-15.

Эдвард Мирзоян – это ***уникальная по глубине и тонкости тональность мысли и души, один из феноменальных исследовательских инструментов рефлексии и самопознания человечества.*** Реформаторов искусства XX век повидал немало, но тайные глубины человеческой души открылись, как и прежде, единицам.

Нельзя умолчать о победе Мирзояна еще в одной ипостаси. Мирзоян стал той фигурой в музыкальной жизни Армении, которая на протяжении десятилетий была катализатором наиболее интенсивного развития творческой мысли и инфраструктуры содружества композиторов. При подготовке книги мне довелось беседовать со многими музыкантами (и не только) о роли Мирзояна в качестве руководителя Союза композиторов. Люди эти представляли разные мнения, заполняя полную шкалу позиций в оценке этой стороны его деятельности: от активно-позитивной до резко-негативной. Последнее более чем естественно: человек, столь долгие годы возглавлявший в Армении творческую организацию и не имеющий противников, – нонсенс. Однако большим везением в истории армянской музыки можно назвать тот факт, что именно Мирзоян возглавлял эту организацию в решающие для самоутверждения армянской композиторской школы годы. По той простой и единственной причине, что подобным сплавом – человеческого, творческого, социально-креативного, коммуникативного, альтруистического, философского, дипломатического, организаторского талантов, ведомых талантом беспредельного жизнелюбия и непобедимой воли, – не обладал никто...



Глава 1

Это будет Эдик, и он будет музыкантом

***...В**есна 1921 года. Как изменился Карс за последнее время! Город невозможно узнать. Армян там уже нет. Нагруженные разворованным добром, турки и курды снуют по улицам. Как случилось, что город с десятью крепостями сдался почти без боя? – Карс был поднят на жертвенный алтарь турецко-большевистской дружбы. Армянские войска – те, которые остались в черте города, – сдавались целыми дивизиями вместе с руководством при единственном условии: прекратить резню населения, только бы сохранить людям жизнь. Армяне вновь рассчитывали на милосердие к "гяурам". Но население беспощадно вырезалось...

Люся Першангова (Փեժանգի), армянка из Гори, приехала в Карс повидать мужа. Чистой воды сумасбродство – как сюда можно было ехать? Ей всего 18, она ждет ребенка[9].

Где может быть ее муж, полковник Семен Алиханов? Где скрывается их воинская часть? Семен служил в царской армии, а теперь оказался в этом обреченном городе... Говорят, здесь можно укрыться в американском приюте для сирот, хотя в день по нескольку раз там проводятся обыски. Некоторым удалось бежать через горы в Александрапо́ль (Александро́поль). В Эривани уже хозяйничают большевики, расправившись с дашнаками и подавив бунт против большевистского террора. В Тифлисе, втором после Константинополя культурном центре армян, неспокойно: всего несколько месяцев, как большевикам удалось утвердиться и в Грузии...

Это случилось, потому что должно было случиться. Никто и не думал о ребенке, сейчас было не до этого. Но он решил родиться, и именно сейчас, благословив соединение двух судеб в пучине войны или, скорее, бойни. Он дал надежду на то, что будущее есть, оно возможно. Люся совершенно точно знала, что это будет мальчик – мысль о девочке она не допускала. "Это будет Эдик, и он будет музыкантом". Почему? Неужели здесь, у самой границы в ад, можно думать о музыке? Да, будет только так – и этот ее сценарий одоб-

[9] Возможно, паспортные данные Л. Першанговой не точны (1903 год вместо 1901-го), есть основания полагать, что она родила сына в 20, а не в 18 лет.

рила Судьба. Откуда у этой юной, хрупкой женщины столько сил и воли к жизни всему вопреки? Не это ли главное, что ей суждено передать в наследство сыну?

Когда в 1918 году Армения обрела независимость, армян со всего мира стали звать на Родину, – и сердце девушки из Гори отозвалось на призыв. Поднявшись в поезд, попросила проводника предупредить ее, как только пересекут границу, где она вышла из вагона и поцеловала землю. Была знакома с поэтом Егише Чаренцем настолько близко, что даже закатила ему как-то пощечину. Дома хранилась его книга с посвящением: «Զքսաղ նաիրուհուն» (“Прекрасной наирянке” /*Чаренц – автор поэмы “Страна Наири”*/).

Никто не знает, каким чудом Семену и Люсе удалось все-таки найти друг друга в этом обреченном городе. Люся не любила рассказывать о муже. Впоследствии она просто вычеркнула его из жизни – своей и сына. Горечь обид и разочарований убила в ней любовь к Семену Алиханову, и вспоминала она его только в пылу раздражения, чтобы бросить сыну в сердцах: “Ты такой же непутевый, как Алиханов...”

А пока стоял вопрос жизни и смерти. И ответственности перед зародившейся новой жизнью. Отряд Семы отступал, надо было бежать. Но как? Вместе им наверняка не выбраться. И Семен пошел на отчаянный шаг: он доверил беременную жену возничему-курду. “Как Сема оставляет меня одну?!” – с обидой и ужасом думала Люся, с недобрыми предчувствиями садясь в арбу, – беременных убивали с особой жестокостью. Но выбора не было, наверное, это наиболее верный путь. Семен хорошо заплатил возничему за то, чтобы тот довез ее до Караклиса. Может, обойдется, может, в самом деле удастся унести ноги...

По безлюдной дороге тащилась кляча, пробиваясь через непроходимые пути. Карс позади. Возничий ведет себя мирно, едет тихо, почти не оборачиваясь. Скоро она окажется дома, у родителей. Лишь бы Семе удалось поскорее приехать за ней... Ужасно хочется пить. Вот ручей, живительный источник. Она жадно припала к воде... Все произошло за долю секунды. Как часто потом перед ней вставала эта картина – как страшный сон, как неотвязное видение. Казалось, все это происходит не с ней. В зеркальной глади воды она увидела занесенный над головой кинжал. Мгновенно выхватила револьвер и, повернувшись, выстрелила в упор. Возничий упал замертво.

Согласно новейшим научным исследованиям[10], еще во чреве матери ребенок с седьмого месяца начинает видеть сны – эти сны передает ему мать: у него те же сны, и тем самым он имеет (или может иметь) доступ к ее бессознательной сфере. Могла ли Люся скрыть свою тревогу, страх и отчаяние от ребенка – единственного свидетеля того, что она видела на своем пути, на смертельно опасной “дороге жизни”?

...Она была как в забытьи, шла из последних сил. Счастье, что уже весна, не так холодно. На каждом шагу Люсю подстерегала опасность: турки занимали все новые населенные пункты, истребляя жителей. Ее могли заметить, и никто бы не нашел ее следов[11]. Люся не знала дороги, но безошибочное чутье подсказывало ей, куда идти. Она вышла к Караклису, добралась до вокзала. Ответственность за Эдика – ведь это будет мальчик, ее мальчик – давала ей веру в будущее и бесконечное желание жить. Белый флаг развевается над составом с тремя вагонами. Люся еле двигается, она почти босая, ноги изодраны в кровь. Она дрожит от страха, усталости и холода. Спасение близко. Люся подбегает к первому вагону – проводник не позволяет ей подняться, она бросается ко второму вагону – и там ей нет места. В отчаянии молодая женщина просит пропустить ее в третий вагон – снова отказ. Ей показалось, она сейчас упадет в изнеможении, слезы льются из глаз...

И тут случилось чудо. Пожилой мужчина с седой бородкой вступился за женщину. Он что-то сказал проводнику, и тот с неожиданной готовностью пропустил ее в поезд. Люся была спасена. Она еще не знала, кто этот рыцарь, который не дал ей погибнуть. Он сопровождал ее на протяжении всего пути до Тифлиса. Уже потом подарил ей свою фотографию с нежной дарственной надписью. Им оказался Ованес Туманян – великий и простой в общении, недосягаемый в своем призвании и такой доступный для каждого. Близкий и родной по духу будущему композитору Эдварду Мирзояну, который много лет спустя окончил консерваторию с симфонической поэмой по Туманяну “Лореци Сако” и в своем ощущении гармонии в искусстве и жизни следовал по пути, указанному “всеармянским поэтом”...

Эдвард появился на свет вскоре после возвращения Люси в Гори, 12 мая 1921 года, в родительском доме Люси, в помещении бывшего курятника. Его и дразнили потом из-за этого “курятника” – сарая с двумя смежными комнатами и кухней. Незадолго до того случилось несчастье – землетрясение катастрофических масштабов. Люся никогда не забудет этого кошмара – разверзлась земля, и языки пламени вырывались сквозь изломы. Прекрасно отстроенное поместье в самом центре Гори разрушилось, придавив хозяина. Багдасара, отца Люси, удалось спасти, но он больше не оправился. Пролежав некоторое время прикованным к постели, вскоре после землетрясения 1920 года Багдасар Першанги умер в возрасте 60 лет.

[10] Шутценбергер Анн Анселин. Синдром предков. М., 2001, с.187.

[11] По просьбе Э. Мирзояна в книге опущен раздел, посвященный описанию уничтожения турецкими и курдскими формированиями армянского мирного населения в регионе. Однако читатель, должно быть, представляет, что Л. Першангова гуляла далеко не по Английскому саду и, возможно, была свидетельницей страшных событий.

Появлению новой жизни в семье нередко предшествует потеря – младенец как бы перенимает эстафету рода. Только в этом случае потери армян и Армении оказались глобальными, катастрофическими: миллионы жизней, страна, культура, нация... Вселенская боль армянского народа, истребленного в первом геноциде XX века. На жертвенном алтаре оказалась и вся интеллигенция Западной Армении, и умолкший голос композиторского гения Комитаса...

Эдик родился сразу, как-то очень быстро, в два часа дня. Роды принимала акушерка Потапова – в свои 90 лет Эдвард Мирзоян явственно помнит эту фамилию. Все как-то сразу определилось. Вскоре Семену удалось вырваться из осажденного Карса. Он приехал в Гори и увез семью к себе в Тифлис. Жизнь Алихановых обрела новое измерение...

Ереван, 1931 год
Третий класс школы имени А. Шаумяна (фрагмент)
Эдик – во втором ряду справа, в том же ряду слева – племянник М. Мирзаяна и двоюродный брат Э. Мирзояна Зорик Варданян

Г л а в а 2

Истоки

После рождения Эдик пробыл в Гори только две недели, но в детстве каждый год приезжал сюда летом и именно это место на земле продолжает считать своей родиной. В Гори армянское население составляло значительную часть[12].

Фамилия деда – Першанги – говорила о многом. Это был знатный, известный армянский род потомственных поэтов. Дед мальчика, барин Багдасар Першанги, пользовался не только большим уважением и влиянием, но и любовью. Слуги же его просто боготворили за исключительно внимательное к себе отношение. Поговаривали, будто барин своих работников не только обеспечивает сполна, но даже замуж выдает с приданым. У него был чудесный яблоневый сад. Эдвард Мирзоян, как и его дедушка, всю жизнь обожает яблоки. Одним из символов дилижанского Дома творчества композиторов были цветущие яблони. Уже на склоне лет композитор разбил прекрасный сад и на своей даче в Карашамбе. Но так и не смог посадить любимые горийские яблоки – внешне непривлекательные, с ржавой кожурой, но фантастически вкусные: после Отечественной войны 1941-го в Армении их не стало.

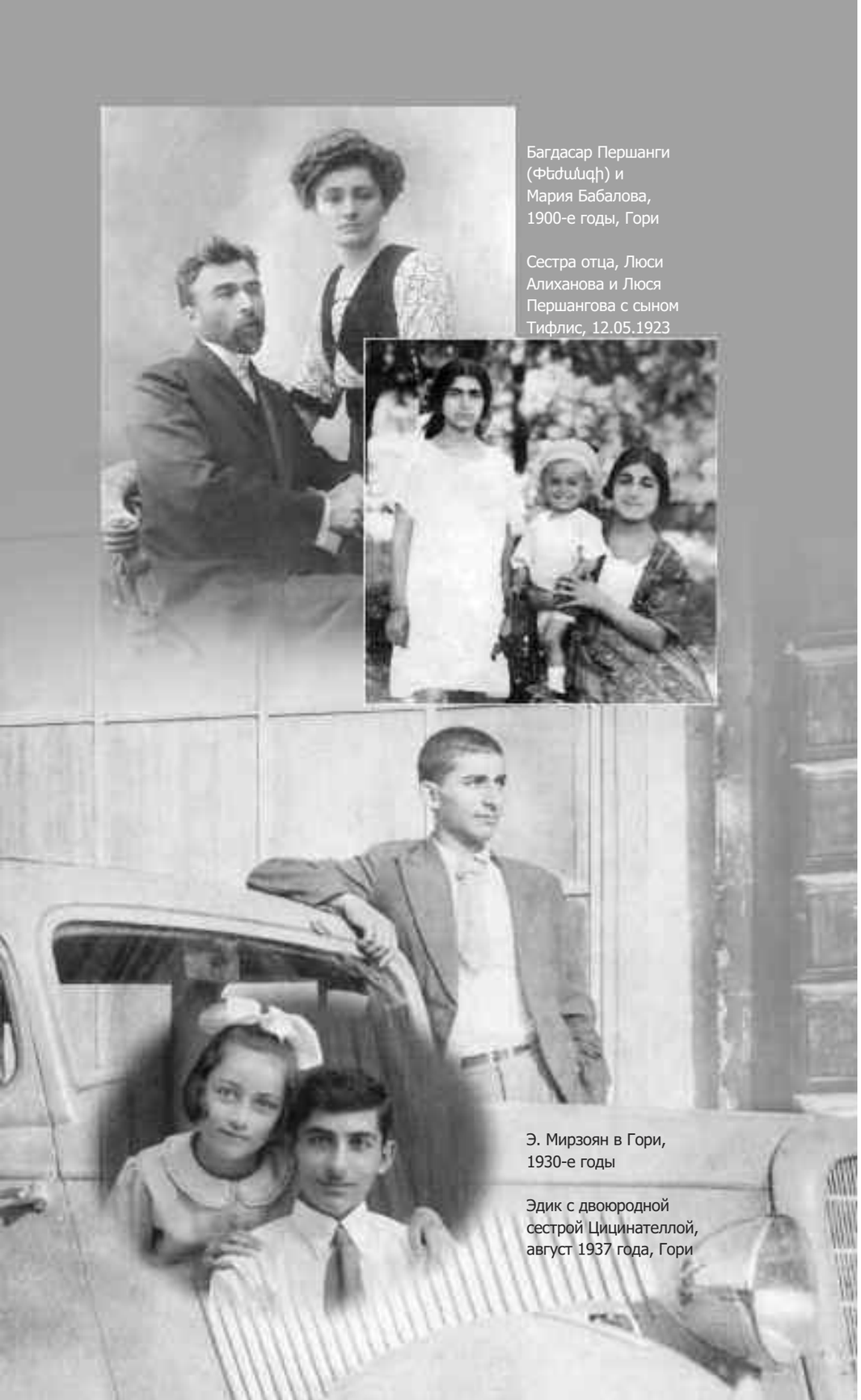
...А пока маленький Эдик, которого мама оставила на попечение своей сестры Жени, озорничает с дочкой Жени Цицинателлой (Цицна) и пишет трогательное послание в Эривань на русском языке, хотя и учится в армянской школе[13].

1931год
Дорогая мама,

Получил твое письмо. Я сидел у стола, завтракал и читал твое письмо. Очень рад, что тута поспела, но все равно ведь я не покушаю. Скажи детям, чтобы спрятали одну часть туты. Здесь очень прохладно,

[12] Это потомки тех армян, которые переселились из Ани в XI-XII веках. В 1916 году население в Гори составляло 18481 человек, из них грузин – 9554, армян – 7270, др. – 1857. (“Кавказский календарь 1917 г.”, Тифлис, 1916, с.190-193).

[13] Со второго класса из школы имени Абовяна перевелся в школу имени Шаумяна, а с 5-го по 8-ой учился в школе имени Крупской (ныне – имени Н. Агбаляна), продолжив образование в консерватории.



Багдасар Першанги (Փեժանգի) и Мария Бабалова, 1900-е годы, Гори

Сестра отца, Люси Алиханова и Люся Першангова с сыном Тифлис, 12.05.1923

Э. Мирзоян в Гори, 1930-е годы

Эдик с двоюродной сестрой Цицинателлой, август 1937 года, Гори

всегда идут дожди, идет град, как орех. Все здоровы. Если шалю – из-за Цицны, а пока Цицна в детском саду, совсем я никого не обижаю. <...>

Стараюсь терпеть Цицнины вещи. Я здесь иногда катаюсь на велосипеде.

Привет всем, целую ***Эдик***.

Эдик учится без особого рвения – гораздо больше, чем школьные уроки, его волнует ПРИРОДА, а особенно – собаки. Каждый день из школы домой его – грязного, вымазанного, – сопровождает целая свора собак. Худой, болезненный, ранимый, забитый мальчик (խեղճ, по собственному определению). За все школьные годы он только раз, не сдержавшись, не вытерпел обиды и полез драться с однокашником, будущим ученым Рафаэлом Ишханяном – победил, заставил извиниться. Впоследствии подруга детства, музыковед Маргарита Арутюнян, удивлялась, как жизнь изменила ее друзей. Из озорника и невозможного шалунишки Зарика вырос безупречный в своем поведении Лазарь Сарьян, а тихоня Эдик вдруг преобразился в того, кто часто без оглядки на общественное мнение собственной жизнью и творчеством менял привычные представления о самом понятии нормы и долженствования.

– **Знаешь, Лилит,** – говорит Мирзоян, – **я ни с кем особенно не делился, но представить себе не мог, что доживу до XXI века. О смерти я думаю с детства, потому что в детстве часто и довольно серьезно болел. Где-то в возрасте одного года я заболел дезинтерией. Потеряв всякую надежду на спасение, меня уложили на стол, накрыли простыней. Соседи пришли выразить сочувствие маме. И вдруг слышат мой стон – а я, оказывается, очень рано начал говорить. “Что хочешь?” – мама бросилась ко мне. “Хлеб... хочу...” Врач разрешил, поскольку надежды уже не было – ведь есть при этой болезни никак нельзя. Я поел. “Еще хочу...” И с этого момента стал поправляться. Потом серьезно болел скарлатиной. Позже обнаружили порок сердца – ночами я задыхался...**

...Одна из первых застывших в памяти “картин” детства. Эдику три годика, он болен, он совершенно один. Уставившись в одну точку, мальчик рассматривает орнамент на стене, только этим и занимая свое буйное воображение. Алиханова все нет, а мама – так сказал ему отец – умерла... И вдруг как ангел-хранитель, как спасительница входит тетя Лиза, которая пришла навестить его – одинокого и покинутого всеми. О бабушкиной сестре, тете Лизе, скромной учительнице, которая с бедняками занималась бесплатно, Эдик может рассказывать бесконечно. ...В 1962 году тетя Лиза серьезно заболела. Эдвард Мирзоян в те дни, как одержимый, записывал свою Симфонию, сочиненную еще семь лет назад. Сердце его колотилось в ожидании новостей. Наконец, звонок из Тбилиси: “Тете Лизе стало

лучше". И в хорошем, радостном настроении он пишет одну из наиболее трагических страниц творчества – третью часть Симфонии.

– Если бы с тетей Лизой что-нибудь случилось, я бы так и не записал Симфонию: я не в состоянии работать в плохом настроении, – признается Эдвард.

– Ну вот, он бы и эту симфонию не записал! – в отчаянии разводит руками Ляля.

– Как-то в Москве Котик[14] **получил письмо от Иры** /*впоследствии – жена А. Арутюняна*/ **– դոի ա տալիս (выговаривает ему за что-то). Котик делится, – на меня это действует, он тоже очень расстроен. В результате после нашего разговора он идет заниматься, а я не могу...**

***В* 1949 году я, Котик и Арно** /*Бабаджанян, композитор*/ **показали свои произведения на предмет исполнения на Пленуме СК СССР. Все три произведения были одобрены, и когда мы уже собирались выйти, Хренников вдруг неожиданно сказал:**

– Друзья, а правда, Эдик похож на молодого Сталина?

Все закивали: "Действительно, действительно..."

Я обернулся:

– А это не случайно...

– Как? – Хренников остолбенел.

Воцарилась напряженная тишина.

– Потому что я тоже родился в Гори...

Общий вздох облегчения... И хохот.

Регулярно, утром и вечером слушая на склоне лет радиостанцию "Свобода", Эдвард Михайлович как-то с воодушевлением рассказывал, что, по результатам социологического исследования, в вопросе, кого вы считаете самой значимой фигурой XX века, одну из ведущих позиций заняло имя Сталина. Несмотря ни на какие драмы личного и общественного характера, Эдвард Мирзоян так и не смог, не захотел вычеркнуть из своей жизни это имя. Оценка личности Сталина, зримо присутствующего в его жизни с самого рождения, никогда не была однозначной. Но убежденность в величии человека, который заставил считаться со своей страной целый мир, не оставляет Мирзояна, хотя у него было немало личных оснований для пересмотра своей позиции.

Одно из таких оснований – расстрел маминой сестры, тети Вари, которая нянчилась с маленьким Эдиком. Она работала в ЧК, когда исчезли важные документы, – и смертный приговор был незамедлительно приведен в исполнение. Но спустя некоторое время невиновность Вари стала очевидной. Следом за невинной жертвой полицейского государства расстреляли и человека, приговорившего

[14] Здесь и далее при отсутствии комментариев: Котик – композитор Александр Арутюнян.

ее к смертной казни. Это случилось в начале 20-х годов, в самом начале жизненного пути маленького Эдика.

Уже позже, когда мама, Люся Першангова, училась в Институте иностранных языков /*ныне – Лингвистический университет имени Брюсова*/, ее исключили по доносу однокурсницы – счастье, что обошлось без ссылки или расстрела. Однокурсница рассказала, что Люся распространяет слухи (рассказала по секрету как близкой подруге), будто Сталин вовсе не сын Виссариона Джугашвили – Люся ведь из Гори, она близко знает эту семью.

– Когда мы рассуждаем об истории, не учитываем главного: проблемы, противоречия существовали и существуют не только между армянами и условным противником, но в нас самих, в самом армянском мире. Прочтите письма Аветика Исаакяна своему другу, коммунисту Погосу Макинцяну, где он в ответ на уговоры Макинцяна вернуться в Армению откровенно признается, что боится. Ясно пишет о страхе перед большевизмом. А по большому счету, хотя в конце концов Варпет уцелел, он был прав. И его доводы о страхе перед большевизмом оправдались.

– А в Вас этот страх был?

– Откуда? 1937-й год прошел мимо меня, я еще ничего не смыслил, а родители скрывали.

– Но Вы ведь помните, как мама с отцом тайно сжигали в печке книгу с посвящением Чаренца или фото Микаэла Мирзаяна в дашнакском обмундировании. Вы ведь общались с Ервандом Кочаром – одной из миллионов жертв большевистской системы...

– Не забываю его слова, которые Ерванд сказал в те дни, когда жил вместе с нами в общежитии ДК в Москве: "Я в жизни совершил две ошибки: первая – что уехал из Тифлиса в Париж; вторая – что вернулся оттуда". В конечном итоге, он правильно сделал, что и поехал, и приехал. Потому что иначе мы бы не имели сегодня Кочара как национального художника в таком безусловном качестве – как автора Давида Сасунского...

От Эдика родители скрывали многое, стараясь не отягощать только вступающего в жизнь юношу конфликтами турков и армян, большевиков и дашнаков, русских и англичан... Но интуиция сына схватывала все – и, в первую очередь, ту непроговариваемую тревогу, которая проступала сквозь бравурные идеологические фанфары молодого советского государства[15].

[15] "Патогенная непроговариваемость пагубна не столько тем, что поддерживает в ребенке различного рода неосведомленности, сколько тем, что сквозь нее проходит непреодолимая тревога родителей о том, что они скрывают" (Cf.Soulé Michel et Verdier Pierre, *Le Secret sur les origines,* Paris, ESF, 1986, p.64, è Lani Martine, *A la recherche de la génération perdue*, Marseille, Hommes et perspectives, 1990).

...Из детства через всю свою жизнь Эдвард Мирзоян пронес глубокую драму, о которой не любит говорить, которую никогда не афишировал, но и не делал из этого тайны за семью печатями. Драму разлуки с отцом – Семеном Алихановым. Зато упоминая об отце, он непременно уточняет:

– **Мой отец, Микаэл Мирзаян...**

"Пока я жив, ни слова об этом...", – решил он в самом начале работы над книгой. Но рассказал обо всем откровенно, уставший от непосильного груза семейного табу.

Разрыв между родителями пришелся на 1924-1925-е годы и очень жестоко отозвался на ребенке, которому было только 3-4 годика. Впоследствии Эдик не осмеливался говорить с матерью об Алиханове, боясь причинить ей боль. Кто отец, из какого он рода, какой профессии, как потом сложилась его жизнь – об этом Эдику пришлось услышать от ...жены. Будучи родом из Тбилиси, она помнит Семена Алиханова:

"События начала века жестоко сломали судьбу многих, в том числе и Семена, полковника царской армии – доброго, улыбчивого, остроумного, – рассказывает Елена Мамиконовна. – Обычно он стоял у входа в мастерскую – привлекательный, представительный, в высоких сапогах – крагах. Этот немолодой уже человек поразил меня своей мужской привлекательностью. Мне хотелось, чтобы у красивых армян были дети, чтобы род их продолжался. И однажды я с каким-то необъяснимым волнением спросила у близкой подруги, с которой мы часто проходили мимо мастерской:

– Бедный дядя Сема, неужели у него нет семьи?

– У него в Ереване есть сын. Он музыкант.

Так я впервые услышала о своем будущем муже, конечно, не догадываясь, что речь идет именно об Эдварде Мирзояне".

– А где же твоя красивая подруга? – в свою очередь интересовался дядя Сема у лялиной попутчицы – отсутствие Ляли не оставалось незамеченным. Воистину, пути Господни неисповедимы...

Семен после развода с Люсей Першанговой был дважды женат, но больше детей у него не было. "У меня разрывается сердце, когда я думаю о тебе и Эдике", – писал он Люсе, которая осталась неумолимой в своем решении о разводе с мужем.

Сын композитора, Аршак Мирзоян, поблагодарил меня за то, что горе разлуки с дедом уже не придется замалчивать. "Твой отец – Микаэл Мирзаян, но мой дед – Семен Алиханов!" – сказал Арик Эдварду Мирзояну, мечтая найти и поклониться могиле деда, с которым его жестоко разлучили... Необъяснимый, мистический факт: маленький Арик, выходя во двор, называл себя другим именем – Симон (Семен?).

Остается только догадываться, к какому именно Алиханову восходит род композитора Э. Мирзояна. Сам он, раз и навсегда закрыв эту тему и потеряв все нити, соединяющие его с этой фамилией, не может не задаваться этим вопросом. Ведь речь идет не только о нем: генеалогия рода – понятие биологическое. Расставить точки над "i" не удастся и нам. Из однофамильцев (а некоторые из них были довольно известными людьми[16]) волею судьбы Эдвард Мирзоян познакомился и подружился с физиком ***Артемом Алиханяном (Алихановым).***

Листая сборник воспоминаний об Артеме Исааковиче, я заметила, как мнения об Алиханяне без всякой натяжки, один к одному ложатся на облик композитора. "Я не знаю, какой я физик, но физику в Армении создам я,"[17]– говорил Артем Алиханян, и эта фраза может стать ключевой в аналогии с Эдвардом Мирзояном.

Совпадение абсолютное в первой части "Я не знаю, какой я композитор...", фундаментально свойственное особому типу личности – генетическому интеллигенту с его постоянной способностью к рефлексии: "А может быть, я не прав?"

Совпадение относительное во второй – он создал, конечно, не композиторскую школу, но "жизненное пространство", инфраструктуру жизни и музыкального творчества многих и многих профессионалов в Армении – там, где после стольких потерь они нашли свой ДОМ, где совпадали понятия РОДИНА, ЭТНОС, КУЛЬТУРА и ИСКУССТВО.

"У Артюши было замечательное качество – его интересовало все"[18].

"Почти безусловная поддержка высшего, в частности, партийного руководства республики не раз помогала Артему Исааковичу положительно решать сложнейшие вопросы финансирования, строительства ускорителя, развития института, проблемы отношений между ним и некоторыми сотрудниками института"[19].

"Я показал Алиханяну свои результаты. Одно его замечание я хорошо запомнил: "Сложность экспериментальной установки является ее существенным недостатком". С тех пор я невзлюбил слово "сложный" и часто замечаю, что его употреблением люди часто скрывают свое непонимание предмета"[20].

"А. И. многого достиг, многое ему удавалось, и он верил в свою удачу. Это рождало такой напор и такую энергию, против которых чиновникам было трудно устоять"[21].

"Нам всегда казалось самым необычным в Артеме Исааковиче то, что он каждый день своей жизни живет так, как будто именно завтра сделает то открытие, к которому стремился всю жизнь. И он бросает все силы на выполнение этой задачи. Философский прин-

---

[16] Константин Алиханов – пианист, музыкально-общественный деятель, один из основателей Тбилисской консерватории; Георгий (Геворк) Алиханов – Первый секретарь ЦК КП Армении (1920-1921) */отчим Елены Боннэр/* и др.

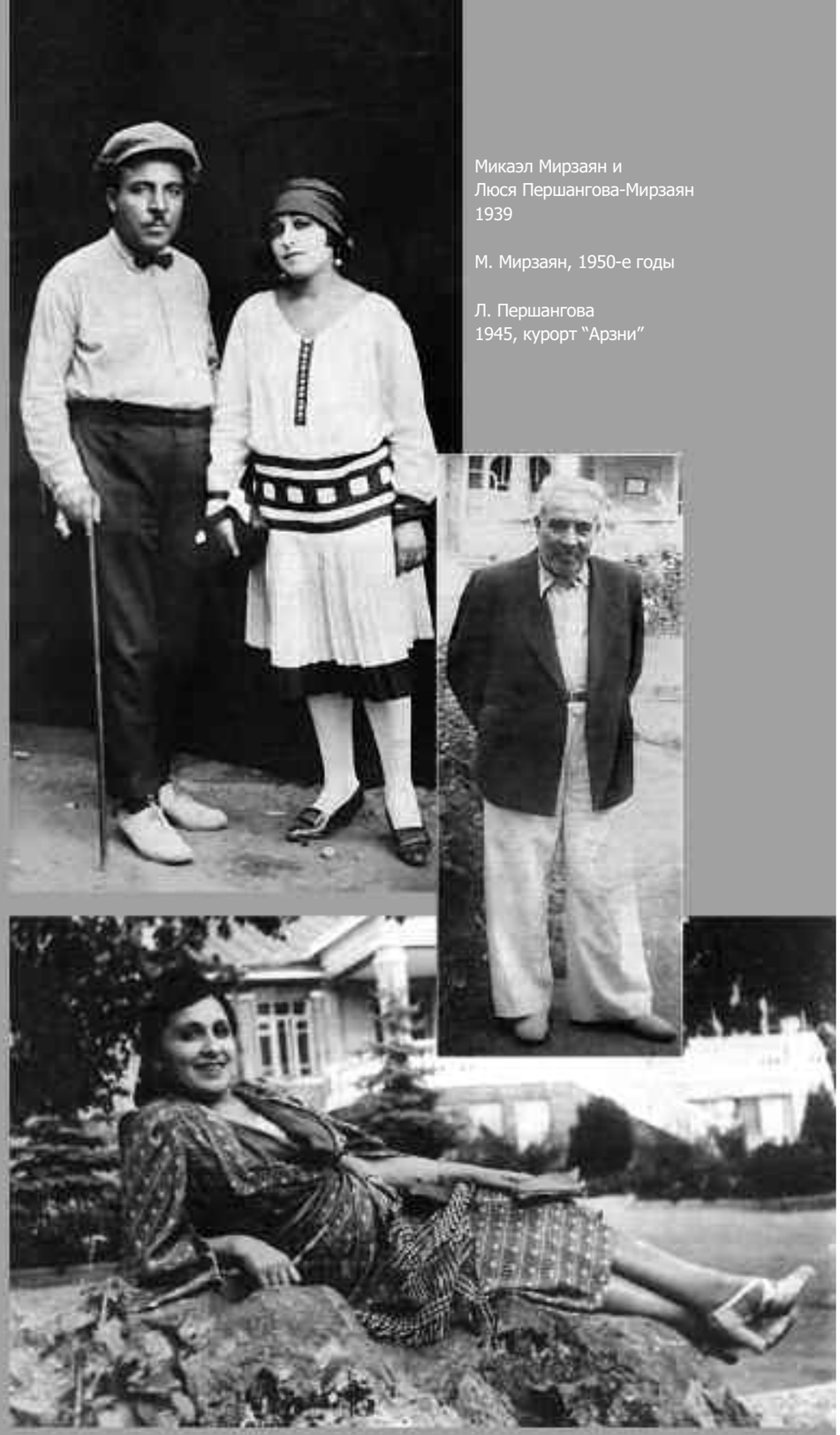
[17] "Я не знаю, какой я физик, но физику в Армении создам я". // "НВ", 26.06.2003, публ. Кананової Н.

[18] Арцимович Н. Помним и чтим. // Алиханян А. Очерки, воспоминания, документы. М., 2000, с.98.

[19] Аматуни А. Черты характера. // Там же, с.90.

[20] Гальпер А. Уроки Алиханяна. // Там же, с.132.

[21] Мерзон Г. В поле притяжения. // Там же, с.227-228.



Микаэл Мирзаян и
Люся Першангова-Мирзаян
1939

М. Мирзаян, 1950-е годы

Л. Першангова
1945, курорт "Арзни"

цип Эпикура: "Живи так, как будто это твой последний день и как будто у тебя впереди еще 100 лет жизни"[22].

– Когда однажды мы с Артемом Алиханяном ехали на Арагац, – рассказывает Эдвард Мирзоян, – **я, чувствуя духовную близость с ним, готов был, уже хотел сказать, что, возможно, мы с ним родственники... Но – не смог, не решился – не знаю почему...**

С Алиханяном мы были друзьями, нас многое связывало. А сейчас мне кажется, что в чем-то похожи и наши судьбы...

Когда я выезжал в Москву, Артем Исаакович доверял мне ключи от своей квартиры, где я не раз останавливался. Музыку к фильму "Сегодня солнечный день"[23] я писал там. Помню, в его комнате на рояле стоял большой портрет Нины Шостакович */физик, первая жена Дмитрия Шостаковича/*, **трагически скончавшейся в Армении.**

Они оба профессионалы, посвятившие всю жизнь организации науки или искусства. Оба принимали личное участие в судьбе коллег, противостояли идеологическому давлению сверху, старались всемерно содействовать общей атмосфере творческого роста, налаживая связи с зарубежными специалистами. При их участии были построены производственные и жилые комплексы для "физиков" и "лириков", оба были депутатами Верховного Совета. В чем-то похоже сложилось и завершение их карьеры...

...Самым первым воспоминанием детства, окрашенным сильной, невероятной радостью, стало чудо. Чудо обретения МАТЕРИ. Эдику внушили, что мамы больше нет – она умерла. Трехлетнему малышу пришлось вынести этот удар беспощадной, уничтожающей силы. И вот, в Тифлисе, на резном деревянном балконе отцовского дома, присев на корточки, он часами наблюдал за детскими играми во дворе. И вдруг видит поднимавшуюся по лестнице женщину. "Увидев ее улыбку, я молниеносно почувствовал: ЭТО МАМА! "

Обретение матери обернулось потерей отца. Люся похитила ребенка, не рассчитывая на согласие Алиханова навсегда расстаться с Эдиком. Запутавшись в жизни, в которой полковник царской армии был уже совершенно "лишним", Семен не находил себе места. Люся приняла решение и, порвав все отношения, уехала в Ереван. Там по воле судьбы встретила благородного неординарного, талантливого человека, композитора с тифлисскими корнями Микаэла Мирзаяна, который сделал ей предложение с готовностью усыновить ребенка. Она тайком вывезла Эдика и дала ему новую фамилию, не отвечая на письма бывшего мужа с мольбами и требованиями вернуть сына.

---

[22] Аматуни А., Валюх Н., Лазиев Э. Биографические очерки об Алиханове. // Там же, с.42.
[23] "Сегодня солнечный день", 1975, реж. Л. Вагаршян (фильм посвящен герою французского Сопротивления Мисаку Манушяну).

...Как-то в Гори отчим, Микаэл Мирзаян, сел за фортепиано и для проказницы Цицны сходу перевел свою знаменитую песню «Տոնաձառ ջան, տոնաձառ» (“Тонацар джан, тонацар”) на грузинский язык. Кстати, феномен этой детской песни абсолютно необъясним. Каким образом уже практически целый век она не сходит с уст детей и взрослых, сохраняя лидерство в своем жанре при любом историческом и нравственном раскладе сил, – уму непостижимо. Зато как гордится приемным отцом маленький Эдик! Папа не только стал одним из организаторов музыкальной школы имени Спендиарова, но и открыл детский музыкальный театр с солидным репертуаром. Костюмы и декорации шила мама, а Эдик готовил билеты с фамильной печатью “Микаэл Мирзаян”.

...Спустя несколько лет, когда мальчику было лет шесть, мама повезла его в Сурами. В крепости было темно, ничего не было видно, но Эдик знал, что там должен быть его настоящий отец. И все же не ожидал, когда кто-то его обнял, воскликнув: “Эдик, сыночек...” Мальчик страшно испугался, сильно ударил отца в грудь и убежал. От нервного стресса у Эдика подскочила температура.

Дело в том, что Алиханова Эдик начисто забыл – Семен практически не занимался ребенком. Зато папиного брата, дядю Костю, он помнил очень хорошо: тот, забавляя маленького племянника, как-то показал ему яблоко – и тут же целиком положил его в рот. Эдик, по собственному определению, “просто обалдел” от восторга. Он хорошо помнил дядю и без труда узнал его спустя годы.

...Шел 1944-ый год, 23-летний демобилизовавшийся из армии композитор Эдвард Мирзоян вместе с отцом Микаэлом Мирзаяном участвовал в Декаде музыки Закавказья, проходившей в Тбилиси, где исполнялась его симфоническая поэма “Героям Отечественной войны”. Администратор Тбилисской филармонии передал, что корреспондент местной газеты желает встретиться с молодым композитором. Его отвезли в гостиничный номер, где состоялась неожиданная встреча отца и сына. По характеристике Эдика, это был интересный мужчина с курчавыми волосами, но черты лица стерлись из памяти. Алиханов дарит сыну часы. “А у меня есть”, – гордо отказывается Эдик: в 1938-ом, к окончанию школы, родители подарили ему часы фирмы “Мозер”, и, кроме того, в качестве подарка он вместе с Микаэлом Мирзаяном поехал в Москву и Ленинград. “Ничего, пусть мои базарные часы тоже будут”, – настаивает Алиханов. По инициативе Люси Богдановны, которая тоже в эти дни была в Тбилиси, мать и сын вместе заходят в гости к тете Люсе (тоже Люся!), сестре Алиханова. За столом, пытаясь преодолеть возникшее напряжение, отец беспрестанно говорит – о политике, о войне... И тут происходит нечто непредвиденное: Алиханов предлагает тост за маму. В ответ Эдвард Мирзоян демонстративно проявляет характер: “А я пью за маму и моего отца Микаэла Мирзаяна”...

Встреча развалилась, все разошлись, стало совершенно очевидным, что сын навсегда потерян для Алиханова.

...Когда Люся рассказала мужу о происшедшем, Микаэл дрогнувшим голосом сказал, что понимает отцовские чувства Алиханова, и резко подошел к окну – до этого случая Эдик его плачущим не видел.

– Вот сейчас, с высоты прожитых лет, я понимаю, что по отношению к Алиханову поступил неправильно. Мне искренне жаль, что связь с отцом была прервана, что мама взяла на себя непомерную ответственность – лишить меня возможности общения с Семеном Алихановым, срубить корень, из которого я был взращен. Но в те годы я был более чем уверен, что прав – ведь я очень любил Микаэла Мирзаяна...

Смерть настигла его так неожиданно, в 1958-ом. В тот год я уже был председателем Союза композиторов и впервые мог его реально отблагодарить за все, что он для меня сделал. Еще 20 лет назад он получил звание Заслуженного деятеля искусств, но персональной пенсии ему не назначили. Я пошел с этим вопросом в правительство, где мне обещали посодействовать. Пенсия по старости составляла 1200 рублей, а персональная – только 1000, но предусматривала льготы. Я проследил, чтобы эти 200 рублей сохранились. Отец всегда был сдержан в выражении чувств: он поцеловал меня в щечку – и все.

Но тех скупых мужских слез Микаэл сдержать не смог...

“Я воспитываю своего врага, чтоб он стал моим другом” – вот главный принцип воспитания Люси Богдановны, женщины поразительно яркой, но строгой, и даже суровой. “Как она меня била!”, – сжимаясь всем телом будто от физической боли, вспоминает композитор. Так закалялась сталь мирзояновского своенравного характера, который, вынужденно беспрекословно подчиняясь, всегда находил способ добиться своего. Сломать его упрямый норов оказалось невозможно – он доказал это и маме, и жене, и властям, и недругам, и миру – и творчеством, и всей своей неуемной страстью к жизни. Но Боже мой, как тяжело ему доставалось право на собственное “Я”!

– С детских лет я был очень упрям. Мы жили на Спандаряна, 15, в двухэтажном доме, туалет был расположен во дворе. Шел дождь, поэтому в туалет я пошел в пальто и кепке, подошел к умывальнику. Умываюсь. Мама вышла: “Сними кепку!” Мне не понравился тон. Второй раз вышла: “Я тебе сказала, сними кепку!” В третий раз выходит, я – ноль внимания. “Ах так!..” В руках у нее был чайник с заваркой. Она опрокинула чайник в таз с помоями, содрала с меня кепку, и, основательно окунув ее в эту жижу, швырнула как можно дальше. Кепка застряла на соседском заборе. Я, как ни в чем не бывало, удалился. Сели пить чай. Молчание, никакой реакции родителей. Две недели с лишним эта

кепка висела на заборе – грязная, кривая, с засохшими под палящим солнцем чаинками... Это тот редкий случай, когда я не понес никакого наказания за проявление своего строптивого характера.

Люся Богдановна сыграла в его жизни определяющую роль. Она прожила около 90 лет и скончалась незадолго до 70-летия сына, но и в этом возрасте он пережил эту потерю как потрясение. Актриса театра имени Сундукяна, обладательница красивого голоса, который она обрабатывала в Ереванской консерватории, артистка хора Театра оперы и балета имени Спендиарова Люся Першангова не стала гоняться за карьерой. Как истинная женщина, она сделала выбор в пользу семьи и сына, которому была бесконечно предана. Она была и до сегодняшнего дня остается для него высшим и непререкаемым авторитетом, который так и не был до конца преодолен, низвергнут с высокого пьедестала родительского императива. Всегда – и в 5, и в 40, и в 70 лет – Эдик оставался для нее все тем же ребенком, которого нужно было оберегать, наставлять и вести по этой нелегкой жизни. Привожу здесь лишь одно письмо (периода гастрольного турне Мирзояна с квартетом имени Комитаса в США), свидетельствующее о безмерной любви и заботе Люси Богдановны.

04.02.1963

Мой Эдик, дорогой сын!

С чего начать писать, так много на душе, сердце. Одно скажу, что все мои мысли, все мои волнения – с тобой. Какая была радость, когда позвонили из Москвы, что ты с Гариком /*Орбелян, американский бизнесмен, брат композитора Константина Орбеляна*/ позвонили из Сан-Франциско, потом получила все открытки, думала, что так будет и дальше, но ты замолчал, видимо, трудно. А я, как всегда, ищу лазейку, чтобы узнать что-нибудь о тебе, о вас всех, таких близких. Наконец, вчера достала газеты “Лрабер”/*армянская газета в США*/ до 24 января. Там только объявления, узнала более точно о маршруте, хотя до этого из Москвы получила расписание от жены Генриха /*Талалян, альтист квартета имени Комитаса*/. Знаем, в каком городе бываешь и когда, и вот я мысленно с тобой. Например, сегодня 4-е февраля, вы в Вашингтоне, 6-го февраля Чикаго и т.д. Надеюсь, молюсь, что все у вас идет нормально, считаю дни, часы, когда наступит счастливый день – увижу тебя. <...> Знаю, что у вас холодно, в Европе тоже, а у нас на радость теплая, солнечная зима. Даже в газете писали: “Весна зимой”. Все время плюсовая температура. У нас все здоровы, все нормально, если можно назвать нормальным мое состояние.

Я не привыкла, чтобы от тебя долго не было известий. Дядя Саша, Женя /*брат и сестра Л. Першанговой*/ все время спрашивают о твоем путешествии. Друзья, знакомые, доброжелатели, чужие, все спрашивают о тебе, о квартете /*имени Комитаса*/, ждут-не дождутся, когда встретятся с тобой и ты расскажешь о впечатлениях. Пресса

наша молчит. Я видела Сергея Барсегяна /*журналист*/, он тоже удивлен: ТАСС сообщает о победе Игоря Тер-Ованесяна, Брумеле /*легкоатлеты*/, прыгунах, а о вас ни слова. Звонили в Москву, Виктору Карапетяну /*журналист*/, тоже никаких сообщений. Если там есть что-нибудь, то привези с собой. Это письмо присылаю на адрес “Лрабера” – думаю, получишь, это будет уже в конце поездки, но все же ты о нас /*у*/знаешь что-нибудь. Как я благодарна Гарику, не можешь себе представить! Не задаю никаких вопросов, хотя их миллион, приедешь, все расскажешь. Надеюсь, ты пишешь заметки, ведь это очень интересно побывать в такой стране, как Америка.

Вчера с детьми были в цирке – хороший он у нас, культурный. Бываю на концертах, спектаклях, убиваю дни в работе, хождении, и все же дни бегут медленно. Даже чтение не помогает. Вчера мать Геворка Эмина была у Сони /*мать Константина и Гарри Орбелянов*/, спрашивает, есть ли о вас весточка. Тоже, бедняжка, тоскует по сыну /*композитор Вазген Мурадян, брат поэта Г. Эмина*/. Мне сказали, что он работает в офисе “Лрабер”. Передай ему, что у них дома все хорошо.

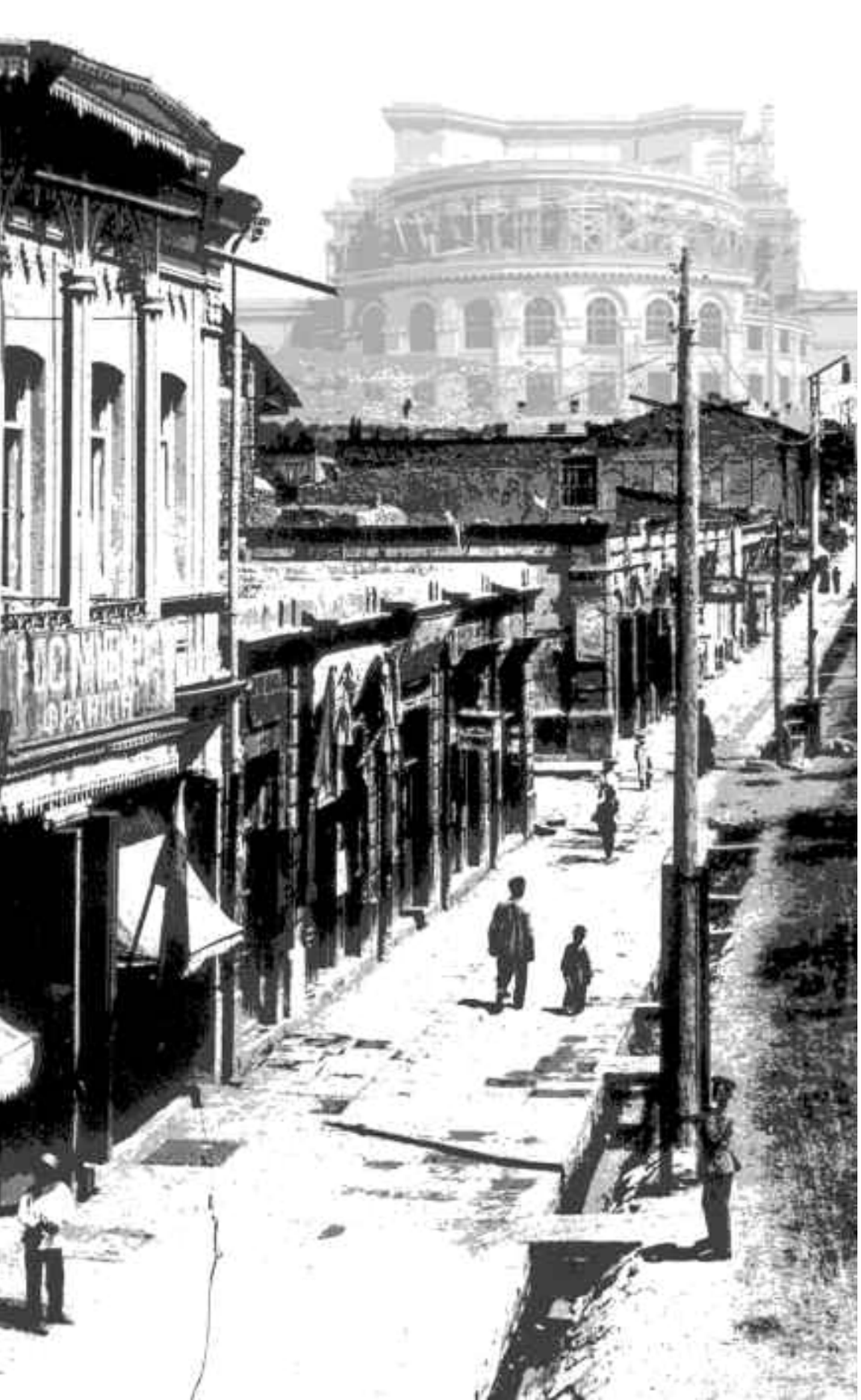
Эдик, мой родной! <...> Передай всем комитасовцам мое сердечное спасибо за все, что они для тебя делают, а что они помогают тебе, я в этом не сомневаюсь. Приветы им сердечные, желаю большого успеха, здоровья и благополучного возвращения на Родину. Гордимся ими, нашими большими артистами-музыкантами.

<...> Будь здоров, следи за собой, будь осторожен во всем.

Целую тебя, мой Эдик, жду с нетерпением.

Возможно, что Ляля приедет в Москву тебя встречать.

Твоя мама.



Г л а в а 3

Мимолетности

Дом на улице Абовяна, где жил маленький Эдик (чуть выше церкви Կաթողիկե /*Катогике*/), представлял из себя двухэтажный сарай с маленьким окошком, выходящим на улицу.

– ***Ваша любимая улица в Ереване?***

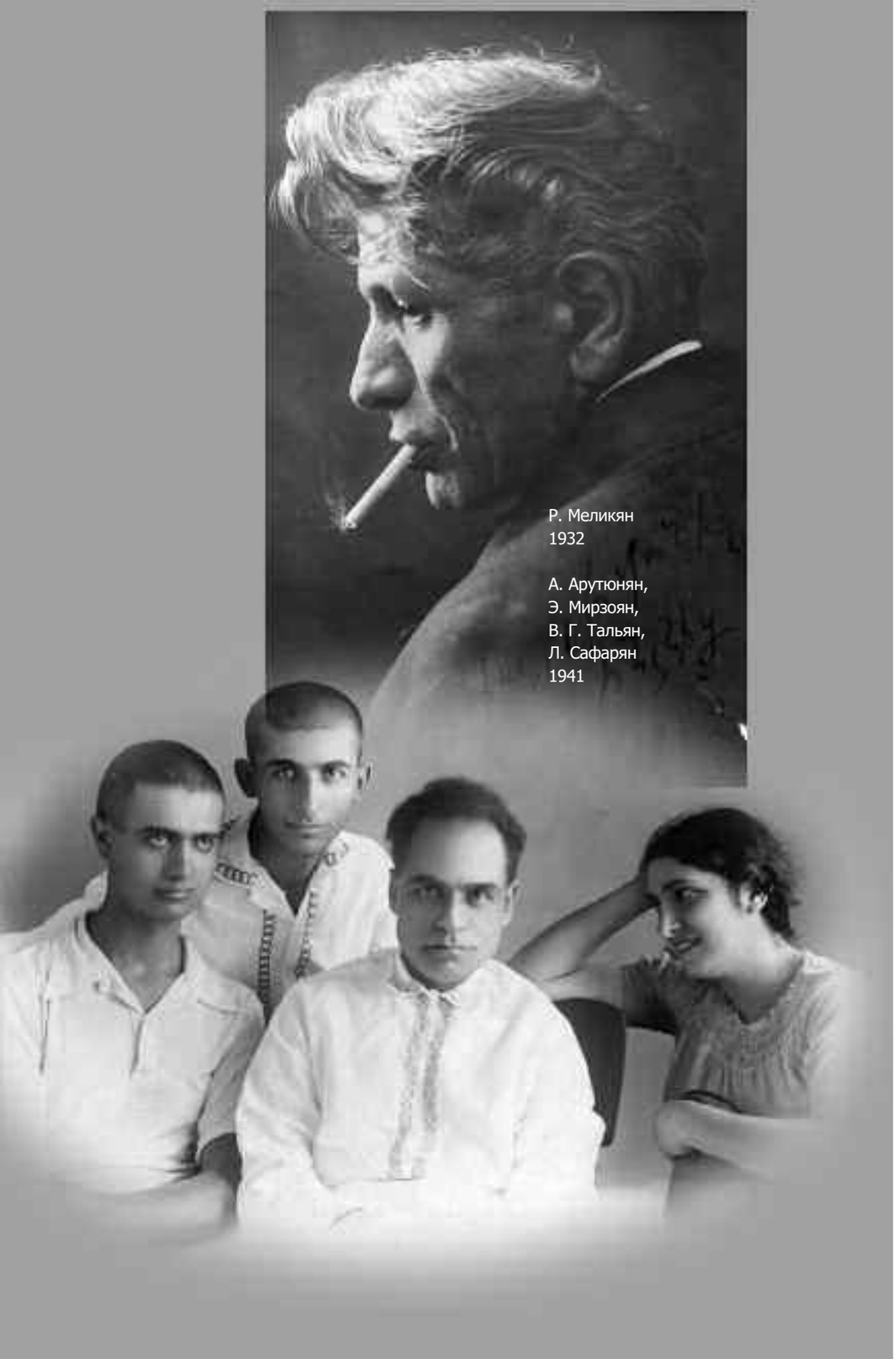
– **Ее уже нет: улица Абовяна 20-30-х с канавками.**

У канавки всегда сидел Хосров-բիձա /*бидза –старик*/, в небольшом картонном ящике которого помещался целый универмаг: от катушки с нитками до угля и винограда. Этот образ врезался в память маленького мальчика как одна из колоритных картин старого Еревана.

В том доме бывали многие знаменитости – Александр Спендиаров, Спиридон и Романос Меликяны, Аршак Адамян и другие. Потолок был сложен из бревен и камыша, мама заклеила его газетами. Но какой был конфуз, когда дядя Спиридон, такой большой и высокий, во время тоста встал и, подняв бокал, разорвал бумагу, – на стол с потолка посыпался мышиный помет...

Жизнеописание юного Эдика немыслимо вне эпохи – эпохи становления новой Армении и рождения ***Еревана*** – города розового туфа, города романтической и дерзновенной мечты Александра Таманяна. И если здание Оперного театра воспринимается сегодня нами как данность, как сердце города, то для маленького Эдика – это еще и часть собственной биографии.

Когда на месте городских садов уже началось строительство Оперного театра, Эдик учился примерно в 3-4 классе школы имени Шаумяна. И как-то они с соседским мальчиком, Вазгеном Авакяном /*впоследствии директор кукольного театра*/, убежав с уроков, отправились на прогулку. Подошли к стройке, где велись работы по закладке фундамента. Рабочих на месте не оказалось, и дети из любопытства полезли вглубь, где на рельсах стояла вагонетка. Эдик поднялся на вагонетку, а Вазген – может, случайно, а может, из желания подшутить – сдвинул деревянный брусок у колес. Вагонетка покатилась, Эдика несет, вот сейчас во что-нибудь врежется (Հան սատակ կլնեմ)! В последний момент, к счастью, он успел спрыгнуть. Поднялся шум, Эдик с Вазгеном в панике стали убегать, за ними с оглушительным свистом погнался милиционер. Эдик бежал



Р. Меликян
1932

А. Арутюнян,
Э. Мирзоян,
В. Г. Тальян,
Л. Сафарян
1941

быстрее, а Вазген, в страхе все оборачиваясь, со всего размаху врезался головой в столб и упал. Его поймали, Эдик насилу унес ноги.

– Как ни в чем не бывало пришел домой. Сижу, занимаюсь по фортепиано и вдруг в окне замечаю направляющегося прямо к нам милиционера. Ты представляешь, что было со мной?! УЖАС! Дрожу буквально, но продолжаю играть. Он стал разговаривать с мамой. Мама, ни о чем не подозревая, убедила его в том, что я был в школе, сразу после уроков пришел домой и теперь старательно занимаюсь. Милиционер, к моей великой радости, решив, что это недоразумение, ушел. Но я здорово испугался – так, что этот случай до сих пор не выходит из памяти.

...Организаторский талант у меня проявился с детства. Я любил чувствовать себя лидером – собирал во дворе детей, проводил с ними беседу с идеологическим или философским уклоном, чуть ли не лекции им читал. Однажды, уже когда мы жили недалеко от консерватории, на Спандаряна, 15, мне взбрело в голову убрать во дворе попадавшие под ноги мелкие осколки мрамора: почему-то я связал их с религией, а нас воспитывали атеистами. И вот, внушил детям мысль о том, что камни – проявление злых, черных сил. Поэтому брать их руками никак нельзя – только палками. Мы вырыли яму и закопали эти злосчастные камушки...

Вел беседы о Ленине. Рассказывал, какой он был добрый, боролся с капиталистами, заботился о бедных. Дети слушали, затаив дыхание. Помню, как организовал "семинар" по книжке "Пять лет без Ленина" (1929-ый год, мне 8 лет). И вдруг один из ребят меня спрашивает: «Էդիկ, Լենինը հայերեն գիտեր» ("Эдик, а Ленин армянский знал?"). Критический момент – что я должен ответить? «Լենինը հայերեն գիտեր: Բայց չէր խոսում» ("Знал, – нашелся я. – Но на армянском не говорил"):

...Ребята горько плакали, когда узнали, что умер дядя Романос – он всех их так любил. Романос Меликян, близкий друг Микаэла Мирзаяна, очень часто с работы заходил к ним. Детищу Романоса – студии, преобразованной в консерваторию, было ровно столько лет, сколько Эдику. Мало кто из детей задумывался, что дядя Романос – этот переполошивший весь двор охотник с настоящим ружьем, собаками и ягдташем с дичью, который так вкусно готовит на костре, сам накрывает на стол и угощает всех, – не просто шутник и каламбур. А настоящий герой, в труднейших условиях складывающий по кирпичику музыкальный фундамент новой, советской Армении – дело, которое продолжит и Эдик. Тот самый Романос, который – Эдик это прекрасно помнит – с отчаянием в голосе говорил папе: "Куда мне ехать? Не поеду я ни на какую конференцию. Что там позориться? Голова седая, а званий никаких – кто я такой, что я скажу, как буду представлять Армению?" Откуда

ему было знать, что много позже вот этот самый мальчик станет организатором его юбилейных торжеств, которому жена Р. Меликяна, Арус Бабалян, напишет в письме: “Дорогой Эдик! Я не могу обратиться ни к кому, кроме Вас, решительно ни к кому. Я никому не верю, а верю только в Ваше отношение, верю только в Вас. Я уверена, что Вам, именно Вам все удастся. Вас так высоко ценят. Вас так любят. И так считаются с Вами везде, везде. ... Говорю Вам все, все как духовнику на исповеди. Говорю Вам, и только Вам как близкому, родному человеку”/*из письма 02.02, конец 60-х годов*/.

...Безупречный вкус, тонкая, импрессионистически прозрачная звукопись, деликатность музыкального языка дяди Романоса подспудно завладели сознанием Эдика и впоследствии стали частью собственного стиля. Богатый гармонический язык, многослойность ткани с отчетливым разграничением фактурных слоев, максимальная избирательность и предельная концентрация выразительных средств – все это впитывалось юным композитором, формируя вкусовые и стилистические приоритеты. Именно Романос Меликян, “крестный отец” Эдика в творчестве, благословил его на композиторский путь: первую пьесу “Кровавое воскресенье” он хвалил, а вторую Эдик писал уже после смерти Романоса в посвящение своему кумиру. Начало оказалось удачным, появились хвалебные статьи в прессе, которые, впрочем, стали исключением в непростой биографии начинающего композитора.

«Պիոներ կանչ», 06.05.1935
Շնորհալի Էդիկը

«Էդիկ Միրզոյանն իր երաժշտական ընդունակությունները հանդես է բերել շատ փոքր հասակից: Այժմ նա 13 տարեկան է: Առաջին անգամ նա գրեց դաշնամուրի համար քայլերգ 11 տարեկան հասակում: Թե՛ առաջին երգը և թե՛ մանավանդ վերջին «Երգ-անխոս»-ը, որը Էդիկը նվիրել է Ռոմանոս Մելիքյանի պայծառ հիշատակին, աչքի է ընկնում իր մելոդիայի, ռիթմի օրիգինալ կառուցվածքով և հարմոնիայի վառ գույներով: Էդիկը ունի ստեղծագործական բարձր տվյալներ, որը պետք է խրախուսել և հատուկ պայմաններ ստեղծել»:

Դանիել Ղազարյան, կոմպոզիտոր

“Пионер канч”, 06.05.1935
(перевод Л. Епремян)
Одаренный Эдик

“Музыкальные способности Эдика Мирзояна проявились очень рано. Сейчас ему 13, впервые он сочинил марш для фортепиано в 11 лет. И первое произведение, и особенно последнее – “Песня без слов”, которое Эдик посвятил светлой памяти Романоса Меликяна, выделяются оригинальностью мелодической и ритмической структур и яркостью гармонических красок. Эдик наделен отличными композиторскими способностями, которые необходимо поощрять, обеспечивая особые условия работы”.

Даниэл Казарян, композитор

И еще:

«Մենք տեսանք, որ մի շարք ծնողներ (Սարգսյան Վիլլի, Համբարձումյան Ծովակ, Ստեփանյան Ռաֆայել և Նինա, Միրզոյան Էդվարդ) ուշադրություն են դարձնում իրենց երեխաների վրա: Այդ պատճառով էլ նրանց երեխաներն ստեղծագործել և նվագում են Լենինին, չելյուսկինցիներին, Չապաևին, Ռոմանոս Մելիքյանին նվիրված ստեղծագործություններ, որոնք ոգևորում են ոչ միայն մանուկներին, այլև մեծահասակներին:

Մանուկ ստեղծագործողներն էլ իրենց գործերը պետք է մասսայականացնեն իրենց դասարաններում, խմբերում, պիոներական կոլեկտիվներում:

Կեցցե՛ն մեր պատանի երաժիշտները: Կեցցե՛ նրանց խրախուսող և խնամող կոմունիստական կուսակցությունն ու խորհրդային իշխանությունը»:

“Мы убедились, что некоторые родители (Вилли Саркисяна, Цовака Амбарцумяна, Рафаэла и Нины Степанян, Эдварда Мирзояна) внимательны к таланту своих детей. Поэтому их дети сочинили и исполняют произведения, посвященные Ленину, челюскинцам, Чапаеву, Романосу Меликяну, которые вдохновляют не только детей, но и взрослых.

Юные композиторы должны популяризировать свои сочинения в классах, группах, пионерских отрядах.

Да здравствуют наши юные таланты! Да здравствуют заботящаяся и поощряющая их Коммунистическая партия и советская власть!"[24]

Музыка требовала все большей и большей отдачи, маленькому мальчику, мечтающему погонять в футбол, предъявлялись все возрастающие требования. Он должен был соответствовать надеждам и честолюбивым устремлениям, которые в представлении родителей складывались в идеальный образ таланта-самородка. Но Эдик и не думал ему соответствовать и, прибегая к бесконечным ухищрениям, продлевал как мог по сей день не прерывающийся, бесконечный век ДЕТСТВА.

Он поступил в музыкальную школу ("профшкола", впоследствии имени Спендиарова) в 1929 году. Где-то в классе четвертом, готовясь к концерту, переиграл руки. Любимая учительница Анна Михайловна /*Мнацаканян*/ предупредила, что выступать ему никак нельзя. Вернувшись домой, мальчик обнаружил, что родители уже одеваются, и не захотел их огорчать – пусть пойдут на концерт, а там увидят, что его нет в программе. В сильном замешательстве в школе он подходит к завучу, Эле Кацахян, пытаясь что-то объяснить. "Подожди, не мешай", – обрывает она его с полуслова. Один раз, второй, третий – ей все некогда. И вдруг объявляют: "Выступает Эдик Мирзаян"[25]. Что ему остается? Он выходит на сцену, с перепугу играет бойко, на него сыпятся поцелуи и поздравления.

– Наши остались довольны. Но когда я пришел на следующий урок, Анна Михайловна не захотела со мной заниматься. Не знаю, что сказать в свое оправдание, молчу. Она: «Ես քեզ հետ չեմ պարապի» ("Я с тобой заниматься не буду"). Ушел. Пошел на бульвар, посидел там с полчаса. Мама спрашивает:

– Как прошел урок?

– Хорошо.

– Задание новое дала?

– Да.

Если задание дала, значит, хорошо сыграл. Так прошел месяц. И вот, на улице мама случайно встречается с Анной Михайловной... Мама мне говорит: "Пойди извинись, попроси, чтобы она тебя простила". Она жила в доме рядом со школой имени Шаумяна, во дворе дети гоняют мяч. Եկա, դուռը կամաց ծեծեցի, որ չլսի (Пришел, тихонько постучался в дверь, чтобы не

[24] Выходные данные статьи, вырезанной рукой Люси Богдановны, не сохранились. Позже статья с идеологическими поправками была перепечатана в американской газете «Լրաբեր», 27.03.1971 под названием «Վերելք».

[25] В детстве его фамилия писалась через "а", как у Микаэла Мирзаяна.

услышала). Никто дверь не открыл. Спустился во двор, вижу: идет Анна Михайловна. Хотел за ней пойти – постеснялся, ей, наверное, в школе из-за меня замечание сделали. Я был расстроен, но отец, заставший меня во дворе школы, успокоил: «Դու մեղավոր չես, գնանք տուն» ("Ты не виноват, пошли домой").

Кончилось все это тем, что меня перевели к Ольге Айрапетовне /*Бабасян*/**. В консерватории со мной занималась Сара Гасслер.**

На пятом курсе я сдаю диплом по фортепиано. К этому времени Константин Сараджев /*ректор Ереванской консерватории, дирижер*/ **меня уже хорошо знал: мы с ним часто в 4 руки читали с листа клавиры симфоний. И вот, играю первую часть 8-ой сонаты Бетховена – закончил, встал и пошел. Слышу торопливые шаги вдогонку, меня буквально настигает в коридоре Константин Соломонович: "Я думал, что Вы приличный пианист!!! Безобразие!!!"**

Так прошли годы... С премьерой Виолончельной сонаты выступаю с Ростроповичем. Котик поздравляет меня в восхищении: "Ара, какой ты пианист!" Ставка за выступление составляла 13 руб. 50 коп. Но когда повысили до 16 рублей, Котик справедливо возмутился: "Какой он пианист?!" Дело в том, что Татевосян, начальник Управления по культуре и председатель комиссии, послал на утверждение в Москву ставку в 16 рублей. Из Минкульта СССР получаю утвержденную ставку в 25 рублей. Приехав в Москву, интересуюсь у замминистра культуры Кухарского, в чем дело. Выясняется, что на заседании комиссии один из ее членов спрашивает: "Это композитор Мирзоян? Я был на концерте Ростроповича с его участием, Мирзоян – прекрасный пианист". Но, откровенно говоря, прекрасным пианистом я не был и быть им не мог...

Во всяком случае, пока никому не удалось превзойти Мирзояна-пианиста в тонкости и мастерстве передачи музыкальных образов в Виолончельной сонате, "Поэме" для фортепиано, романсах, пьесах, недетском по глубине и многослойности детском альбоме...

Так же сложно все и с композицией в специальной группе Ереванской консерватории. Несмотря на очевидные успехи – премии на республиканском конкурсе к 20-летию комсомола (1938) и консерваторском конкурсе к 1000-летию эпоса "Давид Сасунский" (1939), дальше песен и пьесок дело не идет.

На третьем курсе Эдик продолжает писать миниатюры для фортепиано под руководством Саргиса (Сергея) Бархударяна (ассистентом был В. Тальян, к которому впоследствии и перешел этот класс).

В 1938 году ученики представили свои сочинения, и произошло то, что стало резким толчком в размеренном ритме композиторских опытов Мирзояна: руководитель класса Сергей Бархударян усом-

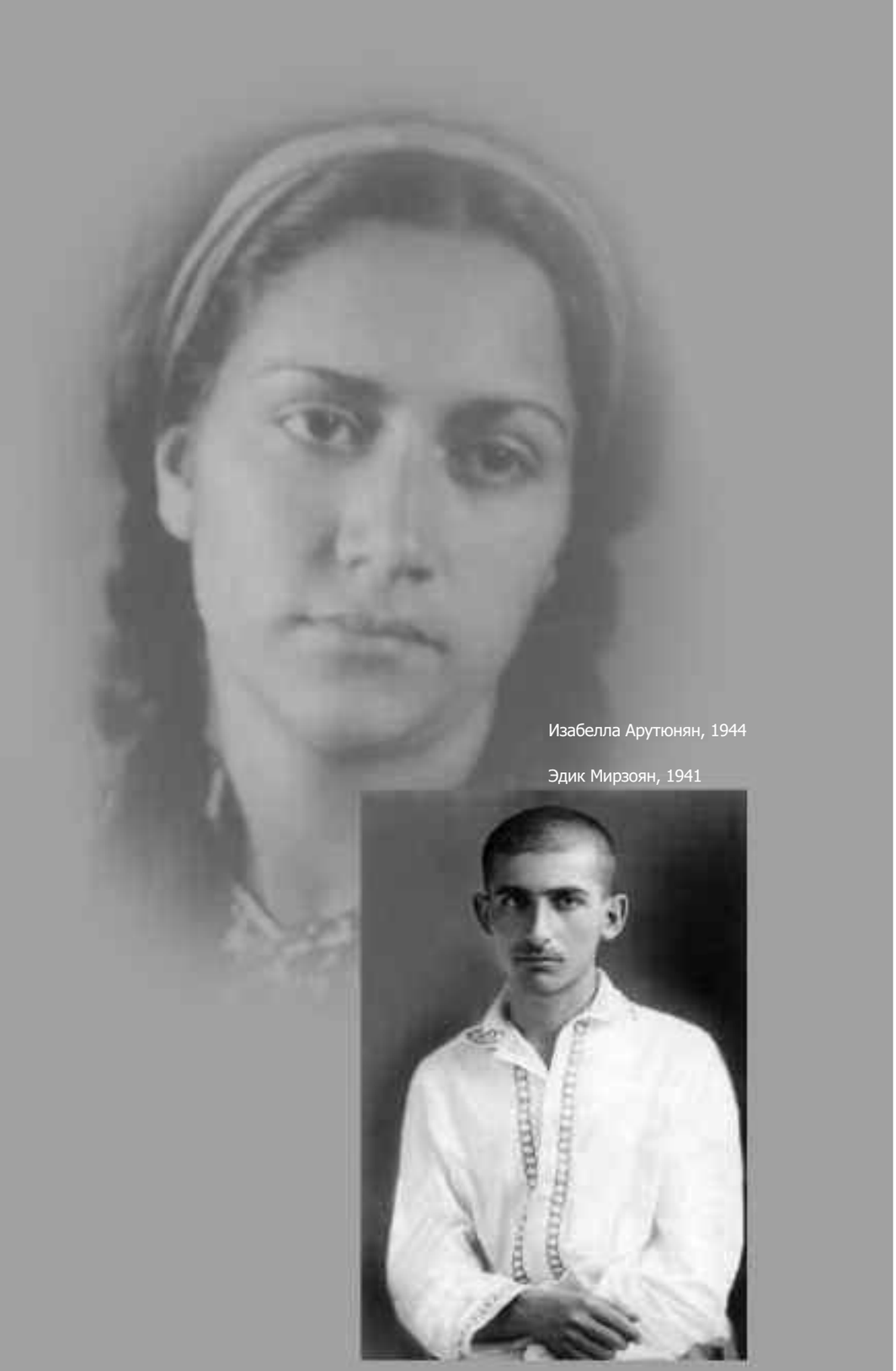
В классе В. Тальяна, 1939. Сидят (слева направо): Эдвард Мирзоян, Люся Сафарян, Александр Арутюнян, Вардкес Тальян;
стоят: Арам Мерангулян, Сергей Кесаян, Арташес Хачатрян

нился в его перспективности. Сокрушенные этой новостью родители, ничего не говоря 17-летнему юноше, сами приняли за него решение: когда вернется с летних каникул, продолжать учебу он будет в Мединституте. Но Тальян, которого не было на прослушивании, узнав обо всем, поднял невероятный шум: “Ни в коем случае, он прирожденный музыкант!”

– Дома мне ничего не говорили. Летом еду в Гори, к бабушке, там получаю письмо от Тальяна, который писал, что когда вернусь, должен написать сонату для скрипки и фортепиано. Когда я прочел, это было как гром среди ясного неба. Я ему тут же письменно ответил, что не чувствую себя готовым писать сонату. И вот я возвращаюсь, происходит разговор в его */завуча/* **кабинете. Разразился настоящий скандал, Вардкес Григорьевич так рассердился, что линейкой ударил по столу! Хрустнуло что-то – то ли линейка, то ли стекло сломалось. «Պետք է գրես» (“Напишешь!”). Не посмел отказаться – пришел домой, сел за инструмент и начал работать. На урок принес начало: “Молодец, Амбарцум!” (он всех учеников так называл) – заорал буквально. В следующий раз написал побочную партию: “Молодец, Амбарцум!” Я сделал экспозицию и с перепугу влез в разработку. И тут он меня остановил: “А теперь давай поработаем”. Сокращения делал так мастерски, у него было великолепное чувство формы, вкус. ...Соната была завершена, ее исполнил концертмейстер Симфонического оркестра Армфилармонии Саак Хорозян, дядя** */брат матери/* **Авета Габриэляна. Так Вардкес Тальян определил мою судьбу.**

Признаюсь, самым серьезным испытанием в моей жизни было сомнение в своем призвании. Это не то, что характер, а убеждение: никогда о себе не был высокого мнения, даже был никакого мнения о себе. Желание стать музыкантом было, но веры в себя – нет. Данные мои в смысле технического аппарата были очень ограниченными. Что касается музыкальности – ***ну, музыкальность, допустим, условно была***(!) */выделено мной – Л. Е./*. **Но я же видел, как другие играют! Сам занимался мало, плохо, лишь бы побегать во дворе, поиграть с друзьями. Когда в классе Котик играл “Яблочко”, как это впечатляло! Мы сблизились с очень талантливым Зариком. Арно был необыкновенно ярким с юношеских лет. Известно, что его “Пионерский марш” Чаренц** */Егише, поэт, руководитель “Госиздата”/* **распорядился издать в количестве 1000 экземпляров... И вот я слушал их на классном вечере и думал: какие они замечательные, как я их люблю! И помню свое ощущение: я был готов отдать свою жизнь во имя каждого из них. Это чувство у меня было тогда и с некоторым переосмыслением оно сохранилось до сих пор...**

Киев, 1976. Четверо из армянской “Могучей кучки”:
Э. Мирзоян, А. Бабаджанян, Л. Сарьян, А. Арутюнян



Изабелла Арутюнян, 1944

Эдик Мирзоян, 1941

Глава 4

Первая любовь

Это случилось в 18 лет. Со всей страстностью и отчаянной смелостью, на которую был способен юный Эдик, он влюбился. Влюбился в сестру Котика, в шестнадцатилетнюю Беллу Арутюнян – яркую, неординарную Белку, и именно ей удалось впервые разбудить вулкан горящего сердца будущего известного композитора, который во власти этих чувств создал два романса (1939 и 1942 годы) на слова Аветика Исаакяна.

...В тот день в дружеской компании справляли первый день рождения дочери Оника Параджаняна /*пианист*/, маленькой Терезы. За столом Эдик с Беллой сидели рядом, и между ними пробежал электрический ток, положивший начало романтическим отношениям.

– Белла очень своеобразно реагировала на мои ухаживания: когда я приходил к ним, она залезала под рояль и не выходила оттуда, пряталась от меня... Я стоял под окнами, ждал часами, пока она не появится в окне, чтобы увидеть кончик ее волос. Это незабываемое чувство... Но однажды случилось так, что мы поссорились. Я страшно переживал, места себе не находил, и вдруг мне попалось это стихотворение: «Ասում են թե» (“Асум ен те”). Сел и написал романс...

Ասում են թե՝ դու այսպես
մոռացել ես ինձ այսպես,
որ երբ ամուսս են տալիս,
հազիվ միտքդ եմ գալիս:

...*Н*есколько лет назад на одной из презентаций молодая певица спела «Ասում են թե». Сильва Капутикян /*поэтесса*/ сказала мне: «Լավ ես զգացել» (“Ты правильно почувствовал стихи”). А я рассказал, что когда в 1943 году показал Исаакяну два романса – пел без голоса, плохо играл, – гости хихикали, посмеивались над начинающим композитором. Это было дома у Маргариты Арутюнян /*музыковед*/. И в частности, по поводу «Ասում են թե» Варпет сказал: «Ես այդպես չէի պատկերացնում, երբ գրում էի՝ դա հուշ է...» (“Я не так представлял себе это, когда писал: это

воспоминание...”). Я ответил: «Վարպե՛տ, իսկ ես սիրահարված էի...» (“Варпет, а я был влюблен”). Там же есть слова:

Բայց, նապելի՛ս, ձեր բակում
այն լորին է դեռ ծաղկում,
որի քնքուշ բույրի մեջ
գրկեցի քեզ սիրատենչ:
Ու գրկիս մեջ դեռ այսօր
կիզող կրակ է վառվում:

“Сердце мое и сегодня пылает пламенем”, – համ գրել ա, համ էլ ասում ա, որ հուշ ա (Сам же написал, а говорит, что это только воспоминание). Там в средней части у меня начинается фортепианный концерт. Эти переживания, крайнее напряжение, острота чувств незабываемы.

“После переезда из Тифлиса, – рассказывает спустя годы Белла Арутюнян, – мы жили в коммунальной квартире с Арусяк Хачикян, которая работала в министерстве и имела невероятные претензии: мы почему-то постоянно ей мешали, главным образом ее раздражали звуки рояля, на котором занимался Котик. И мы отдали ей еще одну нашу комнату и поселились в одной комнатушке. Места не хватало, уроки я делала за роялем: становилась в хвосте инструмента, раскладывала книжки и занималась под звуки музыки.

Мне было 15 лет, когда я заметила особое внимание ко мне Эдика Мирзояна. Он стал приходить к нам почти каждый день, но меня пугала его сильная, сумасшедшая любовь. Я не хотела с ним встречаться и пряталась под роялем – он же был другом моего брата, а значит, и для меня был как брат. Бабушка говорила мне: “Вылезай из-под рояля, неудобно!”, но я продолжала там сидеть, пока он не уходил.

...Как-то Люся Богдановна пожаловалась моей маме, что я отвлекаю ее сына от занятий. Мне и в голову не приходило за ним бегать, и меня это очень задело. Поэтому перестала с ним общаться. Но я всегда относилась к нему очень тепло и, честно говоря, жалела – он был так влюблен, смотрел на меня такими глазами! Он тогда был невероятно романтичный, наивный, очень симпатичный, только уши были большие. Потом он очень изменился, прежнего Эдика я в нем не находила: стал трезвым, практичным, деловым. Уже много лет спустя, когда я обратилась к нему как к депутату за помощью, он мгновенно все устроил, позвонил кому надо и потребовал уважить мою просьбу об усыновлении внука, добавив, что я – его первая любовь. Мне стало как-то неловко, а он, заметив это, сказал: “Я горжусь тем, что ты моя первая любовь. Мы стали другими, так любить перестали...”

В подтверждение тому, что мы имеем дело с людьми неординарными, мне удалось добиться разрешения на публикацию фрагментов их переписки[26].

20.01.1940, Ереван
Белочка!

Большое спасибо за письмо. Да, из этого письма я полностью убежден и согласен с тобой /*в*/ том, что ты меня не любишь и любить не можешь. Пишу письмо для некоторых оговорок, но главным образом пользуюсь последним моментом для того, чтобы по-настоящему раскрыть мое сердце перед тобою – перед девушкой, у которой такая глубокая душа, каких трудно встретить. В этом я лишний раз убедился в твоем письме.

Спасибо за откровенные пожелания, но полюбить другую, как ты мне советуешь, я не в состоянии. Очень жалею, что наши дружественные отношения нельзя возобновить. Я это считаю невозможным, так как у нас взаимных чувств нет. <...> Белочка! Ты решила уехать. Это неправильное решение. Ты ни на минуту не должна подозревать, что в городе, где живет Эдик, тебе будет плохо.

Твоя бабушка письменно вызывала меня, чтобы поговорить со мною. Я не нахожу слов для передачи той высокой благодарности, которую я хотел бы выразить за ее самые лучшие пожелания. Извинись за меня перед бабушкой, что не могу прийти, от моего и твоего имени докажи, что это совершенно лишнее дело. Что касается любви ради дорогой бабушки, то знай, что это будет самое большое твое преступление, во-первых, по отношению ко мне и во-вторых, по отношению к себе.

Читая твое письмо, я желал, чтобы оно продолжалось до конца моей жизни, в течение которой я бы переживал /*эти*/ чистые чувства.

Вот пишу это письмо... и плачу. Плачу, не теряя своей гордости и утешаясь тем, что я нахожусь в рабстве любви, но не чего-либо другого.

В заключение тебе желаю единственного: не впасть в мое состояние, сохраню твое письмо как учебник для себя и единственное воспоминание о тебе.

С наилучшими пожеланиями ***Эдик***

15.07.1940, Кисловодск
Здравствуй, дорогая Белка!

Сегодня после обеда (к 3 часам) зашел на почту и безнадежно спросил, есть ли ко мне письмо. Неожиданно подали мне открытку, и, когда я увидел твою рукопись, мое сердце вздрогнуло. Я страшно

[26] Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, фонд Беллы Арутюнян.

обрадовался, но когда прочел письмо и пошел домой отдохнуть, ложась в постель, почувствовал, что нахожусь в отчаянном состоянии. Пролежал полчаса и, не выдержав, встал и, оставив моего папу и Котика спавшими, вернулся на почту и вот пишу тебе письмо.

Прочтя твое письмо, я остался в каком-то разочарованном состоянии. Долгое время не видя тебя, не слушая твоего голоса и вообще не чувствуя тебя (прости), я хотел бы прочесть несколько слов, которые смогли бы в какой-нибудь мере позволить мне сделать какой-нибудь вывод. Но вывода я сделать, к сожалению, не смог. Наоборот: у меня в голове возникло так много вопросов и ответов, что я просто не знаю, куда мне деться от них. Видимо, Карен /*Костанян, скрипач*/ объяснился тебе в любви. В этом нет ничего неожиданного, ибо инициатором или, как говорится, импульсом этого явилась ты, так как человек легко может влюбиться в девушку, в особенности тогда, когда он видит, что девушка его любит. (Не знаю, насколько моя голова работает в исправности).<...>

Не знаю, чем все это кончится, но я тебе хочу повторить мои старые слова о том, что моя любовь к тебе ни в какой степени не значит, что и ты должна любить меня. Короче говоря, я свою любовь не собираюсь насильно навязывать тебе. Для этого ты имеешь собственный ум, собственные намерения, и выступать против них – это значит быть отсталым человеком, человеком, который не способен понимать что-либо. Делай так, как для тебя лучше.

То место в твоем письме, где ты пишешь об “он”, Котик прочел с большой жадностью, обрадовался и спокойно пошел домой спать. А мне спать не пришлось (ничего, как-нибудь в другой раз).

Ты очень хорошо сделала, что пошла и посмотрела “Пиковую даму”. Видимо, в этом отношении ты поумнела. Я особенно рад, что ты поняла эту гениальную музыку. Эта опера стоит на вершине оперного искусства всего мира, рядом с операми “Кармен”, “Отелло” и “Аида”.

До свидания, дорогая Белка. Жду твоего письма. Не“ленись”. Вернее, хотя и будь занятой, уделяй мне немного времени.

Целую тебя (если, конечно, позволяешь).

Твой ***Э***.

Эдварду Мирзояну,
рядовому 964-го артиллерийского полка 409-й дивизии.
18.04.1942, Ереван

Здравствуй, дорогой Эдик!

Так вот значит, если ты уехал, то должен забыть нас всех?! Это очень нехорошо. Может быть, ты обиделся на нас за то, что мы тебя не пришли провожать, но ведь мы сами не знали, что ты уехал. Эдик джан /*джан – на груз.яз.*/ ! Я очень огорчилась, когда узнала, что ты уехал. Ведь все же мы привыкли друг к другу, хотя и давно разочаровались друг в друге. Вот видишь, я тебя все же не забыла и пишу тебе. А ты, видимо, давно уже забыл меня, – ***свою*** Беллу. Не удивляешься ли ты этому, то есть тому, что я тебе пишу? Я ведь такая ***злая*** девчонка! Ну, оставим предисловие.

Милый Эдик! Прошу тебя, напиши мне письмо, и знаешь, так, чтобы это меня обрадовало. Пиши о своем здоровье, о делах и вообще обо всем, что тебе вздумается.

Эдик джан /*на груз.*/! Есть очень много новостей, но я тебе о них писать не стану, пока от тебя не получу письма. Напишу о кой-каких достижениях моих... Вот уже столько дней я ждала от тебя писем, но ничего не получила. Я и Котик не знали твоего адреса, но я снахальничала и узнала его у... Как ты думаешь, у кого? У твоей мамы.

Так. Позвонила. Подходит твоя мама. “Это 47-30?” – “Да!” – "Это Люся Богдановна? Прошу вас, не сердитесь на меня... Я знаю, рассердитесь..." – “А кто говорит?”, – спрашивает твоя мама. "Белла". – “Какая Белла?” – “Белла Арутюнян, Котика сестра...” – "Как вам не стыдно, – говорит твоя мама. – Почему вы думаете, что я должна рассердиться на вас? Я вообще никогда не сердилась на вас. Да и зачем сердиться, тем более в такое время, когда Эдика здесь нет!" – “Прошу вас, Люся Богдановна, пожалуйста, дайте адрес Э.” – “С большим удовольствием”, – и говорит мне адрес. Далее: “Когда вы должны написать ему?” – “Сейчас же”, – отвечаю я. “Так прошу вас, если вы ему напишете, то обязательно напишите, что /*адрес*/ дала вам я. Он обрадуется”.

Итак, Эдик гамарджоба /*груз.*/, я узнала твой адрес, хотя и дрожала... А было бы в другое время, я бы ни за что не спросила адреса твоего. Ну, Эдик джан /*груз*/! Доволен ли ты мною? Да, меня, наверное, заберут в армию. Я так хочу, ты себе представить не можешь. Я сейчас знаю, что ты подумаешь. Если меня возьмут, то я буду в качестве переводчицы, если понадобится. Мне уже так ответили. Эдик джан /*груз.*/! Как у вас? В Ереване и жарко, и холодно, и дождь, и сухо, и ветер! Так что погода все время меняется, не остается постоянной. Ах, как я хотела бы, чтобы ты был здесь... или я была бы с тобой. Здесь много интересного. Как получу /*ответ*/, так и напишу все новости. Приехали Давыдова /*Вера, в супружестве Мчедлидзе*/ и Мчедлидзе /*Димитрий, певцы, солисты Большого театра*/. Со вчерашнего дня (17 апреля) они поют в опере. Думаю пойти. Хоть бы ты тоже был... Все меня приглашают, но я не иду ***с ними***. Вчера тоже хотели затащить на “Маскарад” (М. Ю. Лермонтова в кино “Москве”), но я не пошла. Причин очень много. Ты поймешь. Ну, Эдик джан /*груз.*/! Пока все. Привет тебе от мамы (сердечный) и от Котика. Целую тебя кр., кр. и кр.

Твоя отставная ***Белка*** <...>

***Белла Арутюнян*: "**В Саратове, где служил мой отец в 1943 году, я лежала в госпитале, потому что была серьезно больна. Это случилось в Ереване: во время войны из Ирана завезли инфекцию, от которой многие умирали. Болезнь длилась три дня, но оказалась очень коварной. Она "боялась" воды и напряжения связок – от этого случались серьезные осложнения. Я этого не знала: выкупалась, да еще дала целый концерт перед гостями Котика, распевая "Лапти, да лапти, да лапти мои". Ночью из уха хлынула кровь. В ту ночь я оглохла и онемела. На шее у меня висела записная книжка, там я и записывала то, что хотела сказать.

...В Саратове после бомбежек мое состояние ухудшилось. Тогда я уже была беременна от своего мужа Левона Тадевосяна, которого на следующий же день после женитьбы забрали на фронт. Я родила дочку и назвала ее Эдитой – в честь Эдика Мирзояна "...

1943, Ереван
Саратов, госпиталь
Дорогая Белочка!

Сейчас сижу у вас дома, где я узнал, что от тебя есть письмо, узнал, что ты чувствуешь себя лучше, и это меня очень обрадовало. Ведь, как-никак, я всегда желал тебе только хорошего и хорошего. Вот только жалею, что перед отъездом не повидался с тобой. Все так и не знаю, когда мы снова встретимся, но, несомненно, встретимся, и гораздо /*в*/ более благополучных обстоятельствах, когда ни войны не будет, и ты будешь вполне здоровой и цветущей. Сейчас здесь сидит Соня /*подруга скрипача Карена Костаняна*/ и удивляется, как это я навестил вас. Она, по-видимому, не хочет знать, что у меня очень много родственного с вами и тем более много хороших воспоминаний. Все вспоминается с большим удовольствием, в особенности тогда, когда тебя нет здесь. Летом я остаюсь в Ереване, так как у меня заказ от Комитета по делам искусств и заказ от Арменкино. Жарко, но ничего не поделаешь. Котик тоже работает над заказами и очень перегружен.

Пока, милая, до свидания. Пользуйся всеми предоставленными тебе благами на благо твоего здоровья. <...> Привет тебе и /*наи*/лучшие пожелания. Привет от Сони тебе и папе.

Твой друг ***Эдик***.

Эдвард Мирзоян,
Александр Арутюнян
1941

Б. Арутюнян и Э. Мирзоян
1941

Эдик, Котик и Зарик
в саду Мартироса Сарьяна
1930-е

Арно Бабаджанян, Тигран
Петросян, Эдвард Мирзоян
1963

В саду Сарьянов спустя
годы....

Глава 5

Романтика и реальность

Но девушки – не единственное увлечение юноши. В 30-х он – страстный болельщик шахматного турнира Каспарян – Чеховер. Эдик не пропускает ни одной партии, поддерживая соотечественника, и по результатам соревнования Каспарян объявляется победителем! Много позже чемпион мира Тигран Петросян станет властителем умов и чаяний армянского народа и близким, закадычным другом молодой композиторской "пятерки". А пока будущему авангарду композиторской мысли только встающей на ноги молодой советской республики предстоит пройти долгий путь. Они – Арно Бабаджанян, Лазарь Сарьян, Адам Худоян, Александр Арутюнян, Эдвард Мирзоян – будут идти по этому пути бок о бок всю жизнь. Несмотря ни на какие преграды, которых было немало...

Зарик (Лазарь), этот абсолютно родной человечек, с которым Эдик дружит с 1928-го, со школы имени Абовяна – хохмач и шалун, устраивал постоянные розыгрыши в компании. Как теперь трудно без него! Зарик, а вслед за ним и искрометный Арно, уехали в Москву, и Зарик, скучая до невозможности, прямо на лекциях в "Гнесинке" строчит послания Эдушке. Пишет сразу на двух языках, меняя их через строчку.

18.02.1939, Москва
Здравствуй, дорогой Эдик ջան

Твое письмо получил, очень рад, что наши мнения о сонатном Allegro не расходятся. Как раз я тоже сейчас закончил Scherzo для квартета и сижу над первой частью. Пишу во время урока истории

музыки. В подарок тебе нарисовал трех красавиц, на вид они очень простые, но на самом деле, если их перевернуть, можно увидеть трех безобразных негодяев. <...> Этих субъектов можешь показать Котику, он большой ценитель этих вещей.

Слушай, спроси у Ляли /*музыковед Маргарита Арутюнян*/, почему она не отвечает на мое письмо!!! Երևանը շատ եմ կարոտել, անհամբեր սպասում եմ արձակուրդներին (Очень соскучился по Еревану, жду-не дождусь каникул):

Может быть, немножко задержусь. Я и Арно хотим сдать экзамены для поступления в консерваторию – խաթեն էն ա, որ բոլոր առարկաներից քննություն են պահանջում՝ մաթեմատիկա, քիմիա, ֆիզիկա և այլն: Ների՛ր, որ այս անգամ մատիտով եմ գրել, բավական շտապ և քերականական սխալներով:

Մեր կոնսերվատորցիներին կբարևես, Տալյանին՝ առաջին հերթին:

Կոնյուխի [*դաշնակահար Օնիկ Փարաջանյան*] աղջկա անունը գրիր, թե ինչ եք դրել [*Թերեզա*]: Մամայիդ ու պապայիդ ինձանից կբարևես:

Դե՛, առայժմ:

Ձերմ համբույրներով՝ ***Զարիկ***

(Беда в том, что надо сдать экзамены по всем предметам – математика, химия, физика и т.д. Извини, в этот раз написал карандашом – в спешке и с орфографическими ошибками. Всем нашим консерваторским привет, Тальяну /*Вардкес, педагог по композиции*/ – в первую очередь. Напиши, как назвали дочку Конюха /*Тереза – дочь пианиста Оника Параджаняна*/. Кланяйся от меня твоим маме и папе. Ну пока.

Крепко целую ***Зарик)***

28.02.1939, Москва

Дорогой Эдушка!

Только что получил твое письмо – очень рад, что связь между нами письменно установлена. Ты пишешь, что я должен был написать много, а написал мало, это всегда так и бывает, самое обыкновенное происшествие. Почему негодяй Костан /*А. Арутюнян*/ ничего не пишет? На днях у нас в техникуме был конкурс на лучшее исполнение советских произведений и, как я ожидал, наш Ктуц /*прозвище Арно Бабаджаняна, дословно – клюв*/ взял первую премию, он играл поэму Хачатуряна и одну свою прелюдию. Սաղի բերանները բաց էր մնացե (все обомлели – дословно “у всех рот остался открытым”). И между нами говоря, я его никогда таким не слышал. Вчера в Малом зале выступал Габриэлян /*Авет, скрипач*/, оставил на всех потрясающее впечатление. Между прочим, он взялся за мою скрипичную вещь, так хорошо у него выходит, что у меня сердце останавливается.

Работаю в данный момент над квартетом – написал третью часть –

скерцо. Вышло очень стильно, похож/*е*/ на какой-то народный отрывок вроде танца. Очень много думаю насчет первой части – это самая главная и трудная часть в форме сонатного Allegro, главное не в том, чтобы честь-честью написать экспозицию, разработку и репризу, а тут еще существует очень щепетильный вопрос – нужно, во-первых, хорошо знать развитие сонатного Allegro с начала XVIII века до сих пор, главным образом опираясь /*на*/ Скарлатти, Гайдна, Моцарта, Бетховена, потом романтики и наши современные композиторы и видеть, как она, эта часть, все изменяется, впасть в это течение и способствовать ее дальнейшему развитию. Тогда это будет дело серьезное и будет иметь историческое значение – вот тогда наши письма будут читать, а если будем писать в такой же форме, как Скарлатти, наши письма будут в сорном ящике. Конечно, Скарлатти писал очень хорошо и способствовал развитию сонатной формы, но это была другая эра – между прочим, я тебе должен сказать, что пока высшая точка достижений по этой части еще находится в руках Бетховена, еще не было такого, который поднялся бы выше него, и я думаю, что это будет еще не скоро. Ну, Эдик ջан /*джан*/, мне кажется, что ты будешь опять надо мною смеяться или же, может быть, ты согласен, только не вполне – так ты обязательно мне напиши свое мнение, чтобы я в дальнейшем знал, какой ход <...> дать нашей переписке.

Очень интересно было бы посмотреть на рожу Конюхиной[27] девочки, наш Карен /*Костанян, скрипач*/ уже волнуется и каждый день бреет свои усы.

Երեկ Բաբոյին [*Առնո Բաբաջանյան*] թրաշեցի, հլա նոր-նոր բուրթ ա դուրս գալիս: Հույս ունենք, որ մի 10 տարուց մազ դուրս կգա, թե չէ աղջիկները վախենում են՝ կարծում են, թե կաստրատ ա [*կաստրատ ա*] – սրանից հետո պիտի հայերեն գրեմ, թե չէ վախենում եմ մոռանամ, ուղղակի խայտառակչություն ա (էս վերջի խոսքը Կոստոն ա [*Կարեն Կոստանյան*] էդպես ասում): <...> Բարևիր մամայիդ, պապայիդ, Տալյանին և Օնիկին, էլ ոչ ոքի չբարևես: Արա, դ-իտ կբարևես: (Вчера побрил Бабо /*Арно Бабаджаняна*/, еще только-только пушок пробивается. Есть надежда, что лет через десять пробьется волос, а то девочки пугаются, думают, что кастрат; в дальнейшем буду писать на армянском, а то боюсь забыть язык, просто скандал какой-то – хайтаракчутюн, это слово так произносит наш Косто /*Карен Костанян*/). Приветы маме, папе, Тальяну и Онику – больше никому. Ара[28], твоей ... тоже кланяйся).

Տվոյ դռուգ [քո ընկեր]՝ ***Զարիկ*** (Твой друг ***Зарик***)

[27] Конюх – прозвище пианиста Оника Параджаняна.

[28] Ара – принятое в просторечии обращение к мужчине.

ապա, բան չի հասկացվում, շատ խորը ուսումնասիրություն ա պահանջում այս տիպը:	(ара, ничего не понять – этот тип требует очень глубокого изучения).

Главное, что произошло в этот период в творческой жизни Эдварда, связано с судьбоносной встречей еще с одним человеком, и можно смело утверждать, что без этого факта биографии облик композитора Мирзояна был бы существенно иным. ***Константин Соломонович Сараджев*** – вот ключ к кардинальной перемене в духовной атмосфере консерватории. Тот самый "Соломошка" (домашнее прозвище Сараджева), который участвовал в премьере последней симфонии Чайковского и в ламмовском кружке осуществлял премьеры элиты композиторской мысли России. "Очень прошу, – писал Стравинский, – немедленно, если возможно, спросить Сараджева, приступят ли они к разучиванию двух первых действий "Соловья", если я им пришлю оттиски этих действий"[29]. Другой молодой композитор, Шостакович, в конце ноября 1927 года приехал в Москву для участия в репетициях Первой симфонии под управлением К. Сараджева. "Репетировал он чрезвычайно тщательно, придирчиво, помогая и мне, тогда еще молодому и недостаточно опытному композитору, своими ценными советами, – вспоминает автор. – Ценны были его подлинный интерес и любовь к новой музыке"[30]. "Этот талантливый человек был одним из лучших исполнителей моих вещей"[31], – это уже отзыв Сергея Прокофьева.

Константин Сараджев, по-детски открытый и непосредственный, возглавил Ереванскую консерваторию и повел к вершинам творческой мысли новое поколение музыкантов. Дружба с Мирзояном началась с того, что тот по совету Тальяна по вопросам инструментовки дипломной работы – симфонической поэмы "Лореци Сако" – обратился к мэтру («Տղա՛ս, վեր կաց ու գնա Սարաջևի մոտ») [32].

То, что сделал в Ереванской консерватории ее ректор, Эдвард Мирзоян характеризует емким словом – революция. А движущей силой перемен масштаба личности Сараджева стала молодежь, которая выдвигалась на самые ответственные роли. Константин Соломонович имел перед собой четко очерченную цель – преобразовать консерваторию в вуз международного уровня, и он бросился ее осуществлять, лично контролируя весь учебный процесс, начиная с закрытых вечеров и консультаций всех нуждающихся в его совете студентов и педагогов, безотносительно к величине их таланта. Контролируя с высоты постижения не контролера, но Мастера, через руки которого прошли величины мирового масштаба. А правильность избранного пути он сверял с камертоном музыкальной интуиции таких величин, как, например, Шостакович:

[29] Стравинский И. – Вл. Держановскому, 1913 год, письма И. С. // "Музыкальная академия", N 2, 1998, с.209.

[30] Шостакович Дм. Мои встречи с Сараджевым. Цитируется по: Хентова С. Шостакович. Л., 1985, т.1, с.189.

[31] Письмо А. Зилоти, 14.07.1915. // Прокофьев С. С. Материалы, документы, воспоминания. М., 1961.

[32] Премьера симфонической поэмы "Лореци Сако" состоялась 2 марта 1942 года в исполнении оркестра Армфилармонии под управлением Сараджева, на репетиции присутствовал С. Прокофьев. В октябре 1943 года Поэму исполнил дирижер Арташес Егиазарян.

31.10.1949, Москва

Дорогой Константин Соломонович!

Ваше письмо я получил. Оно меня очень обрадовало и одновременно поставило меня в несколько затруднительное положение.

Вы просите меня поделиться с Вами моими соображениями по поводу преподавания композиции в Ереванской консерватории. Мне это трудно сделать, так как о хороших результатах преподавания я знаю только по тем студенческим работам, которые я имел возможность прослушать в консерватории /*речь идет о сочинениях С. Нагдяна, С. Джербашяна, Э. Багдасаряна, Г. Арменяна, Э. Оганесяна*/. Кое-что мне понравилось больше, кое-что меньше. Мне кажется, что следует прививать студентам вкус к полифонии. Вы мне говорили, что этот предмет хорошо ведет тов. Чеботарян /*Гаянэ, композитор*/. Возможно, что студенты смотрят на полифонию как на необходимый, но скучный предмет, не имеющий прямого отношения к "свободному" творчеству. Это, конечно, не так. Полученные ими знания по полифонии они обязаны претворять в своем творчестве. Что же касается до конструкции сочинений, то в этом отношении у большинства студентов дело обстоит хорошо. Но попутно и на эту сторону творчества надо обращать большее внимание. Крепкая, ясная форма всегда способствует хорошему качеству сочинений.

Вот и все, что я могу Вам сказать после беглого знакомства с Вашими питомцами. Я надеюсь, что как-нибудь попаду опять в Ереван и смогу познакомиться с ними поближе.

Примите мои лучшие пожелания. Сердечный привет Зое Борисовне /*жена Сараджева*/.

Ваш ***Д. Шостакович***[33]

Революцию в образовательной системе Сараджев производил не с пугающей серьезностью и строгостью, а в атмосфере шуток и озорства, неожиданного для представительного образа ректора, который для солидности ходил с тростью. Невероятный шутник, он

[33] Цитируется по: Геодакян Г. Идеал художника-гражданина. // "Советская музыка", N 9, 1976, с.27.

К. С. Сараджев, 1946

Э. Мирзоян, К. Сараджев, А. Арутюнян, 1940

Э. Мирзоян, А. Арутюнян, А. Бабаджанян, 1946

придумывал педагогам прозвища, которые запомнились студентам: певца Шахатуни называл “Шах*м*атуни”, Гоарине Карамян – Гоарине Килограммовной. Однажды в истерике в кабинет ректора врывается Тамара Шахназарян: “Меня оскорбили! Я 25 лет замужем, меня даже мой муж дурой не называл!..” – “До сих пор не догадался?!” И она сквозь слезы расхохоталась. ...Как-то проходя по коридору на третьем этаже консерватории, Эдик неожиданно получает пинок сзади – оборачивается, чтобы дать сдачи, – и видит озорные глаза К. С.: “Как живешь?”

– Как многому я научился у Сараджева! Он приглашал меня к себе домой, и мы в четыре руки играли клавиры симфонических произведений. Մենք ժամեր ենք անցկացրել միասին (мы долгие часы провели вместе). Сейчас вспомнил один его совет как один из принципов изложения музыкальной мысли – 4/8 в трехдольном изложении; советы касались и ритма, и композиции, и инструментовки. Он был фанатик, готовый помочь каждому – я впадаю в крайности, но это правда. Ему было неважно, человек талантлив или нет – раз просят, он без колебаний помогает, несмотря на предельную занятость – лишь бы быть полезным. Բայց ինձ հետ իսկապես շատ լավ էր: Я, признаться, почувствовал, что он проникся ко мне симпатией, он мне очень помог.

Уникальность человеческого дара Константина Соломоновича проявилась и в его большой семье и прекрасных детях. А о сыне Сараджева, Константине, “московском звонаре” армянского происхождения, и сегодня не умолкают легенды. Обладатель особого цветоощущения музыки церковных колоколов, он, к несчастью, оказался не ко времени – уничтожались церкви, варварски разбивались колокола, и своей “симфонии” колокольных звонов ему услышать так и не пришлось. Но он создал энциклопедический по значимости научный труд по описанию колоколов в России, по которому они теперь восстанавливаются. Эдварду о сыне рассказывал Константин Соломонович, и все его рассказы свидетельствовали о феноменальности дара “звонаря”. Мирзоян вспоминает удивительные подробности этих историй:

– Шостакович был в гостях у Константина Соломоновича. Уходя, забыл галоши. Домашние не сразу это заметили, а когда заметили, Костя, взяв галоши, пошел “по следу” Дмитрия Дмитриевича, интуитивно верно определив направление его пути... Сараджевы жили во флигеле Большого зала консерватории, и, сидя дома, он определял, за каким пультом музыкант взял нечистую ноту – у него был исключительный слух... Костя кончил жизнь в клинике для душевнобольных. Когда я получил письмо Анастасии Цветаевой, я сделал все для публикации книги о нем: обращался в издательства, редакции. Обещали – и не сделали, какие интриги были сплетены вокруг имени Са-

раджева! В результате 100-летие Константина Соломоновича, к которому мы активно готовились, не состоялось, хотя я сделал все, что было в моих силах. Когда я задумываюсь, начинаю нервничать. Потому что, если начну делиться, это будет ужасно – сколько было грязи – настоящей, неприкрытой. Не могу себя заставить сказать все, что думаю. Если бы это был XIX век! В XX веке культовыми личностями постепенно становились люди совершенно другого склада... В XXI веке будет еще хуже...

Председателю СК тов. Эдуарду Мирзояну

Напоминаю Вам нашу беседу в июне с Натальей Поповой-Сараджевой, племянницей моего Звонаря, о котором в 1977 году (N7 журнала "Москва", статья "Сказ о звонаре московском") была публикация.

Сейчас я закончила книгу о нем (7 п.л.), расширив текст его музыкальными размышлениями (если Вы эту вещь читали, Вы знаете о его уникальности). Добавив его родословную. Отец его, профессор К. С. Сараджев, скрипач и дирижер, был директором Ереванской консерватории и похоронен в Ереване. Хотелось бы, чтобы книга была напечатана по-русски в Армении, на родине Сараджевых. Можно дать много фотографий семьи.

Прошу извинить нестандартн/*ую*/ мо/*ю*/ машинопись, – мне 84-ый год, я спешу, со зрением плохо, оно не позволяет мне еще раз печатать на машинке книгу (уезжаю на отдых, глаза переутомлены, сверять заново строки – не могу).

Сердечный привет. <...>

Анастасия Цветаева

Вероятно, установленная ректором высокая планка, до которой многим было не достать, вызывала раздражение. Было все – и доносы на Константина Соломоновича, и стремление как можно быстрее от него освободиться, и отыграться на "старичке". Но все это забыто, а Сараджев, которому уже за 130, навсегда остался в нашей жизни. Молоды его идеи, живы его традиции, сохранились библиотечные фонды, переданные им в дар родной консерватории... А кровать из карельской березы Константина Соломоновича – дар внучки музыканта, арфистки Нали Поповой – стоит в кабинете Эдварда Мирзояна на даче в Карашамбе – может, оттого ему там так спокойно работается. Кстати, там же установлено пианино – тоже дорогой подарок: Александр Арутюнян сделал приятный сюрприз другу... в свой собственный день рождения.

В музее литературы и искусства в фонде Сараджева под номером 268 бережно хранятся четыре письма Мирзояна Константину Соломоновичу. Одно из них, присланное рядовым 964-го артиллерийского полка 409-ой дивизии Эдиком Мирзояном, приводится ниже.

1942 год

Дорогой Константин Соломонович!

Не знаю, с чего начать это письмо, но <...> не оттого, что не о чем писать. Скажу одно: день, когда Вы стояли перед пультом и дирижировали моей поэмой /02.03.1942/ и когда я переживал огромное напряжение сил и энергии, этот день навсегда стоит передо мною, как наисчастливейшее время в моей жизни.

Не можете себе представить, дорогой Константин Соломонович, какая гордость у меня появляется каждый день перед сном, когда в сотый раз в уме повторяю все то, что произошло в день нашего концерта. Здесь, несколько вдали от Вас, как-то эти воспоминания становятся для меня более величественными и ценными, торжественными и... какими-то невероятными.

Трудно мне самому доказывать, что все это в свое время было обычно и закономерно. Трудно именно потому, что разница бывшего и настоящего очень значительная. Все это оставляя в сторону, хочу говорить о чувстве, которое никогда не покинет меня. Это чувство Величайшей благодарности к Вам, дорогой Константин Соломонович, – к человеку, который всю свою жизнь и знания отдает одному: расцвету культуры, прогрессу культуры, нового в культуре. Конечно, <...> не могу сказать, насколько моя Симфоническая поэма относится к этому, но скажу то, что я редко встречал людей, которые, будучи работниками искусства, одновременно искренне выдвигали бы новые кадры, помогали бы всеми силами или внимательно присматривались бы к ним, их делам. Обычно работник искусства думает, в первую очередь, о себе, так сказать, о своей "славе". Это, конечно, никому не мешает, но когда он ради этой "славы" стремится путем стараний задержать чужие старания, то это, конечно, вредно. Это часто доходит даже до преступности по отношению к культуре. У нас таких людей, к сожалению, очень много. Они, часто не поймешь, какую специальность имеют, специальность работника искусств или специальность мелкого кляузника и сплетника. Они больше думают, каким образом получить больше денег, а о том, чтобы болеть за самое драгоценное – за искусство, они против этой благородной болезни – применяют все средства, все лекарства: эгоизм, консерватизм, безграничную любовь к деньгам и опять эгоизм.

Ненавижу такого рода людей и не питаю ни малейшего чувства уважения к ним. И то, что они действительно сделали для искусства, все это запачкано грязью.

Но, к счастью, есть люди, которых, как я сказал, очень мало, которые все свои силы и жизнь отдают искусству. Они ради искусства забывают и о еде, и о деньгах, и о кляузах, и даже семью свою забывают. Они не представляют, как можно желать того, что идет вразрез с искусством. Их можно обмануть в деньгах, оста-

вить голыми, они плохо разбираются в эгоизме, ничего не понимают в кляузах, у них широкая натура, чистая душа, они наивные, чуткие, несколько слабохарактерные, доверчивые, но в искусстве их не проведешь. Тут уж нет сомнения, к какой специальности они принадлежат. Они преданные бойцы, в первую очередь, за культуру, за прогресс. Они делают все для культуры, жертвуют и здоровьем, и состоянием. Они далеки от понятий "я", "мне хорошо", "для меня", "обо мне". Нет, все самое драгоценное – за культуру, за искусство, за прогресс. И, в первую очередь, к этим прекрасным людям я отношу Вас, дорогой Константин Соломонович. Не будь Вы такой, было бы сказкой, приятным сном все то, что в марте было "обычным и закономерным". Это для меня сейчас неоценимое явление, что во мне вызывает величайшее чувство признательности и слова спасибо, большое спасибо и еще раз большое спасибо. Не знаю, какими средствами все это можно купить. Это бесценно.

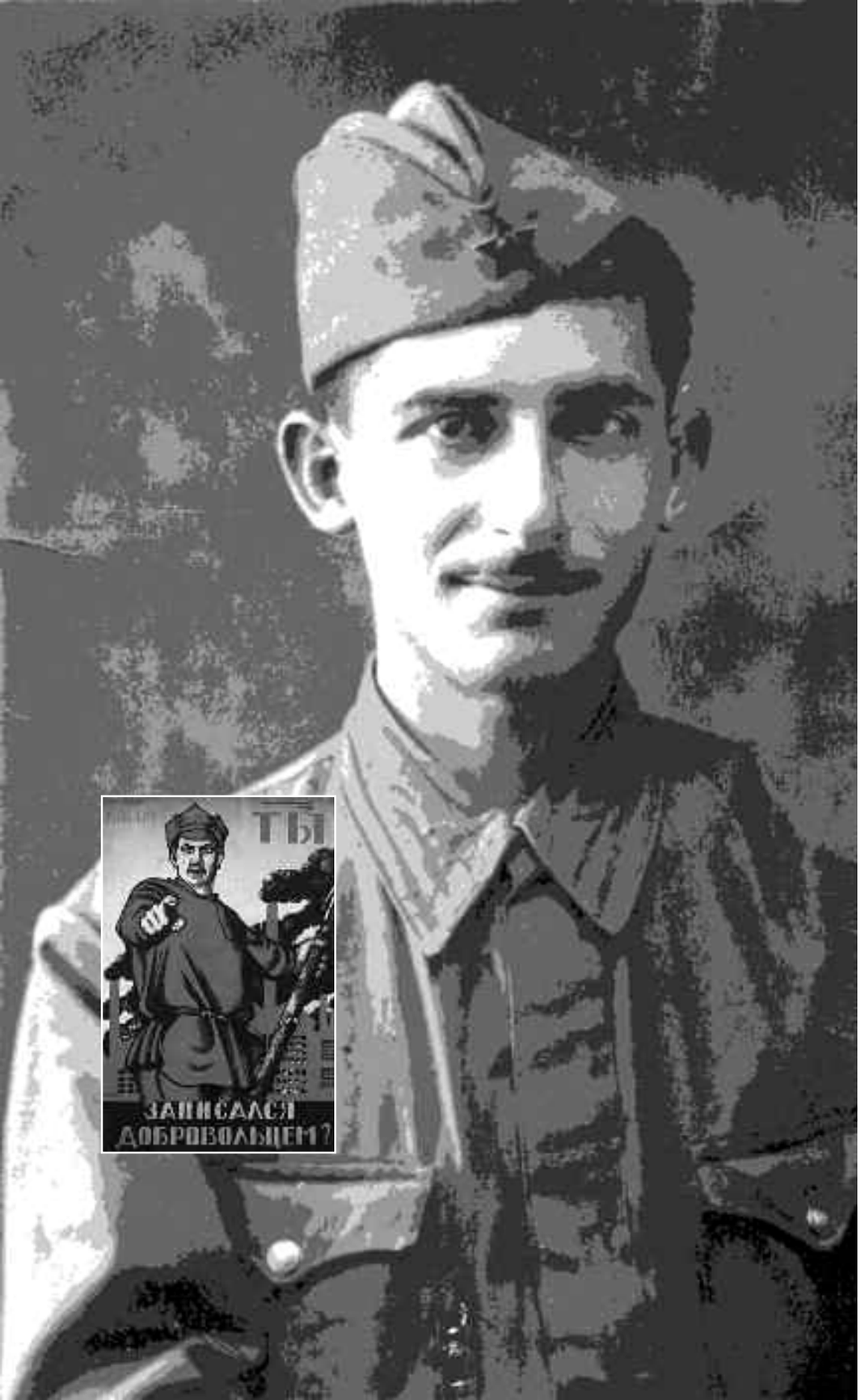
Вы, конечно, будете удивлены той большой разнице в содержании письма, которое я написал Вам около месяца тому назад, и письма, которое сейчас пишу. Что вполне необходимо для нынешнего серьезного положения – то, чтоб в Красной Армии как можно больше было бы людей, больше бойцов, я полностью убежден, но

должен сказать, что с тех пор, как я в Красной Армии, чувство любви и преданности музыке во мне усилилось в несколько раз, и когда сейчас я слышу музыку, обязательно по телу дрожь пробегает. Все это заставляет меня еще больше ненавидеть войну, ненавидеть проклятых фашистов-империалистов, нарушивших нашу спокойную жизнь. Война! Тебя я ненавижу! Вот что я восклицаю. Война уничтожила все то, что так драгоценно для таких людей, как Вы. Будь проклята война, которая разрушает культуру, которая несет человечеству тяжелые пытки, которая усыпляет на веки тех десятков миллионов людей, молодых, которые, только-только открыв глаза, начали видеть все прелести и богатства человеческой жизни в чудесной природе. Смерть немецким оккупантам, смерть фашизму – черному маяку войны! Да здравствует социалистическая революция во всем мире – верная соратница человечества в борьбе против войны!

Примите мой сердечный привет и простите за сердитый тон последних строк. Приветы Вашей супруге, детям, внучатам и всем добрым людям. Целую Вас

Ваш ***Эдик Мирзоян***

1941 год, выпускники Ереванской консерватории с преподавателями. 1-й ряд: Люся Сафарян, Лигия Мамаджанян, Седа Манукян */дочь Арама Манукяна – министра внутренних дел Первой Республики/*; 2-й ряд: К. С. Домбаев, В. Г. Тальян, Д. Н. Лекгер, А. М. Мнацаканян, К. С. Сараджев, А. Г. Тер-Гевондян, Н. Г. Кардян, О. А. Бабасян; 3-й ряд: Александр Арутюнян, Маргарита Шимгуян, Эдвард Мирзоян, Ася Тер-Григорян, Карлос Маркосян, Анаит Акопджанян, Ашхен Самвелян, Фелуш Мкртчян



Глава 6

Ты записался добровольцем?

Война в сознании 20-летнего юноши меняет все. Уже нет места ни творческим планам, ни встречам с любимой девушкой, ни розыгрышам друзей. Зарик, сын художника с мировой известностью Мартироса Сарьяна, не воспользовавшись бронью, добровольно уходит на фронт. Эдик решает последовать его примеру, но как не убить этим известием родителей?! У мамы почти ежедневно страшные, мучительные приступы мигрени. В их доме по улице Алавердяна над кухонным столиком висит большая карта СССР и Европы, на которой Эдик сразу же после начала войны флажками отметил расположение врага. От сознания, что линия фронта непреклонно отодвигается на Восток, с Люсей Богдановной почти каждый день истерика. Микаэл успокаивает: «Լյուսյա՛, մենք կհաղթենք, Ստալինը կհաղթի» (“Люся, мы победим, Сталин победит!”) – картина эта и сейчас стоит перед глазами Мирзояна. Соседка постоянно строчит анонимки: ее сына забрали, с какой стати отсиживается дома этот Эдик, и образование у него самое что ни на есть среднее – какая-то там “консерватория”. Его регулярно вызывают в военкомат, и, рассмотрев дело в очередной раз, так же регулярно отпускают обратно. Но знаменитый плакат: “Ты записался добровольцем?” стал последней каплей, чаша терпения Эдика оказалась переполненной. И в один из воскресных дней, когда растерянные родители не могли уже никуда позвонить с просьбой об отсрочке, Эдик на повышенных тонах сообщает о своем окончательном решении и уходит в армию. Отец дарит ему свою фотографию с дарственной надписью о том, чтоб исполнил свой долг перед Отечеством. ...А ровно через две недели, уже с опозданием, приходит бронь, которой добивалось все руководство Союза композиторов, обеспокоенное будущим многообещающего Эдика.

Мирзоян остался в распоряжении командования, однако 11 и 12 июля 1942 года напросился в командировку в Ереван под предлогом отсутствия сургуча: в эти дни состоялось исполнение Седьмой симфонии Шостаковича под управлением Микаэла Тавризяна. Совершенно потрясенный и сочинением, и исполнением, Эдик в тот вечер возвращался домой, избегая встреч со знакомыми...

Самое поразительное, что в письмах Микаэла Мирзаяна к сыну-солдату главной темой остается музыка. Отец подробно анализирует все композиторские премьеры последнего времени как нечто архиважное, как бы давая понять, что жизнь продолжается, а с ней живы и надежды на завтрашний день и композиторское будущее сына:

24.04.1942
Էդիկ ջան,

Քանի որ մամադ ընթացիկ անցուդարձի մասին քեզ հետ խոսում ու նամակներով էլ հայտնում է, ես այս նամակով քեզ տեղյակ կպահեմ մեր երաժշտական անցուդարձի մասին:

Անցած երկուշաբթվա սիմֆոնիկ համերգը՝ Իսպիր Խարաջանյանի ղեկավարությամբ, նվիրված էր հայ երաժիշտների ստեղծագործություններին, որտեղ կատարվեցին Ռոբերտ Աթայանի մարշը, Վարդան Տիգրանյանի [*կոմպոզիտոր Արմեն Տիգրանյանի որդին*] պոեմը և երկու վոկալ [*ստեղծագործություն*] Սազանդարյանի [*Տաթևիկ*] կատարմամբ և օրկեստրի նվագակցությամբ, Կ. Ջաքարյանի [*Կարո*] մի նոր քայլերգ [*«Կարմիր պարտիզանների քայլերգ»-ը*] և Մազմանյանի [*Մարտին*] սյուիտի 2 և 3 մասերը:

Ինձ առանձնապես հետաքրքրում էին Ռոբերտը և Վարդանը: Ռոբերտի նյութի մասին Սարաջևը [*Կոնսերվատորիայի դիրիժոր, ԵՊԿ ռեկտոր*] արդարացի է եղել, որ չի խրախուսել: Ռոբերտը իր՝ Ավետիք Իսահակյանի տեքստով գրած ռոմանսներով գլխովին բարձր է այս օրկեստրային [*ավագահամերգային*] մարշից: Մեղեդին աղքատ է իր թեմայով, որը զուրկ է թարմությունից: Այս աղքատ թեման կրկնվում է անվերջ և ստեղծում մոնոտոն տրամադրություն: Օրկեստրովկան [*գործիքավորում*] աչքի չի ընկնում իր առանձնահատկությամբ, բայց և անգրագետ չէ, ուղղակի միջակ որակի օրկեստրովկա է: Այդ նյութը տրամաբանական կենտրոններ, կուլմինացիա չունի ու անցավ անշուք: Մազմանյանի մասին չեմ գրում, դու այդ լսել ես ռադիոյով և կարծեմ կամերային կատարմամբ: Վարդանը պրետենզիայի տրամադրություն ունի - սկսում է հախուռն ակորդներով - մտածում ես, որ ոա սպիլօ ունդա գամովիդես [*վրացերենից բառացիորեն՝ էս ինչ փիղ ա դուրս գալու*]: Բայց այդ ջղային вступительный [*նախաբանի*] ակորդներից հետո աստիճանաբար գցում է թափը, կորցնում մտքի թելը, ստացվում են դատարկ տարածություններ, երբ ունկնդիրը մոռանում է հետևել երաժշտությանը: Նյութը տրամաբանորեն ամբողջացված չէ, չի նկատվում երաժշտական պատկերների հետևողականություն: Օրկեստրովկան գրագետ է, թեպետև ոչ գունագեղ: Նրա երկու ռոմանսներից մեկը հետաքրքիր էր, թեև ոչ կոլորիտային: Կարոյի մարշը հետաքրքիր է և ավելի լավ էր օրկեստրավորված, քան իր նախկին օրկեստրային գրվածքները:

Այն օրը, որ դու ինձ հետ խոսեցիր հեռախոսով, Թամար Շահնազարյանը ռադիոյով կատարեց քո «Ասում են, թե այնպես...»-ը, նվագակցում էր Ռոբերտ Աթայանը: Կատարումը բավարար էր և միայն

բավարար: Երբ հետագայում Շահնազարյանին պատահեցի, նա շատ ներողություն խնդրեց՝ ասելով, որ այդ օրը նա 8 ժամ պարապել էր իր ուսանողների հետ և հոգնած, ջարդված ձայնով է երգել, դասերից հետո ուղղակի եկել է ռադիո:

Քո զինվորական հարցի առթիվ դիմեցի մեր միությանը: Վարչությունը անցյալ գիշեր քննել է քո խնդիրը: Այսօր առավոտյան հանդիպեցի Մարտին Սերգեևիչին [*Մազմանյան, ԿՄ Վարչության նախագահի տեղակալ*], և նա ասաց, որ վարչության բոլոր անդամները բարձր գովեստներով արտահայտվեցին քո ստեղծագործությունների և երաժշտական ունակությունների մասին: Այժմ վարչության կազմի մեջ կոոպերացիայի միջոցով մտնում են նաև Շահվերդյանն [*Ալեքսանդր, երաժշտագետ*] ու Վարդգես Տալյանը [*կոմպոզիտոր, Է. Միրզոյանի դասատու*]: Որոշում են կայացրել, որ Մազմանյանն ու Տեր-Ղևոնդյանը [*Մնուշավան, կոմպոզիտոր*] այդ առթիվ տեսնվեն նախ Շահինյանի [*Անդրանիկ, Արվեստի վարչության պետ*] հետ, որպեսզի նա տեսակցություն ունենա Գրիգորի Արտեմիչի [*Հարությունյան, ՀԿԿ առաջին քարտուղար*] հետ, և եթե նա այդ կարողանա, այն ժամանակ իրենք են գալու վերոհիշյալի մոտ: Ուզում են խնդիր դնել, որ քեզ տեղափոխեն Երևանի դիվան և հնարավորություն ստեղծեն, որ դու չկտրվես քո ստեղծագործական աշխատանքներից:

<...>

Քո ***Միքայել***

24.04.1942, Ереван
(перевод Л. Епремян)
Эдик джан!

Поскольку мама держит тебя в курсе текущих событий, в этом письме я расскажу о новостях музыкальной жизни.

Симфонический концерт, состоявшийся в прошлый понедельник под руководством Испира Хараджаняна, был составлен из произведений армянских композиторов: исполнялись “Марш” Роберта Атаяна, “Поэма” Вардана Тиграняна /*сын композитора Армена Тиграняна*/ и его два вокальных /*сочинения*/ в исполнении Сазандарян /*Татевик*/ в сопровождении оркестра, новый марш Каро Закаряна /*“Шествие красных партизан”*/ и II и III части Сюиты Мазманяна /*Мартын*/. Меня особенно интересовали Роберт и Вардан.

Сараджев /*Константин, дирижер, ректор ЕГК*/ был прав, не поддержав сочинение Атаяна. В своих романсах на слова Исаакяна Роберт на порядок выше этого оркестрового марша. Тема мелодически невыразительна, бледна. Эта невыразительная тема повторяется бесконечно, создавая монотонное впечатление. Оркестровка также ничем особым не выделяется, но и нельзя сказать, что неграмотна – просто средней руки оркестровка. Этот музыкальный ма-

териал лишен логических центров, кульминации, в результате встретил холодный прием у публики. О Мазманяне здесь не пишу – ты слышал это сочинение по радио, кажется, в камерном исполнении. Вардан настроен претенциозно: сочинение начинается дерзкой россыпью аккордов – думаешь, что “ра спило унда гамовидес” /*груз.дословно: что за слон должен выйти*/. Но после этих нервно-импульсивных вступительных аккордов динамика сникает, теряется логическая нить, остаются пустые пространства, так что слушатель теряет нить развития. Материал логически не собран, нет последовательности в развитии музыкальных образов. Оркестровка грамотна, хотя и лишена красочности. Один из двух его романсов был интересен, хотя и не колоритен. “Марш” Каро мне понравился: он оркестрован лучше, чем прежние его сочинения.

В тот день, когда ты позвонил мне, Тамар Шахназарян исполняла по радио “Асум ен те...”, аккомпанировал Р. Атаян. Исполнение можно оценить на “удовлетворительно”, и только на “удовлетворительно”. Когда позже я встретил Шахназарян, она очень извинялась, объяснив, что в день концерта восемь часов кряду занималась со студентами и прямо с работы уставшая, разбитая пришла на студию.

По поводу твоей военной службы я обратился в Правление нашего Союза, вчера вечером обсуждался твой вопрос. Сегодня утром я встретил Мартына Сергеевича /*Мазманян, заместитель председателя Правления СК*/, и он сказал, что все члены Правления высоко отозвались о твоих произведениях и композиторских способностях. Сейчас по принципу кооперации в Правление входят также Шавердян /*Александр, музыковед*/ и Вардкес Тальян /*композитор, педагог Мирзояна*/. Постановили, что Мазманян и Тер-Гевондян /*Анушаван, композитор*/ по этому поводу сначала встретятся с Шаиняном /*Андраник, начальник Управления по делам искусств*/ с тем, чтобы он поговорил с Григорием Артемичем /*Арутюнян, Первый секретарь ЦК КП Армении*/, и если Шаиняну это удастся, Мазманян и Тер-Гевондян лично пойдут к Григорию Артемичу с просьбой перевезти тебя в ереванский полк и создать условия для того, чтобы ты не отрывался от творческой работы. <...>

Твой ***Микаэл***

Практически не отличаются оценки в письме-рецензии на тот же концерт Александра Арутюняна, который так обескуражен внезапным отъездом друга, что просто не в состоянии работать.

22.05.1942

Здравствуй, милый друг!

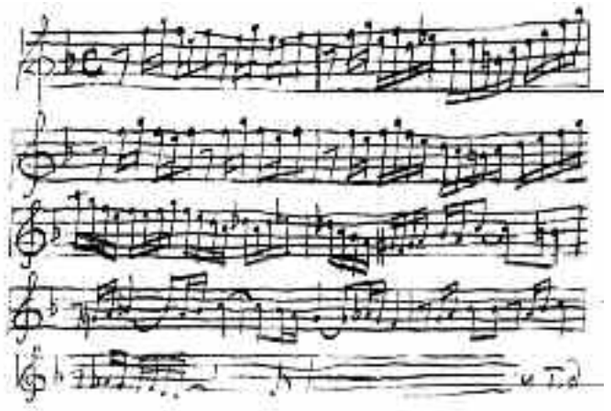
Получил твое письмо, был несказанно рад и спешу тебе ответить <...>. Во-первых, поживаем ничего, хорошо, т.е. так, как живут все люди в обстановке войны. Во-вторых, Белочка /*сестра А. Арутюняна*/ сейчас сдает экзамены, ты знаешь, что она кончает10-летку и целый день занята этим. Я, к моему стыду, должен тебе сказать, что в области творчества работал очень мало, потому что после твоего неожиданного отъезда я очень скучал по тебе (хотя это, по-моему, не стыдно), но сейчас я начал интенсивную работу над Увертюрой для симфонического оркестра, посвященной XXV-летию славного Октября. Уже сделал первую тему, которую посылаю с письмом. Думаю закончить месяца через два. Если б ты был здесь, мы с тобой вместе дружно написали бы что-нибудь, я всегда мечтал об этом.

Дальше. Месяц тому назад состоялся симфонический концерт, посвященный творчеству армянских композиторов. Самое слабое впечатление я получил от марша Роберта Атаяна. Оркестр звучал жидко и некомпактно, это, я думаю, отчасти и от его гармонического языка, который в этом марше не нравился ни мне, ни тебе, помнишь? Очень и очень жалкое впечатление оставила на меня “Поэма” Вартана Тираняна, который назвал ее “Отечественная война”, название очень ответственное и требует от композитора большого мастерства. Вартан не справился с этой задачей, “Поэма” получилась кусковатой и обрывалась на каждом такте. Потом в Союзе композиторов состоялся диспут, где Вартана здорово крыли. Из этого концерта мне немного понравилось “Шествие красных партизан” /*Каро Закаряна*/. Кажется, клавир я и ты очень давно играли в Союзе композиторов. Концерт прошел очень вяло и бледно. Все мне говорили, что им опять хочется послушать мой Концерт /*Фортепианный*/ и твою поэму /*“Лореци Сако”*/. Вообще публика, как я это заметил, хочет, чтобы повторили наш концерт. <...>

Целую тебя, крепко обнимаю, твой друг, который тебя никогда не забывает

Твой ***Котик.*** Пиши.

Тема Увертюры:



– Войну я переживаю до сих пор, – говорит Э. Мирзоян, **– причем не как воспоминание, а как реальность. Я очень тяжело переживаю смерть людей, особенно моих близких, однокашников. До сих пор не могу забыть Лусегена Чубаряна** */брат скульптора Гукаса Чубаряна/* **– круглый отличник и вместе с тем шалун, ловкий в играх. Он подсказывал, ему делали замечание – все равно подсказывал. Вардан Азизян, Сурик Адамян** */сосед/* **– необыкновенные ребята. На войне погибли мой троюродный брат Котик Першангов, двоюродный брат Сурик Мирзаян, который учился в Ленинградской консерватории. Героически погиб, знал, что идет на смерть: рота должна была отступать, ему поручили прикрыть отступление – мне рассказал музыковед Александр Татевосян... Так что одно дело – настроение вообще, другое дело, когда ты переживаешь, потом время отдаляет это событие, но оно все равно не отпускает – до сих пор не теряется сила ощущения этой боли... Мне кажется, что "Антуни" в Квартете появилось не случайно – там есть воздействие событий военных лет.**

Рядовой Мирзоян поступает в распоряжение 964-го артиллерийского полка 409-ой дивизии, расквартированной в Ленинакане, где он прослужил восемь месяцев (с марта по ноябрь 1942 года).

Дело приобретает неожиданный оборот в один из летних дней, когда Эдик по поручению командира перевозит на санях сено. Навстречу ему едет "вилис", и что-то заставляет солдата выпрямиться и отдать честь. "Эдик!" – окликают его из машины. Это Итинсон, муж Раисы Саркисовой, студентки Константина Соломоновича. Итинсон, занимая пост помощника прокурора Закфронта, просит военного прокурора взять рядового Мирзояна писарем. Мирзояну выделяют отдельный кабинет, поручая предварительное расследование часто очень непростых дел. Так, по сути, с первого в жизни административного поста начинается общественная деятельность Эдварда Мирзояна.

Испытания следуют одно за другим.

– Мне поручили так называемое предварительное расследование дела Ванесова из Карабаха. Рыжий такой, с усами – когда чистил винтовку, случайно выстрелил в руку. Я решил побеседовать с его однополчанами. Ничего, кроме добрых слов в его адрес, я не услышал, о чем и доложил следователю Карлосу Агамаляну. Прокурор наш, Костанян, был малообразованным и неважным человеком. Ход следствия его не устроил, и он перепоручил это дело следователю Хачатурову и велел доказать, что был умышленный самострел. Тот доказал. Ванесова приговорили к расстрелу и дело послали на утверждение в Верховный Совет СССР. Шли дни, у нас был настоящий траур, все ждали утверждения, понимая, что изменить уже ничего невозможно. И вот однажды ночью пришла телеграмма за подписью Калинина: "Дело Ванесова за недоказанностью прекратить, его из-под стражи освободить". Радости нашей не было предела, Агамалян получил от Ванесова бутылку тутовой водки, и там я в первый раз в жизни ее попробовал. Теперь тутовая водка из всех напитков для меня вне конкуренции.

Годы спустя депутат Мирзоян с тем же пылким рвением участвовал в расследовании криминальных дел самого разного характера. Однако защищал людей только в том случае, когда своей безошибочной интуицией убеждался в их порядочности – он против философии беспринципного всепрощения. Для гуманиста по мироощущению Эдварда Мирзояна понятие СПРАВЕДЛИВОСТИ существует как исключительная ценность, как некая ирреальная, не поддающаяся эмпирическому опыту категория мироздания.

– В чем вы находите утешение?

– В справедливом итоге ситуаций, в которых, кажется, уже не может быть ничего справедливого.

Однажды, когда на пороге третьего тысячелетия я взяла у композитора интервью для газеты "НВ", он четко озвучил свою позицию:

– В Новый год всем нам желаю хорошего настроения и радости созидания. А каждому лично – того, чего он заслуживает. И если, не дай Бог, он заслуживает вышки, именно вышки ему и желаю. Только так. Великодушие по отношению к явно выраженной порочности, преступности – это не великодушие. Это беспринципность и глупость, которая, в конечном итоге, вредит всем.

Допуская в единичных случаях судебную ошибку и не допуская превращения этой ошибки в массовое явление, я прямо хочу сказать: отмена высшей меры наказания направлена против человечности. Совершаются такие преступления, когда высшая мера – наивысшая справедливость. Человечество с каждым днем все более убеждается, что отмена смертной казни – это какая-то недостойная игра в демократию, одна из форм цинизма в отношении законности и справедливости.

Вот дело Джанибека Джанибекяна – он работал бухгалтером и выписал в качестве месячной зарплаты лишних 50 рублей. Осудили на непомерный в соотношении с содеянным срок: на 12 лет. Пришла к депутату Мирзояну его жена – худая, изможденная – с просьбой помочь. Такая возможность была: если осужденный просидел уже полсрока, его могли помиловать. Сидел Джанибекян уже семь лет, и Мирзоян взялся за это дело. Комиссия Верховного Совета рассмотрела его ходатайство и решила сократить срок на два года, но в помиловании отказала. Мирзоян буквально бился за осужденного: "Он раскаивается в содеянном, не достаточно разве семи лет тюремного заключения? У него больная жена..." – "Нет". Тогда Мирзоян, возмущенный бесчеловечностью членов комиссии, про-

сит, чтобы в протоколе отметили его особое мнение. Они соглашаются. И вдруг председатель говорит: “Не настаивай, если единственный голос “за” принадлежит представителю законной власти, Верховный Совет решения не утвердит, и сокращение срока на два года будет считаться недействительным”...

– Я занимался этим делом, потому что было видно, что это приличный человек. Джанибек в тюрьме написал пьесу и послал ее в Союз писателей. Сюжет примерно такой: честного человека хотят вовлечь в грязное дело, его начальник сидит и обжирается курицей. Вот такая наивная история о том, как он хочет честно жить, но не может. Это не случай – это система, это трагедия нашего времени.

1965 год
(перевод с армянского Л. Епремян)
Уважаемый гр. Мирзоян – хороший человек!

Пару дней назад узнал о том, что благодаря вашему содействию мне сократили срок на два года. Не будучи со мной знакомым, вы поверили в меня и пытались достичь еще больших результатов, сделать больше, но и то, что удалось, – немало, это помощь, помощь огромная, неоценимая, и я очень вам благодарен. Вы потратили уйму времени, у вас болела душа обо мне, о моей семье. Мне тяжело, что доставил вам беспокойство, что, не желая того, стал обузой для вас. Простите меня, пусть простит меня семья ваша и ваши детки, чей отец жертвует своим временем, предназначенным им.

Пишу, в первую очередь, вам, благодаря и извиняясь. Потом поспешу обратиться к семье своей, призывая их к терпению, а у меня уж, ничего, выдержки хватит. Два дня назад я имел перед глазами мытарства длиной в пять долгих лет, а сегодня этот путь стал короче на два года, и это не кажется мне незначительным. Я хотел бы как можно раньше вернуться домой, если срок в семь лет достаточен для такого, как я. Не желал бы я так истираться в пыль – ведь, обвиняя меня в хищениях, надо учитывать, что жил я не в таких уж нормальных условиях. Нужда ослепила меня на недолгое время, и, как тогда, так и сегодня, семья моя из одной ветхой лачуги ценой нескончаемых просьб переезжает в другую – такую же неприглядную, и сейчас стоит перед нерешаемой проблемой квартплаты. Так бы хотелось поскорее вернуться в общество и предостеречь от своего неверного шага одного, другого, что служило бы мне невыразимым утешением... Но это невозможно, я знаю, и уже примирился с этим, вновь и вновь благодарю вас за все...

Оставайтесь с добром, хороший человек, прекрасный гражданин и достойный депутат!

С уважением ***Джанибек Джанибекян***

...Однако вернемся в 1942 год. К счастью, артиллерийский полк 409-ой дивизии все восемь месяцев службы Эдика находился в Ленинакане. Как-то его отпустили на пару дней домой, и семья на радостях отправилась на вечерний спектакль в Театр музкомедии имени Пароняна. Контраст между солдатскими буднями и нарядной театральной обстановкой стал настоящим шоком для солдата. Как же так, идет война, умирают люди, а тут как ни в чем не бывало народ, принарядившись, ходит на комедийные спектакли! Все перевернулось в его представлениях. К тому времени медицинская комиссия выявила у Мирзояна врожденный порок сердца – вот, оказывается, в чем причина его постоянных одышек. Благодаря поставленному диагнозу Мирзоян был записан как годный к нестроевой службе. Когда пришла бумага за подписью заместителя начальника Управления по делам искусств Завена Вартаняна начальнику спецотдела Ахназаряну: “Прошу безотлагательно забронировать композитора Эдварда Мирзояна”, бронь была оформлена, и Мирзоян в Ленинакан уже не вернулся. Через два месяца 409-ая стрелковая дивизия отправилась на передовую линию фронта, где понесла тяжелейшие потери...

1936 год

Глава 7

Танцевальная сюита

В армии Эдвард Мирзоян с новой силой ощутил непреодолимую тягу к композиции. Понятно, что другой темы в этот период в его творчестве не было и быть не могло – он написал около десяти патриотических песен, ставших довольно популярными. Показательна судьба сочиненной в первые дни войны песни «Հայրենիքն է կանչում» /*"Родина зовет"*/ на слова А. Вштуни. Резко раскритикованная в Союзе композиторов (примитивно, банально, нет национально-характерных интонаций) и все же исполненная по инициативе руководителя хора Радиокомитета Каро Закаряна, песня стала необыкновенно популярной, доказав демократичность мелодического мышления Мирзояна[34].

– Когда наши войска перешли в контрнаступление, после каждой победы на фронте по радио передавались приказы Верховного Главнокомандующего. По Центральному радио после оглашения приказа (читал Левитан) звучал "Гимн партии большевиков" Александрова, который позже стал Гимном Советского Союза, а теперь это – Гимн России. Через два часа тот же приказ передавался на армянском языке по Радио Армении, после чего каждый раз звучала моя песня «Հայրենիքն է կանչում» в исполнении хора и оркестра.

В 1944-ом для исполнения на Закавказской Декаде Мирзоян представил симфоническую поэму "Героям Отечественной войны", премьера которой состоялась в Ереване и прошла настолько удачно, что произведение было рекомендовано для исполнения на Закавказской Декаде. Впоследствии композитор Юрий Шапорин писал: "Впервые с музыкой Эдварда Мирзояна я познакомился в 1944 году в Тбилиси, во время музыкальной Декады Закавказских республик. Уже тогда я смог оценить как незаурядное композиторское дарование Мирзояна, так и техническую оснащенность молодого композитора в области музыкальной формы и в области оркестра"[35].

Успех произведения оказался настолько большим, что композитор сразу же получил заказ на сочинение "Танцевальной сюиты"

[34] По предложению К. Сараджева песня была оркестрована Александром Арутюняном, так как Э. Мирзоян служил в армии.
[35] Архив Э. Мирзояна.

(1945), которая не потеряла своего мелодического обаяния по сей день, отражая дух времени, почвенность и композиционную ясность творческого мышления Мирзояна. ***Инварианты стилистического почерка*** композитора, невзирая на резкий, кардинальный перелом в его мышлении в будущем, прослеживаются здесь достаточно явно. Это ***динамичный пульс внутреннего ритма*** сочинения; ***высокая степень выразительности тематического материала***, ***"нескучность", нетривиальность мелодической линии.*** Это ***подчеркнутые контрасты в едином токе развития***. И в то же время ***полифоническое слышание*** ткани, расцвеченное оркестровой палитрой. Нельзя не отметить глубокого, бархатного тембра духовой группы инструментов, который выдает в нем серьезного знатока мировой классики и, в частности, раскованной, свободной оркестровой звукописи романтиков. Осознанный отказ от состава большого симфонического оркестра в Симфонии для струнных и литавр в этом контексте приобретает концептуальное значение ПОВОРОТА к графичности и своего рода ПРЕОДОЛЕНИЯ ***пышной звукописи и образности хачатуряновского толка***, которая в "Танцевальной сюите" еще отчетливо просматривается. Наконец, важнейшим штрихом в стилистическом почерке "Танцевальной сюиты" становится ***широкий, "бескомплексный" взгляд на сущность национального***, когда материалом для этнической конструкции может служить самый неожиданный комплекс элементов, в том числе и "с подозрительным генезисом" происхождения, свойственный многим образцам городской культуры. ***Подобно Хачатуряну, он и в будущем свободно оперирует в широком смысле интонацией городского музыкального творчества***, признавая правомерным материалом профессионального композиторского искусства не только отшлифованные до алмазной чистоты комитасовские монодии ("Ес кез теса..."), но и, к примеру, популярную песенку "Керин екав мер бакэ". Причем два этих пласта он использует в одновременности, в одном сочинении, не исключая даже, что "Керин екав...", судя по некоторым особенностям (припеву, например), возможно, неармянского происхождения.

"Танцевальная сюита" стала по-настоящему популярна не только в оркестровом варианте. Знаменитая "Лезгинка" (IV часть) в переложении для фортепиано в 4 руки – одна из лучших концертных виртуозных пьес в армянской фортепианной литературе.

Сохранилась рецензия на это сочинение Николая Мясковского. По черновой, неотредактированной партитуре "Танцевальной сюиты", которая непонятным для Мирзояна образом попала в руки Мясковского, тот письменно высказал свои соображения. Совершенно очевидно, что единственный, кто мог направить рукопись Мастеру, был Сараджев, близко знавший Николая Яковлевича и болеющий за своего воспитанника. Заметьте, как смело перепоручают

своих студентов Тальян – Сараджеву (несмотря на напряженные личные отношения), Сараджев – Мясковскому, понимая, что только в обстановке открытой диалогичности и полемичности творческой обстановки может родиться жизнеспособное искусство нового времени. Мясковским было написано два отзыва о произведениях Эдварда Мирзояна. Один из них (утерян) касается поэмы "Лореци Сако". По воспоминаниям Эдварда Михайловича, он начинался словами "Музыка хорошая, естественно развивается" и содержал конкретные замечания по цифрам партитуры.

"***О сюите для большого симфонического оркестра Э. Мирзояна.***

Сюита для симфонического оркестра Э. Мирзояна написана в национальном стиле с заметным влиянием приемов А. Хачатуряна.

Музыка не отличается сложностью, все четыре части прозвучат ясно и достаточно выразительно.

Партитура, хотя далеко не отшлифована, пестрит небрежностями и даже местами вовсе не дописана (отмечено мной знаком вопроса), но звучать в общем будет, так как сделана без полифонической и педальной перегрузки и отчетлива по выбору красок"[36].

Важнейший штрих в этой характеристике касается влияния Арама Ильича. Когда на одном из застолий Эдвард Мирзоян поднял бокал за Хачатуряна, сказав, что вся армянская симфоническая музыка берет начало с Первой симфонии Хачатуряна, тот недоверчиво спросил: "Ты и потом будешь говорить то же самое?" – "Да, конечно, Арам Ильич".

То, что влияние Хачатуряна на становление мирзояновского композиторского мышления огромно, – непреложная истина. Однако оценка творчества Мирзояна как абсолютно "постхачатуряновского" вскоре стала общим местом в осмыслении исторической роли Мирзояна и "пятерки" в целом. Мы говорим "Хачатурян" – подразумеваем "постхачатуряновское поколение". Так ли это на самом деле? К этому вопросу мы еще вернемся...

С самых первых шагов Хачатурян поддержал талант Эдика, которого знал как сына талантливого, неординарного Микаэла. Хачатурян никогда не сомневался в силе творческого дара Мирзояна и всегда его ценил: «Դուն մեծ տաղանդ ես և իրավունք չունես այդ ոսկի հասակիդ ժամանակ քո տաղանդին ուշադրություն չդարձնել: Ամեն մէկ տաղանդ ունի իր [*առանձնա*] հատկությունները: Քո տաղանդի [*առանձնա*] հատկությունն այն է, որ նա շատ համեղ է, շատ կյանքին մոտիկ է և շատ դեմոկրատիկ է: Խնդրում եմ քեզ, ուշադիր եղիր դեպի քեզ: Իմ սխալներս աշխատիր հիշել և մի՛ կրկնիր» *(հատված նամակից, 09.01.1962, Մոսկվա)*:

[36] Мясковский Н. Статьи, воспоминания, письма, т.2, М., 1960, с.239.

"У тебя большой талант, и ты не имеешь права пренебрегать им в золотую пору жизни. Каждый талант имеет свои особенности. Особенность твоего дара – в его "вкусности", жизненности и демократичности. Прошу тебя, будь внимательнее к себе. Помни мои ошибки и не повторяй их"*(из письма Э. Мирзояну*, *09.01.1962*).

Но Хачатурян не мог не видеть, что Мирзоян своим творчеством не замыкается в системе хачатуряновских координат, что, начиная с Квартета Мирзояна 1947 года, в армянской музыке открылся новый, иной вектор развития музыкального искусства. Показательна в этом смысле "никакая", игнорирующая реакция Арама Ильича на исполнение Квартета Мирзояна в 1948 году, которая, впрочем, изменилась спустя годы. Не менее показательно его мнение о Скрипичной сонате Бабаджаняна уже в 1960-ом: "Не знаю, не знаю, куда это ведет. Если это новаторство, то это уже слишком".

Возможно, именно творческое противоборство с новым поколением музыкантов, впитавшим его традиции и кардинально преобразовавшим их, служило незримым, бессознательным фоном непростых человеческих взаимоотношений близких по духу людей. Образно выражаясь, если Хачатурян сделал гениальный перевод классических канонов симфонического жанра на восточную и, в частности, армянскую тему, то Мирзоян пошел по кардинально иному пути. Он доказал адекватность национального симфонического мышления в системе классической традиции симфонизма. Новизна его подхода – в отказе от восточных трансформаций классических архетипов, которые раскрыты на армянском материале. Именно Мирзоян радикально сменил акценты в приоритетах дальнейшего развития армянской композиторской школы и обозначил главную – комитасовскую линию, впервые отраженную в симфоническом искусстве. Главной категорией, сближающей Мирзояна с Комитасом, я бы назвала категорию МЕРЫ, далекую от восточного ее постижения. Пафосность, эпическая мощь жизнеутверждающего искусства Хачатуряна в декорациях Мирзояна контрастируют аскетичностью красок, глубоким психологизмом, камерными масштабами. "Мне кажется, по характеру я, скорее, восточный человек, а по музыке – западный ", – говорит Мирзоян, очерчивая вектор собственной творческой направленности: от рубенсовского хачатуряновского великолепия – к графической фактуре спрессованной музыкальной идеи.

Неоднократно я сталкивалась с тем, что об отношениях с Хачатуряном Мирзоян не может говорить без волнения. Откровенно говоря, ту неизмеримую массу энергии, которую он потратил только на восстановление Гимна АрмССР в Республике Армения в версии Арама Ильича, хватило бы на то, чтобы пустить в действие энергетический блок ядерного реактора. Начиная с первого Президента Левона Тер-Петросяна, он сделал этот вопрос мерилом, камертоном

своих отношений с первыми лицами государства и, по большому счету, достиг невероятного результата: гимн Хачатуряна утвержден в качестве официального. Однако войти в свои права мелодия Хачатуряна сможет только после утверждения нового текста гимна.

Известно, что Хачатурян какое-то время откровенно негативно относился к Мирзояну, его убедили, что именно Эдик повинен в затягивании строительства Дома-музея якобы из зависти к невообразимой, беспрецедентной для композитора популярности Хачатуряна в мире. На самом деле байка эта пошла гулять по свету с подачи первого секретаря ЦК КП Антона Кочиняна, который, указав на Мирзояна, сказал Хачатуряну полушутя: "Это он виноват, что Дома-музея все еще нет". Кочинян, намекая на дотошность Эдварда Михайловича, который замучил придирками к проекту, смете и т.д. – всему тому, что они уже вместе проходили при строительстве ДТ в Дилижане и ДК в Ереване, – не мог предполагать, что укоризненная фраза в адрес единомышленника[37] послужит мощным фундаментом для возведения анти-мирзояновской клеветнической конструкции. Понятно, что при высоком общественном и политическом весе Мирзояна претензии по всем организационным вопросам в сфере музыкальной культуры Армении предъявлялись в первую очередь ему и его ближайшему окружению. Однако подобное развитие событий исключено. Недостаточно того, что Мирзоян – личность иного измерения, уровня и масштаба, это человек ВЕЛИКОЙ ДУШИ. Это не частное мнение, а ключ к его музыке, секрет его творчества. Однако есть и другое обстоятельство: Хачатурян и Мирзоян творили в разных измерениях, векторы их творческих устремлений разнонаправлены. Поэтому мешать друг другу они никак не могли.

История строительства Дома-музея Хачатуряна и сегодня продолжает обрастать новыми легендами. Речь уже идет о том, что Араму Ильичу в Ереване будто бы негде было остановиться, он скитался по гостиницам, безуспешно добиваясь от властей хотя бы угла. Однако известно, что нынешний Дом-музей построен на месте особняка Хачатуряна, который был подарен великому композитору еще первым секретарем ЦК Григорием Арутюняном, наряду с особняками певицы Айкануш Даниелян, поэта Аветика Исаакяна и маршала Баграмяна. Арам Ильич передал этот дом семье брата, Вагинака Ильича, и чтобы его освободить под музей, требовалось выделить квартиру жильцам. Пришлось немало потрудиться, и вскоре поступило решение Секретариата ЦК Компартии Армении об освоении особняка: "Поручить Исполкому Ергорсовета (тов. Г. Асратяну) в 2-месячный срок выделить "одну трехкомнатную и одну однокомнатную квартиры". Но, по странному стечению обстоя-

[37] "Мой самый любимый человек, Эдик, дорогой", – пишет Кочинян Мирзояну в записке (см. с.198).

тельств, решение это не выполнялось. Эдвард Михайлович шел на невероятные авантюрные уловки, чтобы сдвинуть с мертвой точки вопрос Дома-музея. Чего стоит только святая ложь Араму Ильичу, которого он вызывает на прием к первому лицу республики, в то время как ничего не подозревающему Кочиняну тоже докладывает о большом желании композитора встретиться с ним (на этой встрече прозвучала злополучная фраза Кочиняна). Договоренность с Кочиняном о начале строительства Дома-музея была достигнута именно на этой встрече. Но дело снова застывает на нуле.

– Я стал демонстративно избегать встреч со своим другом, председателем горсовета Г. Асратяном – еле здоровался. И однажды он не выдержал: на одном из приемов в Верховном Совете подошел ко мне: «Ախպե՛ր ջան, էդ սառնությունը, որ ունես իմ հանդեպ, հանի՛ր. ես մեղավոր չեմ» – «Բա ո՞վ ա մեղավոր, Քոչինյա՞նը» (“Брат, я не виноват – измени свое холодное отношение ко мне”. – “Кто же тогда виноват, Кочинян?”): Прямого ответа на этот вопрос я не получил, но почувствовал всю сложность ситуации. Антон Ервандович просто боялся – боялся реакции из Центра, очевидно, ему дали понять, что Дом-музей Хачатуряна – непозволительная роскошь. Ведь ни у Шостаковича, ни у Прокофьева в Москве музеев не было, хотя их уже не было в живых. А тут возводится музей последнему композитору из этой триады, да еще и в национальной республике, да еще при жизни!

Об отношении Мирзояна к Хачатуряну словами не скажешь – обо всем сказано музыкой, “Поэмой-эпитафией” памяти Хачатуряна. Бессильный перед недоброй молвой, Мирзоян трагически пережил разрыв с Хачатуряном. И когда недоразумение было прояснено, сказал слова, не вязавшиеся с атеистическими взглядами композитора:

– В таких случаях я говорю: «Վերև Աստված կա...» (“Бог есть...”).

Когда все-таки удалось начать возведение здания, Мирзоян лично контролировал ход строительных работ Дома-музея, который возводился параллельно залу имени Бетховена в Дилижане.

Непростая творческая биография Хачатуряна пестрит безосновательными, огульными критическими замечаниями в его адрес музыковедов, околомузыкальных чиновников разного масштаба и в период пресловутого Постановления, и много позже. И на протяжении всех этих лет Арам Ильич, по-отечески заботящийся о молодом поколении армянских музыкантов, нередко сам ищет у них защиты и утешения. Эдвард Мирзоян становится для него единомышленником, который в трудную минуту всегда готов не просто поддержать, а дать точную оценку ситуации и предпринять ряд безотлагательных мер для ее изменения.

19.04.1967, Մոսկվա,
կոմպոզիտորների պլենում
Միրելի՛ Էդիկ,

Սարսափելի անհետաքրքիր է այստեղի խոսակցությունը: Բոլորը սուտ են խոսում:

Անհետաքրքրության պատճառով վճռեցի գրել քեզ այս նամակը:

Խոսում է այս անտաղանդ մարդը՝ Դանիլևիչը [*Լեվ, երաժշտագետ*]: Վախկոտ մարդ է և ահագին «կոնյուկտյուրիստ» է: Ամեն մի խոսքը տասը անգամ տանը կշեռքի վրա կշռել է:

Պոլյակները [*լեհերը*] ոչինչ չեն ասում: Նրանք պատրաստ են ամեն բան թույլ տալ իրենց իրականության մեջ և նույնպես երաժշտության մեջ, միայն պատերազմից հետո պահպանվեն իրենց երկրի սահմանները:

Նրանք մեզ հետ են մինչև այս ժամանակը, քանի որ մեր օգնութեամբ նրանք <u>այժմ</u> կարող են պահպանել իրենց երկրի սահմանները: Եթե այդ կողմից մեր կարիքը չունենան, իմ կարծիքով, մեր, այսպես ասած, «բարեկամները» մեզանից շուռ կգան:

Այսօր ես համարում եմ ինձ երջանիկ, որ ժամը 7-ին քո կատարմամբ կլսեմ քո նոր գործը՝ «Սոնատը» [*թավջութակի և դաշնամուրի համար*]: Ներողամիտ եղիր իմ հայերեն լեզվի [*համար*]:

Մնում եմ քեզ սիրող՝

Արամ Խաչատրյան

19.04.1967, Москва, Пленум СК
(перевод Л. Епремян)
Дорогой Эдик!

Ужасно неинтересный здесь ведется разговор. Все врут. Все так неинтересно, что решил написать тебе это письмо.

Говорит эта бездарь Данилевич /*Лев, музыковед*/ – трус и коньюктурщик. Видно, что дома каждое слово взвешивал по десять раз.

Поляки в ответ молчат. Они готовы допустить все на свете и в своей стране, и в своей музыке, лишь бы сохранить послевоенные границы. Они будут с нами до тех пор, пока с нашей помощью могут сохранять эти границы. Если наша помощь в этом вопросе им больше не понадобится, как мне кажется, так называемые “друзья” отвернутся от нас.

Я счастлив, что сегодня в 7 часов смогу услышать в твоем исполнении твое новое сочинение – “Сонату” /*для виолончели и фортепиано*/. Извини за мой армянский.

Остаюсь любящий тебя

Арам Хачатурян

– В 1970-х годах мы были в Варшаве с солидной делегацией: Хренников, Хачатурян, Эшпай, Караев, Савинцев, – рассказывает Мирзоян. – **Отношения с Польшей были плохими: они счи-**

тали советских композиторов провинциалами, а мы их – реакционными авангардистами. На официальной встрече выступили Хренников и Сикорский /*Казимеж, председатель СК Польши*/**. Реакция поляков – молчание, воцарилась неловкая тишина. И тут поднялся с места Хачатурян. Как он выступил! Это было потрясающе! Весь его ум, талант, гений проявились в этот щекотливый момент: "Я за искренность. Самое главное – искренность. Неважно, в какой технике написано сочинение, если это сделано искренне, я поддерживаю". Ситуация резко изменилась, все перевернулось...**

По моей инициативе мы организовали Декаду польской музыки в Армении (декабрь 1968 года), хорошо организовали. Это было непросто при таких отношениях. Приехали Берд, Бацевич, Твардовский, Млодиевский, Пендерецкий. К слову, во время исполнения камерного сочинения Пендерецкого я шепнул Хачатуряну: "Арам Ильич, вы знаете, что его бабушка армянка?" – "Не может быть". Поздравляя Пендерецкого, я спросил: "Откуда столько экспрессии в Вашей музыке?" – "Ничего удивительного, моя бабушка армянка".

02.1963
(записка на Всесоюзном пленуме)
Սիրելի՛ Էդիկ, (Дорогой Эдик,)

Хотел бы написать по-армянски, но уйдет много времени. Ты провоцируешь меня на армянское письмо, но ты не раз убеждался, что я писать по-армянски умею. Конечно, все решает талант. Понятие таланта вбирает в себя понятие не только чисто музыкальное. В это понятие входят и владение техникой, и мировоззрение художника,

Ереван, 2009
С Кшиштофом Пендерецким на фестивале польского композитора

личность художника, его честность, его чуткость, его любовь и преданность родине и еще многое, многое. Данилевич! Этот приспособленец, мудак и трус сказал чепуху. Всякий композитор, хороший композитор должен изобретать. Вопрос в том – изобретательство ради изобретательства (как у наших гостей) или новые идеи, новые мысли рождают новый язык, новые приемы, новые средства.

Писать хочется много, но места нет и времени. Пока прими мою любовь и мою солидарность.

Твой ***Арам Хачатурян***

[*ի պատասխան*]
Արամ Իլյիչ,

Այս բոլոր խոսակցությունները, հայերեն լեզվով ասած, ֆնդխ են: Տաղանդ կա, ուրեմն՝ կա ամեն բան՝ ներառյալ սոցիալիստական ռեալիզմ: Իսկ եթե տաղանդ չկա, «Իմտերնացիոնալը» անգամ չի փրկի: Ձեզ ասում են, որ Դուք չեք հնարում (не изобретаете): Ճիշտ չէ: Բոլոր ստեղծագործողները հնարում են, հազար ու մի կոմբինացիաներ են կատարում: Բայց երաժշտություն ստացվում է այն ժամանակ, երբ կա տաղանդ: Ինչքան էլ որ Դուք հնարեք, մեկ է՝ երաժշտություն կստացվի:

Սիրով՝ ***Էդ. Մ.***

/*записка в ответ*/
(перевод Л. Епремян)
Арам Ильич,

Все эти разговоры – полная ерунда. Если есть талант, значит, есть все, включая метод соцреализма. А если нет таланта – не спасет даже "Интернационал" /*см. комментарий Мирзояна ниже*/. Вам ставят в вину то, что Вы "не изобретаете". Это неправда. Все композиторы изобретают, осуществляя тысячи комбинаций. Но музыка в итоге получается только тогда, когда есть талант. Что бы Вы ни изобрели, получится музыка.

С любовью ***Эд. М.***

– По поводу "Интернационала" есть такая история. Армен Гулакян /*главный режиссер театра имени Сундукяна в Ереване*/ **ставит "Гамлет". Худсовет театра никак не может найти решения финала спектакля, потому что законы соцреализма никак не допускают гибели героя. Напряженно ищут разные варианты. Тут одного из членов худсовета осенило: он предлагает вывести весь состав на авансцену и спеть "Интернационал". Ему возражают коллеги из худсовета: мол, не надо петь, лучше продекламировать текст "Интернационала". В углу, наблюдая за всем этим кошмаром, сидит мрачный, расстроенный Микаэл Манвелян (замечательный артист, один из признанных Яго). Оборачиваются к нему:**

Москва, 1971
Международный
музыкальный конгресс.
Слева направо:
Люси Ишханян,
Арно Бабаджанян,
Майя Плисецкая,
Арам Хачатурян,
Родион Щедрин,
Нина Макарова,
Елена (Ляля)
Степанян-Мирзоян,
Эдвард Мирзоян

– Դյադյա՛ Միշ, կարծիքդ (“Дядь Миш, твое мнение”):

– «Ինտերնացիոնալը» աշխարհը կփրկի, բայց էս պիեսը չի փրկի… (“Интернационал” спасет мир, но эту пьесу ему не спасти...”)

Сохранился документ эпохи – письмо Микаэла Мирзаяна сыну, в котором описан банкет в честь А. Хачатуряна. Эта зарисовка выдает большой сатирический талант Микаэла Мирзаяна, родственный перу Ерванда Отяна.

20.03.1947, Երևան

Էդի՛կ ջան,

Վաղուց ուզում էի քեզ գրել մի շարք՝ «Դեմքեր ու դեպքեր», բայց զբաղվածությունս միշտ խանգարել է: Թեպետ ասելիքս որոշ չափով կորցրել է իր թարմությունը (վերաբերում է Ա. Խաչատրյանին նվիրված բանկետին), բայց որոշ էպիզոդներ բավականին նշանակալից են, որպեսզի ուշադրություն գրավեն:

Ցանկությունը մեծ էր բանկետ կազմակերպելու համար, բայց միջոցները շատ էին աղքատ: Էժան պրծնելու համար դեռ ուզում էին մասնավոր տան մեջ կազմակերպել, բայց ո՛ւմ տանը կարող են 40 մարդ տեղավորել: Վերջը ոհսկ արին «Ինտուրիստ»-ում կազմակերպել՝ մարդագլուխ պարտավորեցնելով 20 ռուբլի վճարել: Մտածում էին հրավիրել խոլոստոյի կամպանիա [*հավաքույթ՝ առանց կանանց*]՝ մտածելով, որ եթե կոմպոզիտորների կանանց հրավիրեն, շատ ծախս կնստի: Վերջին օրը որոշեցին մի քանի կոմպոզիտորների կանանց հրավիրել, որոնց թվում և քո մորը: Նախօրոք պայմանավորված էր, որ Անուշավանն է [*Տեր-Ղևոնդյան, կոմպոզիտոր*] լինելու թամադա:

Գիշերվա ժամը տասին հավաքվեցին հյուրերը, դեռ Արամ Իլյիչը չկա: Անուշավանը աջ ու ձախ նայեց, տեսավ հրավիրված կանայք, իր աղջկան /*կնոջը*/ չեն հրավիրել ու պլյուս՝ պարտադրել են թամադություն անել, իսկույն տրամադրությունն ընկավ, սկսեց չեմ ու չում անել, թե գլուխը ցավում է, տրամադրություն չունի թամադություն անելու: Գր. Եղիազարյանը [*Գրիգոր, կոմպոզիտոր*] ևս քիթը կախեց գնաց, թե ինչու կնոջը չեն հրավիրել <...>: Մեկ էլ տեսանք՝ ներս մտավ Խորեն Թորջյանը [*երաժշտագետ*]: Իսկույն լուսավոր դահլիճի մեջ մի սև ստվեր փովեց: Բոլորը հետ նայեցին, տեսան Խորենը երկու շաբաթ չի թրաշվել, երեսի վերշոկանոց [*մոր 5ամ*] մազերը թանձր սև բոց են տարածում: Իսկույն դռները փակեցին, Խորենին հետ ուղարկեցին դալլաքխանա [*վարսավիրանոց*], պարիկմախերները [*վարսավիրները*] վախեցան մոտենալ նրա բոցացայտ միրուքին:

Բանկետը սկզբում սառն էր: Կամաց-կամաց սառույցը հալվեց, մարդիկ, նորմալ դրության մեջ մտած, պաշտոնականությունը թոթափեցին: Հնչեց Հարոյի [*Ստեփանյան, կոմպոզիտոր*] սեղանի երգը, Սամսոն Գասպարյանը [*երաժշտագետ*] աթոռ բարձրացավ և սկսեց ղեկավարել երգողների խումբը: Շարժում էր ոչ միայն ձեռքերը, այլև

մարմնի բոլոր մասերը, մեջքով միմիկա էր անում: Շատ հավանեցինք: Էքստրա կենացը խմեցինք: Սրան նախանձեց Մարտին Սերգեևիչը [*Մազմանյան, կոմպոզիտոր*], ուզեց ինչ-որ բանով աչքի ընկնի՝ խոսեց, խոսեց, Արամի հորը գովեց, որ լավ մարդ է եղել (լավ չեմ հիշում, թե ինչու էր լավ մարդ): Էֆեկտը փոքր էր, էքստրա չտվին: Նրա երկրորդ ելույթը (ի միջի այլոց, ամեն երկու խոսողից հետո երրորդը նա էր խոսում) զուգադիպեց վազով մրգեր ներս բերելու հետ: Խմում էր Ջավեն Ղևոնդովիչի [*Վարդանյան, Արվեստի վարչության պետ*] կենացը, շատ ածականներ շռայլեց, վերջն էլ ասաց. «Էս պտուղներից քաղցր Ջավեն ջան»: Էլի էքստրա չխմեցին: Վերջին ուժերը հավաքեց, սեղանի մի ծայրից մինչև մյուսը գալով՝ մոտեցավ Սուրեն Քոչարյանին [*դերասան, ասմունքող*] ու ասաց. «Ճիշտ է, ես քեզ նման ժողովրդական արտիստ չեմ, բայց Արվեստի վաստակավոր գործիչ եմ, արի քեզ համբուրեմ (գրադուսները բարձրացել էին)»: Համբուրվեցին: Այստեղ մի թույլ բացականչություն եղավ՝ էքստրա, բայց շատ էր վտիտ: Արձագանք չգտավ: Համբույրը վատ օրինակ ծառայեց. Արամի կենացը խմելիս մոտենում համբուրում էին: Նիկոլայ Ֆադեյիչը [*Տիգրանյան, կոմպոզիտոր*], իր ստորին ծնոտը խիստ վիբրացիա անելով, հայտարարեց, որ այսօր իր կյանքի ամենաուրախ օրն է. այնքան ուրախ է, որ կարող է պարել:

– Փորձի՛ր, փորձի՛ր, – խրախուսում էր Մարտինը:

Ձեռքից բռնեց, մեջտեղ բերեց, և երեք հոգով Ֆադեյիչի հետ կլոր պար պարեցին:

Այս ընդհանուր զավեշտին զուգընթաց կային և լուրջ, խոհական երևույթներ: Մենակ ինչ արժե Արամ Կարպիչը [*Քոչարյան, երաժշտագետ*]. մարդը կարծես եկել էր Բեռլինի վեհաժողով՝ հայկական հարցը լուծելու: Նրա ուտելու եղանակն էլ խոհական էր: Սրան մի այլ անկյունում արձագանքում էր Արշակ Աբգարիչը [*Ադամյան, փիլիսոփա*]: Այս ամբողջ եռուզեռի մեջ Արշակ Աբգարիչի դեմքի վրա մի ջիղ չշարժվեց: Նստած էր մռայլ, ինչ-որ մտածմունքների մեջ. երևում էր, որ պատրաստվում է ինչ-որ փիլիսոփայական ելույթի: Եվ վերջապես կանգնեց, սկսեց մի թունդ ներածականով, էսթետիկայից. «Ի սկզբանե էր բանն: Բանն էր առ Աստված, և Աստված էր բան»: Սա փիլիսոփայական հին ասացվածք էր Աստվածաշնչից, որ ամեն ինչ հիմնված է բանի (խոսքի, մտքի) վրա: Այստեղ հանդես եկան և՛ Սոկրատը, և՛ Արիստոտելը, և՛ Ջենոնը, և՛ Գոգելմանը, Պուշկինզոնն ու Լերմոնտովիչը՝ խոսքի և մտքի մեծ վարպետները, և վերջը այս բոմբը տրաքվեց Սուրեն Քոչարյանի՝ խոսքի մեծ վարպետի գլխին, ու խմեցին նրա կենացը: Այստեղ էր, որ Մարտին Սերգեյիչը խոնարհվեց ժողովրդական արտիստի առաջ՝ հակադրելով իր՝ արվեստի վաստակավոր գործչի կոչումը, մտածելով, չլինի թե քեֆ անողները այդ հանգամանքը մոռացել են:

Արամ Իլյիչի առաջ ամեն մեկը աշխատում էր իրեն ցույց տալ. անգամ Խորեն Թորջյանը, բաժակը բարձրացրած իր տեղից 5 քայլ առաջ գալով, Արամին ասաց. «Հիշո՞ւմ եք, Մոսկվայում կոնֆերենցիայից դուրս գալիս ինձ ասացիք՝ գարնանը ծառերը կանաչում են, սարերի ձյունը հալվում, թռչունները վերադառնում, ծիծեռնակները բույն են շինում, մարդիկ քեֆ անելիս գինի խմում, հղի կանայք սովորաբար ծնում են...»:

Նման գոհարներ հնչեցնելուց հետո խեղճ Արամը, տեսնելով, որ նման ճշմարտությունների դեմ դժվար է առարկել, գլուխը վերից վար շարժեց բեդամաղ դեմքով և շարունակեց իր ընդհատված մասլահաթը կողքին նստած գեներալի հետ:

Չկարծես, թե բանկետը վատ անցավ. մեծ աշխուժություն էր տիրում: Բոլորի տրամադրությունը շատ բարձր էր. երգում էին և պարում: Արամը ոգևորված մոտեցավ դաշնամուրին և նվագեց “Маскарад”-ի [*«Մասկարադ», թատերական ներկայացում՝ ըստ Մ. Լերմոնտովի*] ձևավորման առթիվ իր գրած վալսը, Սուրեն Քոչարյանը, որ առաջ էլ լսել էր այդ վալսը, մոտեցավ դաշնամուրին և հիացած լսում էր մոտիկից՝ կատակելով, որ Արամը ամեն տեղ իր հացը խլում է. ինչ որ ինքը ձեռնարկում է, Արամն առաջը կտրում, իրեն խոչընդոտ է հանդիսանում, ինչ որ ինքն է մտածում, Արամը նրան կանխում է և ինքն ասում: Մի խոսքով, մեծ հակառակորդներ են:

Վերջը խմեցին թամադայի՝ Անուշավանի կենացը: Սամսոնը նրան ներկայացրեց իբրև «Ջան Ադրբեջան»-ի հեղինակ: Մի փոքր նվաստ ստացվեց: Ես խոսք առա և Անուշավանին ներկայացրի իբրև հին վարպետի, որի գործունեությունը սկսվում է 1908 թվից, վերհիշեցի նրա խորային օրկեստրային գործերը, նրա համերգները Թիֆլիսում դեռ այն ժամանակ, երբ չկային ո՛չ Հարո [*Սյուխանյան*], ո՛չ Կարո [*Զաքարյան*] և ո՛չ Արամ [*Խաչատրյան*]:

Գիշերվա ժամը 4-ին, երբ դուրս էինք գալիս «Ինտուրիստ»-ից, Անուշավանը մոտեցավ և շնորհակալություն հայտնեց ինձ. «Ա՛յ էդպես ա, ա՛յ, Միշա՛ ջան, ինձ շարունակ մոռանում են, ամեն բանում էդպես են. ատրեզ [*կտոր*] են ստանում՝ ինձ մոռանում են, կոնկուրս [*մրցույթ*] են սարքում՝ ինձ պրեմիա [*պարգև*] չեն տալիս, օրկեստրային փորձեր են անում՝ ինձ վերջն են գցում: Էն անտեր Չարեքյանն էլ [*Սուրեն, դիրիժոր*] գլխից բարձր ա թռնում, նոթերը կրճատում ու ինձ համար մատը մատին չի խփում: Մի գա Գրիգոր Արտեմիչը [*Հարությունյան, ՀԿԿ առաջին քարտուղար*], все это подробно изложу [*ամեն ինչ մանրամասն կներկայացնեմ*]»: Ուզում էր սկսի Թիֆլիսի դեկադի մասին, թե ինչպես ինքը երկու ящик [*արկղ*] մանդարին է բերել հասցրել մինչև Երևանի ստանցիան [*կայարան*], որ վերջը մի արկղը ձեռքից խլել են: Ու էստեղից ուզում էր մոդուլյացիա անել Հարոյի վրա, ես նրան ընդհատեցի (հասել էինք Գնունու անկյունը), բարի գիշեր ասի, եկա տուն:

Էս տարի իրար են զուգադիպել մի քանի 50, 60 ամյակներ:

Լիգիա Մամաջանյանը [*Հ. Սյուխանյանի կինը*] խանութում բերանից թոցրեց, թե էս տարի ապրիլին լրանում է Հարոյի 50 ամյակը: Ես ասացի.

– Հը՛, էլի ուզում ես մեզ այրված փլա՞վ ուտացնես, ոնց որ արիր նրա 40 ամյակին:

– Չէ՛, չէ՛, կամաց-կամաց պատրաստություն եմ տեսնում: Քիչ-քիչ կոնսերվի (բակլաժանի) [*ամբուկ*] կարոբկաներ [*տուփեր*] եմ պահում:

Երևի էս մասին մարդ ու կին տանը կռվում են: Կինը ասելիս կլինի, թե մարդիկ պետք է հրավիրենք, իսկ մարդը (դեռ լավ ժամանակ սկրյագա էր [*ժլատ*])՝ փող չունենք, գլուխ չունենք:

Հարոն միության գրասենյակում մի օր ինձ ասում է. «Էս Անուշավանը հոգիս հանել է իր 60 ամյակով: Ես ասում եմ՝ կառավարությունը շատ է զբաղված ներգաղթի խնդիրներով և ոչ մի հոբելյան չի կատարում: Հիմի մտածում եմ. Տիգրանյանի 90 ամյակի և Անուշավանի 60 ամյակի առթիվ մի-մի համերգ կազմակերպենք, իսկ մայիսին մի գառ վերցնենք, գնանք մեր Նորքի այգին քեֆ անենք. դե իմն էլ ծննդյան 50 ամյակն է, միասին երեք հոբելյանի քեֆ կանենք»:

Մի խոսքով, ուզում է Անուշավանի և Նիկոլայ Ֆադեյիչի ջրերի մեջ լողալով ինքը կանդրաբանդ [*անօրինական*] անց կենա ու խեղճ Լիգիայի հավաքած բակլաժանի կարոբկաները, որը ամբողջ ձմեռը հավաքել է (երևակայո՞ւմ ես, ամիսը 2 կարոբկա հետ է ձգել, չլի-չլի, մի տաս կարոբկա էլի հավաքած կլինի), ուզում է տնտեսի, և կնոջ ամագը ջուրը գցի: <...>

Էդիկ ջան,

Նամակդ ստացա: Շատ ուրախ եմ աշխատանքներիդ համար: Երևի մայրդ գրած կլինի, որ Արամ Իլյիչն էլ գոհ է քեզանից և բարձր է գնահատում արժանիքներդ: Լավ է, որ զուգահեռաբար զբաղվում ես դաշնամուրի նվագով. դա անհրաժեշտ ատրիբուտ է [*պարագա*]:

Кисловодск, 1937
Стоят (слева направо): Микаэл Мирзаян, Анушаван Тер-Гевондян, Эдуард Кзартмян, Аро Степанян; сидят: Азат Манукян, Никогайос Тигранян

Մեր տանը խաղաղ է, որի մասին գրել էի: Մենք էլ միասին հաճախ համերգներ ենք լսում՝ մանավանդ սիմֆոնիկները:

Ես ազատ ժամանակներս աշխատում եմ և ունեմ մի քանի հետաքրքիր գործեր: Այս տարի Զավեն Ղևոնդիչը ինձ պատվիրեց 5 երգ և նշանակեց հինգ հազար ռուբլի, որի առաջին նվագը ստացա: Երկու երգ էլ Սամսոնը պատվիրեց՝ վճարելով մեկ հազար ռուբլի:

Մարտի 29-ին լինելու է իմ երեկոն միության դահլիճում: Լույս տեսավ «Հերոսականը» [*երգը կատարել են Շ. Տալյանը, Ա. Պետրոսյանը և ուրիշներ*]՝ լավ տպագրությամբ, ութ երեսից: Պատեհ առթիվ քեզ կուղարկեմ:

<...>

Համբույրներով՝

քո ***Դյադյա Միշա***

20.03.1947, Ереван
(перевод Л. Епремян)

Эдик джан!

Давно собирался начать писать тебе цикл ***"События-люди"***, но все было некогда. Хотя информация моя в определенной степени устарела (она касается банкета в честь А. Хачатуряна), но некоторые эпизоды довольно значимы и заслуживают внимания.

Желание организовать банкет было большим, но средства – крайне ограниченными /*в послевоенные годы продукты выдавались по карточкам – Л. Е.*/. Во избежание крупных затрат хотели устроить банкет в частном доме, но у кого в квартире поместится 40 человек? В итоге рискнули заказать зал в "Интуристе", обязав каждого внести по 20 рублей. Думали собрать "холостую" компанию, полагая, что если пригласят еще и жен, это влетит в копеечку. В последний день все же передумали и пригласили-таки жен нескольких композиторов, в том числе и твою маму. Заранее договорились, что тамадой будет Анушаван /*Тер-Гевондян, композитор*/.

К 10-ти вечера гости собрались, Арама Ильича пока не было. Анушаван осмотрелся, заметил присутствующих женщин – а его жену не пригласили и плюс ко всему заставили вести застолье, – настроение его сразу упало, стал отнекиваться, мол, голова трещит, сил нет быть тамадой. Гр. Егиазарян /*Григор, композитор*/ тоже нос повесил и ушел – как это его жену не пригласили! <...> Вдруг видим, входит Хорен Торджян /*музыковед*/. В ту же секунду светлый зал застлала черная тень, все оглянулись, видят, Хорен недели две не брился, густая с вершок растительность на лице разносит тяжелое, пламенное дыхание. Тут же закрыли /*перед ним*/ все двери и отправили его обратно в даллакхану /*парикмахерская*/: мастера, вероятно, боялись подойти к его лоснящейся искрометной бороде.

Атмосфера вначале была довольно холодная. Постепенно лед стал подтаивать – публика в нормальной кондиции вырвалась из

оков официоза. Прозвучала застольная песня Аро /*Степанян, композитор*/, Самсон Гаспарян /*музыковед*/, встав на стул, продирижировал вокальной группой, причем, в движении были не только руки, но и все части тела – даже спина у него говорящая. Нам очень понравилось. Выпили "экстра" за его здоровье. Этому позавидовал Мартын Сергеевич /*Мазманян, композитор*/ – решил хоть чем-нибудь да выделиться: говорил, говорил, хвалил отца Арама, мол, хороший был человек (не припомню только, чем он был хорош). Эффект был слабый, "экстры" не удостоили. Его второе выступление (между прочим, после каждых двух тостов третьим брал слово он) совпало с тем, что в зал внесли вазу с фруктами. Тост был за Завена Гевондовича /*Вартанян, начальник Управления по делам искусств*/ – сыпал эпитетами, а под конец сказал: "Слаще этих плодов дорогой Завен джан". Снова "экстры" не последовало. Собравшись с последними силами и пройдя из одного конца зала в другой, он подошел к Сурену Кочаряну /*артист, чтец*/: "Правда, я не Народный артист, как ты, но все же Заслуженный деятель искусств, дай я тебя расцелую" (градус уже был высокий). Поцеловались. Тут послышался робкий возглас "экстра", но оказался слишком слабым – не поддержали. Поцелуй послужил дурным примером. После каждой рюмки за Арама подходили-целовались. Николай Фадеич /*Тиранян, композитор*/, сильно вибрируя подбородком, объявил, что сегодня самый радостный день его жизни. Настолько радостный, что он готов танцевать.

В Союзе композиторов Армении, 1947 год. Сидят (слева направо): Григор Егиазарян, Каро Закарян, Анушаван Тер-Гевондян, Аро Степанян, Самсон Гаспарян; стоят: Александр Татевосян, Эдвард Мирзоян, Лазарь Сарьян, Арно Бабаджанян, Александр Арутюнян, Роберт Атаян

– Давай-давай, – поддержал его Мартын.

Взял за руку, вывел в центр, и они втроем с Фадеичем станцевали круговой танец.

Параллельно этой комедийной линии были и серьезные моменты. Чего только стоит Арам Карпович /*Кочарян, музыковед*/ – человек будто пожаловал на Берлинский конгресс для решения Армянского вопроса. Он даже в еде был раздумчив. В другом конце зала ему будто вторил Аршак Абгарыч /*Адамян, философ*/. На протяжении всего вечера на его лице не дрогнул ни один мускул. Он сидел мрачный, озабоченный, очевидно, готовился к какому-то философскому выступлению – наконец, встал, начав с глубокомысленного вступления из курса эстетики: "Вначале было Слово. И слово было Бог, и Бог был Слово". Это древняя философская мысль из Библии, ее смысл в том, что все зиждется на Слове (мысли). Тут выступили и Сократ, и Аристотель, и Зенон, и Гогельман Пушкинзон Лермонтович – большие мастера слова и мысли – в итоге эта бомба взорвалась на голове Сурена Кочаряна: выпили за его здоровье. И вот тут-то Мартын Сергеевич преклонил голову перед Народным артистом, напомнив о своем звании Заслуженного, дабы сотрапезники не забыли сей важный факт.

Каждый старался показать себя перед Арамом Ильичом, даже Хорен Торджян, с рюмкой в руке пройдя по направлению к Араму пять шагов, сказал: "Вы помните, в Москве, выходя с конференции, вы мне сказали: весной деревья зеленеют, снег на горных вершинах тает, птицы прилетают, ласточки вьют гнезда, люди, пируя, пьют вино, а беременные женщины обычно рожают?.."

Бедный Арам, услышав эти перлы и видя, что против подобных истин не попрешь, кивнул с обреченным выражением лица и продолжил прерванную беседу с сидящим рядом генералом.

Не подумай только, что банкет не удался: царило большое оживление. Все пели и танцевали. Арам, воодушевленный, подошел к роялю и сыграл свой вальс из музыки к спектаклю "Маскарад". Сурен Кочарян, который уже слышал этот вальс, подошел к роялю и восторженно внимал ему сблизи, при этом подшучивая, что Арам во всем опережает его, перебегает ему дорогу: стоит за что-то взяться – Арам уже это успел, стоит только подумать – Арам уже оформляет ту же мысль в законченную фразу. Словом, они – ярые противники.

Под конец вечера выпили за тамаду – Анушавана. Самсон представил его как автора "Джан Азербайджан"-а. Вышло как-то неловко. Я взял слово и сказал об Анушаване как о старом Мастере, деятельность которого берет начало с 1908 года, с его оркестровых, хоровых сочинений и его концертов в Тифлисе, когда не было еще ни Аро /*Степаняна*/, ни Каро /*Закаряна*/, ни Арама /*Хачатуряна*/.

В 4 часа ночи выходя из “Интуриста”, Анушаван подошел и поблагодарил меня. “Вот так всегда, ай Миша джан, про меня все забывают, во всем так: отрез получат – меня не вспомнят, конкурс проведут – мне премию не дадут, оркестровые репетиции назначат – меня опять в конец поставят. А этот Чарекян /*Сурен, дирижер*/ прыгает выше головы – сочинения мои сокращает, а чтоб чем-нибудь помочь – пальцем не пошевелит. Вот Григорий Артемьевич /*Арутюнян, Первый секретарь ЦК КП Армении*/ приедет, все это подробно изложу”. Хотел было начать о тбилисской Декаде, о том, как он тащил оттуда два ящика мандаринов, дотащил до ереванского вокзала и тут у него один отобрали, отсюда собрался было смодулировать к Аро – я его прервал (дошли до угла улицы Гнуни), пожелал спокойной ночи, зашел в дом.

В этом году совпало сразу несколько 50-60-летий. Лигия Мамаджанян /*жена А. Степаняна*/ в магазине как-то ненароком обмолвилась, что в апреле Аро Степаняну исполняется 50 лет. Я сказал:

– А-а, опять собираешься кормить нас подгоревшим пловом, как на его 40-летии?

– Нет-нет, готовлюсь потихоньку – откладываю консервы с баклажановой икрой.

Небось на этой почве муж с женой спорят. Жена ему, мол, неудобно, людей надо бы пригласить, а он (и в хорошие-то времена слыл скрягой) – ни сил, ни средств.

Аро мне как-то в Союзе говорит: “Этот Анушаван всю душу вымотал своим 60-летием. Я ему объясняю, что правительство целиком поглощено проблемой репатриации и никаких юбилеев не справляет. Теперь думаю к 90-летию Тиграняна и к 60-летию Анушавана организовать по одному концерту, а в мае поедем к нам, в Норк, в саду устроим пир с шашлыком из барашка – заодно и мое 50-летие отметим”.

Словом, хочет под соусом Анушавана и Николая Фадеича контрабандно пролезть за компанию, и труд бедной Лигии, которая всю зиму откладывала коробки с баклажановой икрой (вообрази, по две коробки в месяц – нет-нет, да 10 коробок набрала), пойдет коту под хвост. <...>

Эдик джан! Я получил твое письмо, очень рад твоим творческим успехам. Наверное, мама тебе писала, что и Арам Ильич доволен тобой и высоко ценит твои творческие возможности. Хорошо, что ты параллельно занимаешься фортепианной игрой, – это необходимый атрибут.

Дома у нас мир и покой, мы вместе часто ходим на концерты, главным образом симфонические.

В свободное время я сочиняю, написал несколько интересных вещей. В этом году Завен Гевондович заказал мне 5 песен и выделил 5000 рублей, из коих залог я уже получил. Еще 2 песни Самсон заказал, заплатил 1000 рублей.

29 марта состоится мой творческий вечер в зале Союза. Вышла в свет “Героическая” /*песня, исполняли Ш. Тальян, А. Петросян и др.*/, в восемь листов, хорошим изданием. При случае вышлю. <...>

Целую

Твой ***Дядя Миша***

С Микаэлом Мирзаяном у Дома композиторов, 1958

Москва, 1971
Международный музыкальный конгресс.
Генрих Литинский,
Люси Ишханян,
Александр Арутюнян

У Большого театра в Москве, 1946

Духовой квартет, 1946

Глава 8

Литинский

С каким безудержным восторгом в годы войны по улице Теряна на санках скатывалась веселая компания! – Адик с невестой Фирой, Арно с близкой подругой Нами (в будущем Микоян), Котик с невестой Ирой и Эдик со своей близкой подругой. Вернувшись из армии, Эдик на премьере романсов на слова Исаакяна знакомится с певицей Марианной Арутюнян, дочерью примадонны Оперного театра Айкануш Даниелян. Завязывается бурный роман, который, как предполагалось, должен был перерасти в женитьбу. Счастье, усиленное контрастом военных будней, наполняет молодых, которые строят планы на будущее.

Марианна:

– Будем жить у мамы, как я могу ее оставить? /*особняк А. Даниелян, подаренный Гр. Арутюняном, был одним из самых престижных домов Еревана*/.

Эдик:

– Нет, будем снимать комнату, заработаем деньги и сами построим дом.

М. – Давай сделаем пристройку над нашим домом, как второй этаж.

Э. – Нет, фундамент тоже должен быть мой.

Эта мечта Эдика о собственном, своими руками построенном доме реализовалась в полной мере. По отношению к властной, авторитарной по характеру Айкануш Даниелян он, предполагаемый зять, самоутверждаясь чисто по-юношески, вел себя крайне независимо, по собственному определению, как мальчишка, и даже назвал ее как-то дурой, чем вызвал бурный гнев великой певицы: “Чтоб ноги его в нашем доме не было!” Но, несмотря на это, знаменитая певица и начинающий композитор – одаренные музыканты и родственные души – были по-дружески привязаны друг к другу.

...Трещина в отношениях молодых возникла в те дни, когда три месяца, в декабре 1945 года, январе и феврале 1946-го Мирзоян работал над темой и первыми двумя вариациями своего будущего

Квартета[38]. Творческий спор стал причиной конфликта: замечание Мирзояна по поводу техники вокального исполнения обидело юную певицу, и она бросила упрек Эдику: он унижает ее из зависти, сам из себя ничего не представляя. **“Я никогда не чувствовал своего призвания, меня это так задело!”** – признался Мирзоян. Но отношения, которые становились мучительными из-за постоянных споров, продолжались вплоть до весны 1948 года, когда их бурная переписка внезапно прервалась по инициативе Марианны. Она написала большое письмо, которое начиналось словами: “Я тебя не обвиняю, но всю вину на себя не беру...”[39] Но как бы ни складывалась дальнейшая жизнь героев этого романа, их взаимное чувство заставило ликовать или страдать по-настоящему, наполнив смыслом жизнь обоих. Одно из свидетельств тому – письмо Микаэла Мирзаяна сыну в Москву, в Дом культуры Армении, куда сразу после войны на стажировку была направлена группа молодых композиторов.

12.06.1946, Երևան

Միրելի՛ Էդիկ,

Առաջին խնդիրը, որին նվիրում եմ նամակս, վերաբերում է այն խոշոր թյուրիմացության, որ այնքան մեծ վիշտ պատճառեց մորդ և Մարիանային: Երկուսն էլ վշտից գլուխները կորցրել էին և չէին պատկերացնում նրա դրդապատճառը, որը նման է մի կաթիլ մեղրի: Ես ճիշտ եմ ասում, բայց զգայուն սրտերի համար մի կաթիլն էլ բավական է, որ նրանց երևակայության մեջ օվկիանոսի է վերածվում: Ճշմարտությունն այն է, որ մի կողմի սիրաբուխ կոկետությունը, գուցե և հասկացողությունների նահապետականությունը կենսական նման կարդինալ խնդիրների վերաբերմամբ մեծ հուզումների առիթ է ծառայել: Հուզումներ, որոնք հետագայում ավելի են քաղցրացնելու հետագա հարաբերությունները և ծառայելու հետագայում անմոռանալի երջանիկ հիշողությունների աղբյուր: Եթե դու տեսնեիր այն հուսալքությունը և վիշտը, որ դրոշմվել էր նրա դեմքին (լավ էր՝ ես տանը չէի, նրան պատահեցի փողոցում տուն վերադառնալիս, իսկ նա մեր տնից զինված հեռագրերով և նամակով շտապում էր փոստը: Ես կողքով անցա, նա չնկատեց, ես ձայնեցի, նա հազիվ գլուխը բարձրացրեց բռնազբոսիկ ժպիտով), անշուշտ, կզղջայիր գրածդ նամակի համար: Շտապիր հարթել խնդիրը, գիտցիր, որ կիսաշունչ սպասում է նամակիդ:

Մամայիդ գրած վերջին փակ նամակդ ինձ շատ շոյեց. եթե Սյասկովսկին այդպիսի կարծիք է հայտնել մի սկսնակ կոմպոզիտորի մասին,

[38] Квартет написан в нетрадиционной для этого жанра форме вариаций.

[39] Письма Марианны Арутюнян в архиве Э. Мирзояна не сохранились.

որ դեռ նոր է մարզվում մեծ ֆորմայի և օրկեստրային աշխատանքների վերաբերմամբ, այդ հառաջադիմության խոշոր գրավական է: Ինչ վերաբերում է ազդեցության խնդրին, դա միևնույն չէ. յուրաքանչյուր կոմպոզիտոր իր գործունեության առաջին շրջանում իր լավագույն նախորդների ազդեցության տակ է լինում և հետագայում կերտում իր դեմքը: Բեթհովենը մինչև իր Երրորդ սիմֆոնիան Մոցարտի և Հայդնի շավղով էր գնում: Գրում ես, որ վերջացրել ես սոնատայի երկրորդ մասը և սկսել առաջինը, երևի այդ Զավենի [*Վարդանյան, Արվեստի վարչության պետ*] պատվիրած վիոլոնչելի [*թավջութակի*] սոնատն է:

<...>

Քո կողմից շնորհակալություն հայտնեցի Մինասին [*Քրիշչյան, ՀԿՄ Մուզֆոնդի փնօրեն*] ֆինանսական օժանդակության համար: Նա ասաց, որ հետագա հազարական ռուբլիները, ըստ գրության, ստանալու եք Մոսկվայի Մուզֆոնդից, և առհասարակ, նա մտածում է ամեն ամիս նման գումարով օժանդակելու. շատ լավ է տրամադրված դեպի ձեզ և ասում է. «Ես ուղղակի նրանց սիրում եմ»: Նա էլ տնանկ մնաց հեղեղի հետևանքով, ինչպես և Ֆլջյանը [*Գեղամ, Հայֆիլհարմոնիայի սիմֆոնիկ նվագախմբի կլարնետահար*], որ անգամ իր կլարնետը չի կարողացել ազատել:

<...>

Մենք տարին բոլորեցինք և տվինք դպրոցական տարեվերջյան համերգը, ուր մասնակցություն ունեցան Անժելիկան ու Լարիսան [*Սպենդիարյանի անվան դպրոցի Է. Միրզոյանի կոմպոզիցիայի դասարանի աշակերտուհիներ*] իրենց ստեղծագործություններով: Տալյանը շատ ոգևորված էր, վերջին փորձին միասին լսում էինք, և նա գովում էր քո աշխատանքը. “Замечательно, замечательно! Как он верно понял, я чувствую Эдикины аккорды, мо-ло-дец парень! Знаешь, у него большая педагогическая жилка” [«*Գերազանց է,*

Декабрь 1945
В композиторском классе Эдварда Мирзояна школы имени Спендиарова
Первые ученицы: Анжела Акопян, Лариса Ростомян, М. Мартынова

գերազանց: Ինչ ճիշտ է ըմբռնել, ես զգում եմ Էդիկի ակորդները, ապրի՛ փղան: Գիտե՞ս, նա իսկական մանկավարժի ջիղ ունի»] և այլն, տարածվում էր Վարդգես Գրիգորիչը:

Այստեղ կոմպոզիտորներին բաժանեցին օրդերները, որով նրանք պատվիրում են իմպորտնի [*արտասահմանյան*] սև բոստոնից կոստյումներ, որը կարելով նստում է 900 ռուբլի: Ես ստացա երկու օրդեր, մեկը քեզ համար, այսօր մուծեցի 500 ռուբլի և ինձ համար պատվիրեցի: Վաղը մուծելու եմ քեզ համար և խնդրելու, որ երբ վերադառնաս, այն ժամանակ քեզ վրա ձևեն: Նման օրդեր դուրս է գրված նաև ընկերներիդ համար, միայն չգիտեմ՝ նրանց ծնողները գնացին ստացան, թե ոչ: Հավանական է, ստացած կլինեն: Առնոյին վախեցրու, ասա, որ նրա հայրը իր փոխարեն ստացել է օրդերը և ասում է. «Առնոն թազա [*նոր*] կոստյում ունի, սև բոստոնը ես ինձ համար կարել կտամ»:

Նամակիս շարունակությունը գրում եմ նույն օրը՝ ճաշից հետո: Ակամա դառնում եմ նամակիս առաջին թեմային, որովհետև այստեղ մտավախություն կա, որ դու հիասթափումից հետո կվոխես վարքագիծդ, կտարվես հոսանքներով, և նման բաներ, անգամ կկապվես որևէ մեկի հետ և հետդ կբերես: У страха глаза велики [*աչքը վախեցած է*]: Բազարից եկա թութ բերի, տեսա Մարիաննային մեր տանը՝ աչքերը կարմրած: Թութով հյուրասիրեցի, սիրտ տվի և կարգադրեցի այդպիսի բաների մասին չմտածել: Ես շատ լավ հասկանում եմ, որ երևույթը հուզումներ կպատճառեր քեզ, բայց որ դու դրանից այնպես քեզ կորցնես, որ կարճ ժամանակում ամեն ինչ մոռանաս ու ջգրու մեկին էլ շալակես, սա նշանակում է առնվազն քեզ լավ չճանաչել:

Ինչպես վերը նամակիս առաջին մասում գրել եմ (кстати [*ի դեպ*], նամակս եռմասանի ֆորմա ընդունեց), դեպքը նեղ ինքնասիրության արդյունք է, որը հատուկ է երիտասարդներին: Եթե ավելի տարիքով լինեիր, և սրտի տեղ գործեր նաև գլուխը, կտեսնեիր, որ իրականության մեջ ոչինչ չի փոխվել. երկու անձինք, բաժանված տարածություններով, փափագում են միմյանց և սպասում իրար հանդիպման:

Սիրելի՛ Էդիկ,

Բոլորը անցողիկ խոսակցություններ են, որը իր կողմից ավելի հրահրեց հանդիպման ցանկությունը: Խորհիր և մի լավ պատասխան ուղարկիր Երևան՝ ըստ հասցեների:

Ընդունիր բոլորիս կողմից բարևներ և համբույրներ

Քո ***Դյաղյա Միշա***

12.06.1946, Ереван
(перевод Л. Епремян)

Дорогой Эдик!

Первый вопрос, который я затрону в своем письме, касается того крупного недоразумения, которое причинило столько боли твоей

маме и Марианне. Обе с горя потеряли голову, не понимая, в чем причина навалившейся на них беды, подобно истории с каплей меда. Но для чувствительных сердец, поверь мне, достаточно и капли, чтобы в своем воображении они превратили ее в океан. Истина в том, что любвеобильное кокетство одной стороны и, возможно, патриархальность взглядов по отношению к подобным кардинальным вопросам другой стороны послужили причиной больших волнений. Твоих волнений, которые впоследствии сделают еще более желанными дальнейшие отношения и станут источником незабываемых счастливых воспоминаний. Если б ты только мог видеть то отчаяние и горе, которые отпечатались на ее /*Марианны*/ лице (хорошо, что меня не было дома, – я встретил ее по дороге домой, а она, вооружившись телеграммами и письмами, спешила от нас на почту. Я прошел рядом – она не заметила, я окликнул ее – она, с трудом подняв голову, ответила вымученной улыбкой), ты, безусловно, пожалел бы о написанном тобой письме. Поспеши уладить этот вопрос, знай, что, затаив дыхание, она ждет твоего ответа.

Твое личное письмо к маме меня очень обрадовало. Если Мясковский так отозвался о начинающем композиторе, который пока только лишь упражняется в вопросах крупной формы и оркестровки, – это свидетельство больших достижений. Что касается вопроса влияния, то это не минус: каждый композитор на начальном этапе творческого пути находится под воздействием своих лучших предшественников и в дальнейшем создает собственный стиль. Бетховен до III симфонии шел по пятам Моцарта и Гайдна. Ты пишешь, что закончил вторую часть Сонаты и начал первую – наверное, это заказанная Завеном /*Вартанян, начальник Управления по делам искусств*/ виолончельная соната.

<...>

От твоего имени я поблагодарил Минаса /*Крисчян, директор Музфонда СК Армении*/ за финансовую помощь. Он сказал, что последующие тысяча рублей, согласно договору, вы получите в Московском отделении Музфонда, и вообще, он намерен выписывать вам ежемесячную помощь примерно в размере этой суммы. Минас очень доброжелательно настроен по отношению к вам, говорит: “Я их просто люблю”. Он тоже после наводнения лишился дома, как и Флджян /*Гегам, артист Государственного симфонического оркестра Армфилармонии*/, который не смог спасти даже свой кларнет.

<...>

Мы завершили учебный год и дали отчетный концерт, где выступали Анжелика и Лариса /*ученицы класса композиции Э. Мирзояна школы имени Спендиарова*/ со своими сочинениями. Тальян был очень воодушевлен, на последней репетиции мы сидели рядом, и

он хвалил твою работу: “Замечательно, замечательно! Как он верно понял, я чувствую Эдикины аккорды, мо-ло-дец парень! Знаешь, у него большая педагогическая жилка”, и т.д., – не унимался Вардкес Григорьевич.

Здесь композиторам раздали ордера, по которым они имеют право заказать костюмы из импортного черного бостона, который, по расчетам, обходится в 900 рублей. Я получил два ордера – один для тебя. Сегодня внес 500 рублей и сделал заказ для себя. Завтра заплачу за тебя и попрошу, чтобы костюм скроили, когда вернешься. Такие же ордера выписаны на твоих друзей, вот только не знаю, получили ли их родители. Вероятно, да. Нагони на Арно страху – скажи, что его отец получил за него ордер и теперь говорит: “У Арно уже есть новый костюм, из черного бостона я сделаю заказ для себя”.

Продолжение пишу в тот же день после обеда. Невольно возвращаюсь к первой теме, потому что тут беспокоятся, что, разочаровавшись, ты изменишь линию поведения, поплывешь по течению и т.д., вплоть до того, что с кем-нибудь свяжешься и привезешь с собой сюда. У страха глаза велики. Я вернулся с рынка – принес туту, застал у нас Марианну с заплаканными глазами. Угостил тутой, успокоил и приказал не думать о таких глупостях. Я прекрасно понимаю, что тебя это могло расстроить, но чтоб ты от этого настолько потерял голову, чтобы за короткое время все перечеркнул и в отместку приволок с собой кого-то – чтобы так думать, надо как минимум тебя недостаточно хорошо знать.

Как я отметил в первой части своего письма (кстати, письмо получило трехчастную форму), этот случай – признак эгоцентризма, свойственного молодежи. Если б ты был старше, и вместо одного только сердца в тебе звучал и голос разума, ты бы понял, что в действительности ничего не изменилось: двое, разделенные расстоянием, мечтая друг о друге, томятся предчувствием встречи.

Дорогой Эдик, все эти разговоры преходящи, но они еще более распалили желание встречи. Подумай обо всем этом и пришли в Ереван достойный ответ.

<...>

Прими от всех нас приветы и поцелуи

Твой ***Дядя Миша***

...Всем композиторам – воспитанникам Дома культуры начальник Управления по делам искусств Завен Вартанян по очереди задал главный вопрос: “Над чем вы хотите работать?” От ответа на него зависел выбор наставника студийцев – Генрих Литинский или Арам Хачатурян. “Над квартетом”, – все как один ответили они. Это был

почти пароль, а означал он следующее: мы выбираем Генриха Литинского... Все они, без сомнения, боготворили Хачатуряна и могли сказать о нем так, как рассказывал Валерий Гаврилин о влиянии другого великого имени – Дмитрия Шостаковича: “Его музыка обрушилась на наши юные головы, как неистовый водопад. Слушали, играли, гонялись за каждой пластинкой, даже походкой старались походить на него, многие завели очки, хотя раньше это считалось некрасивым. И если походка и очки давались все же с некоторым трудом, то музыка наша собственная – у тех, кто имел нахальство ее сочинять без всякой натуги, – получилась “Шостакович per se”, то есть в чистом виде. При таком головокружении трудно было заметить что-либо, кроме творчества этого гения. Да мы и не старались. Мы тянулись к нему, как к спасению, без страха и сомнений, свойственных зрелости, мы летели на свет, не думая, что свет может быть и опасным, что может он ослепить, лишить зрения, поглотить, как море, – бесследно, что пройти через явление великое, встать вровень с ним может только другое великое явление... Но обо всем этом мы и не думали, с презрением и насмешками обходя или разбивая вдребезги встречные светильники музыки”[40].

Опасность раствориться в феномене Хачатуряна юные армянские композиторы осознавали в полной мере по той простой причине, что этот процесс уже давал о себе знать. Кроме того, необходимость серьезного академического образования ощущалась особенно остро. Однако, будучи самородком, совершенно исключительным явлением с точки зрения исполнительского и композиторского роста, Хачатурян считал, что систематические занятия юным композиторам ни к чему: творчество по наитию, создание целостных произведений без излишнего контроля педагога – более правильный путь. Наши же сочинители угадывали в Литинском великую традицию академического российского образования, которая им была необходима. Им импонировал сам стиль общения со студентами Литинского, который руководствовался принципом Римского-Корсакова: “Профессор – друг, отец, нянька и даже слуга своего ученика”[41]. Анализ форм в ДК преподавал В. Цуккерман, инструментовка была в ведении Д. Рогаль-Левицкого, Н. Ракова, Н. Пейко, А. Веприка, полифонию и, позднее, специальность вел Г. Литинский.

– Арам Ильич считал, что систематические занятия нам помешают, и потому мы не должны заниматься два раза в неделю – должны писать крупные произведения, и только потом их показывать: “Вы – законченные композиторы, пишите целые части”. В то время как определенную недостаточность знаний мы ощущали, несмотря на то, что учились у прекрасных педа-

[40] Гаврилин В. Он проложил свой путь в искусстве. // Салманов В. Материалы. Исследования. Воспоминания. Л., 1982, с.209.

[41] Литинский Г. Не оскудела наша музыка талантами. // “Советская музыка”, 1982, N3, с.6.

гогов. Арам Ильич говорил: “Только читая афиши, в Москве можно многому научиться”. Серьезная проблема заключалась в том, что Хачатурян откровенно отрицательно относился к Литинскому, по какой именно причине – не было известно.

Сам Литинский в творческом плане сознательно культивировал оппозицию к известному армянскому композитору с единственной целью – вырастить новое поколение, не обремененное стилистически запрограммированным сознанием. Он шел по пути, описанному много позже композитором Сергеем Павленко: “В самом начале /*творческого пути*/, когда я приехал в Москву, большое значение для меня имело общение с Денисовым... Естественно, что несколько лет я находился под его влиянием, хотя всегда хотел говорить своим “голосом”. Помню, уже после окончания консерватории, Денисов в каком-то разговоре высказал любопытную мысль: “Вы должны возненавидеть мой стиль, тогда Вы станете хорошим композитором”[42].

Любопытно, как видел свою задачу воспитания национальных кадров сам Литинский: "Завен Вартанян привел ко мне ярко даровитых музыкантов – Александра Арутюняна, Арно Бабаджаняна, Эдварда Мирзояна и Адика Худояна. <...> Прослушав их произведения, я пришел к выводу, что все четверо, находясь под сильным воздействием Арама Хачатуряна, пока что мыслят не вполне самостоятельно. Передо мной стояла задача – учитывая творческие интересы и пристрастия моих молодых коллег, помочь им обрести свой стиль. С каждым занимался по индивидуальному плану. Не скрою, на первых порах приходилось трудно. По существу, я должен был освоить специфические особенности новой для меня культуры. Поэтому я обратился к творчеству Комитаса, М. Екмаляна (прежде всего к его литургии “Патараг”), Н. Тиграняна... В результате из школы мастерства вышли яркие художественные личности. От одних корней выросли разные деревья”[43].

Генрих Литинский учился у Р. Глиэра – наследника традиций русской композиторской школы, в первую очередь, Чайковского и Римского-Корсакова. Глиэр – ученик Аренского, Танеева, был близок с Рахманиновым, Скрябиным, Метнером, какое-то время преподавал юному Прокофьеву. Своих студентов воспитывал музыкантами с крепкой опорой на традиции и, одновременно, людьми с широкой эрудицией. В 20-е, противоречивые и бурные годы становления советского искусства, когда Литинский начинал свою педагогическую карьеру, а новое поколение армянских композиторов только входило в жизнь, знаменуя начало новой эры в истории армянской культуры, в России шли настоящие эстетические баталии. Еще живой пульс Серебряного века, мощный потенциал АСМ (Ассоциации современной музыки) с пропагандой искусства Кшенека, Шенберга, Берга, Веберна и Малера не так легко было подвести под среднестатистический модуль советской идеологии в области искусства. Лозунг “вперед, к новым берегам!” Литинский сохранил в своем мироощущении, откорректировав по-своему: “Я понимал, что традиции, которых придерживался Глиэр, основаны на художественном опыте, непрерывно развивающемся от классиков до наших дней. Я всегда был убежден, что историческая преемственность этого опыта имеет величайшую ценность для композитора, какого бы направления он сам ни придерживался”[44].

[42] Барский Вл. Сергей Павленко на пути к простой музыке. // Музыка бывшего СССР, вып.1, М., 1994, с.272.
[43] Литинский Г. Там же, с.6.

Именно такое ощущение традиции стало основополагающим для Эдварда Мирзояна, который ни в своем творчестве, ни в творчестве своих воспитанников так и не смог принять оголтелого отрицания традиции. Даже в угоду смелому экспериментаторству, даже при условии открытий новых звуковых и мировоззренческих перспектив. Настоящее чувство, духовность и честность в искусстве стали для него теми константами, которые, проистекая из традиции, не могли быть ничем заменены. Поиск? – Да. Риск? – Безусловно. Уход от набивших оскомину трафаретов мышления? – Без сомнения. Но при одном условии – если не нарушена природа интонационного процесса как процесса ***коммуникативного***. И еще – если звучит речь музыкального мыслителя, который не умеет притворяться и лгать. Не случайно всю жизнь с какой-то маниакальной последовательностью Эдвард Мирзоян бьется над онтологической задачей: “Может ли плохой человек быть хорошим музыкантом?” На склоне лет он пришел к однозначному выводу: у плохого человека могут быть “приступы хорошести”, под воздействием которых могут быть созданы хорошие произведения малой формы, по большому же счету – нет. К примеру, симфонию, оставшуюся на века, лжец и подлец создать не в состоянии. «**Ինչ որ ժանգոտ բան կա: Լավ բան էլ կա, բայց ընդհանուր առմամբ ժանգոտ ա: Ինչ որ մի կեղտ ա, գիտե՞ս, даже в звучании эта грязь” (“Мне слышится что-то ржавое в звучании. Хорошее тоже есть, но в целом – ржавое. Какая-то грязь, знаешь, даже в звучании эта грязь”).**

Чистоплотность души композитора – одно из главных составляющих понятия профессионализма. В этом выстраданном всей его жизнью суждении нет ничего нового. Но как же серьезно встает эта проблема перед каждым, кто собственной судьбой снова и снова решает эту задачу с несколькими неизвестными. Вот и Шостакович, поставив Вагнера ниже Верди, писал в письме к Галине Серебряковой: “Гением он не был (несмотря на некоторые гениальные вещи). “Гений и злодейство – две вещи несовместимые”. Я разделяю это суждение

[44] Литинский Г. Там же, с.4.

Моцарта, которое приписывает ему Пушкин. Разделяю бесповоротно. Вагнер злодеем не был. Но злодейство – довольно широкое понятие. Это не только убийство, клевета, ложь. Это фанаберия, нелюбовь к ближнему и эгоизм... Маркс относился к Вагнеру правильно. Вагнер был очень неприятной личностью, антисемит, реакционер, плохо относящийся к коллегам, самовлюбленный и т.д.”[45]

Главное, что хотелось подчеркнуть в преподавательской методике Литинского – особое внимание к полифонии как системе мышления. Литинский долгие годы преподавал полифонию и создал собственную школу преподавания этого предмета с учетом традиций национальных композиторских школ. В 1967 году вышел в свет учебник Литинского по полифонии “Образование имитации строгого письма”. Особое внимание развитию полифонического мышления он уделял и в работе со студийцами ДКА, что проявилось уже в первом задании – “Полифонической сонате” для фортепиано. Соната Мирзояна утеряна, и, к сожалению, нам остается довольствоваться комментариями автора:

– **Кое-что было недоделано, но там были интересные вещи. К примеру, во второй части – задача техническая одна, потом вторая, потом третья, потом объединяются и восемь тактов идут вместе, причем одна в уменьшении, другая в увеличении. Литинский остался ею очень доволен. Я тогда впервые понял, что музыка – это в определенной степени математика.**

“Мои ученики, – писал Литинский, – сочиняли не только фуги, но и четырехчастные партиты (с остинатными вариациями, с центральным фугированным эпизодом и динамичной репризой, с двойной и тройной фугами). <...> Я практически убедился в непреложности правила, которым, в сущности, всегда руководствовались мастера прошлого: работа над фугой начинается с темы, долженствующей обладать специфическими особенностями, в частности, быть выдержанной в определенном жанре, с присущей ему метроритмикой, с учетом закономерностей такого развертывания, в котором чисто полифоническая логика сочетается с непрерывной пульсацией живой интонационной мысли.<...> Главным критерием ценности сочинения для меня является тематизм (не надо понимать его упрощенно). Нет тематизма – нет музыки”[46].

Как узнаваемы эти принципы в творчестве Мирзояна! Однако он и здесь проявил себя: внимая каждому слову учителя, Эдик попросту игнорирует все те рекомендации педагога, которые носят идеологический характер, понимая, что таков дух времени, который вполне способен сломить кого бы то ни было. Как явствует из писем, Литинский часто подбрасывал своему студенту идеи, полные ура-

[45] Хентова С. Шостакович. Л., 1985, том I, с.315.
[46] Литинский Г. Там же, с.6-8.

патриотических штампов (рекомендовал ему даже писать на стихи Сталина). И хотя на начальном этапе их абсолютно избежать не удалось – жить и творить вне времени невозможно, – все же магистральные сочинения Мирзояна были сделаны ***вопреки, против шерсти, в противовес тем идеологическим константам, которые рифмовались с идеологической программой партии***.

– **Сколько наивности при таком опыте у моего учителя! – он не учитывает, что если я что-то писал, писал независимо...**

Литинский сыграл в моей жизни исключительную роль. Я посвятил ему свой Квартет – это о многом говорит.

07.01.1966, Москва
Дорогой Эдик!

Так мне хочется сказать: “Мои дорогие мальчики!” после получения Вашего, Котика и Арно поздравлений по поводу Нового года. Я всех вас и каждого в отдельности так люблю, что ощущаю Вас как неотъемлемую часть моей природы, моего существа: физического и творческого.

Само собой разумеется, что я хочу всегда и постоянно быть в курсе всех Ваших дел или по меньшей мере творческих. И в то же время я отлично понимаю, что это исключено условиями нашей жизни и быта (повседневного и творческого). Поэтому я всегда уверяю себя в том, что все у Вас в порядке, и мысленно всегда радуюсь и любуюсь Вами – по-человечески и творчески.

И это хорошо в жизни, особенно когда работы полно, одна мысль догоняет другую. Вот так я и живу и доволен, что пока меня хватает на все при всех моих 64-х годах. Радуюсь и тому, что в феврале увижу всех вас, моих дорогих, любимых и неотъемлемых (невзирая на попытки некоторых “близоруких” отторгнуть либо всех вас от меня, либо меня отторгнуть от вас). Бог с этими затейниками. Я им не враг. Их враг – история. А ее как ни “подправляй”, она останется сама собой. И такой она, история, всегда была, всегда будет.

А я все тот же: неисправимый, неподправимый, как всегда, Ваш и всех вас.

Я, Роза Давыдовна /*жена*/, Женька /*сын*/ – все мы обнимаем Вас, Лялю и деток чудесных.

Всегда Ваш ***Литинский***

Интермедия. *Эдуард Айрапетян* (композитор)

Говоря о поколении Мирзояна, я бы хотел, в первую очередь, обратить внимание на одно обстоятельство, которое лежит на поверхности, но о котором, как правило, не говорят. В первой половине XX века у нас были очень значимые имена – Спендиаров, Егиазарян, Хачатурян... Но поколение Мирзояна стало первым "срезом" именно с армянской почвы – и это радикально определило их творчество. На стажировку в Москву их отобрали ***отсюда*** – это был знак того, что армянская земля имеет потенциал, что война не смогла уничтожить народ, искусство, что национальный дух может расцвести, дать свои плоды. И в Мирзояне как авторе Симфонии я вижу самое глубинное, что есть в армянской музыке, – наиболее подлинный пласт национального мышления. То, что идет от средневековой музыки, от Комитаса и генетически заложено в праоснове национального психологизма.

Кроме того, вопреки известной точке зрения, я не вижу в его творчестве последовательного развития линии Хачатуряна. До Симфонии Мирзояна, как мне кажется, армянская музыка не имела ответа на вопрос, может ли истинно национальный, идущий из средневековых традиций дух армянского искусства соответствовать высшему типу музыкального мышления европейского симфонизма. И через Мирзояна наше соотношение с европейской музыкой оказалось более обнадеживающим, чем посредством его предшественников. Жесткая, твердо оформленная форма классического симфонического цикла на армянском материале, фактически, впервые апробирована именно в Симфонии Мирзояна. В то время как хачатуряновское мышление исходит из импровизационного начала, более характерного для восточного мироощущения. Не случайно Хачатурян оказал очень большое влияние на среднеазиатских, азербайджанских, грузинских, даже японских композиторов, а в армянской музыке его влияние более ограничено.

После 50-х годов в армянской музыке я бы отметил два различных вектора развития. Условно говоря, ***орнаментальный:*** Хачатурян – Оганесян, Тертерян, Зограбян и ***глубинно-национальный:*** Мирзоян – Тер-Татевосян, Мансурян, Исраелян. Как вершинные явления второй линии развития в шестидесятничестве я оцениваю I и II симфонии Тер-Татевосяна, "Айрены" Мансуряна, Симфонию Мартуна Исраеляна.

Дживан Тер-Татевосян после симфонического опыта своего учителя /*Э. Мирзоян*/ обращается уже к большому симфоническому оркестру, стремясь к завоеванию другого пространства. Он мыслит в открытой форме, здесь больше неизвестности и непредсказуемости, и, в то же время, более адекватная времени, конкретно-адресная проблематика, направленная к современнику. Мансурян идет на явное, открытое использование средневекового мелоса через дух средневекового шаракана, возрожденный Комитасом и симфонизированный Мирзояном. Симфония Исраеляна дала такой опыт, который направлен на выявление древней архаики – задача, решенная в русской культуре в "Весне священной" Стравинского.

70-е годы стали периодом освоения западных стилей и веяний, причем шло знакомство с теми явлениями, которые в западной музыке уже фактически закончились. Поэтому у нас было время осмотреться, оценить ситуацию более адекватно. Ведь на Западе музыка дошла до того момента, когда ее уже нет. Зашел в зал, послушал тишину с колыханием трав и колосьев – и до свидания. Зашел в пустой выставочный зал – и вышел. Нет НИЧЕГО, есть только философия ПУСТОГО мыслительного пространства, в котором они и застряли. Поэтому я считаю, что наше отставание – это наше спасение. Мы – на обочине караванных путей, никому мы на фиг не нужны, наша музыка не покупается, а значит, она – не товар. Поэтому мы – самые честные люди на всем земном шаре, мы в той точке земного пространства, где музыка не относительна, она – ценность абсолютная.

1946 год

Глава 9

Испытание на зрелость

Так получилось, что в самый уязвимый период творчества – в период становления в стенах Дома культуры Армении в Москве, когда язык, мышление молодых музыкантов претерпевали кардинальные перемены, когда шел бурный рост личностного самосознания, подпитываемый новейшими достижениями русской и армянской культур, – именно тогда произошли события, искусственным образом преградившие путь их свободному развитию. В Москве, как всегда при активизации государственного карательного аппарата, прессинг идеологического давления во много раз превышал дозу местного, армянского отголоска этих событий. Но как знать, возможно, не будь этого, подспудно зреющий внутренний протест Эдварда Мирзояна не обрел бы такую силу и определенность.

Облик Мирзояна-композитора подобен мимозе. От малейшего негативного воздействия он моментально закрывается, стушевывается, теряя уверенность в себе и удесятеряя сомнения. Можно определенно утверждать, что в этом качестве он диаметрально противоположен своему ученику, Авету Тертеряну, продемонстрировавшему титаническую силу противодействия критике, только укрепляющей его в собственной правоте и позволяющей почти без особых творческих потерь пройти немалые испытания.

Практически каждое сочинение Мирзояна этого периода подвергалось критике – две кантаты и Квартет стали главной мишенью музыковедов. Репатриация, скорбь по погибшим в уничтожающей бойне Отечественной войны, лирический, камерный образ любимого города, интимная гамма чувств – стремление уйти от ура-патриотических штампов ни в одной из избираемых тем не оставалось безнаказанным. На этом изнурительном пути воспитывалась своего рода эстетика выживания, отзывающаяся раздвоением личности художника. Неминуемое в советских условиях требование лояльности идеологическим догмам сопровождалось болезненной, мучительной трансформацией художественной идеи. В кантатах Мирзоян вослед критическим замечаниям старается “исправить недочеты”, и в результате первоначальный замысел настолько искажа-

ется, что боль от “ампутации” отдельных частей не стихает до сегодняшнего дня. “Скорбь матери”, раскритикованная в печати, была восстановлена в возрасте 85-ти лет – все эти годы она звучала в его сознании...

– Я написал две кантаты (“Армения” /*1948*/ и “Праздничная” /*1949*/), потом из двух сделал одну – из первой взял 1,2,3 части, из второй – 4,5. И проиграл... Потерял 4 и 5 части первой кантаты. “Скорбь матери” (солистка меццо-сопрано) – одна из лучших моих лирических страниц.

“Коммунист”, 03.02.1949

Е. Гилина. Исполнение кантаты “Армения”

“В концертном зале Армфилармонии в присутствии многочисленной аудитории впервые было исполнено новое произведение композитора Э. Мирзояна – кантата “Армения”.

Произведение это написано для хора, солистов и симфонического оркестра. В основу кантаты легли стихи Сармена, А. Граши и Г. Сарьяна. Первая часть кантаты – “Хвалебная” (слова Сармена) начинается триумфально-радостным порывом оркестра, который подхватывается хором. К компактному и сочному звучанию оркестра присоединяется радостное пение. Народ восхваляет своих сынов, возвращающихся с войны победителями.

Во второй части, называемой “Мечта”, поэт Граши воспевает любимый Ереван и выражает любовь трудящихся армян, живущих за рубежом, к счастливой Армении.

Начинается эта часть размышлением, сосредоточенным соло бас-кларнета. Далее на фоне струнного квинтета появляется широкая, плавная мелодия. Мы чувствуем картинную пейзажность и созерцательную мечтательность. Преобладает задумчивый колорит, надо сказать, что здесь заметно расхождение между замыслом композитора и его музыкальным воплощением. Мечтательная, созерцательная картина не вяжется с нашим пониманием социалистического Еревана. Вторая часть по форме растянута. Она менее удалась автору.

Третья часть кантаты – “Трудовая песня”, созданная на слова поэта Г. Сарьяна, написана светло и энергично, построена на остром, упругом ритмическом рисунке. Игриво звучит народного склада мелодия кларнета. Ее подхватывает песня хора, отражающая радостный труд советских людей, строящих свою счастливую, светлую жизнь. Завершается третья часть выражением общей радости народа, гордого достигнутыми успехами своего счастливого труда.

В четвертой части кантаты дается образ страдающей матери, потерявшей сына-героя. Она написана на текст поэта Граши и называется “Скорбь матери”.

Начинается эта часть заглушенным вступлением оркестра. Печально звучат валторны и трубы совместно со струнными инструментами. На этом фоне возникает плач матери. Композитор удачно нашел прием чередования выразительного пения скорбящей матери и повторяющихся реплик хора. Однако следует отметить, что образ народа подан здесь без должной активности и несколько созерцательно. Реплики хора однообразны и статичны.

Финал кантаты воспевает Советскую Армению, расцветшую под солнцем Сталинской Конституции. Эта ликующая “Песня радости” создана на слова поэта Сармена. Праздничная музыка финала звучит торжественно и триумфально. Танцевальная, радостная тема его начала переходит затем в эпическую песнь хора. Финал завершается торжественным апофеозом, строящимся на одновременном звучании двух тем.

Музыка кантаты Э. Мирзояна драматична, напряженна и в целом радостно-оптимистична. Большое место в кантате занимает оркестр. Автору удалось показать в ней свое знание специфики пения и владения техникой многоголосного письма. Однако тесситура вокальной линии местами низка. Э. Мирзоян не пользуется в кантате народными песнями, как цитатой, но мелодии его, и это положительная сторона его творчества, близки к народным истокам.

Сравнивая кантату “Армения” с предыдущими произведениями композитора, мы видим, что автор сумел добиться здесь большей стройности формы, простоты и ясности в изложении своих мыслей и большой доходчивости музыкального языка. Эта крупная работа свидетельствует о значительном творческом росте композитора.

Наряду с этим следует отметить, что Э. Мирзоян не смог еще полностью преодолеть некоторую сложность высказывания, временами излишнюю интонационную напряженность звучания, нарочито частое обращение к синкопированному ритмическому рисунку и местами перезагрузке оркестровой фактуры.

Взяв в основу своего произведения идею советского патриотизма, желая выразить любовь и преданность Родине, воспеть счастливый, созидательный труд советских людей, образ женщины-матери, композитор Э. Мирзоян не довел свой замысел последовательно до конца.

Вторая и четвертая части его кантаты заметно выпадают из общего плана произведения. Автору необходимо продумать эти части, устранить недостатки и тем самым сделать более полноценным это интересное и впечатляющее произведение. Думается, что оно прочно войдет в репертуар наших симфонических концертов”.

В подробной и характеристичной для своего времени рецензии Е. Гилиной[47] отражены магистральные идеологические установки в

[47] Для своего времени рецензию можно считать в целом положительной.

оценке произведений искусства. К этому времени по всему Союзу ходит “призрак” Постановления ЦК 1948 года, который до последнего времени в нашем сознании связывался исключительно с руководством страны, с именами Сталина, Жданова и др. Публикации последнего времени ввергли общественность в шок, приоткрыв завесу над предысторией документа. Получается, что чудовищное нападение на интеллектуальную мысль в масштабах СССР было в какой-то мере ответом на запрос снизу. А запрос этот, хоть и был безупречно срежиссирован властями, но ***объективно*** существовал. Речь шла, таким образом, о банальном перевороте в Союзе композиторов СССР и Московской консерватории, где чрезвычайная популярность ведущих имен – Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Мясковского, Шапорина, Шебалина и др. – действительно выводила из себя и затмевала сознание музыкантов, начавших травлю и строчивших доносы на ведущие имена страны.

Еще 8-10 января 1948 года А. Гольденвейзер пишет об обуревавшем его чувстве полной катастрофы в современной музыкальной жизни. Назвав “заправилами Союза” руководство композиторской организации, Гольденвейзер пишет: “В Союзе всем руководит замкнутая группа из нескольких композиторов, оторванная от всей композиторской массы... Так же обстоит дело и при распределении материальных благ...”[48] Вслед, 13 января, Н. Шерман в своем послании в высокие инстанции докладывает: “Все наши консерватории в своей подготовке композиторских кадров следуют по путям, указываемым из основного музыкального центра страны – Московской консерватории ее ведущими композиторами – Мясковским, Шебалиным, Шостаковичем. <...> Под лозунгом дальнейшего развития музыкального языка, по существу, у нас проводится отказ от творческого пути композиторов-реалистов и раболепное следование декадентскому творчеству Стравинского, Малера и неуклонное выполнение творческих приемов наших композиторов- “интеллектуалистов” – Мясковского, Шебалина и Шостаковича”[49].

Идет повсеместное обсуждение документа центрального органа партии, последовавшего после этих и других “сигналов” с мест. Обсуждения проводятся и в Союзе композиторов Армении. Мало того, что в Постановлении ЦК СССР было задето имя самого знаменитого армянина, Арама Хачатуряна, появились и местные жертвы. По следам последних событий в Армении вышло Постановление партии и правительства о формалистических тенденциях в Армении, где были названы Аро Степанян, Дживан Киракосян и др., для которых это стало потрясением. Однако в это же время Аро Степаняна вызвал Первый секретарь ЦК КПА Григорий Арутюнян, подпись которого стояла под Постановлением первой. И в личной беседе, поинтересовавшись планами композитора, Арутюнян посоветовал ему написать оперу на современную тему. Какой окрыленный вышел от него Степанян! “Я все еще нужен...” Пройдет совсем немного времени, и в опале окажется сам Григорий Арутюнян, которого поддержать уже будет некому.

[48] Власова Е. Шостакович повторяет формалистические ошибки... (к истории Постановления ЦК ВКП(б). // “Музыкальная академия” N1, 2005, с.37.
[49] Там же.

– Когда Арутюняна уже должны были снять, во Дворце пионеров один отвратительный тип выступил против Григория Артемьевича: “Когда его вычеркнули, он сказал, что это не имеет значения. Он имел в виду: знайте, что за мной Берия, за мной сила!” Я со своего места громко крикнул: «Սուՙտ ա» (“Неправда!”) Это был ноябрь 1953 года. Сталина уже не было, Берии тоже не было, но все остальные были на своих местах. Ես որ գոռացի, սաղ զալը շուռ եկավ իմ կողմը, մի քանիսըՙ «Սսս...» (Когда я это выкрикнул, весь зал обернулся в мою сторону, некоторые мне: “Тс-с...”) Впоследствии брат Зарика, Сарик Сарьян, поделился: он слышал от кого-то, что в кругах КГБ этот мой поступок обсуждался, а потом кто-то там сказал: «Արաՙ, հանգիՙստ թողնեք, լավ տղայա» (“Ара, он хороший парень, не трогайте его”). Вот так, с формулировкой “хороший парень” меня не тронули.

...В 1948 году проходили повсеместные обсуждения Постановления. Я счел нужным на собрании СК заявить, что Хачатурян никакой не формалист. После меня выступил ответсекретарь СК Самсон Гаспарян: “В то время как тут черным по белому написано, что Хачатурян – формалист, некоторые молодые коллеги позволяют себе в этом сомневаться”, – сказал он.

30.04.1948, Москва

Дорогая мама джан!

Наконец-то я немного освободился от хлопот по делам нашего Союза. Начиная с 16 числа, когда стали прибывать делегаты /*Первого Всесоюзного съезда композиторов*/, я не имел свободного часа.

Съезд прошел, на мой взгляд, довольно серо. Очень неинтересные выступления, говорили об одном и том же разными словами и разным акцентом. Вся могучая кучка “формалистов” ходила какая-то пришибленная, как будто преступники. Их критиковали довольно бездарные люди. Я твердо пришел к выводу, что талант всегда побеждает, и будущее докажет, что я прав. Не сомневаюсь, что в свое время Бетховена тоже обвиняли в “формализме” и “дисгармонии”, только в других выражениях. Это не значит, что наши композиторы без недостатков, но именно они являются толкачами современного искусства. В общем, время все покажет.

<...>

Твой ***Эдик***

04.07.1948

Дорогой Эдик!

Спешу ответить на Ваше письмо, полученное вчера. Вчера я подписал договор с Вами и Котиком и, как мне сказала бухгалтер, Михаил Иванович /*Мирзаян*/ получил за вас обоих авансы. Невыполненные договоры на песни мы закрыли и ранее выданные по ним авансы удержали. Таким образом расчистили Ваши взаимоотношения с Управлением по делам искусств.

О Ваших успехах имею регулярные сведения от Г. И. Литинского.

Я запросил Генриха Ильича о желательных сроках Вашего пребывания в Москве и, в соответствии с его советом, написал Сурену Сергеевичу /*Саруханян, директор Дома культуры Армении в Москве*/ письмо о продлении сроков пребывания в Москве Вас и Котика до 10 октября. Больше не мог сделать, так как очень хочу, чтобы Вы перед праздниками успели бы приехать в Ереван и присутствовать при разучивании Ваших произведений для премьерного исполнения их в ноябрьские дни в авторском присутствии.

Партитуру Адика Завен Гевондович /*Вартанян, бывший начальник Управления по делам искусств*/ мне передал. В ближайшие дни состоится ее рассмотрение и прием и, в зависимости от результатов, будет завершен договор.

От всей души желаю Вам успехов, а также здоровья и счастья.

Очень рад буду расцеловать Вас в Ереване, а пока это сделаю по почте.

Не пишите мне о делах Арно. Он грамотный человек и может написать сам, причем не лично мне (это и ему, видимо, трудно, да и мне неприятно), а мне как руководителю учреждения, перед которым он имеет два невыполненных обязательства с переплаченными авансами, за которые я сейчас пишу объяснения Министерству Госконтроля.

Могу только сказать, что я очень сожалею, что в этот мой приезд в Москву всем своим последующим горделиво молчаливым поведением Арно очень меня разочаровал и убил во мне то замечательное отношение, которое всегда у меня было к нему. Он, несомненно, зазнался, обнаглел, то есть не оказался достаточно умным, чтобы трезво расценивать свои поступки и иметь право на уважение к себе. Думаю, что Вы и Котик могли бы оказать на него благотворное влияние (а может быть, от обилия пражских значков он и вас уже не признает?).

Жаль, что все это происходит так. Он молодой и, несомненно, способный человек. Полезно было бы ему проанализировать ошибки и заблуждения прославленных композиторов, которые во многом пострадали от своей нескромности, неумения слушать критику и делать из нее свои выводы /*речь идет о Шостаковиче, Прокофьеве, Хачатуряне и др*/. Примеров в последнее время немало, и они произошли в Москве, под самым вашим носом.

Целую и обнимаю Вас и Котика (Адику напишу на днях отдельно, после приема его партитуры).

Ваш ***Григорий Савельевич Домбаев***

/начальник Управления по делам искусств/

Февраль 1948 года. В эти драматичные дни в Москве на "ура" прошла блестящая авантюра, авторами которой стали Э. Мирзоян и А. Арутюнян, вдохновленные на этот шаг Литинским. Эдик вместе с Котиком написали Увертюру для симфонического оркестра, причем, как выяснилось, ребята поставили точку в день Постановления. Литинскому Увертюра понравилась, понравилась она и маститому музыковеду Борису Асафьеву. Кстати, во время встречи Асафьев сказал фразу, которую Мирзоян запомнил на всю жизнь: "Композитор должен обладать способностью слушать свою музыку ушами слушателя, как Чайковский".

Однако было ясно, что Увертюра явно не соответствует генеральной линии партии. “Сейчас это не пойдет”, – констатировал Литинский. И они нашли выход – придумали программу: на войне погиб полковник Закян, памяти которого создана поэма. Увертюра начиналась с грустной эмоциональной ноты, этот раздел назвали “Похоронная”. Будто бы сочинение начинается с его смерти, а к финалу его дело побеждает.

Где-то ближе к июню юные сочинители решили продать свое произведение, чтобы провести каникулы на Рижском взморье. И вот их вызывают на заседание оценочной комиссии. В составе комиссии музыковед Ендржевский – страшнейший реакционер, композитор Юрий Левитин и др.

– Հիմա նստած ենք կոմիսիայում, դողում ենք, ի՞նչ պտի ըլի (Сидим, дрожим). Ендржевский взял слово. Ասինք. «Վա՛յ, կորանք» (“Мы пропали”, – пронеслось в голове). И вдруг он неожиданно заорал: “Вот это ответ на Постановление!!!” Хвалил программность. Левитин тоже похвалил. В результате Увертюру купили за максимальную сумму – 8 тысяч рублей. Произведение до сих пор не исполнялось, ноты утеряны...

Режиссер Генрих Оганесян /*создатель легендарного фильма “3+2”*/, один из главных действующих лиц армянского интеллектуального десанта в Москве, в присущем ему комическом жанре прямо в метро разыгрывает царящую повсеместно жуткую атмосферу.

– Примерно 1948 год. Мы с нашей брашкой идем на футбол, со станции “Охотный ряд” проходим на “Площадь Свердлова”. Там переход длинный, в час пик – огромное скопление людей. И вдруг Генрих кричит:

– Гражданин!

Вся эта толпа оборачивается. Они продолжают идти вперед – движение остановиться не может, – но смотрят назад, повернув головы.

– Вы! Нет, не вы! Вот вы!

У всех в глазах застыл ужас – у каждого из прохожих в это мгновение проносится в голове: “Это за мной...”

Между тем в Ереване утверждаются строжайшие, с точки зрения идеологических требований, нормы для композиторских премьер. И снова текст письма Микаэла Мирзаяна звучит как документ эпохи, как свидетельство очевидца, представившего весьма драматичную ситуацию с интонацией, полной юмора и очень специфической, “мирзаяновской” иронии.

15.07.1948

Միրելի՛ Էդիկ,

Մամադ մանրամասն պատմած կլինի պայմանագրերի կնքման պատմությունը: Ֆորմալիստական անցուդարձից հետո բոլոր հիմնարկները հետևում են դրանց, [*այդ*] թվում նաև Գրիգորի Սավելիչը [*Դոմբաև, Արվեստի վարչության պետ*]: Վերջինս մի ամիս առաջ բոլորին հրավիրեց և տեղեկացրեց, որ բոլոր կոմպոզիտորները պայմանագրային պարտքեր ունեն՝ սկսած 1945 թվից, և որ այդ առիթով նկատողություն է ստացել ֆինկոնտրոլից: Սրա հետևանքով որոշում է կայացրել ոչ ոքի հետ պայմանագիր չկնքել մինչև հին պայմանագրերը չմարեն:

Այժմ մեզ մոտ շատ խիստ են մոտենում պատվիրած նյութերի ստուգմանը: Սոյուզի [*Կոմպոզիտորների միության*] մեջ կազմված է յոթ հոգուց բաղկացած գեղարվեստական կոմիսիա [*խորհուրդ*]՝ նախագահությամբ Քրիստափոր Քուշնարյանի [*երաժշտագետ*]: Բոլոր գրված երաժշտական երկերը պետք է անցնեն այդ կոմիսիայի քննության բովից երկի հեղինակի ներկայությամբ: Կոմիսիան սկսում է մանրամասն քննել նյութը ամեն տեսակետից: Նյութերը քննադատվում են բաց նիստերում, այնպես որ, բոլոր կոմպոզիտորներն ու մու-

Москва, 1948 год, Первый Всесоюзный съезд Союза композиторов
Сидят: Евгения Гилина, Азат Манукян, Люся Сафарян, Вано Мурадели, Завен Вартанян, Саркис Бархударян, Ашот Сатян, Анушаван Тер-Гевондян, Маргарита Арутюнян; стоят: Гурген Мирзоян, Ваагн Араратян, Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян, Вартан Тигранян, Артак Тоникян, представитель командования Советской Армии

զիկովեդները [*երաժշտագետները*] կարող են ներկա գտնվել այդ նիստերին և քննադատել, միայն քվեարկությանը մասնակցում են կոմիսիայի 7 անդամները: Ես հաճախ ներկա եմ լինում այդ նիստերին: Հետաքրքիր է:

Մի անգամ նիստ տեղի ունեցավ Տեր-Ղևոնդյանի [*Մնուշավան, կոմպոզիտոր*] բնակարանում: Հրավիրված էինք գիշերը ժամը 9-ին: Քննության էին առնվում Արտյուշա Խաչատրյանի երեք վոկալ ստեղծագործությունները: Արտյուշան հոգեպնդված էր վերջին շրջանի չակերտավոր հաջողություններով և շահած պրեմիաներով [*մրցանակ*], ինքնավստահ հետևում էր գործի ընթացքին: Բայց գործի ընթացքը հանգեց այն բանին, որ երեք երգն էլ չընդունվեցին՝ այս կամ այն պատճառաբանություններով: Այստեղ Արտյուշան տաքացավ, առաջ եկավ, թշերը ուռեցրեց, աչքերը կկոցեց: Ես առաջ էլ նկատել էի, որ նրա գլուխը հետևից մի ինչ-որ տարօրինակություն ունի, բայց չէի կարողանում ըմբռնել, թե ինչից է ստացվում այդ տարօրինակությունը: Երբ նրան դիտում ես անֆաս, այդ տարօրինակությունը չի նկատվում, բայց այս անգամ խոսելիս երբ մեջքով դարձավ դեպի ինձ, նոր նկատեցի, որ նրա գլուխը հետևից՝ գագաթից մինչև վզի ստորոտը, մի ուղղահայաց տափակ շերտ է ներկայացնում: Սա ի միջի այլոց, դառնանք նրա ճառին.

- Ընկերնե՛ր, ես տեսնում եմ, որ ընկեր Ժդանովի ելույթը ոչ մի ազդեցություն չի գործել մեր կոմպոզիտորների վրա. կուսակցության կենտկոմի փետրվարյան պատմական որոշումները ֆորմալիզմի մասին ներկա եղող կոմպոզիտորներից ոչ ոք չի ըմբռնել: Ես ծիծաղում եմ ձեզ վրա: Ձեր որոշումները ծիծաղ են առաջ բերում իմ մեջ (ի միջի այլոց, այդ գիշեր մոտ քսան հոգի էին հավաքվել Տեր-Ղևոնդյանի բնակարանում, բոլոր աթոռները զբաղված էին և մի 5-6 հոգի էլ կանգնած):

Ձավեն Ղևոնդովիչը [*Վարդանյան, Արվեստի վարչության նախկին պետ*] նստած տեղից վեր թռավ.

- Էդ ո՞նց ա, մենք բոլորս չհասկացանք, միայն քո պայծառ գլո՞ւխն ըմբռնեց Ժդանովի ելույթը:

Ժողովը տաքացավ, հուզվեց, ռեպլիկաները աղմուկ առաջացրին: Աղմուկի մեջ խրոխտ հնչեց Արտյուշի խեղդահույզ ձայնը.

- Ես ծիծաղում եմ, ես այս երգերը կներկայացնեմ Մոսկվա, դուք տապալում եք երիտասարդ գրողի ջերմահույզ ապրումները...

Ձավենը՝

- Ընկերնե՛ր, թողեք նա էս բարախլոն [*հիմարությունը*] Մոսկվա ուղարկի: Իսկ ես առաջարկում եմ Արտյուշա Խաչատրյանի խնդիրը դնել վարչության նիստին:

Տեղից բացականչություններ.

- Արտաշե՛ս, հրաժարվի՛ր խոսքերիցդ:

Արտյուշան համառում է: Նախագահը քվեարկության է դնում Ձավենի առաջարկը: Գուրգենը [*Առաքելյան, Կենտկոմի կուլտուրայի բաժնի վարիչ*] տեղից Արտաշեսին.

- Պեպա՞ն [Գ. *Սունդուկյանի «Պեպո»-ի հերոսին նմանեցնելով*], արի կոտրվի, քանի չեն քվեարկել:

Արտյուշան համառում է, բայց նկատելի է, որ փորը վախ է ընկել: Քվեարկությամբ որոշվում է գործը տեղափոխել վարչության նիստին:
<...>

Համբույրներով՝

քո ***Դյադյա Միշա***

15.07.1948, Ереван
(перевод Л. Епремян)
Дорогой Эдик!

Мама, вероятно, подробно описала перипетии, связанные с процессом заключения договоров. После формалистических событий тут все строго придерживаются этих положений, в том числе и Григорий Савельевич /*Домбаев, начальник Управления по делам искусств*/. Последний с месяц назад пригласил всех и проинформировал, что все композиторы имеют договорные обязательства, начиная с 1945 года, и он по этому поводу получил выговор от финконтроля. Поэтому он принял решение ни с кем договор не заключать, пока не погасятся прежние долги.

Теперь процедура приема сочинений проходит очень строго. В Союзе образован худсовет из семи членов под председательством Христофора Кушнарева /*музыковед*/. Все новые сочинения должны пройти через эту комиссию в присутствии автора. Комиссия подробно обсуждает сочинения со всех возможных точек зрения. Произведения обсуждаются на открытых заседаниях, так что все композиторы и музыковеды имеют возможность высказывать свое мнение, но голосуют только семеро членов комиссии. Я часто бываю на этих заседаниях. Любопытно.

Одно из заседаний состоялось дома у Тер-Гевондяна /*Анушаван, композитор*/, собрались в 9 часов вечера. Обсуждали три вокальных сочинения Артюши Хачатряна. Он, воодушевленный так называемыми “успехами” и “премиями” последнего времени, самоуверенно следил за происходящим. Но в результате по той или иной причине ни одна из трех песен не была принята. Тут Артюша разгорячился, вышел вперед, надул щеки, сщурился. Я и раньше замечал, что его голова сзади выглядит несколько странно, но никак не мог понять, из чего проистекает эта странность. Когда смотришь на него в анфас, это незаметно. Но когда в этот раз во время выступления он стал ко мне спиной, я вдруг отчетливо понял, что его голова сзади от макушки до самого основания шеи представляет из себя одну большую вертикальную приплюснутую плоскость. Это – между прочим, вернемся к его выступлению.

– Товарищи, я вижу, что речь товарища Жданова никакого впечатления на наших композиторов не произвела. Никто из присут-

ствующих не понял исторических февральских решений ЦК Компартии о формализме. Я смеюсь над вами, смешны вы, смешны ваши решения! (Между прочим, в этот вечер собралось около 20 человек, все стулья были заняты и еще человек 5-6 остались стоять).

Завен Гевондович /*Вартанян, бывший начальник Управления по делам искусств*/ вскочил с места:

– Значит, все мы тут ничего не смыслим, только твоя светлая голова смогла понять речь Жданова?!

Публика разволновалась, расстроилась, реплики раззадорили аудиторию. Среди всеобщего шума послышался прерывающийся голос Артюши:

– Вы смешны! Я эти песни покажу в Москве, вы попираете трепетные чувства молодого композитора!

Завен:

– Товарищи, пусть он это барахло пошлет в Москву. А я предлагаю вопрос Арташеса Хачатряна поставить на секретариате.

Голос с места:

– Арташес, откажись от своих слов!

Артюша упирается. Председатель ставит предложение Завена на голосование. Гурген /*Аракелян, завотделом культуры ЦК*/ с места Арташесу:

– Пэпан /*аналогия с Пэпо, литературным героем Г. Сундукяна*/, сдавайся, пока не поздно!

Артюша все упирается, но видно, что в душу закрался страх. Голосованием постанавляют перенести дело на заседание секретариата.

<...>

Целую Твой ***Дядя Миша***

Со всей уничтожающей силой последствия Постановления сказались на Квартете Мирзояна – эпохальном по значимости произведении, логическим продолжением линии которого стали десятки сочинений, осмысленные в этой традиции. В 1947 году осенью Квартет был впервые исполнен в зале Союза композиторов на Третьей Миусской[50]. Первой скрипкой квартета был Юрий Силантьев, который годы спустя возглавил Эстрадно-симфонический оркестр телевидения и радио. В декабре 1947 года состоялся съезд композиторов Армении, на котором Аро Степанян /*председатель СК с 1937 по 1947 годы*/ выступал с отчетным докладом, отметив ***"прекрасные Вариации для квартета Э. Мирзояна",*** – это была первая положительная оценка, данная произведению. Завуч студии ДК Александр Гаямов тогда сказал: "После Квартета я в Эдике такую перспективу вижу, конца которой не видно". Квартет в 1948 году исполнялся в Москве, удостоившись абсолютно игнорирующей реакции публики (включая Арама Хачатуряна), если не считать рецензии журналиста Бархударяна /*брат композитора Сергея Бархударяна*/ в газете "Коммунист" от 12.05.1948:

[50] Ереванская премьера состоялась 5 ноября 1947 года в исполнении квартета имени Комитаса.

"Вести из Москвы. Концерт молодых композиторов

В Доме культуры Армении 8 мая состоялся концерт молодых композиторов, совершенствующихся в Москве – А. Арутюняна, А. Бабаджаняна, Э. Мирзояна, А. Худояна. Концерт продемонстрировал заметные успехи молодежи. Отличную школу показал А. Арутюнян. Армянский танец для фортепиано, танец для скрипки, экспромт виолончельный, песня гусана для голоса в сопровождении фортепиано написаны непретенциозно, искренно, темпераментно. Сильно дарование А. Бабаджаняна. Исполненные им свои произведения вновь продемонстрировали /его/ незаурядные исполнительские способности.

Надуманно прозвучала Тема с вариациями для квартета Э. Мирзояна. Удачна песня Мгера-младшего. Композитору удалось тепло, приподнято обрисовать образ Мгера.

Творчество А. Худояна расплывчато. Сыгранные вторая часть сонаты для квартета, баллада о войне оставили бледное впечатление.

Наш спецкор"

– Осенью 1948 года Квартет исполняли в Ереване, играл квартет имени Комитаса. Раскритиковали, обвинив в субъективизме. Выступил Г. Тигранов, противопоставив мое сочинение положительному примеру – Квартету Артемия Айвазяна. "Что с Вами сделали в Москве?! В Вас не осталось ничего армянского!" – выразил свое возмущение Х.Кушнарев. С тех пор мой Квартет был в опале /*хотя и изредка исполнялся*/ **вплоть до 1956 года, когда квартет имени Комитаса сыграл его в Румынии, и произведение получило новую жизнь...**

В конце 50-х – начале 60-х годов появились высокие оценки в республиканской и союзной прессе:

"Очень интересное новаторское сочинение Струнный квартет Эдуарда Мирзояна. Завершенность сонатного цикла достигнута в этом произведении средствами вариаций. Это исключительный случай в квартетной литературе"[51].

– Должен признаться, что Квартет я написал под впечатлением от прекрасных Вариаций для струнного квартета армянского композитора Николая Чемберджи /*Третий квартет*/**. Правда, драматургия моего Квартета, близкая логике сонатного цикла, никак не связана с этим сочинением.**

"Среди квартетов последних лет, представленных у нас такими талантливыми образцами, как партитуры Д. Шостаковича,

[51] Глобил Э. (Чехословакия) "Коммунист", 12.05.1962.

С.Цинцадзе, Ан. Александрова и других, выделяется своим неповторимым своеобразием и мелодическим обаянием Струнный квартет Эд. Мирзояна.

Квартет Мирзояна – сочинение большой жизненной силы, отмеченное редкой красотой. Тема и пять вариаций – таково построение Квартета. Тема его, гибкая, многозначная, таит в себе возможности разнообразного раскрытия. Автор показывает ее в наиболее глубоких и контрастных проявлениях, подчеркивая при этом основные ее свойства – энергию, волевую собранность, суровую лиричность. Национальный характер темы подчиняет себе все компоненты произведения, помогающие до конца выявить образно-мелодическое содержание Квартета. С подлинно художественной свободой, непринужденностью и точностью автор избирает те или иные приемы обогащения и развития темы, находя свой стиль высказывания. Особенно выразительна полифония Квартета, создающая живую ткань произведения. Здесь все в равной мере подсказано и чувством, и мыслью художника. Примечательны в этом отношении III и IV части. Ценность Квартета еще и в том, что в нем сочетаются с удивительной органичностью замечательные традиции профессиональной музыкальной культуры Армении (Комитас) с вдумчивыми, от глубокого чувства идущими поисками нового в искусстве, поисками современника, жадно вникающего в содержание нашей наполненной, стремительно развивающейся жизни"[52].

Не удивительно, что сочинение почти сразу было отвергнуто – оно так резко меняет ориентиры в истории развития армянской музыки, что иначе и быть не могло. Эта кардинальная перемена касается ***образного содержания Квартета, которое по глубине психологического постижения реальности, интравертной направленности, концептуальной масштабности содержания при графичном самоограничении средств*** стало откровением в истории армянской инструментальной музыки. Квартет по образному строю стал абсолютным диссонансом к ура-патриотической идеологической политике руководства в сфере культуры, и тем самым обозначил ***идею протеста, поиск правды в осмыслении жизненных коллизий.***

В одном из писем Г. Литинского ясно выражена тревога о том, что музыка Мирзояна противоречит идеологическим константам времени:

"...На худой конец можно и симфонический цикл (программный) написать на боевую тему, не прибегая к хору и сольным вокалистам. Такого рода работа для Вас рискованней, имея в виду Вашу склонность к углубленному и несколько мрачноватому психологизированию. Если бы я был уверен в том, что в такого рода цикле (чисто симфоническом) Вы способны были бы написать траурный марш

[52] Аксюк С. "Поэтический квартет". // "Правда", 04.09.1959.

<...> ...в мажоре, или, на худой конец такой, какой написан Вагнером в "Гибели богов", то я благословил бы Вас на такой труд <...>. Но я боюсь, как бы такого рода часть не повторила собою образы матери из Вашей кантаты. Образ матери потрясающий получился. А всякого рода потрясающие вещи – не ко времени, особенно принимая во внимание субъективистскую окраску, которую Вы дали этой части своей кантаты. Подумайте, но думайте скорее"[53].

– **Как-то ко мне пришел музыковед Лев Раабен,** – рассказывает Э. Мирзоян, – **который в то время работал над книгой о камерно-инструментальном творчестве советских композиторов. Он говорил о том, что до 50-х годов XX века сочинения этого жанра в армянской музыке носили, в основном, сюитный характер, и впервые концептуальный симфонизм проник в жанр камерно-инструментальной музыки в Трио Арно Бабаджаняна. Я согласился, и он ушел. На следующий день Раабен врывается ко мне со словами: "Как Вам не стыдно!" Оказывается, он послушал мой Квартет, который написан раньше, и теперь эти изменения связывал именно с этим произведением**[54]**.**

16.09.1958, Москва
(фрагмент)
Дорогой Эдик!

Передо мной партитура Вашего Квартета, которую я только что приобрел. Смотрю страницу за страницей, снова – как почти одиннадцать лет тому назад, вслушиваюсь в каждую строку и снова переполняюсь чувством гордости за тот дух, мысли и чувства, которые Вы по-юношески свежо, чисто и непосредственно вложили в каждый такт музыки.

Я бесконечно удовлетворен и тем, что не ошибся, когда десять лет назад в атмосфере безудержного, бездумного ниспровергательства смог все же разглядеть и расслышать сегодняшний день нашего могучего искусства и ясно представить себе судьбу этого Вашего замечательного опуса.

Литинский

Немного о стиле. Тенденция рассматривать Квартет Мирзояна как результат прямого влияния Шостаковича кажется мне спорной. Понятно, что в тот период сама фигура Дмитрия Дмитриевича обладала огромной притягательностью, и его музыкальные идеи обладали особой значимостью для молодых композиторов, для которых исполнение V и VII симфоний стало откровением[55]. Однако откровением

[53] Фрагмент из письма Г. Литинского Э. Мирзояну, 01.02.1949.
[54] Раабен Л. Советская камерно-инструментальная музыка. М., 1963, с.257-278.
[55] О влиянии Шостаковича на армянскую музыку см: Саркисян С. Армянская музыка в контексте XX века. М., 2002, с. 49-52.

оно было для многих, но лишь единицы, избежав эпигонства, смогли, в свою очередь, стать авторами открытий такого масштаба, которые указали новые пути развития в искусстве. Имя Эдварда Мирзояна – среди первых таких имен в истории советской музыки.

Отмечая значимость влияния Д. Шостаковича /*как и творчества Сергея Прокофьева*/ на армянских композиторов этого поколения, как мне кажется, необходимо учитывать следующее: есть важная особенность исторического момента, которая указывает на резкую трансформацию мышления в армянской композиторской практике как на ***историческую необходимость***. Все те явления, которые, как правило, рассматриваются в качестве прямого влияния Шостаковича, – психологическая и трагедийная направленность, нравственная проблематика, симфонизация камерного жанра, графичность языка, концептуализм в музыкальном мышлении – заложены в традиции Комитаса, отложенной, прерванной в своем развитии в начале века. Социальные потрясения военного и послевоенного времени не могли не актуализировать этот опыт. В этот период "забытая" – закрытая, запрещенная и "вытесненная" травма геноцида, усиленная жестокими карательными акциями по отношению к репатриированным, тоже должна была дать о себе знать. Ситуация послевоенного времени стала менее восприимчивой к штампам, которые сознательно избегались даже в таком жанре, как советская песня. Следовательно, корректнее говорить об общности стилевых модификаций в этот период, а не только о влиянии гения на армянское культурное пространство.

Квартет Мирзояна стал квинтэссенцией, средоточием его ***полифонического мышления*** как принципа композиции, и в этом тоже можно усмотреть родственность комитасовскому видению сущности национального. В Квартете прямо используется комитасовская цитата – "Антуни", выдержанная и в фактурном изложении в традициях великого предшественника. Дам, органный пункт в басах плюс высокая тесситура солиста – метод комитасовского накопления "воздуха", закрепленного в стилистике Романоса Меликяна, использован и Мирзояном.

Мирзоян предстает в этом сочинении как обладатель редкого ***мелодического дара***. Он "ваяет" мелодии исключительной красоты, завораживающие изысканным вкусом и благородством чисто мужского свойства. Важнейшая характеристика мирзояновского тематизма – хроматическая изломанность (надломленность) мелодизма. Хроматизм как изнутри распространяющаяся взрывная волна эмоций, как выражение постоянного формования, динамично изменяющегося тематического поля как в горизонтальном, так и вертикальном измерении.

Как-то в беседе о Симфонии по поводу использованной в первой части песни "Ес кез теса" я хотела было обратиться к теме авторской

трансформации комитасовской монодии, на что получила недоуменный ответ: "Я в ней ничего не изменил". То есть в мышлении Мирзояна эти видоизменения присутствуют изначально – тема дана уже в развитии.

Среди особенностей стилистического почерка – сформировавшийся отныне подход к начальному и заключительному хоральному проведению темы. ***Я не припомню композитора, который с таким постоянством маркирует все свои сочинения на протяжении 60-ти лет. Максимальное расширение тематической массы, масштабное по охвату звучание темы, отзывающееся реверберацией октавно усиленной генеральной интонации, – автограф Мирзояна.***

Важен сам принцип построения и развития тематизма, в котором секвенционность (главным образом восходящая), как и у Чайковского, играет важную роль накопления и уменьшения энергетического тока. Характерна предельная концентрация средств, и все они одновременно работают на динамизацию материала. Нет ни одного инертного, бесхарактерного, оттеняющего либо "выжидающего" эпизода в Квартете, ослабление одного фактора необходимо ведет к усилению другого – движение продиктовано масштабом музыкальной мысли, формирующейся в каждой точке сочинения. Решающим фактором динамизации материала выступает метроритм. Нерегулярность метра, претворяясь и в свободной декламации мелодического монолога, и в брутальном ритме отдельных вариаций, сменяясь четким ритмом "кочари" в заключительной вариации, – лишь часть из многих метроритмических находок композитора (здесь слышен опыт тематических конструкций Хачатуряна).

Важно отметить, что в этот период Мирзоян уже внутренне готовит себя к созданию симфонии. Симфонизм в полной мере характерен для Квартета, где идет глубокая, интенсивная трансформация музыкальной идеи к качественно новому ее осмыслению в финале.

Арам Карабекян (дирижер): *"Есть произведения, которые в свое время сыграли важную роль в развитии музыкальной мысли, но сегодня представляют лишь историческую ценность. Однако Квартет Мирзояна современен и сегодня, это – слово сегодняшнего дня. Он резонирует не с конкретикой определенного времени, а с духовным миром человека.*

Партитуру Квартета я приобрел давно, подробно изучил и слышал в разном исполнении. Но когда в 2000 году он прозвучал в исполнении студенческого квартета в музее имени Хачатуряна, мне вдруг стало совершенно ясно, что его можно сыграть камерным оркестром. Настолько очевидна в нем масштабность, симфоничность мышления – далеко не каждый квартет можно переосмыс-

лить подобным образом. В совершенно новом, оркестровом качестве Квартет прозвучал уже в 2000 году, после чего я с Государственным Камерным оркестром Армении сыграл его во многих странах. Эдварду Мирзояну присущ определенный консерватизм, и понадобилось некоторое время, прежде чем, услышав свое детище в оркестровом решении, он признал его право на новую жизнь.

В 2001году я включил это произведение в программу своего концерта на Кентерберийском фестивале (Англия). Мы выступали в прекрасном соборе, который был заполнен не только во время концерта, но и на репетиции, где присутствовало несколько сот человек. В первом отделении по заказу организаторов фестиваля мы играли Бриттена, второе отделение я посвятил произведениям армянских композиторов.

Выступив с большим успехом, мы вернулись домой. Через некоторое время я получаю e-mail от одного из туристов, который писал, что присутствовал на нашей репетиции, и описывает сочинение – несомненно, Вариации для оркестра Мирзояна. "В своей жизни до сегодняшнего дня я не испытывал подобного эмоционального потрясения от музыкального произведения, – писал он, – скажите, кто автор этого сочинения?" Благодарный слушатель захотел поделиться своими впечатлениями, предприняв для этого определенные шаги. Это немало – это объективная, беспристрастная оценка творчества Мирзояна..."

Интермедия. Эдуард Татевосян

(Первая скрипка квартета имени Комитаса)

...Где-то в 80-х годах от московского музыковеда Виктора Юзефовича я получил письмо, в котором тот мне выговаривал за то, что квартет имени Комитаса слишком много играет "так называемых классиков" и уделяет недостаточное внимание молодым композиторам – поколению 70-80-х годов (Мансуряну, Зограбяну и др). Я ответил, что выбираю сочинения не по возрастному цензу, а по степени таланта композитора. И если Мирзояну будет даже 100 лет, я не откажусь от его Квартета, потому что это, действительно, прекрасная музыка.

Даже примерно не могу сказать, сколько раз мы играли Квартет Мирзояна здесь и за рубежом, и он не устаревает – это непридуманная музыка, это талант в чистом, спонтанном виде. В 26 лет – сколько мастерства! Форма – уже интересно: вариации как единство и развитие в одновременности. "Антуни" – как тонко проработан

материал! Мирзоян слышит квартет в целом, а не отдельные партии. Какое знание инструментов, какая штриховая техника! А финал – это фиеста, праздник! В его музыке вообще очень много оптимизма, потому что сам он оптимист, его музыка жизнеутверждающа. Один он оставаться не может, закрыться, уйти в себя для него невозможно. Я вот, например, имея репутацию общительного весельчака, иногда днями не хочу никого видеть, впадая в депрессивное состояние. Для него это невозможно, потому что именно в людях он черпает стимул к жизни, к творчеству.

Принято считать, что нет профессии – хороший человек. Но для меня совершенно однозначно: непорядочный человек никогда не может быть действительно хорошим музыкантом. Эдвард Мирзоян так умеет поддержать, помочь, он так умеет любить людей, так чувствует их боль. Эдвард Мирзоян – некая особая, редкая, универсальная категория, вид, тип homo sapiens-a. Որակ կազմող մարդ ա: Если узнать его поближе, то понимаешь, что он совсем не так прост, как это может показаться на первый взгляд из-за доступности и простоты в общении. Часто говорю ему: "Сколько бы Вы таких квартетов написали, если бы посвятили себя исключительно творчеству!"

Но то, что он сделал на посту председателя Союза композиторов, невозможно переоценить. ***А Дом творчества в Дилижане, на мой взгляд, – памятник Мирзояну еще при жизни***. Всеобщие любовь, уважение, почет, которыми был окружен Мирзоян, очень добрые и близкие отношения с Хренниковым позволили ему добиться многого для армянских композиторов и всей музыкальной инфраструктуры Армении.

К сожалению, в нашем поколении нет такой преданности в дружеских отношениях, которые отличали "пятерку" – Мирзояна, Бабаджаняна, Сарьяна, Арутюняна, Худояна. Их всех, таких невероятно разных, объединял именно Мирзоян. Сейчас он не говорит о своей боли, но отсутствие Зарика, Арно, Адика в своей жизни переживает очень болезненно. Даже авторские концерты к 80-летию он не позволил ограничить своим именем: "Пусть это будет посвящено "пятерке"...

Эдик – такая очаровашка, что, мне кажется, ни одна женщина не могла остаться к нему равнодушной. Но в нем, тоже легко увлекающемся, нет никакого цинизма по отношению к женщинам. Бывают сальные, циничные мужчины, к нему это не имеет никакого отношения – Мирзоян очень благородно относится к так называемому "слабому" полу и к детям – и в творчестве это есть.

Эдик боготворил мать – ни при каких условиях она не могла оказаться не права, ее желание – закон. Честно говоря, я бы не удержался, хотя и мягко, но возразил бы, что, скажем, в этом вопросе думаю иначе. Для Эдварда Михайловича это невозможно – меня это всегда поражало.

Он дипломатичен от природы. Некоторые приходят к этому с годами, а в Мирзояне заложен уникальный дипломатический дар, это показатель не только коммуникабельности, но и редкого, острого ума. Человек и Мастер – вот две главные характеристики Эдварда Мирзояна.

...Итак, Эдик вылетел из родительского гнезда, и это стало важным событием в личностном формировании 25-летнего молодого человека. Свою самостоятельность, впрочем, пока не подкрепленную финансовой независимостью, Эдик, как и его друзья, принял со всей присущей ему восторженностью. Он с головой ушел в жизнь во всем ее многообразии со смелостью и безоглядностью молодых лет.

16.12.1946

Дорогая мама джан!

<...> Занятия продолжаются полным ходом. Я уже прилично играю прелюд Скрябина. Бываем на концертах. В частности, были на симфоническом концерте, где исполнялись произведения Глиэра, Кабалевского и др.

Вчера вечер провели дома у К. Н. Игумнова. Накануне были на его концерте, играл только Шопена. Это пианист, который с собой унесет традицию тонкого и простого по мудрости исполнения. Сейчас есть очень много замечательных пианистов. Но наш век, век Прокофьева и Шостаковича, не может не отразиться на стиле исполнения современных пианистов. Вот почему мы слушаем Игумнова с таким огромным наслаждением. Вечер вчерашний был очень интересный, и, выйдя от Игумнова на улицу, мы почувствовали прилив большой дозы благородства и человечности.

Мама ջան (джан)! Ты, наверное, не узнала, какое несчастье случилось с семьей Адика. Племянник Адика (сын младшей сестры) попал под машину и погиб. При возможности вырази соболезнование. Мы дали телеграмму.

Сегодня идем на концерт, где услышим новый квартет Шостаковича /*Третий*/. А это как раз кстати...Так в общем ничего нового. Погода здесь очень умеренная, в комнате очень тепло, и занимаемся вдоволь.

На этом кончаю. <...> Целую крепко

Твой сын ***Эдик*** <...>

Хотя Эдик подробно, буквально со стенографической точностью пишет письма-отчеты родителям, в этот, московский период, у него впервые появились секреты и тайны сердца, которые он никому не доверял.

– Как-то мы с Арно стоим у телефонного автомата, где разговаривает стройная симпатичная девушка. Она заканчивает разговор, мы с ней знакомимся, садимся на скамейку в парке у Политехнического музея. Начинаем хохмить, разыгрываем ее, убеждая в том, что мы чуть ли не уголовники. Потом показываем удостоверение членов Союза композиторов, потом "признаемся", что удостоверение украли. ...Арно вдруг срывается: "Я ухожу: чувствую, что лишний – у меня нос большой..."

Дружба Арно и Эдика никак не исключала чисто юношеского соперничества мужчин, исключительных по энергетической силе и звездности, личностности и темпераменту. Случилось так, что высшая сила Женственности, женской притягательности стала испытанием их мужского союза. С 1948 по 1950 годы Эдика, как вихрь, захлестнуло чувство к высокой, стройной юной красавице – талантливой пианистке Ирине Зайцевой, к которой не был равнодушен и Арно. Но на дружеских отношениях это никак не сказалось: Арно и Эдика ничто не могло разлучить, они так ценили, так любили друг друга всю жизнь, и жизнь эту легко могли отдать во имя дружбы, не знающей преград...

– В первый раз я заметил Иру на похоронах Игумнова, второй – в Малом зале: она стояла на второй ступеньке – что за ножки! И вот, совершенно неожиданно вижу ее в Армянском переулке вместе с подругой, известной пианисткой Беллой Давидович. Пригласил в общежитие. Решил Иру не провожать – думал, что шансов никаких. Эдик Налбандян /*музыковед*/ **ее проводил, все разошлись. На следующий день утром каждый пошел в свой класс. Вдруг меня зовут к телефону. Слышу ее голос. Договариваемся встретиться в 19.30 в Большом Донском проезде. Арно реагирует: «Շատ բախտ ունես...» ("Везет же тебе...") Я занимаюсь. Через 15 минут Арно заходит ко мне: "И мне позвонила. 5-я Советская, в 19.30". Обсуждаем, решили пойти. За остановку до 5-ой Советской я схожу, вижу Арно с Ирой. Еду на свое место – там Белла Давидович. Встречаемся, вчетвером гуляем в парке Горького... Провожаю Беллу на Арбате, у входа в подъезд мы долго стояли, оставила мне свой телефон, и я приехал домой. Арно нервно курит. "Арно, ну как?" – "Мещанка" (в смысле – недотрога). Я лег и в хорошем настроении заснул.**

Утром звонит Ира, договариваемся встретиться. Арно ничего не говорю. Ира приходит вместе с Беллой. После кино беру такси, развожу по домам. Утром звонит Ира. Большой театр. Беру такси, развожу по домам. Так продолжалось шесть дней. На седьмой день наше с Ирой взаимное чувство уже не знало преград...

Однако с этим романом было связано и сильнейшее разочарование, которое композитор очень тяжело пережил. След от этого потрясения слышен в его музыке, через которую он нашел пути к преодолению мучительной, непереносимой боли...

14.05.1946

Дорогие мои, родные!

Отпраздновали день моего рождения, и я постараюсь, насколько возможно, правильно и объективно рассказать об этом для меня знаменательном дне. Начну сначала.

Двенадцатого мая с утра вся наша комната приступила к подготовительным работам. Я и Адик поехали в магазин, Котик и Арно – на базар за картошкой. В магазине мы были, как обычно, дружелюбно приняты и, к нашему удивлению, получили ряд вещей, о которых не могли предположить. Во-первых, в магазине оказались сливочное масло, очень хороший советский сыр, рыбные консервы, шоколадные конфеты, а под конец нам дали 4 коробки шоколадного набора, */одну/* пришлю вам (сегодня мы снова будем в магазине и получим еще 4 коробки). Все это очень дополнило меню нашего стола. После этого наняли легковое авто и приехали домой.

Дома меня ждал сюрприз: вхожу в комнату и вижу – стоит очень приличный рояль */здесь неточность: было установлено пианино/.* Как будто прямо был заказан ко дню моего рождения. Оказалось, что Крисчян */Минас, директор Музфонда СК Армении/* получил несколько инструментов и перед отправкой в Ереван решил один из них поставить у нас. Как видите, получилось здорово. Оставалась проблема "что пить", и в этом мы натолкнулись на большие трудности. Дело в том, что 12-е было воскресенье и большинство магазинов (винных) или были закрыты, или раньше времени закрывались, а мы спохватились очень поздно, и я с Котиком вместе ходили, ехали, делали пересадки и, наконец, в гостинице "Европа" достали водку.

Приехали домой, а Адик и Арно уже хозяйничали, было 10 часов. Гости постепенно собирались. Адик волновался за плов, о котором не переставал говорить в течение целой недели. Между прочим, должен сказать, что с утра мы несколько раз обсуждали состав приглашенных. Надо было ограничиться максимум количеством 12-14 человек, т.к. не было бы места. В результате мы не пришли к единогласному решению, что очень свойственно совещанию 4-х министров иностранных дел. Однако нас объединяла общая цель, и это преимущество вывело нас из так называемого "тупика"... На вечере присутствовало 25 человек. Сели за стол к 12-ти часам, в то время, когда вы, наверное, уже пили за новорожденного.

Представьте, что было очень хорошо, и все 25 человек имели место за столом. */Весь/* состав, в основном, подписался под поздравительным письмом, которое */на/*писал Григорий Савельевич[56]. Как полагается, выбрали тамаду, и единогласно прошел Григорий Савельевич. Вечер он провел просто исключительно. После его первого тоста за именинника, который он произнес в очень теплых тонах, выпили за здоровье родителей. Очень много хвалили вас. Вардзигулян */Ваник, режиссер/* произнес очень теплую и яркую речь о долге перед родителями и любви к ним. Он сказал: "Эдик! Очень жаль, что нет рядом с тобой твоих родителей, но ты должен быть счастлив, что юбилейную дату своего рождения ты празднуешь в священном Лазаревском институте". Очень тронули меня эти слова. Много было шуток, смеха. Григорий Савельевич просто был душой всего вечера. Надо было присутствовать для того, чтобы понять всю прелесть и остроумие его выступлений. Много играли, танцевали, Сережа */Галстян, певец/* спел два раза. Веселье продолжалось до 5 часов утра. Много пили за нашу дружбу, и каждый раз удивлялись этому. Григорий Савельевич назвал нашу дружбу "новым жанром в армянском искусстве". Пили за наших девушек, которые в этот вечер были мысленно с нами. По этому поводу Григорий Савельевич сказал: "Я не буду называть имен девушек, но скажу, что в этом отношении Арно жутко отстал и, не желая отделять его от друзей, я предлагаю выпить и за его будущую Икс или Икс-уи". На это я предложил Григорию Савельевичу выпить не за будущую Икс-уи, а просто Искуи. Много очень смеялись над этим, а Вардзигулян сказал, что запишет это как оригинальный факт игры слов.

Все разошлись очень довольные. После этого мы уложились таким образом: я и Котик на одной кровати, Нелли */Даниэль-Бек, пианистка/* и жена Зарика */Галина/* – на другой, Адик и Цолак */брат Адика/* – на 3-ей и Зарик и Арно – на 4-ой. Спали до 10 часов.

13 числа с утра мы все убрали, привели в полный порядок, в чем очень помогла Вера Аркадьевна */Бабаян, зав. общежитием/.*

Мама ջան (джан)! Я знаю, как было для тебя тяжело проводить день моего дня рождения без меня. Это второй случай. Первый был в 1942 году, когда не только мы с тобой переживали трудные дни, но и вся наша страна была в страшной опасности. Сейчас картина изменилась и для меня, и для нашей родины. Разница в обоих случаях огромная. В самом деле, я не мог мечтать провести свой 25-летний юбилей в Лазаревском институте.

Наверное, вас интересует содержимое стола: американская колбаса, сыр, вареная картошка, сливочное масло, рыбные консервы, 3 бутылки коньяка, водка и, под конец, роскошный плов. В конце угостили сухими фруктами, шоколадными конфетами, чаем. Вот и все. Я думаю, что вы должны быть очень довольны. Да! Получил подарки. От Зарика и его жены – клавир оперы "Русалка", кто-то преподнес галстук, а брат Адика – хорошую чашку с блюдцем с надписью.

Сегодня здесь, в Доме культуры, вечер, посвященный Комитасу. Докладывает С. Гаспарян */Самсон, музыковед/,* и */будет/* концертное отделение. <...>

Целую ***Эдик***

[56] Домбаев, пианист, музыковед, общественный деятель, в 1947-1949 годы начальник Управления по делам искусств при правительстве Армении, брат скрипача Карпа Домбаева.

07.05.1946
Էդի՛կ ջան,

Շնորհավորում եմ ծննդյան 25 ամյակդ: Կյանքի քառորդ դարը բավական մեծ ստաժ է և շնորհքով մարդու ձեռքին բեղմնավոր ստեղծագործական աշխատանքի պատկառելի ժամանակաշրջան, որպեսզի նա կարողանա շրջապատին իր մասին խոսեցնել: Դու այդ կողմից քեզ արդարացրել ես հայկական մասշտաբով: Ցանկալի էր դա գտներ լայն արձագանք և ընդգրկեր հայկական լեռներից ավելի հեռու ու լայն հորիզոններ:

Անշուշտ, ես այդ բանին հավատում եմ քո և ընկերներիդ վերաբերմամբ, որի հետ մեր ղեկավարությունն ու հասարակայնությունը մեծ հույսեր է կապում և սպասում ձեզ հանդիպել մեծ բագաժով [*ստեղծագործական նվաճումներով*]:

Մենք այստեղ մայիսի 12-ը կնշենք ջերմ զգացմունքներով, մեր մտերիմների շրջանում: Այդ շրջանը աստիճանաբար լայնանում է: Մեր տունը հաճախ այցելում է Մարիանան և իր կենսալից բնավորությամբ, աղմկալից աշխուժությամբ համակում բոլորիս:

Այսօր երեկոյան ես և Ժենյան [*Է. Միրզոյանի մորաքույրը*] գնացինք օպերա՝ տանը թողնելով մամայիդ: Մամադ սպասում էր Մարիանային, որը պետք է բերեր Քրիստափորի [*Քուշնարյան, երաժշտագետ*] ձեռքով ուղարկած նամակդ: Նստած դահլիճում՝ անտրակտին զրուցում էինք ես և Ժենյան և պատկերացնում մեր տանը մամայիդ և Մարիանայի զրույցը. երկուսն էլ խոսելու համար ոտքով քյաբբա կերթան, երկուսն էլ եվրոպական նիստ ու կացի, քաղաքավարության և արիստոկրատական բարձր տոնի օրթոդոքս պաշտպաններ, երկուսն էլ քողարկված դիպլոմատիկ պրիյոմների [*հնարք*] կիրառողներ: Պլյուս այս բոլորին՝ շատ բան ունեին խոսելու. օրակարգը մեծ էր: Նրանց օրակարգի մեջ պետք է շոշափվեր Ֆիրոչկայի [*Ա. Խուդոյանի հարսնացու*] էքսպանսիայի խնդիրը, Օդենովայի [*Ա. Հարությունյանի հարսնացու*] նամակի խնդիրը, որը գրելուց հետո խմբագրվել և անհրաժեշտ շեղումներ է կատարվել Կոտիկի [*Ա. Հարությունյան*] մոր կողմից՝ առանց Օդենովայի գիտության, մորդ և Մարիանայի նոր ստացած նամակների շուրջը երկուսի տպավորությունների փոխանակության և երկձայն հրճվանքի խնդիրը և վերջապես այս խնդիրներից ծագած նոր խնդիրների խնդիրը... Մի խոսքով, ռեգլամենտի վերածելով՝ Ժենյայի հետ հաշվեցինք, որ նրանք 4-5 ժամ խոսելու նյութ ունեն: Ես ազատ ժամանակս հետևում եմ նրանց զրույցին և համոզվում, որ երկուսն էլ Հռոմի կուլտուրայի ներկայացուցիչներ են: Պարզ է, որ այսպիսի հատկություններով մենաշնորհված մեկը, մեկ ամիս ձեր հանրակացարանում ապրելով, ձեր կիսավայրենաբարո մթնոլորտում պետք է ջղայնանար: Պատմում էր Առնոյի նրբագեղ ոճի մասին: Ես մորդ համոզեցի, որ առաջին հինգ տարին է դժվար, որից հետո ամեն բան կհարթվի: Кстати [*ի դեպ*], Առնոյին իմ կողմից ջերմ բարևելուց և ճակատից մինչև բերանը տարածվող լեռնաշղթայի լանջերը երկու կող-

մից պինդ համբուրելուց հետո ասա, որ ես [*նրան*] հաջորդ փոստով նվեր եմ ուղարկելու մեկ սուրդինկա: Թող նա դնի իր լեզվի վրա, որը կնրբացնի նրա ոճը և որ գլխավորն է՝ շտրաֆներից [*տույժ*] կազատվի (начальницкая шутка) [*խոսքը հայհոյանքների համար փղաների միջև կիրառվող տույժի մասին է*]:

<...>

<u>Խրոնիկա</u>

Վերջերս կոնսերվատորիայի դահլիճում տեղի ունեցավ Զոյա Պետրոսյանի [*ջութակահարուհի*] համերգը: Հաջող էր, առանձնապես հավանեցի «Կարմենի» տրանսկրիպցիան:

Մի շաբաթ առաջ բեմադրվեց Վարդանի [*Տիգրանյան, Արմեն Տիգրանյանի որդին, կոմպոզիտոր*] «Մեծ հարսանիք» օպերետան: Լավ գործ է, իսկական հայկական օպերետա՝ բազմաթիվ խմբերգերով և սոլո համարներով, բոլորն էլ հայկական ոճով: Հնչում է լավ, և լողները մեծ բավականություն են ստանում: Արդեն բեմադրվել է 5-6 անգամ, ու շարունակ անշլագ: Էս գործը նրան նյութապես կապահովի:

Շուտով ունկնդրելու ենք Կարոյի [*Զաքարյան, կոմպոզիտոր, Ռադիոկոմիտեի երգչախմբի ղեկավար*] վիոլոնչելի սոնատան. երկու անգամ օր է նշանակվել լսելու համար և հետաձգվել:

Ես Կարոյին հանձնեցի կատարելու «Ալագյազ աչքերդ» խմբերգը՝ քառաձայն կազմի համար:

Ամսի 3-ից մեզ մոտ սկսվել են քննությունները, որոնք կտևեն մինչև մայիսի 26-ը: Սաստիկ զբաղված եմ:

Ընդունիր համբույրներս:

<...>

Քո ***Միշա Դյադյա***

07.05.1946, Ереван
(перевод Л. Епремян)
Эдик джан!

Поздравляю тебя с 25-летием, четверть века – это значительный стаж, а для одаренного человека – еще и период плодотворной творческой деятельности, достаточный для того, чтобы заставить говорить о себе. В этом смысле ты оправдал себя в пределах Армении, было бы желательно добиться подобного отклика в более широких масштабах, перешагнув за армянские горные хребты и охватив далекие горизонты.

Я, безусловно, в это верю и в отношении тебя, и твоих товарищей – с вами наше руководство и общественность связывают большие надежды и ждут вас со значительным творческим багажом.

Мы здесь отметим 12 мая с теплыми чувствами в кругу близких. Этот круг постепенно расширяется: к нам часто заходит Марианна /*Арутюнян, певица, близкая подруга Э. М.*/, заряжая нас своим жизнерадостным характером и шумной суетой.

Сегодня вечером, оставив маму дома, мы с Женей /*сестра Люси Богдановны*/ пошли в оперу. Мама ждала Марианну, которая должна принести отправленное тобой через Христофора /*Кушнарев, музыковед*/ письмо. Сидя в зале, в антракте мы беседовали с Женей, представляя разговор твоей мамы с Марианной. Обе любят поговорить, обе – ортодоксальные приверженки высокоаристократичного европейского стиля, обе умело используют скрытые дипломатические приемы по отношению друг к другу – плюс, им в самом деле есть о чем поговорить, повестка дня весьма развернута. Должны были быть затронуты: вопрос Фирочкиной /*невеста А. Худояна*/ экспансии, вопрос письма Оденовой /*Ирина, невеста А. Арутюняна*/, которое Котикина мама отредактировала без ведома Оденовой и внесла необходимые поправки. Вопрос обмена впечатлениями вокруг полученных в последний период писем и восторженный смех дуэтом, и, наконец, вопрос вопросов, вытекающих из вышеперечисленных вопросов...

Словом, рассчитав регламент, мы с Женей решили, что беседа продлится около 5 часов. В свободное время я иногда наблюдаю за ними, убеждаясь, что обе они – носители культуры Древнего Рима. Ясно, что некто, наделенный подобными манерами, проведя целый месяц в полуварварской атмосфере вашего общежития, не мог не возмутиться. Марианна рассказала об “изысканных манерах” Арно. Я убедил твою маму, что трудно только в первые пять лет, потом все наладится. Кстати, после того, как передашь Арно от меня привет и крепко расцелуешь оба склона горного хребта, простирающегося от лба до рта, – скажи ему, что я собираюсь по почте прислать ему в подарок сурдинку. Пусть поставит ее на язык – это смягчит его стиль и, главное, позволит избежать штрафов (начальницкая шутка) /*речь идет о практикуемой среди ребят системе штрафов за употребление нецензурных выражений*/.

<...>

Хроника

Недавно в зале консерватории состоялся концерт Зои Петросян /*скрипачка*/ – прошел удачно, мне особенно понравилась транскрипция “Кармен”.

Неделю назад была поставлена оперетта Вардана /*Тиграняна, композитор, сын Армена Тиграняна*/ “Мец арсаник” /*“Большая свадьба”*/. Хорошее сочинение, настоящая армянская оперетта с многочисленными хорами и сольными номерами – все в национальном стиле. Звучит прекрасно, и зрители смотрят с большим удовольствием. Прошла 5-6 раз с неизменным аншлагом – это произведение решит его материальные проблемы.

Скоро услышим виолончельную сонату Каро /*Закарян, композитор, руководитель хора Радиокомитета*/, дважды назначали и переносили концерт. Я сдал Каро свой четырехголосный хор “Алагяз ачерд”.

С 3-го у нас начались экзамены, которые продлятся до 26-го – безумно занят.

Целую <...> Твой ***Дядя Миша***

В письме упоминается поездка Марианны Арутюнян в Москву, в ДК Армении. О розыгрышах в ДК до сих пор ходят легенды, об одном из них рассказывает Эдвард Мирзоян:

– Генрих Оганесян /*режиссер*/ **часто после съемок приходил к нам, отстегивал воротничок, стирал, выглаживал – он был очень аккуратным – и бежал на свидание. Часто шутил, что у него назначено свидание с Айкануш Даниелян. В один из таких дней у нас в гостях была Марианна. В общежитии, стоя на стуле, Генрих Оганесян причесывается, наводит марафет.**

Генрих:

– Сегодня у меня бюро /*свидание*/ **с Айкануш Даниелян.**

Марианна:

– Ее здесь нет, она в Ереване.

Завязывается спор. Генрих “признается”:

- Ես Հայկանուշ Դանիելյանի տղա՛ն եմ (– Я сын Айкануш Даниелян):

Марианна:

- Ես նրա աղջի՛կն եմ (– Я ее дочь!):

Генрих:

- Ես նրա տղան եմ, ես քույր չունեմ... (– Я ее сын, и у меня нет сестры...)

Кадр из фильма "3+2"
В роли официанта –
режиссер Г.Оганесян

Интермедия[57]. ***Сос Саркисян*** (актер, режиссер)

Есть люди, которых Бог создал собственными руками, бережно и с любовью, не по шаблону, а штучно. Обычно он их наделяет приятной внешностью, особым талантом и щедрой-щедрой душой. И, конечно, необычной силой любви к жизни и к людям. То есть, Бог создал их как пример для нас, простых смертных...

Эдвард Мирзоян – одно из таких рождений.

Мы оба достигли своего заката, и сердце мое бешено бьется от страха, и я не хочу, чтобы вышло так, что я уйду и лишусь чуда жить вместе с ним в одно и то же время...

Огромную жизнь прожил наш Эдик, он жил и давал жить тем, кто был рядом с ним, вместе с ним, целому поколению. Для них Мирзоян стал преданным другом, независимо от возраста, старшим братом. Какое счастье для нас, и какая слава им за то, что они, как подобает армянам, служили своей нации, за то, что Мирзоян, будучи сам большим композитором, щедро наградил нас рождением своего таланта, радуясь и наслаждаясь победами друзей. Какая высокая культура дружеских и просто человеческих взаимоотношений, благодаря Мирзояну! Иди и верь после этого, что человек, наделенный большим талантом, бывает эгоистично сосредоточен только на себе...

Мне посчастливилось работать с Эдиком в фильме “Хаос”. Лаэрт Вагаршян, который был режиссером этого фильма, заранее сказал мне, что Эдик написал блестящую музыку к фильму. И когда я услышал, был по-настоящему восхищен, но и удивлен – какое точное, глубокое ощущение сути образов главных героев, какое широкое восприятие времен Алимянов, среды, уклада жизни дореволюционного Баку.

Еще одно вспомнилось. После погромов в Сумгаите и Баку я также занимался судьбой беженцев, мы делали все возможное, чтобы как-то облегчить положение этих несчастных людей. В фонд, которым я руководил, приходили люди, спасшиеся от ада, потерявшие все, что заработали (приходили в галошах на босу ногу – как успели вырвались). В один из дней Эдик пришел ко мне домой и, несколько стесняясь, протянул мне тысячу рублей. “Эдик, – говорю, – это для тебя большие деньги, может...” Он не дал мне докончить, прервал

[57] Публикуется по: Саркисян С. Щедрый, щедрый человек. // Разорванное время (сб. статей С. Саркисяна). М., 2009, с.203-205 (с сокращениями). На подаренном Э. Мирзояну экземпляре книги есть дарственная надпись автора: “Великому композитору, великому армянину, брату по крови Эдику. Пусть все армяне будут похожи на тебя!”

меня своим тихим, спокойным голосом: “Ты только никому ничего не говори, здесь нет ничего особенного... Мы должны... Они наши сестры, наши братья...” <...> Как мне кажется, он забыл этот случай. Наверное, забыл, ведь скольким людям он помог в своей жизни.

Говорят, 12-го числа этого месяца /*мая*/ день рождения Эдика Мирзояна, но, если быть искренним, я не об этом, хотя от всего сердца поздравляю его. Я пишу эти строки, чтобы вынести все, что давно накопилось во мне. А может, мне просто необходимо поклониться ему за его такую красивую, такую богатую, с такой честью прожитую жизнь. За ту непринужденную, прекрасную творческую атмосферу, которой он наградил нас со своими друзьями-музыкантами.

В жизни нашей республики, нашего общества они сыграли большую, плодотворную роль, имели огромное влияние на духовную жизнь народа. Я очень сожалею, что ни в Союзе кинематографистов, ни среди театральных деятелей, такого лидера, как Мирзоян, не нашлось.

Я очень-очень хочу, чтобы наша молодежь знала: есть один удивительный, скромный, светлый человек по фамилии Эдвард Мирзоян. Он из нас, живет среди нас, армянин, наша гордость и... Пусть облик великих будет для нас примером. Ведь у нас они есть. В мире важен свет и светлые личности... Как Эдвард Мирзоян...

“Хаос”, 1973

Елена Степанян, 1946

Глава 10

Мы долгое эхо друг друга...

Итак, что мы имеем к 30-ти годам возмужавшего героя нашего повествования? Из удач – разве что благосклонно принятую критикой “Песню Мгера-младшего” консерваторских лет, потому как разнесены в пух и прах практически все крупные сочинения – кантаты и Квартет, и даже сверхпопулярная в народе песня “Родина зовет” в СК оценена как “шаблонная, без национального своеобразия”.

На личном фронте тоже без перемен. Точнее – полный провал, только возведенные мосты здесь рушатся до основания. По армянской традиции беспокоятся уже все знакомые, каждый старается устроить счастье молодого человека.

– Дирижер Дмитрий Шиканян, с которым мы были в близких отношениях, сказал мне, что есть одна девушка “как раз для меня”. Стройная, симпатичная, учится на V курсе мединститута. Я каждый день провожал ее к подруге, где они занимались, а к 12-ти часам вечера – домой. Но... каждый день встречаемся, не позволяет даже под руку взять. Получилось так, что я должен был срочно лететь в Москву на месяц. Получил от нее письмо: рассказывает, как дела, как дома, вежливое такое, учтивое письмо. Я на него не смог ответить – не почувствовал чего-то важного. Вернулся, и мы очень интеллигентно расстались. В это время случайно встречаюсь с Лялей в трамвае...

– Как случайно, Эдик? Мы же ехали вместе в Бутанию...

– Я помню иначе. Так вот в этом трамвае я сидел рядом с Зарик Межлумян, управделами консерватории, и она меня спрашивает:

– Кто это такая?

– Знакомая.

– Смотри, не упусти... (– **Ձեռիցդ բաց չթողնես**...)

На самом деле по приглашению Люси Богдановны Ляля со своей тетей – единственным близким для молодой девушки в Ереване человеком – была в гостях у Мирзоянов. И Эдик вызвался их проводить до дому. Но помнит он о ***случайной*** встрече в трамвае – для него важнее всех обстоятельств было чрезвычайное в его жизни событие – он будто впервые УВИДЕЛ свою будущую жену, он ее раз-

глядел и полюбил именно в то мгновение, которое обладало силой судьбоносной встречи, СЛУЧАЕМ, которым в награду за немалые потери судьба вознаградила Эдварда Мирзояна.

...“Батуми. Шереметьевская, 3, Габриэлян Жене. Подарок от Л. Н. Толстого”, – аккуратно вывел Лев Николаевич и отправил 12-летней Евгении, будущей матери Ляли, свою брошюру “Учение о жизни. На каждый день. Июнь” (составлено Л. Толстым из собственных афоризмов и изречений мыслителей, 1909 год). Так воспитанница пансиона армянской княгини Софьи Аргутинской-Долгоруковой в Тифлисе получила благословение и наставления писателя в 30-и главах на каждый день июня и на все времена – о душе и Боге, морали и общественном устройстве, любви и супружестве, мудрости и самопознании. Этим бесценным даром писатель хотел ее поддержать: два года назад девочка потеряла мать и повзрослела не по годам – она была старшей из 4-х детей. Училась с рвением, после окончания осталась работать при пансионе. Все свое душевное богатство, заботу и любовь старалась передать своим воспитанникам, среди которых был и Арам Хачатурян. Позже, при встречах в Ереване, он неизменно обращался к ней: “Подруга дней моих суровых, голубка не дряхлая моя”... Подарок от Толстого Евгения трепетно хранила и передала своей дочери – Елене Степанян, ставшей женой композитора Эдварда Мирзояна. И теперь эта реликвия хранится в их ереванской квартире. Как реликвию хранит Елена Мамиконовна и копию фотографии П. Чайковского в доме Питоева в Коджорах, близ Тифлиса – ее отец, Мамикон Степанян, был заведующим национальным отделом публичной библиотеки в Тбилиси и очень дорожил этой фотографией.

“В важных вопросах жизни мы всегда одни, наша настоящая история никогда не может быть понята другими”, – писал в той книге афоризмов Лев Толстой. В работе над монографией я как никогда осознаю справедливость этой мысли: понять и передать в полной мере личность такого масштаба, как Эдвард Мирзоян, просто невозможно. Но приблизиться в некоторой мере к этой непосильной задаче мне помогла Елена Мамиконовна, которая собрала и сохранила богатейший архив композитора, с готовностью предоставляя любой интересующий меня материал.

...Говорят, что сохранить любовь мужа удается только тем женщинам, которые независимы во всем, и что “раствориться” в собственном супруге – значит потерять и себя, и его. Ляля всей своей жизнью доказала обратное: она без сожаления абсолютно слилась с фамилией и харизмой Эдварда Мирзояна, своей благородной, не увядающей с годами красотой и женской мудростью освящая образ мужа.

Своеобразный стереофонический эффект присутствия Елены Мамиконовны во всех его делах и телефонных разговорах способен

озадачить любого непосвященного в бурный, почти безумный ритм жизни этой семьи. Но иначе просто невозможно: Ляля – мозговой центр жизнедеятельности композитора и, одновременно, главный раздражитель творческой активности Мирзояна. Просто поразительно, как и сегодня, не считаясь с состоянием здоровья мужа, оберегающая его от всех нагрузок Елена Мамиконовна нещадно “пилит” композитора, стыдя за каждую потеряную минуту, считая за таковую любой миг, прямо не связанный с композицией. Она способна претворить в жизнь почти детективные ходы по активизации общественного давления на супруга – каждое произведение с ее легкой руки “поручается” какому-либо влиятельному музыканту, который с подачи Ляли постоянно настойчиво напоминает Мирзояну о все еще незаконченном сочинении. И только в те немногие часы, когда Эдвард Мирзоян кропит за очередным произведением, Елена Мамиконовна абсолютно довольна и счастлива...

В тот самый момент, когда она связала свою судьбу с этим более чем непростым, неординарным человеком, Ляля без колебаний признала главенство в жизни супруга двух важнейших обстоятельств: его композиторского призвания и неоспоримого авторитета свекрови. То, что могло стать помехой для многих кандидаток в невесты 30-летнего молодого человека с ослепительной внешностью и “подозрительной” специальностью музыканта, пока не известного признанными творческими достижениями, Лялю не испугало. Она абсолютно поверила в Эдика, сумев безусловными достоинствами женщины, матери и хозяйки сделать своей союзницей Люсю Богдановну. А та, в свою очередь, угадала в юной выпускнице Тбилисского Политехнического института (специализация – химик-силикатчик) именно того единственного человека, которому она могла действительно доверять. Люся Богдановна поняла это с первой встречи, когда под предлогом снятия выкройки с модного воротника Ляли пригласила ее к себе домой. И, открыв дверь, сказала фразу, которая навсегда запомнилась будущей невестке: “А у меня тут как раз стол накрыт. Это хорошая примета – свекровь будет тебя любить”...

– Какое впечатление оставил в тот день на Вас Эдик?

– Никакого. Он опоздал – пришел из бани, сидел на вращающемся стуле у рояля и постоянно крутился, не сказав ни слова.

... Моя тетя Варя жила на улице Спандаряна. Я перешла к ней жить, каждое утро шла на завод (Ереванский завод стройматериалов), а по вечерам мы с Эдиком встречались. У нас была соседка, маникюрша Макруи, которая мне как-то сказала: «Էդ փոքր 2-3 ամիս մեկի հետ ման ա գալի, հետո բրախում ա, դրա հետ գործ չունեա» (“Он такой гуляка, не связывайся с ним – 2-3 месяца встречается, потом бросает”). Как это на меня подействовало!

...Мы собирались идти к Зарику Сарьяну встречать Новый год. Я умывалась, и вдруг Эдик в карман моего халата положил золо-

С женой, 1951

С дочерью Зарой, 1954

На даче в Карашамбе
2004

тые часы – так выглядело его предложение руки и сердца. А 1 июля 1951 года мы поженились. Сняли комнату и стали жить отдельно.

За 60 (!!!) лет совместной жизни судьба послала им немало испытаний. Но та великая степень серьезности и взаимной ответственности, с которой в июле 1951 года они возвели фундамент своей новой жизни, сохранила союз двух, казалось бы, совершенно разных людей. За эти годы сердечных привязанностей у Эдварда Мирзояна было немало, и я часто сама себе задавала вопрос – в чем та сила, которая смогла удержать его в семье? Любовь и преданность жены? Ее виртуозная хозяйственность и гостеприимность? Ответственность перед чудесными, талантливыми детьми? – Наверное, все это вместе и еще тысячу обстоятельств. Но все, сложенное вместе, наверняка не оградило бы от невзгод, не будь главного достоинства Елены Мамиконовны: ее мудрой доброты и человечности, которыми она обладала всегда и которым не уставала учиться все эти годы у главного человека своей судьбы – Эдварда Мирзояна...

В 1952 году, в свой день рождения, Ляля родила дочку, и радость отцовства вмиг сделала Мирзояна во сто крат счастливее и ответственнее. Ляля же, преподаватель математики и химии, по совету Люси Богдановны, окончила хоро-дирижерское отделение музучилища имени Р. Меликяна. Но с рождением сына Аршака с карьерой ей пришлось распрощаться: семья всегда была для Елены Мамиконовны главной, ни с чем не сравнимой ценностью.

В семейном архиве хранятся письма Эдварда Мирзояна к жене в связи с рождением дочери Зары. Они неповторимы, бесценны в раскрытии трогательного образа отца, который в беспредельном волнении, умиляясь красавице-дочурке, посылает в роддом томик любимого писателя Чехова и подробно анализирует концертные премьеры.

19.04.1952

Ляля ջան (джан)!

Сегодня вечером я дома, а тебя не будет. Видишь, как получается. На “кошмарную” атмосферу не жалуйся, главное не это.

Все звонят, спрашивают, не терпится. Ирочка /*жена А. Арутюняна*/ говорит, что у нее все было совершенно аналогично. Жду хорошей весточки, не волнуйся. Крепко целую

Твой ***Эдик***

21.04.1952

Дорогая Ляля ջան (джан)!

Вчера собрались ребята – Зарик, Арно, Адик, Фира, Гарик, Э. Абрамян /*композиторы Лазарь Сарьян, Арно Бабаджанян, Эдгар Оганесян, Эдуард Абрамян, Адам Худоян с невестой*/. Все поздравляют, много шутили, баловались.

Беспокоюсь за твое состояние. Ты, пожалуйста, не церемонься, и если что-либо не так, обязательно сообщи. Напиши, как выглядит дочурка, как себя ведет, какая у тебя температура и ничего не скрывай.

Присылаю газеты. Вечером еще пришлю. Может быть, книгу принести? Целую крепко

Твой ***Эдик***

22.04.1952

Ляля ջան (джан)!

Пришел к тебе ближе, но разницы никакой. Состояние твое меня беспокоит. Паникую как следует.

Сегодня днем пели мою Песню о мире. Как будто хорошее впечатление оставила. Сейчас бегу в Союз подготовить камерный концерт.

Целую крепко

Эдик

P. S. Посылаем часы.

22.04.1952

Ляля джан!

Описание дочки привело меня в умиление, и я горю желанием поскорее взглянуть на нашу крошку, т.к. совершенно не могу себе представить, что это такое.

Хорошо, что температура у тебя нормальная. Значит, раньше будешь дома. Интересно, к первому мая будешь или нет? Спроси об этом врача.

Вчера весь день получал поздравления, не могу всех перечислить. Особенно просили передать Седа Курбанян /*певица, подруга Ляли*/, Оля Даниэль-Бек /*пианистка*/, жена Жоржа Сараджева /*Георгий, пианист*/ Ася, Константин Соломонович /*Сараджев*/ с Зоей Борисовной и многие другие.

Пришел домой рано, т.к. был пьян, и на урок не пошел. Вечером с опозданием направился в Филармонию, где было открытие пленума. Исполняли симфонические произведения. Самое значительное – это I часть симфонии Егиазаряна. Егиазарян еще раз доказал, что является большим композитором. I часть в некоторых случаях вызывает сомнения и возражения (возможно, еще /*и*/ исполнение не на высоте), но в целом я в восторге. Исполнены были также три части "Танцевальной сюиты" Э. Абрамяна. Музыка мне показалась пустой, бессодержательной, неинтересной и довольно банальной. Его же фортепианный концерт на целую голову выше стоит этих ничего не говорящих ни уму, ни сердцу танцев.

Очень хорошее впечатление от Песни о мире Арно. Оркестр несколько перегружен, потому хор звучит тускловато.

Сегодня на радио состоится второй концерт пленума. Хор под управлением К. Закаряна исполнит новые произведения, среди них

мою Песню о мире. Вечером – камерный концерт в Союзе. Ты упрекаешь, что на пленум я все же вышел. Во-первых, просто совесть не позволила, во-вторых, многое новое меня очень интересует. Из Москвы на пленум приехал композитор Пейко /*Николай*/ – по-моему, о нем ты слышала.

Пока, до свидания. Целую крепко тебя и дочку

Твой ***Эдик***

P. S. Присылаю V том Чехова.

– В Заре я всегда чувствовал большого музыканта. Ей я посвятил "Поэму"для фортепиано, ее дочери Мариам, которая подарила мне чудесную правнучку Натали, – "Альбом для внучки". С сожалением говорю о том, что сегодня Зара только преподает в музыкальной школе в Америке, она не смогла реализоваться в полной мере. С другой стороны – мне неудобно об этом говорить – что было бы со мной, если бы не помощь Зары и Арика? – больница, лекарства, врачи... Счастье, что через столько лет эмиграции мои дети сегодня со мной: Зара имеет возможность приезжать, Арик перевез свою семью из США в Армению, хотя в советское время он был настоящим диссидентом, и сейчас не в восторге от ситуации в Армении. Арик постоянно профессионально наблюдает за моим и Лялиным здоровьем. Ляля недавно упала, раздробила руку – какой это был ужас! Ей буквально по осколкам собрали правую руку, слава Богу, все обошлось: метод Илизарова – дело жизни моего сына – мы проверили на себе.

...Как-то кумир маленького Аршака, дядя Арно, гуляя с ним по тропинкам ДК в Дилижане, сказал ему фразу, которую мальчик за-

Ереван, январь 1989 года
Э. Мирзоян, Г. Илизаров, А. Мирзоян

помнил на всю свою жизнь: «Արի՛կ, դու լավ տղա ես, բայց տե՛ս, ուղղակի լավ տղա չմնաս» (“Ты хороший парень, Арик, но смотри – не оставайся всего лишь хорошим парнем”). Любопытно, между прочим, что прошедший московскую школу обучения Эдвард Мирзоян в свое время резко воспротивился желанию сына уехать учиться в столицу и, напротив, воспринял как озарение синхронно возникшую мысль – свою и Арно Бабаджаняна: «Արա՛, արի Արիկին ուղարկենք Իլիզարովի մոտ Կուրգան...» (“Ара, давай отправим Арика к Илизарову в Курган...”)

Сегодня доктор медицинских наук, представитель уникальной ортопедической школы профессора Илизарова Аршак Эдвардович Мирзоян знаменит своими научными и практическими достижениями. Он переехал на родину из США и работает на благо Армении. Недавно проект под названием “Живи (шагай) гордо” («Քայլի՛ր հպարտ») возглавляемого им фонда “Армавени” получил новое дыхание. Успехи, в которых воочию убедились все, кто знаком с методикой лечения Мирзояна тяжелейших ортопедических патологий, послужили основой для адресного финансирования новых операций. В проекте приняли участие многие благотворители, а также семья Президента. Первая леди Рита Саркисян, как и супруга бывшего Президента Белла Кочарян, лично поддерживает это важное начинание. Аршаку Эдвардовичу верят, ему доверяют свои судьбы отчаявшиеся от безысходности дети и взрослые, к нему едут на лечение из-за границы люди разных национальностей и рас...

07.1970, Ереван

Дорогой папа!

Я пишу тебе это письмо, потому что мама мне сказала, что ты в третьем коттедже /*Дома творчества “Дилижан”*/, где мы не знаем твой номер телефона. У меня к тебе такая просьба – разрешить мне работать на стадионе. Мама мне говорит: “Спроси у папы”. Я хочу работать на стадионе по следующим причинам: I – хочу стать сильным, выносливым; II – я думал, что работа на стадионе опасна. Оказалось – нет. Дети моего возраста работают в центре поля. Они разравнивают песок, который им привозят машины. Так что никуда упасть нам не угрожает; III – на стадионе работают Сурик /*сын А. Арутюняна*/, Сережа /*сын Э. Багдасаряна*/, Вартан /*сын А. Аджемяна*/, Коля /*Вартазарян*/.

Конечно, дело не в деньгах. Ты, наверное, рассмеешься и скажешь, что меня обманули, но дядя Алеша (Вартанин папа) узнал у Аршо Минаевича /*один из руководителей строительства*/, что если мы будем хорошо работать, нам дадут 300 рублей. Есть также несколько мелких причин. А деньги я дам тебе, и ты будешь у себя хранить, но когда я захочу, я куплю (с твоего разрешения) фотоаппарат, магнитофон и т.д.

На селекционной станции я не хочу работать по нескольким причинам: I – под радиацией я могу облысеть; II – там нет воды и очень жарко; III – нет друзей, грядки поливают канализацией. Я очень хочу, чтобы ты мне разрешил пойти на стадион (мои товарищи тоже хотят).

Папа, я прошу, скорее дай ответ, потому что в понедельник я уже должен точно знать, а дядя Алеша обещал, что меня устроит.

С любовью ***Арик*** /*13 лет*/

– Однажды Арик, Сурик и Сережа /*сыновья композиторов – Э. Мирзояна, А. Арутюняна, Э. Багдасаряна*/ **вместе беседуют. Сурик говорит: “Мой папа – самый главный в Филармонии!” Арик в долгу не остается: “Мой папа – самый главный в Союзе композиторов!” Эдуард Багдасарян на тот момент возглавлял камерный ансамбль. И Сережа не растерялся: “А мой папа – самый главный в квинтете, захочет – контрабас сломает!”**

07.05.1986

Уважаемый Эдвард Михайлович!

На протяжении многих-многих лет мы с Вами знакомы и трудимся в рамках одного Союза. Вашу музыку, может быть, я и не так хорошо знаю, но то, что довелось мне слышать, для меня дорого и ценно. Помню сильное и яркое впечатление, произведенное на меня Вашей Симфонией для струнных и литавр. Прекрасное сочинение. Оно поселилось уже в моем музыкальном мире – а ведь это, согласитесь, бывает не часто.

Дилижан, лето 1963 года
Майя Плисецкая с детьми армянских композиторов: Сурен Арутюнян, Армине Нагдян и 6-летний Аршак Мирзоян

Судьба как-то лично нас не сталкивала. И вот надобно было ей устроить так, что косвенно линии наши пересеклись. И пересеклись в сложных и печальных обстоятельствах. Должен Вам сказать, что я переполнен чувством любви и благодарности к Вашему сыну и восхищаюсь его поведением и нравственной высотой. Он так просто и естественно пришел на помощь моей сестре, когда ее сшибла машина. (Сейчас она в больнице – поправляется.)

Да, поступки его были просты и естественны, но такая простота и естественность, по выражению одного гениального писателя, "дорогого стоят!" Передайте ему, пожалуйста, что я к нему преисполнен чувством, которое мне трудно выразить в словах. Дай бог ему быть и оставаться таким. От такого рода душевных движений жизнь наша приобретает еще большую красоту и величие. Вам и Вашей жене, воспитавшим такого сына, мой низкий поклон. У прекрасного дерева рождаются прекрасные плоды. Жизнь сложна и многообразна, и самые трагические обстоятельства выявляют подчас прекрасное и светлое.

Примите, дорогой Эдвард Михайлович, мои самые сердечные пожелания здоровья, творческих свершений, душевной гармонии Вам, Вашей жене и Вашему сыну.

Пользуясь случаем, поздравляю с великим нашим праздником Победы. Всех Вам благ.

С глубоким уважением

Владимир Рубин /*композитор*/

Аршак Мирзоян основал Ереванский Центр Реконструкции и Удлинения Конечностей /www.yсllr.org; www.leglengthening.am; www.armaveni.am/. Сейчас он работает над созданием своей ортопедической клиники. К сожалению, по ряду причин это пока не осуществимо. Но пример отца, который претворил в жизнь самые дерзкие мечты, всегда вдохновлял сына, который вносит реальный вклад в биографию молодой армянской республики. Аршак Эдвардович – врач, лечащий сердцем, который умеет любить и проникаться состраданием к людям. Какой-то абсолютной любовью он предан своим детям, продолжателям рода Мирзоянов (Алиханянов) – Елене, Сатеник и Шанту...

около 1993 года, Ереван

Мои любимые Ануш, Арик,
мои прелестные и любимые внучата-сестрички!

Я знал, что очень буду скучать без вас, но даже не предполагал, что ваше отсутствие будет настолько ощутимо и таким невероятно далеким покажется то место на Земле, которое зовется “Портланд”. И не думал я, что этот Портланд, где я побывал 30 лет назад, станет для меня таким близким и родным, что я буду мечтать хотя бы на

день приехать и повидать вас, поиграться с Егулик и Сатулик и спеть им “Сагер, сагер, тун екек”, “Азнив энкеруи, бари энкеруи...”

Од-на за-да-ча пе-ред на-ми – ко всем вам у меня одно поручение: **дома говорите по-армянски, и только по-армянски.** Арик джан, как здорово, что письмо твое подробное, а не просто жест вежливости или “бюрократическая аtписка”.

Я как будто начинаю работать и фиксировать свои мысли на бумаге. Стараюсь делать это ежедневно. Пиши о клинике особенно подробно, ты же знаешь, что каждая мелочь для меня важна. Представляю, какие огромные сложности вам приходится преодолевать.

Ляля думала, что с вашим отъездом она разгрузится от домашних хозяйственных забот, но, к нашему удивлению, ничего подобного. С одной стороны, сказывается напряжение – свет, вода, того нет, этого нет, и это нужно, и то необходимо, и тут надо поспеть, и в Карашамбе /*дача Мирзоянов*/, столько смородины не нужно – մոմոթում է, փնթփնթում է. «Էսքան պետք չի, չբերե՛ս» (все ворчит: “Столько смородины не нужно, не привози”), а я как нарочно везу и везу, и не кончается, и в этот момент речь зашла о вас: «Ցավիկը տանեմ...» /*“Цавикэ танем” – “отведу (букв.унесу, возьму) их боль” – выражение большой любви*/.

Ваш папа, дедушка ***Эдик***

1997 год, Ереван

Дорогой мой Арик ջան (джан),
Իմ սիրելի, սիրունիկ Անուշ, Հեղուլ, Սաթուլ, Շանթ ջան,
(мои любимые, прекрасные Ануш, Егуль, Сатуль, Шант джан)

Твое письмо прочел внимательно, потом снова прочел не только потому, что у тебя природно корявый почерк. Так вот, до того трезво, здраво, логично выражены “мысли, которые ты хотел изложить”, что у меня создалось довольно необычное чувство. Я подумал: «Արա՛, համարյա թե ոչ մի վիճելի բան չի ասում, նիվերայատնի պյան ա» (“Ара, невероятно, но факт – почти не с чем поспорить”). Ведь уже немало лет, когда мы обсуждаем “серьезные проблемы”, у нас разные взгляды, в особенности, в принципиальных вопросах. Думаю, в чем же дело? В тебе произошли изменения или во мне? Ты прав, рубеж 40 лет серьезный, ответственный рубеж, где не только нужно все взвесить, продумать, но и решить, и действовать. Я понимаю твою обеспокоенность, нервозность. <...> Мне думается, очень важно проанализировать опыт. Опыт, где были удачи, достижения и ошибки, промахи. Я не намерен брать на себя ответственность оценивать, что было хорошо, правильно, а что наоборот – Боже упаси. <...> Думаю, вы можете подтвердить мою тактичность, может быть, даже излишнюю. И все же осмелюсь именно сейчас, когда, действительно, наступил ответственный, критический мо-

мент, поделиться соображениями, особенно остро ощутимыми после твоего письма. Мне кажется, при анализе необходимо отличить главное, центральное от второстепенного, побочного. Сколько сил, средств, энергии, времени потрачено на главное, центральное и сколько – на второстепенное, побочное и даже совершенно не нужное. И потом, какова степень эффективности, степень результативности. С годами промахи, ошибки труднее исправлять. Себя переделать невозможно и не нужно. Но коррективы возможны и нужны.

Известно, факт, что ты неорганизованный (как твой папа). <...>

Идея, замысел – ничто, если нет воли, последовательности, увлеченности в осуществлении этой идеи /*речь идет об идее создания ортопедического центра*/. Ты знаешь по моему опыту, какие фантастические идеи осуществлялись, становились реальностью, многие не верили, считали авантюрой. Я давно думаю: если бы рядом с тобой был такой, как Бабкенчик Сосян в свои лучшие годы, – вот было бы дело. Бабкену я не раз говорил: никогда мне не удались бы эти идеи, если бы не его необыкновенный организаторский талант и целеустремленность, и Сосян тоже не добился бы всего, что сделал, если бы рядом с ним не был бы я. Идея Дилижана стала воплощаться тогда, когда мне было около сорока лет (1959-60 годы и далее). Арик, дорогой мой, твои идеи, цели <...> могут осуществиться при наличии человека типа Бабкена – это проблема, на мой взгляд, номер1, и мы должны заняться этим в первую очередь. /*Это должен быть*/ опытный, заинтересованный, увлеченный организатор.

Что касается вашей идеи со мной и с нашей поездкой, то она мне симпатична, но может быть побочной. <...>

Пока этим ограничусь, хотя есть чем поделиться. Очень скучаю по вам – просто ужасно, բայց ինչ արած (но что поделаешь).

Պինդ համբուրում եմ բոլորիդ, իմ սիրունիկ սիրելիներ
Ձեր պապա, պապիկ՝ ***Էդիկ***
(Крепко целую всех вас, мои любимые красавицы и красавцы
Ваш папа, дедушка ***Эдик***)

Елена Мамиконовна
с правнучкой Натали, 2001

С дочерью Зарой
2011

Аршак Мирзоян с детьми
Егине, Сатеник и Шантом
2007

Мирзояны с дочерью, сыном
и внучкой Мариам
Лос-Анджелес, 2005

1955 год

Глава 11

Благодаря и вопреки

Конец 40-х – начало 50-х стали переломными в биографии Эдварда Мирзояна, раскрыв в нем сразу несколько призваний, каждому из которых композитор отводил главное место. Это, конечно, дар сочинительства, уже заявивший о себе в полный голос. Это призвание быть Учителем – редкий дар, которому научиться невозможно. Наконец, это руководящая деятельность в Союзе композиторов Армении.

– Я горжусь тем, что преподавать в консерватории меня пригласил именно К. Сараджев. Но, честно говоря, никогда не думал, что смогу преподавать, тем более в консерватории. На последнем году обучения в московской студии ДК, где-то в октябре 1948 года, Константин Соломонович вызвал меня: “Мне кажется, у Вас есть способности к преподаванию”. Я удивился – до этого у меня был опыт преподавания только в школе имени Спендиарова, и, конечно, с удовольствием согласился. Мне дали двух студентов: скрипача из Тбилиси Степана Джербашяна и Софью Самвелян.

С самого первого студента складывается педагогический стиль Мирзояна: ученики – это его друзья и, одновременно, его дети. Мирзоян считает себя лично ответственным за своих студентов, независимо от их возраста, степени одаренности, взглядов, человеческих качеств и конкретных действий. Так случилось даже тогда, когда тактика поведения отдельных учеников в 90-е годы была направлена против собственного учителя, и Мирзоян, отстоявший себя во сто крат в более острых конфликтах, бороться со своими детьми не захотел...

За годы преподавания в ЕГК число учеников Мирзояна достигло почти сотни, однако в реальности Мирзоян долгие годы глобально направлял процесс композиторской и исполнительской деятельности в республике, а в определенном смысле и за ее пределами. И в некоторой степени он сохраняет эти позиции до сегодняшнего дня: его авторитетное мнение влияет на решения жюри различных комиссий, конкурсов, смотров и фестивалей. По-прежнему Мирзояна волнует все, что связано с путями развития армянской композиторской школы – от детского и юношеского до зрелого этапа мастерства – все дорожат мнением ПАТРИАРХА АРМЯНСКОЙ

МУЗЫКИ – вот самое заслуженное звание Эдварда Михайловича... При его участии долгие годы пианист и меценат из США Шаан Арцруни осуществляет денежную помощь западных армян старшему поколению музыкантов Армении, Мирзоян постоянно в хлопотах об организации денежного содействия тому или иному юному талантливому исполнителю или композитору. Не счесть тех людей, в чьей творческой судьбе Мирзоян сыграл важную, а иногда и определяющую роль. Мирзоян является председателем Художественного совета ежегодного Международного музыкального фестиваля «Ազգային պատկերասրահ» (“National gallery”), основанного Мариам Шагинян и Гариком Назаряном совместно с Картинной галереей Армении при поддержке крупных бизнес-компаний (таких, как VIVA cell и MTC), и при Высоком покровительстве Первых леди страны: в начале деятельности – Беллы Кочарян, а теперь и Риты Саркисян.

29.12.2006

Дорогой Эдвард Михайлович!

“*С* большим *с* удовольствием”[58] поздравляю Вас с наступающим Новым годом и Рождеством!

Я счастлива, что имею такого Большого Друга в своей жизни.

Вы, бесспорно, яркое явление в истории нашего народа. И, должна сказать, не только музыкальной.

С Вами легко и понятно, с Вами всегда есть Надежда.

Вы – это не только прошлое Армении, Вы – ее Будущее.

Будьте здоровы, дорогой Маэстро!

Будьте счастливы!

Долгих лет Вам жизни!

С любовью ***Белла Кочарян***

P. S. К моим поздравлениям присоединяются Президент и маленькая Белочка.

С 1950 года начинается деятельность Эдварда Михайловича в административном аппарате СК Армении, и с полным правом можно утверждать, что это тот редкий случай, когда ***общественная деятельность Мирзояна сопоставима с сочинительством, конгениальна его композиторскому таланту***.

Главное, что всегда отличало его деятельность в СК, – общественная направленность, абсолютное, непреложное правило – действовать в интересах общества. Не определенной кучки, товарищества, “ахперутюна” (букв.– братвы), а быть направленным на всех. Именно поэтому мы можем говорить об очевидной реализованности (в той

[58] Излюбленная шутка Мирзояна: «Շնորհավորում եմ երկու «ս»-ով» (поздравляю с двумя “с” – с большим с удовольствием).

Ереван, 2006
Первая леди
Белла Кочарян
на авторском
концерте Э.Мирзояна
к 85-летию
композитора

или иной мере) творческого потенциала каждого члена СК и организации в целом. Сейчас звучат и такие голоса, которые “пятерку” композиторов называют мафией, подмявшей всех под себя. Пусть даже так, хотя факты свидетельствуют о другом, – пусть даже так! После последнего съезда СК Армении 23 мая 2009 года (не выходит из головы ремарка композитора Михаила Кокжаева: “Какой УЖАС!” и призыв другого композитора, Рубена Саркисяна, застрелиться от безысходности) я вдруг отчетливо поняла, что “пятерка” существовала в таком сообществе, где вынуждена была отстаивать свои позиции и даже защищаться. Что не будь сомкнутых плеч и поддержки друг друга (известно, что эта взаимная поддержка не всегда была безусловной), они были бы успешно съедены за утренним “завтраком”, не дожив до ланча. Что масштаб, яркость, объективный, неоспоримый талант (разной степени) каждого из этих личностей давали им право определять приоритеты в нравственном, творческом, организационном плане. Насаждать высокие приоритеты как в искусстве, так и в жизни, наверное, было необходимо. Было необходимо болеть за общее дело, не допуская атмосферы склок и подзуживаний. Сцементированные в так называемую “мафию” фигурой Мартироса Сарьяна, они несли в себе лучшее, что было важным в создании армянской государственности и культуры. И именно поэтому действовали во благо всех. Это неоспоримо именно потому, что Союз композиторов мирзояновской модели стал жизнеспособной, конкурентоспособной, ведущей творческой организацией не только в масштабах СССР, но и в мире. Какие бы интересы ни разделяли композиторов – индивидуалистов по самому роду своей деятельности (все спорные вопросы непременно выносились на всеобщее обсуждение), Союз композиторов при Мирзояне представлял из себя единую организацию, где столкновение различных интересов было естественно и допустимо,

но контролировалось ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВСЕХ ЧЛЕНОВ СК – правых, левых, традиционалистов, авангардистов, конформистов, непримиримых оппозиционеров, молодых, пожилых и т.д. Союз композиторов Армении представлял из себя лучезарный парад планет, и каждая из них была ценна и неповторима – планеты Оганесяна или Аствацатряна, Бабаджаняна или Тертеряна, Овунца или Ерканяна, Мансуряна или Амирханяна. Планета ли это первой величины, второй или десятой – решает время.

внизу: Москва, 1968 год, Четвертый Всесоюзный съезд композиторов. Сидят: Роберт Акопян, Людмила Лядова, Бабкен Сосян; 1-ряд: Тигран Тер-Мартиросян, Григор Егиазарян, Арам Хачатурян, Вано Мурадели; 2-й ряд: Матевос Мурадян, Борис Парсаданян, Александр Арутюнян, Тигран Мансурян, Эдвард Мирзоян, Эмин Аристакесян, Рубен Степанян, Маргарита Брутян, Геворк Арменян, Арно Бабаджанян, Анна Барсамян, Джон Асатрян, Карине Худабашян, Маргарита Тер-Симонян

С Адамом Худояном

С тех пор, как Мирзоян ушел с поста председателя СК, прошло два десятилетия. Но и сегодня оценки приоритетов, путей развития, ведущих фигур армянской композиторской мысли ничуть не изменились. Ничто не перевернулось с ног на голову или обратно с точки зрения будто бы тлеющих подспудно и наконец вырвавшихся на свободу новых идей и творческих открытий, прорыва после десятилетий “искусственного замалчивания”. За два десятилетия прозвучало лишь два-три новых имени, в смысле новых идей мы лишь на стадии активного поиска...

Пользуясь современной терминологией, можно определенно утверждать: Эдвард Мирзоян – одаренный продюсер, ну а исполнительский директор – не менее талантливый Бабкен Сосян. Тандем этот важен не только для армянского искусства – они многое сделали для всей советской культуры, и подтверждений тому множество. Личная потребность Мирзояна в квартире вырастала в необходимость возведения жилищного комплекса для СК, естественное для молодых желание творить и отдыхать в единении с природой – в строительство Дома творчества.

“А разве это заслуга Мирзояна? Нет, это преимущество советского времени...”, – такое мнение тоже не редкость. Парадокс, но именно в советское время, когда, казалось бы, личность нивелировалась до предела, точнее – беспредела, именно личностность позиции и инициативы решала очень многое. Однако в одном из телевизионных интервью, когда юная журналистка обронила фразу “благодаря Вам, Эдвард Михайлович, были возведены ...”, Мирзоян ее тут же прервал: “Это не совсем так, для этого существовали объективные условия”, не предполагая возводить свою деятельность в культ. Но игнорировать, принижать роль Эдварда Михайловича в этой области, воображая, что финансирование буквально падало с небес, и было бы таким при любом председателе, – значит идти против фактов. Романос Меликян, Артем Алиханян, Генрих Игитян, Карен Демирчян тоже жили и работали при социализме, но благодаря личностному, индивидуально окрашенному организационному таланту они рождали масштабные проекты, создавая образ будущего. И вот что главное – этот образ будущего был максимально очеловечен (Г. Игитян). В конце концов, даже финансирование не все решает – столько любви, вкуса и мастерства, сколько вложено в каждую деталь дилижанского ДТ, зала Бетховена или ДК в Ереване – от лучших роялей до ванны в полу для пожилых людей, – все несет в себе эту идею ЛЮБВИ И ПРЕДАННОСТИ общему ДОМУ, в котором уютно ВСЕМ...

– Меня часто спрашивали, – говорит Мирзоян, – как Вам удалось все это сделать: Дилижан, Бетховенский зал, жилые дома и т.д. Замминистра торговли ГДР как-то спросил. Я ему:

– Скажите, Вы коммунист?

– Да, конечно.

– Если Вы коммунист, я Вам скажу: благодаря Советской власти и вопреки Советской власти.

Я увлекся, весь ушел в это дело. Это то ли судьба, а может быть – это призвание. Если уж очень откровенно: если бы не было призванием, никто ведь не заставлял. Желание сделать нечто полезное для СК не оставляло меня. Я всегда считал: если я нужен – должен работать.

Жизнь во всех ее прекрасных проявлениях наполняет Мирзояна в 50-е годы – пробил звездный час композитора, создавшего главное сочинение своей жизни – Симфонию для струнных и литавр. Даже еще не записанная, она влияет на композиторскую мысль страны, нации, поколений, века... Эдик долго подбирается к ней, работая над Первой (так и не записанной, несмотря на наставления друзей и Кабалевского) симфонией.

20.08.1950, Москва
Дорогая мама джан!

Пользуюсь отъездом Ирочки /*жена А. Арутюняна*/ и пишу. Приближается время моего выезда. Работа моя /*над первой незаписанной симфонией*/ находится в стадии, когда я заканчиваю разработку и перехожу к репризе. Думаю до приезда закончить первую часть. В Ереване уточню все в целом и сейчас же приступлю к оркестровке. Ответственность, что и говорить, исключительно большая, и я страшно волнуюсь. В общем, к 30-летию /*советизации Армении*/ покажу I часть симфонии – большое испытание. Этот показ, хоть и не всей симфонии, имеет свои преимущества. Я послушаю музыку в живом исполнении и смогу сделать определенные выводы. Если будут недостатки, буду исправлять, и для симфонии в целом это будет плюсом. Симфония будет посвящена Армении, отсюда определенная программность. <...>

Крепко целую ***Эдик – твой сын***

Тогда же Мирзоян пишет “Адажио” для оркестра, которое до сих пор еще не исполнялось.

– Арам Ильич сказал: “Ты знаешь, это ведь могло бы стать второй частью симфонии”. Իմ ծիծաղը եկավ շատ ուժեղ, որովհետև ես մտածում էի, որ սիմֆոնիան ավելի լուրջ բան ա, քան էն, ինչ որ ես գրել եմ: Բայց, խոսքը մեր մեջ, неплохая музыка (Мне стало очень смешно, потому что я думал, что симфония – штука намного более серьезная, чем то, что я написал. Но, между нами, неплохая музыка).

Начинается работа над оперой, которая наталкивается на массу самых неожиданных преград. Одна из них – реакция писателей на представленное либретто режиссера Рачия Капланяна, когда мастера

пера подвергают либретто резкой критике, даже не вникая в специфику самого жанра. В резкой, безапелляционной форме отрицается тема репатриации, которая кажется весьма неоднозначной в свете происходивших в стране событий. **“Я загорелся идеей комической оперы, либреттистом должен был быть режиссер Рачия Капланян. Поделился с Константином Соломоновичем, тот воодушевился, отнесся не так легкомысленно, как я. Написал своему ученику, дирижеру Борису Хайкину, письмо с просьбой прислать партитуру комической оперы Прокофьева “Свадьба в Монастыре”. Я увлеченно играл, запоминая оперу наизусть. Очень вдохновлял меня эпизод с хором монахов** /*показывает на фортепиано*/... **В итоге выяснилось, что все это несерьезно”**.

Интересно, как много лет спустя высоко отзывается об оперном потенциале Мирзояна Эдгар Оганесян: “Яркий пример композитора с оперным (либо балетным) потенциалом, как мне кажется, – Эдвард Мирзоян. Его лучшие сочинения свидетельствуют о владении разными жанрами, представляя его как мастера, ставящего серьезные и глубокие по содержанию проблемы. Общительность и многосторонняя деятельность Мирзояна (а следовательно – знание жизни, человеческих характеров, умение находить подход к самым разным людям) должны были бы способствовать более полному раскрытию его личности в области музыкального театра либо программно-сюжетного масштабного жанра, в основе которого была бы поставлена важная, ответственная современная проблематика. Нетрудно представить, каким интересным открытием могли стать его опера, балет, оратория или новая симфония...

<...> Критическая мысль, безусловно, виновата перед Э. Мирзояном. Она должна была настойчиво ставить перед ним задачи, которые бы соответствовали истинному масштабу его дарования”[59].

Этапным сочинением Мирзояна стало “Вечное движение” для скрипки и фортепиано (1954), которое позже обрело законченную форму с предваряющей его “Интродукцией” (в 1957 году, уже после написания Симфонии, создана и авторская версия для скрипки и симфонического оркестра. В 2008 году композитор Михаил Кожаев сделал переложение для скрипки и камерного оркестра). Это – первое обращение к скрипке как солирующему инструменту после ученической скрипичной сонаты. Но струнные инструменты “в крови” автора Квартета, практически параллельно в этот период работающего над Симфонией для струнных и литавр.

Главной интригой ***“Интродукции и perpetuum mobile”*** выступает четко очерченный дуализм противоположных начал: фатума (“Dies irae”) и его преодоления. ***Необычное в обычном и даже тривиальном – одна из главных констант мирзояновского почерка –***

[59] «**Սովետական արվեստ**», 1974, №11 / Հովհաննիսյան Է., Կյանքս հուշերում, Եր., 1998, էջ 180:

проявляется здесь в методе "некоторого" усложнения исходного материала до степени неожиданности. Монотематическое зерно с интонационным намеком на городской напев "Гурген джан, Бабкен джан" (ремарка Мирзояна: "Это как шутка") в своих метаморфозах дорастает до средневекового хорала "Dies irae" и преодолевается в жизнеутверждающем, феерическом апофеозе заключительного раздела. Масштабность идеи потребовала в дальнейшем доработки жанра виртуозной пьесы контрастной импровизационной частью, в которой взращиваются все темы. И эта вполне традиционная схема медленно-быстро в мирзояновском осмыслении приобрела значение двухчастного цикла с симфоничной интенсивностью развития.

Один из главных динамизирующих факторов – "двусмысленность" метроритмической организации. ***Метроритмическая игра, как и игра в широком смысле слова на всех уровнях музыкальной организации материала, – важный компонент мирзояновской стилистики.***

Ереван, 1 ноября 1968 года, концерт в сквере Дома-музея Спендиарова в честь дня рождения А. А. Спендиарова.
Акоп Вартанян (скрипка) и Эдвард Мирзоян (фортепиано)

На первый взгляд, концепции "Вечного движения" и финала Симфонии аналогичны – это блестящий фейерверк оптимистического happy end-a. Но при более глубоком анализе они абсолютно отличны. Принципиально важно, что осмысление "Интродукции и вечного движения", посвященной незабвенному Яше (Акопу) Вартаняну (и написанной при его участии), происходило именно в указанном порядке – от второй части к первой. Виртуозная, блестящая вторая часть, "Perpetuum mobile" – ***наиболее чистое воплощение всепобеждающей воли композитора, яркого мужского начала*** – смелого, бесстрашного вызова судьбе молодого мужчины, способного нести ответственность за свою семью, за композиторское братство, за новое поколение и новую Армению, за судьбы тысяч доверившихся ему людей. Финал же Симфонии не столь однозначен – это итог той драматургической линии, которая задана трагедийной насыщенностью Симфонии.

12 июня 1958 года, наряду с Андреем Бабаевым и Александром Долуханяном, Эдварду Мирзояну было присвоено звание ***Заслуженного деятеля искусств Армении***. На это событие откликнулся Эдгар Оганесян, который в эти годы активно поддерживает Мирзояна.

21.08.1958, Москва
Дорогой Эдик!

Искренне поздравляю тебя с твоим давно Заслуженным званием. Желаю тебе плодотворной работы и уверен, что ты в творчестве никогда не станешь "провинциалом" и будешь таким же принципиальным, как до сих пор.

О провинциализме пишу не случайно. К сожалению, некоторые наши друзья, не менее талантливые, чем ты, все больше и больше становятся обывателями в своей музыке. В этом вопросе, по-моему, никакая критика не поможет, только – самокритика. А этого у тебя всегда было достаточно, надеюсь, не потеряешь это качество.

Еще раз поздравляю тебя.<...>

А сейчас я уже переезжаю окончательно, т.е. выписываюсь из Москвы, перевожу свое барахло и т.д. Хочу привести в порядок свою мастерскую и работать. Хочется писать оперу на современную тему, есть даже два "проекта" либретто. Ханджяну /*Акоп, начальник Управления по делам искусств, отец дирижера Давида Ханджяна*/ об этом я писал в марте, тебе – позже, но интереса ни с его, ни с твоей стороны пока не чувствую. Вообще в Армении становится очень трудно работать – способных композиторов все больше и больше, и поэтому процент внимания к каждому катастрофически уменьшается. Ну, вот и все.

<...>

Гарик /*Э. Оганесян*/

23.06.1960, Крым (Судак)

Дорогой Эдик!

Перед отъездом я так и не смог зайти в конс., поговорить с тобой. Во-первых, о кантате «Երկիր հայրենի» (называть это "одой" ужасно не хотелось; не думай, что это сделано из практических соображений: минимум в оплате кантаты равен максимуму оды, по талмуду Тоникяна /*Артак, зав.муз.отделом Управления по делам искусств*/).

Я Ханджяну /*Акоп*/ обещал, что в 20-х числах августа пришлю партитуру. Но это может оказаться холостым выстрелом, если теперь уже не будут переписываться клавир и хоровые голоса. Клавир я оставил у Վահան-а /*возможно, Ваан Айвазян, дирижер*/, он кое-что исправляет в тексте. Обещал передать клавир Тоникяну. Я тебя очень прошу: пожалуйста, следи за ходом этого дела. И если будут новости, дай мне знать, пожалуйста. Если будут осложнения – я мог бы вылететь на один-два дня (для показа "инстанциям"), но, конечно, лучше обойтись без всего этого.

Вторая просьба. Дурян /*Оган, дирижер*/ в октябре (8-го числа) ставит в Ленинграде мою Симфонию. Ты, наверное, знаешь об этом. Предварительно он будет дирижировать Симфонию в Ереване. Ереванские голоса очень грязные и неграмотно переписаны, ты, очевидно, помнишь. Возить их в Ленинград стыдно. Московские голоса отличаются от ереванской партитуры. А поскольку Дурян учит наизусть, то ему уже теперь нужна московская партитура. Я очень прошу тебя, дай команду Музфонду, пусть выпишут из прокатного фонда партитуру, а позже придется выписать также и голоса.

Какие у тебя планы? До какого числа ты будешь в Ереване? И уезжаешь ли куда-нибудь?

Желаю тебе всего наилучшего. Привет всем друзьям.

Гарик /*Э. Оганесян*/ <...>

1950-е годы, у Ереванской консерватории
Г. Егиазарян, Э. Оганесян, Э. Мирзоян, А. Аветисян

Основные события 50-х годов в биографии композитора складываются в контрастную мозаику радостного и трагического, и каждое из них питает творческое воображение Мирзояна.

50-е годы – преподавание в школе имени Чайковского, музучилище имени Р. Меликяна, ЕГК.

1950 – кантата "Советская Армения" на слова Сармена, Граши и Г. Сарьяна.

декабрь 1950 – член худсовета Армфилармонии и Министерства кинематографии Армении.

I половина 1950-х – работа над оперой и первой симфонией.

1950 – "Песня ковродела" на сл. Ованеса Гукасяна.

Январь 1950 – Декада армянской музыки в Москве (исполнялась "Кантата о Ленине"(к 80-летию В. И.) Мирзояна-Арутюняна).

1950 – ответственный секретарь СК Армении.

1951 – депутат Ергорсовета.

1951 – "Песня о мире" на сл. Сармена для хора a capella.

1951 – "Спортивный танец" для фортепиано.

1 июля 1951 – женитьба на Елене Степанян.

23 ноября 1951 – показ новых произведений армянских композиторов в Москве (прозвучали "Кантата о Ленине" и Квартет).

20 апреля 1952 – рождение дочери Зары в Ереване (названа в честь З. Долухановой).

1952 – председатель Музфонда СК.

1952 – работа Бабаджаняна над Трио, первые признаки неизлечимого заболевания Арно.

5 марта 1953 – смерть Сталина и С. Прокофьева.

1954 – "Perpetuum mobile" для скрипки и фортепиано.

1955 – создана Симфония для струнных и литавр, которая будет записана только в 1962 году.

июнь 1955 – Дни армянской музыки в Тбилиси (исполнялась "Увертюра" для симфонического оркестра).

1956 – организация творческой секции самодеятельных композиторов при Доме народного творчества под руководством К. Закаряна и Э. Мирзояна.

1956 – музыка к кинофильму "Когда рядом друзья".

июнь 1956 – Декада армянского искусства и литературы в Москве (исполнялась "Симфоническая поэма").

20 сентября 1956 – рождение сына Аршака в Ереване.

1856 – гастроли квартета имени Комитаса в Румынии (исполнялся Квартет).

ноябрь 1956 – открытие Дома композиторов в Ереване.

осень 1956 – показ Симфонии для струнных и литавр в московской редакции "Советской музыки".

декабрь 1956 – председатель СК Армении.

1957 – "Интродукция и perpetuum mobile" для скрипки и сим-

фонического оркестра. Премьера состоялась 21 декабря на пленуме СК Армении в исполнении Акопа Вартаняна и Государственного Симфонического оркестра Армфилармонии под управлением М. Малунциана.

март-апрель 1957 – делегат Всесоюзного съезда композиторов.

1957 – “Фестивальный вальс” для симфонического оркестра.

1958 – делегация СК в Китае.

12 июня 1958 – звание Заслуженного деятеля искусств Армении.

1958 – Неделя армянского искусства в Эстонии.

1958 – Пленум СК СССР в Москве.

апрель 1958 – гости из ГДР в Ереване (композиторы Карл Эрнст Ортвайн и Вернер Раковиц).

май 1958 – Закавказская весна в Тбилиси и Ереване (исполнение Квартета и “Интродукции и регpetuum mobile”).

1958 -1959 – две пьесы для валторны.

26 ноября 1958 – скончался Микаэл Мирзаян.

март 1959 – кандидат в депутаты Верховного Совета Армении.

1959 – музыка к кинофильму “Обвал”.

декабрь 1959 – концерты комитасовцев в ГДР и Норвегии (запись Квартета на Берлинском радио).

Смерть Сталина стала потрясением для всей страны. Для Мирзояна она отозвалась и личной трагедией – травлей первого секретаря ЦК Армении Григория Арутюняна, который был и до сих пор остается для него идеалом руководителя. Одно из доказательств – письмо близкого друга, приемной дочери Арутюняна ***Нами Микоян***, которая писала в ***апреле 1957 года:***

Дорогой Эдик!

Трудно тебе передать, как меня обрадовали все известия, пришедшие со съезда. Рада за ребят – за Арно, Котика, Гарика /*Э. Оганесян*/ – за всех, т.к. все удивительно талантливы, а главное, по-настоящему человечны, а отсюда, вероятно, все и идет. Но больше всего хотелось поздравить тебя. До чего же ты молодец! Если б Григорий Артемьевич был жив, как бы гордился он вами, а особенно тобой!

Много целую ***Нами***

Нескрываемая ненависть к Хрущеву, организовавшему преследование Арутюняна, сблизила Мирзояна с другим его кумиром – Мариэттой Шагинян. Остаться ***настоящими*** под натиском идеологического пресса удалось и ей, и Мирзояну – это не было ни легким, ни самоочевидным делом.

– Я с ней много общался, – говорит Э. Мирзоян**. В ее книге об Армении есть строки обо мне, начинающем композиторе: “Ерванд Мирзоян...” Если бы я был в руководстве Армении, в**

числе наиболее важных проектов я бы считал организацию исследования роли этой уникальной личности в истории. Я считаю, что это явление феноменальное, далеко выходящее за рамки национального. Вообще такой второй женщины в мире нет. Вот, говорят, Жорж Санд – но куда ей до Шагинян: то, что она за свою длинную жизнь охватила... Через ее творчество можно раскрыть целый мир. Когда М. Ш. приехала в первые годы революции в Армению, как она обстоятельно занималась буквально всем, и как это сейчас ценно. Если изучить в свое время знаменитую “Гидроцентраль”, как это интересно с точки зрения эпохи. Я в Пражской библиотеке просмотрел ее исследование о Гете – ապա՛, ի՛նչ խելոք աշխատանք ա (ара, какая прекрасная работа, какая умница!), можно гордиться.

Известно, как она напала на Хрущева: “Что Вы говорите – “у нас все хорошо, хорошо” – в Ереване очереди за маслом, за сахарным песком...” Он шикнул на нее: “Молчи, старая...” Она выдала такую сдачу! А когда он начал что-то отвечать, она: “Напрасно Вы говорите – я выключила слуховой аппарат!” Չէր վախենում (не боялась). Когда в Союзе писателей разогнали партийную организацию – мне рассказал Андрей Золотов[60], – она пришла к ним в редакцию газеты “Известия”: “Возьмите меня в свою редакцию. Но учтите, я – сталинка!” У нее были свои убеждения. Какой исследовательский мозг у нее! А тот факт, что она обнаружила чешского композитора Мысливечека */Йозеф, 1737-1781, прозван “божественным чехом”/***?! Если взять только переписку с Рахманиновым, романс на стихи Исаакяна*** */“Ночью в саду у меня”/* **– это Мариэтта сделала. ...Она подписывалась “ре”.**

Мы с ней редко встречались. И каждый раз, когда в Ереване или Москве я подходил к ней:

– Мариэтта Сергеевна, как Вы поживаете?

– Кто Вы такой?

– Эдик Мирзоян.

– А-а, Эдик, дорогой.

Каждый раз, каждый раз недоумение, сменяющееся теплой реакцией. На одной из встреч Хрущева с интеллигенцией мы с ней снова встретились в Кремле. Сергей Михалков говорил, что погибают памятники архитектуры, и передал Хрущеву письмо от имени интеллигенции. Хрущев: “Говорят, упала бомба – надо реставрировать. А я считаю: убрать этот мусор и заасфальтировать!” На виду у всего зала стал рвать это письмо на мелкие кусочки... Я выходил из зала и в дверях столкнулся с Мариэттой Шагинян. Она снова спросила: “Кто Вы такой?” Потом сказала: “Ой, как жарко, я не могла больше высидеть”.

[60] Золотов А. – искусствовед, журналист, общественный деятель.

Ей стало противно... А там все выступавшие говорили: “Своевременно и правильно сказал Никита Сергеевич!”

Я знаю другой факт. Она хотела в Ереване получить однокомнатную квартиру. Шагинян была уже основательно в летах, ей трудно было останавливаться в гостиницах. Предполагала, что здесь у нее в квартире постоянно будет жить женщина, которая во время ее пребывания в Ереване за ней бы ухаживала.

В 1965 году композитор Аро Степанян пришел ко мне: “Я решил послать письмо Мариэтте Шагинян с просьбой написать о геноциде армян”. Я сказал: “Она откажется. Во-первых, она армянского языка не знает, а потом – информации еще очень мало”. – “Я все же напишу”. Через две недели он снова зашел ко мне с ответом Мариэтты Шагинян. Она писала о том, что языка не знает. А потом вдруг чисто по-женски, эмоционально рассказала, что обижена на Армению, на Академию. И я решил среагировать на то, что она отказалась работать в Академии, потому что там ее не уважают и зарплату не платят. Позвонил первому секретарю ЦК КПА Якову Заробяну и пошел к нему. Только начал говорить, как открылась дверь и зашел Виктор Амбарцумян */астрофизик, президент Академии Наук Армении/***. Я был рад: “Вай**[61]**, как хорошо, что Вы зашли, – очень кстати”. И потом вдруг ոնց որ գլխիս սառը ջուր լցնեին (меня будто холодной водой окатили), потому что у Амбарцумяна была довольно отрицательная реакция. Он такие вещи говорил про нее, что не хочется повторять. Потом Заробян тоже такую вещь сказал, что тоже не хочется повторять, потому что он очень достойный человек. Но я все же скажу, потому что это не единичный случай. Амбарцумян говорил, что армянам, проживающим за пределами Армении, никаких поблажек делать нельзя. Они должны проживать здесь, а не в Москве. Իսկ Զարոբյանը բնակարանի կապակցությամբ ընենց ախմախ բան ասեց (а Заробян по поводу квартиры такую нелепость сказал!): “Что скажут рабочие, которые живут в подвалах? – Что она имеет квартиру в Москве, а еще и в Ереване”. Я решил среагировать: “Яков Никитич, неужели Вы допускаете, что найдется хоть один рабочий, живущий в подвале, который скажет – почему дали квартиру Мариэтте Шагинян?!” Он задумался. “Я, конечно, не возражаю против получения квартиры”, – это он уже наперекор Амбарцумяну. Но в итоге квартиру не дали. Ասում ես, էլի... (выражение сожаления, букв. – а ты говоришь...)**

***...В* 1951 году меня пригласил Григорий Арамович Тер-Григорян (Гиги), редактор журнала “Возни”, он работал в Отделе пропаганды и агитации.**

[61] Вай – междометие, близкое по значению “ой” в русском языке.

– Կարծիք կա, որ դու պետք է լինես Կոմպոզիտորների միության պատասխանատու քարտուղար (Есть мнение, что ты должен работать ответственным секретарем СК):

– Չեմ ուզում. հակումներ չունեմ: Սարաջևը հրավիրել ա կոնսերվատորիա, ուզում եմ երաժշտություն գրել (Не хочу – у меня нет склонности к административной работе. К. Сараджев пригласил на работу в консерваторию, хочу писать музыку):

Через пару дней снова вызывает – опять то же самое. В третий раз – то же самое: «Մտածիր» (“Подумай”*).* И вдруг вызывает II секретарь ЦК КП Армении Завен Тигранович Григорян, շատ կարգին մարդ էր (очень приличный был человек). Происходит точно такой же разговор. Для тех времен это разговор, не подлежащий обсуждению. Он мне: «Հասարակական աշխատանքը կնպաստի ստեղծագործականի զարգացմանը» (“Общественная работа будет способствовать развитию творческих способностей”). Я снова отказываюсь. Опять вызывают. Я в ужасе думаю: неужели это Григорий Артемьевич */Арутюнян, Первый секретарь ЦК КПА/***, ему я отказать не смогу. Оказывается, Завен Тигранович, кроме меня, пригласил музыковедов и композиторов – членов партии. Они решают в целях “освежения” руководства Союза молодыми кадрами освободить от должности ответсекретаря Александра Татевосяна и назначить меня (председателем Союза тогда был Ашот Сатян, он не хотел работать с Татевосяном). Я выступаю, говорю, что нет никаких оснований его освобождать, опять решительно отказываюсь. Завен Тигранович ставит на голосование: за – все, против – я один. «Ուրեմն՝ Դուք ընտրված եք Հայաստանի Հանրապետության Կոմպոզիտորների միության պատասխանատու քարտուղար, կարող եք գնալ ու չաշխատել» (“Таким образом, Вы избраны ответсекретарем СК РА, можете идти и не работать”)**: **Тогда же на первом собрании СК я был выдвинут кандидатом в депутаты Ергорсовета.**

Весной 1952 года состоялся съезд СК, где председателем был избран Григорий Егиазарян. После съезда я пришел к нему и напомнил, как несправедливо был освобожден Татевосян и как насильно был назначен я. Егиазарян тут же со мной согласился, освободил меня от обязанностей ответсекретаря и восстановил Татевосяна. На этом, как будто, все благополучно завершилось.

Оказывается, нет. Учитывая мой двухлетний опыт работы в Союзе, Егиазарян просит меня возглавить Правление Музфонда. Это неоплачиваемая общественная работа, на что я, идя ему навстречу, соглашаюсь – ну что ж, общественная работа, как без нее в советское время. С этого все и началось, я воодушевился возможностью воплотить в жизнь свои идеи. Я ведь, фактически, в 1952 году ушел, получил полную свободу – а тут увлекся. Первым проектом стало строительство жилого дома Союза композиторов.

...После смерти Сараджева Григорий Егиазарян ушел на должность ректора консерватории, и с 1955 года председателем СК был избран Лазарь Сарьян. Однако из-за болезни сердца в декабре 1956 года на заседании Правления он попросил меня заменить его на три месяца.

22.03.1957, Ереван
Дорогой Эдик!

То, что я тебе присылаю, – это сырой материал, который ты при желании можешь использовать.

Дело в том, что я в последнее время по ночам мучаюсь от удушья, и это основная причина того, что я не приехал.

По ходу съезда тебе станет ясно, что убрать, чего добавить для того, чтобы твое выступление было бы зубастым. Учти, что ты – сын талантливого народа. Бездарно и серо выступать на съезде нельзя.

Так как сейчас в Москве много хороших вещей, рекомендую тебе обратиться в бюро авторских прав и взять у них свои тиражные от кино.

Мне же, если это тебе удастся, купи парочку хороших пластинок, желательно из новейшей музыки.

Целую тебя крепко

Твой ***Зарик***

Мирзоян приступает к активной деятельности на посту председателя СК, с союзной трибуны представляя и защищая интересы Армении. Не выступая открыто против идеологических лозунгов и принципов единственно возможного художественного метода – метода соцреализма, Эдвард Михайлович борется за максимальное усложнение этого понятия до бесконечности жизненных проявлений. Сохранился текст выступления председателя СКА на втором съезде композиторов СССР, опубликованный в центральной прессе[62].

“Некоторые музыканты, говорит Э. М., искажали принципы социалистического реализма, вносили путаницу в оценку художественных явлений. Не отрицая на словах, что социалистический реализм предполагает различные творческие индивидуальности, многообразие и полноту отображения действительности, они на деле отрицали все то, что не умещалось в узкой сфере их воображения. Только этим, продолжает Э. Мирзоян, можно объяснить возмутительный факт, когда творчество Г. Егиазаряна, широко признанное в республике, на страницах журнала “Советская музыка” было охарактеризовано как импрессионистическое, в результате чего произведениям композитора долгое время преграждался путь на всесоюзную эстраду. Так же обстояло дело и с фортепианным Трио А. Бабаджаняна, чью художественную концепцию некоторые перестраховщики и сторонники теории бесконфликтности пытались поставить под сомнение.

Э. Мирзоян критикует содоклад Б. Ярустовского, в котором почти полностью обойдена работа Оперного театра Армении, успешно пополняющего свой репертуар произведениями советских авторов. Он выражает недоумение тем обстоятельством, что в этом содокладе очень бегло было охарактеризовано советское балетное творчество, не получили глубокого анализа такие новаторские произведения, как “Ромео и Джульетта”, “Золушка”, “Спартак”.

Оратор протестует против нигилистического отношения к классическому наследию, против путаных рассуждений о доступности музыки, содержащихся в выступлении Ю. Кремлева. Если музыкант так относится к Бетховену, как отнесся к нему Ю. Кремлев, говорит он, можно ли ему верить в оценке творчества советских композиторов?

Когда в филармонии, говорит оратор, исполняется какое-либо классическое произведение, никто не сомневается в том, что филармония призвана пропагандировать хорошую, настоящую музыку. И тогда все понимают, что филармония – это музыкальная организация с коммерческим уклоном. Но бывают случаи, когда филармония пропагандирует такие произведения, что уже сомневаешься, музыкальная ли это организация с коммерческим уклоном или коммерческая организация с музыкальным уклоном. А бывает и хуже, когда с эстрады филармонии распространяются отвратительные, пошлые песни, и тогда начинаешь думать, что это коммерческая организация без музыкального уклона.

Оратор рассказывает о практике проведения обменных концертов между республиками Закавказья, о большой их пользе. Он просит, чтобы Министерство культуры СССР оказало финансовую поддержку обменным концертам. Отмечая высокое качество издания нот в Армении, Э. Мирзоян критикует книготорговые организации, плохо и неумело распространяющие нотную литературу”.

[62] Газета “Советская культура”, 05.04.1957.

Страшным, неожиданным ударом для Эдика стала смерть Микаэла Мирзаяна. Группа армянских композиторов была в эти дни в Москве, на пленуме СК СССР и, поспешив отозваться на боль друга, они, пытаясь вырвать его из депрессии, подробно рассказывали о музыкальных премьерах столицы.

17.12.1958, Москва
Эдик, дорогой,

Надо ли писать о том, что в те дни мы все всем сердцем были с тобой... Чудесный, редкий человек был Михаил Иванович. Дай Бог всем старикам-композиторам столько обьективности и прогрессивности. В то же время – дай Бог всем живущим доброго здоровья... Последние год-полтора вообще какой-то кошмар – один за другим.

Тебя, конечно, очень интересует пленум. В первом симфоническом концерте был Тамберг /*Эйно, эстонский композитор*/ – довольно пустые симфонические танцы, один тувинец с симфонической поэмой, один киргиз с бледной сюитой. Для меня единственным приятным впечатлением был Фортепианный концерт Караманова /*Алемдар*/, и то – только по своей тенденции, но не по силе воздействия и цельности. Во втором концерте все первое отделение была какая-то мура. Пленум уже начал терять свои акции, публика холодела с каждым новым сочинением. Тем горячее и шумнее был успех Джона /*Дживан Тер-Татевосян*/. "Наконец-то"... Успех был очень большой. Тебе все еще расскажут, и я расскажу. Главное – Джон отомстил за всех нас. «Ձեր հերն ու մե՛րը» ("Мать вашу!!!"):

Очень неплохое впечатление в третьем симфоническом концерте оставил скрипичный концерт Квернадзе /*Бидзина, грузинский композитор*/. Лично мне огромное удовольствие доставила симфония Щедрина /*Родион*/. Очень крепкая, серьезная, честная и очень русская музыка. Очевидно, талантливый и умный человек. Четвертый симфонический концерт мог вообще не быть – симфония Баснера. <...> Пятый концерт я не слушал, но думаю, что ничего не потерял.

У меня, сам понимаешь, весьма двойственное чувство: с одной стороны, очень здорово, что Джону выпал такой успех – помимо преимуществ симфонии ему очень помог также и антураж. А с другой стороны, очень обидно – всякая чепуха попала на пленум, а Аксюк /*Сергей, секретарь Союза и заместитель председателя СК СССР*/ тебе цинично заявил: "Укажите, что мы можем снять с пленума". На самом же деле из 4-х симфонических концертов, которые я слушал, достойными были только два в общей сложности... Иногда играют вещи, за которые просто стыдно, – как могли серьезные люди так издеваться над публикой, оркестром и пленумом. <...> В камерных концертах лучшие вещи – те, которые в 57 году на фестивале оказались позади меня и Котика. Тем не менее, нас обоих всунули в самый последний концерт в зале Гнесиных; утром уже начинается обсуждение, а вечером мы показываем сочинения... Видал, что делают? Боюсь, что не будет даже публики. А на первом заседании пленума о нас говорить вообще не будут. В общем, сделано все, чтоб изолировать нас. Тем больше мы рады за Джона, он будет, безусловно, героем пленума. Теперь понятно, почему ни за что нельзя было пускать меня с Симфонией.

Гарик /*Э. Оганесян*/

Москва, Большой Кремлевский дворец, Второй Всесоюзный съезд композиторов, 1957 год. 1-й ряд (слева направо):
В. Соловьев-Седой, А. Гольденвейзер, Д. Кабалевский, Ю. Шапорин, Т. Хренников, Г. Свиридов, Д. Шостакович, В. Шебалин, К. Данькевич; 2-й ряд: Э. Капп, М. Ашрафи; 3-й ряд: Д. Шепилов, Г. Жуков, М. Первухин, Л. Каганович, А. Микоян, Н. Булганин, К. Ворошилов, П. Поспелов, А. Аристов, Н. Шверник, Е. Фурцева; 4-й ряд: Л. Брежнев, А. Кириченко, М. Суслов, М. Сабуров, Г. Маленков, В. Молотов, Э. Мирзоян, А. Хачатурян

22.12.1958

Эдик ջան (джан),

Пока писать не о чем. Приедем, все расскажем. Вчера играли Котика и меня. Успех был. Но, конечно, все это не то, что могло быть в Малом зале и на 4 дня раньше. <...> Эдик джан, будь здоров, привет тебе от всех. Крепко обнимаю,

Гарик /*Э. Оганесян*/

Мой Бабкенчик Сосян...

Глава 12

Ближний круг

Свернуть горы в одиночку невозможно. Нет такого лидера, который бы мог развернуть деятельность масштаба Мирзояна без команды единомышленников. Перефразируя известную поговорку, можно определенно утверждать: скажи, кто входит в твою команду, и я скажу, кто ты. По большому счету, руководители различных рангов в масштабе СССР – от мелкого чиновника до Первого секретаря, а также ***весь состав Союза композиторов Армении без исключения, включая активных оппозиционеров, в определенной степени являлись единомышленниками Мирзояна,*** – доказательства тому не единичны. Именно это было главной причиной многолетней деятельности Эдварда Михайловича на посту председателя СК, где накануне собственного ухода он был переизбран подавляющим большинством голосов (за – 79, 5 – против).

Ближний круг команды Мирзояна все же ограничен, но назвать все без исключения имена здесь просто физически невозможно. Выбирая из них произвольно лишь нескольких (рассчитывая на благосклонную извинительность остальных), я попыталась воспроизвести то качество "человеческого материала", которое делало погоду в СК Армении, ведь известно, что "масштаб личности человека определяется кругом его друзей"[63]. Лично у меня, вращающейся в 80-е годы в кругу композиторов и музыковедов, было полное ощущение того, что каждый из них в СК был у себя дома, все ощущали себя в большей или меньшей степени причастными к решению и творческих, и административных задач. Безвольным винтиком всевластной системы не являлся никто – каждый мог проявить инициативу в зависимости от собственных приоритетов, взглядов и представлений.

"***Бабкену Сосяну*** **я не раз говорил: никогда мне не удались бы эти идеи, если бы не твой необыкновенный организаторский талант и целеустремленность**", – благодарность ему Мирзоян

[63] Говорков Ю. Вспоминая Артема Исааковича. // Алиханян А. Очерки, воспоминания, документы. М., 2000, с. 154.

пронес через всю жизнь. Стиль работы директора Музфонда СКА сложился как-то сразу, с первых дней его деятельности, мимо него не прошло ни одно мало-мальски важное событие СК. Приведем лишь пару эпизодов.

– Апрель 1955 года, первый год работы Сосяна на посту директора Музфонда СК Армении. Его вызвали подготовить Дом творчества композиторов в Рузе к конкурсу Чайковского. Бабкен приходит к Хренникову.

– Бабкен Михайлович, сколько Вам нужно времени для ремонта?

– Ремонт будет завершен 14 мая.

– Вы уже были в Рузе?

– Нет.

– А на каком основании вы приняли такое решение?

– Я хочу преподнести себе подарок ко дню рождения.

Первая ночь Сосяна в Рузе, на которого возложены функции директора. Он читает газету, и вдруг гаснет свет.

– В чем дело? – спрашивает Сосян у персонала.

– У нас движок "дрдргх", после 11-ти свет выключается.

Утром он у Хренникова, который Сосяну категорически отказывает:

– Бабкен Михайлович, это сфера военных, Вы даже и не думайте в этом направлении...

В приемной встречает Шапорина /*Юрий, композитор*/**, выясняет, что Жуков** /*Маршал Сов. Союза, Герой Сов. Союза, гос.и парт.деятель*/ **и Шапорин служили в одной военной части. Сосян находит номер телефона Жукова: "Народный артист Шапорин хочет встретиться с Вами". Жуков принимает их. Сосян ему:**

– Товарищ Жуков, как Вы посмотрите на то, если в западной газете появится карикатура, где Шапорин пишет симфонию под светом коптилки?

– Этого только не хватало!..

Жуков дает распоряжение на энергетическое переоснащение. Материалы и работы – за счет Министерства обороны. Так их и назвали: "лампочки Сосяна"...

Кстати, сохранилось шутливое послание Шапорина Мирзояну:

23.07.1955, Руза

Эдику при возвращении ему его бритвы

Твоею бритвой, милый Эдик,
Свое лицо я искромсал.
Понадобился некий медик,
Чтоб красоту мне вновь он дал.

Юр. Шапорин

И еще одно воспоминание о Рузе, наполненное ароматом весны:

29.03.1963, Руза

Мирзояну

Какое совпадение: и весна года наступила, и Вы приехали, и опять Ваш добрый глаз и притягательная улыбка наполняют воздух чем-то волнительным и неуловимым.

Клара Хренникова

Но вернемся к фигуре Сосяна. Эдвард Мирзоян, побывав в США в Истменском университете, увидел расположенный в углу орган и нашел выход для такого расположения органа в зале СК, при котором великолепное панно Мартироса Сарьяна в центре сцены не пострадает. На тот период органа в Армении не было вообще, и Мирзоян уезжающему на лечение в Чехословакию Сосяну дает поручение походатайствовать об органе. Тот возвращается ни с чем. Эдвард Михайлович напускается на него. Сосян: «Սպասի՛, մի՛ գոռա, մի հատ բացատրի՝ ինչ բան ա էտ արգանդը» ("Не кричи, объясни мне, что это за "арганд" /*букв. "матка"*/). Тут Мирзоян говорит ему магическое выражение: *"Впервые в Армении* именно мы, Союз композиторов, установим этот музыкальный инструмент". Сосян загорается идеей, и уже через год за 63 тыс. рублей мечта почти осуществима. Остается выбить деньги. Антон Кочинян, в то время председатель правительства, недоумевает:

- Ա՛յ տղա, էս ի՞նչ եք անում. Ֆիլհարմոնիան չունի, Սոյո՞ւզը պտի ունենա ("Слушай, что вы затеяли, даже в Филармонии органа нет, куда вам?"):

- Ֆիլհարմոնիայի ձեռից չի գալի, մեր ձեռից գալիս ա ("Им не с руки, а мы смогли добиться"):

В результате Кочинян дает согласие, но выясняется непредвиденное: заказ должен поступить за подписью Хренникова, потому что Армения не имеет права на такие масштабные заказы и орган оплачивается за счет Музфонда СССР. В 1964 году состоялось его торжественное открытие при участии Первого секретаря ЦК Я. Заробяна. Через пару лет СК Армении выписывает новый инструмент, старый устанавливается в зале музыкальной десятилетки имени Чайковского.

В Союзе композиторов были организованы первые органные концерты в Армении с участием Ваагна Стамболцяна, Лусине Закарян, американского органиста Перча Жамкочяна – каждый концерт становился событием. Но инициатива не осталась безнаказанной:

– Дело в том, что в программе Лусине значилось: «Մի՞ջնադարյան մեղեդի» ("Средневековая мелодия"). На меня поступила анонимка "доброжелателя" с обвинениями в пропаганде церковной музыки.

– Что будем делать? – спросили меня в ЦК.

– Я не реагирую, и вы не реагируйте...

Ո՞ր մեկը պատմեմ, ի՞նչ ասեմ (что мне сказать?): время было непростое...

Тихон Хренников – друг Мирзояна и всего армянского народа. Теперь, когда его не стало, совершенно очевидно, что он остался в истории музыкальной культуры не только как видный общественный деятель, но и как яркий композиторский талант. Его творчество и сегодня востребовано как в России, так и на Западе, любимо как профессионалами, так и меломанами. Маневрируя в условиях жестких идеологических констант, Хренников допустил не просто наличие авангардного искусства в СССР, но и настоящую популярность альтернативного творчества в стране. Как-то Мирзоян спросил Эдуарда Хагагортяна /*композитор, зам.главного редактора издательства "Советская музыка"*/: "Эдик! Тебя никогда не вызывал Хренников по вопросу тех, кого он "долбает" в своих выступлениях, а ты издаешь?" – "Ни разу!"

Известно, что единственным секретарем СК СССР от Закавказья был композитор Отар Тактакишвили, который естественным образом был заинтересован в приоритетном музыкальном развитии Грузии в этом регионе (это и исторически оправдано ведущей ролью Тифлиса в культурной жизни Кавказа). И в том, что Армения стала одним из главных центров притяжения в масштабах СССР и мира, – немалая заслуга Тихона Николаевича. Он профинансировал практически все крупные проекты неуемного председателя СК Армении – отнюдь не просто потому, что симпатизировал Мирзояну. Он смог рассмотреть, оценить по достоинству, ПОВЕРИТЬ в огромный положительный потенциал армянской композиторской организации.

Знаменательно, что Хренников был выдвинут в депутаты Верховного Совета СССР именно от Союза композиторов Армении:

Встреча в ереванском аэропорту, 1984
Эмин Аристакесян, Тихон Хренников, Эдвард Мирзоян

"Тихон Николаевич, то, как Вы защищали интересы армянской композиторской организации, не являясь депутатом от Армении, убеждает нас в том, что и в дальнейшем Вы не забудете о нас", – решили члены СКА. На том же собрании кандидатом в депутаты был выдвинут Эдвард Мирзоян, который дал самоотвод. Однако неожиданно выступила Гаянэ Чеботарян /*композитор*/, которая настояла на сохранении в списке кандидатуры Мирзояна.

На московской конференции Эдвард Михайлович снова выступил с самоотводом – и опять не приняли его. Эдуард Колмановский /*композитор*/ удивился: "Не понимаю, как это: один самоотвод принимают, другой – нет?" Председатель Музфонда Терентьев возразил, сказав, что список кандидатов-композиторов СССР без Мирзояна – нелепость. В результате голосования в кандидаты депутата Верховного Совета СССР Тихон Николаевич прошел десятым, а Эдвард Михайлович – вторым...

Интермедия. Тихон Хренников[64]

Эдвард Мирзоян – один из выдающихся композиторов Советского Союза, один из блестящих представителей армянской музыкальной культуры второй половины XX столетия. В начале 50-х годов в Москве появилась талантливая плеяда молодых армянских композиторов – А. Бабаджанян, А. Арутюнян, Э. Мирзоян, Л. Сарьян, А. Худоян, – которая быстро привлекла к себе внимание московской музыкальной общественности. После гениального Арама Хачатуряна и этой группы композиторов армянская музыка заняла ведущее положение в музыкальной культуре СССР. По-разному сложилась творческая судьба членов этой молодой армянской группы композиторов. Эдвард Мирзоян, несомненно, находился в ее центре – он был бессменным председателем армянского Союза композиторов многие, многие годы. Его лидерство в Союзе, прежде всего, было связано с выдающимися качествами его как композитора, а кроме того, с особенностями его человеческого характера – необыкновенной доброжелательностью, сердечным, заинтересованным отношением его к музыке своих коллег, желанием всегда прийти к ним на помощь. Он обладал редким, прирожденным даром объединять вокруг себя людей, единомышленников, они ему доверяли, он пользовался их всеобщим уважением.

[64] Интервью от 28.10.2000. Незадолго до своей внезапной кончины записала композитор Нарине Хагагортян /*дочь композитора Эдуарда Хагагортяна*/.

Январь 1985 года
Эдвард Мирзоян,
Лазарь Сарьян
с супругой
Аракси Сарьян

Сосян, Сарьян, Мирзоян
1955

В доме Сарьянов

Но главное, о чем я хочу сказать, – о его музыке. Я не буду разбирать его отдельные произведения – это удел музыковедов, я хочу отметить только то общее, что характерно для всех его сочинений, в каком бы жанре они ни были написаны. Это теплота музыки, это музыка, идущая к сердцу, это музыка больших подъемов и напряжения, это гипнотическая сила обаяния этой музыки. Недаром говорят, что музыка – лицо ее создателя. Это правда. И музыка Мирзояна – тому лишнее подтверждение. Успех ее у слушателя – это непреходящая традиция, и дай Бог, чтобы так было всегда.

<...> Я счастлив, что жизненная судьба свела нас, мы живем в одно время. Я наслаждался общением с ним, его жизнерадостным, веселым характером, его остроумием, но главное, – его музыкой. Музыкой, выражающей всю силу и красоту народа, его породившего.

Лазарь Сарьян – второе “я” Мирзояна. В “пятерке” друзей связь Мирзояна с Зариком всегда была освящена особым светом исключительной духовной близости.

Вряд ли кому-нибудь удастся до конца постичь тайну природы Лазаря Сарьяна, который всей своей жизнью не уставал загадывать загадки современникам. Хотя бы тем, что сочетал в себе несочетаемое. Сын художника с мировой известностью, он напрочь был лишен сознания собственной исключительности. В Великую Отечественную мог воспользоваться спасительной бронью, но оказался на фронте, предпочитая бои на передовой выступлениям в ансамбле Юго-Западного фронта. Классик в мышлении, поэт соразмерности и гармонии, он на восьмом десятке жизни не боялся экспериментировать в искусстве, оказываясь часто смелее своих учеников. Он видел много горя: войну, потерю близких и родных, но все так же любил жизнь и верил в будущее, совершенно не ожесточившись. Редкий его собеседник мог не заметить величия этого крайне простого в общении человека. Величия в манере держаться и говорить, величия в поступках, в мысли – ясной и глубокой, величия сердца, способного искренне любить... Будучи тяжело больным, мелким аккуратным почерком он переписал в свой дневник стихи Микеланджело “Бессмертие”:

Здесь рок послал безвременный мне сон,
Но я не мертв, хоть и опущен в землю:
Я жив в тебе, чьим сетованиям внемлю,
Затем, что в друге друг отображен.
Я словно б мертв, но миру в утешенье
Я тысячами душ живу в сердцах
Всех любящих, и, значит, я не прах,
И смертное меня не тронет тленье.

Этими словами, несомненно, он обращался к Эдушке, которого по собственной инициативе выдвинул на должность председателя СК, и, не желая оставлять одного под грузом проблем, поддержал его, заменив Мирзояна на посту председателя Музфонда. Несмотря на предельную занятость /*Л. С. - ректор ЕГК в 1960-1986 гг.*/, брал на себя сложнейшие задачи, как, например, раздачу ордеров второго жилого дома СК[65], в то время как Мирзоян на грани нервного срыва уехал в Дилижан.

1968 год

Дорогой Эдик ջան (джан)!

Вчера вечером раздали ордера. Недовольных и жалоб почти нет. Совет Министров хочет подкопаться под решения горисполкома и райисполкомов о передаче Союзу композиторов освобождающихся квартир.

Так как завтра у меня начинаются приемные экзамены, и я по 12 часов буду сидеть в консерватории, считаю твой приезд крайне необходимым сегодня же. Все, что зависело от меня, я сделал. Приезжай срочно, крепко тебя целую и обнимаю.

Твой ***Зарик***

Около 1984 года

Эдик ջան (джан), мой родной!

<...> Сегодня был у Гургена Ашотовича /*Аракелян, завотделом культуры ЦК*/. Говорил о том, что Симфонический оркестр погибает из-за ужасных условий работы. Обещал решить с Демирчяном /*Карен, I секретарь ЦК КПА*/ вопрос предоставления оркестру и капелле зала политпросвещения. Гергиев /*Валерий, главный дирижер Государственного симфонического оркестра Армфилармонии*/ ждет, какая утверждается программа для Москвы. <...>

Сможем ли мы с тобой сегодня вечером после твоего урока встретиться?

Лазарь

Вечером после урока приду к тебе домой.

Э.

– Сарьян как мне помогал! – Он был одним из немногих последовательно помогающих. Уникальность его интуитивного таланта меня всегда поражала. Он говорил: “Жизнь очень сложна и богата – никогда не надо делать скороспелых выводов”. Сидим, обсуждаем вопрос. Все говорят: “Все ясно”. А Зарик молчит.

- Ինչի՞ ձեն չես հանում (– Чего молчишь?) – все ясно:

- Надо подумать.

- Sn дурак, все ясно, что подумать?

[65] Авторы проекта – Ф. Дарбинян, Э. Папян.

- Դուռակը դու ես (– Сам дурак):

Через некоторое время выясняется, что Зарик был прав: все гораздо сложнее и богаче. Вопреки обывательскому взгляду, Зарик вел себя так не из страха, не из робости, не приличия ради – он был мудрым, тонко чувствующим и очень мужественным человеком. Второго такого я в жизни не встречал.

“Помни, что ты борец,” – сказал он как-то Эдику в одну из тяжелых минут, и это удесятерило силы Мирзояна.

– *К Эмину Аристакесяну* у меня особые чувства. Талантливый композитор, на редкость организованный человек, аккуратный – все протоколы Правления СК вел он, я даже не проверял. Было абсолютное взаимное доверие...

Очень несправедливо сложилась судьба композитора Аристакесяна, который долгие годы был заместителем Мирзояна. В июне 1985 года в дилижанском ДТ проходил фестиваль патриотической песни. Эмин на банкете выпил и неудачно пошутил по поводу гастролирующего узбекского вокально-инструментального ансамбля: “Ялла (сделав пренебрежительное движение рукой) – ялла”... Этот случай расписали как могли в доносе в ЦК, обвинив его в разжигании межнациональной розни. Вскоре после этого на одной из встреч с композиторами Демирчян, поздоровавшись с каждым персонально, не подал ему руки и издевательски спросил:

– Ара, ты опять пьян?

Эмин побледнел, как мел.

– О тебе мы еще поговорим...

Вскоре Аристакесян был вынужден подать в отставку... Он ушел из жизни во цвете лет, отдав бесценные годы своей недолгой жизни служению армянской композиторской организации.

В 1986 году его заменил секретарь Правления ***Левон Чаушян***, который с большой самоотдачей и ответственностью проработал заместителем Мирзояна до 1991 года, образовав впоследствии с группой композиторов, музыковедов и исполнителей Армянскую музыкальную ассамблею (1995) – организацию нового типа, которая активной деятельностью доказала свою жизнеспособность и естественную природу собственного долголетия. Осенью 2011 года состоялся фестиваль AMA, который высветил новые тенденции развития армянской композиторской школы.

Накануне 2011 года действительным членом Ассамблеи стал Эдвард Мирзоян...

Арно Бабаджанян – одна из наиболее ярких фигур в истории армянской музыки. Глубокий и, одновременно, полифоничный по многомерности, стихийной силе, необузданности проявлений и в жизни, и в творчестве. Уже к началу 50-х он – абсолютный авторитет, знаковая

личность для Армении. Пользуясь поддержкой друзей и руководства Армении, он сам оказывает им помощь в решении и творческих, и организаторских вопросов на высшем уровне армянского и союзного руководства. Один из примеров – его авторитетное мнение по поводу расклада сил в Союзе композиторов в конце 70-х, в сложнейший период биографии Мирзояна, когда высшее партийное руководство республики было настроено против председателя правления СК, однако было вынуждено пересмотреть свою позицию.

...Я впервые встретилась с Арно Бабаджаняном в Дилижане за месяц до его смерти, даже не догадываясь о безнадежности его состояния. Арно пригласил друга, композитора Мелика Мависакаляна, с дочерью и ее подружкой (это я) к себе в коттедж. Я, учащаяся музыкального училища, очень стеснялась, и, чтобы развеять мою скованность, Арно обернулся ко мне, с рыком льва вцепился зубами в куриную ножку и сотворил характерный "пируэт" со зрачками: "Не хочется? Дурной пример заразителен!"(только теперь понимаю, как его воротило от еды). Я все старалась не смотреть на него, чтобы великий Бабаджанян вдруг не прочел на моем лице привычного выражения абсолютной женской восторженности. Но, улучив момент, когда Арно не мог меня заметить, я заглянула ему в глаза. Их выражение меня потрясло: там не было и тени царившего вокруг веселья – только бесконечная боль и бесконечное мужское одиночество... На следующий день, приехав в Ереван на его машине на безумной скорости, как на крыльях аэроплана (Арно ехал на свою последнюю запись "Ноктюрна"), я задала домашним мучивший меня вопрос: "Может ли такой великий человек быть одиноким?" – "Может", – уверенно ответила мама...

– В 1960 году на Всесоюзном пленуме Скрипичная соната Арно была резко раскритикована, – рассказывает Мирзоян. **– В Москве**

Лондон, август 1978 года
"Лезгинка" в исполнении Арно Бабаджаняна и Эдварда Мирзояна

сонату играл Климов, о котором ходила шутка: "Что общего между Климовым и Ваном Клиберном? – Оба не умеют играть на скрипке"... И вот в Ереване звучит Соната для скрипки Арно в прекрасном исполнении Яши Вартаняна, с которым он советовался при работе над этим сочинением. Среди гостей был Яков Семенович Солодуха /*председатель комиссии по музыке СК СССР*/**. Солодуха был очень хороший человек, он меня доверительно спросил: "Эдик, Арно пересмотрел что-нибудь после московского разноса?" Я сказал, что он пересмотрел разработку первой части, написал новую вторую часть, конец финала изменил: "В общем, послушайте". Был большой успех, и тут ко мне подходит Яков Семенович: "Вот это другое дело!" Когда я признался ему, что в Сонате Арно ни одной ноты не менял, он был шокирован, смущен, почувствовал себя неловко. Мне сейчас очень неприятно вспоминать, как это подействовало на Солодуху, который был очень интеллигентным человеком и хорошим композитором.**

28.01.1977, Москва

Дорогой Эдик!

Еще вчера вечером решил написать тебе. А сегодня утром, перед тем, как сделать это, раскрыл газету и прочитал о смерти Вардана Аджемяна /*режиссер*/. Очень опечалила меня весть о столь неожиданной кончине замечательного и самобытного мастера нашей театральной культуры.

Еще до вчерашней московской премьеры Квартета Арно я узнал от него, с каким энтузиазмом и интересом была встречена его новая работа в Ереване /*речь идет о Третьем квартете памяти Шостаковича*/. Я этому ужасно обрадовался. Несмотря на все то ценное, что удалось создать Арно в песенном жанре, меня (как и всех друзей и почитателей его огромного таланта), не покидало ощущение того, что он обделил жанр серьезной музыки тем, что проявлял к этому виду музыки недостаточное внимание. Я на первой же репетиции его Квартета понял, что появилось весьма значительное произведение в области камерной музыки, которому (а я в этом убежден) предназначена долгая жизнь, а скорее всего, оно войдет в фонд нашей квартетной классики. Вчерашняя премьера вылилась в подлинный триумф автора. Встречена была она восторженно. Так как этот концерт был в рамках "Клуба камерной музыки", то были высказывания прямо под непосредственным впечатлением /*от*/ услышанного (исполнялись также новые работы Н. И. Пейко /*Николай*/ – 3-й квартет и молодого композитора А. Чайковского /*Александр*/ – племянника Бориса). Выступали К. Молчанов /*Кирилл, композитор*/, З. Сарьян, Н. Шахназарова /*Нелли (Нона), музыковед*/, сам Г.Фрид (директор клуба) /*Григорий, музыковед*/, который с большим остроумием и живостью ведет эти вечера.

К. Молчанов, который назвал Арно выдающимся художником нашего времени, резко отрицательно выступил против того, что он растрачивает свои силы в песенном жанре. Примерно в том же духе выступил Г. Фрид, который сказал: “Ты можешь делать то, чего другие не умеют, а делаешь то, что умеют и другие”. Выступали и рядовые слушатели (не музыканты), регулярные посетители этого клуба, оказывается, существующего уже 12 лет. Среди присутствующих была и вдова Д. Д. Шостаковича, композиторы Левитин /*Юрий*/, Голубев /*Евгений*/, Хагагортян /*Эдуард*/. Возможно, были и другие, которых я не знаю (скорее всего были).

Я еще очень рад тому, что кое-кто и в Ереване, и в Москве заткнут рот, а то уже готовы были к тому, чтобы вообще “списать”Арно. Я его очень настойчиво убеждал сохранить этот новый заряд, писать дальше (например, фортепианный концерт, симфонию – да мало ли что, но только музыку).

Зарик Сарьян сегодня утром вылетел в Ереван. Конечно, он в устной беседе расскажет тебе о вчерашней премьере, но мне хотелось тебе выразить свои чувства и свое огромное удовлетворение. Я знаю, как тебе близок Арно и что он для тебя всегда значил и значит. Целую тебя, мой дорогой Эдик! Желаю тебе всего наилучшего в творчестве и в жизни. Чтобы у тебя не было никаких огорчений и чтобы тебе не трепали нервы и по достоинству, и по справедливости ценили твой талант и твою многогранную деятельность.

Всегда твой ***Рафик***

/Давидян, вторая скрипка квартета Комитаса, профессор МГК/

6 марта 1955 года. Начало строительства Дома композиторов Армении. Сидят (слева направо): рабочий со стройки, Григор Егиазарян, Эдуард Багдасарян, Эдвард Мирзоян, Вагаршак Котоян, Бабкен Сосян, Степан Джербашян; стоят: Степан Нагдян, Лазарь Сарьян, архитектор Ашот Казарян, Хорен Торджян, прораб Айк Алексанян

<...>

Вместе с Эдиком Арно становится зачинщиком строительного проекта первого жилого дома СК.

– Началось все с того, что в 1952 году возникла идея строительства жилого дома СК. Мы с Арно приходим в Москве к Хренникову: “Тихон Николаевич, мы без квартир. Мы недавно женились, у нас дети”. Я женился 1 июля 1951 года, и мы с Лялей поехали в свадебное путешествие в Москву, там купили спальную мебель, а здесь мама сняла для нас комнату. Хренников тут же, при нас, звонит в Музфонд СССР директору и дает указание выделить деньги на приобретение двух квартир в доме по улице Баграмяна. Председатель горсовета Секоян – прекрасный был человек – дал указание о долевом участии двух квартир. Но когда Музфонд принял долевое участие в строительстве дома по улице Баграмяна, это стало известно. И пошли разговоры: “И у меня квартиры нет”. А я уже – председатель Музфонда. Появляется идея строительства жилого дома на 12 квартир, каждая стоимостью в 50 000 руб.

Когда проект уже делался[66], вдруг вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров “Об улучшении торговли”. И там пункт о том, что в тех зданиях, где отведенные под магазины территории используются не по назначению, освободить и вернуть Министерству торговли. А наш СК располагался именно в таком помещении (на проспекте). Я написал письмо в Москву, что нас выселяют. Из Москвы отвечают: “Вас же не на улицу выселяют, наверное, дают помещение”. – “Разве прилично размещать СК за городом?” В результате все определилось с вмешательством Хренникова: “Товарищи, СК Армении – это передовой отряд советской музыки, мы должны им помогать, как помогает правительство Армении”.

...Мне до сих пор не прощают выбора места для здания ДК по улице Демирчяна. Все говорят, что это гениальное место, кроме тех, кто здесь живет. Думали, что выбор места принадлежит Григору Егиазаряну, ругали его, а он об этом понятия не имел. Считали, что между улицами Демирчяна и теперешним Каскадом сделан неправильный выбор. Но Каскад – это было нереально. Я был депутатом горсовета, когда Айказ Ераносян обратился ко мне с просьбой походатайствовать о разрешении на постройку жилого дома по улице Демирчяна. Я обратился – отказали под ложным предлогом, что хотят разбить там парк. А когда возник вопрос о Доме композиторов, мы с Сосяном обратились с той же просьбой – нам тоже отказали. Оказалось,

[66] Авторы проекта – архитекторы Э. Алтунян, Э. Сарапян, А. Казарян, при участии музыковеда Г. Хубова (руководитель проекта – Марк Григорян).

что парка не будет – НКВД будет строить жилой дом для себя. Секретарем по идеологии в ЦК был Грант Мартынович Мартиросян – необыкновенно интеллигентный человек, немного играл на рояле, я слышал в его исполнении Рахманинова. Прихожу к нему: "Эдик, Вы в Праге в такой-то церкви были?" – "Нет". – "Обязательно пойдите, там орган небольшой, но один из самых лучших в мире". И когда я попросил участок, он позвонил в горсовет, ему сказали – для НКВД. "Знаете что, это место дайте композиторам, а НКВД себе еще лучше найдет".

В Проектном институте сказали, что для такого места слишком маленький дом. Здание, в котором мы сейчас находимся, родилось из суммы в 100 000 руб., которая потом, с согласия Москвы, возросла до 600 000 руб. и удвоилась, позже еще раз увеличившись до 1 млн. 500 тыс. руб., а вместе с административным корпусом и залом ДК составила почти 5 млн. руб.

Александр Арутюнян. В композиторской "пятерке" армянской "Могучей кучки" тандем Мирзоян-Арутюнян можно назвать наиболее сложным по той простой причине, что эти композиторы полярны по личностному складу. Меня всегда поражало несовпадение образов их личности и творчества: замкнутый, интровертный в последние годы Арутюнян – и его лучезарное, наполненное солнцем искусство. Открытый миру Мирзоян – и глубокий драматизм его творчества. Всегда восхищала меня и личностная свобода Арутюняна, который не считает нужным корректировать свои ценностные установки, позицию, мнение в угоду даже близкому другу. К примеру, он, в отличие от Мирзояна, отстаивая свои эстетические взгляды в искусстве, положительно оценивает скульптуру Арно (автор Давид Беджанян), которая буквально повергла Мирзояна в шок[67]. Арутюнян критически отзывается о функциональности возведенного в Дилижане по инициативе Эдуарда Михайловича зала имени Бетховена, считая его лишним в ДТ. Он честен в своих оценках перед собой, как честен и в творчестве. Это еще раз доказывает, что "пятерка" композиторов никогда не была "хором статистов" при Мирзояне, как это пытаются сейчас представить. Масштаб таланта и Мирзояна, и Арутюняна, переживающих сегодня новый всплеск интереса к своему искусству, исключает подобный сюжет. Стихийный, непридуманный, Богом данный дар сочинительства как бы изначально освящает их союз. Они прошли очень непростой путь по жизни и, вопреки всем сложностям, сумели сохранить этот мужской союз длиною в бесконечность. Два друга, как два столпа в фундаменте национального искусства, стали живым воплощением классического совершенства и профессионализма в армянском композиторском творчестве. В соавторстве с Арутюняном, исключительным музыкантом, классиком и тонким романтиком одновременно, были написаны симфоническая увертюра "Памяти полковника Закяна" и "Кантата о Ленине".

Кисловодск, 1940 год. 1-й ряд (слева направо): С. Бархударян, Э. Мирзоян, А. Степанян, А. Арутюнян; 2-й ряд: А. Тер-Гевондян, М. Мирзаян, В. Тальян

Талант Александра Арутюняна с самого начала его творческого пути обладал качеством **безусловности.** Сила воздействия его искусства с годами только увеличилась – это подтвердили юбилейные концерты к 90-летию композитора в разных странах мира. В Ереване же концерты вылились в настоящий триумф автора и праздник для музыкальной общественности, которая вновь открыла для себя музыку Арутюняна – богатую в высшей простоте и непредсказуемую в виртуозном саморазвитии до детективной остроты музыкального сюжета.

19.08.1969, Курпаты (Крым)
Дорогой Эдик!

Я уже потерял надежду на ответное письмо, как вчера, придя после пляжа в пансионат, узнаю, что на мое имя сразу два письма: от тебя и Зарика!

Ты понимаешь, как мне было приятно и сразу тепло на сердце получить от вас обоих весточку. Как будто твои думы и мысли перекликались через море с моими, ибо несколько дней тому назад, сидя на берегу моря, я вдруг вспомнил очень далекий 1940 год, когда мы с незабвенным Михаилом Ивановичем /*Мирзаян*/ поехали в Кисловодск по курсовкам отдыхать. И как мы были счастливы и

[67] "Памятник Арно – это невероятно слабое с профессиональной точки зрения произведение, где хорошая идея испорчена ее исполнением", – утверждает Э. Мирзоян.

как нам тогда, в тот период юности, было нужно немного, чтобы быть счастливыми! И вдруг я с ужасом констатировал тот факт, что прошло почти 30 лет, за это время выросло два поколения.

Да, Эдик джан, время неумолимо проходит, годы уходят чередой, и не успеешь оглянуться, как перешагнешь свое 50-летие, которое уже на носу. К сожалению, в ежедневной суете так называемых "общественных обязанностей" (собрания, заседания и т.д. и т.п.) мы зачастую попусту теряем наше бесценное время. И потому в оставшееся время (а мы не можем знать – сколько осталось) надо писать, и только писать музыку, ибо только это и останется после нас...

Как твоя нога? Очень рад, что ты "пришел в себя" /*после перелома*/. Зарик пишет мне, что ты работаешь в Дилижане, очень хорошо делаешь! Мы здесь с Ирочкой /*Ирина Оденова, жена*/ отдыхаем неплохо, погода здесь чудесная. Я каждое утро, рано, в 7 утра, иду на море, много и далеко плаваю и (тьфу, не сглазить!), представь себе, не устаю, ибо правильно дышу. Днем отдыхаем, а вечером с 5 до 7 – снова на море. Вот, собственно говоря, наш режим.

Пока как будто все. Привет от меня Ляле, обеим мамам, детям. Целую тебя крепко

Твой ***Котик***

Адам Худоян, долгие годы заведующий Комиссией зарубежных связей СК, обладал большим обаянием и организаторским талантом, который проявился с самого начала карьеры "пятерки" композиторов. Казалось, что Адик может организовать любое мероприятие, – и это его качество было в полную меру реализовано в работе Союза композиторов. При этом в ***композиторском*** рейтинге "пятерки" он никогда не занимал ведущей позиции, никогда не был амбициозен. Если Мирзояна постоянно обвиняли в том, что он разменял свой композиторский талант на пустую суетность будней, то к Худояну таких претензий не было – считалось, что общественная работа и есть его главное призвание. Но творчество Худояна продолжает жить. Его виолончельная соната принесла удачу талантливому музыканту Нареку Ахназаряну, который исполнил ее на 14 конкурсе имени Чайковского в Москве и был удостоен золотой медали (2011). Вот что пишет критик Стив Смит в "New York Times":

"М-р Ахназарян продемонстрировал незаурядное мастерство в "Сонате" N1 для виолончели соло армянского композитора ***А. Худояна****. Написанная в 1961году, она содержит народные и шуточные мотивы, и если не перевоплощение исполнителя и его безупречная техника, то вряд ли можно было бы передать всю глубину и духовный размах этого произведения. Некоторые эпизоды в "Сонате" кажутся необоснованно резкими и не всегда уместными, однако трактовка исполнителя была убедительной"*[68].

...Сохранилось письмо студенческой поры, в котором Адик в характерной для себя манере четко расставляет по полочкам творческие и сердечные дела компании, позднее сохранив эту обязательность во всех начинаниях СК Армении.

19.06.1947, Ереван

Здравствуйте, ребята!

По старшинству – Котик, Арно и Эдик!

Пользуясь отъездом в Москву Роберта /*Атаян, музыковед*/ и не жалея усилий, через него посылаю каждому по отдельности по 1758 рублей от Завена Гевондовича /*Вартанян, начальник Управления по делам искусств*/. Второй взнос в счет наших договоров. Հալալ ա Զավենին (молодец Завен!), как только узнал, что мы нуждаемся в деньгах, сразу же распорядился выписать нам эту сумму. Конечно, я обещал, что мальчики скоро закончат свои симфонические произведения. Он категорически против, чтобы Литинский /*Генрих*/ и на следующий год тоже нам преподавал. Он сказал: "Все, с этого года будет заниматься Арам /*Хачатурян*/, а если он начнет, то и остальные (Цуккерман, Рогаль или Раков, Берлин) бегом тоже прибегут преподавать.

Котик ջան (джан)! Сараджев просил узнать, что решил Берлин /*педагог по фортепиано*/ и почему он ничего не пишет о своем приезде, его ждут (честно говоря, բիձուկից խելքս բան չի կտրում, բոլոր քամիներից թեքվում է) */непонятный какой-то этот старичок, гнется от всех ветров/*. Во всяком случае, скажи Берлину, пусть напишет в письме о своих планах, начиная с осени. Кото ջան (джан)! Твоя мама сейчас чувствует себя хорошо, очень хорошо, потому что твой отец в этом месяце прислал 1000 руб. Завтра у Ирочки /*невеста А. Арутюняна*/ дипломный экзамен, занимается очень много и ужасно занята. Пойдем послушаем, и о впечатлениях я обязательно напишу. Не беспокойся ты так, все нормально. Быстрее кончайте, быстрее. Саруханов /*Франц, главный бухгалтер Министерства культуры Армении*/ и Завен решили, что, независимо от оценок в конце года, на следующий год нас тоже пошлют учиться. И в концертном сезоне этого года или в Колонном зале, или же в Большом зале консерватории будут исполняться произведения нас шестерых: Арно, Котика, Эдика, Зарика, мои и Гани /*Гаянэ Чеботарян*/ (симфонические и камерные). Подробности узнаете у Саруханова, который два дня назад выехал в Тбилиси и оттуда поездом или самолетом сразу же должен прибыть в Москву.

Арно ջան (джан)! Բարի՛, ադա բա դու չի՞ս գիդի (Бабо, слушай, разве ты не знаешь), что Нами /*Арутюнян, впоследствии – Микоян, подруга Бабаджаняна*/ получила твое письмо, но не ответила, думая, что ты уедешь в Ленинград и ее письмо получить не успеешь. Она с

[68] "New York Times", 24.10.2008.

трепетом сердца сказала: “Ой, Адик, я не знала и не сообразила, что можно авиапочтой послать письмо, сейчас же пойду домой и напишу Арно письмо”. Это было три дня назад, после этого мы не виделись. Думаю, что написала и выслала. Она похорошела и стала еще красивей, но с головой ушла в экзамены, освободится 25.06 и не знает, сможет ли приехать в Москву. Знаю, что тебя эта тема очень интересует, но больше ничего сообщить не могу. Твоя мама поправилась и чувствует себя хорошо, как и папа. Несколько раз был у вас дома, пили за твое и ребят здоровье и пожелали долголетия и удач. Тебя ждут в консерватории: специальность (гос.экзамен) назначена на 28.06, коллоквиум – на 02.07 и История ВКП(б) – на 07.07. Постарайся обязательно приехать и сдать, все очень хорошо устроится – не теряй этой возможности. Специальность можешь не сдавать, Концерт твой /*скрипичный*/ все знают, Сараджев считает, что играть его нет необходимости. А мою Симфонию с одной репетицией (3 часа) сделает прогон, а потом комиссия послушает. Это и мне будет интересно – услышать, что я написал, как будет звучать. Короче, не ленись – как все дела завершишь, сразу же вылетай.

Да, чуть не забыл. Шура /*телефонистка*/ просила привезти ей 6 шелковых носков (размер 42, выбери в Мосторге хорошего качества и привези, деньги она тебе вернет).

Эдик ջան (джан)! В первую очередь, снова прошу тебя, партитуру моего Квартета и Партиту при первой же возможности с кем-нибудь пошли самолетом. Если привозящему будет трудно занести мне, дай ему номер телефона Марианны /*Арутюнян, подруга Мирзояна*/ или твой, я зайду, возьму. А если эти произведения уже исполнялись, было бы хорошо, если бы ты и партии отправил – только срочно: 28–го экзамен, я должен показать эти сочинения. Мама и папа чувствуют себя хорошо, Марианна тоже, только кошка поцарапала ей палец, и поэтому экзамен она перенесла на неделю – Марианна сама тебе напишет. Встречаемся очень часто. Скажи Коле /*Николай Никогосян, скульптор*/, что мой долг в 440 руб. я вернул его матери с большой благодарностью. <...> По всей вероятности, 10.07 я снова вылечу в Москву, до сентября хочу написать небольшое симфоническое сочинение. Напиши, когда возвращается в Москву Литинский. Ինչպե՞ս եք յոլա գնում (как вы там перебиваетесь?): Роберт может переночевать на моей кровати.

Я высылаю вам 5274 руб., по 1758 руб. каждому. Может, Роберт оставит деньги у Саруханова, а вы напишите расписку о получении денег. Или же сами возьмите сумму у Роберта, и каждый в отдельности на мой адрес – Ереван, Теряна, 55, Худояну – пришлите расписки (по старой форме, она есть у Саруханова).

Ну довольно, жду ответов от всех троих, скорей напишете – скорей отвечу. Расписки пришлите – я обещал их доставить, не подведите.

Большой привет уважаемой Вере Аркадьевне /*Бабаян, зав.общежитием*/, Норе /*дочь Веры Аркадьевны*/, всем нашим девочкам, всем-всем, Литинскому и Араму Ильичу /*Хачатуряну*/, приветы от ваших родителей и всех нас... Отдельный привет Тамаре Кирилловне /*жена Сурена Саруханяна, директора Дома культуры Армении в Москве*/, ее сестре и ЛИЛЕ /*дочь Саруханяна*/. Всем работникам Дома культуры, и дворнику Наташе, и всем, кого я знаю.

Крепко целую, ваш ***Адик***

– *Антон Кочинян*[69] сегодня почти забыт. Карен Демирчян – достойнейший человек, его именем названы метрополитен, спортивно-концертный комплекс... Но Кочиняна как будто и не существовало никогда. Недавно по телевизору говорили: “Ведь метро построил Демирчян, это его заслуга и в то же время его минус: для того, чтобы получить разрешение на строительство метрополитена, он перенаселил город, сделал его миллионным...” Полная чушь – это была инициатива Кочиняна. Под названием “подземный трамвай” он сумел протолкнуть эту идею в верхах и начать строительство метрополитена, а потом уже город стал миллионным, и “трамвай” превратился в метро. История искажается. Если бы именем Демирчяна назвали одну станцию, это было бы более справедливо, тем более, что в этом случае в вагонах постоянно объявляли бы его фамилию, и она бы лучше запомнилась.

Не могу забыть слова Антона Ервандовича: «Ա՛յ մարդ, - говорил он, - էդ նկարիչները գալիս են, օրինական բան են խնդրում՝ ձեռս չի գնում, թե տամ: Գրողները գալիս են, օրինական բան են խնդրում՝ չեմ տալիս: Էս Էդիկը գալիս ա, անօրինական բան ա խնդրում՝ չեմ կարողանում մերժեմ» (“Как же это: художники приходят что-то просить на законных основаниях – рука не идет подписать. Писатели просят что-то законное – не даю. Этот Эдик приходит с незаконной просьбой – отказать не могу ...”):

...Для Дома творчества композиторов я осмотрел 12 участков по всей Армении, из них 4 – по совету Кочиняна: в Лори (там, где ресторан “Ануш”), Агверан, Парз Лич (Кочинян обещает, что построят дороги), – я не соглашаюсь. Первое лицо в правительстве, зная Армению, как свои пять пальцев, советует, а я не соглашаюсь. В Агверане, например, попробовал шиповник, и он оказался сладким, что указывало на суровые холода зимой. Там резко-континентальный климат: зимой холодно, летом жарко... Каждая наша попытка доехать до Парз Лича кончалась тем, что машина буксовала. А в “Армпроекте” уже начали делать проект. Архитектором был Эдуард Алтунян – он один из

[69] В 1952-1966 годы – Председатель Совета Министров АССР и еще 8 лет – Первый секретарь КПА.

авторов Дома композиторов в Ереване.

Из Москвы приезжает Михаил Лазаревич Левин */начальник отдела капитального строительства/*, **едем – не доезжаем. Делаем привал – выпивка, шашлык, и он в Москве отчитывается, что место отличное. С Генрихом Блейзом** */главный финанансист СК СССР/* **– та же история: не доехали, но, судя по его отчету, он чуть ли не купался в Парз Личе. Проект завершается, утверждается Музфондом СССР, надо начать строительство. Я говорю Бабкену: "Я этого озера не видел". – "Я тоже". Это же авантюра полная. Дорога будет построена, но ее пока нет. Опять едем группой – автобус буксует. Я решил пойти пешком. Иду один. Навстречу мне – лесничий по имени Месроп. Он говорит: «Ժանգոտ լիճ ա, գնանք ցույց տամ» ("Пойдем, покажу, ржавое такое озеро"). Длинное озеро, присели на берегу. Первое, что я почувствовал, – комар укусил в щеку. «Սա ապրելու տեղ չի, ծմակ ա» ("Здесь жить невозможно – сыро"), - говорит Месроп. И он повел меня наверх: на поляне цветы устланы ковром, рядом ручей, красота необыкновенная. "А тут купаются?" – "Нет". Говорит, холодный ручей кусается, как змея, люди тонут. Возвращаюсь. Пошел дождь, и пока мы прятались от него, хашламу**[70] **съела собака. Весело махая хвостом, она нас провожала. Автобус отказался ехать обратно: "Спускайтесь пешком, после дождя здесь на машине съезжать опасно". Я Сосяну говорю: "Здесь мы строить не будем". – «Ձե՞ռ ես առնում» ("Издеваешься?")**:

Снова прихожу к Кочиняну, отказываюсь от участка на Парз Личе. "Вижу, от вас спасу не будет, в Головино мы для себя придержали одно место – оно ваше. Сад тоже отдаю вам, начинайте строительство". Приехали (были Сосян, Гилина */Елена, музыковед/*, **Котик Арутюнян, Степа Нагдян** */композитор/* **и др.) – отличное место, все в восторге. Возвращаемся вечером, Гилина в кабине грузовой автомашины, мы в кузове. Я – в одной сорочке, Бабкен Сосян своим типично повелительным тоном командует: "Пиджак надень!" Я не реагирую. Котик вмешивается: "Видишь, ветер сильный..." – "Молчите, а то и сорочку сниму". И снял. Котик говорит: "Одень, а то я тоже сниму". – "Твое дело". Он тоже снимает. Степа Нагдян накинул на лысину плащ – ветер дует то холодный, то теплый, – Степа начинает чихать. Сосян возмущается: "Воспаление легких вам обеспечено!" Утром звоню Котику справиться, как он себя чувствует. "Все отлично, целый месяц были колики в левом легком – прошли". Это было осенью 1960 года.**

...Ответственное лицо Госплана СССР сказал: "Если завтра

[70] Хашлама – отварное мясо (баранина или телятина).

в 9 часов утра на стол мне положите решение с подписями Кочиняна и Хренникова, то вопрос Дилижана будет решен положительно". Утром в назначенное время Сосян кладет это письмо на стол. Тот глазам не верит: "Я был уверен, что ставлю заведомо невозможные условия, но придется сдержать обещание". Он не мог представить, что в ночное время мы добьемся этих подписей. Поздно вечером зашли к Кочиняну, в гостиницу "Москва", пешком в пургу пошли к Хренникову, на Третью Миусскую, где нас тепло встретили после часу ночи.

...У первого заместителя Предсовмина Сурена Мовсесяна в 1961 году идет заседание по планам строительства в Армении, на которое приглашены мы с Сосяном. По республике предусмотрено строительство на 250 миллионов рублей, а запустили – на 370. Поэтому сокращают все, что возможно. Доходят до пункта "ДТК". Докладывают, что проекта нет. "Закрыть", – звучит вердикт Мовсесяна. Я беру слово: "Вы нас пригласили, чтобы закрыть? Проект будет готов не позднее, чем через месяц. А если вы его сейчас закроете, Закавказский ДТК будет строиться уже не в Армении, а в Грузии или Азербайджане". – "Мне все равно, где будет строиться Дом композиторов, не давите на мои национальные чувства!" – "А они у вас вообще есть?", – бесцеремонно бросил я и вышел, причем спокойно, без демонстративных сцен закрыл за собой дверь, вошел в кабинет напротив и позвонил Кочиняну.

– Ղալա՛թ ա արել, пошел он...! – возмущается Кочинян. – Завтра утром вместе с Марком Григоряном */архитектор/* **будешь у меня.**

В 1961-ом началось строительство. Я еду за границу, возвращаюсь, вижу – ничего не делается. Прораб даже некоторые строительные материалы подарил своему другу. Посылаю срочную телеграмму Сосяну: "Ввиду отсутствия контроля строительство проваливается". Прервав отдых на море, он приезжает и начинает перебрасывать строительные материалы на место стройки. Дороги наверх еще не было. Он день и ночь трудился, чтобы успеть до сезона дождей...

Эдуарду Алтуняну поручили сделать привязку к новой местности. Название проекта осталось прежним: "Парз Лич", Москва не должна была знать о перемене места – подсудное дело. С отличной оценкой объект был сдан в конце 1962 года, но официальное открытие состоялось летом 1963 года. На торжественной церемонии открытия я рассказал о том, как к одному из руководителей Армении, Арамаису Ерзнкяну, пришел Ованес Туманян с просьбой выделить место для строительства Дома творчества писателей Закавказья. Мы не только осуществили мечту Туманяна, а пошли дальше – построили не Закав-

казский, а Всесоюзный Дом творчества (решение принималось на уровне Хренникова, а не Тактакишвили). Первоначальная сумма, выделенная на строительство, – 50 тысяч рублей, которая после завершения зала имени Бетховена возросла до 6.000 000 рублей.

01.09.1984, Դիլիջան
Էդի՛կ ջան,

Շատ եմ ափսոսում, որ ես եկա՝ դու չկայի՛ր: Ուրախությանս չափ չկար, երբ ես նայեցի սրահը (Բեթհովենի): Բնությունը շատ հրաշալիքներ է ստեղծում, դա զարմանք չէ: Երբ մարդն է ստեղծում հրաշալիք, դա հիանալի է: Դիլիջանի այս դահլիճը իրոք մարդու կողմից ստեղծված հրաշալիքներից մեկն է: Իմ ամենասիրելի մարդը՝ դու, սիրելի՛ Էդիկ, այս հրաշալիքի հեղինակն ես: Որքան ուրախ եմ, սահման չկա:

Մեծ հարգանքներով քեզ շատ սիրող՝

Ամրոն Քոչինյան

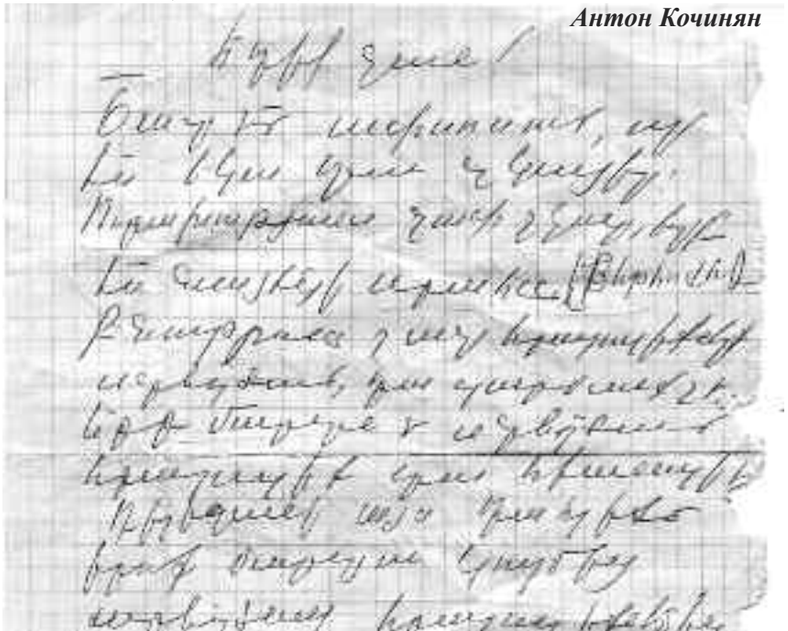
Հ. Գ. Ներողամիտ եղիր. շտապում էի:

01.09.1984, Дилижан
(перевод Л. Епремян)
Эдик джан!

Очень жалею, что не застал тебя. Радости моей не было предела, когда осмотрел зал (имени Бетховена). Природа создала много чудес – это не удивительно, прекрасно, когда человек способен сотворить такое. Этот зал в Дилижане, в самом деле, одно из чудес, созданных человеком. Мой самый любимый человек, Эдик, дорогой, ты – создатель этого чуда. Я рад, безгранично рад.

С большим уважением, очень любящий тебя

Антон Кочинян



P. S. Извини, что не дождался – очень спешил.

Интермедия. Левон Чаушян (композитор)

Предыстория нашего знакомства с Эдвардом Михайловичем ведет отсчет с того дня, когда меня, двухлетнего малыша, побаловал конфеткой близко знавший моих родителей Микаэл Мирзаян, и я, еще не умея говорить, при каждой следующей встрече показывал на свой карман, требуя сладостей. А встречи эти были частыми: дело в том, что мы жили прямо в здании музыкальной школы имени Спендиарова, где завучем был М. Мирзаян. Имя его сына уже в годы моего обучения в школе было освещено для меня особым ореолом. Не могу сказать, чтобы музыка Эдварда Мирзояна тогда часто звучала. Но Э. Мирзоян был очень известен как музыкальный и общественный деятель и, кроме того, мой педагог по композиции, большой друг нашей семьи, Степан Джербашян, не переставал восхищаться своим учителем, который, кстати, был моложе своего ученика.

Еще один важный штрих в предыстории нашего знакомства. В 1962 году состоялась премьера его Симфонии. Признаюсь, на меня она не произвела того впечатления, которого я ожидал. Дело в том, что в то время были очень популярны большие составы. В симфонических полотнах каждый старался превзойти другого по мощи и эффектности звучания, вводя в состав классического оркестра дополнительные инструменты, в основном, медь и ударные. И вдруг автор, который находится на столь представительных должностях, лидер СК, человек,

Делегация СК Армении в Праге, 1977 год (справа налево): Эдвард Мирзоян, Левон Чаушян, Эмин Аристакесян, Юрий Арутюнян, Григор Ахинян, Григор Егиазарян, Юрий Казарян

облаченный властью в государственных структурах, выбирает струнный оркестр с не очень выразительными, как мне тогда показалось, литаврами. Тривиальная “уличная” тема во второй части меня попросту поразила – ничего не вязалось с респектабельным имиджем. По составу произведение явно проигрывало другим. Но уже при нашей встрече спустя два года – при прослушивании на предмет поступления в консерваторию – я вынес на суд Мирзояна Фортепианный концерт с оркестром для струнных и литавр, написанный под непосредственным впечатлением от его Симфонии. Симфония Мирзояна сегодня – одно из моих самых любимых произведений. Не всякое удавшееся сочинение обладает способностью пробуждать желание слушать его снова и снова.

Закончив школу имени Чайковского, я очень хотел уехать учиться в Москву. Но, обычно мягкий и деликатный, Степан Джербашян был неумолим. Он настоял на моем поступлении в композиторский класс “дедушки”, то есть Эдварда Михайловича, которого считал своим “отцом” в творчестве. И вот, с сентября 1964 года начались наши занятия в консерватории.

Трудно однозначно сказать, в чем именно заключается секрет педагогического метода Мирзояна. Но то, что он дает поразительные результаты, – неоспоримый факт. ...Уроки начинались вечером, в семь, Эдвард Михайлович практически не опаздывал. Ровно в семь он, как всегда, энергичный и деловой, появлялся у консерватории, но на то, чтобы одолеть два этажа, уходило минут сорок: практически на каждом шагу он останавливался, чтобы поприветствовать коллег, студентов, узнать, как продвигаются их дела, что-то посоветовать, в чем-то помочь, пошутить, одарить улыбкой, элегантным поклоном, доброй аурой и благожелательностью. Всех студентов он вызывал в один и тот же час, создавая атмосферу творческой соревновательности, в которой каким-то удивительным образом удавалось избежать злобного ненавистничества. Никогда не унижая начинающего композитора перед товарищами, он точно ставил диагноз еще не существующего сочинения по двум-трем нотам: «Սրա մեջ հաշիվ կա» (“В этом что-то есть”) или «Սրա մեջ հաշիվ չկա» (“В этом нет ничего стоящего”).

Если Бабаджанян был талантом-самородком, Арутюняна отличает высочайший профессионализм, Оганесян был прекрасным композитором и исследователем, открывающим новые, неизвестные пласты, то Мирзоян – сгусток чистой, высокой, первозданной интуиции, эталон вкуса, меры, соразмерности, гармонии. Педагог, очень чуткий и уважительно относящийся к индивидуальности начинающего музыканта. Все мы были разные: кто-то напористый, кто-то скромный и стеснительный, все откладывающий показ своего опуса к концу урока, который обычно заканчивался часам к 11-ти. Пользуясь этим, как-то целый месяц я куда более “продуктивно” использовал вечерние часы, уходя к семи и возвращаясь домой в полночь, убеждая родителей, что делаю большие успехи. Пока наконец Эдвард Михайлович, встретив случайно отца, не поинтересовался, где я пропадаю...

Меня поражает, до чего же неблагодарен человек по своей природе. Как-то Аветику Исаакяну сказали, что на собрании Союза писателей некто плохо о нем отозвался. Варпет совершенно искренне удивился: “Почему? Я же ему ничего хорошего не сделал”. В самом деле, люди, которым Мирзоян всемерно помогал, в какой-то момент объединились и начали борьбу против председателя СК. Он был на виду, пользовался у народа и руководства широкой популярностью, большим успехом у женщин, был удачлив, и некоторых это безмерно раздражало. Кампания против председателя СК и, кстати говоря, человека с огромным влиянием – он руководил практически всей музыкальной жизнью республики – активизировалась в конце 70-х, когда предстояли перевыборы на съезде СК. Шел сбор подписей против действующего председателя. Велась проработка практически каждого члена Союза. Было составлено письмо в вышестоящие инстанции, которое подписали многие члены Союза. Дело в том, что возглавлялось это “революционное движение” людьми отнюдь не серыми, а находящимися в авангарде современной творческой мысли. Но какими бы высокими фразами ни прикрывались эти люди, единственной реальной причиной их “борьбы за передовое искусство” была борьба за власть.

Удивительна реакция на все это Мирзояна. Он никогда не изменял своему уникальному таланту – помогать людям. Не может быть и речи о “ретроградности” его творческих представлений в период бурного расцвета “авангардизма” в Армении – все передовое он безошибочно угадывал и поощрял. Никакого творческого противостояния “отцов” и “детей” у нас не наблюдалось даже в лупу – почва противостояния была абсолютно другого происхождения. Но ничто не могло отвратить Эдварда Михайловича от какой-то необъяснимой страсти помогать всем без исключения, независимо от личных отношений. Равное распределение благ – квартир, машин, возможности исполняться, публиковаться, работать в Дилижане – было возведено в принцип работы Союза композиторов, хотя я, как и многие другие, не всегда соглашался с этим принципом.

Мне бы не хотелось создавать сусальный портрет Эдварда Мирзояна. Он живой человек, не лишенный недостатков. Главное, что коробило меня во все времена, – чинопоклонничество. Любой человек, облаченный властью, удостаивался его уважительного отношения, независимо от масштаба личности, часто мизерного. Когда наступил постсоветский период “демократии” с присущим этому времени беспределом, люди с таким непререкаемым авторитетом, как Мирзоян и другие, могли бы поставить все точки над “i” и назвать вещи своими именами. Старшее же поколение весь свой пыл израсходовало на борьбу против гимна «Մեր Հայրենիք» (“Мер Айреник”), принятие которого в те годы я считаю в чем-то логичным

(реконструкция государственности 1918 года предполагала восстановление символики того периода), и на этом успокоилось. Я имею в виду оценку не политической ситуации в целом, а именно недопустимых явлений и фигур в руководстве музыкальной культурой Армении последних лет. К сожалению, моральной оценки – открытой, общенародной – мы так и не услышали.

...Главное, что я хотел бы сказать о Мирзояне как композиторе, педагоге, общественном и государственном деятеле, человеке, который, фактически, с 60-х до 90-х годов определял всю культурную политику республики в области музыкального творчества здесь и в диаспоре: ***вторая половина XX века в армянской композиторской действительности – это эпоха Мирзояна. Эпоха больших достижений армянских музыкантов.***

Во-первых, это взлет исполнительской школы. Практически все исполнители были связаны с СК, существовала секция исполнителей. Организовывались концертные бригады, гастроли по Союзу и за рубежом. Армянская исполнительская школа стояла очень близко к творческому процессу композиторов, которые адресовали свои произведения конкретным исполнителям.

Во-вторых, это путь армянской композиторской школы в локальном и широком смысле слова. Он направлял творческий процесс не только своего класса, но и, по большому счету, армянской композиторской школы в целом.

В-третьих, Мирзоян был вхож к первым лицам страны и, пользуясь их большим уважением и любовью, решал многие важнейшие проблемы культуры и страны.

В-четвертых, он принимал и принимает активное участие в судьбах людей. Вопросы, связанные с армией, квартирой, устройством на работу, – все, что происходило, решалось либо лично им, либо через него. Другой такой влиятельной личности в Армении я не знаю. Феномен Эдварда Михайловича – в его огромной любви к людям, в готовности помогать всем[71].

И самое главное. Творчество Эдварда Мирзояна сегодня так же востребовано, как и многие годы назад, сегодняшнее поколение музыкантов с упоением исполняет музыку Мастера, находя в ней все то, что волнует молодежь сегодня.

[71] Л. Епремян: Это качество обернулось в определенном смысле против Мирзояна. Я не раз ловила себя на мысли, что не только среди его учеников, но и по большому счету в армянской музыкальной среде в целом немало таких, кто до сегодняшнего дня участие Мирзояна в судьбах множества людей считает его прямой обязанностью, не считаясь ни с отставкой с должности председателя СКА, ни с возрастом маститого композитора. Мне просто больно наблюдать, как 40, 50, 60 и даже 70-летние профессионалы, застряв в юношеском возрасте, от 90-летнего Эдварда Михайловича требуют всенепременного интереса к их творчеству и активной пропаганды их произведений на международном уровне. Он обязан всем и каждому – ему никто и ничем?..

Эрнест Дулгарян
/студент композиторского отделения ЕГК/:

"...Эдвард Мирзоян никогда не говорил мне, что то сочинение, над которым я работаю, неудачное, даже если это так. Он хочет, чтобы я сам в этом убедился, хотя бы и ценой потери времени, долго работая над произведением. И делает это для того, чтобы у меня самого не осталось никаких сомнений.

...Самый важный принцип в методике преподавания Эдварда Мирзояна заключается в том, что свой стиль композиции он никогда не навязывает студентам, и я высоко ценю, в первую очередь,

[72] Фрагмент из студенческого сочинения по предмету "Педагогика" (педагог – Л. Епремян) на свободную тему "Мой любимый Учитель (личность и методика преподавания)".

Делегация СК Армении в Польше, 1968 год (слева направо): Авет Тертерян, председатель СК Польши Казимеж Сикорский, Эдвард Мирзоян, Адам Худоян, Александр Арутюнян, Григор Егиазарян, Лазарь Сарьян, Тигран Тер-Мартиросян

1960

Г л а в а 1 3

В точке золотого сечения

В январе 1960 года на Всесоюзном пленуме СК СССР произведения армянских композиторов подверглись уничтожающей критике. По этому поводу гневной, обличительной статьей в адрес армянской критической мысли откликнулся Эдгар Оганесян:

“Музыкальная критика, если она действительно находится на высоте, должна уметь вести творческий разговор с композитором на равных, приветствуя новое и истинное (ճշմարիտը)*, отмечая устаревшее и бездарное. Пытается ли, хочет ли наша критическая мысль достичь таких высот? Если да, то почему тогда она осталась так холодна и равнодушна к важнейшим для развития нашего искусства “коллизиям”, происшедшим, например, в композиторском “сезоне” 1947 года, когда появились Квартет Э. Мирзояна и “Полифоническая соната” Бабаджаняна? Почему эти произведения со свежим кругом музыкальных образов и новым языком ей показались “подозрительными”? И когда на “Музыкальной весне” 1958 года они были “реабилитированы”, разве не вызвало это запоздалого сожаления некоторых наших музыкантов, особенно тех, кому и раньше нравились Квартет Мирзояна и Соната Бабаджаняна, но кто во избежание “головной боли” и не пытался выразить свою позицию.*

Я напоминаю об этом отнюдь не из “злопамятства”, а потому, что история, как будто, повторяется. Наши критики недавно вновь столкнулись с подобной “коллизией”. И снова промолчали.

<...> Как известно, прозвучавшие на пленуме СК СССР 1960 года новые произведения армянских композиторов вызвали довольно сложную и неоднозначную реакцию музыкальной общественности. Однако значительная часть наших критиков, набрав в рот воды, не проронила ни слова. Иные, по-видимому, немного испугавшись, вновь стали рьяно (օձիք թափ տալով) *выискивать бациллу модернизма в этих сочинениях. Это были именно те критики, которые в свое время обнаружили “импрессионизм” у Егиазаряна, а в Квартете Мирзояна – целые пласты формализма. Кстати, еще раньше они посчитали, что Арам Хачатурян чуть ли не искажает армянский мелос, но хорошо еще, вовремя спохватились, что переходят все границы...*

Однако некоторые из критиков, не отрицая ряда недостатков новых сочинений армянских композиторов, тем не менее, по достоинству оценили эти произведения, отметив в них яркость и смелость творческого поиска, широту тематических обобщений. Но эти критики были откровенны, как правило, лишь в кулуарных беседах, а не на страницах прессы. И когда прозвучавшие на пленуме оценки стали корректироваться, многие из них только тогда нашли в себе смелость громогласно выразить свою позицию"[73].

Излишне говорить, что борьба за честь мундира армянской композиторской школы, в первую очередь, легла на плечи председателя СК Армении, который с присущим ему дипломатическим даром взялся за дело. Не оправившись еще от нападок, морально уничтоженный, Джон Тер-Татевосян предупреждает учителя и друга, адресуя ему совет Шостаковича: "Самое главное: на пару дней сюда /*в Рузу*/ приезжал Шостакович, приезжал к Лебединскому /*Лев, музыковед*/. Он посоветовал: "Передайте Мирзояну, чтобы не предпринимал никаких контрмер, сейчас не время – надо подождать". Мне кажется, он прав, поскольку имеет достаточный опыт в этом "пресловутом" деле"[74]. Известно, с какой болью отреагировал Дмитрий Дмитриевич на это событие: он срочно попросил ноты и, ознакомившись с Сонатой для скрипки Бабаджаняна и Второй симфонией Тер-Татевосяна, предсказал этим сочинениям большое будущее.

Совершенно очевидно, что Союз композиторов Армении и, в первую очередь, молодое поколение композиторов и музыковедов работает в этот период как одна команда, когда творческий успех, равным образом как и неудача каждого члена СК, воспринимается как частица в единой мозаике армянской композиторской школы. Слишком большой груз исторической смены культурных и эстетических приоритетов непосилен для одинокой личности – шквал взрывного потока новой энергии середины века, получив мощнейший импульс современного западного авангардизма, не идет по пути простого копирования, а создает новую эстетику XX века.

На пленуме 1962 года секретарями СК были избраны Эдгар Оганесян и Авет Тертерян, которые внесли свои акценты, свои приоритеты, свое видение путей развития национального композиторского искусства. Любопытно в этом смысле письмо Эдгара Оганесяна, где есть оценки музыкальных событий, обстановки, конкретных сочинений...

[73] **Հովհաննիսյան Է.**, Բարձր իրավունքների և... նվազ կարողությունների մասին: //«Սովետական արվեստ», 1961, №9, էջ 166 (թարգմանությունը՝ Լ. Եփրեմյանի):
[74] Из письма Дж. Тер-Татевосяна Э. Мирзояну от 31.03.1960.

1960-е годы, Крым (Судак)
Эдик ջա՛ն (джан)!

Не моя вина, что мы не попрощались. И не твоя, конечно. Мне не хотелось делать это в кабинете, в присутствии Самсона /*Гаспарян, музыковед*/, Артака /*Тоникян, зав.муз.отделом Управления по делам искусств*/ и др., – это обязало бы меня пожимать им всем руки, что не соответствовало бы моему настроению... Но не это важно. Важно то, что мы не успели поговорить, а мне кажется, было о чем. На меня очень подействовало твое настроение. Надеюсь, с окончанием "Весны" /*фестиваль "Закавказская весна"*/ ты войдешь в свою постоянную форму. Я уверен, что тебя расстраивали не столько деловые моменты – люди, организация и т.п., сколько "анушаваны" и прочие. Что же делать... Вдобавок ко всему, у тебя, наверное, такое ощущение, что в ответственный момент все друзья покинули тебя. Но могли бы արդյոք /*ли*/ друзья помочь? Вряд ли. Только минимально. Когда я перед пленумом, зимой, пытался что-то делать, – только путал все... Уж такова система: кто начал, тот и должен доводить до конца.

Тем более, когда я сравнивал свои "переговоры" с Филармонией и твой разговор с Наром Ованесяном /*певец*/, – это земля и небо. Я, ախպեր /*брат*/, так не умею. Не получается. Или – когда ты был в Тбилиси, а я пошел в Управление /*по делам искусств*/, на комиссию, – я был искренне убежден, что по итогам пленума самое главное – это выхлопотать все, что можно, авторам симфоний. А остальные – мне казалось, получили если не больше, то не меньше того, что заслужили. Выяснилось, что я не прав... Обиделись: Нагдян /*Степан, композитор*/, Читчян /*Гегуни, композитор*/ и еще кто-то. Видимо, мне не хватает каких-то качеств, в одном случае – я думаю не так, в другом – я не умею говорить и т.д. Так что от меня помощь могла бы быть мизерная.

Но я уверен, что обсуждение "Весны" совершенно изменит твое настроение, я думаю, что армяне заслуживают высокой оценки, и тебе это будет приятно услышать от гостей. Кстати, если ты наконец соберешься и напишешь мне, – обязательно вкратце опиши обсуждение. Очень интересно. Я буду в Москве числа 8 июня, так что у тебя будет время и отдохнуть после горячки, и написать, и отправить. <...>

Должен честно признаться, что на этот раз симфония /*Вторая*/ Джона /*Тер-Татевосяна*/ мне понравилась меньше... Вообще в симфонии есть "шапкозакидательство", лихачество. Может быть, и ты, и даже он отлично знаете это. Но, может быть, вы оба настолько привыкли к музыке симфонии, что не замечаете. Поверь моему свежему уху. И еще – внешне симфония выглядит очень профессионально, а на самом деле там есть некоторый дилетантизм.

Соната, вернее, Партита Арно на сей раз тоже понравилась мне меньше. Прекрасно выглядел трубный концерт Котика. И твой

Квартет. Эти сочинения – уже настоящий ***фонд***. И романсы К. Закаряна /*Каро*/ тоже. И «Այգեկութ» (“Айгекут”) Сарьяна /*Лазарь*/. У Э. Багдасаряна /*Эдуард*/ очень хорошая, теплая, содержательная Рапсодия. Скучновата только немного. Жаль, что не слушал последний симфонический концерт – хотелось бы проверить впечатления.

О Джоне я написал так резко только из самых хороших пожеланий. Не люблю лихачества в музыке. Кроме того, что хочется увидеть в музыке плоды размышлений и переживаний, – хочется еще, чтоб эти мысли и чувства представляли интерес**.** Если ты скажешь, что я слишком строг, – я отвечу, что Джон заслужил строгое отношение к себе, и это его завоевание.

Ну, будь здоров. Пиши. И если не растерял мои другие письма, ответь, пожалуйста, “елико возможно”.

Что делает Тертерян /*Авет*/? Пишет ли музыку? Привет всем. Лялю еще раз поздравь с окончанием /*музыкального училища имени Р. Меликяна, отд.хорового дирижирования*/.

Гарик /*Эдгар Оганесян*/

Когда знакомишься с биографической хроникой Мирзояна 60-х годов, понимаешь, что, по крайней мере, несколько событий этого периода иначе как его победой – яркой, крупной, безусловной – не назовешь: открытие ДТ в Дилижане, ереванская и всесоюзная премьеры Симфонии для струнных и литавр, председательство СК СССР в Москве в период исторических концертов в России Игоря Стравинского, гастроли с квартетом имени Комитаса в США и встреча с Президентом Кеннеди в Белом доме, дни Бриттена в Дилижане, премьера Виолончельной сонаты в Москве в исполнении Ростроповича и автора и ежедневная, ежечасная работа с людьми депутата, педагога, председателя СК, Народного артиста Армении.

Своебразный “ход конем” Т. Хренникова осенью 1962 года – назначение Эдварда Мирзояна и.о. первого секретаря СК СССР в период гастрольного турне Стравинского в Москве и Ленинграде. В непростой с политической точки зрения ситуации (Стравинский воспринимался властями как эмигрант, бежавший от коммунистического режима, хотя сам Игорь Федорович это категорически отрицал) Хренников обеспечил гениальному музыканту прекрасный прием, доверив это дело человеку, известному своими организаторскими способностями.

Мирзоян стал для Стравинского одним из символов советской страны, ее он узнавал и благодаря музыке этого молодого армянского композитора. По поводу и без повода реагируя на все детали исполнения Робертом Крафтом авторской концертной программы, высказывая свои соображения о музыке Шостаковича, Стравинский молча, не обронив ни слова, прослушал Симфонию Мирзояна, стараясь угадать вектор культурного развития покинутой им некогда Российской империи, такой многообразной в проявлении национальных культур.

Москва, сентябрь 1962 года, на спектакле трех балетов Игоря Стравинского в Большом театре. На втором плане – Клара Хренникова /супруга Т. Хренникова/

А когда в один из майских вечеров 1963 года в Загребе, при очередной встрече уже хороших знакомых, Стравинскому надо было идти на репетицию “Потопа”/*музыкальное представление для чтецов, солистов, хора, оркестра и танцоров (1962)*/, он буквально плюнул на все ради дружеской болтовни с Мирзояном и музыковедом Иваном Мартыновым. За одной, двумя, тремя флягами виски, распитыми в тот вечер, скрывалась большая, неизбывная тоска по возможности ***быть настоящим, “быть со своими”***, забыв о бесконечных кодах культурной коммуникации в огромном изменчивом мире.

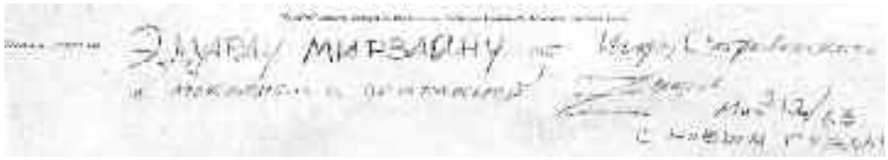
– К черту, к черту! Не пойду на репетицию. Я лучше побуду со своими соотечественниками. Скажите, что идет дождь, не могу...

– Но дождь прекратился!

– Передайте, что у них прекратился, а у нас продолжается!

– Расстались мы после полуночи. Игорь Федорович подарил мне пластинку с записью “Жар-птицы”. Мы были у него 11 мая, и когда под дарственной надписью он ставил дату, я сказал: “Сейчас уже 12 мая – день моего рождения”. Он улыбнулся, поставил дату 12 мая, добавив: “С Новым годом!” И обрадовался собственной находке: “Правда, я хорошо написал?”

Стравинский писал эти строчки тому, кто понимал его без слов и в чем-то был похож на него. Возможно, в умении возводить ***игру*** в категорию высшей философии, ребячество и баловство – в культуру раскрепощенного, не знающего преград полета мысли.



– Стравинскому было за 80 – интеллект его просто сверкал!

Я пишу эти строки накануне 90-летия Эдварда Мирзояна. И так же, как когда-то он сам, восхищаюсь свободой, гибкостью мирзояновского интеллекта... Впрочем, он сохранил и свой талант замечать и восхищаться женской красотой.

– В 1962-ом в Москву приехал 80-летний Золтан Кодай с 18-летней красавицей-женой. Это было необыкновенно впечатляюще. Я хотел поймать ее взгляд, – мне это не удалось, потому что она смотрела в никуда. Годы спустя в Москве, в Колонном зале, ко мне подходит улыбчивая, простая женщина – этой изысканной духовности не было. "Вы знаете, кто я?" Я обалдел. И в разговоре с ней понял, что она на меня тогда тоже обратила внимание...

*М*ирзоян не был бы Мирзояном, если бы не использовал позиции временного Председателя СК СССР во благо своих строительных инициатив. Главная среди них – Дом творчества союзного значения "Дилижан", открытие которого было уже на носу. Композитор, секретарь Союза и заместитель Хренникова Сергей Аксюк очень сдружился с Эдвардом Михайловичем и поддержал ряд изменений в проекте ДК. Например, коттеджи должны были быть покрыты известью, а Мирзоян с Аксюком решили использовать плиты из туфа. Было также решено сдать ДК не в две, а в одну очередь. Под каждым коттеджем построили гараж и т.д. В результате старый проект оценивался в 215 тыс.руб., новый – в 295 тыс.руб. Все это согласовывалось с Аксюком устно, и в результате выросло в без пяти минут уголовное дело.

– В то время, когда я дежурил вместо Хренникова, Сосян приезжает в Москву с новым, измененным проектом. Я заменяю Хренникова, сижу в кабинете заместителя Председателя СК Павла Савинцева, сменившего Сергея Аксюка. Утверждаем новый проект с новыми подробностями: совершенно новые радиаторы, ванны на ножках – опустили в пол, чтобы пожилым было удобно; в столовой – чердак переоборудован в комнаты, внизу бар и т.д. Итак, идет совещание.

Присутствуют: главный финансист СК Генрих Блейз, главбух Лев Радовинский, начальник отдела капитального строительства Михаил Левин и др.

Блейз:

– Кто разрешил представить новый проект?

Я:

Варшава, сентябрь 1961 года, С. Аксюк и Э. Мирзоян

– Аксюк.

Блейз:

– А письменное разрешение есть?

Я:

– Нет.

Блейз:

– А вообще, откуда появился этот новый проект?

Сосян:

– Согласно телеграмме Савинцева.

***Петр Савинцев,* очень интеллигентный человек:**

– Бабкен Михайлович, так Вы же сами позвонили и надиктовали следующий текст телеграммы: "Представьте новую сметную документацию, согласно фактически выполненной работе".

Блейз:

– Да, фактически, мы поставлены перед фактом. Эдвард Михайлович, мы деньги дадим, но лимиты для капитального строительства уже распределены.

В результате на имя Кочиняна я послал телеграмму следующего содержания: "Просим выделить лимит на капитальное строительство в размере 95.000 рублей. Финансирование обеспечивается Музфондом СССР. С уважением секретарь СК СССР Э. Мирзоян". По этому поводу я звоню Кочиняну, он мне говорит:

– Լսի՛, էդ ի՞նչ կարգադրություններ ես տալիս (– Послушай, что ты там раскомандовался?):

– Հայաստանի համար ա արվում... (– Это делается для Армении...)

11.05.1974

Дорогой Эдуард Михайлович!

Слышал и видел на днях Вашу Симфонию с литаврами и Вас по телевидению. Очень рад был вновь встретиться с музыкой, мне близкой всей своей сутью. Послушал и Вас в Вашем немногословии, что тоже мне было приятно. Дурян /*Оган, дирижер*/, мне думается, поступал с оркестром и музыкой хорошо и выглядел достойно. Вспомнил я об Армении, которой проникнута Ваша Симфония, чуть погоревал, много душой отдохнул, и вот шлю эти несколько строк и дружеское спасибо.

Обнимаю Вас. Привет Вашей семье и моим друзьям

С. Аксюк

Симфония для струнных и литавр впервые прозвучала в Ереване 14 февраля 1962 года, в дни Пятого съезда композиторов Армении в исполнении Государственного симфонического оркестра Армфилармонии под управлением Огана Дуряна.

– До сих пор, – говорит Мирзоян**, – с чувством восхищения вспоминаю его блестящую интерпретацию. Не могу не отметить с благодарностью, что по инициативе Дуряна партия литавр в Симфонии была отредактирована, благодаря чему роль литавр в Симфонии возросла. Один из ереванских музыковедов, поздравляя меня, счел нужным поделиться своим впечатлением-предположением, что я написал Симфонию для струнных, так как не имел времени написать ее для полного состава оркестра...**

В одном из телевизионных интервью композитор Тигран Мансурян выделил две главные композиторские премьеры этих лет – Симфонию Мирзояна и Вторую симфонию Дживана Тер-Татевосяна, которые направили вектор творческих исканий современников.

Москва, 1962 год, на Третьем Всесоюзном съезде композиторов, с дирижером Евгением Светлановым после московской премьеры Симфонии для струнных и литавр

На Третьем Всесоюзном съезде композиторов, Москва, 1962 год, Т. Макарова, Е. Степанян-Мирзоян, Г. Свиридов

В тот день, благодаря редкой исполнительской интуиции Огана Дуряна, Мирзоян услышал адекватную авторской интерпретацию своего сочинения и не то чтобы абсолютно поверил в себя как в композитора, нет – это было бы преувеличением – но, по крайней мере, обрел некоторую уверенность. И когда вскоре, перед московской премьерой репетиция под управлением Евгения Светланова практически провалилась, он не впал в отчаяние, а попросил Хренникова снять произведение с концерта: “Если бы я не слышал ереванского исполнения, я бы подумал, что причина во мне”. Светланов, накануне просмотрев прозрачную по фактуре партитуру, решил, что играть там нечего. Но после провала репетиции вопрос исполнения Симфонии стал вопросом чести московского дирижера, который, в течение одной ночи “пропустив ее через себя” и дирижируя наизусть, блестяще провел концерт.

– 28 марта 1962 года, на III съезде СК СССР, в первом отделении концерта состоялась премьера моей Симфонии (и прекрасной симфонии Константина Орбеляна). А во втором отделении играли крупное сочинение Георгия Свиридова – “Патетическую ораторию” на слова Маяковского для голоса, хора и оркестра (1959). Я подошел его поздравить. Он, как мне показалось, совершенно искренне сказал: “Не надо меня поздравлять – это *Вас* надо поздравить”...

23.03.1990

Дорогой Эдвард Михайлович!

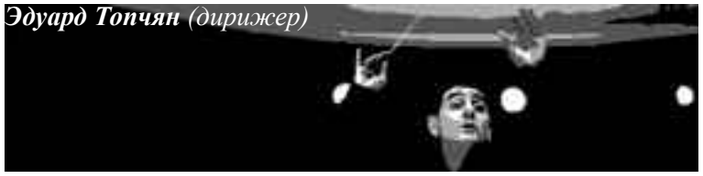
Христос воскрес. Поздравляю Вас с праздником и желаю всякого добра Вам и всем близким Вашим.

Часто Вас вспоминаю. Под старость, когда сито времени просеяло почти весь человеческий материал (тот, что попадался на жизненном пути), труха унесена ветром событий и в душе осталось очень немногое, мне хотелось бы пожать Вам руку и обнять Вас по-братски. Передайте от меня добрые слова А. Г. Арутюняну и Л. М. Сарьяну.

Душевно Ваш ***Г. Свиридов***

P. S. Был на конкурсе армянского хора. Комитас – изумителен! А. Золотов в Минкультуры /*замминистра культуры*/, может, сумеет что сделать?!

Интермедия. ***Эдуард Топчян*** *(дирижер)*



Музыка – зеркало души ее создателя, композитор и его сочинение для меня почти всегда абсолютно совпадают в образе. Божественный смех Моцарта из фильма М.Формана, например, я слышу в его сочинениях. Но с Мирзояном все иначе.

В Эдварде Мирзояне я вижу парадоксальное сочетание противоположных начал. Этот совершенно "советский" человек не должен был, не мог написать симфонию настолько глубокую, настолько драматичную, настолько совершенную, безупречную. Но написал – это факт. И это сделал композитор, который на собственное творчество смотрит сквозь пальцы, не очень серьезно – ведь он очень мало создал произведений. Я как-то задал ему несколько вопросов (а почему тут меццо-форте, а там меццо-пиано; зачем здесь лиги, а там они отсутствуют, зачем штрихи, которые никто не исполняет, и т.д.) и понял, что ему все это по большому счету безразлично. Он мне ответил: "Ты достиг таких высот, что заслужил право исполнять так, как хочешь"... Когда я со своим оркестром "Серенада" впервые сыграл его "Эпитафию", он был потрясен, сказал мне: «Կարո՞ղ ա դուք շատ լուրջ եք վերաբերվել էս գործին: Ես չգիտեի, որ ըսենց բան եմ գրել...» ("Не слишком ли серьезно вы отнеслись к этому сочинению? Я не знал, что написал такое...").

Я считаю Эдварда Мирзояна самым крупным армянским композитором в симфоническом жанре и его Симфонию я ставлю выше всех оркестровых сочинений в армянской музыке.

Могу с уверенностью сказать, что больше меня это сочинение никто не играл – 152 раза, из них 8 – в Армении, остальные 144 – за рубежом. И с "Серенадой", и с Филармоническим оркестром, и с симфоническими оркестрами Германии на лучших концертных площадках Европы. В Италии, Франции, Германии, Греции, Нидерландах, Швейцарии... Дело в том, что когда в 90-х я гастролировал в Европе, пару раз включил в программу Симфонию Мирзояна. И потом, приглашая меня на концертный тур, продюсеры всегда настаивали на этом сочинении. И я играл не только Симфонию, но и "Эпитафию" – раз 100 и Квартет в собственном переложении для камерного оркестра – примерно раз 60.

Но накануне 80-летия Мирзояна у меня с ним возник конфликт – он не поддержал меня в одном очень принципиальном для меня вопросе. И это после всего, что я сделал для пропаганды его творчества! С тех пор и до недавнего времени я принципиально ни одной ноты из Мирзояна не сыграл. Но на недавних гастролях с "Серенадой" в Германии (ноябрь 2009) мне снова заказали Симфонию Мирзояна. Сочинение, видно, отстоялось, и после 8-летнего перерыва вдруг зазвучало совершенно по-новому, я нашел там такие вещи! Был успех не то что феерический, – потусторонний. Люди плакали – те, которые пришли с дисками, с нотами, то есть слышали сочинение не впервые.

Дирижер Э. Топчян в 2011 году дважды блестяще исполнил Симфонию в Ереване с Филармоническим оркестром Армении: на концерте памяти Огана Дуряна и – в числе других сочинений – на замечательно трогательном юбилейном вечере Мирзояна к 90-летию композитора в зале имени А. Хачатуряна[75].

Поговорим о композиторском стиле Мирзояна, который наиболее ярко проявился именно в Симфонии.

Для понимания причинно-следственных связей и той роли, которую сыграло это произведение, важно поместить его именно в тот временной отрезок, в котором оно было создано. Несмотря на дату написания Симфонии – 1962 год, по признанию автора, она была сочинена в 1955 году и неоднократно звучала в фортепианном исполнении автора, формируя армянскую композиторскую мысль этого динамичного и очень непростого времени. Принципиально важно, например, что Симфония Мирзояна стала "повивальной бабкой" для рождения многих сочинений, кардинально отличных по эстетике, к примеру, двух симфоний Тер-Татевосяна, о чем Дживан неоднократно сам говорил.

[75] Вечер прошел под патронажем премьер-министра Армении Тиграна Саркисяна (режиссер Виген Чалдранян).

По установившейся традиции стиль сочинения однозначно характеризуется как ***неоклассический***[76]**.** Однако спустя полвека после создания Симфонии, как мне кажется, возможна некоторая переоценка подходов. Важно, что в Симфонии, как и в каждом сочинении этого композитора, есть несколько возможных слоев, которые провоцируют неоднозначность, амбивалентность трактовок и интерпретаций исполнителей, критиков, слушателей. И ***все эти трактовки допустимы***. Вопрос лишь в том, чтобы не останавливаться на единственном ключе, уловить философское понятие "сложности" как многомерности, многослойности явления подобного масштаба.

Как мне кажется, "неоклассицизм", к которому однозначно отнесено творчество Мирзояна, не только не раскрывает сути его творчества, но уводит от ее действительного понимания. Неоклассическая композиционная организация Симфонии Мирзояна, с моей личной точки зрения, – это некий компромисс, недовысказанность той эстетики, к которой она ведет.

Как отмечает М. Арановский, для армянского симфонизма Симфония Мирзояна означала переход на новый этап развития, а для советского симфонизма в целом – первую попытку "камернизации" жанра. Однако, подчеркивает исследователь, хотя Симфония Мирзояна содержит тенденцию "камернизации", причислить ее к жанру камерной симфонии все же нельзя, поскольку в четырех частях сочинения воспроизводится вся система оппозиций и отношений классического симфонического цикла[77]. То есть мы имеем некий промежуточный, переходный вариант, который под категорию чисто камерной симфонии не подпадает и образует, тем самым, ***особый тип жанра***, новую концепцию этого жанра как реакцию на гегемонию "большой симфонии".

Однако это не единственный признак стилевой неоднозначности сочинения Мирзояна. Известно, что неоклассицизм возник в начале XX века как антитеза к романтизму. Возник как искусство внеличное, объективированное, отрицающее субъективный психологизм романтической Личности.

Но сам Мирзоян, говоря об истоках Симфонии, однозначно называет, по крайней мере, один из этих истоков – П. И. Чайковского, первые такты его "Серенады". Это абсолютно другой, диаметрально противоположный неоклассицизму семантический полюс. Полюс ***романтического*** мироощущения как свободы экспрессии. Свободы, максимально приблизившей эпоху экспрессионизма и многослойности малеровского романтизма. "У Малера, как ни у кого другого, проявилось то, что можно назвать – проблемность, многослойность музыкального слышания (он действительно умел

[76] См. исследования М. Арановского, М. Рухкян, Н. Шахназаровой, С. Саркисян и др.

[77] Арановский М. Симфонические искания. М., 1979, с.182.

"видеть бездны там, где видятся "банальности")"[78]. Любимый герой Мирзояна – Чаплин с его многослойной фактурой трагикомизма и романтической беспредельностью аллюзий – тоже один из ключей к стилистической картине Симфонии.

Эдвард Мирзоян – ***романтик экзистенциального толка.*** Вслушайтесь: туда, в абсолютную раскрепощенность чувств ведет открытая им дорога. С "отпущенными вожжами" хотя бы на мгновение Мирзояна сыграть невозможно. Оголенный нерв эмоций, иступленная боль переживаний – это, скорее, почерк экспрессионистский, чем неоклассический. Редчайший дар Мирзояна – в умении заглянуть в бездну трагического, увидеть в ней такую глубину, которая стала подлинным открытием в мировой музыкальной философской мысли. Симфония – она как землетрясение в душе композитора, как отпечаток глубокой душевной трагедии, осмысленной в новую философскую концепцию.

Но как же ликующий (ճաճանչափայլ) финал его Симфонии? – удивится читатель, – как же фанфарный блеск моторного жизнеутверждающего happy-end-a?

Мне слышится в них нечто иное. Принципиально важно, что драматическая линия в Симфонии, с моей личной точки зрения, понастоящему не преодолевается. Оптимистический финал дается лишь в сопоставлении, как другая сторона жизни, как вдохновленный романтикой исторического момента путь к "счастью завтрашнего дня". Конфликт не разрешается – он либо забивается внутрь, либо "забывается" (в психоаналитическом понимании – вытесняется) автором. Он видит бездну – и уходит от этого видения, не преодолевает, а "забалтывает" его в спасительной динамике традиционно трактованного финала, в позитивной энергетике общих форм движения и – да! – классических интонационных формул с моторикой утверждения Жизни и Бытия.

Весьма показательна в этом смысле наша короткая беседа с автором, которая состоялась в 2000 году, на следующий день после концерта в зале Оперного театра, где художественный руководитель Камерного оркестра Армении Арам Карабекян исполнил финал Симфонии. Я спросила Эдварда Михайловича:

– Как Вы относитесь к исполнению финала Симфонии в отдельности?

– В первый раз я услышал его в Орджоникидзе в исполнении Гергиева, и второй раз вчера сыграл Карабекян – публика оба раза так тепло встречала! Хотя с первыми нотами финала я подумал: «Ի՜նչ հիմար երաժշտություն ա…» ("Какая глупая /пустая/ музыка!.."). **Но были овации, которые я целиком отношу к мастерству исполнителей...**

[78] Губайдулина С. Дано и задано. // "Музыкальная академия", 1994, N3, с.1.

Пусть кто-то услышит в этих словах кокетство и даже позу. Для меня же в них – признание некоего идейного и стилистического компромисса в финале, где, оперируя неоклассическими формулами, автор сознательно закрыл себе путь к эстетике, которая лежит в основе трех предыдущих частей, в общем-то близких по семантике острого драматизма и особому – выходящему за пределы неоклассического, – накалу этого драматизма. Ведь неоклассицизм обращен далеко не к эпохе позднего Моцарта или предвосхитившего романтизм позднего Бетховена. Барокко, рококо и период раннего классицизма – на мой взгляд, обманчивые стилистические ориентиры в оценке музыки Эдварда Мирзояна.

Тем самым, подобно тому, как, сохранив структуру традиционного симфонического цикла, Мирзоян предвосхитил рождение камерной симфонии, так и в неоклассической модели он вышел за ее пределы в сферу глубокого психологизма.

На первый взгляд, драматизм – не совсем корректная характеристика второй части Симфонии, которая часто воспринимается как отдохновение между напряженными I и III частями, как типично мирзояновская склонность к шутке виртуозной легкости. Но до сих пор Эдвард Михайлович сокрушается, что не сохранилась запись сочинения в исполнении Давида Ханджяна[79].

– Как он сыграл вторую часть! Как угадал гротеск, саркастичность интонации с самых первых тактов этой музыки! Так своеобразно, как Ханджян, мою Симфонию никто не играл...

Получается, что экспрессивная метаморфоза детской песенки «Քեռին էկավ մեր բակը» (“Керин екав мер бакэ” / “*Дядя к нам во двор зашел”*/) не вырастает из первоначального образа шутки и озорства, а несет в себе заряд драматизма с самого начала. Кстати, известна ироничная сарьяновская (Лазарь С.) интерпретация этой песни: «Ստալինն էկավ մեր բակը» ("Сталин к нам во двор зашел"), очень далекая от шуточной. Зато гениально шутит на эту тему сам Мирзоян:

– Как-то с ребятами идем по улице, слышим, кто-то напевает песню «Քեռին էկավ մեր բակը» (“Керин екав мер бакэ”). Я говорю: «Տեսա՞ք, իմ սիմֆոնիան ինչքան պոպուլյարնի ա» (“Видите, как популярна моя Симфония?!”).

Еще один штрих по поводу образного содержания Симфонии, кстати, посвященной памяти отца, Микаэла Мирзаяна, который скончался в 1958 году, то есть спустя четыре года после фактического создания произведения. В курсе музыкальной психологии, который я веду в Ереванской консерватории, есть эксперимент, в котором студенты произвольно рисуют под музыку. Идея эксперимента заключается в

[79] – Эдвард Михайлович, как Вы могли не позаботиться о записи исполнения Давида Ханджяна?! – Ըտենց բաներով զբաղվելու համար ես պտի ունենայի իմ տաղանդի բնզդարնի վարիանտը: Լավ էր (Чтоб думать о таких вещах, надо было обладать бездарным вариантом моего таланта. Здорово сказал?) 31.07.2010:

том, чтобы студенты ощутили кардинальное отличие прослушивания музыки в чистом виде и с карандашом в руке. В первом случае установка слушателя – через призму собственного восприятия проникнуть в таинство ***музыкальной идеи композитора***, во втором же слушатель через музыку автора, ведомый им, ***слышит именно себя, проникая в собственное бессознательное***. Два автора – Чайковский и Мирзоян – своей открытой эмоциональностью кажутся мне наиболее подходящими для этого опыта. И когда я ставлю Симфонию Мирзояна, в значительном количестве музыканты рисуют Геноцид, либо трагедию личного порядка («կարծես ինչ-որ բան կորցնում ես...»), одновременно поражаясь, почему их рука вывела именно эту картину – ведь в Симфонии дан такой оптимистический выход. И добавляют:

– Сегодня нам открылся совершенно иной Мирзоян...

Именно в общении со студентами я обнаружила характерное качество Симфонии: семантика произведения настолько неоднозначна, что каждый слушатель при каждом новом прослушивании сочинения выстраивает собственную цепь многомерных, часто взаимоисключающих символов: от гнетуще-трагических («ճնշում ա...») до ликующе-восторженных.

В чем истоки драматизма его музыки? Пытаясь ответить на этот прямой вопрос, Эдвард Михайлович почти всегда говорит о войне 1941 года.

– Войну я переживаю до сих пор, причем не как воспоминание, а как реальность. “Антуни” в Квартете 1947 года появилась не случайно...

Это важно для понимания его искусства. Но даже зловещий знак разрушительной силы в VII симфонии Шостаковича не так однозначен, как излагается в учебниках по истории музыки. У Мирзояна же принципиально нет однозначных музыкальных формул. Все формулы у него не знаки, а символы, бесконечно широкие по смысловым горизонтам. Они не событийны, а чувственны. Открыто, откровенно чувственны в самом высоком, романтическом значении этого слова. Творческое видение Мирзояна глобально, но сам композитор никогда не ставит перед собой масштабных задач передачи мировых катаклизмов, великих социальных потрясений, разрушительных стихийных бедствий. По-настоящему в творчестве его интересует ЧУВСТВО, ЛЮБОВЬ как высшее проявление человеческих эмоций. Трагедия любви, умение гореть и сгорать, отчаиваться и заряжаться любовью, признавая ее высший авторитет. Показателен в этом смысле ответ Мирзояна на мой вопрос:

– Если бы Вы были режиссером, какой сюжет бы выбрали для фильма или спектакля?

– Самый простой – о человеческих взаимоотношениях...

И творчество его срежиссировано именно в этом ключе, дорастая до глобальных обобщений.

Отчетливо, во весь рост встает важнейшая тема его творчества – Армения и армянство. В последнем на сегодняшний день сочинении для хора, “нащупывая” текстовые варианты, автор проговаривал свою сверхидею: «Օ՛, իմ հայրենիքը...» (“Родина моя...”)

Творчество этого Мастера – типичный продукт XX века с притягательной силой ***синтеза*** многих направлений. Мирзояна невозможно понять без стилистических арок “договаривания романтического века” Малера, без неофольклорных открытий Стравинского, Бартока, без эпического симфонизма, чувственного колорита, гармонических открытий и тематизма Хачатуряна, без концептуализма Шостаковича, без импрессионистической звукописи Романоса Меликяна, без неоклассических и авангардных опытов Прокофьева, без сонористических, символистских экспериментов западного и советского авангарда... Главной же, магистральной традицией его искусства стала космогония ***Комитаса*** как “ядерного комплекса”, квинтэссенции национально определенного в армянской музыке, которая совершенна в своей классической уравновешенности и простоте, но глубоко экспрессионистична по силе эмоционального воздействия и планетарному ощущению экзистенциального предела. По полифонической, многослойной природе армянской монодии и предельной избирательности и концентрации средств выражения. Тем самым, именно ***синтез*** – знамение второй половины XX века – традиций в их новаторском осмыслении дал в Симфонии Мирзояна то необычное качество, которое сделало это сочинение знаковым в истории армянской музыки.

26.05.1974

Дорогой Эдик!

Прошло уже много времени с тех пор, когда передавали у нас по телевизору исполнение Вашей Симфонии. Но я хочу, хоть с запозданием, написать Вам о своем впечатлении. Ваше небольшое устное выступление было очень удачно. Мне было очень приятно увидеть после большого перерыва дорогую для меня “физию”. Симфония опять произвела на меня большое впечатление, да и исполнена она была очень хорошо (молодец Дурян). В ней все, что ждешь от современного произведения: подлинная художественная новизна, свежесть, оригинальность мысли, интонационная жизненность. Многое можно сказать, но этим ограничусь.

К сожалению, некоторые произведения на /*Пятом*/ съезде композиторов (правда, я мало слушал, так как болел) произвели на меня другое впечатление: вычурное, сухое оригинальничанье без настоящего внутреннего смысла. Мне в мои старые годы трудно судить о подлинном и поддельном новаторстве – боюсь ошибиться. Но Ваша Симфония дает хорошую проверку: уж слишком очевидная (вернее, слышимая) разница между тем и другим, и мне кажется, что я не совсем “отстал от века”, если ее усматриваю.

Хочу еще раз поздравить Вас с созданием превосходного произведения и пожелать Вам новых творческих успехов. Обнимаю и целую Вас, дорогой Эдик

Старый хрыч ***Ю. Тюлин*** /*Юрий, музыковед*/

Передайте сердечный привет Вашему семейству.

Арам Карабекян (дирижер):

“Моя первая встреча с творчеством Эдварда Мирзояна произошла в начале 1970-х в Бостонской консерватории. Я тогда только поступил на I курс, меня обуревала жажда знаний, открытие новых миров в искусстве и творчестве. В консерватории была роскошная библиотека нот и пластинок, представляющих разные культуры. Естественно, я, в первую очередь, заинтересовался, есть ли там раздел с названием моей исторической родины. Есть! Вот пластинки с записями сочинений Хачатуряна, Комитаса, Алана Ованеса. А это что-то незнакомое: “Эдвард Мирзоян. Симфония”, красочная обложка с иллюстрацией Сарьяна. Но все по-русски, ничего нельзя понять. Я взял этот диск домой. Мой старый проигрыватель, которым я очень гордился, был тотчас же приведен в действие. И первые же аккорды сочинения заворожили. Долгое время я находился под глубоким впечатлением от этого произведения. Так я познакомился с творчеством Эдварда Мирзояна. Тогда я не мог предполагать, что уготовила мне судьба. Что спустя почти десятилетие (после шести лет учебы в консерватории и трех с половиной лет стажировки в Европе) я снова вернусь в США, организую свой оркестр и в первом же концертном сезоне исполню это сочинение.

...Когда в мае 1984 года я со своим оркестром “Симфонова”

...с председателем Конституционного суда Гагиком Арутюняном после концерта Камерного оркестра Армении под управлением Арама Карабекяна, 2000-е годы

впервые играл Симфонию Мирзояна, ко мне за кулисы зашел редактор газеты “Айреник” Оган Бальян. “Я и раньше слышал Симфонию и очень люблю это произведение, – сказал он, – но только сегодня впервые со всей отчетливостью понял: она об истории нашего народа. Я собираюсь посвятить этому большую аналитическую статью”. Его слова дали мне совершенно новый ключ к осмыслению произведения: этот четырехчастный эпос характеристичен одновременно и для Мирзояна, и для всего нашего народа: ведь мы полярны в своем эмоциональном выражении.

Глубоко драматичная, полная трагизма первая часть проникнута идеей протеста, волевого противостояния. Комедийная режиссура второй части (юмор – одна из ярких особенностей композиторского почерка Мирзояна) с элементами сарказма, которая в итоге снова перерастает в состояние глубокого драматизма. Драматическая экспрессия в третьей части достигает кульминации, своего рода предела, и этот эмоциональный взрыв остается без ответа: ответа нет – это состояние просто прерывается оптимизмом четвертой части, богатой трагическими реминисценциями... Симфония Мирзояна, хоть и написана для камерного состава, по философскому масштабу мироощущения до сегодняшнего дня остается одной из самых ярких страниц мирового симфонического искусства”[80].

*Д*о сегодняшнего дня творчество Эдварда Мирзояна проходит испытание на востребованность. Перед самым его 88-летием, 4 мая 2009 года в зале имени Хачатуряна в исполнении оркестра Мариинского театра под руководством Валерия Гергиева прозвучала Симфония для струнных и литавр. Публика в битком набитом филармоническом зале слушала сочинение будто впервые, заряженная энергетической мощью композиторской мысли и масштабом исполнительского откровения. Книга эта уже была закончена, и я сверяла свои представления о Симфонии с прочтением Гергиева. Мне показалось, что моя интерпретация Симфонии не противоречила прочтению Гергиева – экспрессия образного содержания Симфонии в гергиевском понимании потрясала глубиной экзистенциального предела...

Символично, что совместно с оркестром Гергиева выступил Молодежный симфонический оркестр Армении (художественный руководитель и дирижер Сергей Смбатян) – коллектив, который неоднократно играл это сочинение в разных странах. Я беседовала с юными оркестрантами – моими студентами в консерваторском классе: они влюблены в это сочинение, именно “влюблены” – это очень точное определение.

Сергей Смбатян: “К Симфонии Мирзояна у нас отношение совершенно особое. Это великая музыка, в которой при каждом исполнении обнаруживаешь новые, неизведанные глубины – погружение в них по-настоящему интересно. И хочется играть ее снова и снова”...[81]

[80] Из беседы с автором (в переводе с армянского).

2006, Монреаль

Дорогой Эдвард Михайлович!

Посылаю Вам компактный диск с записью Вашей замечательной Симфонии, которая была произведена Radio Canada на концерте моего оркестра I Musici de Montreal в январе 2006 года и совсем недавно транслировалась по всей Канаде. Успех был замечательный. Все – и публика, и музыканты буквально влюбились в Ваше произведение, и мы должны были бисировать Финал! Я сам ужасно счастлив, что мне удалось его продирижировать. Спасибо Вам большое за все!

Преданный Вам

Юлий Туровский
/основатель и главный дирижер
камерного оркестра I Musici de Montreal/

80-е годы, Петрозаводск

Глубокоуважаемый Эдуард Михайлович!

Спасибо Вам большое за теплые слова и поздравления! Вместе со мной Вас сердечно благодарят музыканты оркестра, которые с наслаждением играли Вашу Симфонию и так же, как и я, были очень огорчены тем, что Вы не смогли приехать к нам. Мы ждали Вас до последней минуты, а вся публика была уверена, что Вы в зале, и по окончании Симфонии аплодисментам не было конца. Вызывали автора, но все овации и цветы достались дирижеру Чивжелю */Эдуард, главный дирижер Петрозаводского филармонического оркестра/* (хотя частично он, безусловно, их заслужил). Симфонию записали на радио, сделали большую радиопередачу о ней. <...>

С глубоким уважением

Н. Салнис */Наталья, музыковед/*

“До сих пор под огромным впечатлением нахожусь от Симфонии для струнного оркестра Э. Мирзояна. Это огромный успех композитора, нашей советской музыки, успех музыки Советской Армении и, я думаю, что огромный успех всей нашей Советской Родины и нашей музыкальной политики”[82], – так отозвался об этом сочинении Дмитрий Шостакович, главный реформатор симфонического жанра в масштабах мировой композиторской мысли, который по-новому открыл для себя в эти годы и армянское искусство, и армянскую природу, и людей, притягательных и интересных.

[81] Фрагмент из телевизионного интервью Сергея Смбатяна (телеканал “Арарат”, 2010).
[82] “Известия”, 30.03.1962.

На берегу Севана, июль 1964. Эдвард Мирзоян, Дмитрий Шостакович и Лазарь Сарьян

Дилижан, 1964. Лазарь Сарьян, Эдвард Мирзоян, Дмитрий Шостакович, Григор Егиазарян

Гегард, 1965
Александр Мнацаканян, Эдвард Мирзоян, Дмитрий Шостакович, Ирина Шостакович, Бабкен Сосян

– Когда с трибуны съезда прозвучали слова Шостаковича, Антон Ервандович /*Кочинян, председатель Правительства Армении*/ **пригласил меня в свой гостиничный номер и с рюмкой коньяка в руках произнес: “Эдик джан, сегодня ты доказал, что работаешь председателем Союза композиторов не оттого, что не можешь писать музыку, а потому, что служение людям считаешь своей обязанностью” («պարտքդ ես համարում»)**[83].

Той топографической точкой, в которой Армения и Шостакович судьбоносно пересеклись и в которой искусство и жизненное пространство были абсолютно синонимичны, стал Дилижан, куда Дмитрий Дмитриевич приезжал четыре раза и где были написаны Девятый, Десятый квартеты, музыка к “Гамлету” и другие сочинения.

– Во время завтрака я вижу, – рассказывает Мирзоян, **– что Дмитрий Дмитриевич чем-то очень взволнован. Я обещал, что никто его не будет беспокоить: “Дмитрий Дмитриевич, Вы будете окружены таким вниманием, что не будете чувствовать, что окружены вниманием”.**

– В чем дело? – спрашиваю.

– Один молодой человек начал задавать мне такие вопросы...

– Какие вопросы?

– Как, спрашивает, Вы пишете музыку?

– Ну и что Вы ему ответили?

– Беру перо и бумагу, макаю перо в чернильницу и пишу нотные знаки.

– И что, отстал он со своими вопросами?

– Нет, – нервно подергиваясь, продолжал Дмитрий Дмитриевич. – Что, говорит, Вы больше любите – небо или море? Я ответил, что люблю и небо, и море. Но, говорит, что Вы любите больше, ведь нельзя же одинаково любить и то, и другое. А я вот, представьте, люблю и то, и другое в равной степени.

И он поднес руку к щеке в знак высшего волнения.

– Да-да, и то, и другое. И небо, и море – все люблю, – произнес он, чуть не всхлипывая.

“Шостаковичу, – вспоминал Лазарь Сарьян, – были по душе частые перемены погоды, столь характерные для климата Дилижана.

---

[83] Рассказывая это в октябре 2009 года, Мирзоян расплакался от глубокой обиды, столько лет затаенной в сердце: «Նախկին կոմպոզիտոր» (“бывший композитор”) – одна из наиболее обидных, издевательских реплик в адрес Мирзояна в период острой фазы конфликта в СКА. И не только этого времени: уже накануне издания книги мне поведали “важную информацию” – ты даже не знаешь, говорили мне, что Мирзоян свою Симфонию просто записал, а придумал ее совсем другой композитор! Я онемела от зверской силы этих клеветнических конструкций. Его пытались уничтожить – он оказался самым исполняемым современным армянским композитором. Тогда решили очернить то, что, слава Богу, отнять невозможно – Творчество, самую суть пророческого присутствия Мирзояна в этом жестоком и бездарном обывательском мире...

Ярко-синее небо вдруг заволакивали грозовые тучи. Молнии и гром, по-особому раскатистый в горах, видимо, импонировали какой-то его "душевной струне". Однажды Мартирос Сарьян из соседнего коттеджа наблюдал, как в течение всей грозы Дмитрий Дмитриевич, будто слившись со стихией, простоял на балконе. Прояснилось. Засияло яркое солнце. И только тогда композитор вошел в комнату..."[84]

22.04.1963

Дорогой Эдуард Михайлович!

Очень жалею, что не смогу послушать сегодня Вашу прекрасную Симфонию, которую я полюбил сразу же, познакомившись с ней.

Горячо желаю Вам большого успеха. 1-го июля мы собираемся приехать в Дилижан. Если можно, устройте нам там коттедж. Крепко жму руку

Ваш ***Д. Шостакович***

С легкой руки известного музыковеда Юрия Николаевича Тюлина дилижанский ДТ приобрел новую аббревиатуру – "райком" (рай композиторов), которая точно выражала царящий там дух и стремление в ДК всей творческой элиты страны. Когда листаешь письма со всего света с благодарностью за прекрасно проведенные дни в дилижанском Доме творчества, возникает ощущение, что чуть ли не единственным занятием Мирзояна были беспечные кутежи на лоне природы, бесконечные гости и обильные застолья. Но Дилижан становится одной из главных составляющих дипломатического дара Эдварда Михайловича, который будто поставил перед собой цель – ***влюбить в Армению мир передовой творческой мысли***, мир изумительного, отборного человеческого материала. Лучшие умы России и Запада становятся доступны и близки армянским музыкантам, всей творческой интеллигенции Армении. И ***"позитивный имидж Армении"*** (А. Киракосян) растет с каждой подобной инициативой. Очень и очень жаль, что из ДТ в Дилижане пропала уникальная Книга отзывов с посвящениями многих мировых знаменитостей: Мартироса Сарьяна (с карандашным пейзажным наброском дилижанского пейзажа), Анны Зегерс, Марселя Марсо, Дмитрия Шостаковича, Жака Дюкло /*генеральный секретарь КП Франции*/ и многих других.

"Дилижанская тема" в письмах к Эдварду Михайловичу постоянно пересекается с отзывами о его Симфонии – эти две альпийские вершины в его биографии были взяты практически одновременно.

[84] Сарьян Л. Дружба, длившаяся долгие годы. // "Советская музыка", 1976, N9, с.21.

04.01.1976

Дорогой Эдвард Михайлович!

Вот уже пять дней мы в Москве, но воспоминания о виденном и слышанном так живы в нас, словно еще час назад мы были в Ереване или где-то среди гор и снегов.

Мне не хватает красноречия для того, чтоб достойным образом выразить нашу признательность Вам и Лазарю Мартиросовичу за ту необъятную степень внимания, какой мы были окружены, – начиная от приземления в ереванском аэропорту и кончая прекрасным и импозантным обедом (с каждой стороны по официанту), после которого мы простились с Вами. Я чрезвычайно ценю полнейшее бескорыстие Вашего внимания – ведь Вы ничем мне не обязаны, и мне довелось быть Вашим педагогом лишь самое минимальное время. Тем большее впечатление на нас произвело Ваше врожденное благородство и радушие. Особая благодарность Вам за Дилижан и чудесное путешествие туда и обратно.

Я и раньше испытывал заочную симпатию к Вашей стране и народу. А теперь, после краткого, но выразительного путешествия, насыщенного событиями, я ощущаю какую-то сопричастность к Армении и к тому, чем дышит ее народ.

Я говорил с дочерью С. И. Шлифштейна /*Семен, музыковед*/, и она обещала мне поискать письмо Мясковского к Вам[85].

Ваш ***В. Цуккерман*** /*Виктор, музыковед*/

[85] Письмо утеряно, поиск не дал результатов.

25.05.1965

Дорогой Эдуард Михайлович!

Вчера был в Филармонии, на концерте вашего оркестра. Наконец-то мне удалось услышать симфонии – Вашу и Котика Арутюняна – в живом исполнении, раньше я их знал только по звукозаписи. Хотя и тогда у меня составилось определенное представление об этих симфониях, ожидание меня не обмануло. Ваша Симфония чудесная. Я ею наслаждался. Она очень близка мне по духу тем, что Вы нашли то новое и свежее, что, как я говорю своим ученикам и товарищам, совсем "близко лежит", тут же, рядом, надо только суметь его подобрать. А для этого-то и нужен настоящий талант, и мало того – нужная верная интуиция, верная направленность творческой фантазии. Я просто удивляюсь, как это вы сумели, отдавая столько сил и внимания своим ученикам (ведь это сильно изнашивает собственный запас творчества) и административно-общественной работе. Симфония очень понравилась и специалистам-музыкантам, и "непосвященной" публике. В ней (Симфонии) счастливо сочетаются и подлинная новизна (без сухого изобретательства, по существу, никчемного, но очень импонирующего современной публике, которую нетрудно удивить), и подлинная доходчивость в самом лучшем смысле этого слова.

Симфония Арутюняна очень хороша. У автора прямо "карманы набиты" великолепным тематическим материалом национального характера, он щедро одаряет им слушателей. При этом – превосходное владение крупной формой. Все ясно, богато и убедительно. Обе симфонии были приняты публикой очень хорошо. Я считаю, что они – настоящая "классика" советской армянской музыки. Я не умею льстить и кривить душой, говорить лишних комплиментов, мне просто очень приятно поздравить вас обоих с настоящими творческими достижениями. <...>

Добавлю к этому отчету о концерте, что Гоар Гаспарян /*певица*/ пела скромнее и осторожнее, чем раньше, но имела огромный успех. А на следующих страницах перейду к своему личному делу, с которым хочу к Вам обратиться.

Дорогой Эдик, я в этом году вознамерился осуществить свою мечту – вновь пожить в Вашем Дилижанском "Райкоме" для срочной работы и некоторого отдыха. Я подал соответствующее заявление в московский Музфонд на творческую путевку на июль и отдыхательную – на август, и получил на то и другое согласие. Я этим очень счастлив, так как с "Райкомом" у меня связаны самые лучезарные воспоминания, и неизвестно, смогу ли когда-нибудь вновь туда попасть.

<...>

С приветом ***Ю. Тюлин***

Мой дорогой Эдвард!

В то время, как пишу Вам, я вспоминаю о том гостеприимстве, какое Вы оказали в октябре мне и Джоффри. Мы оба пришли к тому выводу, что время, проведенное нами в Армении, было одним из чудеснейших в нашей жизни. Мы почувствовали свое превосходство перед другими, побывав у подножия горы Арарат вместе со своими соотечественниками, ибо все они знали сказание о Ное и Арке.

Особенно мы хотели бы принести свою большую благодарность директору Вашего фонда /*Бабкен Сосян*/, который сделал все, чтобы доставить нам удовольствие в Дилижане, Степану /*водитель Э. М.*/, который возил нас по городу и по районам, и, конечно, вашим композиторам, в особенности, Бабаджаняну, Аджемяну /*Александр*/, Егиазаряну /*Григор*/, Тер-Татевосяну /*Дживан*/ и Вам, дорогой, чья Симфония для струнного оркестра осталась в моей памяти. <...>

Мы еще не пили вино, которое Вы с нами отправили. Мы храним его на Рождество, чтобы выпить за Ваше здоровье и за здоровье Ваших коллег. <...>

Мы никогда не забудем нашего пребывания в Армении.

Ваш ***Джон Гарднер***

/председатель Союза композиторов Великобритании/

Мой дорогой Эдвард!

Снова я дома после трехнедельной поездки, но /*настолько*/ яркой (живой), что до сих пор мне кажется, что я еще с Вами.

Я получил большое удовольствие от моей поездки по России, но от поездки по Армении – самое большое. Я в большом восторге от посещения Вашего дома, Вашей семьи. Это были такие счастливые дни, которые я всегда буду помнить. <...>

Я надеюсь, что концерт для тромбона[86] сделает большой прогресс. Очень жаль, что я не смог сделать запись Вашей Симфонии во время моей поездки. Но Вы можете выслать мне запись по почте. Я покажу ее моим студентам, когда буду рассказывать им о русской музыке. Может быть, я смогу передать ее по Би-би-си.

В Тбилиси нас ожидала теплая погода. Тбилисцы ожидали, что мы приедем раньше, нас много упрекали, что нам очень не понравилось. Мы выпили много добрых тостов и стали хорошими друзьями. Мы очень полюбили грузин (но в Армении было лучше). Я выступал только на одном вечере <...>. Думаю, что публика была такой же приятной, как и в Ереване.

Передайте, пожалуйста, мои добрые пожелания моим хорошим

[86] "В конце 60-х, – говорит Э. Мирзоян, – я писал Концерт для тромбона. Набросал первую часть, немножко вторую, немножко третью. Потом забросил – жалею, концерт мог стать репертуарным. Еще была Сонатина для фортепиано, I и II части играл наизусть, третью не сделал. Не записал, но тоже помню".

друзьям-композиторам Армении, скажите им, что я вспоминаю их и то хорошее время, когда мы были вместе, и, конечно, Вам и Вашей семье. Я приготовил тост: скоро мы встретимся – С ПРИВЕТОМ!

Ваш друг ***Джоффри Буш***

/председатель Союза композиторов Великобритании/

Обладая огромной силой притяжения, Дилижан исполнял и другую функцию – он был той сказкой – реальной, а не обманчивой, – которая раскрывалась армянской диаспоре в понятии Родина. Каждому армянину Дилижан стал близок через одухотворяющих это пространство людей, через их любовь к своей земле. И через неповторимый юмор, которым блистали армянские композиторы.

26.11.1978, Москва

Дорогой Эдвард Михайлович!

Перед отъездом я не успел поговорить с Вами, потому (хотя бы с небольшим опозданием) выражаю Вам глубокую благодарность за чудесные дни в Ереване.

Все было хорошо: и сам город, который мне очень нравится, и моя суровая Армения, и отношения людей, и встречи, и музыка.

Сегодня, оглядываясь на праздник[87], видишь самое для себя главное – хоры Комитаса, музыку балета Гарика Оганесяна (по-моему, отличную) /*"Антуни"*/, песню без сопровождения, которую проникновенно пела Л. Закарян на заключительном концерте (напрасно она пела на банкете!).

Я впервые видел, как танцуют круговой танец не артисты филармонии или танцоры, и не пьяные гости на именинах, а настоящие, не искушенные европейским образованием армяне под открытым небом. Это было здорово!

И конечно, большое впечатление произвела встреча с Католикосом.

А когда мы бродили по раскопкам древнейшего города /*"Эребуни"*/, я почувствовал, что я самый настоящий армянин, так меня распирало от гордости, что это мои предки делали древнюю историю.

Очень благодарю Вас за приглашение.

Представляю, как Вы и мои друзья устали от подготовки и проведения этого блестящего праздника!

Желаю Вам, Ляле (если она меня вспомнит) и Вашей дочери и всем Вашим родным здоровья, счастья.

Григорий Восканян */председатель Музфонда СССР/*

[87] Празднование 2760-летия "Эребуни-Еревана".

1967, Սեպտ. 22, Պոսթըն,

Շա՛տ սիրելի Էդիկ,

Նստած Պերճի [*ժամկոչեան, երգեհոնահար*] հետ՝ միասին լսում ենք ձեր բոլորի այնքան քաղցր ձայնը, անկեղծ մաղթանքները, եւ ուրախութեան յուզմունքը պատել է մեզ. երկուսիս աչքերն էլ խոնաւ են... Պերճը թէեւ նստած է այստեղ, բայց իր հոգին եւ աչքերը այդտեղ են, ձեզ հետ է, չի կարողանում կտրուել եւ հաշտուել, որ ձեզնից հեռու է... Նոյնիսկ Պերճը չի փոխել իր ժամացոյցը, անվերջ ասում է. «Այժմ այսինչ ժամն է, կամ քանի օր առաջ Դիլիջան էինք՝ Էդիկի, Առնոյի եւ միւս աննման արուեստագէտների հետ... Հողի եւ արիւնի ձայնն է, որ ոչ մի ուժ աշխարհում չի կարող ոչնչացնել: Պերճը չափազանց լաւ է տպաւորուած Ձեր ընկերական անկեղծ ու հարազատ վերաբերմունքից եւ հպարտութեամբ պատմում է բոլորին:

Երեւանը ընտիր երգեհոնով օժտելու ծրագիրը ամէն րոպէ իր մտքի եւ սրտի մէջ է, եւ ինքը իր բոլոր կարելին պիտի անէ, որ ամէն կերպ Ձեզ օգնէ այդ գեղեցիկ նպատակը իրագործելու՝ որքան հնարաւոր է շուտ: Արդէն ինքը խօսել է երգեհոնի նշանաւոր վարպետի հետ, որը իրեն յայտնել է, որ Շուեյցարիա՝ Ցիւրիխի մէջ, բաժանմունք ունին, եւ որտեղից շատ հեշտ է գնել եւ փոխադրել, եւ Պերճը պիտի աշխատի նուիրատու գտնել եւ այդ խնդիրը կարգադրել, եւ Ձեզ, կարծում ենք, կը մնայ միայն ստանալ եւ տեղաւորել յարմար տեղ: Պերճը կատակով ասում է. «Մենք այստեղ արագ ենք գործում»:

Կարծեմ երգեհոնի մասին բաւական խօսեցինք, իսկ շատ սիրելի Առնոյին Պերճը ասում է, մինչեւ իր խոստացած երգեհոնի կոնցերտի գրել վերջացնելը ես ամէն օր մէկ տուփ KENT ծխախոտ պիտի ճզմեմ, փճացնեմ, մինչեւ ինքը վերջացնի... Անհամբեր սպասում եմ այդ լաւ լուրին, որ ստանամ, պատրաստուեմ, գամ այդտեղ նուագեմ իր համար, եւ նոր միասին նստենք ու ծխենք իր ու իմ սիրած ծխախոտները:

Պերճը հիացած է այն հոգիին եւ նուիրումի վրայ, որ մեր սիրելի արուեստագէտները ունին եւ հարստացնում են հայ մշակոյթը եւ հասցնում իր արժանի բարձրութեան:

Մէկ ուրախ լուր պիտի տանք Ձեզ եւ վստահ ենք, որ Դուք էլ պիտի ուրախանաք: Մոնթրէալի ցուցահանդէսի փակման վերջին համերգին 69 ժողովուրդների միջից Պերճը ընտրուած է միակ երգեհոնահարը՝ նուագելու այդ կարեւոր համերգին: Պերճը վստահեցնում է, որ հայութեան անունը եւ պատիւը պիտի աշխատի ամէնից վեր պահել: Պերճը վաղը մեկնում է Կալիֆորնիա՝ կոնցերտ-տուրի: Բայց թէ՛ Պերճի եւ թէ՛ իմ սիրտն ու հոգին Ձեզ հետ են, անհամբեր սպասում ենք այն գեղեցիկ օրին, որ առիթ ունենանք նորէն իրար հետ լինելու, իրար հետ գործակցելու:

Սիրելի՛ Էդիկ,

Ձեր կնոջը եւ մայրիկին ջերմ զգացումները եւ խորին յարգանքները: Մեր սիրելի եղբայր երաժիշտներին, արուեստագէտներին եւ մտաւորականներին մեր ջերմ զգացումները՝ լաւագոյն մաղթանքներով:

Անհամբեր սպասում ենք, սիրելի՛ Էդիկ, քո սիմֆոնիայի օրկեստ-

րայի մասերին, խնդրում եմ, որքան կարելի է շուտով ուղարկէք, որ դժուարութիւն չունենանք: <...>

Հ.Գ. Համբուրում ենք ձեզ բոլորիդ շատ-շատ եւ կարօտով յիշում: Խորին շնորհակալութիւններ Ձեր թանկագին նուէրների համար:

Պերճ, Ռուբէն [*Գրիգորեան, դիրիժոր*]

22.09.1967, Бостон
(перевод Л. Епремян)

Дорогой, дорогой Эдик!

Сидим тут вместе с Перчем /*Жамкочян, органист*/ и слушаем ваши родные голоса, ваши искренние добрые пожелания, и радостное волнение наполняет нас, у обоих слезы на глазах... Перч, хоть и сидит рядом, но его глаза, душа с вами, он не может смириться с тем, что опять так далеко от вас... Он даже не переставил стрелки часов, все твердит: “Сейчас там столько-то времени” или “Несколько дней тому назад мы в это время были в Дилижане с Эдиком, Арно и другими неповторимыми музыкантами”. В нем говорит голос земли и крови, который невозможно заглушить. Перч невероятно тронут Вашим дружеским участием, искренним вниманием к нему, Вы отнеслись к нему как к родному, и он с большой гордостью здесь всем об этом рассказывает.

Идея приобретения высококлассного органа для Еревана не выходит у него из головы и сердца, и он приложит все усилия, чтобы помочь вам как можно скорее осуществить это прекрасное начинание. Он уже говорил с известным мастером, который сказал, что в Швейцарии, Цюрихе, у них есть филиал, откуда очень легко можно купить и перевезти инструмент, и Перч сейчас ищет спонсора, так что вам останется только получить его и установить. Перч смеется: “Мы здесь быстро улаживаем дела”.

Кажется, об органе поговорили достаточно. А любимому Арно Перч передает, что пока тот не закончит обещанный органный концерт, Перч тут каждый день будет кромсать и портить по пачке KENT-а. Как только Арно закончит, Перч готов приехать, сыграть для него, “и уже после этого сядем и вместе выкурим мои и его любимые сигареты”. Перч в восторге от высокой духовности и преданности своему делу наших любимых деятелей искусства, которые обогащают армянскую культуру, поднимая ее на достойную высоту.

У нас хорошая новость, уверены, что и вас она очень обрадует: из 69 представителей разных народов для участия на закрытии монреальской выставки прошел единственный органист – именно Перч. Он уверяет, что имя и честь армянина он поднимет на самую большую высоту. Завтра он едет с концертами в Калифорнию, но все же все наши помыслы с вами, с нетерпением ждем того момента, когда сможем снова увидеться, быть вместе, сотрудничать.

Дорогой Эдик, передайте наши самые теплые чувства и глубокое

уважение Вашей супруге и маме. Нашим любимым братьям-музыкантам и художникам, интеллигенции – наилучшие пожелания.

С нетерпением ждем, дорогой Эдик, оркестровых партий твоей Симфонии, пришли их как можно скорее, чтобы не было осложнений. <...> Целуем всех крепко-крепко

С любовью ***Перч***, ***Рубен*** /*Григорян, дирижер*/

P. S. Большое спасибо за ценные подарки.

– Примерно 1962-63-е годы. Прихожу домой, Ляля говорит: “Звонила ориорд /*мадемуазель*/ **Роз из Чикаго, она в Ереване, оставила номер телефона”. Не могу вспомнить, кто это. Мне неудобно, делаю вид, что не помню, где встречались. “А мы незнакомы”, – говорит она, передавая привет от общих знакомых. Я ее принимаю, везу в Дилижан. Она в восторге, чувствует себя прекрасно, выздоровела: «Ամօթից դեղերս կ’ուզէի թափել Սևանի մէջ» (“Мне так неловко – хочется выбросить лекарства в Севан!”). Возвращаемся вечером. По дороге встречаем стадо коров – кожа да кости, облезлые, կեղտոտ, ցեխոտ (грязные)! Она изумленно смотрит, хочет спросить – я ее заговариваю. Поселок Семеновка – опять стадо коров, грязные, над ними вьются мухи... Снова отвлекаю ее внимание. Цовагюх – та же картина. Она хватает меня за руку:**

– Ինչո՞ւ Հայաստանի կովերը այսքան նիհար են (– Отчего коровы в Армении такие худые?):

– Հայաստանի կովերը Ամերիկայի կանանց կը հետեւեն... (–Армянские коровы следуют примеру американок...)

Хохочет. Я воодушевился:

– Իսկ Ամերիկայի կովերը Հայաստանի կանանց կը հետեւեն... (– А американские коровы подражают армянкам...)

С Дилижаном связана и активизация концертной жизни в Армении. Нельзя переоценить тот общественный резонанс, который был связан с Днями Б. Бриттена, организованными по инициативе Мстислава Ростроповича. В 1965-ом, в дни Декады русской музыки, в Ереван приехали Бенджамин Бриттен, Питер Пирс /*певец, близкий друг Бриттена*/, Галина Вишневская /*певица, жена Ростроповича*/ и Аза Аминтаева /*пианистка*/. То, что Ростропович привез их в Армению, Эдвард Михайлович напрямую связывает с дружбой Славы с армянскими композиторами. Куда только не мог повезти он Бриттена, но выбрал Дилижан, где уже два года подряд – в 1963 и 1964 годах – отдыхал Шостакович.

– Когда стало ясно, что они едут, я собрал узкий круг, чтобы обсудить организационные вопросы: там были некоторые нюансы, которые официально нельзя было обсуждать. Допустим, мы решили, что в коттеджах гостей в холодильниках должна быть вы-

пивка. Под 13 коттеджем была установлена плита, где специально приглашенный из Интуриста повар готовил для них. Нашлись люди, которые донесли Хренникову, что "транжирятся средства СК". Но я все предусмотрел: еду мы оплатили из средств СК, а выпивку – из собственных средств, которые выручили за проданные в Минкульте свои произведения. Так что придраться не смогли... Пытались подкопаться и иначе: говорили, что когда Шостакович едет в Дилижан, его так тепло, как Бриттена, не принимают...

Обо всех этих подводных течениях Бриттен, конечно, не догадывался – он был в потрясении от поездки в Армению, о чем поведал на страницах "Санди телеграф" (25.10.1965):

"...Через два дня началось армянское гостеприимство со всей своей трогательной и убийственной силой. Мы со Славой Ростроповичем ехали в отпуск как солдаты букингемского замка, одетые в воображаемые тулупы и медвежьи шапки...

В эту же ночь в Ереване во время ужина мы были опьянены армянскими тостами. На следующий день мы поехали в Дилижан, в ДТК... В Дилижане нам выделили отдельный коттедж, другой для Славы и Гали, которые находились на расстоянии 20 ярдов друг от друга. Нас кормили чудесными армянскими блюдами. Мы остались в Дилижане в кольце гор, читая, принимая солнечные ванны, купаясь и собирая грибы.

Каждый член СК с женой и семьей может отдыхать здесь неделями, заплатив мизерную плату, и по своему желанию может отдыхать в коттедже или в одном из пансионатов...

Хоть бы подобное было в Англии, но, к сожалению, английские композиторы не удостаиваются такого внимания, как советские.

...в поездке по Армении, 1965 год: Эдвард Мирзоян, Питер Пирс, Бенджамин Бриттен, Мстислав Ростропович

И мы, английские композиторы, не имеем таких общественных средств, как наши советские коллеги.

Может ли кто-нибудь среди нас оказать такое внимание своим иностранным коллегам, как это сделал Эдик Мирзоян по отношению к нам? Все свои часы и дни он посвятил нашему отдыху и гостеприимству, но он в то же время исполнял свои обязанности как председатель Союза.

Для проведения трудового отпуска нельзя найти места лучше этого..."

С двойственным чувством сегодня читаешь эти строки – член СК обладает правом провести в дилижанском раю только десять дней в году или в 2-3 года раз – за плату, хоть и умеренную, но близкую к месячной зарплате профессора консерватории. Работать, войти в стихию настоящего творческого вдохновения и записать хотя бы небольшое эссе или скромную пьесу для ограниченного состава исполнителей – задача за этот срок почти недостижимая, поскольку главной задачей становится поглотить как можно больше озона, чтобы хватило на пару лет ереванской суетной жизни.

...При всем описанном Бриттеном великолепии дилижанский Дом творчества никогда не был роскошеством для членов СК, каким стал сегодня, а служил тому, ради чего и был создан, – он был всесоюзной творческой лабораторией музыкантов, необходимой, предельно важной составляющей инфраструктуры музыкального творчества.

Участники фестиваля "Дни Бриттена в Армении" на Севане, 1965 год: <...>, Ася Аминтаева, <...>, Бенджамин Бриттен, Эдвард Мирзоян, Мстислав Ростропович, Галина Вишневская, <...>, Питер Пирс

1965 год, прощание в ереванском аэропорту

1968 год, Геронтий Талалян, Эдвард Мирзоян и Мстислав Ростропович

Эдик, Слава и Котик в ДТК "Дилижан", 1968

Глава 14

"Может, и Арарат вернем?"

*Д*ни Бриттена были не единственной инициативой Мстислава Ростроповича в Армении. Очень больно, что в последние годы его жизни контакты с этим великим музыкантом на официальном уровне в Армении стали невозможны в связи с пропагандистским маневром Азербайджана, который представлял великого виолончелиста как лидера проазербайджанского лобби в карабахском вопросе. Но Ростропович действительно наднационален, это общечеловеческое достояние, и то, как он относился к Армении и армянам, определяется его конкретными делами.

– Ростропович так много сделал для музыкальной культуры вообще и для армян в частности, что это имя свято для нас. Он рассказывал, что когда жил в Баку, с ними рядом по соседству проживала армянская семья, которая сыграла исключительную роль в его судьбе – Слава этого не мог забыть. Как он отреагировал на спитакское землетрясение 1988года! У меня дома хранятся все программы, он мне передал их в Ленинграде, куда я специально поехал встречать его из Лондона. Буквально через 2-3 дня после землетрясения он давал концерт за концертом, и как ты думаешь? – собрал полмиллиона долларов.

В те годы, когда Ростропович эмигрировал за границу, ему передали, что Геронтию Талаляну, виолончелисту и его близкому другу, необходимо лекарство. Ростропович лекарство выслал, сопроводив – во избежание недоразумений – анонимным письмом некоего "доктора, выпускника мединститута", которое до сегодняшнего дня армянские музыканты не решались обнародовать, чтобы не навредить другу. Этот воистину сенсационный документ мы публикуем впервые, воздерживаясь от каких-либо комментариев.

Дорогой, любимый балик джан, джаникес Гера!

Посылаю тебе лекарство, если недостаточно, – дай знать, пришлю еще. Передай мою горячую любовь всем моим друзьям (по мединституту!) – армянам. Всегда о вас, мои родные, помню. Получил приглашение от Президента (Премьер-министра) Турции для

участия в их фестивале. Послал в жопу из-за моей любви и преданности армянам. Может, и Арарат вернем?

Целую и обнимаю

Твой доктор (подпись неразборчива)

/так указано в письме – Л. Е./

– Ростропович был таким общительным по природе, так быстро вступал в контакт, что у него было очень много друзей. Я не знаю – сотни или тысячи, но есть градация по степени близости. Я без ложной скромности могу себя причислить к близким друзьям Ростроповича. Буквально за 2-3 недели до отъезда я был у него, и он объяснил мотивы своего отъезда. Подробно рассказал, как в рецензии на концерт, допустим, в Новосибирске, указаны программа концерта, дирижер, оркестр, а кто солирует, не сказано. Он показал эти рецензии. Это было уже слишком, его вынудили уехать...

Ростропович обладал способностью объять необъятное, в то время как известно, что это невозможно. Знаешь, что поражает? Такое ощущение, что подобный масштаб, охват возможен, когда это не очень глубоко, не по-настоящему, поверхностно, что-то на уровне шоу. Но его профессиональные критерии всегда были на высочайшей точке – никаких компромиссов. Невозможно забыть, к примеру, как в течение 15 дней в столицах трех закавказских республик он дал 15 камерных сольных концертов и 15 концертов с симфоническим оркестром. Невероятно. Вот это я называю – объять необъятное. Потому что даже переезды были рассчитаны таким образом, что он после концерта садился в поезд, ехал в Баку, утром репетиция, в 4ч. – камерный концерт, в 9 часов вечера – выступление с симфоническим оркестром. По пять дней в каждой столице, по 10 концертов. Очень многое в программе не повторялось, он менял сочинения, ориентируясь на новые произведения композиторов конкретной республики. И везде играл мою Сонату.

Слава всей жизнью доказал, что он человек большой души, великодушный человек. А что касается политики, тут, признаться, мне не хочется комментировать и давать оценки, но Ростропович по своей природе был активен во всем и в политике тоже. Насколько это хорошо, правильно, нужно – не буду говорить. Но я хочу вот что сказать. У меня такое чувство, что, может быть, его, как некоторых других великих, постигло разочарование. Для того чтобы быть немногословным и ясно выразить свою мысль, я сейчас вспоминаю то разочарование, которое постигло Маяковского, Чаренца. Вот такое у меня ощущение. Он поднялся на танк, а сегодня мы пришли к чему-то такому, что, по-моему, далеко не то, что он представлял, чему с таким вдох-

новением, воодушевлением отдавался. Может быть, я не прав. Но не могу не сказать: дай Бог, чтоб я оказался не прав...

Одним из инициаторов создания в Марселе Международного фонда Хачатуряна (1985) стал Ростропович. Началось все так: там был удивительный человек Аршам Бабаян, живущий духовными категориями (նրա մասին ասում էին՝ խենթ – его называли безумцем)[88]. Аршам познакомился с Ростроповичем и сказал, что хочет пригласить Хачатуряна. Ростропович решил, что лучше на эти деньги организовать фонд. И вот я получаю от Бабаяна проспект международного конкурса – одна из инициатив фонда. Состав жюри очень представительный, к примеру, туда включен ректор Марсельской консерватории Пьер Барбизье. От Армении – Чекиджян, Мирзоян. Кроме того, заявлено имя Ростроповича. Я говорю Аршаму:

– Ռոստրոպովիչը չի կարող լինել ժյուրիի կազմում (– Ростропович не может быть в жюри):

– Ի՞նչ կապ ունի մյուզիկը պոլիտիկի հետ (– При чем в музыкальных делах политика?):

– Ես քեզ հետ չեմ վիճում, բայց եթե լինի ժյուրիի կազմում, Խորհրդային Միությունը բոյկոտ կանի էդ մրցույթը, ուրեմն՝ ո՛չ Միրզոյանը, ո՛չ Չեքիջյանը չեն կարող գալ (– Я с тобой не спорю, но если Ростропович войдет в жюри, Советский Союз будет бойкотировать этот конкурс, а значит – ни Мирзоян, ни Чекиджян не смогут приехать):

– Ի՞նչ ես առաջարկում (– Что ты предлагаешь?):

– Ինչի մասին որ խոսեցինք, Ռոստրոպովիչին պատմիր (– Расскажи Ростроповичу о нашем разговоре):

Спустя некоторое время спрашиваю:

– Ո՞նց եղավ (– Ну что?):

– Լսեց ինձ, բան մը չըսավ, հետո ըսավ. «Ես համերգ եմ տված ի նպաստ այս ֆոնդի՝ 50 000 ֆրանկ: Ես չեմ կարող ի հիշատակ իմ ընկերոջ տված այդ համերգի գումարը դնել իմ գրպանը: Վերցրու ու քո անունից դիր Ֆոնդի մեջ» (– Молча выслушал меня, потом сказал: "Я дал благотворительный концерт в пользу фонда. Я не могу вырученную сумму в 50 000 франков за концерт в память о моем друге положить себе в карман. Возьми и от своего имени положи на счет фонда"):

...Несмотря на серьезные опасения консульства СССР, во избежание политического скандала на заключительном концерте Ростроповича не было.

Возможно, мою позицию в этом вопросе сегодня трудно по-

[88] В 1967 году во Франции Аршам Бабаян организовал исполнение местными силами оперы "Ануш"Тиграняна. Позже исполнительница роли Ануш, Алис Шахмирян, приезжала на гастроли в Ереванский оперный театр, где познакомилась с будущим мужем – дирижером Оганом Дуряном.

нять, но таково было положение вещей в те годы, и другого выбора у нас не было – разве только выбор Ростроповича, эмигрировавшего за рубеж. Но для меня это было неприемлемо. Слава к этой системе – так называемому большевистскому перевороту – имел отрицательное отношение. Я был совершенно на других позициях. Не могу сказать, что я был на тех же позициях, но молчал – я был искренен.

С именем Ростроповича связана история рождения Сонаты для виолончели Эдварда Мирзояна. Так сложилось, что появлению на свет сочинения сопутствовало не столько внутреннее основание интуитивного творческого поиска Мирзояна, сколько "категорический императив" Ростроповича, вставшего на колени (!) перед другом для получения письменной расписки-обязательства написать сонату. Кстати, за неимением этого текста я могу привести здесь другую аналогичную расписку двум самым дорогим людям – сыну Аршаку и Араму Хачатуряну, которая, как и предыдущая, никак не повлияла на положение дел.

Расписка (обязательство)

Обязуюсь, бесценный мой Аршачек, в присутствии музыкальной общественности даю тебе клятву, что партитуру моей первой симфонии положу на стол 1 октября 1960 года.

Кроме того, даю слово: через две недели как закончу симфонию, приступаю к написанию нового произведения хронометражем не менее двадцати минут.

Настоящее обязательство написал под диктовку Арама Ильича Хачатуряна без всякого давления в присутствии Зарика, Гали /*первая жена Л. Сарьяна*/ и Ляли.

Э. Мирзоян, 09.06.1960, Ереван

Итак, расписка оказалась слишком слабым импульсом для виолончельной сонаты – здесь понадобился домкрат железной воли Ростроповича, который категорически отказался приехать в Ереван ради исполнения одного лишь Концерта Бабаджаняна: Ростропович делал ставку на дружеское участие Эдика в судьбе Арно.

Премьера Концерта Бабаджаняна состоялась на знаменитой "Варшавской осени" 1964 года в присутствии автора. Концерту сопутствовал потрясающий успех, который (после фиаско скрипичной сонаты в 1960 году) Арно совершенно окрылил. На бис Ростропович повторил Концерт от начала до конца**.** На просьбу Арно сыграть на "Закавказской весне" (1965) посвященный Ростроповичу Концерт тот отказался: "Я сейчас еду в Москву, потом в Ленинград, потом в Киев и возвращаюсь на 10–15 концертов в Лондон. Не могу".

– Арно говорит мне, – рассказывает Мирзоян, –

– Արա՛, ի՞նչ կլի, դու խոսա էլի՛ հետը (– Ара, ну пожалуйста, поговори с ним):

– Առնո՛ ջան, քեզ որ մերժեց, ինձ էլ նույնը պիտի ասի, ի՞նչ միտք ունի նորից մերժված լինել (– Арно джан, если он тебе отказал, и мне откажет, какой смысл снова нарываться на отказ?):

– Չէ՛, դու կկարողանաս (– Нет, у тебя получится):

И прямо в артистической я вынужденно обращаюсь к Славе:

– Слава, ты знаешь, я хотел задать тебе несколько вопросов. Зная твой нетерпеливый характер, я прошу, чтоб ты меня выслушал. Первый вопрос: ты знаешь, когда женщина любит?

– Да, ну и что, что дальше?

– А ты знаешь, когда женщина просит?

– Да, что дальше?

– Ты знаешь, когда мужчина любит? Когда мужчина просит, тоже знаешь? А когда *друг* просит?

Пауза.

– ...Я, конечно, за это выступление гонорара не возьму, но вы, пожалуйста, обеспечьте мне билеты туда и обратно, я должен прилететь утром, прямо с аэропорта на репетицию, вечером – концерт, на следующий день утром я должен вылететь обратно.

И он прилетел, прилетел с опозданием. Адик его встретил, привез прямо на репетицию. Шесть месяцев Ростропович этот Концерт не играл, сочинение не получалось: "Друзья, я вас прошу, полчасика порепетируйте, я скоро буду". На машине поехал в зал СК, чтобы восстановить в памяти, через полчаса возвращается – все нормально. Вечером прекрасно сыграл, но были погрешности – мало кто на это обратил внимание. Всю ночь мы кутили, Слава оставил письменное распоряжение: запрещает крутить пленку и просит ее размагнитить. И улетел, предупредив меня, что на пленуме к 50-летию Революции выступит только при одном условии: "Учти, если твоя Соната не будет готова, второй раз ради Концерта Арно я не приеду".

И вот началась работа над виолончельной сонатой. В Дилижане каждый новый фрагмент предавался на суд виолончелистки Медеи Абрамян и ее супруга, Эдвина Галумяна, которого Мирзоян называет своим главным экспертом в работе над этим сочинением. И не случайно – 1 января 2008 года эта супружеская чета подготовила Мирзояну бесценный подарок: лазерный диск записи Сонаты в исполнении М. Абрамян и автора, осуществленный при активном участии Галумяна**.**

– Я успел сонату в срок. Слава прилетел прямо в Дилижан, там мы репетировали, впервые сыграли осенью 1967 года у нас

в Малом зале и наметили концерт в 1968-м в Большом зале консерватории в Москве. Приезжаю туда к концерту, репетируем. Весь вопрос в том, что у меня при первом исполнении клавир не был готов, а виолончельная партия была. Кстати, он в третьей части очень интересные вещи посоветовал (усиление динамики в кульминации и отказ от двукратного повторения темы, которая заменена ритмом "кочари"). Начали репетировать. У меня там были некоторые буквально белые страницы – մզմզոտությունս, էլի՛ (всему виной моя медлидельность). А у него же феноменальная память! Он говорит:

– Это что такое?

– Я здесь немного изменил.

– Ладно.

Через некоторое время:

– А тут что?

– Первый вариант мне не понравился.

Дальше продолжается все в том же духе. Короче говоря, он говорит:

– Вот что. Не пойдет. Что это такое, в таком виде выходить на сцену?!

Должен сказать, что целый год Слава не имел сольного концерта в Москве. Заявлена программа: Бридж (учитель Бриттена) – Соната (первое исполнение в СССР), Бриттен – Соната соло (первое исполнение в мире), Мирзоян – Соната (первое исполнение в Москве), Дебюсси – две миниатюры для виолончели и фортепиано (первое исполнение в мире). И он мне говорит: "Я отменяю концерт". Я думал, он просто так сказал. А потом мы в назначенное время встретились: "Я им сказал, что, во-первых, у меня рука болит, а во-вторых, вы что, надо мной издеваетесь?! Я уже давно лысый, а на афише – фото с волосами".

Ես ըսենց քարացել եմ, շշմել եմ (Я остолбенел, обалдел просто): Он говорит: "Поехали на дачу, отдохнем несколько дней". То есть я в таком шоке, էլ չասած (не передать). Նստեցինք եկանք (сели, поехали) – там недалеко в Барвихе у него дача. У дверей нас встретила русская женщина небольшого роста, тетя Настя, которая вела хозяйство. Поднимаемся на второй этаж, где стоял рояль марки "Ямаха":

– Здесь будем работать. ... Теть Насть, ты вот что: возьми продукты (вынимает из машины гречку, масло, картошку и т.д.), в день три раза этого молодого человека будешь кормить. А я уезжаю.

– Как? Ты же говорил, что несколько дней побудем здесь...

– Нет, я тебя как шофер привез, чтобы тебе было стыдно!

На следующий день я рано встал – действительно, стыдно стало – и начал работать. В 9 часов завтрак был готов. Եկա կերա ու նորից նստեցի (Сел, позавтракал и снова принялся за работу): Я в этот день 12 часов был за инструментом. На следующий день – 11 часов, чувствую, не выдержу – я не привык так много работать. На третий день приезжает Ростропович. Посмотрел ноты, передал продукты и уехал. На пятый день я закончил и решил поехать в город. Тетя Настя мне объясняет, как пройти к железнодорожной станции. В это время – звонок в дверь, открываю – стоит Шостакович: "Звонил Слава, сказал, что у него ангина, и просил Вас подвезти на машине" (у Ростроповича на даче телефона не было). Шостакович подвез меня прямо к подъезду Ростроповича. Это был март, лежал снег, было холодно – об этом он тоже подумал и попросил Шостаковича меня подвезти. Дача – не эпизод, это его сущность, не отрицая его персонального отношения ко мне... Я зашел. Слава сидел в постели с перевязанным горлом и занимался со студентами. Я передал ему ноты, он проверил, убедился, что все страницы заполнены: "Теперь можешь идти, куда хочешь".

11 ноября 1968 года. Сольный концерт Ростроповича. Что делалось, трудно передать, потому что полтора года Слава в Москве не выступал. Программа та же самая. Кстати, между прочим, я ездил к Славе в Ленинград, потом в Горький, чтобы порепетировать, но не получилось[89]. Моя Соната исполняется в начале второго отделения. После первого отделения его очень тепло принимают. Он выходит: "Пошли в класс!" Я думаю, сверим какие-то места. Բեմից եկանք դասարան, ես սկսում եմ, գնում ենք, գնում ենք... (со сцены – прямо в класс, я начинаю, играем, идем дальше...): Слушай, прогон устраивает! Соната идет 20 минут. Перед третьей частью дверь открывается: "Третий звонок дать?" – "Дайте!" Мы заканчиваем Сонату и из класса – прямо на сцену. Выходим на сцену – պա՛հ... (вот это да!). Гром аплодисментов в зале. Я сам себе говорю: "Вот нахал" – и сажусь за рояль.

...Столько комплиментов, сколько в этот вечер, я, как пианист, в жизни не получал. Зная, что я не пианист вообще, он повел меня в класс и с разогретыми руками вывел на сцену. И поэтому, когда я начал, отключился... Я был уверен, что запись не сохранилась. Но буквально пару лет назад мой хороший друг, американский пианист Шаан Арцруни где-то на Западе нашел левую, неофициальную запись этого концерта. Фантастика!

---

[89] "Вспоминаю, – рассказывает Мирзоян, – как я сидел в ожидании Ростроповича в полумраке зала Мариинского театра на репетиции "Евгения Онегина". Дирижер – Ростропович, Татьяна – его жена, Галина Вишневская. "Громче!" – просит дирижер, солистка не реагирует. "Громче!" – повторяет Слава – та же реакция. "Я просил громче!" – "Ты что, глухой?" – оборачивается к нему Галина. "Какой у меня слух – вся страна знает! А вот то, что ты фальшивишь, тоже всем известно!" В общем, мы так со Славой и не порепетировали..."

Не всегда получается так, что история создания сочинения непосредственно отражается на музыкальном материале. Бывает, что импульс создания так и остается не более, чем импульсом. Но в данном случае сам процесс мучительного поиска, формование тематизма “на глазах” у слушателя отражен в первой части сочинения. В результате “центр тяжести” Сонаты не оседает концептуальным сгустком в первой части, а устремлен все время вперед, в конце концов разрешаясь в новаторском и свежем по тематическому материалу финале произведения. Каждая из частей, таким образом, может считаться своего рода смысловым центром сочинения. Интересно, что Медея Абрамян, все эти долгие годы размышляя над сочинением, считает, что первую часть Сонаты надо мыслить в движении, в постоянном устремленни вперед, легче – искусственно не утяжеляя смысловые акценты.

В первой части выдержана классическая схема сонатного аллегро. Однако интенсивность развития и свободный характер формования тематизма скорее приближают сочинение к романтической стилистике. Здесь есть узнаваемые черты мирзояновской “визитки”, которые уже окончательно закрепились в арсенале автора Симфонии: хоральное введение, в точности замыкающее начальную и финальную части, интенсивный ток развития, на кульминационном гребне музыкальной волны разбивающийся о звукопад, “падающюю стену” кластерного потока, тотальная хроматизация музыкальной ткани, игра метроритмических структур и т.д.

Вторая часть необыкновенно естественна по звучанию. Нет ничего надуманного – есть высшая простота мирзояновского лиризма, уникального мелодического дара Мирзояна. Главная тема второй части – “бесконечная мелодия”– предвестница позднего Мирзояна, мастера мелодической медитации. Результат настолько убедителен, что за ним не видно “лесов” скрупулезной композиторской работы. Между тем здесь использован принцип линеарного полифонизма на основе двух разных тематических пластов. Вторая тема, доверенная при экспонировании фортепиано – в медленном, спокойном нисходящем звучании, развивает тему смерти – Dies irae, по сути, противопоставленную основной виолончельной – так называемой мелодии Жизни. Гармоническая светотень, подчеркнутое вслушивание в каждый оттенок звуковой палитры, комплементарная ритмика – все это приемы, которые можно описать на уровне техники, и однако же, это практически ничего не дает в постижении феномена мирзояновского дара, раскрывшегося в этом сочинении в полную силу. В том числе и в финале сочинения, в котором ритм кочари окончательно “приватизируется” Мирзояном как авторский знак. В нем – и общефилософская идея всепобеждающей силы жизни, и знак этнической культуры, доказавшей свою волю к жизни, – это победа не одного героя, а целой нации в едином устремлении. По концентрации энергетического импульса финал

становится, по сути, вершиной развития цикла, его наиболее динамичным и насыщенным этапом. Ремарка Мирзояна (в беседе со мной) о том, что самым важным в исполнении Сонаты является ритмическая четкость, главным образом относится именно к третьей части, которая не сводится к фанфарному happy end-у, а перерастает его в философском обобщении. Технический уровень и виолончельной, и особенно фортепианной партий относится к категории высокой степени сложности, одновременно Соната очень инструментальна – Мирзоян интуитивно владеет возможностями струнных инструментов. Он не менее естественен в ощущении фортепиано – об этом свидетельствуют записи и в ансамбле с Абрамян, и с Ростроповичем, и с В. Сараджяном.

Соната для виолончели не стала предвестницей радикально нового пути, подобно Квартету или Симфонии, – она, скорее, развила те тенденции, которые были избраны автором в предыдущих произведениях. Однако это сочинение писалось в новых условиях – в ситуации прорвавшихся в эпоху “оттепели” авангардных западных влияний, в обстановке многостилевой мозаики советского искусства. Когда верность избранному пути стала результатом сознательного выбора. Романтический лиризм одинокого героя в диссонансном планетарном окружении стал еще одним утверждением авторской стилистической модели Мирзояна. После московской премьеры журналист Виктор Карапетян записал отзывы о виолончельной сонате Арама Хачатуряна, Родиона Щедрина, Мстислава Ростроповича.

– Я в одиночестве стоял в артистической, когда ко мне подошел Арам Хачатурян, обнял и воскликнул: “Это шедевр!” Я был так счастлив, думаю, хоть бы эти слова услышал кто-нибудь еще. И действительно, в зале оказался корреспондент газеты “Коммунист” Виктор Карапетян, который сразу после концерта записал несколько авторитетных мнений.

Арам Хачатурян: “Соната для виолончели и фортепиано Эдварда Мирзояна – выдающееся произведение не только армянского, но и всего советского музыкального искусства. Это сочинение в полном смысле слова современно и вместе с тем удивительно выразительно и национально. Партия виолончели насыщена большими виртуозными находками, она очень богато изложена. Гармонический язык Сонаты очень острый и свежий. При всем модернизме сочинения мелодия главенствует в ней от начала до конца. Можно смело сказать, что советская камерная музыка обогатилась новым замечательным сочинением, новым шедевром, с чем я поздравляю себя, всех армянских и всех советских композиторов”.

Родион Щедрин: “Хотя в программу вечера были включены произведения таких крупных композиторов, как Бриттен и Бридж, я осмеливаюсь сказать, что исполнение Сонаты Э. Мирзояна явилось кульминацией концерта. И праздничный характер придало

вечеру не только участие в нем автора в качестве исполнителя, но и, в первую очередь, качество музыки.

Мне кажется, что это сочинение очень глубокое по смыслу, насыщенное содержанием и философское по своей концепции. Уже первые фразы рояля и первый же ответный флажолет виолончели приковывают к себе внимание слушателя. И это внимание не ослабевает до последних звуков виолончели. Я считаю, что это сочинение – большая удача композитора.

Прослушав Сонату, можно сказать, что музыкальный почерк Мирзояна стал насыщеннее, фактура графичнее, его музыкально-технические приемы стали сложнее, гармония терпче. Но ясность концепции и мысли, строгость формообразования, тщательный отбор музыкального материала при сохранении ненавязчивой, но всегда ощутимой армянской народной интонации, – все это остается прежним, мирзояновским.

Мне, как коллеге Мирзояна, хочется высказать ему лишь одно: я хочу чаще присутствовать на таких музыкальных премьерах, чаще слышать его новые сочинения”.

Большой зал Консерватории, 11 ноября1968 года, московская премьера Виолончельной сонаты Э. Мирзояна. Исполняют Мстислав Ростропович и автор

Мстислав Ростропович: “Я считаю Сонату Эдварда Мирзояна замечательным произведением. В ней заложено много сердца, много мастерства. Я очень люблю Мирзояна не только как композитора, но и как друга и как человека. И вот его человеческие качества, его сердечная мягкость, его искренность – все это отчетливо проявляется в его музыке, поэтому я играю ее с удовольствием. Я включил Сонату Мирзояна в свой репертуар и познакомлю с ней много слушателей”[90].

07.06.1972, изд-во “Советский композитор”

Дорогой Эдвард Михайлович!

Ваша Соната для виолончели и фортепиано была представлена издательству и сдана в производство в ноябре 1969 года. Восьмого декабря 1969 года Вы получили в редакции ноты для некоторых уточнений, и до сих пор издательство не получило от Вас нотного материала. Таким образом, издание Вашего сочинения по тематическому плану 1970 года не осуществилось.

По полученному госномеру на это издание выплачен гонорар М. Ростроповичу за редакцию партии виолончели (партия виолончели с редакцией Ростроповича осталась в издательстве).

Убедительно просим Вас срочно дать ответ – сможете ли Вы представить нотный материал в издательство и помочь редакции в создавшемся затруднительном положении.

Срок представления до 15 июля с.г.

И. о. гл. редактора ***Э. Хагагортян***

1972թ.

Ա՛յ Էդիկ,

Սոնատիդ [*թավջութակի*] նոտաները հանձնիր հրատարակությանը:

Դա արդեն միայն քո սեփականությունը չի: Երաժիշտները ուզում են նվագել, և նոտաներ չկա: Ամո՛թ ա, ամո՛թ:

Ղազարոս

1972 год

(перевод Л. Епремян)

Послушай, Эдик!

Сдай рукопись /*Виолончельной*/ сонаты в издательство. Это уже не только твоя собственность. Музыканты хотят играть, а нот нет. Стыдно тебе должно быть, стыдно!

Лазарь

– В самые мучительные периоды сомнения в своем призвании я вспоминаю фразу, которую независимо друг от друга сказали мне два очень близких человека – Ростропович и Бабаджанян: “Эдик, ты даже не знаешь, какой ты композитор!”

[90] Из письма В. Карапетяна Э. Мирзояну, ноябрь 1968 года.

Интермедия. Медея Абрамян[91]

Я прошла великую школу Ростроповича – он радикально реформировал жанр классического виолончельного искусства, создав непревзойденные до сегодняшнего дня драматургически яркие образы. Из стихии классического творчества я перешла к современной армянской музыке и уже через нее – к музыке западного авангарда. В тесном общении с армянскими композиторами я узнала кухню сочинительства. Вместе с ними мне предстояло найти что-то новое на этих четырех струнах, на инструменте, в общем-то не изменившемся с классических времен. И вместе с ними я переживала радость открытий нового звучания, новых красок, нового мышления.

Иногда мне казалось, что в некоторых случаях армянская музыка стилизована, вторична, сделана под кого-то с Запада. Параллели, скажем, Дебюсси-Исраелян, Бриттен-Оганесян явственно ощущались. В этой цепочке композитор-исполнитель я становилась уже не второй, а третьей стороной, стараясь подчеркнуть новое, неповторимое в нашем национальном искусстве. Сочинения создавались часто на моих глазах, нередко при моем непосредственном участии, и радость сотворчества, композиторских открытий давала огромный стимул для жизни. Одной из таких незабываемых страниц моей музыкальной биографии стало общение с искусством Мирзояна.

В молодости с Эдвардом Михайловичем у меня сложились несколько странные отношения – после каждого моего выступления он каким-то изучающим взглядом смотрел на меня и не говорил, понравилось мое выступление или нет. Единственное, что он говорил мне: “Ты делаешь вид, что гениального композитора играешь. Всех как будто превращаешь в гениев”. Но сейчас он подробно анализирует каждое мое исполнение и раскрывает мою собственную душу, точно определяя состояние, в котором я находилась. Он так тонко чувствует все мелочи, звонит после концерта и детально анализирует произведение...

...Вне всякого сомнения, Хачатурян – это уникальное явление, создатель, если можно так определить, стиля *авангардного фольклора.* Нечто родственное, может быть, Энеску, Бартоку, но и совершенно

[91] Э. Мирзоян о М. Абрамян: «Ես նրան պաշտում եմ (я боготворю ее)... Я ее обожаю. Как мы работали над Сонатой для виолончели, и как она мне помогала! Вкус – удивительная вещь. Как она страдает, когда не получается то, что хочет! ...После того, как мы почистили запись Сонаты, переведя ее на CD, звучать стало хуже. Սառնց, ինչ-որ բան կորավ (Что-то важное пропало, исчез трепет.)»:

оригинальное как явление именно восточное. Живой образ Хачатуряна, его яркая музыкальная мысль властно подчиняли себе композиторов мирзояновского поколения. Однако они проложили свой собственный путь в искусстве. ***Если спросить меня, кто после Хачатуряна повел корабль армянской музыки дальше, самостоятельно определяя его маршрут, я отвечу: Эдвард Мирзоян...***

К Мирзояну я привязана чисто по-человечески – он такой доступный, простой в общении, в нем так много жизненной мудрости, так много близкого мне. Тигран Мансурян недавно говорил: “Как важно, что мы имеем возможность услышать его слово, его мудрый совет”. Действительно, он обладает каким-то гипнотическим обаянием, эта звездность притягивает. С ним все хотят советоваться. Не каждый талантливый человек обладает этим качеством – а к Мирзояну все тянутся.

В его музыке много блеска, ее надо играть с блеском. Но при кажущейся легкости там есть подводные рифы, их на первый взгляд не рассмотреть: полифонические, ритмические. Вообще он насквозь полифоничен – в мышлении вообще и в композиторском мышлении, в частности. Неоднозначна каждая его мысль, неожиданно пришедшая идея, масштабная и в горизонтальном, и в вертикальном измерении... Каждый раз, играя его Сонату, чувствую неудовлетворенность, понимая, что там еще много нераскрытого. Как и в Квартете. Я играла его много раз, я чудеса нашла там в виолончельной партии. А Симфония? Сколько загадок он загадал многочисленным дирижерам, каждый из которых обнаруживает в этой прекрасной музыке что-то свое. В этом и весомость музыки Мирзояна – в ней, как в японской живописи, несколько планов: речка, лес, горы... и всегда между этими слоями воздух. Там рельефные мазки, а не плоская живопись и, в то

Аргентина, 1973 год. Лазарь Сарьян, Эдвард Мирзоян, Медея Абрамян, Александр Арутюнян

же время, они не выпирают... Как много он мог бы создать! Хотя бы из зависти сел и написал, доказал что-то себе и другим. Но он независтливый – радуется успехам своих коллег.

Вот должна исполнять сейчас “Поэму” для виолончели, которую он посвятил мне. Он даже сделал новую редакцию: в коде все завершается одним броском, одним пассажем. Оказывается, от такой “мелочи” многое зависит – все стало на свои места.

...Мирзоян, конечно, человек очень сложный. Как истинно творческая натура, он нестабильный – каждый день меняется, требуя в интерпретации своего сочинения то одно, то совершенно другое. Я сама такая же стихийная натура, мне кажется, это плюс – но, откровенно говоря, все очень непросто. Еще один парадокс: ничего не меняя в технике письма, он требует каждый раз нового ощущения, нового слышания, нового прочтения произведения: “Пускай сами догадаются, как надо сыграть”. Ничего подобного! Просто он привык к соавторскому подходу в нашей работе. Но как только сочинение играет кто-то даже из моих студентов, этот “секретный” слой мирзояновской музыки не прочитывается – он не отражен в тексте. ...Я боюсь подходить к Баху – в нотах нет ни пальцев, ни штрихов, ни динамических оттенков. Как я боюсь сделать что-то не так! Монигетти играет своего Баха – и люди это принимают. Для меня это невозможно...

Адику Худояну я говорила: “Не пиши четверти – пиши восьмые и шестнадцатые” – и играла так же динамично. Теперь часто слышу: исполнители застывают на каждой четвертной, нет никакого движения. Лазарь Сарьян, например, не давал мне вмешиваться в текст, требовал точного его прочтения: “Деюсик! Что ты делаешь?!” Помню, как Хачатурян дирижировал свою “Оду радости” – грузно, разжевывая каждую ноту. В зале сидел Ростропович: “Арам Ильич, миленький, посидите-отдохните, вы с самолета, устали...” Встал за пульт, взял темп вдвое быстрее – все проснулись, музыка просто зажила иначе. “Слава, что ты делаешь! Ты портишь мое сочинение!”

... Мы часто работали с Мирзояном вместе: выступали в Армении и за рубежом, делали совместные записи. Запись на грампластинку Сонаты для виолончели и фортепиано, которую я считаю выдающимся произведением, мы делали два раза. Играл Эдвард Михайлович бесподобно. Прослушав запись, он сказал, что партия фортепиано приглушена. “Но ведь на первом плане солирует виолончель”, – попробовал было возразить звукорежиссер. “Да, но ведь за роялем автор!” И теперь в записи временами фортепиано заглушает виолончель...

Во второй раз мы сделали потрясающую запись, все зазвучало намного лучше. И вдруг, когда оставалась кода, он встал, посмотрел на часы и сказал: “Меня ждут строители, я больше ни на минуту задерживаться не могу”. И эта уникальная запись, к великому сожалению, пропала.

...Мы были в Польше. Вечером предстоял концерт в Варшаве. Приехали усталые, голодные. Решили пообедать, но денег было мало, и Эдвард Михайлович из соображений экономии, ни на минуту не задумываясь о предстоящем ответственном выступлении, меня, Лазаря Сарьяна и еще кого-то повел искать дешевую закусочную. Часа два мы провели в поисках, наконец, перекусили в какой-то грязной столовой и, насмерть уставшие, за час до концерта вернулись в гостиницу. Отдохнуть уже не было никакой возможности. Я возьми и скажи: “Мне кажется, я ни одной ноты не сыграю”... Вышли, кое-как сыграли. Эдвард Михайлович так на меня обиделся: “Ты сказала, что ничего не сыграешь, я начал паниковать. Сама собралась и прекрасно сыграла, а я все испортил...” До сих пор об этом всем рассказывает. Но уже не помнит, как божественно он играл в Познани!..

Делегация СК Армении в Польше, 1968 год. Сидят (слева направо): Эдуард Багдасарян, Александр Аджемян, Эдуард Абрамян, Тигран Мансурян, Адам Худоян, Константин Орбелян; стоят: Григор Егиазарян, Лазарь Сарьян, Александр Арутюнян, Эдвард Мирзоян, Медея Абрамян, Изабелла Айдинян, Гегуни Читчян, Авет Тертерян, председатель СК Польши Казимеж Сикорский

Нью-Йорк, февраль 1963

Глава 15

Полеты во сне и наяву

Квартетисты во главе с Аветом Габриэляном взяли на себя смелость пропагандировать раскритикованный Квартет Мирзояна. Спустя годы, получив признание в Румынии, сочинение было, наконец, реабилитировано. Режим молчания сменился настоящим бумом Квартета. Его играли повсюду, играли с неизменным успехом. И именно это сочинение стало визитной карточкой современного этапа советской (в первую очередь, русской) музыкальной культуры за рубежом, поскольку за границей понятий "армянский коллектив", "армянская музыка" в отношении посланников страны Советов не было вообще.

30.06.1959, Москва
Дорогой Эдик!

Уже давно по приезде из Исландии собираюсь написать тебе, но сразу же окунулся во множество дел и все никак не мог собраться.

О твоих /*струнного Квартета*/ успехах тебе, наверное, уже кое-что известно (сообщение ТАСС и моя статья в "Коммунисте"). Ко всему этому должен прибавить, что в антракте первого концерта, когда мы первое отделение концерта закончили исполнением твоего Квартета, ко мне (я за подписью замминистра культуры СССР Данилова был назначен руководителем группы, то есть квартета) подошел президент Музыкального общества Рагнар Ионссон и предложил от имени граммофонной фирмы "Колумбия" (Лондон) (а он сам связан с ней) записать твой Квартет на пластинку и тут же добавил: "Я Мирзояном наводню всю Европу! Теперь нужна такая музыка. Это очень современное сочинение".

Должен тебе сообщить, что перед отъездом из Москвы я в Министерстве культуры подписал бумагу о том, что ознакомился с инструкцией, запрещающей без ведома министерства производить записи на пластинку за границей. Так вот, тут же в артистической находился наш посол А. М. Александров. Я ему сказал: "Александр Михайлович! Нужно немедленно запросить Москву". А Ионссону я сказал, что подумаю об этом. На другой день мы с послом отправили телеграмму Данилову с просьбой разрешить записать твой

Квартет. Телеграмма от Данилова задержалась и пришла с положительным ответом только накануне нашего отлета. Так что, к большому нашему сожалению, запись не состоялась. Вообще Рагнар Ионссон влюбился в твой Квартет. Когда мы играли в Рейкьявике последний концерт, он просил включить в концерт опять Квартет Мирзояна. Во время исполнения я иногда следил за ним. Он все время махал в такт головой.

4 ноября у нас первый концерт в Берлине. В первом концерте играем твой Квартет, так как у нас, ввиду ограниченного времени, там только один выходной день, то так же, как и в Исландии, будем играть каждый день. Этот выходной день, как выяснилось на днях, у нас тоже отпал. Из Берлина пришла бумага с просьбой, чтобы мы в свой выходной день сделали запись на пленку в Берлинском радио, что-нибудь из своей программы (программа уже им известна). Сегодня я отнес в министерство визу от нашего радио о разрешении записать твой Квартет на Берлинском радио. Неделю назад я позвонил на радио. Мне сказали, что наряд на запись Квартета Мирзояна уже имеется и можно писать. Я на основании этого уже заказал студию. Накануне мне позвонили и сказали, что ряд записей из-за отсутствия средств временно приостановлен.

Я тут же пошел к Ильину /*Игорь, композитор, гл.редактор муз.вещания Всесоюзного радио*/. Он мне сказал: “Честное слово, сейчас нет денег. Квартет Мирзояна в плане 1959 года, в сентябре обязательно запишете. Эдику я сам все объясню!” Таким образом, к сожалению, запись перенеслась на осень.

Эдик джан! В Москве ты сказал, чтобы я тебе прислал некоторые данные о квартете для Товмасяна /*Сурен, I секретарь ЦК КП Армении*/ (по поводу Генриха /*Талалян, альтист*/ и меня). Квартет существует 35 лет. Дано за это время около 8 тысяч концертов. Гастроли: весь Советский Союз, Германия, Англия, Австрия, Чехословакия (дважды), Исландия, Румыния, Швеция. Предстоят гастроли в 1960 году: Латинская Америка, США, Норвегия, Болгария (по плану Министерства культуры). На днях будет готова наша юбилейная афиша (к 35-летию концертной деятельности), обязательно пришлю в Союз композиторов.<...>

Целую тебя крепко! Передай сердечный привет маме и Ляле!

Твой Рафик

/*Давидян, вторая скрипка квартета имени Комитаса*/

20.03.1960 /?/, Москва

Дорогой Эдик!

<...>

Сегодня концерт прошел успешно. Всем очень понравился твой Квартет. Говорили “настоящий”. Позавчера играли его на кафедре Камерного ансамбля консерватории. Была вся кафедра. Все выступавшие очень хвалили музыку и единодушно отмечали и большую талантливость автора, и увлекательность, и отличное качество, и равноценность всех вариаций. Особенно отмечали органичное вторжение музыкального материала в коду произведения. Целую тебя крепко!

Твой Рафик <...>

Главным зарубежным вояжем “Мирзояна и Ко” – лучших друзей и квартетистов-комитасовцев – стала поездка в США в начале 1963 года.

Страна вожделенной мечты советских диссидентов, страна, откровенно враждебная Советам, где музыкант всегда больше, чем музыкант, – посланник советской цивилизации. И где соревновательность культур – больше чем соревнование: это битва идеологий, в которой победа не бывает случайной.

– **Знаешь что,** – говорит Мирзоян, – **я не то что уверен – я более чем убежден, что американцы родить Ростроповича не способны. Они способны купить Ростроповича**. **Хотя бывают и исключения – это Гершвин. Не перестаю восторгаться его гением: как он почувствовал, что негритянский фольклор может стать символом этого «խառը կանաչի»** /*сборного пучка зелени разных сортов*/**!**

– А почему вы считаете, что Америка “бесплодна”?

– Как принцип. Потому что главная ценность США – это деньги. Одна цель: заработать деньги. Я был там много раз: в 1963, 1973, 1986, 1988, 1996, 1997, с 2001 по 2005 годы каждую зиму. Прекрасная страна, но в последнюю мою поездку я еще раз убедился, что это не моя страна. Когда поехал в первый раз, квартет репетировал, а мне нечего было делать. Город Тусон, что ли, город небольшой, народу на улицах нет. Навстречу идет красивая девушка. Приближается, замечает, что я пристально смотрю. Улыбнулась – я ужаснулся: это была гримаса. Это не характер именно этой девушки – это сущность общества.

Еще один случай. После концерта нас пригласили в гости. И вот, хозяйка дома, очень приветливая, решила мне показать квартиру и устроила экскурсию по дому. Я вошел в роль “совка”, потрясенного Америкой (չտեսի տեսաք եմ ընդունում). В одну комнату входим – стена выложена кирпичной кладкой: “Очень интересно!” – вежливо отмечаю я. Потом показывает прибор, регулирующий температуру в каждой комнате в отдельности. Я опять выражаю удивление. Потом она меня провожает в подвал, где открывает шкаф-морозильник, полный всяких продуктов, включая хлеб. Я опять удивляюсь. Потом приглашает на кухню. В раковину кладет какую-то шелуху, под давлением струи сетка расходится, хлам смывается, потом сетка

возвращается в исходное положение. Под напором воды исчезает также огромный кусок колбасы. “Да, – говорю, – я полагаю, что дверца этого шкафчика откроется и оттуда выбежит живой поросенок”. Она не понимает, куда я клоню. “У вас, наверное, техника достигла такого уровня, что когда опускаешь в раковину поросенка, выходит кусок колбасы. Вы бросили туда колбасу, значит должен выйти поросенок”. Она в недоумении. “Так значит, оттуда поросенок не выбежит?” – “разочарованно” спрашиваю я. “Нет”. – “Если не выбежит, все остальное у нас в Армении есть”. – “J am sorry”, что приняла меня за примитивного человека (որ ինձ չտեսի տեղ ա դրել, էլի՛).

– Вы помните о своей первой поездке в США все до мелочей – и встречи с публикой тоже?

– Без ложной скромности могу сказать, что я выступал раз 15. В университете в Канзас-сити меня спрашивают: “Как Вы думаете, не является ли рок-н-ролл проблемой для советского государства?” Что ответить? – “Знаете что, у Советского Союза, кроме танца рок-н-ролл, никаких проблем нет”. Хохот... На протяжении всех 40 дней – концерты, встречи, каверзные вопросы. “Вы не считаете, что размер пособия по безработице в Америке больше, чем зарплата рабочего в Индии?” – “Надо начать с того, что каждая страна имеет свой критерий благополучия. Исходя из этого, я не думаю, что американский безработный счастливее индийского рабочего. Мало того – природа человека такова, что его главное призвание – в созидании. Если рабочего лишают работы, разве он может быть счастлив? Во-первых, сумма незначительная, во-вторых, его лишили права на творчество. Не хочу сказать, что “Америку открываю”, но почему в античности рабы создавали шедевры? Потому что творчество делало их по-настоящему свободными”. И со мной соглашались.

Была провокация, что частная инициатива дает больший экономический эффект. Я поспорил: “Не обязательно. Все зависит от умения организовать. А разве общественный труд – не радость? Один за всех, все за одного – неужели это плохо?” После поездки я выступал с лекцией в Ереванском Зооветинституте. Профессор Мапре Гарагаш мне сказал:“Знаете, Эдвард Михайлович, вы сделали великолепный политэкономический анализ”. – “По недоразумению я в консерватории курс марксизма не проходил”. – “Тем более, это подтверждает, что диамат – правильная наука”.

В списке знаменитых людей прошлого Эйнштейн по опросам занял второе место, а первое – Маркс. Это потрясающе. Я Гегеля не знаю, многого не знаю, но это великая наука. Вульгаризированная Лениным до предела – и все же великая. Я так хорошо изучил марксизм, у нас педагог по марксизму был замечательный, Погосян. А потом и Литинский с нами по марксизму занимался. Лиза Мнацаканян /*музыковед*/ в Дилижане мне как-то говорит: “Эдик, неужели ты веришь в эту ересь?” Ոնց որ գլխիս տալին... (Меня как обухом по голове...)

09.01.1963

Дорогие мои дорогие!

Вот уже семь часов как мы летим над Атлантическим океаном. Самолет Боинг-707 на 156 мест. Несмотря на длительность перелета, самочувствие очень хорошее. Разговариваем, шутим, питаемся. В общем, не скучно. В самолете шум незначительный, качки почти нет. Через час должны прибыть в Монреаль. Сейчас по ереванскому времени 2 ч. ночи, по брюссельскому – 11 ч. ночи, по монреальскому – 5 ч. вечера.

Это фото брюссельского аэропорта, откуда мы вылетели (прилетели из Москвы тоже сюда). В Брюсселе немного погуляли. Были у Оперного театра.

Пока, до свидания, до приезда-прилета в Монреаль.

Целую крепко ***Эдик***

P. S. Ура, благополучно приземлились! 3 ч. ночи.

12.01.1963, 1 ч. дня

Это город Сиэтл, в который мы прилетели из Ванкувера 12.01.1963 в 12 ч. дня. Короче говоря, мы уже находимся в США. Через час на другом самолете летим в город Портланд, где состоится концерт. Вчера в Ванкувере прошел концерт с большим успехом. Публика довольно горячая, хорошо разбирающаяся в камерной музыке.

Э.

Дорогие мои Зарочка и Аршачок!

Правда, симпатяга Бэмби? Вот мне хочется, чтобы вы тоже были такие же хорошие, и когда начинаете из-за ерунды ссориться, вспомните, что это никому и мне тоже не нравится. А для того, чтобы вспомнить меня, посмотрите на Бэмби. Будьте здоровы, поцелуйте Люлю /*Люся Богдановна*/, маму, бабулю.

Ваш ***папа***

Ляля ջան,

Что-то этого Бэмби где-то я видел. Боюсь, что даже у нас дома. Но будем на этот случай считать, что это его братик. А у нас дома было бы неплохо, если будут два братика! Ты не удивляешься, что я написал сразу столько писем? Я тоже. Целую

Твой ***Эдик***

08.02.1963

Дорогие мои хорошие!

В Монреале нас встречала Анаид /*внучка Ов. Туманяна*/ – жена А. А. Арутюняна[92]. Она специально приехала из Оттавы на машине, была сердечная встреча. Вспоминали, что на 50-летии "Ануш" /*опера Тиграняна, 1912*/ 10-го января договорились встретиться 8-го февраля. Так и получилось. Спрашивала, как Вы все, передавала привет.

По телевизору показывают детективный фильм. Стреляют, убивают, дерутся, и все это в несколько минут раз перебивается рекламой, как можно быстро приготовить тесто, которое продается в тюбиках.

Эдик

Калейдоскоп легких юмористических штрихов Эдварда Михайловича передает атмосферу "приключений армян в Америке".

– **Мы с Рафиком** /*Давидян, вторая скрипка и директор квартета*/ **жили в одном номере и питались вместе. И вот, проходя мимо одного магазина, в витрине я увидел курицу-гриль, пышненькую такую, аппетитную – всего 1$ 15 центов. Куплю, думаю, вдвоем мы ее и не осилим. Вошел, положил деньги, показываю на курицу. Она открывает витрину и протягивает мне щуплого цыпленка – оказывается, с двух (!) сторон витрины приделаны увеличительные стекла...**

– На приеме после концерта в одном богатом доме. Авет Габриэлян /*первая скрипка квартета*/ **простужен, голос пропал. За ним пристально следит Рафик Давидян – не дай Бог, сорвется концерт, коллектив не получит 400$ (куда входят мои суточные – 11$ с центами, по 41$ каждому члену квартета и 59$ идет в Госконцерт). Вдруг Рафик замечает, что Авет Карпович своими габриэляновскими лапами обнял бокал с виски со льдом. Рафик набрасывается: "Что Вы делаете?!" Габриэлян смущенно, но спокойным тоном отвечает: "Грею..."**

[92] Амо Акимович (Амазасп Овакимович) Арутюнян, посол СССР в Канаде. По дороге в аэропорт он доверительно спросил Мирзояна: «Ինչպե՞ս են գործերը Ղարաբաղում» ("Как дела в Карабахе?") – «Է-է...» ("Э-э...") – «Ինչո՞ւ է-է... Ո՛չ, պետք է շարունակել պայքարել» ("Почему "Э-э"?! Нет, надо продолжать бороться!").

– Мы сидим в гостиничном номере. Потолковали об организационных вопросах. И вдруг Авет Карпович, куда-то опаздывая, вскакивает с места, открывает дверь и буквально кидается ...в шкаф.

– Стоим на первом этаже гостиницы, в фойе, ждем Авета Карповича. Вдруг видим, как он панически выбегает из женского туалета и – о, ужас! – вдогонку за ним, размахивая кулаками, бежит основательно пожилая дама...

ARMENIAN NATIONAL COUNCIL OF AMERICA
Ամերիկահայ Ազգային Խորհուրդ
17.10.1963, New York
Կոմիտաս Լարային Քառեակի Անդամներուն
Ա. Գաբրիէլեան
Ռ. Դաւիթեան
Հ. Թալալեան
Ս. Ասլամազեան
Եւ երաժշտագէտ Է. Միրզոյեանին

Մեր թանկագին եւ հարազատ հայրենական հիւրեր, (…)

Շատ ուրախ ենք, որ այժմ պատեհութիւն կ'ունենանք անձամբ լսելու Ամերիկեան ժողովրդի հետ այս երկրի բեմերի վրայ:

Մենք հպարտ ենք որ դուք մեծ համբաւ վաստակած էք Սովետ Միութեան եւ միջազգային ասպարէզին մեջ, ձեր արուեստի կատարելութեամբ եւ իբր առաջին լարային քօրթէթ հրաւիրուել էք այս երկիրը: Ազգային հպարտութիւն է մեզ՝ փոքրաթիւ հայ ժողովուրդի համար, որ Սովետական Միութիւնից առաջին երգիչը՝ որ հրաւիրուեց, դա Զարուհի Դոլուխանեանն էր, առաջին օփերայի փոխանակութիւնը, դա Պաւէլ Լիսիցեանն էր, եւ այժմ էլ դուք՝ որ առաջին լարային քօրթէթը կը ներկայացնէք Սովետական Միութիւնից:

<...> Վստահ ենք անպայման յաջողութիւն կը լինի:
<...> Կրկին բարի գալուստ ձեզ:
Յաջողութեան լաւագոյն ցանկութիւններով
Օգսէն Սարեան, Ատենապետ

ARMENIAN NATIONAL COUNCIL OF AMERICA
Армянский национальный конгресс
17.10.1963, Нью-Йорк
Артистам квартета им. Комитаса:
А. Габриэляну
Р. Давидяну
Г. Талаляну
С. Асламазяну
и композитору Э. Мирзояну

Дорогие, родные посланники Отечества!
(…) Счастливы, что будем иметь возможность вместе с американским народом приобщиться к вашему искусству, лично побывав на концертах. Мы чрезвычайно горды тем, что, заслужив большую популярность в СССР и за рубежом, впервые именно вы представляете квартетное искусство Советского Союза в США. Для малочисленного армянского народа предметом национальной гордости может служить тот факт, что первой камерной певицей из СССР, гастролировавшей в Америке, стала Зара Долуханова. Первым приглашенным оперным артистом из Союза – Павел Лисициан, и вот первым квартетом – квартет имени Комитаса.

<...> Уверены, что гастроли пройдут с большим успехом.

<...> Вновь приветствуем вас!!!

С пожеланиями удачи

Оксен Сарьян, Председатель ANCA

Тем временем путешествия Эдварда Михайловича не ограничивались воздушными перелетами в зарубежные страны, полетами творческого воображения или парением над обыденностью в дружеской компании. Полеты над пропастью дилижанского ущелья, авария на дилижанской дороге – их тоже не избежал Мирзоян. И я пишу здесь об этом не только потому, что это часть биографии композитора. А потому, что история его болезни, как и история выздоровления, очень точно характеризуют неугомонного Мирзояна. И

США, 1963. Эдвард Мирзоян, Авет Габриэлян, Вазген Мурадян, Арпи Гркашарян, Генрих Талалян, Рафаэль Давидян

кроме того, “ортопедическое горе” Эдварда Михайловича так подействовало на сына, что Арик принял бесповоротное, судьбоносное решение стать врачом-ортопедом.

– В 1969-ом я гулял в дилижанском лесу, я всегда был связан с природой. Для меня природа – это собака, ребенок, женщина – все естественное. Своих детей я часто водил на природу, в тот раз гулял с сыном Ариком и собакой по кличке Томик, которая бежала спереди, высунув язык от жары. Мы спустились в ущелье, я потерял равновесие, решил притормозить – левую ногу выставил (я левша) – и услышал, как нога хрустнула /*малая берцовая кость*/**. Марсель** /*Андрикян, директор ДТ*/ **на руках дотащил меня до первого коттеджа, врач ДТ Аршавир Торосян взял в больницу. Там мой хирург Цолак Саакян наложил гипс.**

На следующий день – не знаю, по чьей инициативе, – в дилижанскую больницу приехали два доктора наук и профессор. На консилиуме постановили срочно перевезти меня в Ереван и исправить “неправильно наложенный гипс”. Я их поблагодарил, и они уехали. После их отъезда я связался со своим хирургом – спросил, нужно ли мне ехать в Ереван. Цолак молча выслушал и скромно сказал: “Мне кажется, что я все сделал правильно”. – “Значит, я не еду”. Все правильно срослось, и с тех пор между нами завязалась дружба.

“...В 1969 году после инфаркта врачи не советовали Шостаковичу ездить в Дилижан, но он все же приехал. Я лежал в своем коттедже с переломом ноги, и Шостакович навестил меня. Я напомнил ему, как он сказал мне, когда в Москве мы с Арно, Адиком и Борисом Чайковским пришли его проведать, – он, так же как и я, лежал с переломом ноги: “Нас всегда учили смотреть вперед, оказывается, надо смотреть под ноги...”[93]

– Был 1976 год. С Шуриком Пирумовым /*Александр, композитор*/ **и его женой мы ехали в Дилижан. Жена сидела впереди, мы с ним – сзади. Я что-то рассказывал, сидя вполоборота, рука опиралась на спинку сидения шофера. Это была машина Интуриста, водитель страшно гнал. Впереди, справа, с нормальной скоростью ехал “Москвич”, а мы ехали левее, стараясь обогнать. Поворот у Севана – удар, боль, смотрю: рука висит. Какой это был ужас! Сын есенинской Шаганэ**[94]**, Рубик Терте-**

[93] Мирзоян Э. Страницы дорогих воспоминаний (публ. М. Рухкян). // “Երաժշտական Հայաստան”, թիվ 3, 2006, էջ 70:

[94] Шаганэ Нерсесовна Амбарцумян-Тальян, родом из Ахалциха, дочь священника Тер-Нерсеса. Первый муж репрессирован, во втором браке – жена композитора Вардкеса Тальяна. В юности, зимой 1924-25гг., в городе Батуми познакомилась с поэтом С. Есениным, посвятившем ей поэтический цикл “Персидские мотивы”.

рян, привез меня в Ереван, в Лечкомиссию. Грудная клетка и рука в гипсе. Врачи так старались, что перестарались – гипс сломался. У меня было чудное настроение: сделали два наркотических укола, от третьего я отказался – боялся привыкания. После этого перевезли в Республиканскую больницу, где Орбел Арташесович Бунатян заново поставил мне гипс. Все время называл меня гениальным больным, считая, что я активно способствовал выздоровлению.

...Я не раз всерьез задумывалась о том, что настоящим источником энергии и долголетия Мирзояна является его настоящий, неподдельный интерес к людям. К тем, кто окружает его в масштабах семьи, друзей, общества, нации, страны, поколений. Даже если этот интерес не взаимен.

Письмо известного искусствоведа, продюсера документального фильма о Мирзояне “Перпетуум мобиле, или Альбом для внучки” Андрея Золотова /*автор фильма – А. Симонов*/ в некотором смысле отражает состояние беспокойства за здоровье Эдварда Михайловича, жизнь которого не приравнена к биографии одного-единственного человека – она как некий ирреальный пояс безопасности, некий защитный фильтр над нашим общим армянским музыкальным домом, в котором должен сохраниться культ духовности и высокой культуры человеческих отношений.

22.07.1976, Дилижан

Дорогой, горячо и искренне почитаемый мною Эдвард Михайлович!

Пишу Вам в большом волнении ЗА ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ... Вчера поздно вечером я узнал от Арика по телефону о Вашей руке и таком драматическом происшествии. Я был сражен известием. Слава Богу, что Вы живы!!! Поправляйтесь скорее!!!

Пусть все помогает Вашему выздоровлению, и в том числе добрые мысли о Вас Вашего преданного друга Андрея Золотова. При первой же возможности, как только таковая представится, я буду счастлив увидеть Вас и лично высказать свои самые сердечные чувства и мысли, обращенные к Вам с искренней нежностью и подлинным уважением.

Спасибо Вам за внимание и доброту, неизменно проявляемые ко мне и моим близким. Здесь, в Дилижане, мне хорошо...

Еще раз желаю Вам скорейшего и полного выздоровления.

Всегда Ваш ***Андрей Золотов***

Дилижан, 1981

Первый состав "Квартета выдвиженцев Московской консерватории" (1924), с 1932 года – квартета имени Комитаса: Авет Габриэлян (I скрипка), Левон Оганджанян (II скрипка), Михаил Тэриан (альт), Сергей Асламазян (виолончель), руководитель квартета – Е. Гузиков

Квартет имени Комитаса в период 1947-1968 гг.: Авет Габриэлян (I скрипка), Рафаэль Давидян (II скрипка), Генрих Талалян (альт), Сергей Асламазян (виолончель)

Квартет имени Комитаса в период 2000-2007 гг.: Эдуард Татевосян (I скрипка), Сурен Ахназарян (II скрипка), Александр Косемян (альт), Арам Талалян (виолончель)

Глава 16

"Свои" и "чужие"

Может быть, сегодня это прозвучит несколько странно, но триумфальное шествие комитасовцев по миру ничуть не приблизило признания их заслуг на официальном уровне в Ереване. Борьба за награждение квартетистов, которая могла несколько облегчить жизнь маргиналов, разрывающихся между Россией и Арменией, для Мирзояна обернулась нескончаемой многолетней мучительной эпопеей. Рафаэль Давидян, директор и менеджер квартета, все эти годы неустанно писал Мирзояну, своему абсолютному союзнику в этой изматывающей борьбе, откровенно ему признаваясь: "Эдик джан! Ты меня извини, пожалуйста, за беспокойство, которое я тебе причиняю, но я клянусь тебе, что, независимо от твоих возможностей, у меня в Ереване человека ближе тебя никого нет"[95]. Чувство неловкости, боли и недоумения вызывают письма квартетистов, которые были вынуждены доказывать чиновникам заслуги звезд первой величины армянской культуры. Среди них – виолончелист Сергей Асламазян, альтист Генрих Талалян, скрипач Авет Габриэлян, пианист Виктор Мержанов и др.

02.11.1972, Москва
Дорогой Эдик!

В связи с моим решением восстановить деятельность моего детища – квартета имени Комитаса, организованного мною в 1924 году, я пополнил квартет двумя молодыми музыкантами: лауреатом Всесоюзного и Международного конкурсов, виолончелистом Д. Григоряном и альтистом Г. Марказьяном. Возобновившаяся работа квартета в сентябре сего года показала, что выбор мой оправдал себя. Молодежь проявляет горячий энтузиазм, обнаруживая незаурядный исполнительский потенциал, быструю реакцию, и радует освоением традиций квартета.

К сожалению, Эдик, дорогой, тяжелые условия жизни отрицательно влияют на работу квартета. Второй скрипач квартета Э. Татевосян третий год живет в Москве без прописки, неоднократные

[95] Из письма Мирзояну "Пишу тебе это письмо вдогонку..." (без даты).

обращения в Моссовет не увенчались успехом. Давид Григорян, ради квартета оставивший педагогическую работу в Новосибирской консерватории и сольную деятельность в Филармонии, в случае получения разрешения Моссовета, мог бы обменять свою новосибирскую площадь на московскую, но прописки он тоже не имеет. Вы сделали бы большое дело для Татевосяна, Григоряна и, разумеется, для квартета в целом, затронув этот неотложный вопрос в разговоре с Антоном Ервандовичем Кочиняном /*Первый секретарь ЦК КП Армении*/. Только он может разрешить этот жизненно важный вопрос, написав свое отношение от имени Армянской ССР председателю Моссовета с просьбой разрешить их прописку в Москве в обмен новосибирской площади Григоряна на московскую.

Ведь квартет Комитаса, восстанавливаемый мною в третий раз, не последнюю роль сыграл в деле воспитания ряда поколений советских исполнителей и высоко пронес знамя армянского исполнительского искусства у нас и за рубежом, а тем более, что приближается 50-летие квартета Комитаса.

С искренним чувством пожелания здоровья, благополучия в семье и всех благ

Авет Габриэлян

– Странная у нас была традиция в советское время: если деятель культуры живет в Москве, значит, государственные премии должна присуждать Россия. А если даем мы, то вмешиваемся в ее внутренние дела. Азербайджанцы, наоборот, демонстративно раздавали премии, чтобы показать, что это их люди. Իսկ մենք՝ էշությունն (а у нас – идиотизм): **Даже не хочу об этом говорить, сколько нервов на это потрачено... На то, чтобы лучшему квартету в СССР была присуждена Госпремия Армении. Я не преувеличиваю – лучшему. Несмотря на то, что все премьеры Шостаковича доверялись квартету имени Бородина, присутствие Авета Габриэляна в квартете Комитаса делало этот коллектив непревзойденным по мастерству и особому, габриэляновскому качеству. И при всем при этом – бесконечные мытарства в вопросе награждения, их элементарной поддержки, настоящая борьба по всем инстанциям, о чем свидетельствует эта переписка.**

05.03.1963

Многоуважаемый, дорогой Эдуард Михайлович!

В свое время Гай Юлий Цезарь с поля битвы доложил Римскому сенату: “Veni, Vidi, Vici” /*“Пришел, увидел, победил”*/. Спустя две тысячи лет наш прославленный квартет имени гениального Комитаса вместе с Вами в своей триумфальной поездке покорил любителей настоящей музыки в Америке и Канаде. С чувством большой гордости и радости, затаив дыхание, я следил за Вашей поездкой

(к сожалению, мы получили очень скудные сведения о Вашем триумфальном шествии).

Я бесконечно рад за наш талантливый армянский народ. Ваш ансамбль еще раз продемонстрировал талант армянского народа. Дорогой Эдуард Михайлович, наш армянский народ гордится Вами и нашим талантливым квартетом им. Комитаса. Прошу Вас при встрече передать мои поздравления и восхищения членам квартета и пожелать им крепкого здоровья и долгих лет счастливой жизни.

Дорогой Эдуард Михайлович, Вас как руководителя музыкальной творческой жизнью армянского народа прошу вплотную заняться вопросом включения в штат Армфилармонии квартета им. Комитаса, ибо я считаю недопустимым, что этот квартет исключен из состава Армфилармонии и в течение 3-х лет никто не хочет заняться этим вопросом.

Позволительно спросить у наших руководителей, по какому праву /*они*/ считают, что квартет принадлежит нашей республике, если никто в республике не занимается их благополучием. В настоящее время в составе Армфилармонии умножаем очень много разных ансамблей, которые якобы пропагандируют нашу национальную музыкальную культуру, а прославленный заслуженный квартет им. Комитаса оставили за бортом.

Поздравляю Вас и Вашу прекрасную семью, желаю Вам очень много лет счастливой жизни и дальнейшей плодотворной деятельности в отрасли музыкальной культуры на благо нашего замечательного армянского советского народа.

Обнимаю Вас, с глубоким уважением

Франц Никитич Саруханян

/главный бухгалтер Министерства культуры Армении/

Квартет имени Комитаса и Э.Мирзоян в США, 1963 год. Сергей Асламазян, Авет Габриэлян, Эдвард Мирзоян, Генрих Талалян, Рафаэль Давидян

18.02.1967, Москва

Дорогой мой Эдик!

Я не нахожу слов, чтобы поблагодарить Вас за все, что Вы сделали для меня. Я и Тамара Дмитриевна /*жена С. Асламазяна*/ (кстати, она в восторге от Ляли) преисполнены чувством благодарности к Вам. Дай Бог Вам побольше здоровья! До чего же мне повезло: ведь Вы в тот день /*празднование 70-летия Асламазяна*/ были украшением (если можно так сказать) стола. Вы провели обед так умело, красиво, с юмором, что мои гости, безусловно, должны быть очень и очень довольны. Во всяком случае, я очень доволен и благодарен.

Я, конечно, очень извиняюсь, что оторвал /*Вас*/ на целый день от работы в Дилижане. Но я успокаиваю себя тем, что не один я отвлекаю Вас. Убежден, что таких, как я, там много, и многие мешают сосредоточиться и спокойно работать. Даю слово, что это уже не повторится.

По приезде в Москву я получил <...> поздравительную телеграмму от Е. А.Фурцевой /*министр культуры СССР*/, в которой она от имени коллегии Министерства и от себя лично очень тепло поздравляет /*с 70-летием и награждением Почетной грамотой Верховного Совета Армении*/. Признаюсь – это было мне очень приятно. Только не пойму, как она узнала. Возможно, из газеты “Коммунист”.

Дорогой Эдик!

Мы с Тамарой еще раз благодарим Вас за все и желаем Вам и Вашей семье всего-всего хорошего: всем здоровья побольше, детям хороших успехов в школе, Вам и Ляле счастья. Целую крепко

Ваш ***Асламазян*** /*Сергей*/

Армянские музыканты в Америке, 23.02.1963: Эдвард Мирзоян, Люси Ишханян, Генрих Талалян, Авет Габриэлян, Сергей Асламазян, Макеева (переводчица), Вазген Мурадян

Новый состав квартета имени Комитаса: Эдуард Татевосян (I скрипка), Сьюзи Ерицян (II скрипка), Александр Косемян (альт), Асмик Варданян (виолончель)

В июле 1971 года Мирзоян получил известие лично от Анастаса Микояна /*член высшего партийного руководства СССР*/, первым поздравившего Эдварда Михайловича с событием, о котором композитор пока не знал.

01.06.1971, Москва

Уважаемый Эдуард Михайлович!

От всего сердца горячо поздравляю Вас с получением высокой заслуженной государственной награды – ордена Ленина.

Своим ярким музыкальным талантом Вы завоевали сердца не только армянского народа, но и всех советских людей, которые слушали Ваши произведения.

Желаю новых успехов в Вашей творческой работе.

С уважением

А. Микоян

Между тем творческая мысль Мирзояна продолжала интенсивно работать. Нет такого периода на его непростом пути, который я бы могла определить как “бесплодный”. И 1970-е – это очень непростое время, когда под воздействием мощной авангардной струи отказ от традиции не просто становится модной тенденцией, а возводится в культ. Мирзоян снова в некотором роде идет против этого течения – он сохраняет свой имидж почвенника и “традиционалиста” и, одновременно, впитывает новый технический арсенал. Его задача в творчестве коррелирует с идеей Арно Бабаджаняна в “Шести картинах”: так органично объединить разные системы музыкального мышления, чтобы не исчезла сама музыкальная мате-

рия, ее духовная сущность, исполосанная технологическими операциями. И в 1970 году Мирзоян в первый (и последний) раз обращается к додекафонной технике.

То, как высоко композитор оценивает возможности своей дочери как музыканта, видно по тем задачам, которые композитор поставил в "Поэме" для фортепиано, написанной по просьбе (как всегда, длиной в десятилетие) Зары Мирзоян. В этом сочинении нет никаких поблажек, никакого подыгрывания адресату по принципу близкого родства. "Поэму" предполагалось исполнить на дипломном экзамене в специальной музыкальной школе имени Чайковского, поэтому, чтобы не подвести любимую дочь – кстати, девушку утонченной красоты и исключительного обаяния, – вполне можно было выбрать что-то по типу технически несложной пьески. Но не тут-то было, все обстоит прямопротивоположным образом – в “Поэме” все очень непросто. Глубина идеи в драматическом накале эмоций настраивает на ***экспрессионистическую*** образность. Некоторые стилистические аллюзии приближают пьесу к семантике ***символизма, сонористики*** и ***импрессионизма***, в то же время сохраняя ***классическую*** стройность композиции в ***романтическом*** вихре безудержного накала страстей.

Контраст как мегаприем прослеживается на всех уровнях сочинения. Традиционно хоральное обрамление – вступление и кода – расширяют фортепианную фактуру масштабом оркестрового звучания. И сразу же сменяются главной интонацией “креста” в чистом выражении, в предельном самоограничении средств – как бы застывая на одной струне, где обертоновая “ось”, постепенно сдвигаясь по вертикали, обрамлена с обеих сторон одиночными тонами. Совершенно исключено, чтобы, используя этот прием, автор оперировал именно понятием креста – мировоззрение Мирзояна не приемлет религиозных символов. Скорее, речь идет о выкристал-

лизовавшемся еще в эпоху барокко интонационном обороте, значительно более широком по смысловым горизонтам – мучительному поиску ответов на вечные вопросы мироздания.

Автор прямо использует додекафонную технику: серия из 12 звуков проводится два раза, затем звучит 11, потом 10, 9 ... до 2-х. На этой идее основан весь средний раздел композиции. Усечение на звук каждый раз метрически смещает мелодическую линию, что позволяет даже визуально сжать, динамизировать материал (прием, часто используемый Мирзояном). Как лавина, прорвавшись на волю после застывшей безысходности вступления, еще недавно дышащая воздухом фактура теперь наводнена каскадом элементов виртуозной сложности, пронизанных диалогом скрытых полифонических пластов...

Важнейшее качество мирзояновской стилистики – ярко выраженное мужское волевое начало. Как ни парадоксально, в пьесе, посвященной дочери, это качество еще более подчеркнуто. Из всех существующих на сегодняшний день интерпретаций ***в записи*** лучшим, на мой взгляд, остается исполнение Кэтти Малхасян, которое освящено большой внутренней силой и чисто “мужским” напором эмоциональной стихии.

31.10.1972, Москва

Дорогой Эдуард Михайлович!

На последних двух заседаниях худсовета Дома звукозаписи я познакомился с неизвестными мне сочинениями армянской музыки в превосходном исполнении талантливой Вашей пианистки Кэтти Малхасян (которую я тоже до этого не знал). Замечательная культура чувства и общий вдумчивый стиль исполнения оставили на всех самое хорошее впечатление. Все, я в том числе, выражали вслух восторги в ее адрес. Исполняла она довольно большую программу: “Посвящение” Г. Чеботарян, “Три прелюдии” Г. Овунца (с явными отзвуками Д. Д. /*Шостаковича*/), “Три музыкальные картины” в импрессионистическом стиле А. Арутюняна и Вашу “Поэму”. Вот о ней мне и хочется сказать Вам пару слов. Очень понравилась мне она своей душевной и интеллектуальной сосредоточенностью и своим лаконизмом. Ничего внешнего. Мне кажется, что это что-то новое в Вашем творчестве, т.е. я хочу сказать, что в такой концентрированно сжатой форме эти качества появились у Вас здесь впервые. Впрочем, ведь я так недостаточно знаком с Вашим творчеством. Так или иначе “ Поэма” очень понравилась мне, и, будь моя воля, я попросил бы повторить ее. Шантырь /*Григорий, композитор*/ сказал мне, что сочинение включено в программы предстоящего пленума, и, следовательно, я еще ее услышу, а заодно и Вашу талантливую пианистку.

Слушая Вашу “Поэму”, я вспомнил почему-то далекое время на-

шего первого знакомства в Рузе (Вы сочинили тогда Вашу Симфонию и показывали мне свой Струнный квартет), потом свое посещение Армении в сообществе Друскина /*Михаил, музыковед*/ и Арапова /*Борис, композитор*/. Боже, как все это было давно!

Да, чуть не забыл. На тех же советах в ДЗ Анаит Цицикян /*скрипачка*/ (с удивительно теплым, эмоционально содержательным звуком) исполняла “Ноктюрн” Э. Багдасаряна и прелестное Скерцо Гегуни Читчян, вызвавшее всеобщее одобрение (произведение и исполнение).

Самые сердечные пожелания Вам и Вашей семье

Ваш ***С. Шлифштейн*** /*Семен, музыковед*/

12.12.1980

Добрый день, Эдуард Михайлович!

Я написала Вам, чтобы не отнимать времени у Вас в предпраздничный период напряженной работы. И сейчас хочу высказать свою признательность за гостеприимный и теплый прием, оказанный Вами. Да, гостеприимство это и осенний Дилижан надолго останутся в моей памяти.

Как Вы, Эдуард Михайлович? Хотя можно ли об этом спрашивать у человека, всегда думающего и действующего во имя общих дел и успехов! Ведь это яснее ясного! Но все-таки... Во всей многогранности форм самовыражения каждый выбирает только ему подвластную, и получается иерархия больших и малых форм. Недавно слушала Квартет ре-минор и “Поэму” для ф-но и узнала его создателя, такого действенного и... непостижимо скорбного. Это двуединство истинных Поэтов, Поэтов неисчерпаемых порывов. От них и ждут всегда новых, подлинных страниц чувств и размышлений, ибо только им одним подвластно видеть то, что не лежит на поверхности бытия. Наверное, это и есть самая высшая форма самовыражения и самоотдачи, которая о, как мало кому дана свыше!

Ваша музыка прекрасна. Эта музыка стоит самой полной самоотдачи, чего очень и очень желаю Вам.

Прощаюсь с Вами, всегда помнящая и уважающая Вас

Инга Бахтадзе /*музыковед*/

<...>

Марине Абрамян (пианистка):[96]

“Есть произведения, которые выучиваешь по необходимости, стараясь найти в них изюминку. Но есть и такие, к которым чувствуешь зов души, – с “Поэмой” так и произошло. Ее я “выбрала“ для себя давно, но подбиралась к этому сочинению постепенно – шла

[96] Из беседы с автором, 2009 год.

невидимая даже для меня внутренняя подготовка. И, составив программу сольного концерта 2009 года в зале имени Хачатуряна, почувствовала себя как будто готовой к этому сочинению. Когда начала его учить – а выучила я очень быстро, – оно запало мне в душу и стало рождаться уже из моего сердца.

“Поэма” потрясла меня, потрясла философской глубиной – мне даже трудно передать это ощущение... Такие чувства я испытывала, играя сочинения Баха, Бетховена, у которых в двух тактах, на одной странице умещаются целые драмы. Вот это настоящее опустошение души, после которого хочется остаться в этой тишине, возникло от “Поэмы”. ***Там сказано и недосказано*** – вот что потрясает...

Кроме того, что в “Поэме” есть находки чисто инструментальные (перебор струны, например), мне в этом сочинении открылись необъятные возможности в смысле красок: фортепиано использовано как красочная палитра.

И эта удивительная связь начала и конца...

Для меня “Поэма для фортепиано” – драгоценный бриллиант в творчестве Эдварда Мирзояна”.

Ереван, 08.06.1969. Зара Мирзоян солирует с Государственным симфоническим оркестром Армфилармонии, в программе – Второй концерт Листа, дирижер – Ю. Давтян

Глава 17

Противостояние

С высоты прожитых лет 1970-е и начало 1980-х кажутся периодом абсолютной стабильности, продуктивности содружества советских композиторов, активной, динамичной направленности в будущее, уверенности в том, что это будущее есть, что оно обязательно состоится. Ужасы военного времени, страх сталинских лагерей, непроницаемость железного занавеса – все осталось в прошлом, все было преодолено ценой немалых потерь. Теперь же открывается новая страница – как бы в отместку за пережитое, элитарное искусство пытается начать новую главу с чистого листа. Где творчество проповедует идею абсолютной свободы, где искусство уходит в недосягаемые высоты музыкальных абстракций и в непознанные глубины национального самопознания. И где инерция слушательского восприятия в недоумении разводит руками, спотыкаясь на каждом шагу о непредсказуемые, немыслимые препятствия. Принципиально важно, что новый этап развития армянского музыкального искусства, который принято определять неоднозначным термином “авангард”, начался не вдруг, а был подготовлен всем предыдущим развитием армянской культуры XX века.

Авангард прокладывал себе дорогу, диктуя приоритеты развития композиторской мысли. “Как не вспомнить старые времена, когда армянский Союз композиторов представлял из себя мощный организм и молодое поколение было привилегированным классом, по-своему даже диктующим развитие и направление армянской музыки. Они были и бунтарями, и авангардистами, они открывали новые горизонты, им было интересно жить и творить. И эта атмосфера молодости была замечательно заразительна для всех вокруг”[97].

Именно тогда, когда уже была налажена материальная инфраструктура СК, были созданы нормальные условия для жизни и творчества композиторов, когда бренд центра науки и культуры стал частью международного имиджа Армении и когда, казалось бы, можно было вздохнуть с облегчением, занявшись исключи-

[97] Рухкян М. Союз композиторов в “зоне выживания”. // “Новое Время”, 30.05.2009.

Через годы, через расстояния: Оган Дурян и Эдвард Мирзоян

Большой зал Армфилармонии, 1962 Ереванская премьера Симфонии для струнных и литавр, Государственный оркестр Армфилармонии, дирижер – Оган Дурян

1974 год, авторский концерт Эдварда Мирзояна в Киеве, дирижер – Оган Дурян, солист – Рубен Агаронян

тельно творчеством, в биографии Мирзояна произошло несколько серьезных потрясений – душевных землетрясений.

"Ко мне это относится постольку, поскольку меня касается ВСЕ", – так Эдвард Михайлович ответил на мой недоуменный вопрос, какое имеет к нему отношение событие "х" в 90 лет. И это отнюдь не преувеличение: до сих пор серьезные проблемы в области культуры обсуждаются с ним на самом высоком уровне. Как же это было справедливо в бытность Мирзояна на высоких государственных должностях!

Смерть великого Арама Хачатуряна, потеря любимого Арно Бабаджаняна, за жизнь которого Эдик боролся вместе с другом более 35 лет, катаклизмы в СК и уход с поста председателя, битва не на жизнь, а на смерть за судьбы дирижеров Огана Дуряна и Валерия Гергиева и еще миллион вопросов в компетенции члена ЦК КПА, депутата Верховного Совета Армении. И рядом с этим – постоянная подспудная композиторская работа, которая дала удивительные, неожиданные плоды.

I. Оган Дурян

– *С*егодняшнее молодое поколение этой истории, наверное, не поймет: оно иначе мыслит и не представляет всей сложности тогдашних обстоятельств. Этот рассказ о том, как, вопреки обстоятельствам, функционеры и чиновники различных рангов оказывались выше и человечнее государственной машины, которой они служили.

...Те вопросы музыкальной жизни, которые находились в ведении КГБ, я решал непосредственно с первыми лицами этой организации. Поэтому очень удивился и был даже задет, когда в 1970 году ко мне обратились через завотделом культуры ЦК Саядяна.

– Попросите Огана Дуряна, – позвонил мне Саядян, – пусть вернется в СССР.

– Я только недавно получил от него письмо, – ответил я. – Там он с горечью говорит о том, что в Армении к нему плохо относились. К тому же, он ставит целью пропаганду армянской музыки за рубежом, а это нам крайне необходимо.

Саядян настаивал. В Оперном театре на одном из спектаклей я встретил председателя КГБ Г. Бадамянца.

– Что ждет Дуряна после возвращения? – спросил я его. – Если что-нибудь недоброе, я на это не пойду.

– Обещаю вам, ничего плохого не произойдет. Он будет выступать здесь и выезжать на гастроли.

Это меня убедило, и я решил звонить Огану. Жена его, Кна-

рик /*первая жена*/, пришла ко мне, я набрал номер и начал уговаривать его вернуться, гарантируя безопасность. Кроме того, я сказал, что к 50-летию советизации Армении в Ереване будет находиться Л. Брежнев /*генеральный секретарь ЦК КПСС*/ и заключительным номером праздничного концерта доверено дирижировать именно Огану. По телефону же я обещал, что он сможет выезжать на зарубежные гастроли и, в частности, в январе мы вместе вылетим в Париж. Дурян ответил, что подумает и перезвонит через десять дней.

Спустя неделю раздается звонок.

– Мне ехать через Бейрут или Москву? – спросил он, вероятно, опасаясь, что это ловушка и в московском аэропорту по приезде его арестуют.

– Через Москву, – ответил я.

– Я еду, доверяя тебе. Верю твоим словам о том, что смогу принимать приглашения для работы с зарубежными оркестрами, ставить в Ереване оперные спектакли и руководить заключительным номером в концерте, на котором будет присутствовать Л. Брежнев.

2 ноября 1970 года в московском аэропорту композиторы Дживан Тер-Татевосян, Александр Аджемян с женой, я с Лялей, жена Огана Кнарик и сын Нарек встретили Дуряна и вылетели вместе в Ереван. Артисты Государственного симфонического оркестра и хора со слезами на глазах обнимали маэстро.

Но... тучи сгущались. Буквально через несколько дней один из секретарей ЦК возмущенно заявил: “Что это за безобразие! Председатель Союза композиторов, депутат Верховного Совета, член ЦК КП Армении вылетает в Москву лично встречать невозвращенца”. С этого все и началось, и я через эту историю прошел нелегкое испытание. По решению бюро ЦК заключительный номер – специально написанное к торжествам сочинение Александра Арутюняна – было поручено дирижировать Оганесу Чекиджяну.

Меня же назначили музыкальным руководителем концерта. Иду к Антону Кочиняну /*Первый секретарь ЦК КП Армении*/, к этому мудрому человеку, и объясняю, что назревает международный скандал.

– Важно не это, – говорит он. – Если будет дирижировать Дурян, концерт от этого выиграет?

– Конечно.

– Ну и настаивай на своем.

Официального согласия нет, уговариваю министра культуры Камо Удумяна, который в обход решения бюро предпринять ничего не может. Звоню Александру Арутюняну, который незадолго до этого был удостоен звания Народного артиста

СССР: “Котик, ты звание получил, правда? Ведь уже бояться нечего – неси ноты Дуряну”. Удумян в растерянности. Вылетаю на пару дней в Москву, по возвращении Камо меня обрадовал: “Получилось. В Оперном театре видел Кочиняна, пожаловался на то, что ты самовольно заменил дирижера, а тот как будто в сердцах воскликнул: “Ну и черт с вами...”

30 ноября 1970 года на концерте зал устроил овацию Дуряну. Свет прожекторов выхватил его из темноты, и публика завалила цветами. Счастливый, Оган протянул розы в сторону правительственной ложи, где сидел Л. Брежнев.

Но перипетии истории с Дуряном только начинались. На 13 января 1971 года был назначен концерт Дуряна в Париже, а разрешения на выезд ему все не дают. Вопрос тянется, Кочинян в Москве, я говорю его помощнику Митрофану Щетинину:

– Сатана мне подсказывает немедленно лететь в Москву.

– Правильно подсказывает.

В те годы в столицу летали ИЛ-18, и продолжительность полета составляла 3 часа 20 минут. Я выехал из дома в 12 часов дня, а в половине одиннадцатого вечера уже был в Ереване. Вернулся ни с чем.

Выезд Дуряна – дело моей чести, и 30 декабря утром на стол секретаря ЦК Роберта Хачатряна я кладу заявление об уходе с поста председателя СК. Вечером он звонит: “Все решено, вы поедете в Париж”. Меня убеждают, что документы отправлены в Москву, и дело тормозится именно в столице. Снова вылетаю в Москву и узнаю, что концерт Дуряна в Париже отменен телеграммой: “По техническим причинам Оган Дурян не сможет вылететь”. Бросаюсь к министру культуры Екатерине Фурцевой, к этой милой и смелой женщине, которая неизменно представляла меня иностранцам как Народного артиста СССР и лауреата Госпремии СССР, хотя в то время я таких званий не имел, – об этом она не могла не знать. Фурцева выясняет, что... решения ЦК КП Армении о нашем выезде из Еревана не поступало. Вы представляете, что было со мной?!

– Что, Кочинян струсил, что ли? – возмущается Фурцева.

В гостиничный номер звонит Оган.

– Как дела?

– Все нормально.

Через день.

– Я завтра вылетаю.

– Давай, – стараюсь ничем себя не выдать, хотя налицо полный провал предприятия.

Погода нелетная, по 30 раз в день из постпредства по спецсвязи трезвоню в Ереван. Наконец, поступает решение ЦК КП Армении. Теперь нужно решение по выездам комиссии ЦК

КПСС, но если даже нам его срочно выдадут, на оформление французской визы требуется не менее 40 дней. Пятница, конец рабочего дня, впереди выходные, концерт во вторник. Юра Курпеков, завсектором культуры ЦК КПСС, был женат на армянке и потому с армянами состоял в особо дружеских отношениях. Он держит меня в курсе, что идет заседание выездной комиссии ЦК. Там же замминистра иностранных дел Симонов, которого просят поговорить с французским послом. Симонов отказывается, тогда Калинин из Минкульта СССР звонит послу Франции, и французы каким-то чудом к пяти часам выдают визу. Курпеков минут через десять сообщает еще одну новость: комиссия ЦК КПСС в разрешении на выезд отказала. Снова бросаюсь к Фурцевой, моя спасительница звонит в комиссию.

– Откуда мы знаем, чем 11 месяцев он занимался за границей? – отвечают ей.

Оказывается, этот результат был предрешен с самого начала, и каждая инстанция, идя на уступки, знала, что, в конечном итоге, нас все равно не выпустят. Министр культуры при мне звонит секретарю по идеологии Демичеву – его нет на месте. Комиссии велит не расходиться.

Фурцева, как львица, мечется по кабинету. Ей советуют: "Позвоните Суслову" /*секретарь ЦК*/**. Она берется за трубку, но опускает руку: "Нет, он не сделает – он все испортит". В 19.30, наконец, находят Демичева, и по просьбе Фурцевой он дает распоряжение о выезде.**

Связываюсь с Ереваном, чтобы прислали деньги. Бабкен Сосян обращается к председателю Верховного Совета Нагушу Арутюняну.

– Они никуда не смогут выехать, – хохочет Нагуш.

– Они уже в воздухе.

...После всех мытарств мы оказались в Париже. Кстати, моего сочинения в программе не было, я просто сопровождал дирижера. С огромным чемоданом Огана, где были ноты, подъезжаем к концертному залу и видим... афишу с фамилией другого дирижера. К чести французов, они, вникнув в ситуацию, восстановили Дуряна, который прекрасно провел этот концерт, и мы вернулись в Москву. Остался в Австрии Оган уже потом, причем его "невозвращение" было специально спровоцировано.

Վիեննա, 17.06.1975
Սիրելի՛ Էդիկ,

Ես Բաբկենի [*Սոսյան*] հետ լարային նվագախմբի համար պարտիտուրա ուղարկեցի՝ քեզմե խնդրելով, որ գնահատես գումարը, իմ խեղճ կնոջս և երեխայիս ուղարկես, քանի որ դեռ ի վիճակի չեմ իրենց այստեղից օգնություն ցույց տալու: Concert-ը լավ անցավ, և 20 փետրվար 1976-ին կղեկավարեմ քո սիմֆոնիան Գերմանիայում, և այստեղ ցանկություն հայտնեցին, որ քեզ հրավիրեն: Ես արդեն ընկեր Դեմիրճյանին [*ՀԿԿ առաջին քարտուղար*] նամակ եմ ուղարկել, որուն մեջ կխնդրեմ, որ երկարաձգվի իմ ժամկետս մինչև 2 տարի՝ ըստ ընդունված որոշումին, և այդ ամենաշտապ կերպով ուղարկվի Սովետական Consulat-ը [*հյուպատոսարան*], քանի որ նրանք ինձանից դիմում չեն ընդունում, այլ սպասում են, որ Երևանը իր որոշումը իրենց ուղարկի:

Ես ընկեր Բարսամյանին (Մշակույթի նախարար) ասացի դրա մասին, երբ Բեռլինում հանդիպեցի, և հիմա քեզմե կխնդրեմ, որ հիշեցնես ընկեր Դեմիրճյանին և շտապեցնես՝ միևնույն ժամանակ ինձ թույլ տալով այդ ժամանակամիջոցում 1 շաբաթով գամ և ընտանիքիս տեսնեմ:

Կարոտով մնում եմ սիրով ձեզ բոլորին՝

Օհան

17.06.1975, Вена
(перевод Л. Епремян)
Дорогой Эдик,

Я с Бабкеном /*Сосян*/ послал тебе партитуру для струнного оркестра с просьбой оценить это сочинение и деньги передать моей бедной жене и ребенку, поскольку отсюда я пока не в состоянии им помогать. Концерт прошел удачно, 20 февраля 1976 года буду дирижировать твоей Симфонией в Германии – здесь выразили желание пригласить тебя. Я уже написал письмо тов. Демирчяну /*Первый секретарь ЦК КП Армении*/, в котором, согласно принятому решению, попросил отсрочить мое возвращение до двух лет и документы срочно выслать в советское консульство, поскольку они моего заявления не принимают, ждут, пока Ереван пришлет свое официальное решение.

Я тов. Барсамяну (министр культуры) сказал об этом, когда мы с ним встретились в Берлине, и теперь прошу тебя напомнить тов. Демирчяну и поторопить его, одновременно договорившись о том, чтобы за этот период я имел право один раз приехать и повидаться с семьей.

Остаюсь любящий всех вас

Оган

– Когда я стал заниматься просьбой Дуряна, зав.иностранным отделом ЦК *так* к этому отнесся – ужас просто! И это при том, что решение о продлении визы было принято на вполне законных основаниях. Мне сказали, что все в порядке – в Австрии скоро получат согласие на продление визы. Это был очередной

обман – отсюда не позвонили и документов не выслали. И когда Оган в консульстве с моих слов сказал, что вам должны были прислать разрешение на продление визы, они ответили: "Ерунда, что за чушь, езжайте обратно".

Оган испугался советской карательной машины и вынужденно написал заявление в Австрийское посольство с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Ужас...

Это один из немногих случаев, когда я решил не вмешиваться – поздно было что-то менять. Со мной перестали здороваться, считая, что в этот раз мне не выкрутиться: «Ճաշը էփեցին Միրզոյանի, վերջապես կնստացնեն...» ("Песенка Мирзояна спета, наконец-то его посадят").

II. Валерий Гергиев

Другим примером противостояния стал конфликт в Государственном симфоническом оркестре Армфилармонии, когда против приглашенного в 1981 году[98] дирижера Валерия Гергиева была развязана настоящая война. Я помню собрание в СК, когда Мирзоян в отчаянии, в страшном волнении, понимая, что ничего не в силах изменить, убеждал присутствующих: "Вы сами должны просить, чтобы музыкант такого класса продолжал работать в нашей республике!" Он проиграл – и вместе с Мирзояном тогда вся армянская культура потерпела крупнейшее поражение...

– На конфликт Гергиев реагировал, как рыцарь. Кого-то из оркестра он то ли притеснил, то ли убрал, а тот оказался таким негодяем! И среди композиторов тоже нашлись такие, которым, оказывается, не нравилось движение его рук. Противно копаться. Грубо говоря, одних это устраивает, а другая часть – только потому что против этих – выступает против. Фактически, Валера оказался заложником конфликта внутри СКА, его преследовали как "промирзояновскую кандидатуру". Гергиев в очередной раз уезжал, и буквально у трапа самолета на моих глазах директор Филармонии положил лист себе на спину: "Напишите заявление, что отказываетесь от должности Главного дирижера ГСО". Он написал. И это после четырех лет блестящей работы с оркестром. Какие он концерты давал – около 80 программ! Все это помнят. Его выдворили по прямому указанию властей, лично Демирчяна. Оказывается, такая форма деятельности, когда он приезжает-уезжает, не устраивает. А то, что каждый концерт – событие, сколько он музыки сыграл и, в частности, армянской!

[98] В. Гергиев был приглашен в ГСО по инициативе пианиста и композитора, директора музучилища имени Р. Меликяна Гарри Айвазяна и поддержавших эту идею Э. Мирзояна, Л. Сарьяна, А. Арутюняна.

Лос-Анджелес, 2001 год
Эдвард Мирзоян, Зара Мирзоян, Валерий Гергиев

Кстати, мою Симфонию он здесь в те годы не играл, и я его об этом не просил. Один композитор, который открыто выступал против него, обратился ко мне с просьбой исполнить его сочинение. Гергиев не хотел играть. Я его буквально заставил: "Валера, дорогой, Вы должны быть выше этого". Он против своей воли сыграл. Феноменальный человек, рыцарь. Ни на что не обращал внимания и делал свое дело.

Оркестр должен был отметить свой юбилей. Վա՛յ, էդ ի՛նչ կեղտոտություններ արեցին (Боже, сколько было грязи!): Если бы состоялся юбилей, несколько человек, в том числе Гергиев, получили бы звания. Помешали интриганы. Все смешали, объявили, что это не юбилей, что первый концерт дал не Спендиаров, и в этих условиях Гергиев продолжал работать. В конце концов, после того, как вынужденно уехал, он ничего не потерял – потеряла Армения.

Что делать, я как мог боролся за него, не смог сохранить его для Армении. В 2008 году он согласился быть в Ереване, но помешали военные действия в Северной Осетии, – и тут тоже он повел себя рыцарски – громко, на весь мир заявил о своей позиции...

В мае 2009 года Гергиев с оркестром Мариинского театра выступил в зале имени А. Хачатуряна – какой это был праздник для всех нас! "Когда я сказал маме, что еду в Армению, – поделился со мной Валера, – она так обрадовалась: "Как хорошо! Тебя же так там любят..." Действительно, в Ереване его любят, его боготворят.

4 мая 2009 года, ко дню моего 88-летия */12 мая/*, **я получил бесценный подарок: Гергиев впервые сыграл мою Симфонию в Ереване. Это было одно из лучших прочтений Симфонии по**

силе драматического накала, по глубине, по "гергиевскому" масштабу постижения. С концерта осталась видеозапись, где от напряжения с него буквально льется пот. Когда я смотрел, у меня было ощущение, что это совершенно гениальное исполнение, по-гергиевски гениальное. После исполнения он спустился в зал меня поздравить и сказал самые неожиданные слова: "Вы написали прекрасную Симфонию". Между прочим, это слова Шостаковича, которые Дмитрий Дмитриевич сказал мне после премьеры. И я счастлив, что по дороге в аэропорт Валера заехал ко мне домой попрощаться и подтвердил, что хочет сделать фондовую запись Симфонии. Это остается моей мечтой...

P.S. от автора. Президент Серж Саркисян предложил В.Гергиеву в 2013 году провести фестиваль имени Гергиева в Ереване, что вызало восторженный отклик Э.Мирзояна.

Интермедия. Марк Петросян

(тележурналист, редактор музыкальных программ)[99]

Работая более 50 лет в музыкальной редакции телевидения, я постоянно сотрудничал с Союзом композиторов Армении и его председателем Эдвардом Мирзояном. Наши взаимоотношения были теплыми и дружескими. У Мирзояна неповторимый дар общения с людьми – он всегда готов прийти на помощь. Я испытывал к нему глубокое почтение, все его поручения выполнял с любовью и легким сердцем. И он, в свою очередь, шел навстречу моим профессиональным советам и личным просьбам. И сейчас, когда хочется описать какое-либо событие, связанное с ним, я с удивлением обнаружил, что для меня легче молчать о дорогом человеке, чем говорить о своих чувствах к нему.

И все-таки расскажу одну-две истории.

С коллегами из Грузинского телевидения мы договорились провести творческий вечер Мирзояна в Тбилисской филармонии. Должна была звучать знаменитая Симфония Э. Мирзояна в исполнении симфонического оркестра Грузии под управлением Джансуга Кахидзе. После завершения организационных вопросов грузинские

[99] **Պետրոսյան Մ.** Էդվարդ Միրզոյան // «Սիրելիներս եթերում», Եր., 2001, էջ 34-41 (подборка и перевод с армянского М. Петросяна):

друзья сообщили нам, что дирижер Кахидзе отказывается от выступления, не желая исполнять Симфонию Мирзояна.

В те годы мы, работники армянского и грузинского телевидения, были действительно близки, можно сказать – дружны. Подобные связи были и между Союзами композиторов двух республик. Так в чем же была причина отказа? Забегая вперед, скажу, что это искусственное, нелогичное осложнение было оперативно улажено с помощью руководства Министерства культуры Грузии.

Истина выяснилась тут же. Один из известных армянских композиторов, будучи скрытым недругом Мирзояна, а также другом некоторых грузинских композиторов и Джансуга Кахидзе, успел испортить атмосферу и в Тбилиси.

Концерт состоялся и имел громадный резонанс в местной культурной жизни. В этот же вечер на банкете в присутствии гостей дирижер Кахидзе попросил прощения у Мирзояна.

Этот случай сильно подействовал на меня, и я долго не мог простить автора этого неприятного инцидента.

Как-то, если не ошибаюсь, в один из новогодних дней, в нашу дверь вошел улыбающийся Мирзоян под руку с этим композитором.

– Пригласите к столу? – пошутил Мирзоян.

– Конечно, входите, – смешался я.

После взаимных новогодних поздравлений и выпитой рюмки водки Мирзоян перешел непосредственно к делу.

Оказывается, через месяц в Москве, в Концертном зале имени Чайковского, должна быть исполнена симфония сопровождавшего Эдварда Михайловича композитора. Мирзоян настоятельно просил, чтобы я с помощью моих коллег из московского Центрального телевидения организовал видеозапись этого концерта, а затем – доставку видеопленки в Ереван. Заметив, видимо, мое удивление, Мирзоян поставил точку в этом деле, сказав: "Это жизнь, дорогой, не удивляйся, а симфония хорошая, это событие в культурной жизни Москвы принесет нам честь, пусть в Армении знают об этом"...

И сейчас в моем окружении я не знаю человека, который мог бы повторить поступок Мирзояна.

Прошли годы... В Ереван прибыл с гастролями знаменитый альтист, дирижер Юрий Башмет. Двухдневные концерты его камерного оркестра зарядили воодушевлением ереванских любителей музыки, стали настоящим праздником. Даже репетиции коллектива проходили при полном аншлаге.

В программу концертов была включена и Симфония Мирзояна.

"Хорошо бы записать ее", – подумал я, однако, зная сжатый гастрольный график оркестра, его поминутно рассчитанный режим, колебался, обратиться к Башмету или нет?

"Попытка не пытка", – подумав, подошел к именитому маэстро. И был приятно удивлен, когда он сразу же откликнулся на мою просьбу.

– О... ради Мирзояна я готов на жертву, пожалуйста, с радостью, где будем делать видеозапись?

– В Доме камерной музыки... Вам удобно?

– Пожалуйста, завтра после нашей репетиции... в 14 часов.

– Но ведь это время вашего отдыха до концерта...

– Я же сказал – ради Мирзояна.

Назавтра, в договоренное время, в зале Дома камерной музыки начались съемки.

Звучало произведение, которое считается вершиной творчества Мирзояна. Башмет, весь отдавшись волнам интерпретаторских озарений, был в своей стихии. Я был рад, что присутствующий в зале автор остался очень доволен. И когда я подошел к блестящему музыканту с вопросом о гонораре, он удивленно отозвался:

– Никакого гонорара, забыли? Эдвард Михайлович обожаемый мною человек, талантливый музыкант. Я горд тем, что я его друг, и буду рад, если эта запись сохранится в вашем архиве.

Сегодня башметовская интерпретация мирзояновской Симфонии хранится в архиве Национального телевидения Армении как святыня.

В дни своего 80-летнего юбилея Мирзоян категорически отказывался от каких-либо съемок, просил, убеждал не делать этого. 11 и 12 мая 2001 года мы выпустили в эфир киноочерк в 2-х частях на основе уже имеющегося в нашем архиве материала. Через день был повтор удавшейся передачи и выход ее на спутниковую связь.

С Юрием Башметом после сольного концерта артиста в Ереване, 06.06.2009

Вечером, в день его рождения, мы с супругой решили зайти к нему домой, поздравить. В трехкомнатной квартире: на балконе, кухне – везде – негде было иголке упасть. Кого только там не было – композиторы, журналисты, строители, студенты – люди разных профессий и слоев. Шум, гам, смех, тосты, которые никто не слушал, и – внимательный ко всем хозяин.

На мой вопрос, может, лучше было бы собрать всех в ресторане, он удивленно ответил: "Как я мог составить список, кого приглашать, кого – нет, обидел бы ненароком многих... А так – мои двери открыты для всех"...

III. Арам Хачатурян

Осознание Хачатуряном ценности своего искусства накладывалось на его безграничную ранимость, неуверенность, которая подпитывалась не только "постановлениями" и обвинениями в формализме, но и необходимостью соизмерять свои шаги с другими лидерами советского искусства, соответствовать искусственному макету триединства Шостакович – Прокофьев – Хачатурян. В этой тройке Арам Ильич был лидером по популярности в самых широких демократических кругах. Однако с течением времени уже в русском (постсоветском) музыкознании два первых имени выросли до заоблачных высот, в то время как третье было низвергнуто с пьедестала[100].

Не вдаваясь здесь в причины этих метаморфоз, отмечу одно обстоятельство: обобщив в себе Запад и Восток, Хачатурян оказался шире каждой из национальных школ – русской, армянской, грузинской... И каждая из национальных республик, преклоняясь перед его гением и питаясь его открытиями, избрала другие приоритеты национального композиторского развития. Однако роль Хачатуряна в армянской культуре продолжает расти, переосмысливаясь вновь и вновь каждым следующим поколением. И кто, как не Мирзоян, должен был предчувствовать это – он сыграл немалую роль в том, что в армянском Пантеоне покоится прах Хачатуряна. Арама Ильича не постигла участь других великих армян, и после смерти не нашедших отдохновения в родной земле.

– ...1 мая 1978 года в ДТК в Дилижане я собирал мяту возле 12-го коттеджа, а неподалеку, у 14-го коттеджа, Лазарь Сарьян возился с машиной. Вдруг на балкон вышла его дочь Рузанна и взволнованно сообщила: "Папа, Арам Ильич скончался". Я тут же связался с К. Даллакяном, тогдашним секретарем ЦК КПА по идеологии, от которого узнал о разговоре Т. Хренни-

[100] Такой вывод мне позволяют сделать творческие дискуссии и оценки, которые я наблюдала в 1990-х годах в профессиональной среде ведущих московских музыковедов.

кова с К. Демирчяном и о том, что, по желанию покойного, похороны должны состояться в Ереване.

Через день звоню сыну Арама Ильича, Карену, выразить соболезнование. Он спрашивает, где именно намечаются похороны. Отвечаю, что этот вопрос обсуждается. И тут Карен не без раздражения говорит, что желание покойного – быть погребенным у Филармонии, в противном случае он должен быть похоронен в Москве. Мне уже было известно, что руководство республики в лице К. Демирчяна отклонило эту идею и, на мой взгляд, справедливо: там же улица, прохожее место, нельзя, чтобы могила находилась под ногами.

...Звонит мне музыковед Маргарита Брутян и ставит в известность о разговоре с коллегой – москвичкой Раисой Глезер, большой поклонницей Хачатуряна. На вопрос Маргариты, собирается ли она в Ереван, на похороны Арама Ильича, Глезер удивилась: "Ну что ты, похороны состоятся в Москве!"

Захожу к Демирчяну, прошу отреагировать. "Первый" категорически отказывается, заявив, что ему уже официально сообщили о похоронах в Ереване. Он был по-своему прав: звонить вторично Т. Хренникову – не изменилось ли первоначальное решение – было бы несолидно. Тем не менее я стал настаивать: "Чует мое сердце, может произойти непоправимое". Демирчян ответил тогда: "Неправильно чует".

В такой ситуации решаюсь сам звонить Тихону Николаевичу. Выясняется, что в Москве за сутки действительно изменилась ситуация. "Прокофьев и Шостакович похоронены в Москве, – говорит он мне, – есть мнение, что и Хачатурян – достояние всего советского музыкального искусства – должен навсегда остаться в столице. Вот ведь Стравинский, Рахманинов... покоятся за границей. Сколько же можно терять нашей культуре?! А каково на сей счет мнение Демирчяна?" Отвечаю, что Карен Серопович считает – Хачатурян должен быть похоронен в Ереване.

После разговора с Москвой информирую Демирчяна. Несмотря на мои доводы, ни Демирчян, ни Хренников не желали звонить друг другу для выяснения позиций. И тут я решил прибегнуть к уловке: позвонил на правительственную "междугородку" и попросил телефонистку связать Демирчяна с Хренниковым, попросив сказать первому, что его вызывает Москва, а второму – что с ним желают говорить из Еревана. Объяснил телефонистке, что это очень важно и делается ради памяти Хачатуряна.

О результатах разговора узнаю от Кухарского – замминистра культуры СССР, находящегося в те дни в Армении и проявившего максимальную заинтересованность. Так вот: Хренников

подтвердил, что погребение Хачатуряна состоится в Москве. Кухарский спросил: "Что Вы собираетесь делать, Карен Серопович?" – "Буду звонить выше!" Демирчян связался с Сусловым, который, поинтересовавшись, какова была воля Хачатуряна, заявил: "Воля покойного – закон!" Теперь можно было считать, что вопрос решен.

Примерно через полчаса стало известно, что сын Хачатуряна связался с академиком Гвишиани (зятем Косыгина /*Алексей, Председатель Совета Министров СССР*/), который был в близких отношениях с Арамом Ильичом, и попросил помощи. Косыгин пообещал вмешаться. Вскоре Гвишиани передал Карену: Косыгин ответил, что уже поздно – вопрос решен Сусловым.

4 мая для участия в гражданской панихиде в Москву вылетели секретарь ЦК КПА К. Даллакян, министр культуры Р. Парсамян и я.

Неожиданно перед нами был снова поставлен вопрос о месте захоронения Хачатуряна (не получилось через официальные инстанции – решили это сделать через творческий союз, посредством музыкальной общественности, родных и близких Арама Ильича). Инициаторами "пересмотра дела" были сын

06.06.2005, Пантеон имени Комитаса

Карен и московский искусствовед, близкий друг семьи Лоретта Мкртчян. Вопрос был поставлен не без каприза: раз не выполняется желание покойного похоронить его перед Филармонией, тогда погребение должно состояться в Москве (сегодня я думаю, что сыну по-человечески хотелось, чтобы его отец был предан земле рядом с матерью).

Общее настроение на заседании комиссии в СК явно складывалось в пользу похорон в Москве. Мы, естественно, стали возражать: принято официальное решение о похоронах в Ереване, переданное СМИ на весь мир. И тут Лоретта Мкртчян заявляет, что родные и близкие решили обратиться к Католикосу Вазгену Первому с просьбой вмешаться. Я тут же шепнул на ухо Даллакяну: "Чудачка... Вот как осложнила ситуацию". Карлен Левонович чуть слышно отвечает: "Католикос – умный человек, он сориентируется". Из СК отправляемся на квартиру Арама Ильича, заказываем срочно Эчмиадзин. С Патриархом разговаривала Лоретта, вернее, переводила слова Карена: "Мы обращаемся к Вам за помощью, помогите выполнить волю покойного". Католикос: "Во-первых, я выражаю глубокое соболезнование в связи с кончиной всеми нами любимого и уважаемого Арама Хачатуряна". Карен поблагодарил Вазгена Первого. Католикос продолжил: "В этот скорбный час я вспоминаю и покойную Нину Макарову – верного друга Арама Хачатуряна". Карен снова благодарит: по лицу заметно, что идет спад его нервного напряжения. Тем не менее он решительно повторяет желание отца об отдельном захоронении. Католикос ответил:

– Отдельно хоронят преступников. Он должен быть похоронен на кладбище.

– Но отца собираются хоронить не на кладбище, а в Пантеоне...

– Пантеон – кладбище великих.

– А Бог меня не накажет за то, что я не выполнил волю отца?

– Это я беру на себя.

Вспоминаю, как на панихиде в Большом зале консерватории Чингиз Айтматов, выйдя из почетного караула, подошел ко мне: "Решили повезти в Армению? Правильно, он должен лежать в родной земле". Когда выносили гроб с телом Арама Ильича из зала (я был одним из тех, кто нес), пожилая русская женщина в слезах воскликнула: "Куда вы везете нашего дорогого Арама Ильича?! Хотя все верно, он должен покоиться в родной земле..."

Арама Ильича повезли на Новодевичье кладбище, где была похоронена его супруга, оттуда – в аэропорт. Там уже ждал спецсамолет, вылетевший к вечеру в Ереван с большой делегацией творческой общественности столицы (делегацию возглавлял Т. Н. Хренников). Подлетели к Еревану ночью. Вдруг в салоне самолета запахло гарью – дым шел из хвостовой части, где находились венки. К счастью, пожар удалось ликвидировать в воздухе, и самолет благополучно приземлился в "Звартноце", где, несмотря на поздний час, находилось все республиканское руководство во главе с Демирчяном.

6-го мая 1978 года сотни тысяч людей провожали Хачатуряна в последний путь – народ хоронил своего великого сына[101].

IV. Союз композиторов

К большому сожалению, командная игра СК Армении в какой-то момент переросла в противостояние двух основных группировок. Когда, в том числе перед руководством республики, был поставлен вопрос о нецелесообразности сохранения поста председателя Правления СК за Мирзояном. Противоборство сил в творческой организации – скорее правило, чем исключение, но накал страстей в этом конфликте никак не подпадает в разряд среднестатистического – он стоил огромного напряжения сил.

Собственно, противостояния нельзя было избежать – в самом зените славы многогранный талант Мирзояна ослеплял и обескураживал. «Հաջողությունը իրանից շուտ ա ծնվել» ("Удача опережает его" /*досл.: "Удача родилась раньше него"*/), – твердит молва о 90-летнем Мирзояне: до сих пор Эдвард Михайлович слывет счастливчиком, которому все подается на блюдце, дается легко, играючи – и деньги, и слава, и популярность, и любовь. Легко (легко ли?!) представить, что говорили о 50-летнем мужчине в самом расцвете сил, обладающем неограниченным влиянием в культурной политике Армении. Это могло – нет – это *должно* было раздражать. Если бы не одно "но". ***Влияние Мирзояна – категория объективная. Это данность, отражающая реальное положение вещей – она соизмерима с силой одаренности отмеченного свыше человека.***

Оппозицию Мирзояну возглавил Эдгар Оганесян. Это люди одной формации, по большому счету, одной судьбы – они рождены и воспитаны социалистической Арменией на романтических идеалах, в которые беззаветно верили и которые приближали как могли. Обоих отличают такие качества, как мужественность, широта мировоззрения, масштабность мышления, несгибаемая воля, яркое композиторское дарование, пассионарность, энергетичность воздействия на широкие массы людей, безусловное качество лидерства... По той боли, с которой даже сегодня говорит об этом Мирзоян, можно судить об изнурительном характере этого противостояния, которое растянулось на годы.

---

[101] "Похороны А. И. Хачатуряна", публикация Л. Нерсесяна, газета "Эпоха", N17, 04.1992.

...Эдгар Оганесян остался яркой, неповторимой личностью в истории армянской музыки. В моей жизни, как и в судьбе многих музыкантов, он сыграл неоценимую роль – впервые в связи именно со мной в Ереванской консерватории он открыл очную аспирантуру для музыковедов, которой до этого почему-то не существовало. Направил меня на учебу в Государственный Институт Искусствознания в Москве под руководством прекрасного человека и профессионала, доктора искусствоведения Изабеллы Еолян – бюрократические сложности оформления его не остановили.

Оганесян почти с наполеоновским размахом смешивал все фишки на отведенном ему поле деятельности и выстраивал новую, авторскую концепцию дальнейшего движения. Какой здравомыслящий человек сейчас может себе представить, что за несколько лет его руководства Оперным театром (1962-1968) репертуар можно было довести почти до 60-ти спектаклей? Как такое вообще может быть? С основанным Оганесяном Камерным хором Гостелерадио связаны его значительные открытия в области хорового искусства. Надо же было, чтоб на годы именно его руководства консерваторией (1986-1992) пришелся тяжелейший период жизни в Армении. Студенческая волна карабахского движения началась с консерватории вовсе не потому, что она близка к площади Свободы, – Э. Оганесян невольно подготовил этот взрыв: он в самом прямом смысле демократизировал вуз, студентов ввел в состав Ученого совета и приемной комиссии, чтобы они могли контролировать весь учебный процесс. Каждый в любое время мог зайти к нему и поделиться своими проблемами, среди которых не было нерешаемых: “Я беру ответственность на себя” – это очень характерная фраза для Оганесяна-руководителя. Потом были война, землетрясение, когда консерватория стала одним из центров помощи пострадавшим.

...Постепенно демократизация настолько захлестнула консерваторию, что вылилась однажды в собрание против ректора. Он сидел тихо, не сказав ни слова. После собрания я подошла к нему в фойе: “Знаешь, – сказал он с горькой обидой в голосе, – я бы ответил, но что-то плохо себя чувствую”. Спустя несколько месяцев с ним случился удар, который навсегда вырвал этого необычного человека из общественной жизни. Но оставалось творчество. “Мне кажется, – писал ему Хачатурян в 1950-м, – что если ты будешь сочинять хорошо и много и будешь здоров, то это будет твоим счастьем. Знай, что это – главное”[102]. Эдгар Оганесян, оставив большое творческое наследие, ушел из этой жизни счастливым человеком.

Я в студенческие годы была Ученым секретарем Молодежной секции СК под руководством композитора Айка Манвеляна и могу

[102] Хачатурян А. Письма. *Э. Оганесяну,* 28.01.1950, Ер., 1983, с.44.

утверждать, что это звено композиторской организации работало очень продуктивно, бесперебойно, буквально и днем, и ночью. Однажды нас всех неожиданно вызвали к ректору ЕГК Оганесяну, сообщив, что пройдут перевыборы руководства Молодежной секцией. В одну минуту в результате голосования вместо “промирзояновского” Айка Манвеляна был избран композитор Тигран Тагмизян, меня же Эдгар Сергеевич попросил продолжить работу. Сразу же после этого новый состав Правления МС собрался на первое заседание, которое проходило буквально за несколько дней до отъезда Тагмизяна в США. Тигран говорил об основных направлениях работы МС, но себя в этой деятельности будто и вовсе не имел в виду. Не допуская и в мыслях справедливости своего предчувствия, чисто интуитивно я в тот день его несколько раз спросила:

– Ты не вернешься из Америки?

Нетрудно представить, как эта фраза, произнесенная при всех накануне его отъезда из СССР, возмутила Тагмизяна. Но он и в самом деле не вернулся, и в результате Молодежная секция СК – жизненно необходимое звено в работе композиторской организации – прекратила свое существование. Как была разрушена позже – по-видимому, безвозвратно – вся структура мирзояновской модели Союза композиторов Армении.

...Из трех лидеров оппозиционного движения 1970-х в СКА – Э. Оганесяна, Т. Мансуряна, А. Тертеряна – двоих уже нет в живых. К Тиграну Мансуряну с просьбой поделиться размышлениями о творчестве и личности Мирзояна я обратилась с самого начала работы над монографией – но он категорически отказался. Поэтому я признательна музыковеду Маргарите Рухкян, которая со своей позиции рассказала о том непростом времени.

Конец 1950-х годов: Отар Тактакишвили, Эдуард Абрамян, Эдуард Багдасарян, Эдгар Оганесян, Эдвард Мирзоян, Гурген Адамян, Вагаршак Котоян

*“**70-**е годы XX века... Время расцвета армянской музыкальной культуры. Слаженно работает Союз композиторов Армении в ритме всесоюзной композиторской организации. А это – постоянные творческие отчеты. Пленумы Союза композиторов – каждый год, съезды – в четыре года раз. Причем все это в масштабах всей страны: у всех республик и пленумы, и съезды, и мы все в курсе работы друг друга. Представляете, какое количество концертов можно было услышать в течение года, если на то хватало времени и сил! На съезды и пленумы других республик выезжали целые делегации. И так мы катались друг к другу по нескольку раз в году. Мы знали также современную музыку Польши, Югославии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, и наша музыка звучала на больших международных представительных фестивалях – на “Варшавской осени”, “Загребской весне”, “Пражской весне” и т.д.*

Я описываю не идиллию. Это была живая, полная художественных событий жизнь. Но искусство, развитое искусство всегда несет в себе идеи обновления. А за ними и возникающие конфликты, противостояния внутри этой среды. Это касалось, кстати, и политической жизни тех лет, внутренне стремящейся к обновлению, готовой к кардинальным переменам. Большой критике подвергалась экономика СССР, тогда много говорили о ее несостоятельности. Приезжали крупные специалисты с лекциями, ученые и политики были сильно озабочены проблемами технического прогресса, – все это и до сих пор актуально в нашем обществе.

Но я хочу сказать о том, что это внутреннее недовольство "системой" распространялось на все сферы жизни. И, конечно, не безосновательно. Косность тормозила процесс развития и в художественной среде. И самое главное, что противостояние новому и талантливому в искусстве создавали плотные ряды бюрократов и чиновников от искусства, а в самой художественной среде неудачники и середняки. Так накалялась обстановка. Она накалялась еще и потому, что партийные декларации тех лет активно призывали к критике и к обновлению, а в то же время, на деле, шла тотальная уравниловка, не допускающая возвеличивания по-настоящему талантливых явлений. На этой почве социальных проблем, сконцентрировавшихся, в частности, в Союзе композиторов Армении в середине 70-х, возник добровольный кружок недовольных общей ситуацией. Группировались вокруг Эдгара Оганесяна и Тиграна Мансуряна. Они пользовались огромным уважением и доверием. Тогда-то и возник документ, в котором критиковалась работа руководства СК Армении и высказывалась необходимость проведения чрезвычайного съезда и новых выборов. Это, между прочим, было вполне демократично. Говорили то, что думали, и сделали то, что посчитали нужным для дела. Но восстать против председателя Эдварда Мирзояна было, конечно, кощунством. Так понимали все – и те, кто восстал, и те, кто не восстал. Но он

был верхушкой этой пирамиды, этой хорошо заорганизованной творческой структуры, где строго координировались интересы поколений и отдельных композиторов. В принципе, стремление к реформам всегда возникает на почве стабильной системы чего-либо – государства, организации, семьи. Зачастую слишком заорганизованной, застывшей, подавляющей новое. Поэтому стремление что-то изменить в структуре организации, в принципе, должно восприниматься как подтверждение силы и жизнеспособности этой организации. Но это только в теории, а на практике, где действуют люди, когда вмешиваются их эмоции, их тайные намерения, все оказывается намного сложнее. В конце концов, все отрегулировалось, и Союз композиторов, опять же во главе с Э. Мирзояном, пройдя все эти испытания, стал гибче и сильнее. Не меньшую роль сыграло в дальнейшем благополучии Союза и то, что композиторы, стоящие в оппозиции, те же Авет Тертерян, Тигран Мансурян, Эдгар Оганесян, Дживан Тер-Татевосян и другие – чрезвычайно ярко и интересно проявляли себя в творчестве. И надо сказать, – если кто и жалел о конфликте, то временно. Все понимали, что это был необходимый путь, обогативший их жизненный и творческий опыт, укрепивший их художественные позиции; понимали и даже гордились этим. Среди них, кстати, была и я, которая также прошла и период сопротивления тому, что я считала неприемлемым в СК Армении, и период братания "рассерженных", и, конечно, разочарование, но не раскаяние. Нет! Я думаю, никто серьезно не раскаивался, вот только подписанное письмо в адрес ЦК с требованием провести чрезвычайный съезд коробило нам душу опять же своей “совковостью”, как сейчас говорят. При чем тут ЦК?! Можно было, в сущности, и самим разобраться. Но получалось так, что все благие намерения улучшить ситуацию упирались в тот же тупик бюрократической системы. Так что если и было сожале-

ние, то оно касалось именно этой ситуации, отводящей критикам и новаторам место за партой. Фактически, мы уперлись в то, против чего и выступали.

А Эдвард Мирзоян, как всегда, вышел из этой ситуации победителем. И это тоже, как мне кажется, всех крупно удовлетворило. Хотя, может быть, и не всех... А Мирзоян продолжал заниматься своим делом, которое было, как и творчество, его настоящим призванием"[103].

– Жизнь намного богаче нашего представления о ней, в том числе и в вопросе человеческих взаимоотношений, – говорит Эдвард Мирзоян. **– После юбилейного концерта к 65-летию Эдгара Оганесяна, который организовал Лорис Чкнаворян** */дирижер, художественный руководитель Филармонического оркестра Армении/***, я зашел в артистическую, подошел к юбиляру с рюмкой коньяка – счел своим долгом поздравить его. И он сказал:**

– Все хорошо.

Я ответил:

– Да, все хорошо.

Эдгар добавил:

– И раньше тоже было все хорошо...

Говорил с трудом, он уже был болен. И, действительно, он был прав: в наших отношениях было много хорошего. Если совершенно откровенно – есть вещи, которые нельзя прощать. Через что мне пришлось пройти, что перенести, какую откровенную травлю, какие интриги!.. Но в конце концов, жизнь берет свое, и для меня тут критерий – Лазарь Сарьян, который все время повторял, что жизнь – вещь богатая, противоречивая, непредсказуемая и непростая.

Мне так дорого отношение ко мне Геворка Оганесяна */сын Эдгара Оганесяна, композитор/***. На панихиде отца он сидел один. Я подошел к нему, он обнял меня и разрыдался, в день похорон не отходил от меня... Сейчас Геворк живет в Германии, недавно написал новое сочинение и посвятил его мне. И я до сих пор не знаю, был ли он в курсе наших взаимоотношений с Эдгаром...**

Я без всяких оговорок отдаю должное Оганесяну. Вне всякого сомнения, Эдгар Оганесян – это крупное композиторское явление, неординарная, масштабная личность, которая пользовалась большим авторитетом. Его многие ценили, любили. Я, как мог, в последние годы жизни поддерживал его.

– Но ситуацию в Союзе композиторов в конце 70-х, – продолжает Мирзоян, **– я расцениваю как плохо спланированную интригу, нечестную игру, и ничего более – как бы сейчас это ни**

[103] Статья Маргариты Рухкян написана специально для этой монографии (2009).

пытались представить. Многие потом искренне жалели о своем участии в этой нечестной игре и переживали это как личную трагедию.

В 1979 году на съезде избирается состав Правления. Трое очень близких мне людей сообщили, что готовится фальсификация. Двоим можно было доверять безоговорочно, в одном можно было сомневаться – а вдруг это провокация? Оказывается, готовится фальсификация, и есть мнение, что надо контрфальсифицировать.

– Ради чего? – спрашиваю.

– Во имя справедливости, – отвечают мне. Фальсификация во имя справедливости, представь себе!

Тогда я наметил четкий план всякого исключения и фальсификации, и контрфальсификации.

Решил, что список счетной комиссии (из 8 человек) предложу я – мало того, что людей чистоплотных, но и разных симпатий. Я позвонил домой к Георгию Сараджеву */пианист, композитор/:*

– Жорж, ты бы согласился председательствовать в счетной комиссии?

– С большим удовольствием.

В его порядочности никто не смел сомневаться. Я ему подробно сказал, как вести: "Когда фиксируется бюллетень, все 8 человек должны видеть" – фальсификация исключалась. Накануне ко мне пришел один человек со списком: "Здесь фамилии 59-ти человек, которые обещали, что вычеркнут Вас на съезде". Я отказался ознакомиться со списком, даже не стал смотреть. А вычеркнули только 29. Я ему сказал: "Эти 30 человек вас обманули". Хотя в СКА были люди, разделяющие точку зрения Оганесяна, но у Эдгара никогда не было спаянной команды единомышленников. И быть не могло по определению.

По всем инстанциям готовили почву для смены руководства в СК. На съезде мне предъявили политическое обвинение, что я игнорирую директивы партии и решения ЦК на заседании Правления СК не обсуждаются. Правда, музыковед Карине Худабашян вскочила с места и сказала, что это рецидив 1937 года. Но у Карена Сероповича */Демирчян, Первый секретарь ЦК КПА/* **были все основания в перерыве отвести меня в сторону и сказать: «Արա՛, դժվա՞ր էր՝ ժողով անեիր, մի հատ պրոտոկոլ կազմեիր, որ ըսենց խոսակցություններ չլսեին» ("Ара, тебе что, трудно было созвать собрание, настрочить протокол, чтоб таких разговоров не было?"). Ни слова мне Демирчян не счел нужным сказать.**

Но в какой-то момент создалась ситуация, когда я почувствовал, что Демирчян изменил ко мне отношение. Ситуация в Союзе сложилась такая, что его убедили, что я – зло, от которого чем раньше освободятся, тем лучше для каждого из ком-

позиторов, и что единственный человек, который считает, что Мирзоян должен возглавлять Союз композиторов, – это он сам. Группа композиторов и музыковедов написала письмо Демирчяну, что необходимо меня освободить от занимаемой должности. И я написал заявление об уходе. Вручил секретарю ЦК Карлену Даллакяну, тот изумился: "В чем дело?" – "Не хочу". И вот Демирчян, – какое испытание он прошел через это мое заявление, – это очень интересно. Я заявление написал в марте, почти шесть месяцев он меня не освобождает от должности. Наконец, пригласил, целый час длилась наша беседа, и он не получил того ответа, которого добивался.

– В чем причина?

– Никакой причины нет – не хочу.

– Пока не скажешь причину, не освобожу.

– Пока не освободишь, не скажу.

– Что случилось?

– Не могу сказать, такая это грязь. Дошли уже до того, что внушили Араму Хачатуряну, что я мешаю созданию его Дома-музея...

– Քեզնից շատ ո՞վ ա էդ հարցով զահլա տարել (– Кто больше тебя надоедал мне по этому вопросу?):

Это продолжалось несколько месяцев. В эти дни в связи с исполнением сочинений молодых армянских композиторов в Ереване был Т. Хренников /*Первый секретарь СК СССР*/**, который встречался с Демирчяном. Перед встречей завотделом культуры ЦК Гурген Аракелян спросил меня:**

– Хренников знает о твоем заявлении?

– Нет.

– Не знает?

– Нет.

– Почему ты ему не сказал?

– Потому что я твердо решил уйти.

Демирчян все тянул с решением этого вопроса. А потом он вдруг задумался, որովհետև խելոք ու ազնիվ մարդ էր (потому что был честным и умным человеком), и вынужден был пойти на то, на что мало кто был способен. В конце августа он сказал, что руководство ЦК мое заявление об уходе рассмотрело и отклонило, – я должен продолжать работать. И я сказал:

– Раз мнение руководства ЦК и Ваше личное таково, что я должен работать, тогда...

– Сразу условия не ставь!

– Я прошу о встрече, чтобы поделиться и общими вопросами, и личными.

– Я еду в отпуск, приеду, тогда и встретимся.

Так эта встреча и не состоялась...

Интермедия. ***Генрих Игитян***[104] (искусствовед)

Эдвард Мирзоян – очень красивый человек. "В человеке все должно быть прекрасно", – справедливо утверждал Чехов, и это изречение любимого писателя Эдварда Михайловича к нему самому относится в полной мере. Красивы его дела, его жизненные принципы, идеалы, устремления.

Об армянах нередко говорят (причем, в первую очередь, сами армяне): "Они завистливы, нет командного чувства, все индивидуалисты, каждый тянет одеяло на себя", и т.д. и т.п. Фигурами Мирзояна и его близких друзей вся эта "философия" напрочь опровергается. Группа композиторов дружила чуть ли не с детского сада. Возможно, были и трения между ними, но это не выносилось из узкого круга. И то, что известно нам, – это настоящая "Могучая кучка".

Не хочу говорить о том, кто из них ярче в творческом плане, это не мое право и было бы слишком субъективно (лично для меня это – Бабаджанян). Но я могу сказать с полным правом, кто из этих композиторов более всех жертвовал собой. Эдвард Мирзоян в полной мере доказал, что "искусство требует жертв". Он стал великой жертвой во имя общего развития армянской культуры. Если к каждому прикрепить спидометр с показателем КПД и проанализировать, сколько времени он потратил на реализацию своего таланта и то, от сколького он отказался в ущерб своему творческому призванию, чтобы сделать жизнь других лучше, то очевидно, что Эдвард Мирзоян посвятил этому огромную часть жизненной энергии. И это, вопреки привычным представлениям, не такая уж легкая жертва, потому что любой человек сцены не равнодушен к творческому успеху и аплодисментам.

Этот очень доступный и очень демократичный человек всегда для меня стоял на каком-то пьедестале: я ни разу не позволил себе обратиться к нему просто по имени. Он – человек очень земной и в то же время будто приподнят над обыденностью...

В моем понимании есть люди одноклеточные, даже в хорошем смысле слова. Художник, и все, прекрасный художник, но ничего более. Эдвард Мирзоян в этом смысле многоклеточен:

Он доказал великую силу своего таланта. Его Симфония, считаю, – вечное произведение, вошедшее в сокровищницу мировой культуры.

Он великий педагог, воспитавший целую плеяду выдающихся и очень разных композиторских индивидуальностей.

---

[104] Интервью автору (2002).

Он великий организатор. Руководить творческим союзом, в котором уживаются все – от ужей и ползунов до львов – совсем не легкое дело.

Наконец, это добрейшей души человек. Даже врагам он делал добро.

...Как-то ко мне пришли три талантливых композитора – Э. Оганесян, Т. Мансурян, А. Тертерян – с “революционной” идеей сместить руководство СК Армении. Я им сказал, что не поддержу их, что никому из них хотя бы отдаленно не удалось бы добиться того влияния в высших руководящих кругах, которое имел Мирзоян. Причем не лестью, не ерничаньем перед вышестоящими инстанциями, а личным непререкаемым авторитетом исключительно талантливой и невероятно обаятельной личности. История показала, что я был абсолютно прав. И так называемая революция, свершившаяся в СК много позже, ни к чему положительному не привела. Она привела только к тому, что исчерпавшая себя в новых условиях организация тоталитарного прошлого, всемерно очеловеченная Мирзояном и его единомышленниками, превратилась в лавку, обслуживающую аппарат СК. Если в советские времена СК грешили уравниловкой, то теперь – это привилегия исключительно управленческой бюрократической структуры.

Каковы были основные функции СК в прошлом?

Всем известно, что это идеологический инструмент тоталитарного советского государства, в котором:

регулярно распределялись финансовые средства, выделяемые сверху;

распределялись иные блага, хотя во все времена сфера культуры финансировалась по остаточному принципу, ей доставались крохи;

навязывалась идеология.

1980-е годы: Давид Ереванци, Генрих Игитян, Григор Асратян, Яков Заргарян, Эдвард Мирзоян

Все эти пункты в рыночных условиях практически не действуют. Речь идет уже главным образом о нажитых в советское время материальных благах, которые теперь становятся собственностью аппарата СК.

Что же касается Эдварда Мирзояна, то, спустя более чем три десятилетия управления этой структурой, он не обладает ничем, чего бы не дал другим. Квартира у него не лучше, чем у других, никакими исключительными привилегиями он не обладает. Будь я на месте руководителей СК, специальным постановлением закрепил бы за ним и членами его семьи пожизненно отдельный коттедж в Дилижане. Он это заслужил, он вложил в это свою жизнь. И он мог этого добиться. Но Мирзоян – сытый человек по определению. А между прочим, в те годы выстроить ДТ союзного значения, где творили бы Бриттен, Шостакович и многие другие, разнося славу об Армении по всему миру, повышая марку нашей страны с имиджем рая земного, – это не шутка. ...Что делать, не исключено, что однажды и ко мне у входа в Детскую картинную галерею обратятся строгим тоном: “Гражданин, купите билет”...

Все эти разговоры о будто бы существующей “мафии Мирзояна” не стоят выеденного яйца. Арно, Зарик, Адик, Котик, Эдик – это они мафиози? Просто своим единством и спаянностью они, естественно, будили зависть разрозненных коллег и недругов. Со всей ответственностью могу сказать, что нет ни одного произведения армянского композитора, которое бы в годы руководства Мирзояна было бы запрещено. А претензии, что, дескать, сочинения его поколения композиторов звучали чаще сочинений молодых, извините, не выдерживают никакой критики. Сарьян тоже выставлялся чаще начинающих художников – это естественным образом определялось его мировой известностью. В молодости и Сарьян уступал мэтрам в количестве выставляемых полотен. Да, Мирзояна играли в мире чаще, чем начинающих молодых композиторов. И Хачатуряна играли чаще, чем молодых композиторов, – тут уж ничего не попишешь. Все определяется главным козырем – масштабом таланта, композиторского гения.

Воистину, только дохлую собаку не пинают ногами. Эдвард Мирзоян пережил все эти склоки и интриги и всей жизнью доказал силу своего композиторского дарования, организаторского гения и подлинного, нелегкого искусства быть ЧЕЛОВЕКОМ.

V. Леонид Брежнев

– *29* ноября 1970 года праздновалось 50-летие Советской Армении. Идет концерт, на котором присутствует Первый секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Вдруг я вижу: Арно, который должен был быть за кулисами, стоит у столба в фойе դեմքը պատի գույնի (бледный, как мел). «Ծրագրից ինձ հանել են» (“Меня сняли с программы”): Оказывается, “доброжелатели” внушили завотделом культуры ЦК Киму Погосяну, что если концерт будет продолжаться больше, чем 1час 20 минут, врачи Брежнева уведут. Вхожу в правительственную ложу, где сидит Брежнев, нагибаюсь к Кочиняну /*Антон, Первый секретарь ЦК КПА*/**: “Дайте мне право восстановить выступление Арно”.**

...Бабаджанян выступил с большим успехом. А после концерта Брежнев сказал: “Все? А жаль, хороший был концерт”. После концерта II секретарь ЦК Тер-Газарянц говорит мне: “Собери ребят в Доме приемов”. Приходим, нас приглашают за стол, напротив сидит Первый секретарь ЦК Белоруссии, герой партизанского движения Машеров, который позже сказал мне: “Ваш народ, имея таких композиторов, – счастливый народ”... Тер-Газарянц нагибается и шепчет мне на ухо: “Կենաց” (“Тост”). – «Ի՞նչ գործ ունեմ, սաղ նստած են, ե՞ս պտի կենաց խմեմ» (“Какое мне дело, при стольких важных персонах именно я должен тост сказать?”): Напротив сидят артист Бабкен Нерсесян, поэт Рачия Ованесян... Второй раз “Կենաց” (“Тост”), третий... “Встань, надо”. Ու ընե՛նց մի հատ կենաց ասեցի (И тут я такой тост произнес!): О том, что мы ровесники Советской Армении, все происходило на наших глазах, при нашем участии. Я вспоминаю глубину пыли улицы Сундукяна – когда после

дождя кто-то переходил улицу, галоша застревала, все смеялись... Или электричества не было – из утюга вылетало пламя горящего угля, и на одежде оставался след... Каждое время имеет свои критерии благосостояния, люди всегда стремятся к лучшему, народ требует все большего. Молодежь надо воспитывать так, чтобы она понимала, какой ценой достигнуто все это.

После этой речи мы с Брежневым обнимаемся, целуемся, и я замечаю в его глазах слезы. Сентимент... Принесли с ребятами рояль – в дверь не влезал, сняли двери с петель. Паника среди охраны – я спокойно заявляю: “Все согласовано лично”. Втаскиваем в зал инструмент, привинчиваем ножки рояля и в 6 рук /*Бабаджанян, Арутюнян, Мирзоян*/ **играем “Танец с саблями” Хачатуряна...**

Через 16 дней я выступаю в Москве, в Большом театре, на торжественном заседании, посвященном 200-летию Бетховена. Стою, не могу начать, так как слышу, как Брежнев членам Политбюро долго рассказывает обо мне. Мы еле заметно обмениваемся улыбками, и я начинаю. В своей речи о значении Бетховена для культуры Армении говорю об уникальной коллекции писем композитора в коллекции музыковеда Василия Корганова, о цикле всех девяти симфоний Бетховена в исполнении Константина Сараджева в 1910 году и завершаю авантюрной фразой с дальним прицелом о том, что “в дилижанском Доме творчества композиторов завершается строительство концертного зала имени Бетховена” (в то время как строительство еще даже не начиналось). В антракте ко мне подбегает незнакомая девушка: “Я из ВЛКСМ. Вам передали, что сказал после Вашего выступления Косыгин /*председатель Совета Министров СССР*/**? Что вот мы запрещаем сейчас строить концертные залы, а они уже заканчивают, и еще имя Бетховена прицепили – ничего не скажешь”.**

На следующий день иду к Хренникову, рассказываю о ситуации.

– Что будем делать?

– Придется строить.

Был утвержден проект в 320 тыс.рублей, который впоследствии возрос до трех миллионов рублей.

...Когда 4 февраля 1963 года, на концерте комитасовцев в зале Госдепартамента в Вашингтоне, в знаменитом “Линкольн-холле”, после исполнения Квартета Мирзояна его вызвали на сцену, Эдвард Михайлович раскланиваясь, стоял на том месте, где каждую неделю Президент Кеннеди проводил пресс-конференцию. В числе поздравлявших после концерта был помощник Президента, который поинтересовался дальнейшими планами комитасовцев в США:

– Завтра в первой половине дня хотим посетить Белый Дом и здание Конгресса.

– Но в рабочие дни экскурсии в Белый Дом не проводятся.

– Что ж, ограничимся посещением здания Конгресса.

– Я перезвоню вам завтра в 12.05.

На следующее утро русские (они же – армянские) музыканты в сопровождении помощника Президента входили в Белый Дом, не допуская даже мысли, что их примет Джон Кеннеди. Спустя некоторое время помощник Президента проводил их в приемную. Открылась дверь, и из соседней комнаты вошел красивый приветливый, но бледный и несколько задумчивый Джон Кеннеди. В непринужденной учтивой беседе – "Как проходят концерты? Как вас принимают?" – Президент среди всего прочего поинтересовался: "Как вам нравится акустика зала Госдепартамента?" Квартетисты ответили, что хорошая, Мирзоян: "Неплохая". Переводчица перевела ответ квартетистов, и тогда Кеннеди, показывая пальцем на Эдварда Михайловича, спросил: "А что сказал этот мистер? Неплохая? Что Вы имеете в виду?"

– Дело в том, что весь зал (включая сцену) был покрыт серым ковролитом. И я выразил предположение, что звук им поглощается и звучит глухо – нет резонанса. Авет Габриэлян со свойственной ему непосредственностью добавил: "Да, пожалуй, я тоже не очень хорошо себя слышал". Кеннеди улыбнулся: "Давайте договоримся, что акустика этого зала плохая". Все рассмеялись. ...Прощаясь, он сказал:"Передайте вашему народу несколько добрых слов о нашем народе и скажите, что мы хотим жить с вами в мире".

Через более чем три десятка лет Мирзоян вместе с Ритой Бальян /*общественный деятель, меценат из США*/, проходя мимо, зашли в зал Госдепартамента. Пол уже не был покрыт ковролитом, Мирзоян поинтересовался у спутницы, помнит ли она здесь ковролит. И, получив отрицательный ответ, предположил, что, возможно, Кеннеди прислушался к его рассуждениям об акустике зала.

Мирзоян создал в Дилижане зал, прекрасная акустика которого – не только предмет его гордости, но и результат кропотливого труда и Мирзояна, и приглашенных специалистов. Один из них, архитектор Арон Качерович – специалист международного класса по акустике. Качерович считал полным бредом идею строить концертный зал с одной стеной из стекла. Но это была мечта Мирзояна: "Лунная соната" под лунным светом – искусство в слиянии с природой... Как это точно характеризует романтический образ Эдварда Михайловича!

"Потолок будем делать так!"– решил Мирзоян, указав Качеровичу на освещение высеченной в скале церкви Гегард. Был использован принцип, при котором колпаки скрывают источник света. Но в вопросе материала возникли проблемы.

– В вопросе строительства зала у меня была единоличная власть, это не обсуждалось – многие варианты я опроверг (зеркало, фольга). То, что сделано, – это фантастика! Мой хороший знакомый, ответственный работник Госснаба Прелуцкий, помог выделить 300 кг материала стратегического значения.

Шестигранная часть источника света весит всего 60-80 килограмм, а ощущение, что 1-1,5 тонны...

До сих пор не умолкают споры о том, что строительство зала имени Бетховена – "амбициозный проект советского времени", нечто совершенно лишнее в организме Дома творчества, не адекватное затраченным финансовым вложениям, и что превращение ДТ в культурный центр области – не оправдавшая себя утопия...

Но на вопрос: "Что бы Вам хотелось еще создать в музыкальной инфраструктуре Армении?", Мирзоян на девятом десятке лет ответил: "Сохранить то, что уже сделано", а еще как бы про себя, в порядке секретной информации, проговорился: "Я хотел поставить орган в зале имени Бетховена, орган бы звучал там фантастически".

Да, безусловно, прагматизм – знамение века, – откровенно чужд Мирзояну. Эдвард Михайлович скорее романтичен, коэффициент по-

Дилижан, 1981 год,
строительство зала имени Бетховена

фото внизу: 1-ряд: Эдвард Мирзоян, Карен Демирчян, Фадей Саркисян; 2-й ряд: Первый секретарь Дилижанского горкома КП Армении Ревик Вартанян, заместитель Предсовмина Грант Айрапетян, Бабкен Сосян, архитектор Эдуард Алтунян

лезного действия зала он привык измерять не количеством человекоединиц, заплативших за вход отдельно в концертный и спортивный комплекс, а той крайней жизненной необходимостью живого музыкального священнодействия, без которого немыслима сама жизнь в этом островке особого культурного пространства. Сегодня потеряно многое, в том числе та требовательная, богатая событиями, ориентирующаяся на высокие критерии атмосфера ***творческого сообщества*** людей, которые питали друг друга одним только фактом своего появления в Дилижане, не говоря уже о конкретном сотрудничестве. И воссоздание этой атмосферы могло произойти за счет усиления восстановительных работ и активной менеджерской деятельности, нацеленной на новую жизнь зала, – одного из лучших в Армении по акустическим – и не только – показателям. Перспектива превращения ДТ в своего рода музыкальный "Артек", возможно, имеет право на существование – в конце концов, "дети – наше будущее", но неужели этим и ограничится музыкальная составляющая дилижанского Дома творчества? Ясно одно: лишним зал может стать только в одном случае: если композиторы с музыковедами и со всем своим ненужным современному обществу творчеством окажутся "лишними", ДТ станет коммерческим предприятием, а зал переоборудуется в очередное увеселительное заведение... Во всяком случае, часть специально привезенных Сосяном из Италии стульев зала имени Бетховена перевезена в зал Дома композиторов в Ереване.

...В одной из недавних телевизионных передач, посвященной Паруйру Севаку, специально говорилось об непревзойденной ценности Дома поэта, в строительство которого он вложил огромные физические и душевные силы.

Зал имени Бетховена и весь комплекс дилижанского Дома творчества – это памятники национальной культуры, которые составляют часть духовного наследия Эдварда Мирзояна.

Интермедия. ***Рубен Саркисян*** (композитор)

Эдвард Мирзоян одарен как общественный деятель необычайно. Одарен как носитель государственного мышления. Он мог бы быть президентом. Причем отнюдь не тоталитарного государства – и в композиторской "пятерке", и в СК в целом он был сторонником равенства и демократии. Что же касается творчества – прошли годы, время поставило все на свои места. Мирзоян вырвался вперед и поднялся над своим окружением на порядки...

Композиторам мирзояновского поколения повезло – они могли распустить свои "щупальца" и отовсюду поглощать живительный источник традиции. О Комитасе я не говорю – его открытия в области гармонии с избеганием терцовых созвучий, кварто-квинтовым слышанием, чистотой и прозрачностью интонации, строгостью и даже графичностью построения получили свое развитие. После него развитие национальной музыки шло по восходящей. Я глубоко убежден, что историю музыки надо изучать не на примере гениев, а на основе творчества всех композиторов, по кирпичику собирающих "здание" национальной композиторской традиции. А. Спендиаров – А. Степанян – Р. Меликян – А. Тер-Гевондян – А. Хачатурян – каждый из них в большей или меньшей степени подготовил появление мирзояновского феномена. Находясь в Москве, он и там прошел большую школу, не отрываясь от собственных корней.

"Снайперское" попадание в десятку и Квартетом, и Симфонией я

объясняю тем, что он интуитивно подгадал важнейшую, магистральную для армянской музыки линию развития XX века – неоклассицизм. Стравинский, Хиндемит, отчасти Прокофьев наиболее полно отразили эту эстетику. Но и те композиторы, которых неоклассицистами не назовешь, нет-нет, да и выруливали на эту дорогу. Это видно на примере творчества не только такой фигуры как, к примеру, Спендиаров, но даже нововенцев, даже Булеза. Поэтому я считаю неоклассицизм внутренней эстетической категорией, проявляющейся независимо от техники композиции. Гармоничное видение мира, отсутствие хаоса, болезненности экспрессионистского толка – главное в мироощущении Мирзояна. Если в ней и есть в определенной мере драматизм, то нет безнадежности – таково свойство его души. Симфония Мирзояна – настоящая энциклопедия для композиторов: графическая строгость линий, полифоническое мышление, интонационная чистота, ритмическое разнообразие, метрическое варьирование, расширенный лад с переменной блуждающей тоникой – многое из этих характерных для мирзояновского почерка особенностей почерпнуто им из армянского народного творчества.

...Хачатурян – явление феноменальное. Он был умным человеком и, вероятно, отлично понимал, что так называемое “постхачатуряновское” поколение идет отнюдь не по его следам, а в совершенно другом направлении. Рубенсовское роскошество Хачатуряна было, фактически, отвергнуто, в частности, Мирзояном, и если у них в некоторых сочинениях можно обнаружить интонационное единство, то принцип организации материала – абсолютно разный. В частности, полифоническое мышление Мирзояна Хачатуряну абсолютно не присуще, хотя последний дал несколько прекрасных примеров полифонических сочинений.

Поколение Мирзояна, переняв традицию предшественников, передало эстафету нам, поколению 60-70-х, то есть в определенной мере подготовило следующее поколение композиторов. Мирзоян, как и мой педагог Лазарь Сарьян, который был воистину мудрым человеком, знали цену традиции и не хотели, чтобы она была прервана или потеряна. Поэтому внутренне они могли и не принимать многого из той эпохи экспериментаторства, которая открылась с наступлением хрущевской оттепели. Но нам никогда не мешали (возможно, иногда и не помогали) и ничего не запрещали – лично у меня была полнейшая свобода действий. Но ведь это было очень нелегко – тогда мы этого по-настоящему не понимали. Один пример.

Где-то в конце 70-х на всесоюзном смотре сочинений совершенно возмущенный Хренников выговаривал Лазарю Сарьяну:

– Что за музыку пишут ваши композиторы?!

– Тихон Николаевич, они же ищут...

– Что за поиски такие?!

Сразу после этого в печати появились разгромные статьи, может

быть, не совсем на уровне Постановления 1948 года, но вполне в этом духе... Мирзоян этого так не оставил. Буквально через пару месяцев он объявил первому секретарю СК СССР, что наши композиторы перестроились и пишут уже совершенно другую музыку. Предложив убедиться в этом лично, он пригласил Хренникова в Дилижан и, вызвав срочно всех нас туда, приказал в точности повторить программу прошлого концерта. Мы с виолончелисткой Медеей Абрамян, исполнявшей мое сочинение, взяли такси и, приехав, увидели застолье в честь Тихона Николаевича. Уже после обильной трапезы Мирзоян объявил: “А теперь перейдем к концертной части нашей программы”. Мы повторили весь концерт нота в ноту, и прозвучал вердикт:

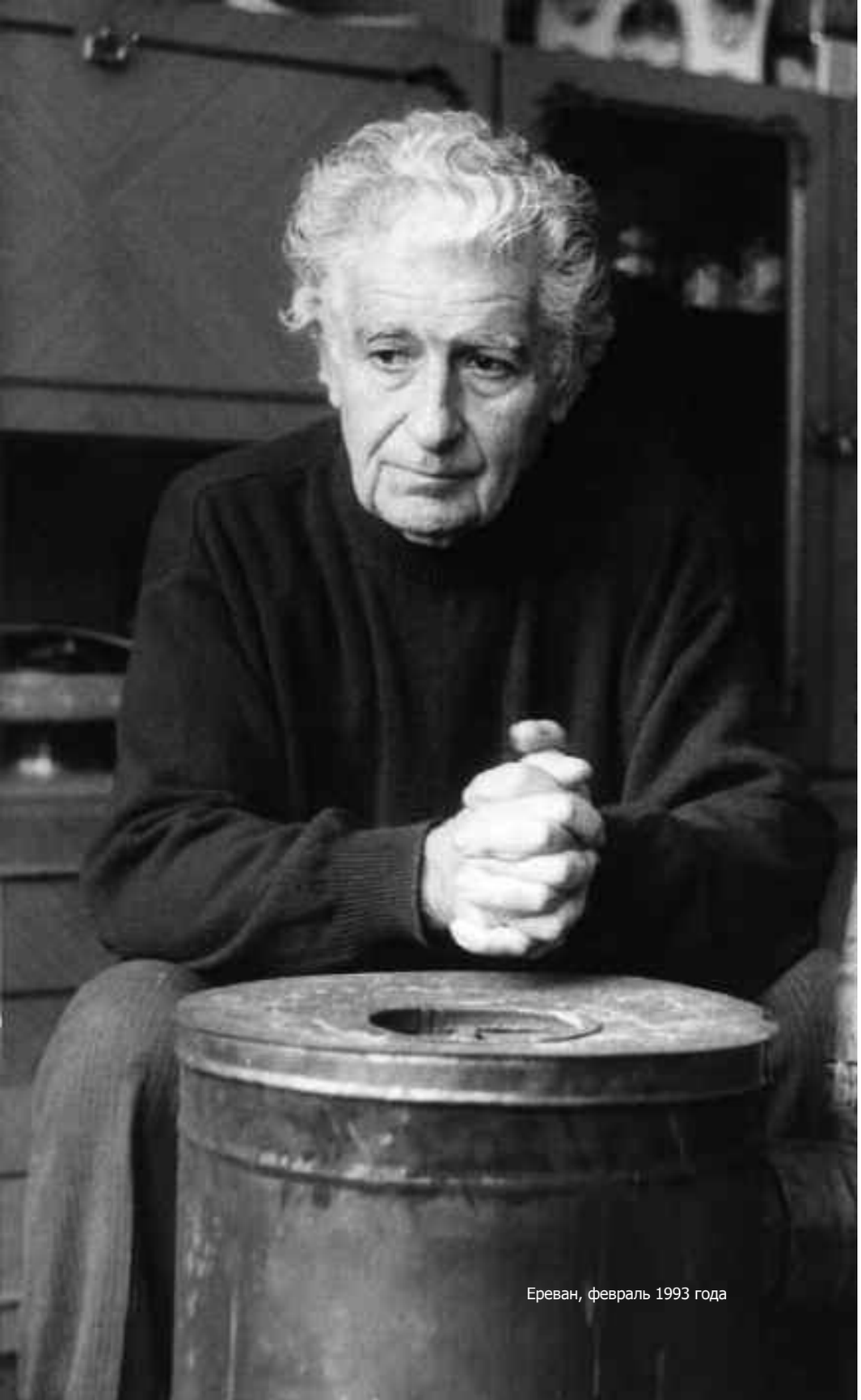
– Ну, вот это уже совсем другое дело...

На мой взгляд, это дипломатический шедевр Мирзояна, который реабилитировал и нас, и себя в качестве руководителя СК Армении. Беря всю тяжесть ответственности в насквозь заидеологизированной советской системе руководства искусством, он, как человек фанатично преданный музыке, исподволь (մուդամով) протаскивал Музыку, беззаветно ей служил и делал все, чтобы ничего не мешало ее естественному, нормальному развитию. Никто не мог бы справиться с этой сложнейшей задачей так, как это удалось именно ему.

Главное, чего он не прощает, – нечестность, он умеет чувствовать фальшь в человеческих отношениях и, как истинный музыкант, не терпит ее.

Я считаю себя представителем счастливого поколения. То невероятное количество новой информации, которое свалилось на нас в одночасье – научные открытия (у меня много друзей среди физиков), новые системы художественного мышления в различных областях искусства, – перевернуло все наши представления о мироздании. Мы, причмокивая почти с плотским наслаждением, впитывали в себя все это, стараясь найти собственные приоритеты в неограниченном поле возможностей. Кстати, это начисто отсутствует в сегодняшнем поколении – оно импотентно, оно не умеет удивляться, “реагировать плотью” на что-либо: Стравинский? – ну да, Стравинский, ну и что особенного? У современного молодого поколения нет биологической потребности писать музыку – это порочный путь.

Но развитие идет – его не остановить: если даже 20 000 бандитов дорвутся до власти и начисто сотрут в порошок само представление о культуре, неистребимое присутствие искусства как духовного феномена не перестанет существовать.



Ереван, февраль 1993 года

Глава 18

Землетрясение

Спустя двадцать лет после спитакской катастрофы 1988 года не умолкают разговоры о том, что землетрясение могло быть спровоцировано мощным взрывом оружия на военных базах, после которого осталась воронка величиной в громадное ущелье. И хотя версия эта не подтверждается, она отражает образ трагедии в людских сердцах – удар на разрыв аорты, взорванные в одно мгновение мечты о настоящем и будущем, тысячи потерянных жизней, изломанные судьбы нации, городов, агония страны Советов.

Председатель Фонда Мира Армении, депутат Верховного Совета Эдвард Мирзоян оказался, фактически, на своего рода передней линии фронта этой масштабной катастрофы: он фокусировал возможные ресурсы – людские, материальные, духовные, – направляя все силы на помощь конкретным людям. Мирзоян – один из немногих в нашей стране безусловных духовных авторитетов, которому доверяют и за рубежом, через него распределяя помощь Армении в конкретном адресном выражении. Мирзоян в эти годы находился в высшем эшелоне власти, что еще более усиливало чувство личной ответственности за каждого и за страну в целом. Его близкий друг, Мстислав Ростропович, в эти дни совершил гражданский подвиг, собрав полмиллиона долларов. Председатель Фонда Мира СССР Анатолий Карпов передал Армении 40 тыс.рублей от имени Фонда и 1,5 тыс. долларов – лично от себя. Народ Армении всегда будет помнить о своих бесчисленных друзьях, отозвавшихся на боль Армении.

На сценической площадке транслируемых на всю страну заседаний Верховного Совета СССР Мирзоян вместе с Генрихом Игитяном и другими депутатами отражал атаки на фронтах информационной войны, развернутой Азербайджаном и поддерживаемой горбачевским политиканством.

Горбачев, прибыв на место землетрясения, был неприятно поражен, дойдя до состояния истерического гнева, когда, находясь среди сотен тысяч трупов и раненых, на его вопрос к народу, только что пережившему катастрофу невиданного масштаба, чем помочь, ему ответили: “Решите карабахский вопрос!” Он созвал заседание, рвал и метал, понося руководство Армении... Но карабахское про-

Ленинакан, 1988 год. Председатель Фонда мира Армении Эдвард Мирзоян в зоне разрушительного землетрясения с председателем Фонда мира СССР, чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым

тивостояние и в эти минуты, действительно, оставалось главным вопросом к Горбачеву: он был бессилен перед стихией, но мог предотвратить другую беду Армении – войну. Увы, это не входило в планы Михаила Сергеевича, выигравшего дорогостоящий грант по развалу СССР.

“Я горжусь тем, что есть Карабах, – говорит Эдвард Михайлович. – **Главное для него – сохранение мира, но для этого надо быть сильным. Я желаю ему быть сильным!”** Силу эту множил каждый, кто приближал час победы. Мирзоян действовал в этом направлении в обстановке строжайшей секретности, используя связи с Карабахом. Уже после войны он принял заинтересованное участие в вопросах развития музыкальных структур НКО, в первую очередь, музыкального училища, основанного своим “крестным отцом” – Романосом Меликяном. Приведу здесь два письма одного из ведущих композиторов Арцаха, ныне покойного Эдуарда Газарова, который писал послания не только в Армению, – прямой, бескомпромиссный человек, он обратился к Горбачеву со словами: “Я проклинаю тебя и весь твой род за совершенные тобой преступления...”

04.06.1991

Дорогой Эдвард Михайлович!

Чудом удалось меня обменять на одного офицера-турка, при этом пришлось выделить солидную сумму посредникам. За последние дни нам удалось выкупить из тюрем Шуши и Агдама 7 человек. Репрессии на каждом шагу. Тем не менее нужно выжить и налаживать упущенное. Если есть возможность помочь нам материально, то это будет весьма кстати, т.к. процесс выкупа нужных людей пользуется популярностью.

Можно позвонить моему другу Багдасарову Эдику (его хорошо знает Котоян /*Вагаршак, композитор*/) <...> и через него передать деньги.

Целую, обнимаю
Всегда Ваш ***Эдик Газаров.***

24.06.1991

Дорогие Эдвард Михайлович и Левон Александрович! [105]

Благословляю и благодарю Вас за столь искреннее внимание к моей судьбе и моему творчеству.

Родные мои, нет слов передать все ужасы истинно советской фашизации, все условия, в которых приходится жить, творить, да еще руководить большим коллективом. Для всего этого нужны железное терпение и воля – слава Богу, они у меня есть.

<...> Я всего два дня просидел в подвале КГБ, но это было невыносимо от словесных (!) издевательств со стороны турков, причем спектакль велся на высочайшей режиссерской атаке садизма. Меня спасли деньги (15 тыс.руб.) и кое-какие ребята из того же органа, которые еще не потеряли человеческого лица и помогают выкупать наших товарищей из подвалов и тюрем. В результате пыток мы потеряли уже 10 искренних патриотов, и даже те, которых удалось освободить (и меня в том числе), сегодня пребывают в постоянном состоянии ожидания повторного ареста.

Одно знаю, родные мои! Я настолько чист перед народом, что готов с поднятой головой вновь пойти на любые муки, дабы победить, дабы отстоять свое человеческое достоинство. Я любим своим народом и потому счастлив.

Родные мои! Высылаю две из четырех тетрадей с вокальными сочинениями – всего 14, думаю, вместе с записью отдельных номеров у Вас будет четкое представление о моих песнях, которые я, с Вашего позволения, хочу представить на оценочную комиссию. Сейчас работаю над 5-й симфонией, мечтаю при жизни услышать.

Если Вы хотите мне материально помочь, то смело можете передать деньги подателю сего письма.

Надеюсь на оценочную комиссию и Ваше искреннее отношение.

Обнимаю, крепко целую

Всегда искренне Ваш ***Эдуард Газаров***

В эти тяжелейшие годы, когда Армения, не оправившись от одного потрясения, переживала другое, еще одним ударом стала ситуация в Союзе композиторов Армении, в результате которой Мирзоян мгновенно принял судьбоносное решение об уходе с поста председателя СК. После трех с половиной десятилетий служения братству

[105] Чаушян Л. А.– композитор, заместитель Э. Мирзояна.

композиторов и музыковедов ее председатель в одночасье прекратил всяческие контакты с Союзом. Рана эта кровоточит по сей день, боль и обида так велики, что с 1991 года до сегодняшнего дня – за редким исключением (съезд СК Армении в мае 2009-го, концертные премьеры близких друзей) – Мирзоян не переступал порога ни административного здания СКА, располагающегося в двух метрах от собственного подъезда, ни Дома творчества "Дилижан", с которым связана вся его жизнь. Мирзоян буквально с мясом отодрал от себя все, что определяло его прошлую жизнь, связанную с административной деятельностью СК, предоставив все произошедшее на суд истории.

– Как Вы сегодня оцениваете свое решение уйти с поста председателя СК в 1991-м?

– Если в жизни я сделал что-то правильно, то именно это. Я не забываю, что спустя пару месяцев после моего ухода музыковед Маргарита Арутюнян сказала: "Эдик, что ты с нами сделал!" Я искренне ответил: "Вы получили то, что заслужили"... Меня не раз призывали проявить активность по поводу ситуации в СК – я решил ни в коем случае ни во что не вмешиваться. И на то были причины.

...Когда спустя несколько месяцев после моего переизбрания председателем СК[106] на одном из собраний Роберт Амирханян */композитор*, *ныне – председатель СКА/* **открыто обвинил меня "в покрывании криминальных элементов", не нашлось никого, кто бы встал и сказал: "Столько лет мы знаем Эдварда Михайловича, о каком криминале идет речь?" Прозвучала реплика о том, что "все же он немало хорошего сделал..." Я это воспринял как согласие с мыслью, что я поддерживаю криминал, но "не будем забывать, что он сделал немало хорошего". После этого я прервал заседание, сказав сидящему рядом своему заместителю, Левону Чаушяну: "С завтрашнего дня моей ноги здесь не будет..."**

– Если бы Вы остались на посту председателя после 1991 года, то есть в новую эру капиталистической жизни, то...

– Однозначно: не знаю. Может быть, ничего бы у меня не получилось. Но равнодушия быть не могло. У меня много недостатков, но одно точно: безразличия никогда не было ни к кому, ни к чему.

...В 2004 году в Дилижане состоялся симфонический концерт, где дирижер Карен Дургарян исполнил сочинения Сарьяна, Тер-Татевосяна и Тертеряна. Сыграли прекрасно, я остался очень доволен. Я с 1991 года не был в Дилижане и был рад побывать в Доме творчества. Но перед концертом выступил председатель СК Роберт Амирханян, на откровенную ложь которого я не знал,

[106] Э. Мирзоян был переизбран на Съезде композиторов в 1991году подавляющим количеством голосов (79 против 5).

как реагировать. Он сказал, что в этом зале за 22 года не было ни одного концерта. То есть с 1982 года не было концерта. В то время как зал Дома творчества открылся в январе 1984 года, о чем председатель ни словом не обмолвился, как и о последующих крупных мероприятиях, в том числе о концерте симфонического оркестра Земли Гессен. Кстати, прекрасный был концерт, после которого музыканты говорили: "В таком зале мы готовы играть бесплатно". Обо мне, присутствующем при этом и имевшем некоторые заслуги в создании и ДТ, и зала Бетховена, не было сказано ни слова – меня просто не существует...

– Как Вы объясняете это молчание?

– Я не собираюсь ничего объяснять, потому что, если начну объяснять, зайду слишком далеко, а я не уверен, что это стоит делать.

Вернемся к истории с "22 годами молчания зала ДК". На открытие прибыл Тихон Хренников. Я организовал так, что он смог побывать сразу на трех важнейших для нашей республики событиях: на юбилейных торжествах к 80-летию Арама Ильича, открытии Дома-музея Хачатуряна и открытии зала имени Бетховена, где прозвучал Фортепианный концерт Хренникова в исполнении автора и Государственного симфонического оркестра Армфилармонии под управлением главного дирижера Валерия Гергиева. Кстати, рассказывая об этом событии на Секретариате СК СССР в Москве, Тихон Николаевич сказал при мне фразу, которую я привожу стенографически: "Я в жизни такого зала не видел. По акустике его можно сравнить разве только с Большим залом Московской консерватории". В программу юбилейного концерта Хачатуряна были включены также отрывки из его балетов "Гаянэ" и "Спартак", а также финал Девятой симфонии Бетховена с участием Государственной Капеллы под управлением О. Чекиджяна.

Должен сказать, что, по понятным мне причинам, на открытии зала не было Карена Демирчяна – приехал второй секретарь ЦК Г. Н. Андреев, который объяснил Хренникову причину отсутствия Первого секретаря ЦК: из-за болезни. Это была откровенная ложь. Хренников попросил передать Карену Сероповичу привет и его пожелания о добром здравии, а я – привет, пожелания здоровья и добавил: "Передайте, что я до конца жизни ему не прощу, что он сегодня не приехал в Дилижан..." Геннадий Николаевич, который был очень приличным человеком, ответил: "Я передам Ваше пожелание здоровья, но не передам остального..."[107]

[107] "Кстати, – говорит Мирзоян, – через какое-то время Андреев должен был уехать из Армении, которую очень полюбил. Перед отъездом он выступил на пленуме ЦК с прощальным словом и прослезился – я присутствовал при этом. Геннадий Николаевич был назначен дипломатом в какую-то страну, и вскоре там скончался..."

Дилижан, 28.01.1984, открытие зала имени Бетховена в ДТК "Дилижан" с участием Государственного симфонического оркестра Армфилармонии, художественный руководитель и главный дирижер – Валерий Гергиев, солист – Тихон Хренников

Так что история зала имени Бетховена не началась в 2000-х с чистого листа, как это пытаются сейчас представить.

15.03.1992, Руза

Дорогой Эдик!

От Карины /*дочь музыковеда Христофора Кушнарева*/ пришла радостная весть – решение о присвоении имени Кушнарева /*ереванской*/ муз.школе N10 принято. Наконец-то свершилось! Это твоя

заслуга, и я приношу тебе самую искреннюю благодарность. Теперь моя совесть может быть спокойна. Ты уж прости, что я на протяжении нескольких лет упорно капала тебе на мозги. Но главное, что хлопоты увенчались успехом. Бог воздаст тебе за это благодеяние.

Ты все же ушел из Союза. Надеюсь, теперь все высвободившееся время ты посвятишь творчеству. Природа щедро одарила тебя, и ты обязан полностью реализовать свои возможности.

Шлю самые добрые пожелания тебе и всем твоим близким. Еще раз благодарю.

Дружески обнимаю

Ганя /*Гаянэ Чеботарян, композитор*/

Интермедия. Алексей Симонов

(кинорежиссер, журналист, правозащитник, автор фильма об Э. Мирзояне, сын поэта Константина Симонова)

Когда мой руководитель по киностудии Андрей Золотов предложил сделать картину о депутате Верховного Совета Эдварде Мирзояне, человеке в общем-то своем в верхушке властных структур, я твердо решил, что делать картину не буду. Нет ничего скучнее – терпеть не могу такие сюжеты с сусальными образами, штампованными речами и наперед известными фразами с расшаркиванием перед начальством. Но чтобы как-то аргументировать свой отказ, я должен был все-таки с ним встретиться хотя бы раз. ...И я влюбился в Эдика с первых же минут нашего общения.

Мы снимали картину семь месяцев. Эдик доверился мне абсолютно. Я на каком-то интуитивном уровне безошибочно выстраивал сюжет, сопровождая его всюду: куда он, туда и я. Снял отличный материал со скрытой камерой в его кабинете, куда приходили музыканты с компроматом на коллег. Но, по настоянию Мирзояна, с этим отрезком пришлось расстаться. Единственное, куда я за ним не пошел ни в какую, – это в кабинеты начальства. Не хотел и не пошел. И где-то в середине съемок я ему честно сказал, про что получается картина: о том, как талантливый композитор изменяет собственной жизнью своему творчеству. В его сиюминутном существовании есть место миллионам забот о сотнях людей, но никак не сочинительству.

И в этом смысле картина не только про Эдика, в значительной степени она автобиографична – она про меня самого...

Что бы я изменил, если бы снимал фильм об Эдике сегодня? По-

С автором документального фильма об Эдварде Мирзояне "Перпетуум мобиле, или Альбом для внучки" Алексеем Симоновым

правку внесла сама жизнь. Эдик, человек не от политики, удивительно умел найти общий язык с любыми властями. Одна из его основных черт – это абсолютное нежелание критически относиться к тем, с кем он общается. Может быть, где-то внутри себя он и относится критически, но заставить его о ком-нибудь сказать дурное слово практически невозможно. Поэтому в предыдущий мой приезд мы едва не разругались, когда он мне стал рассказывать, какая была хорошая власть в Армении в период съемок этого фильма. Ну да, ну он ухитрился эту власть настолько обмануть, что даже выстроил Бетховенский зал. Она давала себя обмануть. Но это же не свидетельство тому, что она хороша сама по себе. Может быть, в ней были и достойные люди, но делали они недостойное дело. Вот заставить его это признать невозможно, он в этом смысле абсолютно некритичен. И пожалуй, что вытащить это из него я бы сейчас постарался.

Оттого, что его стали отодвигать от общественных дел, что он ушел из Союза, – ущерб нанесли больше себе. Ему было уже очень сложно переключиться исключительно на музыку и этим заполнить свою жизнь без остатка. Поэтому возникла дача, появились заботы об урожае, о розах... – то, что Эдик мог на теоретическом уровне воспроизвести 25 лет назад, но что никак не вязалось с его тогдашним образом жизни. Он использует всякую возможность деятельного участия в жизни, и все это дает ему силы жить и наслаждаться жизнью...

При ограниченном количестве сочинений Эдварда Мирзояна, когда избран "штучный" метод композиции и чуть ли не каждое его крупное сочинение является этапным, казалось бы, обозначить периоды творческого пути не составляет особого труда. Но возникают трудности иного плана: Мирзояна отличают ранняя творческая зрелость и стилистическое единство произведений, которые усложняют раз-

граничение временных координат непростого и долгого пути. Не избежав схематизации, тем не менее, я предлагаю следующую периодизацию:

Ранний период – от первых композиторских опытов до 1947 года.

Зрелый период – с Квартета 1947-го до 1988 года.

Поздний период – с 1988 года ("Эпитафия") до хора на слова Шнорали «Ար երկիրին և արա զարդերին».

Основой для обозначения каждого нового этапа я считаю ***стилистический сдвиг одного сочинения, закрепленный в следующих произведениях***. К примеру, новое стилевое качество "Поэмы" для фортепиано с обращением к додекафонии не стало долговременным, а приобрело значение эксперимента[108], в то время как принципы композиторского мышления Квартета достигли кульминационного развития в Симфонии, а "Эпитафии" – в сочинениях последнего периода.

К зрелому периоду можно отнести и посвященный внучке Мариам ***"Детский альбом" для фортепиано (1984).*** В небольшом цикле из шести пьес в сконцентрированной, сжатой форме выражено главное, что характерно для стилистического почерка Мирзояна, – это своего рода ***энциклопедия Мирзояна-композитора и Мирзояна-человека***. Великого ребенка, который умеет озорничать без тормозов и, одновременно, грустить – так, как это подвластно детям и философам.

Это, в первую очередь, ***высшая простота***, доведенная до предельной формы выражения: лаконизма простых композиционных структур, прозрачности, предельной "просматриваемости" фактуры, яркой характерности образов и тематизма и т.д. "Я еще раз убедился, – сказал после исполнения Симфонии в мае 2009 года Валерий Гергиев, – что Мирзоян не пишет лишних нот". Эти слова можно отнести ко всему творчеству Мирзояна.

Во-вторых, это ***мирзояновский мелодизм, лиризм романтического толка***, разлитый по всему циклу. Здесь композитор не боится даже некоторых "пограничных" по жанру интонаций, близких к жанру популярной музыки (киномузыки) – инструментальной импровизации в ее камерном, предельно интимном качестве (такой подход характерен, например, для творчества Таривердиева). Кстати, в финале фильма "Перпетуум мобиле, или Альбом для внучки" Симонова записана свободная импровизация композитора, "подслушанная" редактором фильма в дилижанском коттедже. Подобная жанровая многомерность Мирзояна никогда не пугала – он часто нарочито подчеркнуто, "с акцентом" использует так называемые "банальности".

[108] Можно предположить, что сонористические тенденции "Поэмы" для фортепиано проложили путь к сочинениям позднего периода.

В-третьих, это концептуальное, основополагающее значение игрового начала, ***игры на всех уровнях композиции***, руководимой фонтанирующей стихией мирзояновского темперамента.

В-четвертых, это ***крепкая опора на традиции*** в этом жанре Шумана, Чайковского, Хачатуряна. Хачатуряновские терпкие секунды, переосмысленные Мирзояном в новом, собственном качестве, как и раньше, составляют интонационную основу его тематизма (лейтинтонация), открывая цикл в пьесе “Утро” призывным колоколом в горизонтальном и кластерным водопадом в вертикальном сочетании. Далее по принципу контраста следуют “Мариам”, “Раздумье”, “Игра”, “Грустный вальс”, “Токкатина”.

– Первоначально я наметил две пьесы: “Мариам” и “Игра” – на тему, которую сочинила сама Мариам. Ей было тогда 3-3,5 года, она бегала с куклой и импровизировала, потом пятитактная тема “оформилась”, и она стала ее часто повторять. Спрашиваю: “Что ты поешь?” – “Не знаю...” Любопытная получилась тема, что и привлекло меня. Когда я показал обе пьесы французскому издательству “Альфонс Ледюк”, и мне тут же оформили заказ на “Альбом для внучки”.

Хотя впервые цикл исполнен в Москве 10-летней Олей Золотовой (дочерью Андрея Золотова), “Альбом” по глубине музыкальных образов – сочинение многомерное. Как и во всех произведениях Мирзояна, здесь есть пласты, в которых закодированы различные уровни сложности. И каждый исполнитель, будь то взрослый или ребенок, найдет ключи к пласту, соответствующему его собственному прочтению.

Интермедия. ***Вардан Аджемян*** (композитор)

...Самым сложным в отношениях с Мирзояном для меня оказалось преображение любимого дяди Эдика – папы моего одноклассника Арика, близкого друга моих родителей, которого я знал с самого своего рождения – в профессора Эдварда Михайловича, заведующего кафедрой композиции ЕГК, куда я поступил учиться. А позже – и в коллегу, где с конца 2002 года, когда я возглавил ту же кафедру, мы вместе с Эдвардом Михайловичем осуществили множество проектов. К этому времени он уже не был председателем СК, но продуктивность его продюсерского таланта в постсоветских условиях ничуть не ослабла.

Организация и финансовое обеспечение многих инициатив Кафедры композиции осуществились благодаря непререкаемому авторитету и при непосредственном личном участии Эдварда Мирзояна, который является – это неписаный закон – почетным председателем всех проводимых у нас конкурсов и смотров. Таких, например, как конкурс молодых композиторов имени Хачатуряна, ставший уже традиционным конкурс имени Лазаря Сарьяна, осуществленный совместно с фестивалем "Ереванские перспективы" конкурс имени Бриттена, конкурс хоровых сочинений армянских композиторов (совместно с Государственным Камерным хором Армении под управлением Р. Млкеяна), многочисленные конкурсы фортепианных сочинений и т.д. Организовать дипломный экзамен композиторов в живом исполнении оркестра Оперного театра тоже помог Эдвард Михайлович, такой формат экзамена был осуществлен впервые. В этих и других проектах нас поддержали такие крупные корпорации, как Grand Candy, "Аштарак кат", а также Театр оперы и балета имени Спендиарова, отдельные бизнесмены, которым мы очень благодарны.

Самым важным в деятельности Мирзояна и в прошлом, и особенно сегодня я считаю его искреннюю, неподдельную вовлеченность в культурную и политическую жизнь Армении. Мирзоян бывает практически на всех музыкальных премьерах и осуществляет своего рода отбор, селекцию, профессиональный контроль абсолютного значения (հսկում է). Мирзояновское бдящее ухо – воплощение накопленной веками традиции, национального мироощущения и планетарного сознания. Сегодня, когда в условиях так называемой демократии стерлись критерии вкуса и качества культурной продукции, он осуществляет важнейшую функцию контроля в культурном поле. Причем не по должности, а как человек, обладающий этим правом по неоспоримому призванию.

...Недавно в Швейцарии издали мои сочинения, и когда я открыл страничку с биографической справкой об авторе, удивился: они докопались до моей родословной, их заинтересовало, например, что мой дед, режиссер Вардан Аджемян, – ученик Станиславского и Мейерхольда. Как все-таки это важно: кто твой учитель, откуда, из какой культуры, из какой традиции ты происходишь. Я в значительной степени считаю себя и учеником Мирзояна, хотя окончил композиторский класс незабвенного Лазаря Сарьяна. Я многому научился у Мирзояна, наблюдая его неординарные подходы к жизни и музыкальному творчеству. Его суждения бесконечно далеки от штампов, они так интересны, так глубоки, так по-мирзояновски самобытны. Неразрешимая проблема в его видении вдруг неожиданно находит свое решение – это нельзя сыграть, сымитировать – это выражение его творческого таланта, который проявляется и в жизни, и даже в бытовых мелочах.

С Варданом Аджемяном, 2000-е годы

Мирзоян обладает педагогическим даром совершенно редкого свойства. Его произведения – учебник для композитора, они учат ответственности за каждую поставленную ноту, каждая нота должна быть открытием. Он с абсолютной точностью умеет найти "болевые точки" обсуждаемых на кафедре произведений, о которых композитор знает сам, но старается их обойти, не придать им значения. Некоторые его указания я повторяю своим ученикам. К примеру, о том, что если есть сомнения в сочинении, они не должны повиснуть в воздухе, – вопрос должен быть решен в пользу сомнения, в пользу его преодоления, действия (եթե կա կասկած, ուրեմն միշտ հարցը պետք է լուծվի կասկածի կողմը՝ օդի մեջ կասկածը չթողնելով).

Его композиторский дар и сегодня, на девятом десятке лет, продолжает давать плоды. Свидетельство тому – новое хоровое сочинение на слова Шнорали, своего рода “дежа вю” мирзояновского пути и, одновременно, поиск нового – снова и снова ..

***Л**ирик* Эдвард Мирзоян самым естественным образом ощущает себя в области киномузыки. Возможные композиционные ограничения не сдерживали природную неистребимую потребность композитора говорить понятным языком мелодии о самом важном – о человеческих чувствах. Не удивительно, что именно в этом жанре рождались сочинения, которые, перерастая жанр киномузыки, перерабатывались затем в поэмы о стихии человеческих чувств. Как водопад эмоций, обрушилась на самого композитора его музыка к кинофильму “Хаос” (1973). Лирическая картина “Шушаник”, разбуженная благородной, поразившей Мирзояна красотой исполнительницы главной роли, актрисы Аллы Туманян, была написана за несколько часов и стала одной из признанных удач композитора. В ней – сочетание несочитаемого: половодье чувств при их предельно

сдержанном выражении – одна из самых характерных черт автора. Она стала его визитной карточкой, “фирменным” знаком, символом высшей красоты, который постоянно звучит в сердце композитора. Свидетельство тому – недавно законченное сочинение для хора a capella на слова Шнорали (2009), в котором тема “Шушаник” осветила все партитурное пространство...

Лирическая картина “Шушаник” стала самым популярным сочинением композитора, она переложена для самых разных составов (переложение для струнного оркестра сделано Сергеем Агаджаняном), к 88-летию Мирзояна “Шушаник” была исполнена в неожиданном качестве: в переложении Рубена Асатряна для трио ее сыграло Трио имени А.Хачатуряна (А. Григорян, К. Шахгалдян, К. Кочарян) – коллектив, имеющий особые заслуги в пропаганде современной армянской музыки.

10.09.1978, Сухуми

Дорогой Эдуард Михайлович!

Прослушал “Шушаник”. Что за божественная музыка! Чудо! Не знаю, когда Вы ее написали, но для меня это – открытие. Она чистая, возвышенная, очищающая душу человека. Национальная, армянская, но одновременно общечеловеческая. Ее будут понимать и воспринимать везде. Я счастлив и за Вас, и за то, что существует “Шушаник”. Велик соблазн воплотить ее хореографическими образами. Как Вы на это смотрите?

В конце октября я приступаю к постановке камерной программы для зарубежных гастролей ереванской балетной труппы. В предложенной мной программе художественному руководству театра "Шушаник" отсутствовала (ее еще я не знал). Но теперь думаю обязательно включить, если, конечно, будет Ваше согласие и благословение. Кое-какие задумки, в смысле хореографических образов, сценического воплощения "Шушаник" у меня есть. Но боюсь торопиться. Название меня одновременно и сбивает с толку, и помогает. Мне нужна Ваша помощь. Буквально в двух-трех словах (если подробнее, то еще лучше) я бы хотел от Вас услышать о "Шушаник". Если Вам нечего сказать, то сообщите мне об этом, тогда я буду истолковывать ее и осуществлять постановку по своему усмотрению. <...>

22-го сентября буду в Москве. Очень просил бы Вас приблизительно к этому времени прислать партитуру (если есть – то клавир тоже) и письмо с Вашими соображениями. Извините, что приходится Вас беспокоить, но “виновата” только Ваша великолепная музыка.

С уважением и любовью

Ваш ***Марк Мнацаканян*** /*балетмейстер*/[109]

[109] Постановка была осуществлена и представлена в программе зарубежных гастролей балетной труппы Ереванского оперного театра.

Киномузыка стала импульсом к рождению и другого сочинения – “Поэмы” для виолончели и фортепиано, посвященной Медее Абрамян. Как и “Шушаник”, “Поэма” была затем переложена композитором Сергеем Агаджаняном для камерного оркестра. Мирзоян мучительно долго работал над этим сочинением – с 1994 по 2001 годы (варианты касаются почти исключительно сольной партии виолончели), но непосредственность, спонтанность музыкальной идеи сохранили впечатление экспромта, вдохновенной импровизации, искреннего монолога... Сочинение уже успело стать популярным в репертуаре армянских виолончелистов.

Медея Абрамян: *“Поэма” Э. Мирзояна, написанная для виолончели и фортепиано, а впоследствии инструментованная и для исполнения с Камерным оркестром, полностью соответствует классическим канонам этого жанра: жанра повествования и лирики.*

“Поэма” сконцентрировала в себе динамизм, мелодичность. Она звучит во всех регистрах естественно – очень “виолончельна”, иначе – инструментальна. С первой до последней ноты она настораживает: идет внутренняя борьба, безвыходность в каденции. И самое главное – она достигается скупыми средствами. И звучит как единое целое, в ней нет надуманности.

Произведение выстрадано годами (его первое исполнение состоялось в 1994 году). Невзирая на относительно малую форму, композитор добился выразительности, присущей великим Художникам.

“Поэма-эпитафия” для струнного оркестра памяти Хачатуряна явилась переломной в стилистике Мирзояна, в первую очередь, с точки зрения формы. Накопление “музыкальной событийности” решено в свободной, открытой, поэмной форме, лишенной какой-либо обязательности и предсказуемости в развитии. Аллюзия-цитата из второй части Первой симфонии Хачатуряна использована как импульс для развития и, одновременно, символ истоков, пророщенного зерна. Так же, как в трактовке Чайковского “Камаринская” Глинки мыслится, “как дуб в желуде”, в которой отражен весь путь русской музыки, цитата из Первой симфонии Мирзояном трактуется как квинтэссенция армянского симфонического творчества. Центральной здесь стала идея монодраматургии, энергия накопления неприметных обыденному взгляду минималистских перемен, которые в определенный момент взрываются в столь характерном для Мирзояна пафосе открытого, обнаженного до предела, исступленного выражения боли, контрастирующего сдержанности, уравновешенности предшествующей риторики. Причем все это богатство событийных перемен умещается в инструментальном пространстве камерного струнного оркестра. “Эпитафия” наследует романтическим Adagio

(Бетховен, Шуман, Малер, Брукнер, Берг, Чайковский, Скрябин, Прокофьев, Шостакович, Мессиан). Речь идет о первооснове музыкального самовыражения в медленном темпе, открывающем простор для погружения в созерцание, медитацию. Однако здесь важно и другое: Мирзоян органически неприемлет “бесформенности” сочинения, его “рыхлой структуры” при любом типе драматургии. Музыкальная мысль Мирзояна не способна застыть на частностях, игнорируя и теряя целое. Поэтому открытая рапсодийная форма этого сочинения тоже замкнута, и достигается это излюбленным мирзояновским методом: благодаря репризному возвращению начального хорала.

Здесь, и именно в этом произведении Мирзоян предстает абсолютно самим собой – трагическим художником, где идея скорби, реквиема памяти великого художника ничем не оттенена, дана в чистом, предельном, абсолютном выражении. “Работая над этим сочинением, я вновь со всей остротой пережил потерю Арама Ильича”, – признался Мирзоян.

Так случилось, что, работая именно над этим разделом исследования, я тяжело заболела. Врачи срочно готовили меня к операции. В те несколько оставшихся предоперационных дней я пыталась закончить работу над книгой, прослушивая запись “Эпитафии”. Однако, как выяснилось, в этом состоянии я была решительно не в силах погружаться в трагический образный мир произведения: мне становилось нестерпимо тяжело, и я просто прекратила работу, лишний раз уверившись, что Мирзоян-экзистенциалист – это объективная реальность. “Оставь, не слушай эту музыку”, – поддержал меня в моем решении Эдвард Михайлович.

Однако сила его искусства в том и заключается, что каждому из нас открывается “свой” Мирзоян, такой разный и неоднозначный.

Арсен Гадзиев (Гадзиян) (композитор): “Элегия” Мирзояна меня... обрадовала. Я увидел в ней нечто большее, чем скорбь по великому Хачатуряну. Думаю, что десятилетие его смерти стало просто поводом к созданию этого сочинения. К тому, чтобы поговорить со слушателем об очень важном, не опускаясь до трагедии. Здесь есть выход на какой-то иной уровень обобщения, мудрость интуитивного обращения в иные пространства мироздания. И, одновременно, редкая глубина его эмоционального постижения. Мы часто уходим в трагедию, боясь заглянуть в еще большие глубины самих себя, и не зря – не каждому дано вынести тяжесть всего того, что там скрыто. И что так гармонично выражено в музыке Мирзояна, наделенной великой силой объективного постижения мира. Именно через струнный состав должны были быть переданы столь тонкие движения человеческой души”[110].

[110] Интервью А. Гадзиева (Гадзиян) автору, 2002.

Арам Карабекян (дирижер):

"Эпитафия" – это предвосхищение, предчувствие того явления, которое я бы назвал "новым Мирзояном" и которое в своем совершенном, целостном выражении воплотилось в вокальном цикле "Времена года". Точно так, как Квартет подготовил появление его Симфонии. И как "Вариации на тему Гайдна" Брамса, сохранив свое непреходящее значение в истории мировой музыкальной культуры, стали предтечей, серьезным музыкальным эскизом его же Первой симфонии (любопытно в этом смысле, что Квартет Мирзояна – это тоже вариации).

"Эпитафия" – это зов нового стиля композиторского мышления Мирзояна, характерного для последнего периода его творчества. Это проявляется, в первую очередь, в особенностях гармонического языка, который несколько более "диссонантен", но все-таки сохраняет типично мирзояновскую стилистику. А также в драматургическом решении произведений, которые отныне непредсказуемы в своем развитии, – внезапные контрастные сопоставления, вплоть до кульминационного взрыва эмоций никак не подготовлены предшествующим развитием: начальный импульс не предвещает подобного развития событий"[111].

03.04.1987, Boston

Շա՛տ սիրելի վարպետ,

Շատ ուրախ եմ, որ վերջապէս յաջողուեց Ձեզ հետ հեռաձայնով խօսել. Ձեզ հետ խօսելը անմոռանալի յուշեր թարմացրեց մէջս, եւ կարօտ զգացի...

Ինձ մօտ գործերը լաւ են ընթանում: Մեր տարուայ վերջին համերգը Մայիս 1-ին է, որի ծրագրի մէջ կայ նաեւ Shchedrin-ի "Carmen Suite"-ը:

Միւս տարի SinfoNova-ի 5-րդ տարեդարձն է [*ԱՄՆ-ում Հայաբէգեանի կողմից հիմնուած նուագախումբ*], եւ ծրագրում ենք յատկանշական համերգային սեզոնով հանդէս գալ: Այդ բերումով, բացի մեր ընթացիկ համերգներից Boston-ում, ծրագիր ունենք մի քանի ուրիշ քաղաքներում եւս հանդէս գալ: 1987-88 տարեշրջանի բացառիկ ելոյթը պիտի տեղի ունենայ New York-ում: Դա մեր անդրանիկ ելոյթն է New York-ի Carnegie Hall-ում: Համերգի թուականը որոշուած է Կիրակի, Մարտ 6, 1988-ին: Այդ նոյն ծրագիրը նաեւ պիտի նուագենք Boston-ում, Ուրբաթ, Մարտ 4, 1988-ին եւ շատ հաւանականութեամբ Worcester-ում (Բոստոնից 65 կիլօմետր հեռու), Շաբաթ, Մարտ 5, 1988-ին: Մի ուրիշ խօսքով՝ ծրագրում ենք այդ համերգը 3 երաժշտական կենտրոններում ներկայացնել:

Սիրելի՛ վարպետ,

Այս նախաբանից յետոյ գալիս ենք իրական հարցին: Իմ շատ մեծ ցանկութիւնն է, որ այդ երեք համերգաշարանի մէջ պրեմիէր անենք

[111] Из интервью А. Карабегяна автору (2001).

Ձեր նոր ստեղծագործութիւնը՝ գրած յատկապէս այս առիթի համար:

Դեռ այդ համերգի ծրագիրը վերջնական չէ, բայց 2 գործ յստակ լինելու են ծրագրի վրայ՝ Շուբերտի «Մահ եւ աղջիկ» կւարթեթը՝ Մահլէրի գործիքաւորումով, լարային նուագախմբի համար: Նաեւ պիտի լինի Մոցարտի դաշնակի կոնցերտը: Հիմա այս բոլորը ի նկատի առնելով՝ եթէ Դուք մի նոր ստեղծագործութիւն գրէք 10-15 րոպէ տեւողութեամբ, լարային նուագախմբի համար, այդպիսով կ'ամբողջանայ համերգի ծրագիրը: Դեռ մի ուրիշ փոքր գործ նաեւ կարող է աւելանալ (երեւի Rossini-ի Sonata-ն, տեսնենք):

Սիրելի՛ վարպետ,

Եթէ թոյլ տաք, եւ անհամեստութիւն չլինի ասածս, ինչ որ ձեւով Ձեր այս նոր ստեղծագործութիւնը մի Adagio է հնչում ինձ մէջ լարային գործիքների համար: Նուագախմբի կազմն է՝ 6VnI-6VnII-4Va-4Vc-2Cb: Չգիտեմ ինչու, բայց կարծես մի ինչ-որ ձեւով պատկերացում ունեմ, որ այս գործը շատ անմիջական եւ «սրտից» բխած երաժշտութիւն է: Լոս Անջելէսում ես Ձեր ներկայութեան մէջ արդէն դա լսեցի: Վերադառնանք կոնկրետ աշխարհ... Այդ համերգի համար ունենալու ենք 4 փողաւորներ՝ 2 Oboe եւ 2Hn Մոցարտի համար: Այդ գործիքներն էլ կարող են օգտագործուել, բայց նորէն ես լարային գործիքներ եմ լսում...

Վարպե՛տ ջան,

Անշուշտ այս առիթով Ձեզ հրաւիրում ենք ներկայ լինելու Ձեր նոր գործի premiere-ին Բոստոնում եւ Նիւ Եորքում (հաւանական է՝ նաեւ Վուստըր): Ցանկալի է, որ նաեւ փորձերին ներկայ լինէք: Այս պարագային Դուք մեր հիւրը կը լինէք 26 Փետրուար - 11 Մարտ, 1988, երկու շաբաթով:

Бостон, 1988 год. Торт к 5-летию оркестра "Симфонова"
<...>, Эдвард Мирзоян, Арам Карабекян, Евгения Карабекян /*мать дирижера*/

Իսկ ինչ վերաբերում է ժամկէտին՝ Partitur-ը եւ Part-երը ստանալու համար, լաւ կը լինէր, որ այդ բոլորը ամենաուշը մինչեւ Սեպտեմբեր 30, 1987-ը ստանայինք: Տուեալ դէպքում բաւարար ժամանակ կ'ունենանք՝ խնամուած կերպով պատրաստուելու: Partitur-ից բացի եթէ մէկական Part նուագախմբի բաժնից մեզ ուղարկէք, մենք միւսները կարող ենք հեշտութեամբ բազմացնել:

<...>

Անհամբեր սպասում եմ Ձեր լուրին, թէ այս նոր գործը ինչպէս է ստացւում: Շատ ջերմ բարեւներս Տիկ. Միրզոյեանին, որի հետ հեռաձայնով արդէն մտերմացանք, եւ խորը զգացումներս փոխանցէք «Իմ Հայրենիքին» [*Հայաստանին՝ ըստ Առաջին եւ Երրորդ հանրապետութիւնների օրհներգի անուանման*]:

Սիրով եւ կարօտով՝ ***Արամ Ղարաբէկեան***

Յ. Գ. Ցարութիւնին [*Դեղլալեան, կոմպոզիտոր*] շուտով գրելու եմ:

03.04.1987, Бостон
(перевод Л. Епремян)

Дорогой Варпет!

Очень рад, что, наконец, удалось связаться с Вами по телефону: Ваш голос пробудил во мне незабываемые воспоминания, и я затосковал...

У меня дела идут хорошо. Заключительный в этом сезоне концерт состоится 11 мая, в программу включена “Кармен-сюита” Щедрина.

В этом году “Симфонова” /*основанный Карабекяном оркестр в США*/ справляет свое 5-летие, и мы запланировали особый, юбилейный концертный сезон. В связи с этим, помимо Бостона, собираемся выступить и в других городах. Исключительно важный концерт сезона 1987-1988 годов состоится в Нью-Йорке. Это наше первое выступление в Карнеги-холле. Определена точная дата: воскресенье, 6 марта 1988 года. Ту же программу сыграем в Бостоне, в пятницу, 4 марта 1988 года, и очень возможно, что и в Ворчестере (65 км от Бостона) – в субботу, 5 марта 1988 года. Словом, эту программу хотим представить в трех музыкальных центрах.

Дорогой Варпет, после этого предисловия хочу обратиться к главному вопросу. Мне бы очень хотелось, чтобы в рамках этих трех концертов состоялась премьера Вашего нового сочинения, созданного специально к этому случаю.

Программа еще окончательно не утверждена, но два сочинения точно будут включены: “Девушка и смерть” Шуберта в переложении для струнного оркестра Малера и фортепианный концерт Моцарта. Теперь, принимая все это во внимание, если Вы напишете новое сочинение для струнного оркестра продолжительностью примерно в 10-15 минут, программа приобретет целостность и завершенность. Возможно, добавится еще одно небольшое сочинение (наверное, соната Россини, посмотрим!).

Дорогой Варпет, если позволите и не сочтете это слишком большой дерзостью с моей стороны, скажу, что мне это новое сочинение представляется как Adagio для струнных. Состав оркестра: 6VnI-6VnII-4Va-4Vc-2Cb. Не знаю почему, я представляю его очень непосредственным и идущим от сердца. В самом Вашем присутствии в Лос-Анджелесе я это уже услышал. Но вернемся к реалиям...

Для этого концерта мы будем иметь 4 духовых (2 Oboe և 2Hn) для Моцарта. Эти инструменты тоже могут быть использованы, но вновь я слышу струнные...

Варпет джан! Разумеется, в связи с этим мы приглашаем Вас присутствовать на премьере своего сочинения в Бостоне и Нью-Йорке (возможен также Вустер). Желательно, чтобы Вы побывали и на репетициях. С учетом всего этого Вы будете нашим гостем с 26.02 – 11.03.88, в течение двух недель.

А что касается сроков высылки партитуры и партий, было бы хорошо, если бы Вы успели максимум до 30.09.1987 года. В этом случае у нас будет довольно времени, чтобы обстоятельно подготовиться. Если к партитуре приложите по одному экземпляру каждой партии, остальные мы здесь легко размножим. <...>

С нетерпением жду от Вас известий о том, как продвигается работа над сочинением. Сердечно приветствую г-жу Мирзоян, с которой по телефону мы уже сблизились, и передайте мои глубокие чувства “Нашей Родине”/*Армении – название государственного гимна Первой и Третьей республик*/.

С любовью ***Арам Карабекян***

P. S. Арутюну /*Деллалян, композитор, ученик Э. Мирзояна*/ я скоро напишу.

Арам Карабекян:

“Это был 1986 год, третий сезон деятельности “Симфоновы”. Было запланировано турне по Калифорнии с исполнением сочинений двух американских и двух армянских композиторов, причем три из четырех были написаны по заказу оркестра (в том числе “Топофоно” Арутюна Деллаляна). Исполнялась и Симфония Мирзояна. Деллалян и Мирзоян на концерт приехать не смогли – задержалась виза, и они прибыли в Бостон только спустя неделю. Я был счастлив с ними познакомиться и в день расставания сказал Эдварду Михайловичу, что через два года – 10-летие со дня смерти Арама Хачатуряна и 5-летие нашего оркестра. Мы предполагаем выступить с юбилейными концертами в США и были бы рады исполнить “Adagio” для струнного оркестра Мирзояна, написанное по нашему заказу специально к этому случаю. Он с большим воодушевлением воспринял эту идею, и у меня создалось впечатление, что мы договорились.

Известно, что в мировой практике концертные программы планируются за несколько лет вперед. И вот, я во всех выступлениях в прессе рассказываю о предстоящей премьере, уже расклеены афиши. Но что-то из Еревана долго нет никаких вестей. Одно за другим посылаю несколько писем – ответа нет. Звоню. Мирзоян говорит, что задумки у него есть, но сочинение еще не готово. Я успокоился, жду. Остается 3-4 месяца до премьеры, которая запланирована на весну 1988 года – ни слуху, ни духу. Тогда я собираю всю прессу с анонсами мировой премьеры нового сочинения, готовые афиши и через композитора Айка Бояджяна, который едет в Ереван, передаю все это Эдварду Мирзояну с просьбой к Айку привезти партитуру, если голоса еще не переписаны.

...Когда Эдвард Михайлович вдруг видит все это – Карнеги-холл, world premier “Adagio”, свою фамилию, он впадает в шок, переходящий в глубокий транс. Потом волевым усилием сосредотачивается на творческом процессе, на две недели закрывается в Дилижане и пишет это сочинение. ...Партитуру мы получили в последние дни, за месяц до премьеры, и что бы там ни было, я счастлив, что это случилось. Родилось сочинение, которое с первого же исполнения получило признание публики и прекрасную прессу.

Было начало 1988 года – бурный, удивительный период в истории Армении. Эдвард Михайлович жил этими событиями, был очень взволнован всем происходящим, делился своими мыслями и чувствами с армянской диаспорой в США, передавая нам энергетическую волну, которая всколыхнула Армению. Он жил в доме моих родителей, где был рояль. Мирзоян и в Америке продолжал мучительно работать над сочинением, постоянно сомневаясь, правильно ли он нашел нужную ноту. И чувство радости, огорчения, волнения, неуверенности, сомнения, счастья от верно найденной интонации было по-детски непосредственным и бурным.

...Прошло более тринадцати лет. Июль 2001 года. Гастроли Национального камерного оркестра под моим руководством в Гаваре с посещением Айриванка и Дома-музея Авета Тертеряна. В двух концертах исполняются Вариации (Квартет в моем переложении для камерного оркестра). “А почему ты думаешь, что я с вами не поеду?”– огорошил меня Мирзоян, пустившись с артистами в авантюрное путешествие, сулящее немало сюрпризов, – заброшенные гостиницы, холод, бездорожье и т.д. И вот мы, завалившись в автобус со своими инструментами, стульями – там это тоже могло стать проблемой, – едем. Эдвард Михайлович с нами, оркестр этим горд и счастлив. Я, естественно, ничего не знаю о том, что он на диете, на лекарствах, которые с собой просто не взял. Но это еще не все. Вдруг он мне шепчет: “Я Ляле не сказал, что ночью не вернусь...” Я по-настоящему начинаю беспокоиться за его состояние.

Мы доезжаем. Гаварцы сделали все, что было в их силах: привели в порядок часть номеров в гостинице, вылизали все до блеска – туда, наверное, лет десять никто не приезжал. ...Концерт прошел с невероятным успехом – какие выразительные глаза, какой вдохновенный слушатель в Гаваре!

Нас пригласили на гаварскую кюфту. Прекрасный прием, обильное застолье. Эдвард Михайлович звонит в Ереван жене: “Сегодня не приеду”. Можно только представить, как волнуется Ляля: весь режим с диетическим питанием и таблетками по часам летит к черту.

...Десять вечера. Прием только закончился. Музыканты валятся от усталости, глаза закрываются на ходу. А у нас заранее было запланировано ночное мероприятие: костер на берегу Севана. Но все уже настолько устали, что планы по ходу меняются. Никаких ночных мероприятий, все мечтают поскорее завалиться спать. Я отменяю поездку и желаю всем спокойной ночи под благодарные, одобрительные взгляды оркестрантов. Мирзоян подходит ко мне: “Я тобой очень недоволен – ты не умеешь доводить дело до конца, отступаешь от цели”. В два счета ему удалось переубедить часть артистов. И вот в полночь снова садимся в автобус. Холод собачий, пробирающий до костей. Он в легком пиджаке. Моросит дождь, дров нет. Я прошу команду администрации набрать сучьев.

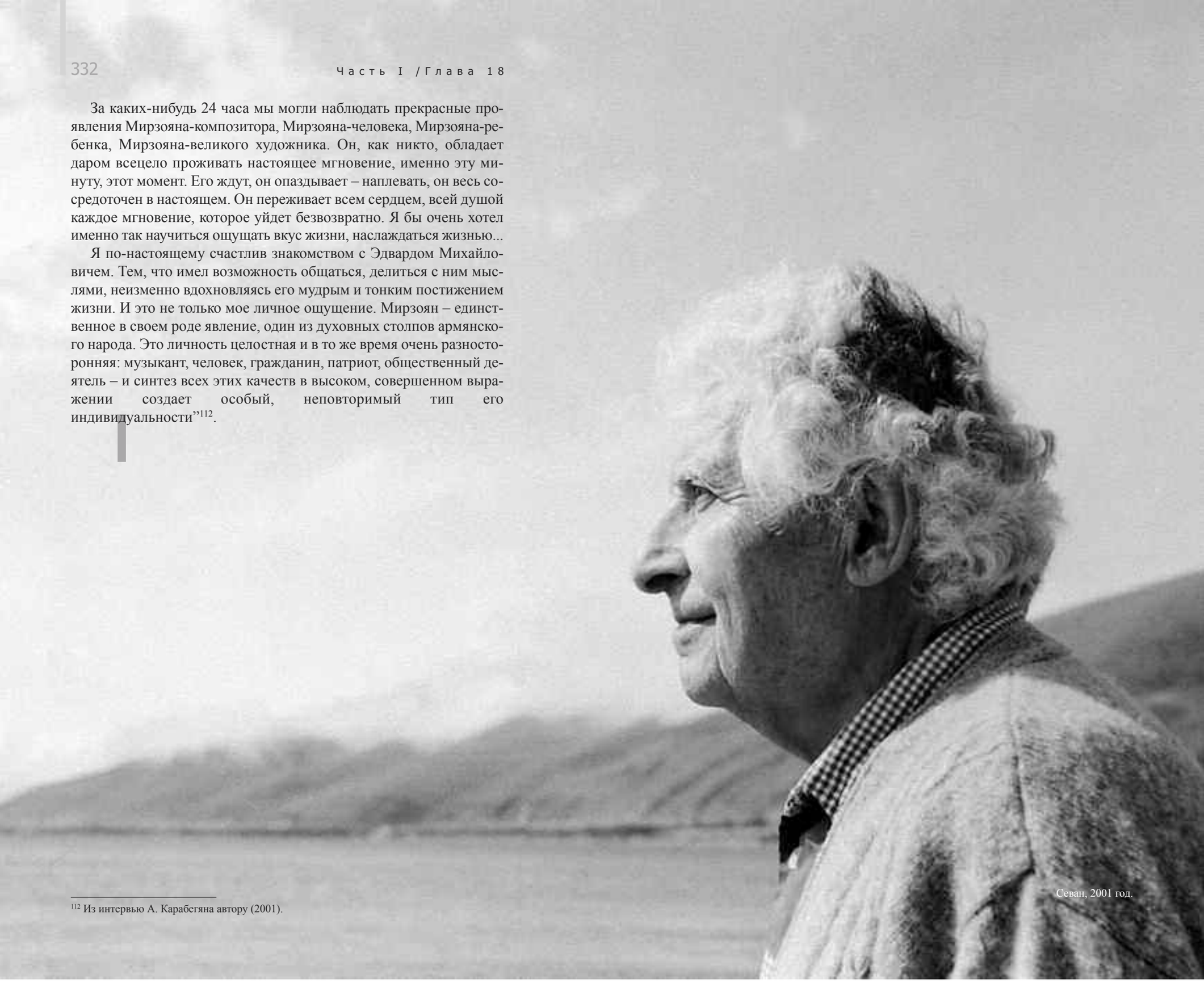
Поехали в Айриванк: волшебное звездное небо, храм небесной красоты... Это впечатление забыть невозможно. Эдвард Михайлович первым выходит из автобуса, невзирая на нестерпимый холод. Костер мы уже разжигать не стали и предпочли вернуться, чем снова огорчили неуемного Мирзояна.

В два часа ночи, наконец, расходимся по номерам. Утром в 8 часов снова на ногах, в 12 часов – концерт. Смотрю, Армен Арабян, директор оркестра, который был в номере с Мирзояном, просто валится с ног: “Ты думаешь, мы спали? Он говорил не переставая до половины седьмого – о мироздании, человечестве, Вселенной – обо всем на свете”. Перевожу взгляд на Эдварда Михайловича: выглядит отдохнувшим, как всегда, энергичен и деятелен.

В Айриванке при полном аншлаге он простоял на концерте полтора часа кряду. Кроме Вариаций, мы сыграли еще и “Шушаник”. Потом приехали в Дом-музей Тертеряна, пообедали, повеселились. Музыканты снова клюют носом – устали очень. Ирина Тигранова /*музыковед, жена Авета Тертеряна*/ угостила нас целым ведром очень вкусного мацуна, который привезли ей сельчане в знак уважения к артистам и к памяти Авета Рубеновича. Тут вдруг Мирзоян: “Я хочу поехать в деревню и поблагодарить за такой вкусный подарок”. Насилу смогли переубедить его – с условием, что заедем в деревню на обратном пути. Надо было видеть, как были счастливы эти люди, когда сам знаменитый композитор специально приехал к ним выразить восхищение благородным трудом армянского крестьянина...

За каких-нибудь 24 часа мы могли наблюдать прекрасные проявления Мирзояна-композитора, Мирзояна-человека, Мирзояна-ребенка, Мирзояна-великого художника. Он, как никто, обладает даром всецело проживать настоящее мгновение, именно эту минуту, этот момент. Его ждут, он опаздывает – наплевать, он весь сосредоточен в настоящем. Он переживает всем сердцем, всей душой каждое мгновение, которое уйдет безвозвратно. Я бы очень хотел именно так научиться ощущать вкус жизни, наслаждаться жизнью...

Я по-настоящему счастлив знакомством с Эдвардом Михайловичем. Тем, что имел возможность общаться, делиться с ним мыслями, неизменно вдохновляясь его мудрым и тонким постижением жизни. И это не только мое личное ощущение. Мирзоян – единственное в своем роде явление, один из духовных столпов армянского народа. Это личность целостная и в то же время очень разносторонняя: музыкант, человек, гражданин, патриот, общественный деятель – и синтез всех этих качеств в высоком, совершенном выражении создает особый, неповторимый тип его индивидуальности”[112].



Севан, 2001 год.

[112] Из интервью А. Карабегяна автору (2001).

...Բայց անզոր ես դու, գարո՛ւն, սիրելի՛ս,
որ հալեցնես ձյունը մազերիս:

Глава 19

“Сказание небу...”

Ни в какой другой области творчества Мирзоян не выразил себя столь многогранно, полифонично и вместе с тем предельно просто – открыто, откровенно, – как в жанре романса. Когда чувства и мысли просматриваемы до самого дна, когда и нет “двойного дна”, так непосредственен выстроенный на нерве его эмоциональный мир.

Определяющим качеством в характеристике романсов Мирзояна стала поэзия. Его избирательность в этом вопросе основана на двух существенных факторах творчества поэтов, весьма разных по стилистике: лиризм и патриотизм – качествах, важнейших для самого композитора. Исаакян, Терьян, Чаренц, Капутикян и др. – всех их Мирзоян воспринимает в едином ключе: “В Исаакяне меня с годами все больше удивляет совмещение интимной лирики с патриотизмом... Поразительно, что такой лирик, такой тонкий поэт, как Терьян, был революционером... Чаренц, как и Маяковский, с одной стороны, посвятил себя родине – он был честен в стихах о революции, с другой – это трагическая личная судьба... Хотя с политическими взглядами Капутикян я не всегда был согласен, Сильву я любил еще со школы. Настоящая женщина и при этом настоящий, прекрасный поэт-лирик, поэт своего Отечества”.

Чтобы представить, насколько динамична эволюция творчества Мирзояна, на первый взгляд, не претерпевшая большой трансформации, достаточно сравнить первые исаакяновские романсы с циклом “Времена года” на слова китайских поэтов. Симптоматично, что ранний и поздний периоды творческого пути отмечены жанром романса, жанром максимально интимным. Это два мира, два полюса – чувственный и философский – от романтического порыва к философскому осмыслению мироздания. Два типа организации драматургии – романтически-развернутый и предельно сжатый, спрессованный в алмазной концентрации идей и форм, часто резко контрастных, данных в сопоставлении. Если почерк исаакяновского “цикла” (позволим себе объединение двух ранних романсов) или, к примеру, романса **“Ты поняла”** (**«Դու հասկացար», 1944**) на слова Терьяна[113] характеризу-

[113] Романс написан в период увлеченности Мирзояна певицей Марианной Арутюнян. “Этот

ется традициями романтической вовлеченности, развернутых фортепианных отыгрышей **(“Там у меня начинается фортепианный концерт”)**, страстного порыва, открытости чувств и форм, то последний цикл – это некоторая отстраненность взгляда, созерцательное постижение мира, на миг преодоленное в заключительном номере цикла “Времена года”. Если в романсах на слова Исаакяна или Терьяна красочная палитра акцентирована на таких традиционных национально-характерных “акцентах”, как лидийская кварта или неаполитанская гармония, то в цикле “Времена года” Мирзоян, мыслящий уже в другой системе координат, балансирует на грани тонального и атонального мышления, “перечеркивая” одно другим, избегая в этом смысле какой-либо определенности. Здесь уже вертикальные или горизонтальные созвучия хроматизированы до взрывоопасного предела, они либо крайне динамичны, либо фонически самоценны. До максимального предела доведен и традиционный для Мирзояна подход к вокалу: декламация, мелодизированная в начале творческого пути, углублена до пуантилистического интонационного рисунка, избегающего функциональных связей.

Отмечая истоки романсового творчества Мирзояна, нельзя не назвать Микаэла Мирзаяна, Романоса Меликяна, Аро Степаняна, Анушавана Тер-Гевондяна и др. Однако сам Мирзоян до сегодняшнего дня не устает говорить и о другом вдохновляющем его примере для подражания – вокальной речитации Армена Тиграняна:

– Когда речь идет о профессионализме, владение Тиграняна вокалом гениально. Я помню, иссследователь Арам Кочарян, очень своеобразно мыслящий человек, говорил о речитативе и, в частности, армянском речитативе, приводя в пример диалог из “Ануш”: «Դու ինձ չես սիրում, չես սիրում ինձ պես...» (“Ду индз чес сирум, чес сирум индз пес...”) – только гениальный мастер мог дать такое разговорное пение”.

Именно “разговорное пение” – самое точное определение для романсов Мирзояна, где всегда осмыслен “разговор” и где всегда есть “пение”, то есть материя абсолютно мелодизированная, которая ведет, несет исполнителя силой музыкальной, мелодической стихии.

без даты, Италия

Здравствуйте, дорогой Эдуард Михайлович!

<...> Я начал работу усиленными темпами, но боюсь потерять */работу/,* потому что итальянцы не очень любят работать, но ничего – двое из маэстро полюбили меня и занимаются с большим интересом, им нравятся наше пение и наша музыка. Я им пропел много наших песен и романсов, в том числе и Ваш романс “Говорят”

романс на слова Терьяна мало исполняется”, – говорит Мирзоян. – В США в 1986 году Элизабет Пахлеванян спела так, что я был просто потрясен, впервые подумал, что написал не зря”.

(«Ասում են թե...»). Им очень понравился романс, и сразу же понеслись слухи, что у меня хорошие ноты, и стали уже просить их певцы.

Здесь очень хорошо, но я ужасно соскучился по родной Армении и по всем моим друзьям и знакомым, соскучился по Еревану, по нашим улицам и концертным залам, а больше всего по сцене, ужасно хочется спеть концерт в Доме камерной музыки. Ну, все.

Целую, дорогой Эдуард Михайлович,

Гегам Григорян

В эволюции стиля Мирзояна выделяется романс на слова Чаренца **“Теперь вспоминаю”** («**Հիմա հիշում եմ**», **1990**), который прозвучал лишь раз в исполнении выдающегося певца Гегама Григоряна и на конкурсе к 80-летию Чаренца (Армения) был удостоен первой премии. Романс был утерян и вновь восстановлен лишь недавно по случайно обнаруженной в архиве Мирзояна аудиозаписи репетиции с Григоряном, где сочинение буквально рождается на глазах. Стилистика романса своеобразна. Здесь уже нет развернутых инструментальных отыгрышей, все движение – вокальное и фортепианное – максимально сжато, сконцентрировано вокруг интервала секунды в горизонтальном и вертикальном сгущении. Завоевывание каждой новой ступени в драматургическом развитии создает энергетические сгустки, которые прорываются в кульминации и вновь “парализуются” в статике мучительных воспоминаний.

- Ես զմեցի, երբ իմացա, որ այդ բանաստեղծությունը գրել ա 23 տարեկան հասակում և խոսում ա իր մասին մի ծերունու նման (Я был поражен, когда узнал, что эти стихи написаны 23-летним юношей, который говорит о себе, как о глубоком старике):

Հիմա հիշում եմ բոլոր օրերս հին ու անցած,
Լուսազարդ ու թևավոր օրերս հին ու անցած,
Եվ թվում է, թե նոքա կարկաչելով պիտի գան
Մանուկների նման հուր օրերս հին ու անցած:
Բայց գալիս են նոքա լռին ու հոգնաբեկ, ու տխուր,
Անցորդների պես մոլոր օրերս հին ու անցած,
Պանդուխտների նման այս, որ հեռացել են վաղուց -
Տուն են դառնում նորից նոր օրերս հին ու անցած:
Եվ նստում են, հոգնաբեկ, ահա սրտիս վրա ծեր,
Եվ հորանջում են տխուր օրերս հին ու անցած,
Եվ չեն կանչում ոչ ոքի, մտորում են ու լռում,
Քուն են փնտրում ու անդորր օրերս հին ու անցած,
Հիմա հիշում եմ բոլոր օրերս հին ու անցած,
Լուսազարդ ու թևավոր օրերս հին ու անցած,
Եվ թվում է, թե նոքա կարկաչելով պիտի գան
Մանուկների նման հուր օրերս հին ու անցած:

Лусине Закарян и Эдвард Мирзоян

Поэтическое слово – важнейший компонент в романсах Мирзояна, именно слово, как правило, становилось импульсом к созданию романса. Исключение – романс «**Վերհուշ**» **(“Воспоминание”, 1974)** на слова С. Капутикян. “Воспоминание”– в настоящем смысле слова не романс, а песня без слов. В отличие от других романсов, она родилась не из слов –это именно музыкальное приношение, одно из спонтанных проявлений мелодического, лирического, если хотите – песенного дара Мирзояна. Это гимническая музыка, которая, как мне кажется, может равнозначно прозвучать и в качестве инструментальной пьесы.

– Я импровизировал на фортепиано в дилижанском коттедже Алеши Аджемяна. “Что ты играешь?”, – спрашивают Алеша с Натой /*жена Александра*/**. – “Ничего, просто так”. – “А интересно получается”. И я решил написать романс. В Дилижане в это время отдыхала Капутикян, к которой я обратился с просьбой написать стихи на готовую мелодию. Она наотрез отказалась: “У меня полно стихов, на которые можно написать музыку”. Но когда я сыграл ей это сочинение, Сильва вдруг согласилась. И появились стихи, которые, я считаю – не подтекстовка.**

Именно так – от музыкального импульса – родилось и другое сочинение: **“Фестивальный вальс”, или “Вальс дружбы” (1957)**. Когда однажды Мирзоян сидел в президиуме на заседании в АДРИ (Армянский дом работников искусств), вдохновение вырвало его из ритма пленарного заседания, и мелодия заставила услышать себя**:**

– Я в президиуме разлиновал бумагу и написал мелодию в ответ на фразу Акопа Ханджяна о том, что композиторы мало пишут песни. Я счел особенно обидной его фразу о том, что

мало пишут даже те, кто мог бы это сделать. Это был вызов, на который я ответил “Фестивальным вальсом”. Но разговор шел о том, что надо писать песни на готовые стихи, а я записал мелодию и показал Гегаму Сарьяну: «Սրա վրա խոսքեր կգրե՞ս» – «Ձե՞ռ ես առնում» (“На эту мелодию слова придумаешь?” – “Ты что, издеваешься?”).

Впоследствии слова Гегама Сарьяна дополнили образ этого сочинения, которое посвящено Татевик Сазандарян.

Цикл **“Времена года”** (2006) открыл новую страницу в творчестве Мирзояна. Как сказал композитор Тигран Мансурян, “это произведение, обескураживающее своей непредсказуемостью, – наш завтрашний день”. В то время как “авангардисты” 60-70-х с годами смодулировали в более традиционную систему стилевых координат, такой “почвенник” и “традиционалист”, как Мирзоян, максимально отошел от привычной модели нашего представления о его творчестве. Это очевидно и при сопоставлении номеров в рамках самого цикла – ведь первый романс “Весна” отделяет от остальных почти десятилетие, он отличается и стилистически. Тем не менее, первый и последний романсы – “Весна” и “Зима” – это два центра тяжести цикла, где роль слова, речевой интонации очень значима. Философичность китайских текстов родственна армянскому мироощущению. Возрастает роль каждого отдельного элемента, роль фонических структур, поиски национального языка ведутся не вширь, а вглубь, уходят в праосновы интонационных структур. В этом цикле спрессованы традиции армянского вокального творчества Нового времени, близкие к неофольклористским тенденциям на современном этапе развития этого направления.

Գարուն
(слова Бо Цгуй-я, перевод Генриха Севана)

Գարու՛ն, քո շնչից ձյունը հալեց ու գնաց,
վառ շողերիդ տակ հողը երևաց:
Բայց անզոր ես դու, գարու՛ն, սիրելի՛ս,
որ հալեցնես ձյունը մազերիս:

Ձմեռ
(слова Чжан Кецзю-я, перевод Даниела Ераижишта)

Քամիներն են ոռնում, ամպերը ծառս-ծառս թռչում,
երկնքի մութ խորքերից թանձր ձյուն է վար թափվում,
իսկ վրանում ոսկեգույն աղջիկներն են կաքավում,
թասերը գինով լցվում, վարագույրն է վար իջնում,
գինովցած ենք և ուրախ, գինովցած ենք և ուրախ:

"Времена года" – концентрация мирзояновской макрофилософии в микроцикле, где есть сопоставление экзистенциального конца и пьянящего аромата жизни.

«*Ասք երկնքին և նրա զարդերին*»

"Ляля, я постараюсь тебя обрадовать. Ты не то что меня не нервируй, а сама не нервничай! Я хочу, я стараюсь закончить работу над этим сочинением как можно раньше, но давай поедем на дачу – здесь я чего-то не слышу, не понимаю, тяжело, трудно мне дома работать!.." Стандартная семейная сцена по поводу того, что Эдик отвлекается на посторонние дела, звонки, пустые заботы вылилась однажды в моем присутствии в этот отчаянный надрыв композитора, свидетельствующий о высоком накале нервного напряжения. Накануне своего 88-летия Эдвард Мирзоян писал хоровое сочинение a capella «Ասք երկնքին և նրա զարդերին» (գրաբարով՝ «Յաղագս երկնից եւ զարդուց նորա»). Он жену не подвел: прошло два месяца – и работа была закончена. «**Հոգիս դուրս եկավ**» **("Измучился я!"),** – признался он мне. **"С одной стороны, я вроде ничего особенного не написал, с другой – понимаю, что сочинение трудное..."** Дирижеры Роберт Мкеян и Сона Ованесян, сопереживая композиторскому процессу, вдохновили Мирзояна своей готовностью принять из его рук и сразу же выпустить в жизнь новорожденное создание – новый опус композитора. Мкеян назвал его Реквиемом, обозначив философский масштаб сочинения продолжительностью всего в 5-6 минут.

Стихию завладевающей слушателями музыкальности отметила Ованесян. Вообще Сона в рождении сочинения сыграла особую роль. Как в свое время Медея Абрамян стала главным "экспертом" Виолончельной сонаты, Яша Вартанян – "Перпетуум мобиле", так и Ованесян заслужила доверие автора. На девятом десятке Мирзоян все так же готов считаться с мнением исполнителей, для него все так же важна органичность звучания избранного "инструмента".

Одно из абсолютных попаданий в десятку – текст Шнорали, который вписан в партитуру уже после завершения работы над сочинением, а впечатление такое, будто Мирзоян писал на слова Шнорали, проникаясь каждым словом. С просьбой помочь в выборе текста – "духовного, но не религиозного" – Мирзоян обратился к С. Ованесян. Она мастерски из бескрайнего космоса поэзии выбрала Шнорали и, пропустив через себя сотни страниц на грабаре /*древнеармянский*/, отобрала драгоценные алмазы, сквозь которые смысл музыки Мирзояна засветился еще более ярким светом.

Сона Ованесян: "Это сочинение – итог творческого пути композитора, своего рода ретроспекция, взгляд в прошлое. Вплоть до авторских цитат, среди которых звучит тема "Шушаник". Но в произведении есть и сегодняшний Мирзоян. В удивительном по красоте узнаваемом нисходящем хоральном движении проступает новое качество – произведение звучит как бы вне времени, вне ритма, в остановленном мгновении. Оно по-настоящему драматично, но ни в коем случае не депрессивно. Композиторская мысль Эдварда Михайловича работает непрестанно, снова и снова проверяя однажды найденную интонацию".

Премьера сочинения состоялась 30 июля 2009 года в рамках ереванского фестиваля "Open musik fest" /*идея и организация – Арама Карабекяна*/ в исполнении хора "Овер" под руководством Соны Ованесян.

P. S.15 июля 2009 года, в безумно жаркий, удушающий энергией ереванского солнца день, я пришла на репетицию хора "Овер" под управлением Соны Ованесян – коллектива, который по уровню профессионализма, репертуарному разнообразию и ритму концертной деятельности вполне можно назвать одним из "основных игроков" в сегодняшнем культурном пространстве. Впечатление, которое буквально настигло меня в первые минуты работы хора над сочинением Мирзояна, – мистика произведения, его необыкновенная сила воздействия. Вновь я вспомнила о той идее, с которой начала писать книгу: о тайне Мирзояна, о той непостижимой, необъяснимой загадке воздействия его искусства, которую не дано разгадать никому. Эта стихия музыкальности – дар с небес, который не оставил его в течение всей жизни...

Хор на слова Шнорали – это и реквием, но и гимн Жизни, объяснение ей в любви. Это и верность себе самому, своей устоявшейся стилистике (в первую очередь, полифонической основе музыкального мышления) вплоть до автоцитат и "фирменного" хорального обрамления, – но и, условно говоря, "превышение кульминации". То есть некое новое качество композиторского мышления, устремленного в будущее. В нем почти физиологическое ощущение каждой интонации, звука, созвучия – его красок, цвета, воздуха, пространства, характера, запаха, фактуры. Пробирающая до самого дна музыкального текста основательность, где "нет случайных нот" и нет композиторской авантюры, имитации, маски, позы. А есть чувственность и истина самой откровенной из искусств – музыки в ее абсолютном выражении и разнообрзии "физических" характеристик – созерцании, угловатом, брутальном атакообразном движении, молитве, речитации, воспарении...

...Неожиданно для всех у входа в репетиционный зал появился Эдвард Михайлович – не выдержал, пришел послушать репетицию. Он сидел рядом с Сона, проникаясь удивительной работой дирижера, и ...слезы текли из его глаз. И каждый из артистов, которому благодарен был сам Мирзоян, навсегда запомнил этот миг волшебного музыкального священнодействия.

P. P. S.

Мне и в голову не могло прийти, что в разделе вокального творчества Мирзояна я буду писать о ...Симфонии для струнных и литавр и “Шушаник”. Но 20 мая 2010 года в рамках Международного музыкального фестиваля “Национальная картинная галерея” в буквальном смысле взорвалась “бомба” – дирижер Натали Галстян и основанный ею коллектив DOMINATUS vox orchestra представили экспериментальное прочтение этих сочинений, ошеломивших публику яркостью музыкального открытия. Струнный оркестр был усилен вокальными тембрами, которые озвучили стихией человеческого голоса чисто инструментальные партитуры (поющие инструменты, играющие голоса). И, выпущенные в открытое пространство зала, партитурные “голоса” еще более усилили одно из главных достоинств мирзояновского искусства – его мелодическое богатство и разнообразие. Зал дышал Музыкой, воздухом, начиненным усиленной дозой музыкального “озона”. И так же, как и в Москве, в Центре оперного пения Г. Вишневской /*27.04.2010*/, в Ереване, в зале Картинной галереи Армении, публика устроила музыкантам долгие овации, аплодируя стоя.

Справедливости ради надо признать, что были отдельные негативные отзывы о таком неожиданном формате исполнения Симфонии и “Шушаник”, от которого будто бы страдает глубина прочтения произведений. Однако подход Натали высветил сочинения Мирзояна с новой, неожиданной стороны, и сделать это в насквозь заигранных произведениях, которые на слуху буквально у всех, – задача недостижимая для многих даже маститых музыкантов.

– **Я верю в звезду Натали Галстян – она очень талантлива,** – говорит Э. Мирзоян. **– И при этом женственна, красива, что вообще мало рифмуется с чисто мужской профессией дирижера. На госэкзамене я, председатель комиссии, поставил ей “десятку” с двумя плюсами за дирижирование Второй симфонией Брамса и подумал, как же интересно бы прозвучала в ее исполнении моя Симфония. И после экзамена – представь себе! – она наклонилась ко мне и тихо сказала:“Я мечтаю сыграть Вашу Симфонию...”**

Что касается ее исполнения моих сочинений в подобном “вокальном” качестве, – это эксперимент, который имеет право на существование – единодушный прием публики доказал это, она смогла убедить аудиторию. Это был смелый, неординарный подход. А Натали должна развиваться дальше, совершенствуя свое мастерство и уверенно идя навстречу новым открытиям...

Интермедия. Алексан Киракосян[114]

Мой друг Эдик Мирзоян не перестает удивлять меня до сих пор. Недавно, в связи с 80-летним юбилеем, прошли его авторские концерты. Эта музыка вновь поразила меня глубиной, и я по-новому открыл для себя его искусство, решив, что, возможно, своего друга я все еще знаю недостаточно.

Композитор Эдвард Мирзоян – наследник великих национальных традиций и, в первую очередь, традиций Комитаса. Он сформировался в очень благотворной среде своей семьи, в частности, под влиянием отца, композитора Микаэла Мирзаяна, общался с его друзьями, знаменитыми музыкантами. Эдик застал Александра Спендиарова, Романоса Меликяна, Армена Тиграняна, Константина Сараджева, Александра Мелик-Пашаева, Микаэла Тавризяна. На сцене блистали Зара Долуханова, Павел Лисициан, Гоар Гаспарян... Многих не стало, но не образовалось вакуума. Именно поколение Мирзояна было призвано заполнить опустевшее пространство. В этом ряду великих Мирзоян не показался маленьким, не растворился в этих именах, а стал равным среди них. Вот что важно.

Существует сразу несколько Мирзоянов – Мирзоян как уникальная личность; как организатор музыкальной культуры Армении; как нравственный талант и мерило нравственных ценностей; как посол армянского искусства в мире... Есть немало талантливых композиторов, ярких и громких имен – Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Эдгар Оганесян, Роберт Амирханян и др. Но никто из них не мог бы стать одновременно равным и первым среди коллег, их другом и предводителем. Трудно даже представить, что значит руководить более чем сотней творческих людей. В чем загадка? Я не помню, чтобы у Министерства культуры за все годы его руководства СК была какая-либо серьезная проблема с Союзом композиторов, в то время как мы не вылезали из конфликтов с Союзом художников, Союзом писателей. Это редчайшее явление – сочетать большой композиторский талант с талантом организатора, тоже данного от Бога, и сочетать эти таланты в их совершенном, абсолютном качестве.

Эдвард Мирзоян – мерило нравственных ценностей, человек, всегда готовый прийти на помощь людям (առիւնքնող բնավորություն). Сегодня уже кажется, что создание Дома творчества композиторов – это обычная вещь, настолько мы привыкли к этому, как

[114] Алексан Киракосян – выдающийся государственный деятель. Интервью автору (2002).

к факту нашей жизни. Но ведь это именно его гениальная идея, претворенная им в жизнь. Здесь созданы многие и многие жемчужины мирового композиторского творчества как армянскими, так и зарубежными авторами, такими, как Шостакович, Бриттен и другие. Это невероятно ценно. Мирзоян таким образом расширил границы позитивной известности, положительного имиджа армянского народа. Невозможно переоценить его роль в укреплении связей с зарубежными странами, с русской культурой. Он непрестанно их лелеял, развивал и расширял.

Перед ним, человеком редкого обаяния, открывались все двери высших инстанций, казалось, совершенно неприступные. Он мог добиться решения любого вопроса, оставаясь истинным интеллигентом в самом высоком значении этого слова. Это поразительное, почти невозможное сочетание.

Эдик крайне принципиален и бесцеремонен в своих оценках. За внешней мягкостью и улыбчивостью скрыта бескомпромиссная личность, которая готова прямо, в лоб, открыто высказать то, что думает. Многие руководители пытались сделать из него своего человека, дворцовую марионетку. Но ничего не вышло – он слишком высоко ценит внутреннюю свободу и протестует против малейших притязаний на нее. Вы спросите, как это может сочетаться в человеке, который долгие десятилетия был на государственных должностях в тоталитарном государстве? Секрет, как мне кажется, в том, что с самого начала общественной деятельности композиторский талант Мирзояна уже был признан во всем мире, он уже завоевал высокий авторитет. Его любит народ, признавая нравственным мерилом, совестью нации, и никто не посмел безнаказанно играть этим авторитетом. Карен Демирчян попробовал – у него ничего не вышло.

Эдик – человек счастливого характера, крайне общительный и коммуникабельный. Хотя я чту Хачатуряна как композитора, но считаю, что по характеру Мирзоян и Хачатурян – антиподы. (Кстати, я первый, кто заговорил с Хачатуряном о том, что он должен написать завещание с пожеланием быть похороненным в Армении. Его первая реакция: “А что скажет московская общественность?”.)

В период руководства СК Мирзояна страна переживала очень нелегкие времена. Был объявлен террор против ведущих композиторов, преследовались “авангардистские” начинания в искусстве. Эхо Постановления 1948 года, травли Шостаковича, Хачатуряна, Зощенко, Мейерхольда, Ахматовой докатилось и до Армении. На идеологическом фронте было настоящее поле битвы. Высочайшей заслугой Мирзояна как руководителя Союза композиторов, а впрочем, и всей музыкальной жизни Армении, стало то, что он не только никогда не вторил хору ждановского толка, а сам боролся против любого рода притеснений музыкантов по идеологическим мотивам.

Он приветствовал и умел разгадать талантливое в поисках нового языка и нового мышления. Поэтому в Союзе композиторов не было и не могло быть действительно творческого противостояния “отцов” и “детей”. Свобода нового поколения не только не ущемлялась, но всемерно поощрялась, независимо от степени таланта молодых композиторов. Эдика Мирзояна в его руководящей деятельности я вижу преемником, наследником лучшего руководителя нашей страны за все годы существования Советской Армении – Григория Арутинова. Эдик его близко знал и перенял многое. И, как и Арутюнян, он прикрывал собой давление сверху, брал на себя удары, оставляя армянским музыкантам максимальную свободу, создавая истинно творческую атмосферу.

Наконец, еще одним талантом моего друга является его умение любить. Сердце его как вулкан, как пылающая лава. Он рожден для любви, и женщины не могли противостоять его обаянию, а часто и сами летели на этот огонь. Но мне не хочется разбавлять свое слово об этом великом человеке какими-то приземляющими деталями, рассказами о наших общих бесчисленных радостных и праздничных минутах, о шутках и хохмах этого невероятно остроумного человека. Сотрем случайные черты...

...Искусство Эдварда Мирзояна наделено силой природной стихии – как солнце, море, водопад, ветер, град или извергающийся вулкан. Это искусство так же объективно, как сама природа. Потому что оно и есть сама ПРИРОДА...

ЧАСТЬ II

Эдвард Мирзоян в диалогах[115]

Диалоги эти происходили иногда спонтанно, в непринужденной беседе, а иногда и с серьезной нацеленностью на разговор, анализ явлений. В те недолгие минуты, когда удавалось отстраниться, выключиться из суеты и задерганности телефонными звонками, обязательствами, нежданными гостями и ежедневными выходами в свет в непостижимом калейдоскопе сменяющихся концертов, презентаций, свадеб, именин и похорон. Сюда, в квартиру Мирзояна, до сегодняшнего дня бесконечным потоком стекаются в виде программок, книг и приглашений все мало-мальски значимые культурные события Армении сегодняшней, Армении постсоветской с размахом СНГ-их новостей, Армении эмигрантской с ее устремленностью в бесконечность географического пространства. В 90 лет быть в водовороте большинства культурных и даже политических событий – это непостижимо, это не по силам никому. Но даже в этом сумасшедшем ритме Эдвард Мирзоян предельно сосредоточен на том, чем занят в данную, конкретную минуту.

В разговоре он абсолютно несуетлив. Часто во время беседы я ловила себя на мысли о парадоксальном сочетании в нем предельной ясности, откровенности, открытости суждений – и их не сразу улавливаемой недосказанности. Как правило, глубокие археологические раскопки на первый взгляд простого суждения вдруг обнаруживали скрытый пласт, изменяющий мысль на прямопротивоположную. Мирзоян предельно откровенен и всегда говорит то, что думает. На самом деле скрывая главное – об умалчиваемом предлагая догадаться...

– Эдвард Михайлович, у меня сегодня безумно сложная тема, не знаю, как к ней подступиться. Мне хотелось поговорить о творческом процессе...

– Я сейчас готов об этом говорить... Беседы на эту тему я слу-

[115] Диалоги датируются 2000-2001гг., однако непосредственно перед изданием книги этот раздел был откорректирован в свете событиий последнего времени (2011 год).

шаю или читаю с большим интересом. А сам, если серьезно, избегаю, признаваясь, что какой ты есть, такой и есть. Так что о творческом процессе всерьез, все-таки, ничего не скажу.

Обосновывать музыку непросто, а для меня почти невозможно. Я прочел капитальную работу о творчестве А. Арутюняна Михаила Кокжаева. Я уже рассказываю моим студентам, какое пристальное внимание уделяет Кокжаев анализу тематизма, что в наше время, кстати, более чем актуально. Потому что известно: именно игнорирование тематизма привело к заблуждению, ставшему почти общим местом, что музыку легко писать. **В результате ее как таковой уже нет.**

– Вы согласны с характеристикой стиля Вашего композиторского творчества как неоклассического?

– Я более чем убежденный приверженец традиции, классики – вместе с тем мне всегда хотелось быть нестандартным, и я надеюсь, что мне удалось что-то увидеть и услышать чуть-чуть иначе. Но я не могу судить о себе сам. Откровенно говоря, мне всегда хотелось избежать какой-либо классификации себя как композитора.

– Часто в применении к себе Вы вместо "пишу музыку" говорите "копаюсь". Что это значит?

– "Копание" – это и есть поиск. В этом смысле вспоминаю для меня очень яркий пример. Когда в Москве, в Доме культуры, я занимался в своей комнате, рядом, за стенкой, Александр Арутюнян писал "Праздничную увертюру". Я слышал, как он мучительно ищет, копается, чтобы найти убедительный переход из разработки в репризу. Я был свидетелем того, что переход этот он повторял буквально много сотен раз... А слушателю до этого нет дела, потому что переход великолепный.

– Вы почти никогда не говорите о себе, все время – о других...

– Я должен подумать о том, что ты сейчас сказала... И поскольку эта мысль мне откровенно импонирует, я, наверное, с ней соглашусь. Я так воспитан. И еще считаю, что информация обо мне лично может заинтересовать людей только в том случае, если после того, как меня не станет, все еще будет жить мое творчество – единственное по-настоящему ценное наследие художника. Все остальное – вот этот Дом композиторов, в котором мы сейчас беседуем, высотное здание СК, за которое я бился ради каждой квартиры для членов СК, дилижанский Дом творчества, зал имени Бетховена, по поводу которого было столько споров... Всем этим я жил, но это такая мелочь для истории, где остаются только непреходящие ценности.

– "Говорят, такие симфонии, как Ваша, рождаются раз в сто лет". Вас действительно об этом спрашивал Косыгин */председатель Совета Министров СССР/**?***

– Я совершенно искренне ответил ему: "Это такое сильное преувеличение!" После московской премьеры меня поздравили Хрущев, присутствующие члены Политбюро, и до Косыгина, вероятно, дошли слухи...

– Вы бы и сейчас повторили то же самое? Как Вы сегодня оцениваете свою Симфонию?

– ...*(долгое молчание)*. А-а!.. Почему я должен отвечать на этот вопрос?! Могу только сказать, что многое в ней могло быть сделано лучше.

...Мне нередко говорят, что и сегодня в моей Симфонии открывают нечто новое. Но ведь партитура ясная, почти прозрачная – все как на ладони. Но я догадываюсь, о чем речь. **О чувстве и о том, как оно выражено. О выразительном претворении чувств – в этом весь секрет, другого секрета искать не надо.**

…Я стараюсь ходить на все премьеры. И сейчас, слушая новые сочинения некоторых своих коллег, удивляюсь, что это новое звучит как старое, это не сегодняшняя музыка (նորությունն չի՝ հնությունն ա, էսօրվա երաժշտությունն չի). И потом думаю: а может, и моя Симфония, со дня премьеры которой в будущем году исполнится 50 лет, - устарела?

– Вы так думаете?

– Я поставил вопросительный знак… И все время думаю об этом.

– Как Вам кажется, Вы испытали влияние Шостаковича?

– Прямой связи с Шостаковичем у меня нет. Знал его V и VII симфонии, возможно, это могло сыграть какую-то роль в смысле слухового опыта. Я думаю, есть нечто общее между V вариацией моего Квартета и стилем Шостаковича.

...В 1949 году мы поехали к Шостаковичу. Были Арно Бабаджанян, Адик Худоян, Карэн Хачатурян, Борис Чайковский, Александр Арутюнян. Я повода не помню, стол был накрыт, он – скороговоркой: "Тостов не будет, тостов не будет". Выпил сразу – глотнул, потом мы ели, а он исчез куда-то (ցանվեց գնաց). Так получилось, что мы захотели послушать его Шестую симфонию. Он вернулся, сказал: "Не стоит, не надо – там мелодии нет".

...В Америке в 1963 году Люси Ишханян /*пианистка*/ мне звонит: "Орманди /*Юджин, дирижер*/ хочет ознакомиться с твоей Симфонией". Встречаемся. Слушает, говорит, что он чувствует что-то общее с Шостаковичем, благодарит, расстаемся. На следующее утро Люси звонит:

– Орманди просит ноты.

– Не дам.

– Почему?! Ты что, шутишь?!

– Почему вчера не попросил? Не дам!

Моя сегодняшняя реакция на это – кретин? И тут же вопросительный знак надо убрать...

– Вы когда-нибудь говорили с Шостаковичем о том, как он работает?

– Нет, не приходилось. Но от кого-то я слышал, что он сочинял в уме и записывал как письмо.

– Свою Симфонию, насколько мне известно, Вы тоже записали как письмо...

– Я ее все время играл на фортепиано. Годами, с 1955 года. Так что сочиняю, безусловно, за роялем, хотя представляю все в уме.

Должен признаться, что **до сих пор помню свою незаписанную одночастную Первую симфонию**. До мельчайших подробностей – по гармонии, характеру оркестровки, форме...

– Вам жаль, что ее так и не записали?

– Ляля жалеет /*смеется*/... Потому что она очень музыкальна и до сих пор помнит, какая была музыка. Но я же объясняю, почему не записал. Սառնցի (охладел). Можно охладеть к женщине, а можно – и к собственному произведению. Потому что когда начал записывать, меня все время что-то не устраивало – на каждом ходу все надо было менять, это становилось другой музыкой. Кстати, таких случаев немало – Концерт для тромбона, Сонатина для фортепиано...

– Значит, если записать произведение как письмо не удается, Вы к нему охладеваете?

– Я письма тоже пишу мучительно. Скажу больше: когда пишу что-нибудь самое элементарное, вроде официального письма или заявления, это тоже превращается в мучительный процесс. Вот почему на письма я, как правило, редко отвечал[116].

– Недавно музыковед Маргарита Рухкян сказала: "В последние десять лет Мирзоян как композитор переживает свой звездный час. Раньше не было такой увлеченности его музыкой..."

– Вот мне недавно говорят: с Симфонией вашей все ясно, она будет жить. А мне пока ничего не ясно. С другой стороны, Лева Чаушян /*композитор, председатель Армянской музыкальной ассамблеи*/ недавно сказал: "Как хорошо, что хотя Вы уже не председатель СК, Ваша музыка продолжает звучать". Что я, дурак? Если б я собой занимался... Бездарно до идиотизма относился и к себе, и к своим исполнителям – совершенно возмутительно.

В Гамбурге, где я участвовал на международном конгрессе по

[116] Я неоднократно была свидетелем того, как мучительно, месяцами Мирзоян вынашивал дарственные надписи на нотах кому бы то ни было – не только Гергиеву или Башмету, что естественно, но даже мне: "Надо прочувствовать..." Талантливому виолончелисту Нареку Ахназаряну, приехавшему из Москвы на пару дней в Ереван, я должна была занести Сонату для виолончели с автографом композитора. Договорились, что забегу в Дом камерной музыки на концерт, заодно возьму ноты. "Лилит, извини, извини, – взмолилась Ляля. – Он мне такое устроил! Не написал – не готов я еще, говорит, не сейчас ". Через месяц автограф и надпись были сделаны таким четким и аккуратным почерком, что о сложности предприятия никто и не мог догадаться.

авторским правам, мне сказали, что один австралийский дирижер, который играл мою Симфонию 10 раз, хочет со мной встретиться. Не получалось до последнего дня, на заключительном банкете, наконец, познакомились. Я спрашиваю: "Это правда, что Вы играли мою Симфонию в Австралии 10 раз?" – "Правда, но плюс еще 3 раза в Новой Зеландии". Я не додумался даже до того, чтоб попросить хотя бы его визитную карточку.

С Василием Кухарским, моим другом /*замминистра культуры СССР*/, решили пойти на концерт гастролирующего в Москве Курта Мазура. По дороге в машине говорю ему:

– Мне известно, что в Берлине играли мою Симфонию. Говорят, оркестр "Комише-опер".

– Я с Мазуром близко знаком. Сейчас его спросим.

– Ни в коем случае. Ты меня просто представь, посмотрим, как он среагирует.

Когда после концерта подошли поздравить дирижера, он развел руками и воскликнул:

– О-о, я же играл Вашу Симфонию! Есть и запись, я Вам пришлю.

На этом все закончилось. Так я этим ни разу и не поинтересовался.

...У меня есть чувство вины по отношению ко многим исполнителям моих сочинений и, одновременно, моим друзьям. Потому что, вечно чем-то занятый и увлеченный, я уделял им недостаточно внимания. Когда я тяжело болел, и Башмет, и Гергиев, и Лексо Торадзе звонили в больницу. Ростропович тоже звонил. Но ни разу не было, чтобы я, к примеру, позвонил Башмету и спросил, как он поживает. Неблагодарная свинья, эли /*в значении "ну"*/...

Сейчас собираюсь отправить ему новое издание партитуры Симфонии с дарственной надписью: "Юра, дорогой, как красиво звучит твой альт, ни на кого не похоже звучит... Только одно к тебе пожелание: следи за своим здоровьем!"

– ... Когда говорят, что Вы мало работали, мало написали, чуть ли не прошляпили всю творческую жизнь, разменяв ее на суету общественной деятельности, – как Вы к этому относитесь?

– Во-первых, не спорю. С другой стороны, откровенно говоря, если музыкальная идея меня волнует, в этот момент для меня ничего другого не существует. Потому что это высшее счастье – радость ощущения, что ты находишь ту ноту, которую искал, и ставишь ее. **Счастливее, радостнее момента, когда ищешь и находишь нечто в творчестве, ничего в жизни нет**. А то, что можно было в десять раз больше написать, – прямо глядя тебе в глаза, могу признаться, что я не очень уверен, что там каждая нота была бы такая вот радостная. Потому что мои произведения – они на разном уровне. Квартет, Симфония, Соната для виолончели, в

18 лет я написал романс... – такая отдача не может быть постоянной. Я, может быть, говорю ерунду, потому что понятие профессионализма не допускает таких суждений. Может, это дилетантизм? – черт его знает. Ведь у профессионала всегда одинаково высокий уровень. Хотя никак нельзя сказать, что Чайковский не был профессионалом, но ведь у него не все однозначно.

– ...Я помню свои студенческие представления об уровне преподавания в Ереванской консерватории. Господствовали нигилистические настроения. Казалось, что много времени пропадает зря, что технический аппарат и музыковедов, и композиторов слаб. Кстати говоря, это внушалось нам и самими преподавателями. Не могу забыть, как в ответ на мое желание продолжить учебу в аспирантуре в Москве ведущий профессор ЕГК сказал: "Ты окончила консерваторию имени Комитаса, значит, твой потолок – Институт искусств НАН". То же самое еще в более темных красках рисовалось в отношении композиторского отделения. Считалось, что студенты композиторского класса технически слабы, что здесь ремеслу не учат...

– Как-то к нам в консерваторию приехал композитор из Германии Томас Бухгольц, который вел мастер-классы, отбирал наших лучших студентов для стажировки в ФРГ и вздумал даже прочесть нам на кафедре лекцию о композиции. И я всерьез задумался над тем, чтобы поговорить с ректором о том, что это далеко не тот человек, который может научить нас чему-то путному.

Во-первых, он долго и нудно говорил о профессионализме – каком-то абстрактном качестве, которое надо нарабатывать, ежедневно штампуя музыку в невероятном количестве. Но, с моей точки зрения, **профессионализм обязательно включает в себя художественное качество.** Отделять профессионализм от сути, содержания, идеи и превращать это понятие в ремесленничество – ни в коем случае.

Во-вторых, он никак не допускает влияния какого-либо иного композитора на студента и считает, что, если есть влияние, – это уже копия, пустословие. Это, говоря откровенно, не очень серьезно. Значит, если чувствуется влияние Бартока или Хиндемита, сочинение надо отправить в корзину? Но возьмем, к примеру, первые сочинения для фортепиано Скрябина. Многие считали, что это Шопен. Что же потом получилось? Получилось то, что в этом Шопене уже был Скрябин. А почему не было видно Скрябина? Потому что самого Скрябина не было еще. Это очень важный момент.

В-третьих, абсолютно отрицать классическую гармонию? Он в таком разрезе говорил о профессионализме, что я спросил, как он относится к тому, что Римский-Корсаков решил "исправить" Мусоргского. У меня был студент Хачатур Аветисян, я ему советовал сделать гармонию пооригинальней, а он: "Я так хочу". И именно потому, что он так хотел, со временем стал известным композитором, индивидуальностью.

В-четвертых, наш лектор решил заменить выражение *"современная музыка"* на *"молодую музыку"*. Я спросил: "А что, у Стравинского нет "молодой музыки?" – "Она была такой, когда он сам был молодой". Ерунда какая-то.

Мой принцип – полнейшая свобода. Когда свобода есть, это простор для фантазии. Овладение современными средствами – это процесс творческий. Вот "Шесть картин" Бабаджаняна – это творчество. А у того, кто строго следует всем правилам, меньше шансов для личностности, оригинальности. На Западе все же главное – техническая сторона. Идея, художественность, стремление выразить свое, личностность – я этого не чувствую. А что касается отдельных примеров, исключений, допустим, Бриттена – это просто гениальный композитор, у которого средства подчинены идее. И додекафония, и сонористика, и алеаторика – это только средства воплощения замысла, **художественного** замысла.

Совершенно откровенно, не боясь, что я могу оставить впечатление ограниченного человека, – мне кажется, что опера "Ануш" Армена Тиграняна в своем профессионализме достигает гениальности. Но если исходить из самых элементарных правил и норм, – это такой примитив! Узнав, что один из наших профессиональных композиторов считает, что "Ануш" – примитивная музыка (его аргумент – чуть ли не вся опера в соль миноре), я в свое время спросил мнение Константина Сараджева: "Как вы оцениваете эту оперу?" – "Очень высоко". Меня в связи с этой оперой занимает один принципиальный вопрос: **это тот уникальный случай, когда музыка одинаково волнует и самого простого, и самого просвещенного слушателя**. Возникает вопрос: если бы Армен Тигранян получил то образование, которое проповедует этот немец, мы бы имели оперу "Ануш"? Абсолютно уверен, что нет. Что-то иное могли бы иметь, но потеряли бы "Ануш".

– И все же, есть ли недостатки в подходах к преподаванию композиции в ЕГК?

– Иногда мешает инерция мышления, причем любого – и классического, и авангардистского – застревание на чем-то одном. Бывало, что кто-то хочет новое что-то сделать, и вдруг ему говорят, что это звукотворчество, а не музыка – Григор Егиазарян, Гаянэ Чеботарян и др. выступают против, считая профнепригодными Ашота Зограбяна, Тиграна Мансуряна, Авета Тертеряна. Это безобразие просто. Между прочим, дело прошлое, но какой я выдержал бой! Тертеряну за дипломную работу "Родина" хотели влепить "четверку". Я дрался невероятно! Отстоял при поддержке Лазаря Сарьяна. А потом довольно скоро музыковед Маргарита Арутюнян сказала: "Слушай, на фоне Зограбяна и Мансуряна Тертерян выгля-

дит классиком". Здесь, конечно, **основная причина – неспособность воспринимать явление в движении. Комитаса превращать в догму – чушь!** И столько таких примеров...

Григорий Домбаев /*начальник Управления по делам искусств*/, который курировал композиторскую деятельность нашей "пятерки" в Москве, созданную после Рахманинова музыку не воспринимал. Завен Вартанян /*начальник Управления по делам искусств*/ рос в детском приюте, получил образование в Ленинградской консерватории, был музыковедом и кларнетистом. В 1948 году сижу, играю "Здравицу" Прокофьева, примерно такая музыка /*показывает на фортепиано*/. Прекрасная музыка. Завен присел рядом. "Завен Гевондович, – говорю ему, – я удивляюсь, какая логика в этой мелодии". – "А я удивляюсь отсутствию всякой логики". Вот вам пример ограниченности.

Один из главных дефектов музыкальной критики – когда не замечают того, что, на первый взгляд, не очень заметно, а на самом деле – явление. Սարսափելի բան ա, իհարկե, դա (Это, конечно, ужасно): А эти общепринятые стандарты профессионализма самого главного не учитывают – таланта. И индивидуальности. Я считаю, что надо, чтобы ученик раскрыл свою индивидуальность, чтобы он был свободен. **Я не раз слышал, что мои студенты все разные. Никто не пишет так, как я.**

– Меня всегда удивляло, сколько среди Ваших учеников громких имен эстрадных композиторов: Хачатур Аветисян, Константин Орбелян, Мартын Вартазарян, Арам Сатян, Мелик Мависакалян, Роберт Амирханян, Микаэл Закарян, Арташес Карталян, Армен Мартиросян...

– Да-да, и какие все разные! Для меня свобода стиля, мышления, свобода выбора своего языка очень важна.

...Как-то один среднеазиатский композитор представил на Всесоюзный пленум свое произведение. Когда я услышал, меня передернуло – мне показалось, что начинается моя Симфония и играют неправильные ноты. И потом эту музыку показали здесь – вот где не дали простора для фантазии.

– ...Вы встречались с Альфредом Шнитке?

– Во время выборов в народные депутаты Верховного Совета СССР мы с ним перекинулись парой фраз, и он был приветлив. Что касается его музыки, если очень откровенно, в том, что мне нравится, я чувствую большой талант. Но есть вещи, которые у меня вызывают такое ощущение – это очень субъективно, конечно, эта субъективность идет, может быть, от какой-то позиции, от отношения к таким вещам – что-то я ощущаю болезненное, к сожалению (ինչ-որ հիվանդագին բան եմ զգում, և ափսոսանքով). Потому что

он – один из тех немногих композиторов, кто делал то, что хочет и как хочет. А вот результат временами вызывает огорчение...

Вопрос в том, что одно дело болезненность, другое дело – ощущение боли. Я не знаю, каким был Шнитке в жизни, умел ли он веселиться, например. А такое грандиозное, величайшее явление как Шостакович (в нем ощущение боли вселенское, общее) – он был очень простым и настоящим, живым человеком. Я его хорошо знал, и могу уверенно об этом говорить. А у Шнитке, мне кажется, боль – это слишком личное. Может быть, я не прав.

– А в армянской музыке есть такая болезненность в композиторском творчестве?

– Такой, как у Шнитке, нет, слава Богу.

– Мне показалось симптоматичным наблюдение Родиона Щедрина о том, что, пережив авангард, музыка возвращается к своим биологическим истокам. К данности человеческого организма – слуха. К естественной физиологии восприятия.

– ...Артемий Айвазян показывает Сюиту для симфонического оркестра. И вдруг музыковед Хорен Торджян: "Почему так скупо используете полифонию?" («Ինչո՞ւ եք պոլիֆոնիան այդքան ժլատ օգտագործում») – "Я хотел, чтобы это было более доступно, поэтому не хотел перегружать фактуру".– "А что, по-вашему, Комитас недоступен?" – "Я вас прошу, давайте о Комитасе будем говорить без свидетелей"... И вот сейчас по радио все время передают Айвазяна – он живет. Секрет – в его яркости, броскости, неповторимости, таланте.

...Ну вот такой композитор, как Мансурян – он так увлекся новейшими западными течениями, было время, когда полностью отрицал классику. Не принимал не только Хачатуряна, но и Чайковского, например. Не допускал использования народной музыки в композиторском творчестве, критиковал Асламазяна за его переложения комитасовских миниатюр. Но потому, что мозги есть, талант есть, он вдруг пришел к "Айренам" Кучака – талант всегда находит свою дорогу. А жизнь сама ставит все на свои места, причем самым бесцеремонно-жестоким образом. В свое время стандартом, расхожей фразой была: "Анушаван Тер-Гевондян – один из основоположников армянского симфонизма". Сейчас уже так никто не думает. История расставит по своим местам и тебя, и меня, за ней последнее слово.

– Мансурян открыл новые звуковые миры в армянской музыке, я бы уточнила – в армянской камерно-вокальной музыке...

– "Новых звуковых миров" я не вижу. Но то, что его музыка глубоко национальна и звучит свежо (ազգային է և թարմ), – это очевидно.

– Его погруженность в праосновы национального мышления притягательна... Что же касается творческого пути Мансу-

ряна, пестрого на “измы”, то еще Андрей Тарковский говорил: “Я не ищу – я нахожу”. Мансурян именно ищет, он не устает искать – и это тоже путь. Путь, между прочим, родственный гениальному Стравинскому. Но как жестоко и, возможно, несправедливо сказал о Стравинском Глен Гульд! “Одна вещь кажется мне особенно важной у Стравинского: ему никогда не удавалось синтезировать свой собственный опыт. Он всегда оставался любознательным туристом в мире музыки, полным любопытства (что хорошо), <...> и он никогда не сумел решить, что же именно естественно для его духовного мира, а что неестественно. Последовательно он принимал многие вещи <...> и никогда не был способен обрести за пределом своих постоянных и летучих переходов от одного к другому реальную личность И. Стравинского. И это, безусловно, трагично.

Но что, собственно, означает эта нерешительность в отношении процессов в мировой музыке, что суть эти приятия и нарушения обетов от одного десятилетия к другому, что означают эти внезапные всплески, а затем охлаждения энтузиазма в отношении к определенному опыту прошлого – что это, <...> если не крайнее замешательство человека, осознавшего, что его огромные интеллектуальные возможности, его грандиозная техника все же недостаточны, что он не создан для того, чтобы сыграть роль великого человека в истории? И поэтому он превращает свою жизнь в не лишенные пафоса поиски индивидуального стиля, убедительности и спокойствия, которые, как он знает, существуют где-то в мире, но которых, как он тоже знает, он никогда не отыщет”[117]***.***

Эти слова можно было бы отнести и к Мансуряну, если бы не его новое произведение – Реквием, где, как мне кажется, он вернулся к самому себе.

– Вернулся на более высоком уровне, в Реквиеме он оказался в высшей точке своего непростого пути. Это сочинение длительностью в 45 минут я прослушал с огромным удовольствием по телефону, когда ты включила запись и поднесла трубку к динамику. Никаких сомнений, что Реквием – событие и для Мансуряна, и для нас, для всей армянской музыкальной культуры. В авторе Реквиема я вижу своего единомышленника по композиторскому мышлению, и приятно этим удивлен.

– Как Вы оцениваете творчество Спендиаряна?

– Его “Алмаст” все еще ждет своего прочтения (недавняя /*2009*/ постановка в Театре оперы и балета его имени просто возмутительна!), а симфонические произведения этого великого художника – шедевры.

[117] Гульд Г. Музыка в Советском Союзе. // “Музыкальная академия”, N2, 1998, с.58.

– Кто для Вас Арам Хачатурян?

– Мой Бог. Был и остается им до сегодняшнего дня. Когда мой педагог по фортепиано Ольга Бабасян дала выучить “Поэму” для фортепиано, для меня открылся совершенно новый мир – это было до 1936 года.

– Хачатурян неоднократно говорил, что настоящий художник должен иметь хотя бы одного ученика, но ученика с большой буквы, который по-своему продолжает именно его линию. Вы можете назвать такого среди армянских композиторов?

– Затрудняюсь ответить. Он не раз говорил, что хочет, чтобы кто-нибудь из Армении поехал учиться к нему, в композиторский класс МГК. Этого так и не произошло, по какой именно причине, затрудняюсь ответить. Но я считаю себя в огромной мере его учеником, он мне очень много дал. Кстати, в моей “Танцевальной сюите” наверняка есть Хачатурян. Но каждый из нашей композиторской “пятерки” по-своему преодолел его влияние, отошел от его традиции. К примеру, Котик Арутюнян никогда особенно не увлекался Хачатуряном, у него свое, отличное от Хачатуряна, видение. Скрипичный концерт Арно мне кажется неудачной копией скрипичного концерта Арама Ильича, а уже “Героическая баллада” – это новый Бабаджанян.

Известно, что Эдгар Оганесян учился у него в аспирантуре, и его балет “Маскарад” мыслился как произведение, созданное в традиции Хачатуряна. Но, с моей точки зрения, это антипод Хачатуряна – по языку, по гармоническому мышлению и вообще по содержанию и образу. Эдуард Хагагортян /*ученик А. Хачатуряна*/, например, умел подстроиться под хачатуряновский стиль, а в “Маскараде” сохранен оганесяновский почерк. Так что назвать абсолютного последователя Хачатуряна в армянской музыке я бы не смог.

– Ученик Хачатуряна, Л. Солин, рассказывал, что когда на Кафедре композиции МГК обсуждали студенческие работы, то Хачатурян не всегда мог объяснить, почему ему то-то нравится, а то-то не нравится; но если он сказал, что в коде лишние 20 тактов, то это точно, а потом Шебалин доказательно объяснял, почему это именно так[118]***.***

– Хачатурян – феномен, до сих пор не оцененный в полной мере. Посмотрите, какое величие, грандиозность, какая эпическая сила, какая энергия, динамика разгаданы им в самом образе национального!

– Кстати, об образе национального. Я должна сделать одно признание. В 1992 году, уехав на учебу в аспирантуру Государственного Института Искусствознания, я провела в Москве пять лет. Все это время исследовала свои ощущения, связанные с Арменией. И удивлялась, что почти не скучаю по дому, родителям, друзьям, не вижу ностальгических снов, активно адаптируюсь

[118] Солин Л. Композитор – понятие таинственное. // “Музыкальная академия”, N4, 1999, с. 25.

к московской жизни... Родина моя все более отдалялась от меня, как подернутый дымкой одинокий остров.

Однажды вечером, когда я готовилась ко сну в своей комнатке в общежитии, в фойе по телевизору вдруг зазвучала музыка Хачатуряна. Я в истерическом порыве в ночной рубашке (слава Богу, там никого не оказалось!) бросилась в коридор, меня буквально трясло – я услышала ЗОВ АРМЕНИИ. И в тот момент поняла, что такое ностальгия: это инстинктивный код поведения. Во мне его удалось раскрыть именно Араму Хачатуряну…

– "Я армянин, был есть и буду армянином, и творчество мое и вся моя деятельность принадлежат прежде всего моему родному народу и моей Родине – Советской Армении", – писал Арам Ильич в 1973 году. У меня это его заявление есть. Между прочим, мало кто сейчас говорит о том, что Хачатурян считал себя учеником Комитаса, Арам Ильич тоже шел по следам комитасовского гения!

– Кто для Вас Комитас?

– Посмотри, Лилит /*показывает прекрасно изданный новый фотоальбом о Комитасе*/[119], что это за потрясающий образ!.. Невероятная духовная и мужская красота... Это уникальное явление в мировой культуре. То, что Комитас сделал для своего народа, не сделал никто в мире. Ни Бах, ни Моцарт, ни Бетховен по силе значимости в своей культуре не могут сравниться с Комитасом. Потому что, если бы не было Баха или Бетховена, родились бы другие Бах и Бетховен, и это не изменило бы общего ***направления*** развития в европейском искусстве. Но если бы не родился Комитас, нас как нации с развитой музыкальной культурой не существовало бы вообще. Он обеспечил духовное бессмертие армянского народа на века.

...Я считаю, что мы обязаны снять табу на информацию о последних двух десятилетиях жизни Комитаса, нужно докопаться до истины, хотя всей правды мы уже, боюсь, не узнаем никогда.

– Армянская культура – это...

– Не скажу ничего нового, считая, что армянская культура – самая западная из восточных и самая восточная из западных культур. Про Грузию, например, такого не скажешь: и язык, и алфавит у них тяготеет к Востоку. Мне кажется, **по характеру я, скорее, восточный человек, а по музыке – западный**. Но, может быть, я ошибаюсь.

– Вы общаетесь с моей 8-летней дочкой так, будто занимаетесь делом исключительной важности. С каким-то абсолютно детским восторгом, смешанным с научным интересом к какому-то неожиданному открытию, которое обязательно должно произойти прямо сейчас, на наших глазах. Такое крайне заинтересованное внимание к детям я встречала еще у одного человека – Вашего сына, влюбленного в своих детей.

– Этого у Арика не отнять, он – прекрасный отец.

...У детей свой мир, и этот мир имеет свои законы. То, что педагог учится у своих учеников, – это принятая точка зрения, уже ставшая общим местом. Но надо иметь не только культуру, но и мозги, чтобы чему-нибудь научиться у ребенка. Дети не испорчены стереотипами мышления – это очень важно. Очень важно суметь до конца жизни остаться ребенком.

– С кем Вы связываете перелом, качественно новый этап развития армянской музыки в 60-е годы XX века?

– А почему это называть переломом? Это был естественный процесс, продиктованный жизнью, временем. Я связываю это с поколением Мансуряна. И в том, что этот процесс в армянской композиторской школе развивался свободно, хочу отдать должное двоим – Лазарю Сарьяну и Эдварду Мирзояну. Мы им не только не мешали, но всемерно поддерживали. Гия Канчели показывал мне свои симфонии в клавире, потом делал партитуру. И Тертерян мне первому показывал свое новое сочинение. То, что у нас не было принципиальных противоречий, подтверждается жизнью и временем. А то, что происходило в сфере интриг, эта сфера так и осталась ситуативным эпизодом, проходящим моментом...

В Эстонии была музыковед Туйск – она так поддерживала молодых композиторов Эстонии! Мы говорили: "Жалко, что у нас нет Туйск". Потому что **молодежь всегда надо поддерживать, даже если она ошибается.**

– У Вас есть сейчас в классе новые студенты?

– Да, почти каждый год ко мне в класс поступают новые студенты. Не скрою, я все время начеку и стараюсь не промахнуться. Иметь новенькими молодых для меня не так просто. Мою Нарину Хачатрян от меня оторвать не смогли. Сегодня она принесла произведение для квартета – две части. Я предложил остановиться на одночастной конструкции и назвать это "Монологи" для квартета. Я обратил внимание на то, что "ми" у нее лейтнота – у Тертеряна немало таких примеров. Кстати, Гие Канчели я говорил не раз: "У тебя слишком много ноты "ре". Теперь одно дело "слишком много", другое – лейтнота. Так вот, Нарине я предложил вторую часть исключить, а первую хоть и закончить на "си", как она этого хотела, но предыдущую "ми" метрически подчеркнуть. Она меня так благодарила, как будто мы с ней впервые встретились.

Я не могу не отметить в своем классе такого имени как Ованес Манукян. Он пишет так серьезно, так зрело, երեխայություն չկա մեջը (в нем нет детскости) и работает необыкновенно быстро.

– В каком стиле?

[119] «Կոմիտաս Վարդապետ», Եր., Սարգիս Խաչենց - Փրինթինֆո, 2009:

– В своем. Это, безусловно, яркий талант и очень приятный человек, все эти годы я занимаюсь с ним с большим удовольствием.

В последнее время очень востребовано творчество другого моего студента – Ваче Шарафяна. Он необыкновенно трудолюбив, разносторонне образован, это серьезный музыкант высокого, международного класса, что он еще раз доказал недавней (декабрь 2011 года) премьерой "Оды снегу": я наслаждался и музыкой, и исполнением хора "Овер". Но сколько имен замалчивается, не исполняется! Талантливых, глубоких, зрелых музыкантов – очень больно.

– Как Вы определите направление стилистических поисков молодых композиторов?

– Черт возьми, этот период – не представляю, как долго он будет продолжаться – блуждания. Где непонятно, есть поиск или его нет.

– Меня совершенно потрясает метаморфоза, произошедшая в музыке некоторых армянских композиторов. Я бы отметила некоторую мугамизацию не формы даже, а композиторского мышления в целом: тематизма, драматургии, в итоге – отказ от западной ориентации армянской композиторской школы, которую избрал не кто иной как Комитас, которого эти же композиторы в качестве своего идола упоминают через слово.

Мне представляется откровенно вредной, если не вредительской, пропагандистская идея Т. Мансуряна по поводу направления развития армянской композиторской школы. Комитас, по его мнению, будто бы – противовес русской композиторской школе, оказавшей влияние – негативное, неверное в смысле векторов развития – на формирование армянской консерватории и композиторской школы в целом. Но ведь русская композиторская школа – родом из Запада. Глинка и Комитас формировались в немецкой музыкальной традиции, они не противоречат друг другу – это очень важно. Комитас не сводим к Западу, но он не противоречит Западу. Комитас не сводим и к Востоку, но противоречит ему. Пафос его творчества – именно в противостоянии Востоку, который расцвел пышным цветом в профессиональной музыке нового поколения армянских композиторов.

... Есть удачное выражение российского журналиста О. Попцова: сегодня в искусстве "разыскивается будущее".

– ...Мы живем в такое время, что, скорее всего, все зависит от индивидуальности. Разыскивается именно индивидуальность. Есть такой всеобщий закон – все решает самая простая вещь – талант. И, конечно, интуиция. Хотя сегодня, к сожалению, период настолько неблагоприятный с точки зрения социальных проблем, что выражение "все зависит от таланта" должно быть откорректировано.

...У нас произошла смена общественного устройства. В России, например, в начале века интеллигенция уехала, была в значительной мере уничтожена, но нарушилась ли преемственность культуры? Нет. В Москве в 1939 году, через 22 года после революции, я слушал лекцию Михаила Фабиановича Гнесина, который рассказывал о российских традициях дореволюционного времени. **Традиции были и есть, они и сегодня существуют. И это главный залог будущих успехов армянской композиторской школы**. Старая общественная формация не была ликвидирована вместе с поколением – ведь люди остались. Часть из тех, кто уехал, вернется.

...Я был рад присутствовать на презентации Государственного оркестра солистов под управлением Завена Варданяна, созданного по инициативе Р. Амирханяна. Послушав сочинения Шарафяна, Мансуряна, Зограбяна и Исраеляна, я выделил для себя сочинение Зограбяна, но в течение всего концерта меня не оставляла мысль: сегодня перед авангардистами 60-х стоит важная задача – пересмотреть свою эстетику. Как это сделал, например, Пендерецкий, чьи фестивали в Ереване[120] вызывают большой интерес. Сегодня успех будет сопутствовать тому художнику, который сможет писать ЖИВУЮ МУЗЫКУ.

– Почему при таком умении слышать и "диагностировать" сочинение Вы избегаете четких оценочных суждений?

– За 35 лет ни разу не было, чтобы я встал и назвал вещи своими именами. Потому что к этому я относился и отношусь философски. Если я скажу: "Ты ничего не понимаешь в музыке!" – что изменится? Начнет понимать? – Нет.

– Будет четко различаться белое от черного.

– Мой принцип: ни в коем случае не мешать тому, что достойно поощрения, и насколько возможно, поощрять. Когда я слушаю хорошее произведение, для меня это прекрасно. Հալալ ա (на здоровье!): А когда вижу, что неудачно, и я композитору не симпатизирую, стараюсь в себе подавить это чувство, что я способен обрадоваться. Нет, меня это огорчает. Սա շատ կարևոր ա (Это очень важный момент): Я никогда не боролся против чего-то, я боролся во имя чего-то.

...Я убедился, что всех людей объединяет одно на редкость общее качество – самолюбие. Независимо от профессии, должности, звания и социального статуса. Но проявляется оно не всегда одинаково. Есть люди, которые, кажется, глотают оскорбления, не обижаются, но самолюбие у них задевается так же, как и у того, кто в ответ взрывается. Кстати, у маленького человека оно еще более болезненно. Большой и сильный может не обратить внимания, потому что знает, чего он стоит.

– Что можно считать главным принципом Вашего руководства СК?

– Обо мне ходили слухи, что я выступаю за уравниловку, не люблю ярких индивидуальностей. Интересно, что в это верили, –

[120] В 2008-м, 2009-м - в рамках грандиозной продюсерской инициативы Международного музыкального фестиваля "Перспективы XXI века" (новое название: "Ереванские перспективы", председатель – композитор Степан Ростомян).

С Сергеем Параджановым

легче подозревать, чем не подозревать. У меня был принцип: все члены Союза должны иметь равные возможности для работы, равные условия, а премиями и наградами должны быть отмечены лучшие. Но не всегда так получалось. К примеру, Третья симфония Эрика Арутюняна – его лучшее произведение. На Съезде композиторов сидит К. Демирчян /*Первый секретарь ЦК КПА*/, головой мне кивает, мол, понравилось – он обладал большим вкусом. Я ему говорю: «Քանի՛ ժամանակ ա՝ կոչման ենք ներկայացրել» (“Сколько времени, как он представлен к званию”). – «Կտամ» (“Дам”): Но не дал. И с каким чувством собственности – это все мое: и СК, и Ансамбль Песни и пляски. Чушь собачья, что чувства собственности при социализме не существовало, – как не существовало?!

...В 70-х я получил письмо из Киева, которое затерялось где-то в моих бумагах. В письме содержалась просьба друзей Сергея Параджанова /*режиссер, художник*/ похлопотать о возможности его работы на родине. Я пошел к Демирчяну и предложил ему пригласить Сергея в Армению для съемок фильма, бюджет которого был бы неограничен. “Надо дать этому гениальному художнику возможность брать из госказны ту сумму, которая ему необходима, – он лишнего никогда не возьмет!” Демирчян мне категорически отказал, причем, в невероятно грубой форме.

– Как влияет эмиграция на армянских композиторов на рубеже веков? Может ли потеря “почвы под ногами” стать причиной потери композиторского дара?

– Это очень серьезный вопрос. Если говорить откровенно, от ума и таланта этих композиторов зависит очень многое. Потому что, если

человек умен и талантлив, в конце концов, он найдет возможности для самореализации и самовыражения. Конечно, социальные условия и среда играют роль. Арно никогда отсюда не уезжал. Арам Хачатурян в 19 лет из Тбилиси уехал в Москву. Когда он начинал свой путь, была социальная политика, направленная на выдвижение, поощрение национальных кадров – это было в программе КПСС. Его гений попал в “десятку”. А попади он в другую среду, неизвестно, что бы получилось. Арташес Карталян и Армен Боямян сейчас работают в США – до чего же оба самобытные! Давида Аладжяна (Швейцария) знаю по хоровым сочинениям, он вообще одаренный человек. Вагаршак Закарян – большая умница, долгие годы жил в России, а теперь он в Армении. Молодец! В итоге, социальная среда – это система, формация, идеология, иерархия ценностей.

– Вы жили при разных формациях. Какая из них Вам ближе?

– Капитализм вообще – самая бесчеловечная формация за всю историю существования человечества. Благодаря своему цинизму. С началом капитализма в Армении (капитализм у нас облагорожен человеческим фактором и нашими традициями) еще неизвестно, что мы приобрели, но уже известно, что потеряли. Хотя и в социалистической системе были явные пороки – деградация общества происходила на моих глазах, но сама идея социальной справедливости всегда была мечтой человечества. Недосягаемой. К ней всегда стремились и будут стремиться.

Я убежден: если при Советах человек был человеком, он имеет шанс и при сегодняшних условиях остаться человеком. Но если человек при Советах человеком не был, в сегодняшних условиях он не имеет ни малейшего шанса стать человеком. Это ведь ужас, что делается. У меня очень большая информация о том, в каком состоянии народ и страна. **Я думаю о чуде, и единственное, во что я верю, – это чудо**. Если бы, пусть и голодный, армянский народ видел, что зло наказуемо, что есть справедливость, отчаяние не было бы столь глубоким...

Я слежу за ситуацией в мире, вот Белоруссия, например, – считается, что там чуть ли не авторитаризм. Но я вижу, что эта авторитарность народу не вредит. А вредят эти предательские, глупые, подлые игры в так называемую “демократию”, которая ведет в никуда, в бесчеловечный капитализм, где нет места ни гуманности, ни человеку.

...Я считаю, что нынешняя аодовская оппозиция – это, в первую очередь, чистые амбиции. Я бы понял, если бы нашлась фигура, которая бы пользовалась большим авторитетом, была бы компетентной. Я не такого мнения. Это, в первую очередь, стремление к реваншу. В 1920-е годы Мартирос Сарьян говорил: “Изменился строй, надо создать условия для созидания. Для того, чтобы через созидание люди поверили в этот строй”. Это до того актуально сегодня! Причина в том, что всенародное движение 1988 года было

сведено к захвату власти. А о том, какими механизмами должны действовать, чтобы было созидание, никто не думает. Те, которые хотят понравиться народу, любят ему льстить, говоря, что “народ не ошибается”. Я считаю, что народ никогда не ошибается именно в том, что всегда, в конце концов, приходит к выводу, что ошибался. А говорить, что народ не ошибается, – это лицемерие и угодничество.

– Эдвард Михайлович, я недавно прочла очень жесткие, жестокие строки Нелли Саакян о патриотизме в ее автоинтервью (оригинальный жанр!) и захотелось поделиться, как Вы к этому отнесетесь. Но это слишком личная тема...

– Прочти, сейчас же прочти...

– Потом как-нибудь, к слову...

– Нет. Я слушаю...

– Цитата будет длинной... “Степень зрелости человека, полагаю, определяется его отношением к своему отечеству. Будучи временными на земле, может быть, мы позаботимся о том, что вечно? Я говорю о родине. Чем меньше отечество, тем больший долг перед ним должен испытывать каждый представитель нации. Рассеянье, ассимиляция на чужбине – это ведь тоже вид предательства. Я, конечно, говорю не о тех, кто бежал, скажем, в 1915 году от ятагана – я говорю о добровольных мигрантах недавних горьких армянских годов. Спасение жизни – это одно, а спасение своего чревоугодного живота – совсем другое. Я никого не собираюсь обижать, но я не собираюсь обижать и истину. Поэтому давно уже смотрю на мигрантов, совершающих турне на родину с карманами, полными денег, и с глазами, полными слез, – без умиления. <...> Те, которые не могут покинуть Армению, потому что у них нет денег или потому, что другие государства их не принимают, но которые в душе этого хотят, – мне тоже не милы. А вот те, которые не хотят и даже мысли такой не допускают, – только эти на своих плечах пронесут бесценный генофонд нации в будущее. Дрогнувшие же и в будущем дадут дрогнувших (по любому поводу). Мне милы и те роды, которые, уже совершив в далеком прошлом круг миграции (бежали все от того же ятагана), крепко наказали своим потомкам не совершать этих роковых ошибок при относительно более мягких временах.

Мигрант. Как слово, выдернутое из контекста. И родину бросили, и на чужбине никому не милы. Так и живут, вынутые из среды. Что-то рабье есть в этой добровольной унизительности. Мне не нравится такая диспропорция, когда численность диаспоры чуть ли не втрое превышает число живущих на родине армян. Голова не может быть отделенной от тела, народ не может быть столь оглушительно расчлененным. Мы не гидра какая-нибудь, прости Господи. <...>

В какой мещанской среде и у какого народа родился угодливый афоризм: “Где хорошо, там и родина”? А может быть, именно там, где родина, надо сделать все, чтобы именно там было хорошо? И в этом – долг каждого. Патриотизм должен быть действенным, а не декларативным, всего лишь застольным”[121]***.***

Ну и что Вы скажете?

– Что ты сама думаешь по этому поводу?

– Мы поменялись ролями? Хорошо, я скажу: мне кажется, это суровая, но правда.

– А зачем тогда спрашивать?..

– Даже не спрашивать?

– С некоторой корректировкой я бы эту оценку поддержал. А поправка следующая. Известное изречение Чаренца я бы перефразировал так: «**Օ՛, հա՛յ ժողովուրդ, քո ուժը քո սփովածության մեջ է՝ ժամանակ առ ժամանակ համախմբման պայմանով**» (“О, армянский народ, твоя сила – в твоей рассеянности по миру с условием объединения при необходимости”).

...Недавно не стало талантливого музыканта Георгия Гараняна. Мне было очень больно, хотя мы не были близки. Я встречался с ним только один раз в 1980-х, когда Гаранян гостил в Дилижане. Неожиданно для себя увидел его в столовой, подошел, он меня узнал. И в том разговоре я попросил его рассказать о своих корнях. Выяснилось, что его родители – родом из Западной Армении. Когда турки ворвались в деревню, уничтожая армянское население, 4-летнего малыша, будущего отца Георгия Гараняна, его родители успели спрятать в конюшне, в стоге сена. Мальчик слышал, как зарезали его мать, отца, всех, кто был в доме. Завершив “дело”, одного из палачей отправили проверить, есть ли кто-нибудь в конюшне. Когда тот раздвинул саблей сено и увидел полные ужаса огромные глаза мальчика, не смог выдать ребенка: “Здесь никого нет”, – сказал он... Так будущий отец Георгия Гараняна остался в живых.

– Эдвард Михайлович, известно, что Вы были и остаетесь одним из самых привлекательных мужчин Еревана 50-х, 60-х, 70-х, ну и так далее, что нередко становилось предметом зависти. В чем Ваш секрет? Вы занимались спортом или, может быть, целенаправленно по утрам делали зарядку, бегали?

– Очень редко. Не было такого, чтоб я этим занимался интенсивно хотя бы неделю. С моим другом, пианистом Оником Параджаняном, были на море, как-то решили, что будем делать утренние пробежки – нас хватило дня на два.

– Как Вы к этому относитесь?

[121] Саакян Н. Автоинтервью.// “Элитарная газета”, 26.06. 2007.

– В принципе, хорошо, если не превращать это в культ. **Я против спорта, очень спортивных людей – считаю это болезненным явлением, в каком-то смысле извращением понятия физического здоровья.** Но я всегда любил быструю ходьбу, с годами это удовольствие от быстрой ходьбы не исчезло – устаю от медленного ритма. Ա՛խր, կյանքը շարժում ա նախ և առաջ (Ведь жизнь – это, в первую очередь, движение): Если даже ты не совсем здоров, это компенсирует. Движение мысли, увлеченность чем-то, радость, женщина, друзья, пикники, застолья, где болтаешь, может быть, даже говоришь глупости. С одной стороны, никогда себя здоровым не чувствовал, но и никогда не считал себя больным. ...В компании с моими друзьями Эдиком Тер-Минасяном /*инженер*/, Арменом Боямяном /*композитор*/ и Алексеем Крыловым /*агроном, сотрудник ДТ "Дилижан"*/ три дня мы отдыхали на берегу Куры, недалеко от Евлаха – ловили рыбу, варили уху, гуляли в лесу. Вот за всю свою жизнь только эти три дня я прекрасно себя чувствовал, и у меня ничего не болело. Потому что одно дело чем-то отвлекать себя от недомоганий, другое дело быть здоровым. Всегда что-нибудь болело. То же сердце – с детства ночами задыхался, бывало, в кинотеатре фильм смотрю – выбегаю, вздохнуть не могу. Но после удаления гландов мне стало лучше. Теперь вот держит, в конечном итоге, медицина. Я не жалуюсь (ինձնից գոհ չեմ, բայց չեմ դժգոհում). Потому что надо быть полным кретином, чтобы все время говорить о своем здоровье...

Дело в том, что я всегда был левшой, а после инсульта стал злостным левшой. И тут поставили стимулятор слева и запретили двигать левой рукой, – но она у меня ни минуты не отдыхает, мучение какое-то...

– Как Вы относитесь к женскому композиторскому творчеству?

– Скажу откровенно: Гаянэ Чеботарян – настоящий композитор. Это редкий случай. Такой же редкий, как Гегуни Читчян или Зара Левина. Хотелось бы отметить Аиду Аветисян и Вард Манукян.

– Есть какие-либо особенности женского творчества?

– Нет. Я вспоминаю, как где-то в 1968 году наша делегация была в Алма-Ате. И вдруг по радио передают, что увертюра /*"Здравствуй, утро!"*/ Читчян получила первую премию на конкурсе к 50-летию Октября в Москве. Котик Орбелян получил третью. Конкурс был анонимный, и премию Читчян получила без всяких скидок. Председателем комиссии был Арам Хачатурян. Но большая часть женщин-композиторов выходят замуж, посвящают себя семье и забрасывают творчество. Светлана Бояджян, моя ученица – чертовски одаренная, и вкус потрясающий. Она родом из Кировакана. Пришла на нуле. Я сказал: "Возьми шаракан и делай с ним что хочешь".

В результате это произведение отобрали для просмотра творческой молодежи в Ленинграде.

– Меня недавно поразили слова одного из самых великих людей современности – Тонино Гуэрры. Он с восторгом человека, схватившего истину за волосы, рассказывал, как Феллини за два дня до смерти, в больнице, уже зная, что умирает, сказал: "О, если бы можно было еще хоть раз влюбиться!" "Понимаешь? – спрашивает он корреспондента, мою хорошую московскую подругу Наташу Колесову. – Он хотел сказать, что любовь, быть может, самый волшебный момент жизни, она приподнимает человека над обыденностью и наполняет жизнь особым смыслом..." Вы разделяете это суждение?

– Безусловно. В женщине сосредоточено все: и прекрасное, и коварное, и мелкое, и возвышенное, а в целом – великое и вдохновляющее. Причем вдохновляющее, если вдуматься, на каждом шагу...

– Менялся ли с годами Ваш идеал женщины?

– Думаю, да. Впервые я увлекся девушкой в школьные годы.

– Сколько раз в жизни можно влюбиться?

– Влюбиться и любить – это разные вещи. Для того, чтобы любить, нужна проверка временем.

– А разве не бывает любви с первого взгляда?

– Это влюбленность. Для того, чтоб любить, надо узнать человека и влюбиться в его конкретные достоинства.

– Любить только за достоинства?

– Ну, могут быть и недостатки, но достоинства должны преобладать. Если сплошные недостатки, а тебя тянет, – это скорее, страсть, а не любовь.

– Сколько раз в жизни можно любить?

– Один или два... или три.

...Обо мне сложилось такое мнение, что я законченный бабник. Это впечатление довольно обманчиво.

– Я задумалась сейчас над тем, в каких разных мирах существовали, скажем, тот же Феллини и великий актер Рачия Нерсесян. Его сын Давид рассказал мне жуткую историю.

О том, как болезнь скрутила отца за каких-то три месяца. Как он лежал дома и, догадываясь о своем состоянии, играл последнюю роль: делал вид, что ничего не происходит. И как однажды Ваграм Папазян с криком: "Ра-а-ач! Наконе-е-ец!" зашел к нему. "Ра-а-ач! Встава-ай!" – кричит он своим громовым голосом. Нерсесян находит в себе силы встать и сесть в кровати. "Подписали! Наконец! Собирайся, едем в Стамбул!" – продолжает Папазян. "Нам дали разрешение. Мы сможем увидеть Полис!" – глаза Нерсесяна загораются, в них появляется надежда... А в соседней комнате великий артист Папазян роняет скупые слезы...

– Когда ты рассказала о смерти Рачия Нерсесяна, я вспомнил последние минуты жизни Бетховена. Была гроза. Он любил дождь. Бетховен приподнялся в постели и показал кулак стихии...

– ***Вы видите сны, которые сбываются? Такие “женские” предчувствия должны и у композиторов просыпаться иногда.***

– Нет. С одной стороны, не придаю значения, с другой – не знаю. ...Несколько лет назад во сне видел маму. Она стояла живая и одновременно лежала в гробу.

Могу сказать, что в детстве долгое время каждую ночь видел один и тот же сон: наконец у меня есть свой собственный трехколесный велосипед. Во сне говорил себе, что это уже реальность, и – горькое разочарование после пробуждения. Много позже, в 16-17 лет велосипед мне все-таки подарили, но уже двухколесный. Моя радость продлилась только пару месяцев, обернувшись страшной трагедией. Соседский парень попросил покататься. Я дал. Произошел несчастный случай: парень попал в больницу и... скончался. До сих пор без содрогания не могу об этом вспоминать.

...Мы были в турпоездке в Италии. Ночью думаю, что завтра едем в Рим и я должен позвонить известному дирижеру Пьетро Ардженто. Он написал Хренникову письмо о том, что уже три раза играл мою Симфонию и будет впредь ее играть. Думаю, позвоню, интересно получится, если он скажет, что сегодня играл Симфонию. Приезжаем на следующий день, звоню. Сожалеет, что не может встретиться, – уезжает из страны. “Кстати, – добавил он, – вчера я по радио играл Вашу Симфонию”. Правда, потрясающе?

– ***Вы суеверны?***

– Немного. Когда здоровье позволяло, спускаясь по лестнице нашего дома, у квартиры Атаяна /*Роберт, музыковед*/ всегда, в каком бы состоянии ни был, перескакивал через две ступеньки.

– ***Как Вы думаете, предопределен ли свыше путь человека?***

– Кто знает, какие тайны таит в себе эта Вселенная...

Как-то с семьей мы поехали в Харберд, где живет экстрасенс по имени Аида. Она смогла объединить усилия людей, которые построили там церковь. И вот мы вошли в эту церковь. Аида, вероятно, узнала меня, уставилась и начала проповедь. С каким воодушевлением говорила она о Боге, о религии! Я все это слушал, слушал, и тут не выдержал: “Простите, но знаете, как много аферистов среди этих служителей церкви!” Я думал, она возмутится, начнет возражать. Но вдруг Аида залилась громким смехом. И неожиданно сказала:

– Знаете что? Мой Бог – Вселенная.

– Да? Тогда мы с вами одной религии...

И еще моя религия – это нравственность, порядочность, отсутствие насилия. Хотя я в шутку говорю: «Լավությունը մեկ-մեկ պտի զոռով անես» (“Доброе дело иногда нужно делать насильно”). Потому что, если сопротивление – только игра, только видимость, это чувствуется.

А вообще нравственность – составляющее понятия интеллигентности. Интеллигентный человек не способен на непорядочность, на насилие.

– ***Вы допускаете насилие по отношению к самому себе?***

– Должен откровенно признаться: в жизни я что хотел, то и делал. Если решал для себя, что вот это обязательно должно произойти, ни перед чем не останавливался. Делал такие вещи, которые шли вразрез со всеми принятыми общественными нормами. Если это правильно, если я чувствую, что правда в этом, – добивался любой ценой, но шел только праведной дорогой.

Я не считаю себя порочным человеком и не стесняюсь об этом говорить, потому что для этого нет никаких оснований. А вот то, что я не Христос, – об этом знаю, в первую очередь, я сам. Но я никогда и не пытался быть Христом. Нравственность – это одно, а идея Христа – нечто совсем другое. Когда высокую идею нравственности низводят до религии, я этого не понимаю.

...Чехов, кстати, мой любимый писатель, очень добр к человеку, он иронизирует, подтрунивает над его слабостями, в отличие от Достоевского и Бальзака, которые по-настоящему жестоки к человеку. Вот Люсьен, герой Бальзака – законченный подлец. Но писатель настраивает читателя так, что мы постепенно начинаем прощать герою его пороки – ведь он стремится к чему-то высокому, прекрасному. Но в тот момент, когда, простив ему все, хотим, чтобы он достиг, наконец, своей высокой цели, Бальзак его уничтожает. Как-то Маркс сказал: “Если к возвышенной цели вы не идете благородной дорогой, цель перестает быть таковой”.

– ***А справедливость – категория абсолютная?***

– Что сказал еврей Моисей? Еврей Моисей сказал, что все от Бога.

А что сказал еврей Христос? Еврей Христос сказал, что все от сердца.

А что сказал еврей Маркс? Еврей Маркс сказал, что все от желудка.

А что сказал еврей Фрейд? Еврей Фрейд сказал, что все от секса.

А еврей Эйнштейн сказал, что все относительно...

...Я живу сегодняшним днем, который направлен на завтра. Когда наступает завтра, я опять живу сегодняшним днем, который направлен на завтра. Вот этот дом, где мы сейчас с тобой сидим, это же результат фантазии, может быть, даже кажущейся бредовой. Потому что эта сумма, которая была выделена вначале, никак не вязалась с такими перспективами.

...В моей жизни не было понятий “второстепенно”, “это меня не волнует”. Меня все волнует. Бывали случаи в моей жизни, когда я кажущейся “мелочи” придавал намного больше времени и значения. Между прочим, потерянная минута – понятие очень условное. Может быть, это тот счастливый миг, который пока не осознан.

Что касается “главного” – сюда входит мечта, фантазия. В мечте,

может быть, и кроется самое главное. Когда в 14 лет я впервые услышал “Серенаду” Чайковского, восхитился и вдруг задумался: интересно, может случиться так, чтобы когда-нибудь я написал нечто подобное? Конечно, это было более чем наивно. Но когда в Вашингтоне во время встречи со слушателями перед началом концерта спросили, что послужило поводом к написанию Симфонии, я рассказал эту историю.

Между прочим, за все годы существования Симфонии Котик Арутюнян вплоть до последнего времени ни разу не говорил со мной о ней – не разбирал, не анализировал, – только поздравлял с очередным исполнением, и все. Но когда совсем недавно (2009) както в его присутствии я рассказал о “Серенаде” Чайковского как об импульсе к сочинению этого произведения, Котик меня просто потряс. Он сказал буквально следующее: “Но ты написал лучше...” Представляешь?!

– Какие предчувствия наполняют Вас в начале нового тысячелетия? Каким он будет – XXI век?

– Удивительное дело – всю жизнь кричал, что я оптимист, а тут охватило такое невероятное беспокойство за жизнь на Земле. Неужели это оттого, что мне так много лет? Не знаю. Но ощущаю великую опасность. Лет 30 назад мало кто понимал, что такое экология, что это за серьезнейшая наука – о связи всего на Земле. Об экологии духа я уже не говорю – посмотрите, какие нравы в отношениях между людьми, государствами! Опасность возрастает еще и из-за того, что действует закон падающего камня – закон возрастающей скорости процессов. Миллиарды лет все происходило медленно, постепенно, сумеет ли человечество приспособиться к возрастающим темпам и катаклизмам, объединиться, чтобы выжить? Вряд ли. Потому что нет самого главного – всеобщей культуры, той ауры интеллигентности, которая не допустила бы возникновения феномена Ленина, Гитлера или Сталина.

...Юная, 18-летняя Мариэтта Шагинян поездом из Ростова ехала в Москву. По дороге она читала книжку с индийским “Гимном зарождения жизни”, созданным еще до нашей эры. Звучал он примерно так: “1. Вначале ничего не было; 2. А может, было; 3. Было темно; 4. А может, не очень темно; 5. Было много воды; 6. А может, мало”. ...И наконец, каким-то пунктом: “И тут появилось желание. От этого желания родилось зерно, и возникла жизнь...” Я был очень молод, когда читал об этом. Читал и восхищался тем, как же гениально это написано. Желание – огромная сила, которая смогла даже в неорганическом мире создать импульс для жизни. В начале нового тысячелетия мы находимся в средоточии тех скоростей, того темпа, когда можно познакомиться, завести роман и жениться по компьютеру. Ужас в том, что нарушена природная гармония. Я думаю об этом, продолжая наслаждаться светом, солнцем, землей, воздухом,

роскошной природой, богатством и красотой нашей планеты. Не перестаю удивляться этому чуду и хочу, чтобы оно продолжалось...

...За год до смерти Мартирос Сарьян в Дилижане сломал плечо, я каждое утро заходил в восьмой коттедж его проведать. Как-то зашел, Зарик помогал ему одеться, а Варпет не стонал от боли – кричал... А потом: “Зарик джан, учти: я кричу не от боли – просто на всякий случай, чтоб ты был осторожней”. Так вот он протягивал здоровую правую руку к окну и, указывая на волшебную природу Дилижана, говорил: «Uш hրաշք է...» (“Это чудо...”). Уборщица Ангин /*в переводе с арм. – бесценная*/ (молокане звали ее Ангина) подошла ко мне: “Товарищ Мирзоян, видите, годы берут свое, – он вчера то же самое говорил. Память совсем плохая стала”. А Варпет не уставал удивляться этому чуду.

– Обычно людям легче представить ад, чем рай. У Вас наоборот...

– Мне кажется, ад – он в самом человеке. Это я не воспринимаю как нечто иное, отдельное, потустороннее. В том же раю есть и ад. Чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что наш земной шар – это рай Вселенной. Потому что другого я не знаю.

Блиц-интервью

– Ваше кредо?
– Отдавать, сколько могу.
– В чем смысл жизни?
– В созидании.
– Что такое счастье?
– Ощущение и сознание обладания тем, что тебе дорого.
– Вы счастливый человек?
– Отрицать не могу.
– Что сильнее Вашей воли?
– Ничего.
– Самый непреложный нравственный закон для Вас?
– Не переступать через черту.
– В любви тоже есть граница?
– А что такое любовь в абстрактном понимании? Об этом надо говорить конкретно. И решение в каждом случае тоже не может быть общим.
– Может ли любовь умереть?
– Нет, если это любовь осознанная.
– Кто такой или что такое Бог?
– Понятия не имею.
– Что такое дьявол?

– Миф.

– ***Чего Вы не прощаете людям?***

– Осознанной лжи и подлости.

– ***В чем находите утешение?***

– В справедливом итоге ситуаций, в которых, кажется, уже не может быть ничего справедливого.

– ***Если бы Вы были артистом, какую роль хотели бы сыграть?***

– Двадцать лет назад мне задали такой же вопрос. Я ответил: роль Арно Бабаджаняна. Сейчас бы сыграл самого себя, такого, какой я есть на самом деле.

– ***Если бы Вы были режиссером, какой сюжет бы выбрали?***

– Самый простой – о человеческих взаимоотношениях...

– ***Вы были во многих странах, по какой стране скучаете?***

– По Италии.

– ***Ваш любимый писатель?***

– Чехов.

– ***Любимое музыкальное произведение?***

– “Аппассионата” Бетховена.

– ***Любимый артист?***

– Жан Габен.

– ***Любимый герой?***

– Чапаев. Чаплин.

– ***Ваш любимый цвет?***

– Цвет радуги и голубого неба.

– ***Ваш любимый запах?***

– Ландыш. Незабудка. Очень редко нравятся женские запахи, терпеть не могу сильный аромат женских духов.

– ***Любимая улица?***

– Ее уже нет: улица Абовяна 20-30-х годов с канавками.

– ***Любимое место в Армении?***

– Вид на Арарат.

– ***Что Вы больше всего цените в сегодняшней молодежи?***

– Веру в то, что она несет в себе все лучшее, что накоплено веками.

– ***Что огорчает в ней?***

– Утрата того, что считаю ее достоинством.

– ***Самое приятное открытие для Вас?***

– Если речь идет об открытии, оно неприятное – куда идет наша планета.

– ***Чего Вы больше всего боитесь?***

– Почти ничего.

– ***Самое важное качество для семейной жизни?***

– Умение ее сохранить.

– ***Кто главный в армянской семье?***

– Тот, кто в критический, решающий момент оказывается сильнее.

– ***Ваш идеал или пример для подражания?***

– Идеалов не существует. Но есть люди, у которых я многому научился, – Григорий Арутюнян /*Первый секретарь ЦК КПА*/, Тихон Хренников, Лазарь Сарьян – он меня часто поражал.

– ***Граница, отделяющая Вас от юности?***

– Как бы ущербно я себя сейчас ни чувствовал, этого только не хватало – ощущать границу. Связь с юностью – залог бодрости духа.

– ***Куда уходит детство?***

– Оно не должно уходить, должно тянуться, и как можно дольше.

– ***Самая большая тайна для Вас?***

– Вселенная. И женщина.

– ***Говорят, некрасивых женщин не бывает...***

– Еще как бывает!

– ***Правда ли, что в мужчине заложен страх перед женщиной?***

– Скорее – да.

– ***Вы любите одиночество?***

– Когда работаю. Это бывает очень редко.

– ***Самое серьезное испытание в Вашей жизни?***

– Оно длилось много лет и только недавно разрешилось: сомнение в своем призвании.

– ***Как Вы решили для себя этот вопрос?***

– Секрет.

– ***Верите ли, что Ваша музыка будет жить в третьем тысячелетии?***

– Еще неизвестно, состоится ли оно.

– ***Что такое для Вас Армения?***

– Загадка и святыня.

– ***Как Вы относитесь к эмиграции?***

– Как к одной из форм геноцида.

– ***...Или побега от себя?***

– От себя никуда не убежишь.

– ***Ваше любимое блюдо?***

– Гран-при: лоби. Первой премии ни одна еда не удостаивается, все остальное на втором месте. Кизиловое варенье – моя слабость.

– ***Любимая выпивка?***

– Тутовая водка вне конкуренции. Первой премии нет, все остальное качественного изготовления.

– ***Любимый тост?***

- «Սաղ ըլնենք, լավ ըլնենք, հայ ըլնենք, մարդ ըլնենք» (“Будем здоровы, будем удачливы, будем армянами, будем людьми”).

– ***На каком языке Вы мыслите?***

– На двух, в зависимости от ситуации. С женщинами предпочитаю общаться на русском.

– ***Что такое мещанство?***

– Трудноуловимая ограниченность плюс самомнение.

– ***В чем главная ошибка женщин?***

– Самомнение и претензии.

– ***Самый существенный недостаток мужчин?***

– Половая немощь.

– ***...женщин?***

– Осознанная фальшь.

– ***Вы были инициатором многих строительных проектов, что еще хотелось бы создать?***

– Хотелось бы сохранить то, что создано по моей инициативе.

– ***Цель, которой Вы не достигли?***

– Сделать больше того, что я смог.

– ***Ваша сегодняшняя цель?***

– Сколько осталось – прожить не зря.

– ***Что такое деньги?***

– Мечта, как правило, обманчивая до глупости. Настолько, что перестает быть мечтой.

– ***Ваш любимый вид транспорта?***

– Скорость, независимо от вида транспорта.

– ***Верна ли поговорка: тише едешь – дальше будешь?***

– Это ни в коем случае не может быть принципом.

– ***Вы верите в случай?***

– Верю в то, что ничего случайного не бывает. А череда случайностей – уже закономерность.

– ***В чем самая большая сила человека?***

– В способности без остатка отдаться тому, что тебе дорого.

Ереван, 29.12.2003

Арам Сатян и Эдвард Мирзоян

ЧАСТЬ III

Мирзоян-педагог

Приведенные эссе (либо подборка писем) о некоторых из учеников Эдварда Михайловича, снабженные комментариями Мирзояна, лишены какой-либо системной направленности – их случайный выбор предопределен лишь обстоятельствами моей личной журналистской биографии, в которой я неоднократно обращалась к этим именам. При этом главным мотивом моего интереса служил, в первую очередь, драматический накал их судьбы, и только во вторую – их композиторское дарование...

Степан Джербашян *(первый студент Э. М. Мирзояна в ЕГК)*

– *С*тепа окончил Тбилисскую консерваторию как скрипач, в ЕГК поступил на композицию сразу на второй курс. Мы были коллегами, учились и вместе развивались как композиторы. Еще до поступления в консерваторию вместе участвовали на Закавказской Декаде в Тбилиси в 1944 году. В 1945-ом мы с ним отдыхали в Цахкадзоре, не могу забыть, что именно там нас настигла страшная весть об атомных бомбардировках в Японии...

Первый студент Мирзояна в ЕГК (1948), Степан Джербашян, испытал трагические перипетии судьбы спасшихся от Геноцида беженцев из Западной Армении. В 1948 году его родителей, родом из Вана, сослали в Алтай. Жить было негде – Степа снимал комнату, по ночам ходил заниматься в консерваторию, работая с редким упорством. Днем зарабатывал, посылал родителям деньги, отчаянно борясь за их освобождение. Нелегкая жизнь Степы отразилась на здоровье: у него началась болезнь почек. Жена и друг, талантливая певица и необыкновенно яркая личность Анжела Арутюнян, сделала все возможное и невозможное, чтобы продлить ему жизнь. Они не были одиноки в своем несчастии – друзья окружали Джербашяна вниманием.

Свидетельство тому – несколько строк из письма Эдуарда Хагагортяна /*композитор, замглавного редактора издательства "Советская музыка"*/ Э. Мирзояну (около 1972 года):

“О друзьях. Я посещал Ст. Джербашяна в больнице. Когда я вернулся из Польши, узнал, что операцию уже сделали. Положение его ужасное, здоровье ухудшается. Надо ему помочь.

Во-первых, прошу срочно найти и выслать мне клавир его оперетты “Еразик”. Кажется, название ее не перепутал. Речь идет об оперетте, которая была поставлена в нескольких городах. У меня будет возможность заплатить ему в счет будущего издания гонорар. Надо также найти у него несколько мелких сочинений, достойных публикации, и прислать мне срочно.

Во-вторых, когда ты приедешь на пленум, нам надо будет договориться в секретариате о выделении ему безвозвратной ссуды. Все это надо делать срочно!”

Талант Джербашяна-композитора проверен временем, многие его сочинения, включая песни, сегодня обретают новую жизнь. Опера “Гикор”, оркестрованная Г. Ахиняном, непременно должна быть восстановлена в оперном репертуаре театра имени Спендиарова, где она шла с неизменным успехом. В студенческие же годы Джербашян достиг беспрецедентных успехов – он разделил успех с мэтром русской музыки: написанная в консерватории Виолончельная соната наряду с Виолончельной сонатой Мясковского была отмечена на Всесоюзном пленуме. Его Фортепианный квинтет был исполнен квартетом имени Комитаса.

“Что бы ни случилось, – писал Мирзояну Литинский (19.12.1949), – а я буду верить, что и Вы, и Арно, и Котик не раз еще творчески набьете морду дуракам от музыки, генералмузикам, у которых на рубль амбиций и на грош амуниций. Время работает на Вас, на хорошую музыку – к этому все идет. Джербашян Ваш имел замечательный успех, и я Вас поздравляю”. Мирзоян и его ученик совпали в главном, магистральном направлении композиторских исканий: они всегда писали кровью сердца, их музыка направлена не в заоблачные высоты умозрительных абстракций, а к чувствам конкретного слушателя, по отношению к которому они предельно честны.

1949, Тбилиси

Дорогой Эдик!

Во-первых, прости, что так долго не писал – как-то не получалось и, откровенно говоря, не хотелось лишний раз тебя огорчать своими грустными письмами.

Единственно приятное сообщение, о котором ты узнал раньше меня, это в отношении выбора моей сонаты для показа на пленуме. Что и говорить, это меня очень согрело и подбодрило. Думаю, что ты рад этому не меньше меня, так как в этой победе твоя огромная доля. Теперь, дорогой Эдик, в отношении исполнителя. Здесь получилась некоторая неловкость в отношении Айвазяна А. С.[122], которому без моего ведома поручили (Литинский[123] и Кухарский[124]) сыграть. Сараджев /*Константин, ректор ЕГК*/ почему-то назвал мне совершенно другого исполнителя, а именно – Ростроповича.

В Тбилиси на Декаде грузинской музыки я встретил Цомика /*Герц, виолончелист*/, с которым еще летом я несколько раз встречался и вчерне прошел всю сонату. Он с энтузиазмом изъявил свое желание сыграть на пленуме. Я об этом сказал как Литинскому, так и Кухарскому, так что они в курсе дела. Эдик, свяжись с Цомиком и уточни, получил ли он мои ноты и уже занимается или нет, а то потом будет поздно.

Дорогой Эдик, слышал, что ты скоро приедешь, я очень рад, так как без тебя я совершенно не способен писать ничего нового.

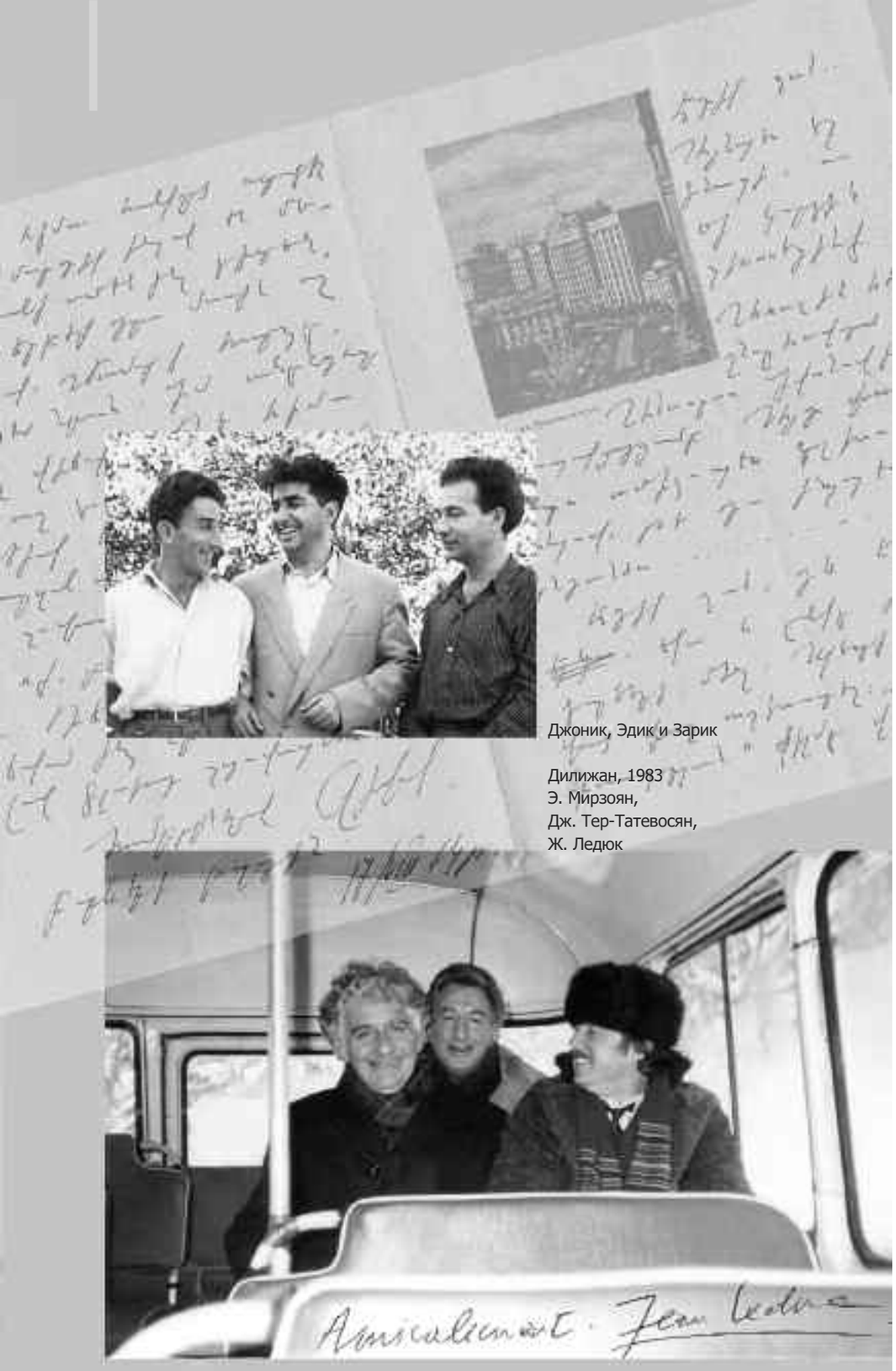
Слышал замечательные отзывы в отношении твоей новой Кантаты, искренне поздравляю и желаю, чтобы это завершилось бы и оформилось настоящей, реальной победой. Ну, Эдик, будь здоров, до скорого свидания. Привет Котику, Арно, Рафику /*Давидян, вторая скрипка квартета имени Комитаса*/.

Целую ***Степа***

[122] Возможно, Артемий Сергеевич, виолончелист, композитор, руководитель джаз-оркестра Армении.

[123] Педагог Джербашяна в ДК Армении в Москве.

[124] Замминистра культуры СССР.



Джоник, Эдик и Зарик

Дилижан, 1983
Э. Мирзоян,
Дж. Тер-Татевосян,
Ж. Ледюк

Дживан Тер-Татевосян

“Я уверен, что музыка Мирзояна будет жить очень долго”, – сказал мне в беседе композитор Рубен Алтунян. И добавил: “Я как-то обмолвился Эдварду Михайловичу, что иду по его пути. Он вдруг очень серьезно мне ответил: “По моему пути могу идти только я – у каждого в творчестве своя дорога...” Но путь, который он открыл, притягателен для многих”.

Если спросить меня, кто принял эстафету мирзояновских идей, дав им новое развитие, я бы среди многих имен, в первую очередь, назвала Дживана Тер-Татевосяна, чья композиторская мысль сопоставима с высшими достижениями советской музыкальной культуры. Эту мою догадку подтвердил и Эдвард Михайлович, когда однажды я его спросила:

– Хачатурян неоднократно говорил, что настоящий художник должен иметь хотя бы одного ученика, но ученика с большой буквы, который по-своему продолжает именно его линию.

Вы можете назвать своего Ученика?

– …Джоник /*Дживан Тер-Татевосян*/.

Вполне можно было бы найти общность творческого метода двух композиторов. Но главным совпадением этих крупных композиторских фигур стала ***философская идея экзистенциального предела***, которая в Симфонии для струнных и литавр была претворена в эстетике самоограничения средств, а в тер-татевосяновском прочтении прорвалась в стихии свободного самовыражения. Как считал сам Дживан, “кроме “Лирической поэмы”, у меня нет так называемой светлой музыки”[125]. Иная социальная ситуация, иной дух шестидесятнических идей в творчестве Тер-Татевосяна открыли возможность предельно откровенного диалога со слушателем. Однако тема этого разговора уже была задана Мирзояном.

Публикуемые ниже избранные письма Дживана Тер-Татевосяна к Мирзояну уникальны. Они важны в представлении фактов и событий советской музыкальной культуры. Они абсолютно искренни и драматичны, полны юмора и трагических коллизий “Судьбы человека” /*программа Второй симфонии*/. Они раскрывают и всю сложность взаимоотношений двух талантливых людей, соединенных узами мужской дружбы и ответственности друг перед другом. Любовь к непокорному Джонику его друг и учитель сохранил по сей день, воспринимая эту книгу как реальную возможность для важного разговора о Тер-Татевосяне...

– В январе 1960 года со мной случился первый в жизни сердечный приступ. На пленуме в Москве раздолбали скрипичную сонату Арно, и даже Арам Ильич был в растерянности, не при-

[125] Из письма Мирзояну от 20.11.1960.

нял ее. Главный удар пришелся на Вторую симфонию Джоника – "оторван от почвы". Лягнули заодно струнный квартет Эдгара Оганесяна, за что-то Парсаданяна из Эстонии и еще Долуханяна – в общем հայի ջարդ էր՝ քացի տվեցին (букв. - пинали ногами, была бойня армян). С критическими речами выступили Хренников, Кухарский, Тактакишвили. Это была интрига, спланированная из зависти. Возможно, сыграли роль и личные отношения Джоника с музыковедом, сотрудницей журнала "Советская музыка" Лианой Гениной: они собирались пожениться, но отношения по вине Джоника разладились...

В лице Джона Тер-Татевосяна мы потеряли очень крупное явление в армянской музыке. Он должен был чувствовать себя на коне, чтоб сочинять, – был человеком, крайне неуверенным в себе. И это при том, что его Вторая симфония – одно из лучших произведений в истории армянской музыки. Без всякой натяжки я ставлю ее рядом с лучшими сочинениями и, может быть, у этого произведения даже есть преимущество перед другими. Он написал немало, но исполняется сегодня крайне редко, и никого это не волнует. Очень тяжело и очень больно.

...Джоник 1926 года рождения, он был только на пять лет младше меня. Меня пригласили работать в школу имени Спендиарова, там мы впервые и встретились: он показал мне свою пьесу для скрипки – тему я помню до сих пор /*напевает*/**. В школе по сольфеджио он занимался у моего отца, Микаэла Мирзаяна. Джоник был стихийный парень, попал в плохую компанию, в уголовную среду – надо было выручать. Этим занимались директор школы Мартын Мазманян и отец.**

Ереван, 1955 год, в гостях у Дживана Тер-Татевосяна. Сидят: Елена Степанян-Мирзоян, Эдвард Мирзоян, Бабкен Сосян, Лазарь Сарьян, Арам Хачатурян, Ирина Оденова-Арутюнян, Александр Арутюнян; стоят: Амалия Хагагортян, Дживан Тер-Татевосян с дочерью Нунэ, Ася Джамджян

В консерваторию он пришел уже сложившимся музыкантом: был артистом оркестра (скрипачом), автором "Лирической поэмы". На третьем курсе ЕГК написал Первую симфонию, которая была исполнена на пленуме в декабре 1958 года с огромным успехом. В Рузе, кажется, Джоник собрал несколько человек и организовал прослушивание в записи Второй симфонии. Шостакович считал, что это даже лучше, чем его Первая симфония, а Первую он так захвалил – сказал, что она произвела эффект разорвавшейся бомбы. Вторая симфония посвящена мне, и мне это посвящение очень дорого.

А. Худоян в своих мемуарах пишет**:** *"Вторую симфонию Тер-Татевосяна в живом исполнении Шостаковичу, к сожалению, прослушать не удалось. <...> /Дмитрий Дмитриевич/ попросил организовать в СК прослушивание записи Симфонии. <...> /Он/ слушал внимательно, перелистывая партитуру. Затем прослушал второй раз – уже без партитуры. К концу прослушивания в кабинет звукозаписи заглянул Кара Караев (кстати, в прошлом ученик Шостаковича). Дмитрий Дмитриевич сказал: "Карик, идите сюда". Прослушали в третий раз, все вместе. Потом Шостакович попросил, чтобы Тер-Татевосян оставил у него ноты. <...> Мы решили поблагодарить Шостаковича за внимание и несколько дней спустя пригласили его в московский ресторан "Арарат". <...> Хорошо помню, что, увидев накрытый стол, Шостакович сказал: "А водки нет? Водки нет?" Конечно, мы тут же это "организовали". Выпив натощак два фужера, Шостакович сказал: "Будем искренними!" Он очень высоко отозвался о Симфонии Тер-Татевосяна и Скрипичной сонате Бабаджаняна. Повернувшись к Э. Мирзояну (за моей спиной), он сказал про Дживана Тер-Татевосяна: "Я очень рад, что гений родился"...*[126]

20.02.1960, Москва

Дорогой Джон Гургенович!

Сегодня я написал Мравинскому о Вашей Второй симфонии, о Первой тоже. Очень было бы хорошо, чтобы Вы с ним встретились. <...> Как было бы хорошо, если бы у Вас состоялась с ним встреча. Сам я сейчас нахожусь в больнице, лечу руку.

С наилучшими пожеланиями

Д. Шостакович[127]

– **...Возможно,** – продолжает Мирзоян, – **Джонику не хватило воспитанности, культуры, чтобы пережить навалившийся на него успех. У нас с ним начался серьезный конфликт – я не мог оставаться равнодушным. Джоник стал пить, связался с внуч-**

[126] Худоян Адам. Воспоминания. Ер., 2001, с.104-105.

[127] Цит.по: Геодакян Г. Идеал художника-гражданина. //"Советская музыка", N9, 1976, с.26.

кой Буденного, Гешей, которая его ни во что не ставила, не считалась с ним, с его талантом, бесконечно требовала денег, устраивала кутежи и попойки в сомнительных компаниях... Он утопал в долгах, произошел разрыв с семьей. Я по-своему старался его спасти, предотвратить эту катастрофу, но никакие уговоры не помогали. От безысходности я пошел на крайние меры – поставил его вопрос на секретариате в присутствии Арама Ильича. Но сделать уже ничего не смог... Счастье, что в дальнейшем его личная жизнь, наконец, сложилась.

Я перечитываю его письма – какая панорама: Шостакович, Хачатурян, Лавровский, Плисецкая, Щедрин, Мравинский, Светланов!.. В итоге ничего не осталось...

06.12.1958, Մոսկվա

Էդի՛կ ջան,

Շատ դժվար է ինձ համար քեզ գրել այս նամակը, ես ընդհանրապես չունեմ խոսելու կամ գրելու որևէ ձիրք և համարյա երբեք չեմ կարողանում իմ զգացմունքները արտահայտել խոսքով կամ գրելով: Պետք է միայն ասեմ, որ մենք բոլորս, իմանալով Միքայել Իվանիչի [*Միրզայան*] հանկարծակի մահվան մասին, ուղղակի ցնցվեցինք, և մինչև օրս ես չեմ կարողանում հաշտվել այն մտքի հետ, որ երբ գամ Երևան, բարձրանամ ձեր տուն, ես այլևս չեմ տեսնելու Միքայել Իվանիչին, չեմ լսելու նրա հումորով խոսակցությունը: Ուղղակի չեմ հավատում, որ նա չկա: Ի՞նչ արած, կյանքը շատ անողոք է. նա երբեք չի թողնում, որ մարդիկ ուրախանան մինչև վերջ, և միգուցե դրա մեջ է կյանքի փիլիսոփայությունը, որ եթե չլինեն ծանր, վշտալի օրերը, ապա ուրախ օրերը երբեք չեն ընկալվի այնպես, ինչպես մենք ենք հասկանում:

Էդ ջան,

Ես գիտեմ, թե դու ինչպես ես տանջվել, թե ինչ տրագեդիա ես ապրել. պարզ է, իսկական մարդու համար ուրիշ կերպ լինել չէր կարող: Ինչ արած, ամեն անգամ ստիպված հաշտվում ենք այն մտքի հետ, որ մեր բոլորի վերջը նույնն է, բայց թե օրերը գնում են, և մարդը, զբաղված լինելով իր աշխատանքով և կյանքի հազարումեկ ծանրաբեռնվածությամբ, շատ հազվագյուտ դեպքում է իրեն հաշիվ տալիս այդ բոլորի մասին:

Էդ ջան,

Ամեն օր մենք հիշում ենք քո մասին այստեղ. մեր, այսպես ասած, դելիգացիան [*պատվիրակությունը*] համարյա անտեր է. Տիգրանովը [*Գեորգի, երաժշտագետ*] մինչև օրս չեկավ, սպասում էինք Եղիազարյանին [*Գրիգոր, կոմպոզիտոր, ԵՊԿ ռեկտոր*], նա էլ չեկավ: Մի խոսքով, Պրավլենիի [*Վարչություն*] անդամներից միայն Առնոն է այստեղ: Վրացիք եկել են ծանր արտիլերիայով [*հրետանի*]: Բայց թե մեզ համար շատ հուզվելու բան չկա, որովհետև մեր բոլորիս գործերը, ինչպես գիտես, ուժեղ են:

Ամսի 4-ին համերգը անցավ շատ և շատ լավ, ուղղակի ահագին ժամանակ ծափահարում էին: Պետք է ասեմ, որ մինչև օրս, չնայած որ Շչեդրինի [*Ռոդիոն*] սիմֆոնիան էլ երեկ նվագեցին, ոչ ոքի այնպես չեն ընդունել, ինչպես ինձ [*կատարվել է Առաջին սիմֆոնիան*]. ուղղակի չտեսնված էր:

Առաջին հերթին բոլոր կոմպոզիտորները այնտեղ էին՝ սկսած Շոստակովիչից, Խաչատուրյանից և այլն: Բոլորը ինձ շնորհավորեցին: Իհա՛րկե, ինձ համար ամենաթանկը Դմիտրի Դմիտրիևիչի [*Շոստակովիչ*] խոսքն էր: Նա մոտեցավ ինձ, թե՝ «Ցանկանում եմ երկար և շատ երկար կյանք, շնորհակալություն սքանչելի երաժշտության համար, քո սիմֆոնիան ներկայիս ամենից աչքի ընկնող գործերից է»:

Համարյա նույն միտքը հայտնեց Արամ Իլյիչը՝ միայն ավելացնելով, որ վերջին ժամանակներս, եթե չհաշվենք Շոստակովիչի 10 և 11-րդ սիմֆոնիաները, համաշխարհային գրականության մեջ չկա, ինքը չի լսել այդպիսի գործ:

Էդ ջան,

Իհա՛րկե, մի քիչ ծիծաղելի է այդ բոլորին հավատալը, նամանավանդ, որ ես ինքս գիտեմ, թե ինչ արժեք ունի իմ գործը, բայց այդպիսի մեծ մարդկանց խոսքերը, որոնք ասվեցին ամենաազնիվ կերպով, ինձ համար ունեն շատ մեծ նշանակություն: Էլ չեմ ասում, որ այստեղ մի չտեսնված ղալմաղալ է [*իրարանցում*] իմ սիմֆոնիայի շուրջը: Շատ և շատ ցավում եմ, որ դու այստեղ չէիր...

Այսու օրը Արամ Իլյիչը ինձ և Օհանին [*Դուրյան, դիրիժոր*] կանչեց իրենց տուն, և մոտ մի չորս ժամ խոսեցինք, տվեց բավական լավ խորհուրդներ: Ի միջի այլոց, ծիծաղես, «իմանալով, որ Կոտիկի [*Ա. Հարությունյան*] սիմֆոնիան ներկայացրել են Լենինյան պրեմիայի [*մրցանակի*], ասաց, որ ես գտնում եմ, որ քո գործը ոչ մի բանով պակաս չէ», և այլն: Քեզ, իհա՛րկե, ես ասացի, որ ծիծաղես, որովհետև իմ համար դա բավականին ծիծաղելի է:

В классе В. Португалова

Զավեն Վևոնդիչը [*Վարդանյան, Արվեստի վարչության պետ*] ասաց ինձ, որ ինքը Շահինյանի [*Մշակույթի նախարար*] հետ կխոսի, իսկ Արամ Իլյիչն էլ, թե՝ «Ես էլ Թովմասյանին [*Սուրեն, ՀԿԿ I քարտուղար*] կասեմ թոշակների հարցով՝ այստեղ կատարելագործվելու համար»: Ես իրենց ասացի այդ մասին: Ինձ Կոտիկը [*Օրբելյան*] ասել էր, որ դու այդ միտքը հայտնել ես, և ես օգտվեցի առիթից՝ խոսելու մեր երկուսի համար:

Է՛դ ջան,

Իհարկե, շատ դժվար է հիմա բոլորը քեզ պատմել, միայն ես շատ հուզվեցի, որ Ասյան [*կինը*] ինձ ասաց, որ դու մոտ երկու ժամ պրիյոմնիկով [*ռադիո*] փնտրել ես և վերջը գտել սիմֆոնիան: Իմ աչքերին ուղղակի արտասուք եկավ:

Է՛դ ջան,

Համբուրում եմ քեզ ամենաջերմ զգանցմունքներով

Ջիվան <...>

06.12.1958, Москва
(перевод Л. Епремян)

Эдик джан...

Очень нелегко мне писать тебе это письмо, у меня вообще нет никаких способностей к письму или слову, мне почти никогда не удается передать словами свои чувства. Я только скажу, что все мы, узнав о безвременной кончине Михаила Ивановича /*Мирзаян*/, были просто потрясены. Я до сих пор не могу смириться с мыслью, что, когда приеду в Ереван и поднимусь к вам, больше не встречу Михаила Ивановича, не услышу его остроумной речи. Просто не верится, что его больше нет. Что поделаешь, жизнь очень жестокая штука, она никогда не позволяет людям радоваться до конца, и, может быть, именно в этом и состоит философия жизни: если не будет тяжелых, горестных дней, то и веселье никогда не будет восприниматься так, как мы его понимаем. Эд джан, я знаю, какую трагедию ты пережил. Ясно – для такого человека, как ты, иначе и быть не могло. Что нам остается – каждый раз приходится мириться с мыслью, что нас всех ждет одно и то же. Но дни проходят, и человек, по горло занятый своими каждодневными заботами, крайне редко отдает себе в этом отчет.

Эд джан, мы здесь каждый день вспоминаем о тебе. Наша так называемая делегация практически брошена на произвол судьбы. Тигранова /*Георгий, музыковед*/ до сих пор нет, ждали Егиазаряна /*Григор, композитор, ректор ЕГК*/ – он тоже не приехал, короче говоря, из членов Правления здесь только Арно. Грузины прибыли с тяжелой артиллерией. Но нам особенно волноваться незачем, потому что, как ты знаешь, у всех у нас сильные сочинения.

Концерт 4 числа прошел очень и очень хорошо, зал довольно долго аплодировал. Должен признаться, что до сегодняшнего дня, несмотря на то, что вчера сыграли и Щедрина /*Родион*/, никого так

не принимали, как меня /*исполнялась Первая симфония*/, было просто потрясающе.

Во-первых, там присутствовали все композиторы, начиная от Шостаковича, Хачатуряна и т.д. Все меня поздравляли, конечно, самыми важными для меня были слова Дмитрия Дмитриевича /*Шостакович*/. Он подошел ко мне: “Желаю тебе долгой, очень долгой жизни, спасибо за прекрасную музыку, твоя Симфония – одно из выдающихся сочинений современности”.

Арам Ильич /*Хачатурян*/ сказал почти то же самое, только прибавил, что за последнее время, если не считать 10 и 11 симфоний Шостаковича, в мировой музыке ему не известны сочинения такого уровня.

Эд джан, смешно, конечно, верить во все это, особенно потому, что я сам отлично знаю цену своему произведению, но слова таких великих людей, которые были сказаны совершенно искренне, для меня очень много значат. Уже не говоря о том, что вокруг моей Симфонии здесь поднялся большой шум. Очень и очень жаль, что тебя здесь нет...

На следующий день Арам Ильич пригласил меня и Огана /*Дурян, дирижер*/ к себе домой, и мы проговорили около четырех часов, он дал ценные советы. Между прочим, только не смейся, он сказал: “Зная, что Симфония Котика /*А. Арутюняна*/ представлена к Ленинской премии, я считаю, что твое сочинение ему ничем не уступает”, и т.д. Я предупредил тебя, чтобы ты не смеялся, потому что для меня это довольно смешно.

Завен Гевондович /*Вартанян, начальник Управления по делам искусств*/ сказал мне, что он поговорит с Шаиняном /*Андраник, министр культуры*/. Арам Ильич: “Я тоже скажу Товмасяну /*Сурен, I секретарь ЦК КПА*/ по поводу стипендий для стажеров в Москве”. И я, пользуясь случаем, сказал ему о твоей идее по поводу нас обоих, о которой говорил мне Котик /*Орбелян, композитор*/.

Эд джан, конечно, трудно сейчас обо всем рассказать. Я был очень тронут, когда Ася /*жена*/ мне сказала, что ты около двух часов по приемнику искал и таки нашел мою Симфонию. Я даже прослезился.

Эд джан, крепко целую тебя

Дживан <...>

11.09.1959, Ռուզա

Էդի՛կ ջան,

Չեմ ուզում քեզ երկար անհանգստացնեմ, միայն ուզում եմ ասել որոշ չափով իմ գործերի մասին:

Վերջացրեցի [*Երկրորդ սիմֆոնիայի*] II մասը, շատ չարչարվեցի, համարյա երեք վարիանտ [*տարբերակ*] ունեմ: Վերջապես, այդ մասի մեջքը, ինչպես դու ես ասում, ջարդեցի, և ինձ թվում է, որ հիմա վատ չէ: Թեման և թեմայի զարգացումը համարյա նույնն եմ թողել՝ որոշ մանր փոփոխություններով: Իսկ երկրորդ թեման ինձ շատ չար-

չարեց, ինչպես գիտես, ֆուգա է, ուղղակի հոգիս դուրս եկավ մինչև գրեցի: Օրվա մեջ մի քանի անգամ նորից արտագրում և փոփոխությունների եմ ենթարկում:

III մասը համարյա դուրս է եկել. մի քանի օր ևս, և կավարտեմ: Բավական հետաքրքիր ստացվեց, տեսնենք, թե ինչպես կլինի: Կարևորն այն է, որ, ինչպես I սիմֆոնիայում, հիմա նույնպես ապրում եմ այդ գործով:

Վերջնականապես որոշեցի I մասը, “Пролог”-ը [«*Նախաբան*»] փոխել եմ: Անչափ զգացվում է միջին մասի բացակայությունը, հիմա դրա վրա եմ աշխատում, և պատկերացրու, որ վերջը (հոբոյի սոլոն) հիմա բոլորովին ուրիշ տեսակ է հնչում:

IV-V մասերին դեռ ձեռք չեմ տվել, իմ կազմած պլանով մինչև հոկտեմբերի 20-ը կավարտեմ:

Եղա Մոսկվայում, ասացին, որ պլենումը հետաձգում են մինչև դեկտեմբերի երկրորդ կեսը: Ավելի լավ. կհասցնեմ, և դեռ, միգուցե, հաջողվի Երևանում նվագել, որը, իհարկե, շատ լավ կլինի: Սիմֆոնիաս [*Առաջին*] այս քանի օրը լույս կտեսնի, արդեն սպասում են սիգնալին [*փորձնական օրինակ*]:

Արտասահմանյան կոմիսիայում ինձ ասացին, որ Ստոկովսկին [*Լեոպոլդ, դիրիժոր*] է ուզել, և էլի մի քանի տեղերից: Շատ ուրախալի է, ուղղակի անհարմար էր հարցնելը: Մի խոսքով, ամեն ինչ լավ է, միայն խնդրում եմ, որ հանկարծ եթե գալու լինես, ինձ մի կերպ իմացրու. ուզում եմ քեզ անպայման ցույց տամ. ով գիտի, կարող է հանկարծ այնպես դասավորվի, որ Երևան չգամ մինչև դեկտեմբեր: Երեկ համերգում տեսա Դրուժինինային ռադիոյից: Նա ասաց, որ պլանավորել են նվագելու այս նոր սիմֆոնիաս, և թե կարող է պլանով նոյեմբերին ընկնի: Եթե այդպես ստացվի, ուրեմն ստիպված կմնամ (իհարկե, ուրախությամբ): Բողոքեցի պլաստինկաների [*ձայնապնակ*] որակի մասին, և այլն: Կարևորն այն է, որ առանց քեզ ցույց տալու չեմ ուզում դեռ դրանցից որևէ մեկին ցույց տամ:

Շատ ափսոսում եմ, որ դու հնարավորություն չունեցար լսելու Նյու Յորքի օրկեստրը: Ես նոր հասկացա, թե ինչ է նշանակում իսկական օրկեստր՝ մաքրություն, կատարում: Լսեցի 3 համերգ: Առանձնապես պետք է ասեմ Շոստակովիչի V սիմֆոնիայի մասին: Դա մի հրաշք էր. ոնց որ լսես մի նոր ստեղծագործություն: Այնպես կատարեցին, որ դահլիճը ապշած էր, իսկ հետո մոտ կես ժամ ծափահարում էին: Ցավոք սրտի, մեր մոտ, դժբախտաբար, լավ կատարումները հազվագյուտ են (Երևանում):

Էդիկ ջան, մի խնդիրք ևս քեզ ունեմ՝ օգնես Մարտին Ներսեսյանին [*դիրիժոր*]: Իհա՛րկե, ինձ ներիր այդ գործին խառնվելու համար, բայց բանն այն է, որ ես ուղղակի չեմ կարող դրա կողքով անցնեմ: Նա մեզ շատ և շատ պետք է՝ ոչ միայն իբրև դիրիժոր, այլև իբրև տաղանդավոր կազմակերպիչ: Կոտիկի [*Ա. Հարությունյան, Հայֆիլհարմոնիայի գեղարվեստական ղեկավար*] հետ մի հատ խոսիր, միգուցե մի բան դուրս գա: Նա համաձայն է, որ մինչև Մալունցյանի [*Միքայել, դիրիժոր*]

աշխատանքի անցնելը աշխատի: Ասում է, թե՝ «Երբ նա գա, ես դուրս կգամ»: Իհարկե, ես մի քանի օր առաջ իրեն տեսա և պետք է նամակը գրած լինեի, բայց գործով տարված՝ նույնիսկ տուն նամակ չեմ գրել: Սկզբից ուզում էի անձամբ Կոտիկին գրել, բայց հետո ինձ թվաց, որ ավելի հարմար է քեզ գրեմ: Կոտիկին ասա, որ իր պարտիտուրան հանձնեցի հրատարակչություն: <...> Բարևիր ձերոնց և տղաներին:

Համբույրներով՝ ***Ջոնիկ***

11.09.1959, Руза
(перевод Л. Епремян)
Эдик джан...

Не хочу тебя долго беспокоить, только немного расскажу о своих делах.

Я закончил II часть /*II симфонии*/, измучился, у меня есть почти 3 варианта: наконец, как ты говоришь, “хребет сломан” /*букв. – одолеть больше половины пути, дела*/, и мне кажется, что получилось неплохо. Тему и ее развитие почти не трогал, есть небольшие изменения. Зато со второй темой просто измучился, как ты знаешь, это фуга – буквально выдохся, пока написал. В день по нескольку раз снова переписываю и переделываю.

III часть почти готова – еще пару дней, и закончу, получилось довольно интересно, посмотрим, что будет. Главное, что, как и в период I симфонии, я живу этой музыкой.

Окончательно решил все с I частью. “Пролог” изменил. Чувствуется необходимость в среднем разделе, сейчас работаю над этим, и представь, что конец (соло гобоя) звучит теперь совершенно иначе.

IV-V части я пока не трогал, по составленному мной плану, к 20-му октября должен завершить.

Был в Москве, сказали, что пленум откладывается до второй половины декабря. Еще лучше – успею и еще, возможно, удастся отыграть в Ереване, что было бы, конечно, очень хорошо. Симфония /*Первая*/ на днях выйдет из печати, уже ждут сигнального экземпляра.

В зарубежной комиссии мне сказали, что Стоковский /*Леопольд, дирижер*/ просил мою Симфонию и были еще заявки из разных стран, – просто неудобно было спросить. Словом, все хорошо, только, пожалуйста, если вдруг соберешься приехать, как-нибудь дай знать: хочу тебе обязательно показать рукопись – кто знает, может, так сложится, что до декабря меня не будет в Ереване. Вчера на концерте встретил Дружинину из радио, она сказала, что запланировано исполнение моей новой Симфонии – возможно, в ноябре. Если это получится, я вынужден буду остаться (конечно, с радостью). Я пожаловался на качество грампластинок и т.д. Главное – без того, чтобы с тобой посоветоваться, никому из них Симфонию не хочу показывать.

Очень жаль, что ты не имел возможности послушать Нью-Йоркский оркестр. Я только теперь понял, что такое настоящий оркестр

– чистота, уровень исполнения. Был на трех концертах, отдельно должен сказать о Пятой симфонии Шостаковича. Это было какое-то чудо, будто слышишь совершенно новое произведение. Так сыграли, что зал был потрясен, аплодировали около получаса.

В Ереване, к сожалению, хорошее исполнение – редкость.

Эдик джан, у меня еще одна просьба – помоги Мартыну Нерсесяну /*дирижер*/. Извини, конечно, что вмешиваюсь, но дело в том, что просто не могу оставаться равнодушным. Он нам очень и очень нужен, не только как дирижер, но и как талантливый организатор. Поговори с Котиком /*А. Арутюнян, худрук Армфилармонии*/, может, что и выйдет. Он готов работать до прихода Малунциана /*Микаэл, дирижер*/, говорит: “Когда он придет, я выйду”. Я встретил его несколько дней назад, должен был сразу написать, но, занятый делом, даже домой не писал. Сначала хотел обратиться к Котику, но потом мне показалось, что удобнее – к тебе. Передай Котику, что его партитуру я сдал в издательство. <...> Привет вашим и ребятам.

Целую ***Джон***

31.03.1960, Ռուզա

Էդի՛կ ջան,

Ինչպես դու հիշում ես, ես վերադարձա Ռուզա ամսի 11-ի առավոտյան: Սկսած ամսի 14-ից մինչև օրս ես հիվանդ եմ: Սկզբից մի թեթև մրսել էի ու անգինա [*էի*], որից հետո վեր կացա, բայց ուղիղ 2 օրից նորից պառկեցի, և այսօր առաջին օրն է, որ ոտքի վրա եմ:

Բանը նրանում է, որ աշնան անքուն գիշերները, սկսած սեպտեմբերի 1-ից մինչև հունվարի 23-ը, կապված [*երկրորդ*] սիմֆոնիայի հետ, լավ է, որ դու հիշում ես, թե օրական ինչպես մի 20 ժամ աշխատում էի, որից հետո պլենումը իր ներվերով ինձ, երևում է, բոլորովին շարքից հանեց, և հիմա այդ բոլորը կաշվիցս դուրս է գալիս:

Ինչ խոսք, որ պոեման [*«Չարենցի հիշատակին»*] ես չկարողացա վերջացնել և գրել եմ շատ քիչ: Դե պարզ է, եթե 20 օրից 16-ը լինես հիվանդ, ապա ինչ կլինի գործդ: Այսօր Ակսյուկին [*ԿՄ քարտուղար, նախագահի տեղակալ*] նամակ գրեցի, որտեղ նշեցի, որ հիվանդության պատճառով չեմ կարող վերջացնել գործը: Լավ է, որ Զավենից [*Վարդանյան, Արվեստի վարչության պետ*] ավանս [*կանխավճար*] ես չեմ ստացել, թե չէ դա էլ մի գործ կլիներ ինձ համար: Ինձ թվում է, որ այդպես ամսի 15-ից 20-ը կգամ և կպատմեմ մանրամասն որոշ նորություններ:

Կարևորն այն է, որ Շոստակովիչը մի երկու օրով եկավ այստեղ: Եկել էր Լեբեդինսկու [*Լեվ, երաժշտագետ*] մոտ: Նա խորհուրդ տվեց, որ Միրզոյանին ասենք՝ հիմա ոչ մի կոնտր քայլ չանի. ժամանակը չէ, պետք է սպասել: Ինձ թվում է, որ նա ճիշտ է, քանի որ ունի բավական փորձ այդ “пресловутый” գործում:

Էդ ջան,

Բարևիր Լյալյային, ձերոնց, Բաբկենին [*Սոսյան*] և այլն:

Համբույրներով՝ ***Ջոն***

31.03.1960, Руза
(перевод Л. Епремян)

Эдик джан...

Если ты помнишь, я вернулся в Рузу утром 11-го февраля и, начиная с 14-го по сегодняшний день, болею, сначала был чуть-чуть простужен, и началась ангина, не успел оправиться, как ровно через два дня снова слег, и сегодня первый день, как я на ногах.

Сказываются бессонные ночи с 1 сентября до 23 января, связанные с работой над симфонией /*Второй*/. Ты, конечно, помнишь, как я работал по 20 часов в день. После всего этого нервотрепка с пленумом меня, видимо, окончательно доконала, и теперь за все это я расплачиваюсь собственной шкурой.

Что и говорить, поэму /*“Памяти Чаренца”*/ я, конечно, не то что не закончил, а написал еще очень мало. Понятно, что если из 20 дней 16 проболеть, что станет с делами. Сегодня послал письмо Аксюку /*Сергей, секретарь СК, зампред СК СССР* / с объяснениями о том, что из-за болезни не смог написать произведение. Хорошо, что от Завена /*Вартанян, начальник Управления по делам искусств*/ гонорара не получил, а то была бы еще одна головная боль. Мне кажется, где-то от 15 до 20-го я вернусь. И подробно расскажу кое-какие новости.

Самое главное: на пару дней сюда приезжал Шостакович, приезжал к Лебединскому /*Лев, музыковед*/. Он посоветовал: “Передайте Мирзояну, чтобы не предпринимал никаких контрмер, сейчас не время – надо подождать”. Мне кажется, он прав, поскольку имеет достаточный опыт в этом “пресловутом” деле.

Эд джан, передай привет Ляле, вашим, Бабкену и т.д.

Целую ***Джон***

28.11.1960, Մոսկվա

Էդի՛կ ջան,

<...>

Այս չորս ամիսների ընթացքում ես, իհարկե, գլուխ չեմ պահել, այլ աշխատել եմ, ոչ այնպես, ինչպես ես կարող եմ՝ օրական 20 ժ., այլ՝ ավելի հանգիստ, չշտապելով:

Բալետի գործերից դեռ վերջնականապես ոչինչ չի դուրս եկել, այդ տղան [*խորեոգրաֆ*] դեռ մի ակտ է պատրաստել, որովհետև լիբրետոն շատ տափակ էր: Ստիպված հազար ու մի բաներ ենք մտածում լրացնելու համար, և որ ամենակարևորն է, այս ամիսների ընթացքում ծանոթանալով մի շարք գործերի հետ՝ ես եկա լրիվ և վերջնականապես այն եզրակացության, որ մինչև լիբրետոն չլինի լրիվ բավարար, ոչ մի միտք չունի դրա վրա չարչարվել. մեկ է, կարող է բեմադրեն, բայց ինչքան էլ որ լավ երաժշտություն գրես, կյանք չի ունենա: Միգուցե երաժշտությունը անկախ արժանի է ապրելու: Ես քեզ չեմ ուզում բերել օրինակներ. դու ինքդ ինձնից լավ գիտես այդ բոլորը, երբ թույլ

երաժշտությամբ բալետները ապրում են՝ «Բախչիսարայի շատրվան», «Օթելլո» և այլն: Իսկ «Գայանե»-ի նման երաժշտությունը ապրում է առանձին. բալետ չկա:

Մի խոսքով, ես I գործողության համար հնարել եմ բավական երաժշտություն, նույնիսկ մտածում էի պատրաստել սյուիտա, բայց գտա, որ ոչ մի միտք չունի: Դեռ պետք է սպասել. տեսնենք թե լիբրետոյից ինչ դուրս կգա վերջնականապես:

Մոտավորապես գլխիս մեջ պատրաստ է II լարային կվարտետը: Դա կլինի երկու մասից՝ I մասը իմպրովիզացիոն, լիրիկո դրամատիկական Adagio, II մասը՝ տոնատային ալլեգրո՝ բուռն տեմպով (напористая):

Վերջնականապես լուծվեց III սիմֆոնիայի հարցը, որը կկոչվի «Պոետիկական»: Նվիրում եմ Մարտիրոս Սարյանին: Աշխատել եմ գտնել Մարտիրոս Սերգեյիչին մոտ կերպարներ: Իհարկե, չծիծաղես, դա բավական բարդ էր ինձ համար, որը «Լիրիկական պոեմայից» բացի՝ այսպես կոչված պայծառ երաժշտություն չէր գրել: Ինձ թվում է, որ սիմֆոնիան այն դրության մեջ է, որ մի 2-2,5 ամիս լավ աշխատանքից հետո կլինի պատրաստ, բայց հիմա այս ֆիլմի [*«Երկու կյանք»*] կապակցությամբ աշխատանքը դադարեցրել եմ: Սիմֆոնիան կլինի 3 մասից, ինչպես դու ես ասում, ճաճանչափայլ լիրիկական ֆինալով (բնության գովերգում): Հիմնականում այս մտքերն են, որոնցով ես զբաղվել եմ այս վերջին ամիսները: Ճիշտ է, «Պոետի-կական» սիմֆոնիայի մասին ես դեռ մտածում էի անցյալ տարի, երբ դեռ չէի վերջացրել II սիմֆոնիան, բայց թե մինչև գտա մոտավորա-պես լուծումը, բավական ժամանակ անցավ:

Ի միջի այլոց, II սիմֆոնիայի մասին: Այստեղ [*ՍՍՀՄ Կոմպոզիտորների միությունում*] արտասահմանյան կոմիսիայում ինձ Նինա Բրադյասկայա [*երաժշտագետ*] ասաց՝ բավական նամակներ են ստանում, որոնք պահանջում են II սիմֆոնիան, բայց թե Ակսյուկը [*Սերգեյ, ՍՍՀՄ ԿՄ նախագահի տեղակալ, կոմպոզիտոր*] շատ նեղն ընկած դրության մեջ ասաց, որ ինքը շատ լավ գիտի դրա մասին. կարդացել է նամակները, բայց թող Մռավինսկին [*Եվգենի, դիրիժոր*] կատարի՝ նոր:

Հարցը նրանում է, որ, դու ինչպես հիշում ես, II սիմֆոնիան մտցրած էր [*19*]60 թ. տպագրության պլանի մեջ, հետո փոխեցին [*19*]61 թ., իսկ հիմա (ես մի քանի օր առաջ հրատարակչությունում էի) ինձ Գալյան [*«Սովետսկի կոմպոզիտոր» հրատարակչության աշխատակից*] ասաց, որ հասել են տպագրությունից: Ես պետք է անպայման խոսեմ Ակսյուկի կամ Խրեննիկովի [*ԿՄ նախագահ*] հետ: Խնդրում եմ ասես քո կարծիքը: Լեվիտինը [*Յուրի, կոմպոզիտոր*] ինձ ասաց, որ երբ Մռավինսկին գաստրոլներից [*հյուրախաղեր*] գա, ես պետք է անպայման գնամ Լենինգրադ: Իհա՛րկե, դա հարցը չի որոշում. հարցը նրանում է, որ եթե չի տպվելու, ապա դեռ պետք է տարիներ սպասել:

Երևի գիտես, որ Սատանովսկին [*Ռոբերտ, լեհ դիրիժոր*] նոյեմբերի 17-ին I սիմֆոնիան նվագեց Գերմանիայում, իսկ չեխերը ինձ ասացին, որ դեկտեմբերի 15-ին (արդեն կան աֆիշաները)

կատարում են Պրագայում՝ Պրագայի սիմֆոնիկ օրկեստրի կատարմամբ՝ դիրիժորը ինչ-որ Գուտիչ թե Գաուիչ, լավ չեմ հիշում: Ակսյուկը ինձ ասաց, որ Ալան Բուշը [*անգլիացի կոմպոզիտոր, դիրիժոր*] շատ է հավանել I սիմֆոնիան և իմ հետ ուզում է ծանոթանալ, և այլն:

Հիմա աշխատում եմ ֆիլմի վրա, դա շատ բարդ նկար է կոմպոզիտորի համար: Երկու սերիանոց, որը արդեն համարյա թե պատրաստ է: Կոչվում է «Երկու կյանք» կամ թե չէ «Փետրվարից մինչև հոկտեմբեր»: Ռևոլյուցիայի մասին է՝ սկսած բուրժուական հեղափոխությունից մինչև հոկտեմբերյանը, որտեղ չկա ոչ մի կռիվ: Ֆիլմի հիմնական միտքը 2 անձնավորությունների կյանքն է՝ փսիխոլոգիական [*հոգեբանական*] մոտեցմամբ: Մի շատ դժվար կտոր կա՝ մոտավորապես 7 րոպե չափով: Դա Լենինի Ռուսաստան գալն է ապրիլին, ֆինլանդական կայարանում: Մոտ մի 15.000 հոգանոց մասովկա է, որտեղ Լենինը բրոնևիկի [*զրահամեքենա*] վրայից ճառ է ասում: Ռեժիսորը [*Լեոնիդ Լուկով*], նկատի ունենալով այն, որ Լենինի այդ ճառի տեքստը ընդհանրապես չի պահպանվել, և որ միտքը միայն մնացել է ականատեսների հիշողության մեջ, գտել է հետաքրքիր լուծում: Այդ հոծ բազմության մեջ Լենինի ձայնը բոլորովին չի լսվում, միայն նա երևում է հեռվից՝ բրոնևիկի վրա, շարժումներով, խոսում է առանց ձայնի: Այստեղ ճառի միտքը հասկացվում է միմիայն ամբոխի ռեակցիայով, <...> մեկը մեկին հարցնում է, թե ինչ ասաց, ինչի մասին խոսեց: Այդ ամբողջ ճառը պետք է լինի երաժշտությամբ: Ես արդեն համարյա թե գտել եմ կերպարը, ուզում եմ գրել մոտավորապես վագներյան տիպի (ораторская) երաժշտություն, որտեղ օգտագործելու եմ ժողովրդական երգ և «Ինտերնացիոնալ»-ի ինտոնացիաներից: Մի խոսքով, շատ հետաքրքիր է: Տեսնենք թե տակից ինչպես դուրս կգանք:

Էդի՛կ ջան,

Ես բոլորովին կտրվել եմ Երևանի կյանքից, չգիտեմ թե ինչ է կատարվում, ինչ նորություններ կան: Շատ եմ խնդրում, եթե կունենաս ժամանակ, մի երկու տող գրիր՝ ինչպես են քո գործերը, սիմֆոնիան գրում ես թե ոչ, ինչու 40 ամյակը [*Խորհրդային Հայաստանի*] անընդհատ հետաձգում են, և այլն: Բարևիր Լյալյային և ձերոնց: Իմ կողմից Բաբկեն Միխայլովիչին [*Սույան*], Ֆրեդին [*Տերտերյան*], Կոտիկին [*Օրբելյան*], մի խոսքով՝ բոլորին-բոլորին: Ճիշտն ասած, նամակ գրելու մեջ ծույլ եմ, թե չէ կգրեի բոլորին:

Համբույրներով՝ ***Ջոն***

20.11.1960, Москва
(перевод Л. Епремян)

Эдик джан...

<...> Эти четыре месяца я, конечно, не сидел без дела, а работал, не так, как умею – по 20 часов в сутки, но более спокойно, не спеша.

С балетом пока окончательной ясности нет, этот парень /*хореограф*/ подготовил еще только один акт, потому что либретто оказа-

лось очень тупым, пришлось вносить тысячу поправок, чтобы восполнить сюжет, и что самое главное – ознакомившись за последние месяцы с рядом сочинений этого жанра, я пришел к твердому решению, что пока либретто не устроит окончательно, работать над балетом нет никакого смысла. Все равно, даже если поставят и ты напишешь очень удачную музыку, с плохим либретто балет не будет иметь счастливой сценической жизни. Возможно, музыка будет существовать отдельно, если, конечно, она этого заслуживает. Тебе лучше меня известны примеры, когда балеты со слабой музыкой живут – "Бахчисарайский фонтан", "Отелло" и т.д. А музыка к "Гаянэ" живет самостоятельно – балета нет.

Словом, к I действию я сочинил приличное количество музыки, думал даже составить сюиту, но потом нашел, что не имеет никакого смысла. Пока надо подождать, посмотрим, что получится с либретто.

В моей голове окончательно готов II струнный квартет. Он будет состоять из 2-х частей: I – импровизационное, лирико-драматическое Адажио, II – сонатное Аллегро, в быстром темпе, напористое.

Окончательно решился вопрос III симфонии, которая будет называться "Поэтическая". Посвящаю ее Мартиросу Сарьяну, постарался найти близкие к его творчеству образы. Ты, конечно, будешь смеяться – для меня это было довольно сложно, ведь кроме "Лирической поэмы", у меня нет так называемой светлой музыки. Мне кажется, если хорошо поработать, за 2-2,5 месяца симфонию можно будет закончить. Но сейчас, в связи с работой над фильмом, я прервал над ней работу. Симфония будет состоять из трех частей, как ты говоришь, с ճաճանչափայլ (блестящим) лирическим финалом (ода природе). Вот, в основном, эти мысли занимали меня в последние месяцы, правда, о "Поэтической симфонии" я думал уже в прошлом году, когда еще не закончил II симфонию, но понадобилось много времени, пока нашел предварительное решение.

Кстати, о II симфонии. Здесь /*в СК СССР*/, в комиссии по зарубежным связям, Нина Брадянская /*музыковед*/ сказала мне, что они получают довольно большое количество писем с просьбой выслать им партитуру II симфонии. Аксюк /*Сергей, зампред председателя СК*/, вынужденный признать, что знает об этом, письма эти видел, считает, что пусть сначала симфонию сыграет Мравинский /*Евгений, дирижер*/, а уже потом ноты вышлют за границу. Дело в том, что, если ты помнишь, II симфония была включена в издательский план 1960 года, потом была перенесена на 1961-й, а теперь (пару дней назад я заходил в издательство) я узнал от Гали /*сотрудница издательства "Советский композитор"*/, что из плана 1961 года симфония опять изъята. Я должен обязательно поговорить с Аксюком или Хренниковым, пожалуйста, сообщи свое мнение на этот счет. Левитин /*Юрий, композитор*/ мне сказал, что как только Мравинский вернется с гастролей, я должен обязательно к нему поехать. Конечно, это ничего не решает, вся проблема в том, что, если симфония сейчас не будет издана, придется ждать годами.

Ты, наверное, в курсе, что Сатановский /*Роберт, польский дирижер*/ 17 ноября играл мою I симфонию в Германии, а чехи мне сообщили, что уже есть афиши на 15 декабря в Праге, дирижер то ли Гурич, то ли Гарич – не помню. Аксюк мне сказал, что Алану Бушу /*английский композитор и дирижер*/ очень понравилась I симфония, что он хочет познакомиться со мной, и т.д.

Сейчас работаю над фильмом, это очень сложная задача для композитора. Двухсерийный фильм уже почти готов. Называется "Две жизни" или "С февраля до Октября" – о революции, от буржуазной до Октябрьской, но в ней нет никаких военных сцен. В основе фильма – жизнь двоих, рассмотренная психологически. Есть один невероятно трудный кусок продолжительностью примерно в 7 минут – эпизод прибытия Ленина в Россию в апреле на Финляндском вокзале. Примерно 15-тысячная массовка, где Ленин выступает на броневике. Поскольку текст его речи не сохранился, и очевидцы помнят только ее основные положения, режиссер /*Леонид Луков*/ нашел интересное решение. При таком столпотворении голос Ленина вообще не слышен, он только издали виден стоящим на броневике, говорит жестикулируя, но бесшумно. О содержании речи можно судить по реакции толпы: люди переспрашивают друг друга, что он сказал, и т.д. Весь этот кусок должен сопровождаться музыкой, я уже почти нашел образ: хочу написать музыку примерно в стиле Вагнера, ораторскую, где будут использованы народная песня и интонации "Интернационала". Короче говоря, очень интересно, посмотрим, как удастся выйти из положения.

Эдик джан, я совсем "выпал" из ереванской жизни, не знаю, как вы там, какие новости. Очень прошу, если найдешь время, черкни пару строчек о том, как твои дела, работаешь ли над симфонией, почему все время откладывают 40-летие /*праздничные мероприятия к юбилею советизации Армении*/, и т.д. Передай привет вашим и Ляле. Бабкену Михайловичу /*Сосян*/, Фреду /*Тертерян*/, Котику /*Орбелян*/, короче говоря, всем-всем. Откровенно говоря, я ленюсь писать письма, а то бы написал им всем сам.

Целую ***Джон***

20.12.1960, Москва
(оригинал на русском языке)

Эдик, дорогой!

<...> Как у тебя дела, что делаешь, в каком состоянии симфония? Хоть немножко напиши, чтоб я знал, ведь все это меня очень волнует. Скоро съезд, и твоя симфония должна быть обязательно готова. Ты это должен сделать любой ценой, уже больше нельзя терпеть то

отношение, которое свойственно тебе: для всех, но ничего для себя. Ведь ты отлично знаешь это, ведь когда ты остаешься один, себе всегда отдаешь отчет. Кому-кому, но тебе это непростительно, твой талант, мастерство даром пропадают. Это может быть многим на руку, но меня, ты сам знаешь, этот вопрос всегда волновал и волнует. Ради нашего армянского искусства, ради нашей музыки такой человек, как ты, не имеет права молчать, это непростительно, уже об этом нельзя не говорить. Ты меня прости, что я так пишу, но я иначе не могу. Это не из тех вещей, о которых можно молчать.

Эдик джан, я очень и очень хочу, чтоб ты обязательно закончил бы симфонию, и не только симфонию. Посмотри рядом: здесь, да и везде, какие люди занимаются музыкой, кому не лень, пишут, спорят, да Боже упаси еще что, но с такими бороться должны настоящие композиторы, и твой долг перед собой и перед всеми – быть в первых рядах. Я убежден, что новый 1961 год будет поворотным годом в твоем творчестве.

Привет всем. Целую крепко

Дживан

29.12.1960, Մոսկվա

Էդի՛կ ջան,

Չգիտեմ թե ինչու, սրանից առաջ գրած նամակս սկսեցի ռուսերեն, և կարևորն այն է, որ կիսատ-պռատ ռուսերենով: Բայց կեսը գրել էի և շարունակեցի: Գիտես, այնքան իմ վրա այդ խոսակցությունները ազդում են, երբ համարյա ում տեսնես, հարցնում է. “Ну как дела?” [«*Գործերդ ինչպե՞ս են*»], դրանից հետո. “А как в Ереване, что делают, что пишут?” [«*Իսկ ինչ կա Երևանում, ինչ են անում, ինչ են գրում*»]: Այդ հարցին պատասխանելուց հետո անպայման հարց՝ “А как у Эдика дела, закончил он симфонию?” [«*Իսկ Էդիկի գործերն ինչպես են, սիմֆոնիան ավարտե՞ց*»]: Գիտես ինչ, երբ այդ հարցը տալիս է Վայնբերգի [*Մեչիսլավ, կոմպոզիտոր*] կամ Լեվիտինի [*Յուրի, կոմպոզիտոր*] նման մի մարդ, իհա՛րկե, օրինակի համար, ապա զգում ես, որ ուզում է միայն լավը: Իսկ երբ հարցնում է Ոսկանյանի [*Հակոբ, դիրիժոր*] կամ Օթարի [*Թաքթաքիշվիլի, կոմպոզիտոր, ՍՍՀՄ ԿՄ քարտուղար*] նման մի տիպ, ջղայնանում ես: Ինչ ասեմ, քեզ համար ամեն ինչ պարզ է:

Հիմա գրեմ որոշ գործերի մասին: Այստեղ արդեն սկսվել է մինչհամագումարային պայքարը, և բավական խորամանկ կերպով: “Советская музыка” [«*Սովետական մուզիկա*»] ամսագիրը արդեն լրիվ իրենց ձեռքին է: Այդ ապուշ Գրոշևային [*Ելենա, երաժշտագետ, գլխավոր խմբագիր*] նշանակել են այնտեղ, և համարյա թե ոչ մի միտք չի թողնում, որ անցնի:

Դե դու կկարդաս, ինչքան անպետք ստեղծագործություններ կան, գովում են և ստատյաներ [*հոդված*] գրում: Մի խոսքով, Խրեննիկովի տրիբունան է [*ամբիոն*]: “Музыкальная жизнь”-ի [*«Մուզիկալնայա ժիզն», ամսագիր*] մասին չեմ ասում: Դե Բելին [*Վիկտոր, կոմպոզիտոր, գլխավոր խմբագիր*] միշտ նրանց մարդն է եղել և մնում է: Համարյա ոչինչ չեն գրում Հայաստանի մասին, էլ չեմ ասում, որ մի երկու օր առաջ ես բավական կատաղած կերպով ասացի այդ մասին, և հիմա կտպեն Առնոյի երգը Լենինի մասին: Դա, համենայն դեպս գլուխս գովեմ, իմ ջանքերով եղավ: Թե չէ ամեն համարում մի 3-4 երգ են տպում՝ սկած Դանկևիչից [*Կոնստանտին, կոմպոզիտոր*], վերջացրած հազար ու մեկ անհայտ հեղինակներով, և ոչ մի հայկական բան: Շոստակովիչն էլ հիվանդանոցում է. նրան լավ, բավական գեղեցիկ կերպով իզալյացիա են արել [*մեկուսացրել են*]: Այնպես որ, հաղթանակը պատրաստ է:

Իսկ թե ինչ է նշանակում այսօր այդ հաղթանակը, դու լավ գիտես: Սվիրիդովի [*Գեորգի, կոմպոզիտոր*] և Կաբալևսկու [*Դմիտրի, կոմպոզիտոր*] կարիերիստական նպատակների համար ստեղծվել է մի դրություն, որտեղ ամեն մի նոր բան համարվում է ժողովրդից կտրված, Արևմուտքի ազդեցության տակ: Դե այդ երկրորդ կարիերիստը մինչև Լենինյան պրեմիա [*մրցանակ*] չստանա, չի հանգստանա: Իսկ մյուսը արդեն իրեն Շոստակովիչից վեր է համարում <...>: Կարևորն այն է, որ բարձրաձայն հայտարարում է, որ ինքը գտել է նոր, մեր իրականությանը համապատասխանող արտահայտչական ձևեր, որ հիմիկվա երաժշտությունը առանց խոսքի ոչ մի միտք չունի: Դու կզարմանաս, թե դա ինչ նոր «Ամերիկա» է. չէ՞ որ Բախը նույնպես և Բեթհովենը խոսքին մեծ դեր էին տալիս և պետք եղած դեպքում այն այնպես են օգտագործել, որ հազար Սվիրիդով դրան չի հասնի: Եվ որ կարևորն այն է, որ շատ մարդիկ դրան ոչ թե լրիվ հավատում են, այլ արել են իրենց դրոշակ: Մյուս կողմից, նա գտնում է, որ Շոստակովիչը ոչ մի նոր բան չի ասում, որ նրա սիմֆոնիզմը XIX դարի տրադիցիաների վրա է, որ այսօր սիմֆոնիկ երաժշտությամբ ոչինչ չես ասի, և այլն: Մի խոսքով...

Լիանան [*Գևոնյա, երաժշտագետ, «Սովետսկայա մուզիկա» ամսագրի բաժնի վարիչ*] իմ հետ երեկ բավական երկար խոսեց: Բանը նրանում է, որ նրան չեն կարողանում ներել իմ սիմֆոնիայի մասին ունեցած պրինցիպիալ կարծիքը: Եվ, երևի, նրան հավատացրել են, որ մեկ է, ինչ որ գրես, չենք տպի, դու չպետք է քննադատես, դու դրանով զենք ես տալիս մեր թշնամիներին, և այլն: Պատճառը այն է, որ Լիանան ոչ մի ստատյայում Խրեննիկովին չի գովում: Միակ պատճառը:

Բալասանյանի [*Սերգեյ, կոմպոզիտոր*] ստատյան, որտեղ նա գրել էր, որ ոչ մի միջինասիական կլասիկա չկա, որ Մոսկվայից մարդիկ գնալով-գալով կլասիկա չի ստեղծվի, մի միտք, որը ես համարում եմ լրիվ ճիշտ: Միգուցե ես սխալ եմ հասկանում. համարեցին սխալ և ժուռնալը [*ամսագիր*] կանգնեցրեցին և ստատյան հանեցին:

Իհա՛րկե, խնդրում եմ այս դեպքի մասին մարդու ոչինչ չասես. դա այստեղ գաղտնի է պահվում: Լիանան ինձ ասաց:

Այսպիսի գործեր: Վասյան [*Կուիբարսկի, Մշակույթի փոխնախարար*] մինչև օրս համարում է, Նոնային է [*Շախնազարովա, երաժշտագետ*] ասել, որ իմ II սիմֆոնիան շատ թույլ գործ է, որ այստեղ համարյա

թե ոչինչ չկա, և այլն: Որ Լիանան է մեղավոր, որ այսօր արտասահմանյան կոմիսիայում տանջալով նամակներ կան՝ այդ սիմֆոնիան պահանջելով: Վասյան ճիշտ է ասում. իհարկե, Բալանչիվաձեի [*Անդրեյ, կոմպոզիտոր*] II սիմֆոնիայի կողքին, որը լաուրիատության [*մրցանակի*] է ներկայացված, իմ սիմֆոնիայում, իհարկե, երաժշտություն չկա:

Բավական ծիծաղելի է, բայց փաստ է, իսկ փաստերից հեռու չես կարող գնալ: Վասյան գտնում է, որ հայ կոմպոզիտորները ճիշտ ճանապարհով չեն գնում, որ նրանք կտրվել են ազգայինից: Դա, իհարկե, Օթարի [*Ծաքթաքիշվիլի*] երգերն են Վասյայի շուրթերին, դե ի՞նչ կարելի է պահանջել պրիմիտիվ հասկացողություն ունեցող մարդկանցից: Միակ մխիթարանքը այն է, որ այդ բոլորը ժամանակավոր երևույթներ են, որ ժամանակը, մեկ է, ինչ գնով էլ լինի, իր գործը կանի:

Էդիկ ջան,

Ես այս բոլորը գրեցի, որովհետև, իմ կարծիքով, պետք է լինել հիմա զգույշ և չթողնել, որ մեր գլխին պոպոք ջարդեն: Մեզ շատ են նախանձում, դա փաստ է, և ոչ մի բանի դեմ չեն առնի մեզ պախարակելու համար:

Մի խոսքով, կապրենք՝ կտեսնենք, ամենակարևորն է՝ լինենք միացյալ:

Էդիկ ջան,

Շնորհավորում եմ Նոր տարիդ քո և ձերոնց, բարևիր բոլորին:

Ամենաջերմագին համբույրներով՝ ***Ջիվան***

29.12.1960, Москва
(перевод Л. Епремян)

Эдик джан...

Сам не знаю, почему предыдущее письмо начал по-русски, причем с грехом пополам. Но дошел до середины и пришлось уже на русском доканчивать. Ты знаешь, на меня так действуют эти разговоры, когда каждый встречный спрашивает: “Ну как дела?” А после: “А как в Ереване, что делают, что пишут?” И обязательно уточняет: “А как у Эдика дела, закончил он симфонию?” Знаешь, когда этим интересуются такие люди, как Вайнберг /*Мечислав, композитор*/ или Левитин /*Юрий, композитор*/, например, чувствуется, что желают только добра. А когда спрашивает такой тип, как Восканян /*Акоп, дирижер*/ или Отар /*Тактакишвили, композитор, секретарь СК СССР от Закавказья*/... Что я могу сказать, тебе и так все ясно.

Теперь о делах. Здесь уже началась предсъездовская борьба, и борьба довольно хитрая. Журнал “Советская музыка” уже полностью в их руках, назначили эту дуру Грошеву /*Елена, музыковед, гл.редактор*/, и она не пропускает ни одной здравой мысли. Ну ты прочтешь, скольким дурацким сочинениям посвящают статьи и поют дифирамбы. Одним словом, это трибуна Хренникова. О “Музыкальной жизни” я уже не говорю. То, что Белый /*Виктор, композитор*/ всегда был их человеком и остается им, всем известно. Почти ничего не пишут об Армении. Пару дней назад я в довольно резком тоне высказался об этом, и теперь напечатают песню Арно о Ленине, так что не сочти за нескромность, это плод моих усилий. А то в каждом номере публикуют по 3-4 песни, начиная с Данькевича /*Константин, композитор*/ и кончая именами тысяч неизвестных авторов, и при этом ничего армянского. Шостакович в больнице, его довольно “красиво” изолировали. Так что победа им обеспечена.

А что значит сегодня эта победа, тебе хорошо известно. Во имя карьеристских целей Свиридова /*Георгий, композитор*/ и Кабалевского /*Дмитрий, композитор*/ создались такие условия, при которых каждое новое произведение объявляется оторванным от народных корней, подпавшим под тлетворное влияние Запада. Ну этот второй карьерист пока не получит Ленинскую премию, не успокоится. А другой уже ставит себя выше Шостаковича. Важно то, что он во всеуслышание говорит о том, что нашел новые, соответствующие советской действительности выразительные средства, что современная музыка, не апеллирующая к слову, лишена всякого смысла. Ты удивишься, что это за такое “открытие Америки”, ведь и Бах, и Бетховен придавали слову большое значение и когда надо, так его использовали, что и тысяча Свиридовых, встав на плечи друг другу, до этого уровня не дотянутся. Важно то, что многие даже не то что верят во все эти “открытия”, а размахивают ими, как флагом. В довершение ко всему он считает, что Шостакович не сказал ничего нового, что его симфонизм ограничивается традициями XIX века, что сегодня уже ничего не скажешь средствами одной симфонической музыки, и тому подобное, словом...

Лиана /*Генина, музыковед, в эти годы – завотделом журнала “Советская музыка”*/ вчера довольно долго со мной говорила. Дело в том, что ей не могут простить принципиального мнения о моей симфонии. И скорее всего, ее убедили, что все равно, что бы ты ни писала, публиковаться не будет, ты не должна критиковать /*неудачные*/ сочинения, этим ты играешь на руку врагам советского строя, и т.д. Реальная же причина в том, что ни в одной статье она не хвалит Хренникова, – единственная причина.

Статью Баласаняна /*Сергей, композитор*/ сняли с печати. Ту, в которой он пишет, что никакой среднеазиатской классики не существует, что наезжающими из Москвы людьми национальную классику не создашь, – мысль, которую я считаю абсолютно справедливой, может, я не прав – так вот в типографии выпуск журнала приостановили и статью изъяли. Конечно, прошу об этом никому не говорить – здесь это держится под большим секретом, мне Лиана сказала.

Такие вот дела. Вася /*Кухарский, замминистра культуры*/ до сих пор считает – он сказал об этом Ноне /*Шахназарова, музыковед*/, что моя Вторая симфония – очень слабое произведение, что там почти

ничего нет, и т.д. Что в том, что сегодня в комиссии по зарубежным делам скопились десятки писем с просьбой выслать партитуру, виновата только Лиана. Вася прав, конечно, в сравнении со Второй симфонией Баланчивадзе /*Андрей, композитор*/, которая рекомендована к печати, в моей симфонии, и правда, нет никакой музыки.

Довольно смешно, но факт, а от фактов не уйдешь. Вася считает, что армянские композиторы идут по ложному пути, что они оторваны от национальной почвы, – это, конечно, песни Отара /*Тактакишвили*/ в Васиной интерпретации – чего еще можно ждать от таких примитивно мыслящих людей! Единственное утешение в том, что все это – временное явление, в любом случае время все расставит по своим местам.

Эдик джан, я обо всем этом написал, потому что, как мне кажется, сейчас надо быть осторожным и не позволять колоть орехи о наши головы. Нам очень завидуют – это факт, и чтобы нас уничтожить, ни перед чем не остановятся.

Одним словом, поживем – увидим, самое главное – держаться друг друга.

Эдик джан, поздравляю тебя и твою семью с Новым годом, всем привет.

Целую крепко ***Дживан***

25.04.1961, Մոսկվա

Էդի՛կ ջան,

Գործերը այնպես են դասավորվում, որ ոչ մի կերպ չի հաջողվում գոնե մի քանի օրով գալ: Եթե ստուդիայում ինձ ժամանակին փող տան, ապա հույս ունեմ, որ գոնե 40 ամյակի [*Սովետական Հայաստանի*] տոնակատարությանը մի քանի օրով կգամ:

Գործը նրանում է, որ ֆիլմը [*ռեժիսոր՝ Լեոնիդ Լուկով, «Երկու կյանք»*] ընդունեցին, բայց Ֆուրցևան [*Եկատերինա, ՍՍՀՄ Մշակույթի նախարար*] մի քանի հիմնական փոփոխություններ է առաջարկել, որի պատճառով մոտ մի 500 մետր նոր նկարահանումներ պետք է անեն: Բացի դրանից՝ ահագին տեղեր, որտեղ երաժշտություն կար, կրճատվում են կամ ավելացվում: Դրա պատճառով համարյա թե նորից պետք է զապիս անեմ [*ձայնագրեմ*]: Նկարը հիմա նախատեսվում է հանձնել հունիսի երկրորդ կեսին: Այդպես են գործերը նկարի հետ:

Հիմա շատ և շատ խնդրում եմ ինձ խորհուրդ տաս մի շատ և շատ կարևոր հարցում: Բանը նրանում է, որ Լավրովսկին [*Լեոն, Մեծ թատրոնի գլխավոր բալետմայստեր*] ինձ օֆիցիալ [*պաշտոնական*] կերպով առաջարկում է աշխատել իր հետ միասին Մեծ թատրոնում «Օթելլո» բալետի վրա:

Առաջին անգամ, երբ նա խոսեց, դա ամսի 20-ն էր [*ապրիլի*]: Ես ասացի, որ ինձ համար շատ անհարմար է և նույնիսկ անկարելի զբաղվել այդ գործով, որովհետև ես գիտեմ, որ Առնոն պետք է գրեր:

Նա ինձ ասաց, որ ինքը գնացել է Առնոյի մոտ և որ, իրոք, մոտ երկու տարի նա բանակցություններ է ունեցել Առնոյի հետ, բայց բոլոր ժամանակը անցել է, և նա չի կարող սպասել, որ ինքն արդեն լիբրետոն վերցրել է Առնոյից, և որ եթե Առնոն հասկանում է, ապա նա պետք է գիտակցի, որ եթե լիբրետիստը լիբրետոն վերցնում է, ապա ամեն ինչ վերջացած է: Եվ որ ինքը իրեն չի ասել, որ հրաժարվել է իրենից միայն նրա համար, որ Առնոն հիվանդ է: Եվ որ Առնոն Երևանից վերադառնալուց հետո ինքը նրան կասի և կառաջարկի որևէ մի թեմա Մեծ թատրոնում՝ բացի «Օթելլո»-ից: Իմ բացատրությունից հետո նա ինձ ասաց, որ ես ոչինչ չասեմ Առնոյին, մինչև ինքը չխոսի պաշտոնական: Իսկ հիմա ուզում է, որ ես արդեն սկսեմ աշխատել:

Էդի՛կ ջան,

Դե դու պատկերացրու իմ դրությունը. այս քանի օրը անընդհատ հիվանդ ձևանալով՝ մի կերպ ձգձգում եմ գործը:

Երեկ Շչեդրինը [*Ռոդիոն, կոմպոզիտոր*] ինձ տեսավ և բավական պատմեց եղելությունը: Հիմա ես քեզ ուզում եմ անկեղծությամբ բոլորը պատմել և խնդրում եմ չկարծես, որ դա գլուխ գովելու համար է, այլ միայն սիտուացիան [*իրադրություն*] ճիշտ ըմբռնելու համար:

Գործը նրանում է, որ Լավրովսկին շատ մոտ է Մայա Պլիսեցկայայի [*բալերինա, Շչեդրինի կինը*] հետ: Երբ եղել է խոսակցություն, նրանք վերցրել են և ցույց տվել իմ I սիմֆոնիան: Շատ ոգևորվել է և խնդրել Մայային, որ ինձնից ուզեն, եթե ուրիշ գործեր ունեմ, ապա տամ: Մայան ինձ զանգ տվեց, թե՝ «Դու էլ ուրիշ ի՞նչ պլաստինկա կամ զապիս ունես քո մոտ: Ուզում ենք լսել»: Ես նույնիսկ չէի պատկերացնում, որ դա թատրոնի համար է, որովհետև ես երբ Ռոբիկին [*Ռոդիոն Շչեդրին*] տվեցի պլաստինկան, մի քանի օրից հետո նա ինձ զանգ տվեց և բավական երկար պատմեց իր տպավորությունները:

Ես Մայային տվեցի II սիմֆոնիան: Լավրովսկին Սվետլանովի [*Եվգենի, դիրիժոր*] հետ միասին (նա ուզում է, որ Սվետլանովը լինի դիրիժոր) լսում է և Մայային և Ռոբիկին ասում, թե՝ «Վերջապես, ես մի քանի տարի է՝ ման էի գալիս կոմպոզիտորի և գտա: Ուրիշ ոչ մի մարդու հետ չեմ ուզում աշխատել, միայն նրա հետ»: Բանը նրանում է, որ նա ասել է, թե նույնիսկ Արամ Իլյիչից [*Խաչատրյան*] «Օթելլո» ֆիլմից հետո ինքը հրաժարվել է: Ռոբիկը ինձ ասաց, որ նա այլևս ոչ մեկի մասին չի ուզում լսել:

Էդի՛կ ջան,

Շատ և շատ ներողություն, շատ անհամեստ է, բայց դու հասկացիր, շատ կարևոր է տվյալ սիտուացիայում լինել անկեղծ:

Ես քեզ շատ խնդրում եմ անպայման ինձ շտապ գրիր քո կարծիքը: Խնդրում եմ ոչ մեկին, նույնիսկ Առնոյին, դեռ ոչ մի խոսք մի ասա: Ես ուզում էի Առնոյի հետ խոսել, բայց բանը նրանում է, որ Առնոյի գալուց մեկ օր առաջ Լավրովսկին նորից զանգ տվեց և ասաց, որ ինքը ուզում է անպայման ինձ հետ աշխատել, որ նա արդեն Առնոյից վերջնականապես հրաժարվել է, և ասում է, որ Երևանից գալուց հետո կասի: Դե ես մտածեցի, գնամ Առնոյի մոտ և ասեմ: Դե հո ես չեմ ասի, որ «Լավրովսկին քեզնից հրաժարվում է». պետք է ասեմ,

որ ինձ է առաջարկում, նա էլ կասի, թե «Ես պետք է գրեմ»: Եվ ես կընկնեմ երկու կրակի մեջ: Մեկ՝ Լավրովսկին լրիվ կփչացնի իր հարաբերությունները ինձ հետ, մյուս կողմից՝ երբեք չեմ ցանկանում ուրիշի հաշվին կարիերա ստեղծել, և որ ամենակարևորն է՝ Առնոյի: Դրա համար ուղղակի տանջվում եմ: Դե ամեն օր չի կարելի հիվանդ ձևանալ, օրերից մի օր պետք է լավանալ: Նորից եմ խնդրում, անպայման օգնիր այդ հարցում. շատ և շատ կարևոր է:

Գրիր Թբիլիսիի տպավորություններից՝ ինչպես եք, ինչ նորություն կա:

Համբույրներով՝ ***Ջոնիկ***

Հ. Գ. Ես նամակը մի երկու օր ձգեցի, որովհետև դու Երևանում չէիր:

25.04.1961, Москва
(перевод Л. Епремян)

Эдик джан!

Дела складываются так, что никак не удается вырваться хотя бы на несколько дней. Если в студии деньги выдадут вовремя, есть надежда, что хотя бы на празднование 40-летия /*советизации Армении*/ на пару дней приеду.

Дело в том, что фильм /*Леонида Лукова "Две жизни"*/ приняли, но Фурцева /*Екатерина, министр культуры*/ предложила несколько фундаментальных изменений, из-за которых надо переснять примерно 500 метров пленки. Кроме того, многие отрывки, в которых предусмотрена музыка, сокращаются или удлиняются. Поэтому придется снова перезаписывать почти все. Фильм предполагается сдать во второй половине июня. Вот так обстоят дела с фильмом.

Теперь, очень тебя прошу, посоветуй, как быть в одном очень и очень важном вопросе. Дело в том, что Лавровский /*Леон, главный балетмейстер Большого театра*/ сделал мне официальное предложение о сотрудничестве в балете "Отелло" на сцене Большого театра.

В первый раз он мне сказал об этом 20 апреля. Я ответил, что мне крайне неловко и даже невозможно заниматься этой работой, потому что я знаю, что музыку должен был писать Арно /*Бабаджанян*/. Он ответил, что был у Арно и что, действительно, около двух лет вел с ним переговоры, но все сроки вышли, и ждать он больше не может. И что он уже забрал либретто у Арно, и тот должен был догадаться, что если либреттист забрал либретто, то все кончено. И что он не сказал Арно о том, что отказывается от сотрудничества только потому, что Арно болен. И когда тот вернется из Еревана, Лавровский ему сообщит об этом и предложит что-нибудь другое в Большом театре, но только не "Отелло". После моих объяснений он попросил меня ничего не говорить Арно, пока сам не уведомит его официально. Меня же просит, не откладывая, уже начать работать.

Эдик джан, ну теперь представь мое положение: все эти дни, сказавшись больным, тяну время.

Вчера встретил Щедрина, который значительно прояснил ситуацию. Хочу тебе все рассказать начистоту, и, пожалуйста, не подумай, что хвастаюсь, хочу только объяснить, как все было.

Дело в том, что Лавровский очень близок с Маей Плисецкой. Когда зашел разговор, они показали мою I симфонию. Он очень воодушевился и попросил Майю взять у меня, если есть, другие сочинения. Мая позвонила мне, мол, какие у тебя есть записи или пластинки, хотим послушать. Я даже не предполагал, что это для театра, а через несколько дней после того, как Робик /*Родион Щедрин*/ взял пластинку, он перезвонил и довольно долго говорил о своих впечатлениях.

Я дал Майе II симфонию. Лавровский слушает со Светлановым (он хочет, чтобы дирижировал Светланов) и говорит Робику и Майе: "После нескольких лет мучительных поисков я, наконец, нашел композитора. Кроме него не хочу работать больше ни с кем". Дело в том, что после просмотра фильма "Отелло" он отказался даже от кандидатуры Арама Ильича /*Хачатурян*/. Робик мне сказал, что он ни о ком больше не хочет и слышать. Эдик джан, очень и очень извиняюсь, я очень нескромен, но ты поверь, в такой ситуации очень важно быть искренним.

Я тебя очень прошу, срочно напиши, что ты думаешь по этому поводу. Пожалуйста, пока никому, даже Арно, не говори ни слова. Я собирался поговорить с ним, но дело в том, что за день до приезда Арно Лавровский снова позвонил и сказал, что хочет работать только со мной, что от Арно он окончательно отказывается и поставит его в известность сразу же после его возвращения из Еревана. Ну я решил пойти и поговорить с Арно. Но я же не скажу, что Лавровский от тебя отказывается, – должен сказать, что мне предлагают работать над балетом, а он ответит, что сам должен написать. И я окажусь между двух огней. С одной стороны, Лавровский окончательно испортит со мной отношения, с другой – ни в коем случае не желаю делать карьеру за счет других и, что самое важное, за счет Арно. Поэтому для меня это просто мучительно. В конце концов, нельзя же каждый день притворяться больным, в один прекрасный день придется выздороветь. Еще раз прошу обязательно помочь мне в этом вопросе, это очень и очень важно для меня.

Напиши о тбилисских впечатлениях. Как вы, какие у вас новости?

Целую ***Джоник***

P. S. Я задержал письмо на несколько дней, потому что тебя не было в городе.

10.01.1962, Մոսկվա

Էդի՛կ ջան,

Շնորհավորում եմ քո Նոր տարին, ցանկանում եմ, որ մյուս տարիներին հակադիր՝ այս տարում դու թքես այն բոլորի վրա, որ քեզ խանգարում է աշխատելու, և գրես անընդհատ: Ժամանակը թռչում

է չտեսնված արագությամբ: Արդեն մի առանձնապես շատ չի մնացել մեզ ապրելու: Միակ բանը, որ մենք կարող ենք թողնել, դա աշխատանքն է: Մի խոսքով, փիլիսոփայում եմ. դե ինչ արած...

Իմ գործերը մի առանձնապես լավ չեն:

Առաջին հերթին ես սարսափելի կերպով վառվեցի Ռոմմի նկարում [«*Մեկ տարվա ինը օրը*»]. ամբողջ ֆիլմում մնաց 5 րոպե երաժշտություն 29 րոպեից: Պարզ է, որ ոչ մի տիրաժնի [*հոնորար*] չեմ ստանա: Երկրորդ՝ արդեն մի ամիս է, որ սիմֆոնիայից ոչ մի նոտա չեմ գրել: Եկա թե չէ, մի քանի օրից հիվանդացա: Ապրելու տեղ չունեմ: Վերջը որոշեցի գնալ Ռուզա, բայց թե արդեն առաջվա վերաբերմունքը չկա... Տամառա Իվանովնան [*ՍՍՀՄ ԿՄ Մուզֆոնդի աշխատակից*] ինձ ասաց, որ Մուզֆոնդում երևի միայն ինքն է մնացել իմ հանդեպ լավ տրամադրված: Պարզ է...

Մի խոսքով, այն բնակարանը, որ ես հույս ունեի ապրելու Երևանից գալուց հետո, ոչինչ դուրս չեկավ, և մինչև օրս տեղ չունեմ: Մի քանի օր եղա հյուրանոցում, հետո՝ Սվետլանայի [*Ջ. Տ.-ի ծանոթներից*] տանը և այսպես շարունակում եմ: Ասում են՝ դժվարը առաջին 40 տարին է, տեսնենք: Հյուրանոց դաշնամուրով չեմ կարող վերցնել. հիմա փող չունեմ: Մի խոսքով, [*19*]62 թ. շատ բարեհաջող է սկսվել: Եթե կունենաս ժամանակ, գրիր՝ ինչպես են գործերդ, ինչ դրության մեջ է սիմֆոնիան, և ինչ նորություն կա: Եթե չէ, ի՞նչ արած:

Բարևիր բոլորին իմ կողմից:

Համբույրներով՝ ***Ջոն***

10.01.1962, Москва
(перевод Л. Епремян)
Эдик джан!

Поздравляю тебя с Новым годом и желаю, чтобы в этом году, в отличие от прошлых лет, ты плюнул бы, наконец, на все отвлекающие обстоятельства и все свое время посвятил творчеству. Время летит со стремительной скоростью, нам уже не так много осталось, и единственное, что можем оставить после себя, – это творчество. Словом, философствую – что еще остается.

У меня все не так удачно. Во-первых, я катастрофически прогорел на фильме Ромма /*"Девять дней одного года"*/, из 29 минут музыки осталось только 5. Понятно, что никаких тиражных не получу. Во-вторых, уже месяц, как в своей симфонии я не написал ни строчки. Как только приехал, через пару дней слег. Жить мне негде. В итоге хотел податься в Рузу, но там нет прежнего ко мне отношения. Тамара Ивановна /*работник Музфонда СК СССР*/ мне сказала, что в Музфонде, наверное, только она ко мне благожелательно настроена. Все ясно...

Словом, с той квартирой, где я рассчитывал остановиться после возвращения из Еревана, ничего не вышло, и до сегодняшнего дня мне абсолютно негде жить. Несколько дней побыл в гостинице,

потом у Светланы /*знакомая Дж. Т.*/ дома и продолжаю в том же духе. Говорят, трудно только первые 40 лет, потом привыкаешь. Гостиничный номер с инструментом нанять не могу – денег нет. Короче говоря, 1962-й год начался очень удачно. Если будет время, напиши, как твои дела, как продвигается симфония и какие есть новости. Если нет, ничего не поделаешь.

Передай всем от меня привет.

Целую ***Джон***

23.04.1962, Москва
Սիրելի՛ Էդվարդ Միխայլովիչ,

Չգիտեմ, թե դու ինչպես կվերաբերվես այս նամակին: Հարցը նրանում է, որ ես մեր Վարչությանը դիմում գրեցի՝ Երկրորդ սիմֆոնիան արտագրելու համար: Բանը նրանում է, որ պետք է ընդհանրապես կատարեին այս սեզոնում. այդպես էր ասված Ակսյուկի [*Սերգեյ, ՍՍՀՄ ԿՄ առաջին քարտուղարի նախկին տեղակալ*] կողմից: Բայց թե նրա գնալուց հետո դրությունը մի քիչ փոխվեց. հիմա Ռադիոյի պրոգրամայում [*ծրագրում*] է հաջորդ սեզոնում: Ես խոսեցի Չապլիգինի [*Նիկոլայ, կոմպոզիտոր, Պետհեռուստառադիոյի ղեկավարներից*] հետ: Մյուս հարցը նրանում է, որ Խրեննիկովը [*Տիխոն, ՍՍՀՄ ԿՄ I քարտուղար*] ևս Ֆրեդի [*Ավետ Տերտերյան, կոմպոզիտոր*] հետ միությունում էր: Ինձ ասաց, որ պետք է Երկրորդ սիմֆոնիան արտագրել. ինչ-որ ուզում են Բելգիա ուղարկել: Իհարկե, դու գիտես, որ ներկայիս պայմաններում ես չեմ կարող իմ հաշվին տալ արտագրելու պարտիտուրան և պարտիաները: Այնպես որ, խնդրում եմ օգնել:

Մյուս հարցը հրատարակության հարցն է, որը, ինչպես դու գիտես, մինչև օրս մնում է բաց: Ես մի քանի օր առաջ խոսակցություն ունեցա Սավինցևի [*Պավել, ՍՍՀՄ ԿՄ նախագահի տեղակալ*] հետ, որը ինձ ասաց, որ ինքը Արամ Իլյիչի [*Խաչատրյան*] հետ կխոսի (հիմա ամբողջ հրատարակության գործը Արամ Իլյիչին է ենթարկվում), և եթե նա լավ է վերաբերվում հանդեպ այդ գործը, ապա ամեն ինչ լավ կլինի: Միայն նա ինձ ասաց, որ լավ կլինի, որ մեր միությանը այդ հարցում պաշտոնապես իրազեկ դարձնի իր կարծիքին: Եթե այդ հարցը ոչ մի բարդություն չի առաջացնի, ապա ես խնդրում եմ օգնել: Ես գիտեմ՝ ժամանակին դու ինչքան ես այդ հարցով զբաղվել, և շատ շնորհակալ եմ: Հիմա դրությունը այլ է, չգիտեմ: Մի խոսքով, եթե դու գտնես, որ պետք է միջնորդել, ապա ես շատ և շատ շնորհակալ կլինեմ:

Հիմա ուզում եմ խորհրդակցել մեկ հարցով ևս: Բանը նրանում է, որ ես գրեցի «Օթելլո»-ից [*բալետ*] առաջին պատկերը: 110 երես է պարտիտուրայով: Բայց հիմա շատ երկմիտ դրության մեջ եմ. չգիտեմ, դա շարունակել, թե ոչ: Հարցը նրանում է, որ վրացիները շատ դժգոհ են: Այսպես թե այնպես, այստեղ նրանք իրենց կարծիքը զգույշ, բայց և պարզ հայտնում էին: Մյուս կողմից, Սավինցևը ինձ ասաց, որ Արամ Իլյիչը ժամանակին ուզեցել էր գրել, բայց Հայաստանի ղեկավարները խորհուրդ չեն տվել՝ նկատի ունենալով մի շարք

ազգային հարցեր: Չգիտեմ թե դա որքանով է համապատասխանում իրականությանը, բայց բանը նրանում է, որ եթե կան այդպիսի խոսակցություններ, ապա վերջը կարող է ոչ լավ լինել: Խնդրում եմ, եթե ժամանակ կունենաս, ապա այդ հարցի մասին հայտնիր քո կարծիքը. դա շատ և շատ կարևոր է:

Մյուս գործերս՝ ոչինչ: Դե իհարկե, հայրենիքից հեռու դժվար է, բայց հիմա ուրիշ ճար չունեմ, հասկացիր ինձ: Ամենամեծ խնդիրն է՝ չլսել որոշ մարդկանց, երբ նրանք դուրս են տալիս հիմարություններ: Դու մի բան լավ պետք է հասկանաս, որ ինչքան էլ ես լինեմ քեզանից նեղացած, ապա չի կարող պատահել, որ ես մոռանամ այն բոլոր լավը, որ դու ինձ համար արել ես: Եթե դու դեռ որոշ բաներում ինձ հավատում ես, ապա այս հարցում հավատա, նամանավանդ՝ երաժշտության հարցում: <...>

Համբույրներով՝ ***Ջոն***

23.04.1962, Москва
(перевод Л. Епремян)
Дорогой Эдвард Михайлович!

Не знаю, как ты отнесешься к этому письму. Дело в том, что я написал заявление в наше Правление по поводу переписывания Второй симфонии, поскольку уже в этом концертном сезоне она должна была исполняться. Так утверждал Аксюк /*Сергей, бывший заместитель председателя СК СССР*/, но после его ухода ситуация немного изменилась: теперь она в программе оркестра Радио в будущем сезоне – я поговорил с Чаплыгиным /*Николай, композитор, работал в руководстве Гостелерадио*/. Другой вопрос в том, что когда мы с Фредом /*Авет Тертерян, композитор*/ были в Союзе, Хренников мне сказал, что Вторая симфония должна быть переписана, они ее, вроде, собираются отправить в Бельгию. Ты, конечно, знаешь, что я сейчас в таком положении, что не смогу за свой счет дать на переписку партитуру и партии, так что прошу тебя помочь.

Еще один вопрос – вопрос издания, который, как ты знаешь, до сегодняшнего дня остается открытым. Несколько дней назад у меня был разговор с Савинцевым /*Павел, заместитель председателя СК*/, который обещал поговорить с Арамом Ильичом /*Хачатурян*/ (сейчас все вопросы, связанные с изданием, в ведении Арама Ильича), и если он хорошо настроен по отношению к этому сочинению, все будет хорошо. Только он добавил, что было бы нелишне, если бы Арам Ильич официально уведомил Союз о своем мнении по поводу симфонии. Если это не связано с какими-либо сложностями, прошу помочь. Я знаю, как много ты занимался этим вопросом в свое время, и я благодарен тебе. Сейчас несколько иная ситуация – не знаю. Словом, если ты посчитаешь, что необходимо твое вмешательство, я буду тебе очень и очень благодарен.

Теперь хочу посоветоваться еще по одному вопросу. Дело в том,

что я написал I картину “Отелло” /*балет*/ – это 110 партитурных листов. Но сейчас я оказался в затруднительной ситуации: не знаю, продолжать или бросить. Весь вопрос в том, что грузины очень недовольны, так или иначе, они здесь выразили свою позицию – хотя и осторожно, но ясно. С другой стороны, Савинцев мне сказал, что Арам Ильич в свое время хотел написать “Отелло”, но руководство Армении ему посоветовало этого не делать, имея в виду ряд межнациональных проблем. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но дело в том, что если есть такие разговоры, это может очень плохо кончиться. Прошу тебя: если найдешь время, сообщи мне о своем мнении по этому поводу, это очень и очень важно.

В остальном все ничего, нормально. Ну конечно, быть вдалеке от родины нелегко, но сейчас у меня нет иного выхода, пойми меня. Самая большая задача – не слушать некоторых людей, когда они болтают глупости. Одно ты должен очень хорошо понять: как бы я ни был на тебя обижен, ни при каких обстоятельствах не может случиться так, чтобы я вдруг забыл все то хорошее, что ты для меня сделал. Если ты хотя бы в каких-то вопросах все еще веришь мне, поверь и в этом случае, а особенно в творческих вопросах.

<...>

Целую ***Джон***

27.12.1962, Մոսկվա
Էդի՛կ ջան,

Կարծես թե Ռուզայի գործերը լավ են գնում: Մի երկու օրից հետո ամեն ինչ կպարզվի:

<...>

Ես կինոյից ստացած գումարով փակեցի որոշ պարտքեր և ուղարկեցի պարզ անդամավճար: Կարծես թե եթե այդպես շարունակեմ, մինչև գարուն երեք պարտիտուր վերջացնեմ, այ թե գործ կլինի: Հանգիստ կարելի է քնել...

Էդի՛կ ջան,

Այս մի քանի օրը միությունում ցույց կտամ պռեման [«*Չարենցի հիշատակին*»]:

Գիտես ինչ արեցի. դե ինչքան որ քեզ ցույց տվեցի, դրանից հետո էլի դեռ ռազրաբոտկան [*մշակման մասը*] շարունակվում է, և հանկարծ ուղիղ գործի մեջտեղում օրկեստրում հնչում է երգ: Գրեցի Չարենցի խոսքերի վրա՝ «Հայրենիքում», այսպես ասած, որոշ չափով՝ «Ծիրանի ծառ»-ի ինտոնացիաներով: Կարծում եմ, որ այդ երգը բավական թարմացում է: Երգը չվերջացրած՝ կուլմինացիան է, որից հետո նորից վերջին կուպլետը և ռեպրիզան: Մի խոսքով, տեսնենք, թե ինչպես կընդունեն:

Ես, իհարկե, մի առանձնապես գոհ չեմ այդ գործից: Եվ այդ էր պատճառը, որ չէի կարողանում շուտ վերջացնել: Այս գործով ես կփակեմ համ սուդման [*կանխավճար*], որ Բաբկեն Միխայլովիչին

[*Սոսյան*] չբարկացնեմ. ես նրան խոսք եմ տվել մինչև հունվար, կարծես թե այս անգամ խոսքս կատարում եմ, և Մուզֆոնդի պարտքը: Բավական կիեշտանա Ռուզայի հարցը:

Հիմա ուզում եմ խորհրդակցել սիմֆոնիայի մասին [*Երրորդ, հեւրագայում՝ սիմֆոնիկ պոեմ «Հեղափոխության մասին»*]:

Ինչպես ես քեզ պատմում էի, դա պետք է լիներ Մայակովսկու տեքստի վրա: Բայց հիմա ես ունեմ ուրիշ վերաբերմունք:

Իհարկե, ֆորման՝ երեքմասանոց, մնում է: Բայց առաջ ես ուզում էի I մասում նկարագրել Ռևոլյուցիան [*Սոցիալիստական հեղափոխություն*], այսինքն՝ ինչպես գրականությունում է ասվում, պատմական, իհարկե, այսօրվա հայացքով:

Հիմա մտածում եմ այսպես. որ I մասը՝ «Ռևոլյուցիան», ես կոչում եմ պայմանական (որոշել եմ միայն մասերից առաջ դնել էպիգրաֆներ, և ոչ մի չտեց [*ամմունքող*]): Պետք է լինի կարծես թե լեգենդա, այնպես, ինչպես մենք ենք պատկերացնում: Իսկ ավելի հասակով փոքրերը, որոնք այլևս չեն տեսնի Ռևոլյուցիայի մասնակիցներին, նրանց համար դա նույնպես կլինի ինչ-որ մի հերոսական լեգենդ: Շատ ժամանակ ուղղակի չես կարողանում հավատալ, թե ինչպես ժողովուրդը այդպիսի դժվար պայմաններում կարողացավ գործել ուղղակի հրաշքներ: Այդ կապակցությամբ էլ չեմ ուզում ոչ մի իլյուստրատիվ [*նկարագրական*] էպիզոդ. միայն I մասի մեջտեղում կլինի կուլմինացիա, դրամատիկ և սրանից հետո՝ նորից I թեմա, մտածում եմ ոչ թե սոնատային ալեգրո, այլ՝ եռմասանի: Եվ սիմֆոնիան կսկսվի շատ պայծառ: Իհարկե, դժվար է խոսքերով պատմել: Եթե մինչև Ռուզա գնալս հանդիպենք, ապա երբ պատմեմ, միգուցե քեզ համոզեմ: II մասը մնում է նույն ձևով, ինչպես մտածել էի, և վերջապես ֆինալ: Տեսնենք, թե ինչպես կստացվի:

Եթե դու Ամերիկա գնում ես, ապա երևի հունվարի սկզբին լինես այստեղ: Այդ ժամանակ կխոսենք: Դե դու հեռախոսը գիտես. Ж-6-17-47:

Էդի՛կ ջան,

Իհարկե, մինչև իմ նամակը ստանաս, քեզ Կոտիկ Հարությունյանը կպատմի ոչ այնքան 13-րդ սիմֆոնիայի մասին [*Դ. Շոստակովիչի*]. դա, իհա՛րկե, լավ է 12-ից, հետաքրքիր կառուցված է, ամբողջ սիմֆոնիան գնում է mp նյուանսով, կան շատ լավ բաներ: Բայց «Լեդի Մակբեթը» լսելուց հետո այլևս աչքիդ ոչինչ չի երևում:

Դա, իմ կարծիքով, լավագույն օպերաներից է. ինչ երաժշտություն, ուղղակի շշմեցրեց: Եվ բոլոր նրանց, ովքեր գրում են, թե օպերա, ռեֆորմա, հիմա օպերայի ժամանակը չէ, և այլն, թող մեկ անգամ լսեն «Լեդի Մակբեթը»: Առաջին գործը, որ Մոսկվայում ունես, դա խորհուրդ եմ տալիս անմիջապես լսես:

Մի խոսքով, Էդի՛կ ջան, շնորհավորում եմ Նոր տարին: Իմ կողմից բոլորին շնորհավորիր՝ Լյալյային, մամայիդ, Լյալյայի մամային, երեխաներին, Բաբկենին և այլն:

Համբույրներով՝ ***Ջոնիկ***

P. S. Պետք է գայի Երևան, բայց մեր նկարը որոշ փոփոխությունների

են ենթարկում, և մի քանի տեղ երաժշտությունը պետք է վերափոխել: Թե չէ միգուցե Նոր տարին միասին անցկացնեինք:

27.12.1962, Москва
(перевод Л. Епремян)

Эдик джан!

Вроде бы дела, связанные с Рузой, обстоят хорошо. Дня через два все окончательно выяснится. <...>

Из гонорара за кинофильм я смог закрыть некоторые долги и выслать членский взнос. Если удастся продолжить в том же духе, до весны закончу три партитуры – вот это будет дело. Можно будет спать спокойно...

Эдик джан, на днях в Союзе покажу поэму /*"Памяти Чаренца"*/. Ну ты знаешь: до тех пор, сколько я тебе показывал. После этого еще разработка продолжается, и неожиданно, прямо в середине произведения звучит песня – написал ее на стихи Чаренца "Айреникум" /*"На родине"*/, она интонационно немного близка песне "Цирани цар". Думаю, она вносит значительную свежесть. Еще до окончания песни начинается кульминация, после которой снова идут последние такты песни и реприза. Словом, посмотрим, как получится.

Я, конечно, не особенно удовлетворен этим произведением и именно потому никак не мог его завершить. Этим сочинением я закрою свою ссуду, чтобы не сердить Бабкена Михайловича /*Сосян*/. Я обещал ему закончить до января – кажется, в этот раз удастся сдержать обещание. И тогда мой долг в Музфонде уменьшится, и облегчится вопрос Рузы.

Теперь хочу посоветоваться по поводу симфонии /*Третьей, в дальнейшем – симфоническая поэма "О революции"*/.

Как я тебе рассказывал, вначале решил писать на текст Маяковского. Но теперь отношусь к этому иначе.

Конечно, трехчастная форма остается. Но раньше я хотел в I части показать Революцию, то есть, как говорится, собирался писать ее в историческом жанре, конечно, с сегодняшних позиций. Теперь думаю так: "Революция" – только условное название первой части (решил вместо Чтеца перед каждой частью ограничиться эпиграфом). Должна быть как бы Легенда – так, как мы это представляем. А для тех, кто моложе, кто не застанет в живых участников революции, это будет тоже чем-то вроде героической легенды, в которую просто трудно поверить, – как народ в таких тяжелейших условиях смог совершить настоящие чудеса. По этому поводу тоже не хочу никакого иллюстративного эпизода, только в середине первой части будет драматическая кульминация, после которой снова первая тема. Думаю не о сонатном аллегро, а о трехчастной форме. И симфония получится очень светлая. Конечно, трудно все это пе-

редать словами, если только встретимся в Рузе, попробую убедить тебя в верности подобного решения. II часть остается без изменений, и завершает все это финал. Посмотрим, что получится.

Если ты едешь в Америку, значит, в начале января будешь в Москве. Тогда и поговорим. <...>

Эдик джан, пока дойдет мое письмо, Котик Арутюнян расскажет тебе не столько о 13-ой симфонии /*Шостаковича*/ – она, конечно, лучше 12-ой: драматургически интересно построена, все сочинение идет на меццо-пиано, есть очень любопытные вещи. Но с "Леди Макбет" – никакого сравнения.

Как мне кажется, это одна из лучших опер – что за музыка, просто потрясающая! И те, которые трубят о том, что будто бы сейчас не время оперного жанра, пусть хотя бы раз послушают "Леди Макбет". Первое дело, которое тебя ждет в Москве, – послушать эту оперу.

Словом, Эдик джан. Поздравляю тебя с Новым годом! Поздравь от моего имени Лялю, маму, Лялину маму, детей, Бабкена и других.

Целую ***Джоник***

P. S. Я должен был быть в Ереване, но наша картина будет переделываться, и в нескольких местах музыку надо подкорректировать. А то Новый год встретили бы вместе...

02.1963, Երևան

Էդվա՛րդ Միխայլովիչ,

Երկար մտածելուց հետո եկա այն եզրակացության, որ համենայն դեպս պահպանել այն լարված դրությունը մեր մեջ, որը հիմա գոյություն ունի, ուղղակի հիմարություն է:

Այդ կապակցությամբ ուզում եմ մի քանի խոսք գրել. միգուցե նամակով մենք իրար ավելի լավ հասկանանք, քան խոսքով, որից, ճիշտն ասած, ես հույսս կորցրել եմ:

Բանը նրանում է, որ, իհա՛րկե, ամենաճիշտն է մեզ ամենքիս մի րոպե փոխել դերերը: Ապա մի րոպե ինձ դիր քո տեղը, իսկ քեզ իմ և աշխատիր համեմատել այն, ինչ որ տեղի է ունենում: Այն ժամանակ, իհա՛րկե, քեզ ավելի լավ հասկանալի կլինի իմ դիրքը:

Ես բավական մտածեցի և իմ մեջ աշխատեցի մի կողմ մղել այն ոչ առողջ մտքերը, որոնք առաջացան իմ մեջ քո՝ սեկրետարիատում [*քարտուղարություն*] բռնած դիրքի կապակցությամբ: Դիրքը, որ ոչինչ չտվեց և որը բոլորի կողմից դատապարտվում է՝ ինչը քեզ մղեց այդ բանին:

Դու հասար այդ բոլորից հետո մի բանի, եթե քեզ այդ մխիթարում է, այն, որ մի երկու ամիս ես շարքից դուրս եկա: Այդպիսի դրության մեջ առողջ մտածել կամ թե չէ ստեղծագործել, իհա՛րկե, անմտություն է, եթե մարդը երկաթե ներվեր չունի: Դա՛մ էր քեզ պետք: Քեզ պետք էր, որ սեկրետարիատում, որտեղ մինչև այդ իմ հանդեպ իդեալ կերպով էին վերաբերվում, միանգամից վերաբերմունքը փոխվեր, և որի զոհը եղավ նորից Երկրորդ սիմֆոնիան, որը, այն է, պետք է հրատարակեին, բայց հանկարծ դուրս մնաց: Սիմֆոնիա, որը ամենայն անկեղծությամբ

նվիրված էր քեզ՝ իբրև երախտագիտություն այն բոլորի, որ դու ինձ համար արել էիր: Իհա՛րկե, ես նույնիսկ հիմա չեմ ուզում հիշել այն մարդկանց, որոնց չարակամ լեզվով իմ անունից քեզ, Խաչատուրյանին և մյուսներին հազար ու մի կեղտոտ բամբասանքներ են հայտնվում: Կգա ժամանակ, երբ բոլորի դեմքը կպարզվի: Ես դրան շատ եմ հավատում: Բա մի րոպե դու կարո՞ղ ես պատկերացնել, որ ես քո մասին ասեմ, թե «Դե նա ի՞նչ է որ, թող հիմա գա ինձ մոտ սովորելու»: Ես դիտմամբ հիշում եմ մեկը, և դու այդ բոլորին հավատում ես: Քեզ թվում է, որ ես այնքան ցածր մարդ եմ, և հիմա քո կողքին գտնվողներից որոշ մասը, կյանքը քեզ տված, այնքան լավն են, որ մտածում են. «Այ Ջոնիկը, համա անպետք մարդ դուրս եկավ: Տե՛ս, Էդի՛կ, նրան առաջ էիր քաշում, բայց նա քո գլխին նստեց», և այլն: Դու այդ բոլորն ընդունում ես իբրև ընկերություն՝ մի րոպե չմտածելով, որ ոչ քիչ մարդիկ պղտոր ջրում ձուկ են որսում: Ոչինչ, կանցնի ժամանակ, և կյանքը ցույց կտա, թե ովքեր են երախտապարտ մարդիկ, և ովքեր են ընկերները:

Մի՞թե այն բանում, որ ես մտադիր եմ որոշ ժամանակ մնալ Մոսկվայում, կա կեղտոտություն և ինչ-որ դավաճանություն: Մի՞թե եթե խոսում ենք Հայաստանի անունից, ապա Հայաստանի համար ուրախալի չէ, որ Մեծ թատրոնի բեմից գնա մի հայի բալետ կամ որևէ ուրիշ բան: Մի՞թե դու կարծում ես, որ իմ հայրենիքը, որը ամբողջ կյանքս սիրել եմ, որի պատմությունը և կուլտուրան ես կարող եմ համարձակ ասել, որ գիտեմ, ինձ համար ոչինչ չի ներկայացնում:

Էդի՛կ ջան,

Պետք է աշխատել ամեն ինչի մեջ գտնել տրամաբանություն. առանց դրան բան չի դուրս գա: Ինձ շատ ցավալի է տեսնել քո բռնած դիրքը, երդվո՛ւմ եմ:

Այս նամակը ոչ մի հետին միտք չի հետապնդում, դա ուղղակի գրված է երեկվա ազդեցության տակ, երբ հերթական խոսակցությամբ ես ուղղակի, չգիտեմ թե ինչու, կարծեցի, որ ամեն ինչ կորած է:

Ջ.

02.1963, Ереван

(перевод Л. Епремян)

Эдвард Михайлович...

После долгих размышлений я пришел к выводу, что, во всяком случае, сохранять ту напряженность, которая существует сейчас в наших отношениях, просто глупо. Поэтому хочу написать пару строк, может, письмом мы лучше поймем друг друга, хотя, честно говоря, я на это уже не надеюсь.

Дело в том, что, конечно, правильнее всего было бы нам на мгновение поменяться ролями. А ну поставь себя на мое место, а меня – на свое, и постарайся сравнить ситуации.

Я долго думал и решил отбросить нездоровые мысли, которые завладели мной после секретариата и той позиции, которую ты там занял, – позиции, не давшей ничего.

Ты достиг только одного, если тебя это успокоит: на два месяца я вышел из строя. В таком состоянии здраво мыслить или сочинять невозможно, если только у человека не стальные нервы. Ты этого добивался? Ты хотел, чтобы в секретариате, где до этого ко мне было безупречное отношение, все сразу перевернулось, и жертвой снова стала Вторая симфония, которая вот-вот должна была быть издана, но вдруг вылетела из списка? Симфония, которую я со всей искренностью посвятил тебе в знак благодарности за все, что ты для меня сделал. Конечно, я даже теперь не хочу вспоминать тех, кто поливает меня грязью, нашептывая тебе, Хачатуряну и др. всякие гадости. Придет время, я уверен, все раскроется. Но можешь ли ты хотя бы на минуту представить, чтобы я о тебе мог сказать, мол, подумаешь, кто он такой, пусть придет у меня поучится – я специально привожу только один пример, – и ты в это веришь?! Ты думаешь, что я настолько низок? И сейчас некоторые из тех, кто рядом с тобой и будто бы готовы отдать за тебя жизнь, такие все из себя положительные, говорят: “Какое ничтожество этот Джоник, видишь, Эдик, ты его всюду продвигал, а он сел тебе на голову”, – и т.д. Ты это воспринимаешь как дружеское участие с их стороны, не догадываясь, что немало тех, кто ловит рыбу в мутной воде. Ничего, пройдет время, и жизнь покажет, кто есть кто.

Разве в том, что я намерен на некоторе время задержаться в Москве, есть что-то недостойное и предательское? Если говорить от имени Армении, разве не почетно для нее, что на сцене Большого театра поставят балет или иное сочинение армянского композитора? Или ты думаешь, что, всю жизнь почитая свое отечество, чью культуру и историю я смело могу утверждать, что знаю, – эта Родина для меня ничего не значит?

Эдик джан, во всем надо пытаться найти логику, без этого ничего не выйдет. Мне очень больно видеть твое отношение ко мне, клянусь тебе.

Это письмо написано без какой-либо задней мысли, просто под впечатлением от вчерашнего, когда, не знаю почему, мне вдруг показалось, что все кончено.

Дж.

20.03.1963, Москва
(оригинал на русском языке)
Эдик, дорогой!

По-видимому, нам так и не удалось с тобой поговорить как следует.

Ты понимаешь, ведь время идет, многое меняется. Ну что же, ты меня не можешь простить, может быть, в этом ты и прав. Но есть еще другой полюс – это я. Ты думаешь, что мне легко: то, что мне приходится хорохориться, говорить порой глупости, чтобы выглядеть лучше, ведь это все смешно. Неужели ты этого не видишь? Ты

все принимаешь за чистую монету, и мои разговоры, и мои слова, ведь, наконец-то, пойми, во всем этом и моя ущербность.

Как-никак, ну тебе-то об этом я могу говорить, невзирая ни на что.

Во-первых, мне нелегко было потерять друзей (я не говорю о семье, это другой разговор). Во-вторых, три года ничего всерьез не делать, тогда, когда уже тебя всерьез никто за композитора не считает. Может быть, это мне кажется, но от всего этого никак не легче. В-третьих, и больнее всего – это потерять – и сейчас я более остро ощущаю – отношения с тобой. Прошу меня правильно понять: ни секретаря Союза, ни депутата, и никого другого в таком духе, а человека, который в моей судьбе сыграл очень большую, а может, – решающую роль. Человека, который вместе со мной переживал неудачи Второй симфонии, и масса других немаловажных вещей. Хочешь верь – хочешь не верь, мне от всего этого очень грустно, совестно и тяжело. Когда начинаешь обо всем этом думать всерьез...

Ну так уж случилось, видимо, придется очень постараться, чтобы восстановить хоть небольшую часть того, что было. Со своей стороны я все сделаю. Но не знаю, что из этого получится. Ведь твои условия почти не осуществимы.

Я Гешу бросить не могу. Я ее очень люблю. Она этого вполне заслуживает. Ты смеешься, никогда, думаешь, не поверишь этому. Не знаю. Когда-нибудь, при более подробном разговоре, я постараюсь все тебе рассказать, буквально все – тогда, может, ты поверишь.

Вот такие дела.

Ну что же, мне нелегко, все это /*время*/ каждый день, каждый час я думаю о матери, о детях, ну что можно сделать – опять ее /*мать*/ оставить? Не смогу, во-первых. Во-вторых, с Асей /*первая жена*/ не буду жить ни при каких обстоятельствах. В этом вопросе изменений не будет. Остается середина. Как-нибудь благоустроиться и обеспечить мать, чтобы она находилась рядом. Взять Армена /*сын*/ и т.д. Но пока на сегодняшний день все это просто невозможно. Как бы ни было тяжело, но я беспомощен. Людям всегда бывает легко, когда им помогают, поддерживают. Я знаю, что в этом вопросе мне никогда никто не поможет, и мне вдвойне трудно. Видеть свою беспомощность, видеть мать, которая далеко, которую никак не можешь поддержать, – ведь она, когда рядом, сразу становится другим человеком.

Ну что и говорить...

Не знаю, когда все уладится, или вообще это будет, или не будет, бог знает.

Но знаю одно железно: пока не кончится все это, что каждый день терзает душу, видимо, я путного ничего не напишу.

Вчера Араму Ильичу /*Хачатурян*/ показывал Третью симфонию. Уже дописал до побочной партии, знаешь, после этого пожара /*сгорел коттедж в Рузе, было возбуждено уголовное дело*/ пару недель вообще ни одной ноты не написал. Он очень хвалил, я ему покажу

на следующем уроке до разработки. Он очень хорошо, по-моему, настроен ко мне, во всех случаях был очень рад, что я хожу к нему показывать. Знаешь, видимо, я эту симфонию посвящу ему. Это между нами. Когда серьезно начинаешь думать, то настолько велика его заслуга в нашей музыке, что хочется его чем-нибудь отблагодарить.

Эдик джан, наверное, я тебя переутомил. Ну прости, так бывает иногда на душе тяжело, что хочешь-не хочешь, приходится обращаться к друзьям.

Вот у меня еще какой вопрос к тебе. Прошу мне посоветовать. Вообще-то я хотел закончить Третью симфонию, чтобы она исполнялась на "Закавказской весне". Но пожар все мои замыслы сбил. Ввиду того, что я, то есть мои сочинения, долго не звучали, прошу тебя посодействовать исполнению Второй симфонии на "Весне". Если надо мне официально об этом написать в Правление СК, то я напишу. Только мне нужен твой совет. Думаю, что ты в этом вопросе мне поможешь, тем более сейчас отношение ко мне Савинцева /*Павел, заместитель первого секретаря СК СССР*/ и других очень благосклонно. Жду от тебя ответа, целую. Привет всем

Джон

06.11.1963, Մոսկվա

Էդի՛կ ջան,

Շատ խորը շնորհակալ եմ Բաբկեն Միխայլովիչից [*Սոսյան*] բավական «նուրբ» և «սիրալիր» վերաբերմունքի համար: Այդ բոլոր պատճառաբանությունների գինը ում-ում, բայց ինձ քաջ հայտնի է: Աստված իրեն հետ: Հույս ունեմ, որ երկրորդ անգամ ինձ չի վիճակվի այդպիսի դրության մեջ ընկնել:

Դա ոչինչ, ես այդ բոլորը կմոռանամ. դու գիտես, որ ես հոգով ինչքան էլ որ չար լինեմ, բայց բարի եմ և երբեք մտքիս մեջ չեմ պահի: Չգիտեմ, դա լավ է թե վատ՝ ժամանակը ցույց կտա:

Մոսկվայում ճարահատյալ դիմեցի Մուզֆոնդ, և նրանք, պատկերացնո՞ւմ ես, իրենց միջոցներից ինձ տվեցին 3000 ռուբլի, չնայած որ շատ լավ գիտեին, որ ես հա՛մ պարտք ունեմ, հա՛մ էլ բավական երկարաձգել եմ այդ պարտքը: Ես շատ շնորհակալ եմ:

Իհա՛րկե, մի քանի բարի ընկերների միջոցով:

Լավ, դրա մասին չխոսենք: Գործը լսվեց ամսի 31-ին և լուծվեց իմ օգտին: Դատարանը հաստատեց, որ ոչ մի հարդուկից չի եղել պաժառը [*հրդեհ*], այլ ինչ-որ անհայտ պատճառից: Դու պատկերացնո՞ւմ ես, 7 ամիս ինձ չարչարելուց հետո, նամանավանդ այս դատի կապակցությամբ բավական մեծ ծախսեր անելուց հետո դատարանում պարզվեց, որ հավաքարարը ինձ չի տեսել հարդուկելուց: Երկրորդը, էքսպերտների՝ հարդուկի հետ նույն օպիտը [*փորձ*] անելուց հետո պարզվել է, որ 4 ժ. 15 րոպեից հետո պետք է սկսվեր պաժառ, իսկ պարզ էր, որ ես ժամը 2-ին արդեն Ռուզայից մեկնել էի:

Մի խոսքով...

Շատ շնորհակալ եմ Պեյկոյին [*Նիկոլայ, կոմպոզիտոր*], Կսիպեռին [*Լեվ, կոմպոզիտոր*], Միշա Զիվին [*կոմպոզիտոր*] և Կացի [*Սիգիզմունդ, կոմպոզիտոր*] կնոջը, որոնք եկան դատարան, ցուցմունքներ տվեցին: Դա բավական օգնեց գործին: Հիմա եթե 10 օրվա ժամանակամիջոցում Գոսստրախը կասսացիայի [*բողոքարկում*] չտա, ապա գործը լրիվ վերջացած է: Եթե տա, հուսով եմ, որ ոչինչ չի դուրս գա:

Երեկ վերջացրի (երկրորդ անգամ) պռեման՝ «Չարենցի հիշատակին»: Պատկերացնո՞ւմ ես, որ առաջին անգամից լավ եղավ, որովհետև ահագին նոր բան հնարեցի, մինչև 15-ը Սոյուզում ցույց կտամ: Իհա՛րկե, մի առանձնապես երաժշտություն չի, բայց ոչինչ, վատ էլ չի: Կարևորն է, որ միտք կա մեջը:

Դու ինձ պետք է շնորհավորես: Այս երեք և կես տարում առաջին գործը վերջացրի: Գնում է 13 րոպե, էլի գործ է:

Համբույրներով՝ ***Զիվան***

06.11.1963, Москва
(перевод Л. Епремян)

Эдик джан...

Я глубоко признателен Бабкену Михайловичу /*Сосян*/ за его необыкновенно "чуткое" и "любезное" отношение ко мне. Кому-кому, а мне известна истинная цена всех этих аргументов и оговорок, бог с ним. Надеюсь, во второй раз мне не придется оказаться в таком положении.

Ничего, я все это забуду, ты знаешь, что каким бы злым я ни был, в глубине души я добрый и совсем не злопамятный, не знаю, хорошо это или плохо, – время покажет.

В Москве в отчаянии обратился в Музфонд, и, представь себе, они из собственных средств выделили мне 3 000 рублей, несмотря на то, что отлично знали и о моем долге, и о том, что долг уже давно просрочен. Я им очень благодарен. Конечно, не обошлось без поручительства нескольких добрых друзей.

Ладно, хватит об этом – важно другое. Дело слушалось в суде 31-го, и решение было принято в мою пользу. Суд решил, что причиной пожара не мог быть зажженный утюг, – огонь возгорелся по неустановленной причине. Ты представляешь, после того, как семь месяцев они меня мучили, и после стольких затрат в связи с судебным процессом, судья выяснил, что уборщица меня за глажкой не видела. Эксперты, проделав следственный эксперимент с утюгом, доказали, что пожар должен был начаться после 4 часов 15 минут. А я в 2 часа уже уехал из Рузы. В общем...

Я очень благодарен Пейко /*Николай, композитор*/, Книпперу /*Лев, композитор*/, Мише Зиву /*композитор*/ и жене Каца /*Сигизмунд, композитор*/, которые пришли в суд и дали показания, это очень помогло делу. Теперь, если в течение 10 дней Госстрах не обратится в Кассационный суд, все окончательно завершится. А если и обратится, надеюсь, у них ничего не получится.

Вчера закончил (во второй раз) поэму “Памяти Чаренца”. Представляешь, получилось даже лучше, чем в первый раз, потому что придумал массу новых вещей, до 15-го покажу в Союзе. Конечно, это невесть что, но ничего, не так уж и плохо. Главное, что там есть идея.

Ты должен меня поздравить: за эти три с половиной года я закончил первое сочинение – длится 13 минут, тоже дело.

Целую ***Дживан***

23.12.1963, Москва
(оригинал на русском языке)
Эдик ջան (джан)...

Я Ханджяну /*Акоп, начальник Управления по делам искусств*/ уже послал ноты. Я тебя очень прошу, поговори с ним, это очень важно.

Симфонию – кровь из носа – я закончу к середине апреля, тем более, что материала у меня достаточно. Честно тебе говорю: я даже оставил сейчас сюиту “Отелло” и перешел к симфонии /*Третьей*/, меня просто здорово тянет. Ты знаешь, я после этой поэмы сейчас почти себя чувствую в форме, и у меня давно не было так, просто такое рвение, как во времена I, II симфоний, думаю, что она получится. Дай бог, все-таки 4 года. Но, по всей вероятности, ничего даром не пропадает, если я написал бы тогда, то сейчас, мне кажется, эту тему не мог бы поднять, а может, мне просто кажется, не знаю. Главное, что опять хочется работать и без дураков. Вот ровно за год, до осени 1964 года, ты увидишь, сколько я напишу. Наверное, тогда ты меня будешь упрекать меньше, тем более, если все будет хорошо.

Мне сейчас так хочется написать другую музыку, ты меня поймешь. Поэма, ну это просто по старым интонациям, много повтора. В симфонии это тоже будет, ведь все придумано давно, только, конечно, симфония – это не поэма.

Да, я забыл: насчет поэмы у меня есть вот какие соображения. Я заголовок написал “Путь поэта”, так тебя не хватало, не мог найти название – это плохо и условно. Тем более очень обязывающее название “Памяти Чаренца”, тоже не знаю. Может быть, сейчас это неважно, но я просто тебе говорю, чтоб знал. Потом там я написал “Симфония-баллада”, но сейчас думаю, все-таки, что это поэма.

Дуряну /*Оган, дирижер*/ я напишу и с ним поговорю, только нужно, чтобы партии переписали быстрее. Это меня очень выручит. Пока партитура /*переписка партитуры*/ не нужна, у меня, как всегда, она чистая.

Расплатился с долгом Музфонда полностью, расскажу подробнее.

Но сижу, как всегда, без гроша, замышляю заговор, а может быть, попросить опять ссуду? Ты понимаешь, картина у меня задерживается, и поэтому просто на жизнь нет ничего, и негде получать. Как я приехал из Курпат, ничего не заработал, сидел, писал поэму, даже отказался от малюсенькой картины на хронике, надо было с этим кончать.

Ну, в общем, как-то сумбурно тебе написал, и еще, главное, по-русски – прости.

Привет Ляле, маме, всем и частично Адику

Целую ***Дживан***

17.08.1964, Մոսկվա
Էդի՛կ ջան,

Այնպես էլ գնացի, ու մի կարգին չխոսեցինք:

<...> Էդի՛կ ջան,

Դե ես էլի եկա և ընկա իմ հիմար գործերի մեջ: Պետք է ստիպված փող աշխատել: «Գոհար Գասպարյան» ֆիլմը վառվեց: 1600 կոպիայի [*օրինակ*] փոխարեն՝ 300: Կոնտրատիպը փչացրել են և ավել չեն տպում: Էֆրոսի նկարից էլ [*«Երկուսը պատերազմում»*] դեռ մի բան չհասկացա: Մի խոսքով...

Ինչպես են գործերդ, ինչ ես անում: Միակ բարի խորհուրդս է, եթե, իհարկե, ես ունեմ իրավունք խորհուրդ տալու, ապա առանց պաուզայի նոր գործ գրելն է: Մեր ժամանակներում շատ շուտ մոռանում են այն, ինչ որ արված է, նույնիսկ եթե դա շատ լավ է: Քո բոլոր հաջողություններից հետո միակ ճիշտ քայլը անմիջապես նոր գործ գրելն է: Մի քիչ Սոյուզ քիչ գնա, մտածիր քո մասին: Հիմա դու ինձ հայհոյում ես, թե «դու դրան նայիր...»:

Ինչ արած, ամեն մարդ իր սխալներից ելնելով ավելի ճիշտ է ըմբռնում պայմանները: Ինչ վերաբերում է ինձ, ապա, իրոք, եթե խոսենք ճշմարիտ, դժվար է ինձ որևէ մի բան խելքը գլխին գրել: Դու կասես, թե ես չեմ աշխատում, որ ոչինչ չի դուրս գալիս...

Պատկերացրու, տուն չունեմ: Ամեն անգամ փողոց դուրս գալիս մտածում ես՝ հիմա միլիցիան կանգնեցնի՝ ինչ պետք է ասես. ո՛չ գրանցում կա, ո՛չ բան: Ուրիշի տանը նստած՝ ամեն րոպե մտածում ես, որ հիմա հանկարծ ստուգեն, այդ խեղճ մարդիկ ինչո՞վ են մեղավոր: Նրանք ամեն ինչ գիտեն, բայց թե երբեք դրա մասին ոչ մի նամյոկ [*ակնարկ*]: Մամայի հարցը, որ վերցնեմ նրան: Իմ անընդհատ անորոշ վիճակը: Դե հիմա արդեն ուշ է խոսել եղածի մասին: Միակ հույսս, որ Ասյայից ապահարզան ստանալուց միգուցե որոշ չափով կյանքս փոխվի: Ոչ ոք, բացի ինձանից, մեղավոր չէ: Դե այդպիսի հոգեկան վիճակում ի՞նչ երաժշտություն:

Լավ, գլուխդ չցավեցնեմ:

Համբույրներով՝ ***Ջիվան***

P. S. Բարևիր բոլորին:

17.08.1964, Москва
(перевод Л. Епремян)
Эдик джан...

Я уехал, и мы так и не поговорили.

<...> Эдик джан, ну я приехал и снова с головой окунулся в свои дурацкие дела. Хочешь-не хочешь, приходится деньги зарабатывать.

Фильм “Гоар Гаспарян” прогорел: вместо 1600 копий сделали всего 300. Контратип испортили и больше не смогли напечатать. С картиной Эфроса /*“Двое в степи”*/ тоже полная неразбериха. Словом...

Как твои дела? Чем занимаешься? Единственный добрый совет, если, конечно, я вообще имею право тебе советовать: без долгих пауз начни писать новое сочинение. В наше время очень быстро забывают то, что сделано, даже если сделано очень хорошо. После всех твоих успехов единственно верный шаг – не откладывая в долгий ящик, написать новое сочинение. Меньше ходи в Союз, подумай о себе. Сейчас, наверное, ты ругаешь меня, мол, смотри на него...

Что делать, учась на собственных ошибках, человек вернее оценивает ситуацию. Что касается меня, честно говоря, если быть до конца откровенным, мне трудно написать что-то серьезное. Скажешь, что не работаю, потому и не получается...

Представь, квартиры у меня нет, каждый раз, выходя на улицу, думаю: если сейчас милиция остановит, что я им отвечу? – ни прописки, ничего. Сидя в чужой квартире, каждую минуту дрожишь, что если придут проверять, чем виноваты эти бедные люди? Они все знают, но не позволяют себе и намека. Мамин вопрос, как ее забрать... Мое вечно неопределенное положение... Ну сейчас уже поздно говорить о том, что произошло. Единственная надежда, что после развода с Асей моя жизнь в какой-то мере изменится. Никто, кроме меня, во всем этом не виноват. Ну о какой музыке может идти речь в таком состоянии...

Ну ладно, не буду тебе надоедать.

Целую ***Дживан***

P. S. Всем привет.

26.10.1964, Մոսկվա

Էդի՛կ ջան,

Շատ ներողություն, որ քեզ անհանգստացնում եմ մի այսպիսի հարցով: Մի երկու օր առաջ Խաղագորտյանի [*Էդուարդ, կոմպոզիտոր*] հետ խոսում էի: Ինչպես գիտես, նա հիմա Սեժենսկու [*Համամիութենական ռադիոյի երաժշտական բաժնի գլխավոր խմբագիր*] տեղակալն է, և նա ինձ ասաց, որ մինչև հունվար (տարվա վերջը) օրկեստրը շատ զբաղված չէ, որ նրանք կարող են ձայնագրել II սիմֆոնիան:

Հիմա դրությունը այսպես է. եթե մեր ռադիոն համաձայնի և բաց թողնի այդ գործի համար անհրաժեշտ գումարը, ապա այստեղ ԲՍՕ-ի [*ԲՏՕ, Բոլշոյ սիմֆոնիչեսկիյ օրկեստր*] հետ շատ հեշտությամբ կարող ենք գրել: Ես նույնիսկ կարող եմ հարմարեցնել, եթե հաջողվի, Դուրյանի [*Օհան, դիրիժոր*] ժամանակի հետ: Քեզ շատ եմ խնդրում, եթե ժամանակ կունենա, ապա քո կողմից ասա Կարինեին [*Սիմոնյան, «Մելոդիա» ձայնագրման ստուդիայի աշխատակից*]: Ես երբ այդտեղ էի, ինձ դրա մասին ասաց, ճիշտն ասած, անունը չեմ հիշում (այն, որ մեր շենքում է ապրում, Պարսկաստանից եկածը) [*կոմպոզիտոր Սերգեյ Աղաջանյան*]: Կարծում եմ, որ առանձնապես դժվարությունների չի հանդիպի: Գոնե չի հրատարակվում, կարգին ձայնագրություն լինի:

Իմ գործերս այսպես են՝ ամսի վերջին դեպի Ռուզա: Խնդրում եմ, որ եթե այդ ժամանակամիջոցում գաս Մոսկվա, մի կերպ իմացրու, գամ ցույց տամ: Տեսնենք ինչպես է լինելու: Կարևորն այն է, որ ոչ մի րոպե արդեն չի կարելի այդ գործը հետաձգել:

Ինչպե՞ս են գործերդ, մի բան գրո՞ւմ ես թե ոչ: Շատ պաուզա մի ա-նի: Մեր կյանքն էլ դերասանների նման է. թե ելույթ ունենում ես, հիշում են, թե ոչ, ապա մոռացան: Էլ չեմ ասում քո համար (սրտի համար ոչինչ ավելի լավ, իմ կարծիքով, չի կարող լինել այն բանից, երբ առաջին անգամ նվագում են գրածդ: Այն հուզմունքը...): Ինչ ասեմ, վրաս չծիծաղես, բայց ներսից շատ եմ փոխվել և շատ բաների կողքից, որ անցա թեթևամիտ, հիմա երբեք չէի անցնի:

Էդի՛կ ջան,

Եղա Բաբաևի [*Անդրեյ, կոմպոզիտոր*] տանը, թաղմանը: Շատ ցավալի և տրագիկ երևույթ էր, ուղղակի ոչ պատմելու բան...

Բարևիր Լյալյային, ձերոնց, Մաեստրոյին [*Օհան Դուրյան*], Բաբկենին [*Սոսյան*] եւ բոլորին: Էմիլը [*Արիստակեսյան, կոմպոզիտոր, ԿՄ նախագահի տեղակալ*] շատ դուրս եկավ. անհատական բարևներ:

Համբույրներով՝ ***Ջիվան***

26.10.1964, Москва
(перевод Л. Епремян)

Эдик джан...

Извини, что беспокою тебя по следующему вопросу. Пару дней назад я говорил с Хагагортяном /*Эдуард, композитор*/ (ты в курсе, что он заместитель Сеженского[128]), он мне сказал, что до конца года оркестр не очень загружен и они смогут записать Вторую симфонию.

Теперь положение такое: если наш Радиокомитет согласится отпустить на это дело необходимую сумму, мы здесь без особого труда сделаем запись с БСО. Я даже могу подстроиться под удобное для Дуряна /*Оган, дирижер*/ время. Очень тебя прошу, если найдешь свободную минуту, со своей стороны скажи об этом Карине /*Симонян, сотрудник фирмы “Мелодия”*/. Когда я был в Ереване, мне об этом сказал наш сосед по дому, тот, который приехал из Ирана, – честно говоря, не помню, как его зовут /*композитор Сергей Агаджанян*/. Думаю, что особых сложностей не будет. Не издают, так хотя бы приличная запись будет.

У меня дела обстоят следующим образом: в конце месяца буду в Рузе. Прошу тебя, если в этот период будешь в Москве, как-нибудь дай знать – приеду, покажу, что написал. Посмотрим, как получится. Самое главное, уже ни на день нельзя это дело откладывать.

---

[128] Главный редактор музыкального отдела Всесоюзного радио.

Как твои дела?

Что-нибудь пишешь или нет? Не делай больших пауз. Наша жизнь как жизнь артиста: если выступаешь, – помнят, сходишь со сцены, – забывают. Уже не говорю о тебе (ведь нет большего счастья, чем то чувство, когда в первый раз исполняется то, что вышло из-под твоего пера). Что могу сказать: не смейся, но внутренне я очень изменился, и мимо многих важных вещей теперь ни в коем случае не прошел бы так легкомысленно, как я это сделал.

Эдик джан, был на похоронах Бабаева /*Андрей, композитор*/, до того было больно и трагично, не передать...

Привет Ляле, вашим, Маэстро /*Оган Дурян*/, Бабкену /*Сосян*/. Эмиль /*Эмин Аристакесян, композитор, зампредседателя СК Армении*/ мне очень понравился, ему персональный привет.

Целую ***Дживан***

12.05.1981. Традиционный "День открытых дверей" в доме Мирзоянов в день рождения учителя. 1-ряд: Роберт Амирханян, Мелик Мависакалян, Юрий Арутюнян, Армен Боямян; 2- ряд: Манвел Бегларян, Изабелла Аразова, Дживан Тер-Татевосян, Эдвард Мирзоян, Юрий Геворкян, Степан Нагдян, Мартин Вартазарян, Арзас Восканян; 3-й ряд: Руслан Галстян, Симон Оганесян, Арсен Андрикян, Айк Манвелян, Грачья Меликян, Ромен Давтян, Левон Чаушян, Врам Григорян

Авет Тертерян

Одна из самых ярких фигур в истории армянской музыки Авет Тертерян в течение нескольких десятилетий сумел пройти нелегкий путь от критики к признанию, от полного неприятия своего искусства к созданию собственных традиций в армянской музыкальной культуре.

– Авет – фигура необыкновенная. Не устаю восхищаться масштабом его эрудиции, философского мышления. До такой степени знать, чувствовать себя, когда вокруг не понимают, – это мучительное состояние... Недавно я снова смотрел фильм о Тертеряне – в финале он как будто уходит ввысь, и это показалось мне символичным: он сумел подняться на высоту музыкального Олимпа при жизни и удержаться на ней после смерти.

Учитель и ученик впервые встретились у Литинского, куда 19-летний бакинец приехал показывать свои первые композиторские опыты. По совету Литинского Тертерян переезжает в Ереван и, закончив выпускной курс училища, поступает в консерваторский класс Мирзояна, продолжив учебу в аспирантуре. Но и дальше Мирзоян оставался первым слушателем его сочинений и главным советчиком и по творческим, и по житейским вопросам. После лондонской премьеры Седьмой симфонии в ноябре 1994 года он позвонил учителю: "Ваш ученик Вас не подвел...", и каждый свой успех он делил с педагогом. 25 лет своей жизни Тертерян провел в ДТК "Дилижан", вдохновленном организаторским и строительным талантом Мирзояна, и именно ему доверил выбор места для строительства собственного ДОМА. "Так он привез на Севан Эдварда Мирзояна, специально привез. "Вы скажите, это или Лусакерт?" – "Конечно, это! – Эдвард Михайлович распахнул руки навстречу синему простору. Так появился дом"[129].

"Эдвард Михайлович был очень чуток к творчеству, к музыке студентов,– писал А. Тертерян.– *Он никогда не довлел над личностью студента, а пытался распознать его индивидуальность, что для молодых композиторов очень важно.*

Меня он считал трудным студентом. Во-первых, труден был сам процесс перехода от одной культуры к другой, а точнее, не переход, а совмещение, так как от высокой европейской культуры отказываться нельзя; во-вторых, к профессиональным занятиям музыкой я пришел сравнительно поздно, к 20-и годам, с уже сложившимися вглядами и представлениями; и, наконец, я проявлял много самостоятельности, и порой педагогам трудно было мне что-нибудь доказать, хотя Мирзоян это делал очень тонко и, в целом, больших противоречий у нас никогда не возникало.

Я приносил на уроки сочинения почти в готовом виде. Они или

[129] Рухкян М. Авет Тертерян. Творчество и жизнь. Ер., 2002, с.189.

просто уничтожались как неудавшиеся, или Эдвард Михайлович очень метко указывал путь, давая столь важный импульс к продолжению работы. Причем, он мог предположить одно, а я мог сделать другое, но то, что он советовал, как-то меня стимулировало. Он никогда не навязывал мне своих мыслей, а только обозначал путь, по которому мне следовало идти. Это как раз было то, что нужно, так как меня достаточно было направлять, не более.

В те годы Эдвард Мирзоян, только что вернувшийся из Москвы, где он прошел хорошую школу у Генриха Литинского, уже автор своего известного Квартета, был очень яркой личностью, и общение с ним как с музыкантом не могло не дать самых благоприятных результатов"[130].

Личные взаимоотношения двух композиторов не всегда развивались ровно. Не секрет, что в 1970-е годы в Союзе композиторов революционный по духу Фред (Авет) на недолгое время примкнул к течению ниспровергателей старых порядков и самого Эдварда Мирзояна. Это было право Тертеряна, и его видение пути развития армянской композиторской организации заслуживает уважительного отношения. Но любопытно, что ***творческий диалог двух художников***, направляющих композиторские поиски XX века, Мирзоян, как и Тертерян, всегда рассматривали как бы вне жизненной конкретики. В конечном итоге, в истинных, искренних отношениях двух любящих и безмерно ценящих друг друга людей они поднялись над суетностью мира, умея видеть явления в крупном масштабе.

Эдвард Михайлович восторженно радуется творческим открытиям Тертеряна. Лично мне неоднократно советует послушать запись оперы "Землетрясение", считая ее одним из главных музыкальных открытий Авета – лирика и мелодиста.

"В его симфониях определилось особое отношение к звуку, как основе музыкального развития. Часто приходится слышать, что такое направление ведет к тупику чистого инструментализма. Но Тертерян создает свою вторую оперу – "Землетрясение", где, сохраняя свои основные принципы, вновь обращается к вокальной "мелодии". Этот некий особый, доселе неизвестный сплав – новый тип мелодизма. Это качественно отличное, самобытное явление я расцениваю как одно из самых значительных открытий Тертеряна. В самом звуке раскрывается невероятное богатство выразительных возможностей, самые разнообразные контрасты. И, как ни парадоксально на первый взгляд, тертеряновский звук становится мелодичным и ведет к новому ощущению мелодизма"[131]**.**

[130] Р. Тертерян. Авет Тертерян. Диалоги. Ер., 2010, с.46-47.

[131] Мирзоян Э. Художник, который ищет, находит и стремится дальше.// Р. Тертерян. Авет Тертерян: Беседы, исследования, высказывания. Ер.,1989, с.7.

Польша, 1968 год. Справа налево: Григор Егиазарян, Александр Арутюнян, Адам Худоян, Эдвард Мирзоян, Казимеж Сикорский, Авет Тертерян, Тигран Мансурян, Константин Орбелян, Гегуни Читчян

По воле судьбы творческий путь Авета Тертеряна сложился так, что он вошел в армянскую культуру как бы извне, не отягощенный привычным для армянской культуры восприятием этнического. Стилистические особенности его музыкального языка на определенном этапе являлись для армянской культуры инновацией ***внешней***, не подготовленной в недрах собственно армянской культуры: "Армения была для меня страной совершенно "закрытой", так как мои сведения о ней были почерпнуты как бы со стороны, а не изнутри"[132].

Очевидно, что доминантой педагогического метода Эдварда Мирзояна в работе со своим студентом было обращение к национальным истокам, к поиску собственного, национально-определенного почерка. Сам выбор темы дипломной работы – вокально-симфонический цикл "Родина" на слова Чаренца – свидетельство тому. Удачная находка Мирзояна – близкое по звучанию армянское имя для Фреда – Авет /*буквально: благая весть*/ – явление того же порядка. "Самое время сказать, как Альфред стал Аветом. Это произошло с легкой руки его учителя Эдварда Михайловича Мирзояна, который рассказывает, что в какой-то момент ему стали не нравиться имена его студентов – Джон, Альфред; стали раздражать усики Константина Орбеляна, Хачатура Аветисяна – что-то опереточное. Он задумался об "имидже", как сказали бы сейчас, своих учеников, услышал имена их как бы с эстрады, мысленно увидел их на сцене и решил действовать. Джон Тер-Татевосян превратился в Дживана, Альфред – в Авета, Константин Орбелян, Хачатур Аветисян сбрили навсегда усы, да и другие подтянулись, нашли свой стиль. Это было очень мудро.

[132] Тертерян Р. Авет Тертерян: Беседы, исследования, высказывания. Ер.,1989, с.134.

О том, как формирует человека и его судьбу имя, знали, конечно, давно, но в советское время эти разговоры могли сойти за мистику. Это сейчас об этом много говорят, специально этим занимаются, изучают. Но Мирзоян не говорил, он действовал, и кто знает, написал бы Альфред те симфонии, которые создал Авет?"[133].

Хотя "Родина", посвященная Мирзояну, с сегодняшних позиций воспринимается как произведение, выдержанное в рамках традиционной стилистики, оно стало предвестницей глубоких метаморфоз в его творчестве. Стало очевидно, что собственную миссию в армянской культуре Тертерян способен осуществить только на пути коренной трансформации национального искусства. Переехав в Ереван, Тертерян почувствовал себя художником, творящим на своей земле, а значит, имеющим право на выражение собственной, личностно выстраданной позиции в искусстве: *"Художник, живущий на своей земле, имеет право ломать свое искусство и обращаться с ним так, как ему это хочется, чего нельзя гостю. Гость не может прийти в дом и передвинуть мебель так, как ему нравится, он не имеет на это права, а хозяин – имеет, он может вообще выкинуть мебель и жить, сидя на ковре, – на это его воля"*[134].

Осмысление роли и значения этого художника – задача не из легких. Возможно, новым методологическим ключом в этом процессе может стать популярная в современной западной социологии концепция "маргинальности". Известно, что теоретическое понятие

[133] Рухкян М. Авет Тертерян. Ер., 2002, с.31.

[134] Тертерян Р. Авет Тертерян: Беседы, исследования, высказывания. Ер.,1989, с.149.

маргинальности не совпадает с ее значением в обыденном сознании, когда под маргинальностью понимается низшая социальная прослойка людей, – это асоциальные элементы, изгои общества. Термин происходит от латинского слова marginalis – находящийся на краю. Хотя этот смысл сохраняется, в социологической науке "маргинальность" трактуется иначе.

Это понятие было предложено в 1928 году американским социологом Р. Парком, но сама постановка проблемы принадлежит Г. Зиммелю, впервые рассмотревшему социальный тип "чужака" как универсальное явление[135]. Парк говорил главным образом о "культурной маргинальности" человека, обреченного одновременно существовать в двух разных культурных группах, когда имеет место рассогласованность, противоречивость ценностных и нормативных стандартов. Положение такого человека сопряжено с неполным вовлечением в обе группы, и это порождает особый, "гибридный" тип личности. Необходимое условие маргинализации – различие норм, ценностей, представлений, моделей поведения в тех группах, между которыми человек оказывается.

Возможна некоторая аналогия маргинализации с обрядами перехода из одной социальной категории в другую (рождение, брак, посвящение в мужчины, в женщины и т.д.), когда человек оказывается в положении на краю: он вырывается из старой группы, но еще не вошел в новую – он в "подвешенном" состоянии. Однако в маргинальной ситуации требуется "двойная" адаптация: если в обряде перехода человек перемещается в социальной структуре с места на место, то маргинал оказывается между двумя местами или ***сразу в двух местах***.

Круг формальных принадлежностей маргинала может не совпадать с кругом его эмоциональных привязанностей: человек может занимать место в группе, но эмоционально к ней не принадлежать, личностно не идентифицироваться, ощущать ее чуждость и самому быть для нее чужим. Неудобное промежуточное положение может подталкивать человека к разрыву с одной из групп, однако чаще всего это невозможно: одним из условий пребывания в ситуации маргинальности является ее фактическая принудительность. Группы имеют определенную власть над человеком: он вынужден к ним принадлежать в силу рождения (раса, национальность, класс, семья), географического положения (соседство), экономического принуждения (профессия, организация) и т.п.

Это расхождение и эта невписанность сказываются на психической организации человека. Индивидуальным приспособлением

[135] Николаев В. Проблема маргинальности: ее структурный контекст и социально-психологические импликации. // "Реферативный журнал", 1998, N2, серия 11 – "Социология", с.170-172; Парк Р. Культурный конфликт и маргинальный человек. // "Реферативный журнал", 1998, N2, серия 11 – "Социология",с.172-173; Парк Р. Личность и культурный конфликт. // "Реферативный журнал", 1998, N2, серия 11 – "Социология", с.174-175.

к такой “двойственности” или “выключенности” может стать конструирование нового индивидуального (более широкого или смешанного) контекста. Результатом этого может быть как нечто гениальное, так и нечто безумное.

Маргинал характеризуется обостренной рефлексией и самосознанием, критическим и скептическим складом ума; отстраненностью, психологической отчужденностью, закрытостью и одиночеством, внутренней противоречивостью и непоследовательностью поведения, склонностью к творчеству и девиациям. При отсутствии же эмоциональной вовлеченности в группы маргинальный человек – это везде чужак, паломник из небытия в небытие, сторонний наблюдатель, личностно не вовлеченный в социальный мир, который становится для него чем-то вроде “виртуальной игры” или “мира понарошку”.

Маргинализация – мощный источник десакрализации мира. Этот опыт влечет разочарование в любых ценностях, осознание их относительности. Однако это способствует и раскрытию творческих способностей, ***трансконтекстуальному*** видению явлений.

Явление Тертеряна как философа и композитора ни в коем случае не сводимо к маргинальности, однако, как мне кажется, оно в том числе и маргинально, поскольку драма непростого пути Тертеряна в искусстве – и, одновременно, его удача – заключены в многомерности его культурного сознания. Самоощущение “чужака” и “постороннего” было присуще ему в Армении, и он сознательно культивировал этот образ, даже внешне подчеркивая свою особенную стать, невписываемость в среднестатистического армянина. Одновременно такое положение было для него единственно возможным, ибо ни в какой другой точке земного пространства он не мог творить. На мастер-классах в Екатеринбурге, раскрывшись перед российской аудиторией абсолютно, купаясь в лучах обожания и славы, он осознавал свое богатство, свой главный капитал – иное – не идентичное российскому – мироощущение, умение биологически, физиологически чувствовать миры, необозримые с этой точки земного пространства. А в благополучной, потрясающей по силе музыкальной традиции Германии звучащая в его сознании Девятая симфония так и не легла на партитурный лист – она осталась тайной композитора[136] – художника, явственно ощущавшего феномен собственной психо-физиологической многомерности, своего транскультурного биополя. Иначе бы он не вывел однажды заглавными буквами свой собственный “код”:

РОД, РОДОВАЯ ПАМЯТЬ – КАРАБАХ;
ДУХ – АРМЕНИЯ;
ГЕНЕТИКА – ВОСТОК;

[136] Интересно предположение музыковеда Анны Аревшатян о том, что Второй квартет композитора и есть его незаписанная Девятая симфония.

ЯЗЫК, ИНТЕЛЛЕКТ – РОССИЯ;
РАЗУМ – ВЕСЬ МИР;
ВЕРА – ХРИСТИАНСКАЯ;
ХРАМ ГОСПОДНИЙ, ПОД КОТОРЫМ
ТЕПЛИТСЯ ЯЗЫЧЕСКОЕ КАПИЩЕ.

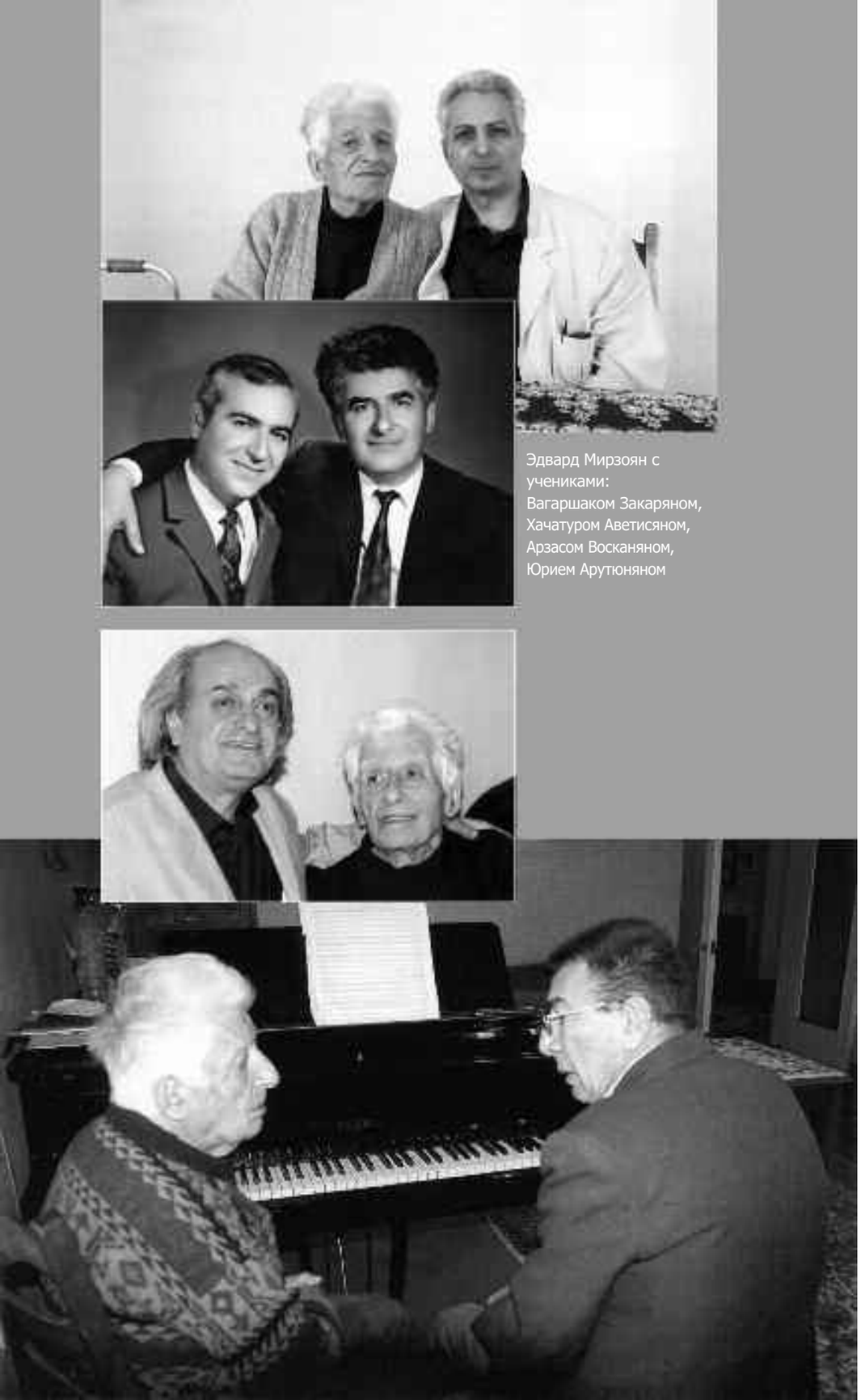
30.04.1994

Концепция симфонического мышления А. Тертеряна родилась в результате осмысления и собственной интерпретации достижений мировой музыкальной культуры XX века – статического типа развертывания, “дления” музыкальной мысли, сонористики, отчасти минимализма, нового восприятия пространственно-временного континуума. Использовав открытия западноевропейского авангарда этого времени, в свою очередь интегрировавшего традиции восточного мироощущения, композитор перевел их на язык армянской культуры. Однако это было не просто “переводом”, а оказалось качественно новой трансформацией явлений в контексте современных достижений мирового культурологического пространства. Он переосмыслил элементы сонризма – в технике “дама”, минимализма – в средневековой псалмодии, многомерных пространственных решений – в традициях армянского театра, архаичных ритмоформул – в ритмике фольклорного танцевального действия и т.д. Метод его близок параджановскому: помещая элементы традиционно этнической атрибутики в новый контекст, художник по-иному высветил их красоту. Новое звучание народных инструментов – дудука, зурны, кяманчи, дапа – открыли путь к синтезу симфонического искусства с традиционными элементами этнической культуры, способствуя тем самым восприятию его творчества как несущего этнические функции. Однако и те произведения Тертеряна, где нет каких-либо “внешних” элементов этнического, где семантика конкретных интонаций несет в себе код не только локально-армянской, но и планетарной культуры XX века, воспринимаются как открытие новых смыслов в бесконечно многомерной категории этнического. Тертерян глобально раздвинул границы национальной традиции в аспекте эпического начала.

18.10.1966, Москва
Дорогой Эдвард Михайлович!

Пока что нахожусь часто в каком-то нервном напряжении и в волнении – остается мало времени /*до премьеры в Ереванском оперном театре оперы “Огненное кольцо” в 1967 году*/... Злюсь на обстоятельства, на то, что занят, в общем, не тем, чем следовало бы, с нетерпением жду того времени, когда смогу снова взяться за работу.

Большое значение имел приезд Шахназаряна /*Владимир, либреттист оперы*/ в Москву. Спасибо! Думаю, он обо всем Вам рассказал. Л. Михайлов /*Лев, режиссер-постановщик оперы*/ оказал



Эдвард Мирзоян с учениками: Вагаршаком Закаряном, Хачатуром Аветисяном, Арзасом Восканяном, Юрием Арутюняном

нам огромное внимание. Он, конечно, умница. Отлично чувствует драматургию и сцену.

Судьба Вашей песни сложилась так: я дал возможность Ара и Сергею Мелиху /*пианист*/ послушать Вашу игру. Сергей заявил, что Вы – отличный пианист. Я записал мелодию и предложил им сделать из этого Босса-нову. Наиболее подходящий и современный ритм. Если они сделают, а стараются очень, то исполнят в Ереване. Кажется, числа 22-го у них концерт.

И вот, в связи с их гастролями у меня к Вам просьба помочь пианисту Сергею Мелиху в отношении его ставки. Речь идет о том, чтобы ее немного поднять с помощью нашего Управления по д/к. В Москве, как я понял, это упирается в нашего земляка З. Вартаняна /*Завен, начальник Управления музыкальных учреждений Минкультуры СССР*/, и тут ему мешает его армянское происхождение. А пианист, в своем жанре, он очень хороший. И вообще хороший как человек. Если это как-то возможно, то очень хотелось бы, чтоб Вы ему помогли.

Им неудобно лично к Вам обратиться, и я сказал, что напишу Вам.

Обещали маму отдать мне к середине месяца /*была госпитализирована после инфаркта*/, но пока не ясно, состоится ли это в конце /*месяца*/. Во всяком случае, надеюсь числа 1-2-го ноября появиться в Ереване.

Большой привет всему Вашему семейству и друзьям.

Обнимаю Вас ***Авет***

Гия Канчели

В 2009 году в рамках Международного музыкального фестиваля “Перспективы XXI века” (ныне – “Ереванские перспективы”) в Ереване прошел фестиваль Гии Канчели, одного из самых востребованных сегодня композиторов в мире.

...Напряженная фигура Канчели в изысканно черной рубашке, выразительно обрамленной красным шарфом, как натянутый нерв, вслушивалась в атмосферу зала. Музыка его светилась благородством и добротой ее создателя, в ней царила стихия природной, естественной музыкальности. Я вспомнила Параджанова, кто-то – Феллини, сам он посвятил концерт тбилисской художнице Гаянэ Хачатрян, но и сам композитор-эстет выступил как тонкий музыкальный рисовальщик. Как утонченный мелодист, создавший на музыкальном мольберте многоплановые завораживающие картины.

...Музыка Канчели, непростая в своем непредсказуемом движении “без начала и конца”, была абсолютно принята армянской аудиторией. А критика наградила его титулом “Главного музыкального волшебника нашего времени” (М. Рухкян) – мудрого и печального.

Канчели никогда не учился у Мирзояна в композиторском классе Ереванской консерватории. Но глубина, интимность канчелевской музыкальной поэзии, по-видимому, предполагает предельную откровенность его личностной позиции в оценке своего нелегкого пути. Пути, озаренного светом духовной связи двух громких имен в композиторской мысли XX-XXI веков – Мирзояна и Канчели. Нет ничего удивительного в интуитивном угадывании Мирзояном большого дарования начинающего Гии. Но та тональность абсолютной признательности за роль, которую сыграл в биографии грузинского музыканта Эдвард Михайлович, – все же редкость. Такая же редкость, как безусловная любовь к нему Валерия Гергиева, Юрия Башмета, Родиона Щедрина, Майи Плисецкой, Алексея Симонова, незабвенных Мстислава Ростроповича, Зары Долухановой, Сурена Кочаряна...

Еще один, неожиданный штрих в отношениях Мирзояна и Канчели: дело в том, что тбилисская квартира Гии – это незримый мостик к "алихановскому" следу в мирзояновской биографии. Уже пятое поколение семьи Канчели – с 1904 года – живет в построенном на совесть доме конца XIX века. Когда соседи Гии начали разбирать камин, на каждом кирпиче было написано "Алихановъ". Еще один Алиханов, звучит почти как Мирзоян...

– К Грузии у меня отношение субъективное. Начиная с того, что я там родился. Летом мама везла меня в Гори – там общался с детьми, они по-грузински рассказывали сказки, я сидел и слушал. Во время войны, когда я был в Гори, пытаясь прочесть сводки Верховного главнокомандования в местных газетах, научился читать по-грузински. Со временем постоянно общался с грузинскими композиторами: Баланчивадзе, Тактакишвили, Торадзе, Мачавариани, Насидзе, Квернадзе, Цинцадзе, Мшвелидзе, Туския, Лагидзе. В отличие от них, имя Гии мне ничего не говорило.

...В тот знаменательный день 1962 года, когда Игорь Стравинский прилетел в Москву (я был и.о. Первого секретаря СК СССР), у входа в Союз композиторов подходит ко мне незнакомый композитор по фамилии Канчели и просит прослушать его произведение. Я согласился. Сочинение мне понравилось. Он пожаловался, что его не допускают на Всесоюзный смотр молодых композиторов в Москве. Я попросил Арама Хачатуряна, который был в жюри, включить его сочинение в конкурсную программу. В итоге Канчели получил вторую премию, а выдвинутый Грузией Насидзе – третью.

Гия часто бывал в Дилижане. Он показывал мне свои симфонии в клавире, потом делал партитуру. Мне очень дороги его теплые, искренние слова благодарности на подаренных мне партитурах симфоний.

Для меня Канчели, безусловно, крупное явление, которое подтверждается временем и всеобщим признанием, в том числе и его киномузыки. Это необыкновенно умный, организованный и очень честный, открытый, порядочный человек. Человек-праздник: недавно преподнес мне сюрприз – неожиданно они с Люлей зашли ко мне в гости, и весь дом наполнился ощущением счастья...

Канчели и Тертерян дружили, что я считаю неслучайным, имея в виду их творческие искания. На "Закавказской весне" в 1965 году выделились Вторая симфония Тертеряна и Четвертая Канчели. Хренникову очень понравилась Четвертая симфония Канчели и совсем не понравилась Вторая симфония Тертеряна. Мы жили в одном номере гостиницы, и могу подтвердить, что он очень ругал это сочинение. Но как мудрый человек прислушался к общему настроению: в заключительном докладе среди самых удачных произведений после Канчели он назвал и Тертеряна.

Канчели в своей книге[137] **отмечает, что у него были очень хорошие отношения с моими оппонентами. Был период, когда, может быть, Гия заколебался. Но в Дилижане однажды для меня совершенно неожиданно он специально встретился со мной и поделился, что против меня строятся козни, – это было проявлением его ума и честности. Когда я ему сказал, что все знаю, он ответил, что считал своим долгом просто поделиться...**

02.1995, Берлин

Дорогие Ляля и Эдвард Михайлович,

Я всегда вас очень любил, а за последние четыре года полюбил еще больше по простой причине – живя вдалеке от дома, воспоминания обостряются. В памяти всплывает лишь хорошее. И в этом хорошем вы – часть Люлиной и моей жизни. В моих мечтаниях бывает и такой сюжет: приеду домой, повидаю всех моих друзей и через несколько дней махну в мой любимый Дилижан (через Казах!). Там окажутся любимые мною Мирзояны, Сарьяны, образ незабываемого Арно и, увы, как это ни прискорбно произносить, образ моего Фреда /*Авет Тертерян*/. В пятницу к вечеру приедет Каро /*Пашоян, начальник Ремонтно-строительного управления*/! Какой ужас! Сколько близких людей покинули наш бренный мир. Мечтания продолжаются: в воскресенье вечером вместе с Каро уеду в Ереван. Повидав двух Котиков /*композиторы А. Арутюнян и К. Орбелян*/, Хачика /*Аветисян, композитор*/, Мелика /*Мависакалян, композитор*/ и всех тех, с которыми меня связывает многолетняя искренняя дружба, схожу на кладбище к могилам Фреда, Арно, Алеши /*Александр Аджемян, ком-*

[137] Речь идет о прекрасной книге – Зейфас Н. Гия Канчели в диалогах. М., 2005, – которая послужила для меня источником вдохновения в работе над монографией о Мирзояне (Л. Е.).

позитор/, Гриши /*Ахинян, композитор*/, Ильи Гайковича Кеворкова /*председатель Интуриста*/. Поклонюсь могилам Арама Ильича /*Хачатурян*/ и Мартироса Сергеевича /*Сарьян*/...

Вот так я мечтаю... плохо было или хорошо, это была моя жизнь, и вспоминаю я только хорошее... И вот появились борцы за "свободу" и "независимость". К чему все это привело, вы знаете лучше меня. Как политическая, так и вообще культура оказались ниже всякого уровня. Иначе невозможно себе представить приход к власти такого авантюриста и мерзавца, каким оказался Гамсахурдиа. ...Если вы окажетесь во Франции, Голландии, Германии или Бельгии, приеду и заберу вас к себе хотя бы на несколько дней.

Гия Канчели

17.02.1998, Антверпен

Дорогие мои Ляля и Эдвард Михайлович,

От Л.Чаушяна /*Левон, композитор*/ узнал, что Вы здоровы, что болеет Лазарь Мартиросович, что Вы его навещаете. Остальные новости узнаю по трем московским каналам, наличие которых (мы установили "тарелку") не слишком отдаляет меня от дома. Работаю, как обычно, много и, конечно же, только это меня удерживает вдали от дома.

Думаю, Вы узнали о том, что перенес Джансуг /*Кахидзе, дирижер*/. Довольно обширный инфаркт и довольно сложную операцию в Германии. Ему наложили четыре "шунта". Сейчас он уже дирижирует, и все позади. Сегодня 17 февраля. 28-го лечу в Тбилиси, где с 1-го по 3-е марта мой продюсер записывает с Гидоном Кремером и с Джансугом мое большое сочинение "Ламент". Большое – имею в виду длительность – 50 минут. Чауш расскажет Вам о том, как мы с Люлей живем в Антверпене. В детстве, играя в города, в моей памяти на букву "А" этот город был. Но как я мог себе представить, что настанет время, и я обоснуюсь в Антверпене?

Я очень часто вспоминаю Дилижан. Там я написал шесть симфоний. И хотя это был изнурительный труд, вспоминаю его с удовольствием. Вспоминаю, как играл Вам только что законченную партитуру. В памяти всплывают контрастные эпизоды, связанные с Арно, с Каро, с Ильей Гайковичем, с Зариком, с Марселем /*Андрикян, директор ДТ*/ и даже с его братом. Помните ли Вы, как стригли Арно? Я помню даже то, как Вы его уговаривали.

Один раз мы жили в Вашем коттедже. Это был август. В тот август Вы почему-то отсутствовали, и 8 коттедж (по старой нумерации) предоставили нам... Это произошло в конце августа. Вдруг в коттедж ворвались все собаки и начали страшно лаять. Было странно, потому что мы довольно долго сосуществовали мирно. Испугались все: и дети, и Люля, и я. Лай не то что /*не*/прекращался, а становился зловещим! Я позвонил Марселю и, рассказав ему о том, что у нас происходит, услышал от него следующее: "Видимо, Эдвард Михайлович

пересек перевал и через полчаса будет в Дилижане". Только после этого мы поняли, что собаки, лая, показывали нам на дверь.

В связи с этим воспоминанием среди незначительных сувениров – стоящая на голове маленькая собачка. Нож, который Вам пригодится на даче, и две "вазочки" для Ляли. Одна от меня, вторая от Люли.

По старой привычке хочется отчитаться и творчески. На кассете четыре произведения. Первые три для Вас, если Вы найдете время и послушаете. Четвертое для Ляли.

Очень прошу передать мои наилучшие пожелания Зарику и Котику с семьями. Как только появится возможность, обязательно приеду и повидаю всех!

Обнимаю... И очень Вас люблю!

Гия Канчели

10.2005

/надпись на монографии "Гия Канчели в диалогах"/

Дорогой Эдвард Михайлович,

Обращаюсь к Вам как к моему наставнику и старшему другу с просьбой передать эту книгу библиотеке Ереванской консерватории. Надеюсь, Вы помните, что шесть моих симфоний были написаны в созданном Вами дилижанском Доме творчества композиторов. Первым, кому я их показывал, были Вы, и только я и Вы знаем, насколько ценными были для меня Ваши замечания и добрые советы.

Спасибо Вам за ВСЕ и за всех, кто испытал на себе Вашу заботу. А ведь нас так много!

Обнимаю Ваш ***Гия***

Эдвард Мирзоян с учениками: Арамом Петросяном, Арташесом Карталяном и Ваче Шарафяном, Арменом Мартиросяном, Суреном Закаряном, Ованесом Манукяном

Константин Орбелян

– *То*, что Константин Орбелян сделал в жанре армянской эстрадной музыки, невозможно переоценить. Но и то, что он написал в сфере так называемой серьезной музыки, в том числе Квартет, Первая симфония, балет “Бессмертие”, – это, безусловно, замечательные произведения, представляющие большую художественную ценность. Орбелян – выдающийся талант, ставлю его рядом с Тертеряном, Тер-Татевосяном. Обосновавшись в США, он и там продолжает работать, в свои 80 с лишним лет он полон энергии и замыслов[138]**.**

Что касается наших личных взаимоотношений, Котик – один из исключительно четких, честных и порядочных людей в отношении меня, не было ни одного случая, чтобы я в этом усомнился. У него очень непростой характер – нервный, мнительный (из писем это видно), и это легко объяснимо его очень непростой судьбой.

...С 1956 года Константин Орбелян был назначен художественным руководителем Государственного эстрадного оркестра Армении и, всецело поглощенный работой, запустил учебу в аспирантуре ЕГК. Этому большому, талантливому музыканту, гастролирующему по всему миру с головокружительным успехом, не нашли возможным выдать удостоверение с положительными оценками. Если сравнить с тем, как девальвировались ценности сегодня, ничего, кроме недоумения, этот факт вызвать не может. Но возникает вопрос: что это за, с позволения сказать, “мафиози” тандем Мирзояна-Сарьяна, если они не смогли решить положительно такой простой, элементарный вопрос в отношении очень, очень близкого друга? Вопрос, что называется, риторический...

Когда мать Народного артиста СССР Константина Орбеляна Софья Атарбекова, сестра известного революционного деятеля Георгия Атарбекова (погибшего вместе с Мясникяном), переезжала из родного Тифлиса в Баку, в стране царил хаос. Как и брат, она была беззаветно предана романтическим идеалам большевизма. Работала в Азнефти и вскоре вышла замуж за начальника секретно-политического отдела НКВД Баку Агапарона Орбеляна (потомка Степаноса Орбеляна, епископа, историка и зодчего).

Но в 1936 году в одно мгновение счастливая жизнь четы Орбелянов и двух их сыновей закончилась. Агапарона арестовали и вскоре расстреляли, жену, Софью Михайловну, в 1938 году сослали в ссылку. Сыновей 10 и 18 лет – Котика и Гарика – в буквальном

[138] “Я рад, – говорит Мирзоян, – что традиции оркестра Орбеляна были подхвачены джаз-оркестром Армении под руководством другого моего ученика – талантливого, яркого Армена Мартиросяна, песни которого стали символом новой Армении”.

смысле выкинули на улицу. Когда уводили мать, она обратилась к детям: “Котик, музыка тебя спасет... Гарик, единственное, о чем тебя прошу: не дай брату умереть с голоду”.

Гарри устроился преподавателем в школе, а Котик подрабатывал, аккомпанируя гимнастам из спортивного общества “Буревестник”. В 1942 году Котика взяли пианистом и аккордеонистом в джаз 8-го авиационного корпуса. 14-летний музыкант стал воспитанником военного оркестра. Однажды джаз приехал на гастроли в Ереван. Армянские джазовые музыканты “открыли” для себя молодого импровизатора. На талантливого музыканта обратил внимание и решил пригласить к себе в коллектив основатель и руководитель эстрадного оркестра Армении Артемий Айвазян, где и был заложен прочный фундамент его будущей деятельности.

...Константин Орбелян-младший, известный дирижер и музыкально-общественный деятель, сын Гарри Орбеляна, приезжал в Ереван с миссией поддержки юных музыкантов, лауреатов конкурса учрежденного им Международного фонда культурного обмена.

– ***Когда я слушал здесь юных музыкантов,*** – сказал Константин, – ***когда увидел, с каким трепетом и волнением они выступают, как переживают за них родители, сколько сил отдают им педагоги, невольно перед глазами пронеслась картина: 10-летний Котик без дома, без родительской ласки, голодный, отвергнутый обществом сын “врага народа” – вот с чего начинались первые шаги будущего знаменитого музыканта. Именно тогда он стал зарабатывать игрой на фортепиано и сутками простаивал в очереди, чтобы передать матери купленное на эти деньги яблоко*** /*в дальнейшем она была сослана в ссылку*/***... Спустя годы дядя стал всемирно известным музыкантом, а отец – личностью, весьма влиятельной в высших финансовых кругах США. Один жил при советском строе, другой – при капитализме. Получается, что успех человека зависит в большей мере от него самого, чем от системы. При любом строе есть люди хорошие, плохие, умные и дурные...***

Лос-Анджелес, 2001 год. Эдвард Мирзоян и Константин Орбелян

Гарика сразу после окончания школы забрали на фронт. Случилось так, что он оказался в немецком плену, в лагере для военнослужащих в Штутгарте. И... среди этого ада встретил будущую жену – русскую женщину родом из Харькова Веру Вознесенскую. Она была замужем, но чувству к Гарри не смогла противостоять. Здесь, на границе между жизнью и смертью,обманывать себя не имело смысла.

Когда, наконец, война закончилась, Штутгарт оказался в зоне американского влияния. Вера, врач по образованию, в 1948 году уехала в Нью-Йорк и устроилась на работу. Через год, практически не зная языка, в США приехал и Гарри. Занял у нее 50$, отправился в Калифорнию и устроился уборщиком в очень дорогом и престижном магазине “Гампс”. ...А уже через несколько лет он стал управляющим этим магазином.

Жизнь постепенно налаживалась, но даже стремительный рабочий ритм не мог заглушить душевной трагедии. О возвращении в СССР опасно было даже думать, но и разлука с близкими становилась невыносимой. В конце 1950-х в США с концертами приехала знаменитая певица Зара Долуханова. Орбеляны зашли за кулисы поздравить ее. Представились. “А вы не брат Котика?” – спросила певица с надеждой. “Вы его знаете?!” – “Я знакома и с вашей мамой, ее недавно выпустили из лагеря в Медвежегорске, Карелии”... Рис-

15.04.1988, Лос-Анджелес. Гарри Орбелян и Елена Мирзоян

куя поплатиться звездной карьерой, Долуханова взяла у Гарри письмо для матери. Завязалась переписка. В 1959 году в Америку приехал Хрущев, и на одном из официальных обедов сопровождающему его секретарю ЦК Козлову представили преуспевающего бизнесмена Гарри Орбеляна. “Вы так хорошо владеете иностранным, – спросил Козлов, – где вы научились русскому языку?” – “Там же, где и вы, – в Советском Союзе”. Орбеляна представили Хрущеву. “Что вы хотите, чтобы я для вас сделал?” – “Я хочу видеть мать”. Генсек пообещал устроить эту встречу.

Когда Гарри написал матери, что виделся с Хрущевым и Козловым, она решила, что у сына от переживаний помутился рассудок. Никто не мог предположить, что после стольких лет лагерей она поедет в Штаты, и потому, получив приглашение от Гарри, не стала даже подавать документов. Но тут в Москву приехал мэр Сан-Франциско Джордж Кристофер и поинтересовался: “А как насчет матери Орбеляна?” Речь шла о престиже страны, ведь сам Хрущев пообещал устроить встречу. Софья Атарбекова, старая большевичка, уже понимая, что это не сон, летит в Москву. “А коммунистов мы не выпускаем”, – резко отвечают ей. Но вопрос все же был решен на самом высоком уровне, и ее приезд в Америку в 1960 году стал настоящей политической акцией. Она стала символом Матери для сотен встречающих ее в аэропорту людей, родственники которых остались по ту сторону “железного занавеса”[139].

– Это была настоящая драма: в соответствующих органах “пришли к выводу” (դուրս բերեցին), что Гарри Орбелян, брат Константина Орбеляна, – тайный агент, западный шпион. И я не мог быть равнодушным, осторожным: время было очень тревожное. Накануне поездки в Польшу, в 1968 году, я пошел к Тер-Казаряну Георгию Арташесовичу /*II секретарь ЦК, курировал административные органы*/, **он меня понял и включил Котика в зарубежную поездку. Это был очень принципиальный вопрос.**

Софья Михайловна ко мне относилась исключительно. В 1944 году мы познакомились в Тбилиси, она недавно вернулась из ссылки и уже тогда говорила, что хочет, чтобы ее сын учился именно у меня. Софья Михайловна не имела даже права поселиться в Ереване – переехав в Армению, она долгое время жила в городе Абовян. Это была просто гениальная женщина, чего стоит только ее ответ на предложение о сотрудничестве с КГБ: “Я согласна, – сказала она с наигранной наивностью в тоне, – если только буду действовать легально”.

...Гарри Орбелян незадолго до смерти справлял в Ереване свое 80-летие. В тот вечер он сказал фразу, которая мне очень дорога: “Если бы не Мирзоян, неизвестно, как сложилась бы судьба Котика...” Если Т. Хренников говорил, что за все годы его руководства не был репрессирован ни один член СК, то я с гордостью могу сказать, как никто другой зная, что это было очень непросто: не было ни одного члена СК Армении, который был бы невыездным. Случалось, что в определенный момент не выпускали за границу, но невыездных не было. Если не пускали, я этим занимался.

Не выпустили как-то Геню /*Гегуни, композитор*/ **Читчян. Я пошел к Ованесу Минаевичу Багдасаряну** /*II секретарь ЦК*/**, он мне сказал: “Не вмешивайтесь в эти дела, занимайтесь музыкой”. Я пошел к Тер-Казаряну: “Георгий Арташесович, что случилось, я хочу знать?” Выяснилось, что Геня где-то в Бельгии или Голландии была в музее современного искусства, и из украинской делегации кто-то сказал: “Какая мура!” Геня: “А мне нравится...” И эта сволочь написала на нее донос. После моего вмешательства вопрос был закрыт. ...Через три месяца Багдасарян звонит мне: “Как дела? Не заходишь”. – “Я на вас обижен”.**

Народный артист СССР Константин Орбелян внес весомый вклад в армянское искусство как композитор и дирижер. Однако его заслуги этим не ограничиваются. Дело в том, что именно Орбелян озвучил в центральной прессе “новость” о только что законченной Симфонии Мирзояна, которую тот еще даже не начинал записывать. Чувство неловкости и нежелание подвести друга заставили Эдварда Михайловича, наконец, спустя годы, взяться за дело. Вот те строчки, которые послужили мощным импульсом к рождению этого значимого в истории армянской музыки сочинения.

“Да, работать в коллективе талантливых людей, отличных композиторов-профессионалов – трудно. Но и какая это ни с чем не сравнимая радость! Вот Эдвард Мирзоян, мой наставник, педагог и друг, превосходный музыкант, завершивший сейчас Симфонию для струнного оркестра, – одно из самых глубоких, целостных и органичных по стилю сочинений армянской симфонической музыки”[140].

1964 год, Николаев

Эдик джан, здравствуй!

Так и не удалось повидаться с тобой перед отъездом. Нахожусь на гастролях на Украине, сейчас пишу тебе из Николаева. Где-то в конце месяца выезжаем в Москву для проведения известных тебе концертов во Дворце съездов. По милости Завена Вартаняна /*начальник Управления музыкальных учреждений Минкультуры СССР*/ наше участие в этих концертах было почти похоронено, и только после вмешательства

[139] Статья Л. Епремян о семье Орбелянов была опубликована в газете “Новое Время” (“Тест на выживание как эксперимент судьбы”, 23.02.2002).

[140] Орбелян К. Видеть национальное по-новому.// “Советская музыка”, N10, 1961, с.42-43.

Якова Никитича /*Заробян, Первый секретарь ЦК КПА*/, который в это время находился в Москве, нас “восстановили в правах”. Говорят, что Заробян пригласил на эти концерты Хрущева и Брежнева (по словам Грачика Капланяна /*режиссер, художественный руководитель Драматического театра*/), во всяком случае, в министерстве паника в связи с этим мероприятием.

Эдик джан, теперь о цели письма, об аспирантских делах.

Видел Зарика до отъезда. Как он считает, отсрочка невозможна. Тогда как в отделе аспирантуры при Академии наук мне говорят обратное. У меня пошел второй год, я ничего не делал за это время, а положение таково, что если я в мае не сдам все минимумы, меня отчислят. Помню, ты считал возможным поговорить с Айряном /*председатель комитета по высшему образованию*/. В общем, положение таково, что в мае меня могут снять. Ты знаешь, что ехать в Москву я давно передумал и намерен закончить аспирантуру в Ереване. Очень прошу тебя помочь. Если что-нибудь можно сделать.

Откровенно говоря, я собирался значительную часть письма посвятить одному обстоятельству, которое меня очень удивляет и волнует. Ты очень изменил свое отношение ко мне, в обращении со мной у тебя сквозят недоверие и настороженность. В чем дело? Если все дело в инциденте, который произошел на пленуме эстрадной музыки, так мне казалось, что это забыто. Во всем остальном моя совесть перед тобой чиста. Кроме моих собственных наблюдений, у меня есть другие основания. Сосян мне сказал, что в разговоре с тобой относительно “зампредства” Тертеряна /*Авет*/ ты сказал – “этот Орбелян у меня вот где сидит”, показав при этом себе на горло. Прости, пожалуйста, что закатываю тебе сцену в письме, но я все же хочу знать, что же все-таки произошло. Ты не Егиазарян /*Григорий, композитор*/, чтобы считать, что окончание курса учебы у тебя знаменует собой конец дружеским и, наконец, просто человеческим взаимоотношениям. Мне это тем более странно, потому что я, как никто другой, знаю, каким ты можешь быть последовательным во взаимоотношениях с людьми, которые, кстати, платят тебе только неблагодарностью. Ты знаешь, о чем я говорю. Думаю, что все то, о чем я пишу, это не плод моей мнительности. Мне кажется, что твое положение председателя Союза, общественного деятеля мешает тебе установить действительный состав искренних людей, которые тебя окружают. Ты по сей день с благодарностью говоришь о В. Г. Тальяне /*композитор, педагог Мирзояна*/. А ведь ты для всех своих учеников сделал значительно больше. Мы об этом помним – хочешь ты этого или не хочешь.

Обнимаю тебя

Твой ***Котик***

P. S. В Николаеве много хороших баб. Письмо, как мне кажется, следует немедленно уничтожить.

1967, Дилижан

Дорогой мой Эдик!

Испытываю острую необходимость поговорить с тобой хотя бы на бумаге. Я очень рад, что быстро уехал из Еревана, здесь нет людей, и я чувствую себя лучше. Но, в то же время, здесь больше времени обдумать все, что случилось. Случилось, конечно, непоправимое. Я далек от мысли, что авторы статьи хотели сделать неприятность именно Гарику /*Орбелян, брат Константина*/. Их дело написать статью, и им нужны были примеры. Гарик давно уже на виду (имею в виду его контакты с советскими людьми). Кто-то, по-видимому, что-то сказал, другие добавили, а тут еще его плен – на родину он не вернулся. И все-таки статья (имею в виду раздел о Гарике) тенденциозная. Допустим, что он склонял людей остаться в США. Но как же он не смог убедить свою родную мать остаться хотя бы до окончания визы (ты же знаешь, что мама приехала раньше)?! Или разве кто-то из тех, с кем он общался, остался в Сан-Франциско? Нет, конечно, никто не оставался, и я уверен, что он никому этого не предлагал хотя бы потому, что его мать и брат могут в первую очередь пострадать, как и получилось. О том, что я пострадал не только морально, мы еще убедимся...

Конечно, никакого опровержения не будет, а это было бы единственным спасением. Мне бы очень хотелось знать правду о Гарике. Думаю, что маме что-то удастся в Москве узнать. Должен тебе сказать, что в свете теперешних событий я вновь увидел в тебе прежнего Эдика. Эдика, к которому я пришел в музучилище и который был за моей спиной всю пору моего становления.

Последние годы мне казалось, что ты ко мне стал относиться сдержаннее. Но теперь мне открылась новая сторона твоего существа. Постараюсь объяснить. Люди обычно сторонятся неудачников и тянутся к удачливым, везучим и т.д. Ты же – наоборот: когда человеку хорошо, ты к нему вроде равнодушен, но когда /*ему*/ плохо, то равного тебе нет, и не случайно ты всегда там, где в тебе особенно нуждаются. Другой бы (а их много или, скорее, подавляющее большинство) не стал сейчас брать меня под свою защиту, хотя бы из осторожности. Но именно сейчас ты делаешь все, чтобы облегчить свалившееся на меня горе.

Цель моего письма – поблагодарить тебя за это и заверить, что если когда-нибудь в жизни я смогу для тебя что-либо сделать, ты можешь рассчитывать на меня, как ни на кого другого. Желаю тебе в наступающем году счастья, здоровья, не говорю творческих успехов, т.к. сейчас почувствовал, что это – не самое главное.

Твой ***Котик***

P. S. Кстати, относительно слухов, что я встречался с братом в Чехословакии. Ты знаешь, что я очень дружу с композитором Гарри

Мануореком, который очень нам помог во время гастролей в Праге, приезжал в Ереван для консультации нашей программы. Я не раз с ним из Еревана говорил по телефону, посылал посылки. Так вот, может, этого Гарри спутали с моим братом. Во всяком случае, я хочу, чтобы ты об этом знал.

1963 год, США

Дорогой мой, родной Эдик джан!

Как я и Вера обрадовались, когда получили твое письмо! Золотой мой, нет такого пера, которое могло бы описать нашу любовь. Я тебя уже любил как родного брата до твоего приезда – мама очень часто о тебе говорила, рассказывала о твоем исключительном товарищеском и "педагогическом" отношении к моему Котику, хотя он считает это "непедагогичным". Когда я вспоминаю это выражение, без смеха не обходится /*см.комментарии Мирзояна ниже*/.

<...> Эдик джан, золото мое! Желаю от всей души благополучно приехать домой /*с гастролей по США с квартетом имени Комитаса*/. Целуй крепко от меня детей, Лялечку, маму твою. Передай Котику, что я счастлив, что он имеет такого друга, товарища, педагога, как ты. Между прочим, его приняли в аспирантуру в Москве, так что он, наверное, тебя будет встречать в Москве. Эдик джан! Пожалуйста, передай это лекарство моей маме – это от ее ушей. Ну, радость моя, желаю тебе от всей души всего хорошего на нашей дорогой земле. Целуй ее крепко-крепко от меня – это самое дорогое и священное на свете. Надеюсь, скоро увидимся на родине.

Целую тебя бесконечно крепко-крепко. Привет дорогим ребятам от меня – Генриху /*Талалян, альтист квартета имени Комитаса*/, Рафику /*Давидян, вторая скрипка квартета имени Комитаса*/ и всем остальным – они оставили колоссальное впечатление на нас. Целую тебя еще раз крепко-крепко

Гарик /*Орбелян*/

– По поводу реплики "это непедагогично".

Руза. Хорошая погода. Появляется Константин Орбелян в шикарном импортном купальном костюме. Он несколько дней мечтал о солнце, чтобы его одеть. Страшно воображая, бросил мне: "Привет!", спустился к воде, взял моторную лодку, завел мотор и уплыл. В считанные минуты погода испортилась, начался дождь, и как назло, мотор замолк, не заводится – Котик беспомощно озирается в глубине Москвы-реки. Авет Тертерян на веслах доплывает до него, с прицепом привозит Котика, промокшего, как мышь. Я говорю с иронией: "Привет!" – все хохочут.

На ужин он не пришел. На следующее утро за завтраком я приветствую Котика. В ответ он, студент консерватории, с обидой мне бросает: "Это непедагогично!"

Сергей Агаджанян

– *С*ергею я сказал: «Գիտե՞ս, Սերգե՛յ, թե ինչ կստացվի, հայտնի չի, բայց որ ամեն դեպքում արժի պարապել, որովհետև դա կօգնի քո գործին ինստիտուտում, դա փաստ ա» ("Знаешь, Сергей, что получится – неизвестно, но что заниматься композицией стоит, так как это поможет твоей работе в институте, – это факт")[141]. А потом выяснилось: да, и плюс к этому – *медленно*. Медленный процесс сочинения, вызревания идеи. Есть композиторы, которые быстро сочиняют, возможно, болезненно переживают, страдают, но быстро. Тот же Моцарт, тот же Шостакович. А Арно Бабаджанян – он быстро даже песни не писал. Заболел он именно в период работы над Трио, он написал потрясающее произведение. Не говорю – "гениальное" только лишь потому, что Арно сам – гениальное явление. Я как-то был в Москве целый месяц, он все это время работал над одной-единственной песней. Слушаешь, кажется, что у него сразу вышло. У Комитаса тоже так.

"Полимонодия" – я Сергею подсказал это название для его сочинения, в котором монодия шаракана полифонически рассредоточена в пространстве так, что нет ни одной добавленной извне ноты, – это именно поли-монодия. Гаянэ Чеботарян долгое время этого не принимала, но в конце концов, в своих трудах признала. А такой талантливый человек, умница, как Гагик Овунц, сказал: "Это находка. Это мечта моей жизни, я писал по этому принципу – это гениальная находка".

Сергею я благодарен и за то, что по собственной инициативе он сделал несколько удачных переложений моих сочинений для камерного оркестра, в том числе Лирической картины "Шушаник", что, откровенно говоря, не просто...

Агаджанян прожил очень плодотворную жизнь. Его композиторское дарование, раскрывшись еще в молодые годы, на склоне лет, уже в 70-летнем возрасте вновь получило признание: Сергей Агаджанян был признан лучшим на III Международном конкурсе композиторов имени Прокофьева в Санкт-Петербурге, о чем он сам даже понятия не имел: радостную новость ему сообщила я, незнакомая журналистка из газеты "Новое Время". Он воспитал множество учеников в различных странах мира, имел большую семью. И все же главной удачей своей жизни Агаджанян считал возвращение на историческую родину, в Армению. Вопреки всему и той истории, о которой только на склоне лет, на закате дня в наступивших сумерках решился мне рассказать. Почему? Наверное, потому, что ему

[141] С. Агаджанян долгие годы был художественным руководителем созданного им Камерного оркестра Ереванского политехнического института.

была известна тайна энергетической связи художника со своей землей – за это он заплатил высокую цену.

...Давным-давно, найдя в подвале подсознания темную комнатку, он запрятал там эту историю. Запер двери и выбросил ключи, чтобы больше никогда не возвращаться к прошлому. Так случилось, что в тот день, почувствовав доверие ко мне, он рассказал эту историю. Диктофон, фиксирующий рассказ, я положила прямо перед ним, на самом видном месте, не желая обманывать беспредельное к себе доверие. Сергей заметил его только в конце диалога, когда щелчок магнитофона, казалось, вернул его к действительности. Что с ним стало! – он просил-умолял никому ничего не говорить: страх, беспредельный страх проснулся в нем, напомнив о былом. Но, вопреки всему, я впервые сознательно пренебрегла законами журналистской этики: на следующий день материал был напечатан в газете “Новое Время”. Реакция Агаджаняна оказалась неожиданной: материал вызвал такую бурю положительных и восхищенных откликов, что Сергей был искренне благодарен и сожалел лишь об одном: “Я так многого еще не рассказал!”[142]

– С чего начинается Родина? – переспросил Агаджанян. – В Иране, местечке Пехлеви, где я родился, она начиналась с родителей, с уст которых не сходило слово «Հայրենիք» (“Родина”). А может, со столпотворений в очередях в единственную армянскую школу в Тегеране. Там я встретил своего учителя музыки – А. Патгамяна из Египта, который воспитал меня в патриотическом духе и устроил в местную консерваторию по классу скрипки. И через пару лет мне оказался под силу Скрипичный концерт Хачатуряна. Тут-то меня, как лучшего ученика, решили послать на учебу в Америку, к знаменитому Ивану Га-

[142] Публикуется по: Епремян Л. Холодная зима 52-го, или Исповедь счастливого человека.// “НВ”, 3.10. 2000.

ламяну. Но в сердце моем звучало прежнее: “Айреник”. Уже потом, в 1975 году, когда в США даже птицы не летали, я со своим оркестром был там на гастролях. И ужаснулся: не дай бог, все сложилось бы иначе, и я оказался бы там, Америка – не моя страна.

И вот после одного из концертов в Иране ко мне подошел парень, мастеровой по имени Шаген и предложил, нарушив границу, перебраться в Армению. “Не бойся, мой знакомый за деньги готов помочь”... Была холодная зима 1952 года. Мы вместе пустились в путь, и чтобы не замерзнуть, каждый прихватил по бутылке вина. Но проводник их опустошил и потерял дорогу. Окольными путями, запутывая следы, мы вернулись обратно. Но не изменили своего решения и 9 декабря снова отправились в путь. Уже подходили к приграничной с Туркменией речке, когда проводник (как я потом узнал, он работал на советскую разведку) остановился: “Дальше пойдете сами, вас встретят”.

И встретили:

– Стой, кто идет?! Руки вверх! – Два пограничника навели на нас автоматы.

Уложили наземь, обыскали и приказали не двигаться с места. Был собачий холод, светало. И в этот момент осел из соседней деревушки громко заревел. Я лежу, мороз по коже: мне показалось, что ишак хохочет над нами. Приехало вооруженное подкрепление в “вилисах” с собаками. Нас забрали, остригли наголо, посадили в одиночную камеру. Я жил на земляном полу, камера не отапливалась, и черный грязный “хлеб” не лез мне в горло. Наверное, было бы легче, если бы меня били, – но нет, была продумана планомерная психологическая атака по всем законам сталинского террора.

– У нас есть неоспоримые доказательства, что ты – американский шпион. А это – удостоверение твоего отца-дашнака.

– Чушь собачья. Мой отец занимается продажей мехов. А удостоверение – плевое дело: дайте мне пишущую машинку и бланк с печатью, я вам в два счета состряпаю такую же на вашего отца...

Понятно, что за этим следовало. У меня нашли ноты хачатурянovского концерта с отмеченной карандашом аппликатурой – цифровым обозначением пальцев. Из этого вышла целая история: аппликатуру мне записали в обвинение в качестве хитрой шифровки от секретного командования...

Однажды я особенно сильно испугался. Была глубокая ночь. Пришли за мной и повели по незнакомым тропинкам. Плутали с полчаса, чтобы нагнать страху, а в результате привели все в тот же знакомый деревянный дом для допросов. Но комнату выбрали в самом конце коридора – шел и ни минуты не сомневался, что иду на казнь. Толкнули дверь. Вокруг стола сидели трое служащих НКВД. Слабый свет настольной лампы освещал какой-то замызганный чайник. С меня сняли кандалы: "Подойди!" Я сделал шаг. "Еще! Открой крышку чайника!" – переводит мне сотрудничающий с

ними армянин. Бездарь несусветная: ни русского прилично не знал, ни армянского, ни фарси, но корчил из себя начальника. Я однажды в сердцах его припугнул: “Безграмотный осел, в Иране ты бы и лимоны не смог продать. Будешь чинить допросы, доложу начальству о твоих познаниях – в два счета полетишь с работы!”

Так вот. К крышке чайника боюсь прикоснуться: кажется, что там взрывчатка. Эти садисты самодовольно улыбаются, упиваясь, наслаждаясь своими “хитростями”. Но ничего – пусто. Смотрю, на ржавом дне нацарапаны имена – Мухаммед, Вардан и др., а среди них знаменитый афоризм Саади, которую в Иране можно прочесть на каждой улице: “И это пройдет”. Эти слова, которые я перевел своим мучителям, вернули мне самообладание...

...Смерть Сталина в 1953 году стала началом и моей жизни на родине. В поезде “Ашхабад – Ереван” меня обокрали, и в первое время я ночевал на вокзалах. Потом устроился на работу в фотоателье – ретушировал фотографии. Одновременно учился в Ереванской консерватории по классу композиции моего любимого учителя Эдварда Мирзояна, который меня очень поддержал. За эти годы я

написал массу сочинений, долгие годы был музыкальным редактором на радио, преподавал в консерватории и в Педагогическом институте имени Абовяна. И каждый раз, глядя на Арарат, я забываю все плохое, благословляя Бога за то, что вернул мне родину, хоть и нелегкой ценой. А самое удивительное, что все до единого прожитые дни, унесенные ветрами прошлых лет, теперь на расстоянии кажутся мне счастливыми...

Ереван, 1983 год, профессор Э.М.Мирзоян с учениками. Сидят: Вагаршак Закарян, Микаэл Закарян, Арташес Карталян, Эдуард Бейлерян; 1-й ряд: Айкуи Акопян, Сергей Агаджанян, Мартин Вартазарян, Изабелла Аразова, Симон Оганесян, Манвел Бегларян, Шушаник Искандарян, Хачатур Аветисян, Эдвард Мирзоян, Константин Орбелян, Ромен Давтян, Аида Аветисян, Степан Шакарян, Мелик Мависакалян, Тамара Давидян, Руслан Галстян; 2-й ряд: Норайр Григорян, Армен Смбатян, Арсен Андрикян, Айк Манвелян, Арзас Восканян, Роберт Амирханян, Ашот Бабаян, Левон Чаушян, Арам Сатян, Грачья Меликян, Врам Григорян, Юрий Арутюнян, Армен Боямян

Октябрь 2010

ЧАСТЬ IV

Человек-эпоха (избранные письма)

***Бабаджаняны: Арно**, **Арцвик** (мать), **Тереза** (жена)*

30.09.1947, Ереван
Эдик ջան (джан)!

Посылаю с Гурвичем /*артист оркестра Большого театра*/ партитуру моего Концерта /*для скрипки с оркестром*/. Вчера играл довольно-таки успешно, встречали тепло, на бис сыграл “Токкату”. От Нами[143] получил букет и туда вложенное письмо, вернее – записку. Пишу тебе точное содержание записки: “Арно! Поздравляю тебя очень, очень. Хочется написать тебе что-нибудь хорошее, но в последнее время ты надо мной очень смеешься, и поэтому я тебе ничего не пишу. Думаю, что ты не сомневаешься в моих хороших чувствах к тебе”. После концерта она отшила свою тетю, и мы шли домой вместе. Она была страшно возбуждена, все жала мою руку и т.д. Думаю, что дела идут хорошо. Приеду, обо всем поговорим. Мне кажется, что мы увидимся в Москве <...>. Сегодня твоя мама пригласила меня и Маряну /*подруга Э. Мирзояна, певица Марианна Арутюнян*/ на шашлык, пили за твое и ребят здоровье. Рад, что скоро увидимся, соскучился по вам страшно.

Ну пока, целую вас крепко-крепко

Ваш ***Арно***

22.09.1960, Москва
Эдик ջան (джан)!

Как мы с тобой договорились, присылаю партитуру и клавир моей песни. Котик, как всегда, верен себе, еще мне не звонил, и, не надеясь на него, присылаю с Юрием Айрапетяном /*пианист*/. Эта песня, как ты сам почувствуешь, годится для заключительного номера с объединенным хором. Партитура сделана с этим расчетом. Сейчас о тексте: когда мой папа уезжал в Ереван, я с ним послал болванку, чтобы он связался с поэтом – Сарменом или же с Граши,

[143] Подруга Бабаджаняна, приемная дочь первого секретаря ЦК КПА Григория Арутюняна, в замужестве Микоян.

или с Эмином. Но ты знаешь характер моего отца. Он связался и с Сарменом, и с Граши (Эмина в городе не было). И вот я с некоторым интервалом получаю эти тексты. К моему огорчению, ни тот и ни другой тексты меня не удовлетворяют. Я даже пробовал соединить удавшиеся куски из этих текстов и сделать один текст, но из этого тоже ничего не вышло. Во-первых, у Сармена, кроме первого куплета, в остальных акценты неправильные (у Граши в этом отношении более благополучно). Во-вторых, если отбросить эти погрешности, сами тексты – ничего не говорящие.

Эдик джан! Я смогу приехать в Ереван не раньше 1-го октября. К тебе большая просьба – свяжись с кем-нибудь из поэтов, пусть под твоим руководством кто-нибудь напишет хороший текст. Если бы я был в Ереване, даже на основе этих текстов можно было бы что-нибудь сделать. Очень тебя прошу, обо всем этом поставь меня в известность. Привет, всего вашим

Целую ***Арно***

– *Доктор Жан Бернар приехал в Москву осмотреть жену Косыгина. Об этом мне сообщила по телефону Тереза /жена А. Б./*, я сейчас же, поздно вечером, кинулся к Антону Кочиняну с просьбой проконсультировать Бабаджаняна. Один из секретарей, Роберт Хачатрян, выразил недовольство, что я вмешиваюсь в такие дела. Кочинян сразу же среагировал – позвонил зампреду Совмина СССР Мазурову, который сказал, что Бернар берет за консультацию 2000$. Антон Ервандович ответил: "За Бабаджаняна мы готовы заплатить миллион"... Позже Арно неоднократно ездил на лечение в Париж и установил рекорд по продолжительности жизни при его диагнозе, внесенный в медицинскую энциклопедию, – более 30-ти лет.

06.03.1963, Москва

Эдик, дорогой!

Вся надежда на тебя. Недаром, когда ты уезжал в Америку, я почувствовала какую-то тревогу. Знала, что Арно в этом отношении никудышный, стесняется за своих просить. Эдик джан, сейчас такое у нас положение, что надо Арно вывести из этого ада. Я в тяжелом состоянии была переброшена в стационар, и теперь мне не лучше. Немного, может быть, подлечат, но вернуться домой и помочь Арутюну Яковлевичу */отец А. Б./* я не в силах, как сказала врач. И потому, чтобы спасти Арно, надо отца устроить в больницу. Мне, конечно, очень тяжело. Но что делать? Мы пожили достаточно, пусть Арно будет здоров. Эдик джан, надо его устроить в физиотерапевтическое отделение. Может быть, еще могут его на ноги поставить. Единственный выход, как говорит врач.

Целую ***тетя Арцвик***

1980 год, Москва

Дорогой Эдик!

Обращаюсь к тебе с просьбой относительно здоровья Арно. У него очень тяжелое состояние. Эта опухоль у него злокачественная. У нас есть только один специалист по крови – Касирский, а другой в Париже. Мне онкологи сказали, что препарат Касирского мало еще изучен, т.к. это заболевание плохо изучено и причин возникновения еще не знают, все это малоутешительно. Его уже выписали, он температурит – 37,2-37,5. Это очень изнуряет его, он очень слаб, но очень пополнел, облучили его очень много. Очень прошу тебя, я уверена, что можно в Армении сделать следующее: помоги нам купить путевки в Париж дней на 20, индивидуальные, за свой счет, туристические. Бояджян */бизнесмен из Франции/* нам там должен помочь, т.к. очень переживает за Арно – он был у него в больнице. Все документы и анализы у нас в Музфонде.

Я уверена, ты к моей просьбе отнесешься со всей серьезностью и поможешь нам в этом. Состояние его здоровья очень тяжелое и малоутешительное. Но мы должны сделать все, что возможно.

Целую тебя ***Тереза***

1980 год, Москва

Дорогой Эдик!

Только что из разговора с Сосяном выяснилось, что ты обращался за разрешением нашей поездки в ЦК. Роберт Хачатрян */секретарь ЦК по идеологии/* обратился с этим вопросом в Москву, в больницу к Хримяну */министр здравоохранения/* за получением официального подтверждения, насколько он нуждается в этой поездке. Все это очень затрудняет исход дела. Это я все предвидела и потому мне не хотелось обращаться в Министерство здравоохранения, т.к. я заранее была уверена в этом. И потому просила через АОКС устроить за наши деньги поездку в виде туристической или же творческой командировки. Не связывай все это с его болезнью. Обращение к болезни только затрудняет возможность поездки.

Дорогой Эдик! Учить тебя не хочу, но только очень прошу тебя, будь более гибким и поверни это дело по другому руслу. Может, тебе поможет Берсабе Григорян */председатель Армянского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами/*. Очень рассчитываю на твою помощь – это единственное средство помочь нам.

Целую тебя ***Тереза***

05.0I.1978, Москва

Дорогой Эдик!

Только приехал из Парижа и спешу тебе сообщить. Наш концерт должен состояться 16 июня в Марселе и 18-го – в Лионе. В программе: Мирзоян – Симфония, Бабаджанян – “Героическая баллада” и Хачатурян – сюита из балета “Гаянэ”, дирижер А. Сираносян /*Александр*/. Думаю, что эта поездка будет очень хорошая. Мы с тобой будем жить в вилле моих хнами /*родители невестки*/, которая находится на берегу Средиземного моря, и до Марселя всего двадцать минут езды. Так хотят мои хнами и я.

Ереван, Студия-Консерватория по улице Спандаряна (ныне Арами)
Фото начала 1950-х годов

5/I 78г.
Дорогой Эдик!
Только приехал из Парижа
и спешу тебе сообщить.
Наш концерт должен состояться
16 Июня в Марселе и восемнадцатого в Лионе. В программе
Мирзоян Симфония, Бабаджанян
"Героическая баллада" и Хачатурян
сюита из балета Гаянэ дирижер
А. Сираносян. Перед отъездом
звонил мне Сираносян и сказал
что твое приглашение послано
Алгодасяну. Я сказал, что
нужно послать в союз композиторов СССР. Думаю, что они
и это приглашение пошлют.
Я буду через Госконцерт. Они и
[illegible] Нам надо
[illegible]
[illegible] будет
не прилично, и вот видишь
разболтался. Думаю надо
кончать. Целую тебя крепко.
Приветы всем вашим.
твой А.Бабаджанян

Сираносяну очень нравится твоя Симфония, он парень талантливый, и я думаю, что исполнение должно быть хорошим, учитывая еще, что оркестр Марсельской оперы, как мне сказали, очень профессиональный.

Мои концерты в Романе и Валенсе прошли, к моему удивлению, с большим успехом. Представляешь, мне пришлось в каждом концерте играть по 5-6 бисов. Оркестр был полупрофессиональным, но Сираносян предварительно провел с ними громадную работу. Очень хорошие отзывы французской прессы. На этих двух концертах присутствовал Р. Г. Саакян /*Рубен, ответственный работник советского посольства во Франции*/, который просто ликовал как настоящий патриот. Кстати, каждый раз общаясь с ним, я вновь и вновь убеждаюсь, какой он чуткий, умный и обаятельный человек. Кстати, передавал тебе свои самые наилучшие пожелания и надежду /*на*/ скоро/*е*/ свидание с тобой на предстоящих концертах.

Дорогой Эдик! Ты, наверное, удивлен, что я так долго пишу. Честно говоря, я сам удивлен. У тебя, наверное, нет ни одного моего письма. Ты знаешь, что для меня это сверхзадача – писать письма. Наверное, вспомнил наше общежитие!!!

Честно говоря, я собирался только послать вашей семье фотокарточки, которые привез из Парижа. Но подумал, что без письма будет неприлично, и, вот видишь, разболтался. Думаю, надо кончать.

Целую тебя крепко. Приветы всем вашим.

Твой ***А. Бабаджанян***

– Мне так дороги эти строки, ведь мы практически не переписывались. Мы действительно жили у его хнами, которые нас встретили на машине и повезли в свою виллу. Состоялся концерт в Оперном театре Марселя. Мою Симфонию в первом отделении хорошо приняли. Ввиду того, что 1 мая скончался Арам Ильич, Сираносян внес изменения в программу. Вместо сюиты из балетов он исполнил третью часть Второй симфонии Хачатуряна, попросив не аплодировать. После чего сыграл “Танец с саблями”, бурно, с восторгом принятый публикой. А потом – “Героическую балладу” Арно, ее прекрасно принял зал, Арно неоднократно бисировал с фортепианными миниатюрами. Сцена была освещена, а в зале темно, публики не видно. Исчерпав весь репертуар, Арно вдруг стал искать меня в этой темноте, и мы сыграли мою “Лезгинку” в 4 руки, чем и завершился концерт. ... После концерта директор театра обратился ко мне с просьбой отобрать скрипачей из Армении в Марсельский оперный театр. Я тогда подумал: “Да-а.., вот тебе и Франция. Полуторамиллионный Марсель не может обеспечить свой оперный театр музыкантами”.

Бабалян Арус
(певица, жена и сподвижница Р. Меликяна)

– *А*рус Бабалян – совершенно необыкновенная личность. До конца жизни она была бесконечно предана делу композитора Романоса Меликяна, хотя их совместная жизнь не сложилась. После развода с Романосом она вышла замуж за театрального режиссера Александра Абаряна, есть сведения, что до встречи с Меликяном она уже была замужем. Арус, итальянка по национальности, была красавицей: глаза голубые, глубокий взгляд... Она была удочерена семьей Бабалян, по одной из версий, как мне рассказывала мама, итальянская театральная труппа гастролировала в Тбилиси, и одна из артисток ее родила, оставив в Тбилиси.

У меня сохранилось множество ее писем, содержание которых всегда одно и то же – композиторское наследие Романоса Меликяна и судьба их с Романосом детища – Студии[144], на базе которой впоследствии была создана Ереванская консерватория. "Студией" консерваторию назвали для того, чтобы не было слишком громкого впечатления, – ведь это было первое музыкальное учебное заведение. Возня с юбилеем продолжалась долго, годами. Ректор Армен Смбатян правильно понял ситуацию, и 75-летие консерватории мы справляли в 1996 году.

02.02. (конец 1960-х), Тбилиси
Дорогой Эдик!

Прежде всего я хочу выразить Вам свою глубокую благодарность за Ваши строки обо мне, <...> адресованные О. В. Тактакишвили /*Отар, композитор, министр культуры Грузии, секретарь СК СССР от Закавказья*/. Большое, большое Вам спасибо за них. Вы всегда были внимательны ко мне. Так и на этот раз. Благодарю Вас от всей души.

Не сердитесь на меня за мое это письмо, не сердитесь за то, что я этими строками отнимаю у Вас дорогое Вам время. Но о том, о чем я хочу говорить с Вами, я не могу сказать никому другому, только Вам хочу сказать о том, что меня волнует и очень, очень огорчает.

По содержанию части вопросов <...> как будто я должна была бы обратиться в Консерваторию, а не к Вам. Но в музыкальном мире Армении единственно Вас я чувствую близким мне человеком, с которым удивительно сходятся мои мысли, которому я могу сказать совершенно откровенно все без утайки и быть уверенной в том, что я буду понята им правильно, человеком, от которого получу ясный и правдивый ответ, разумный и дельный совет. <...>

[144] А. Бабалян слова "Студия" и "Консерватория" пишет с большой буквы, для нее это имеет особый смысл – это ее создания, ее детища, поэтому подход Бабалян в публикации рукописи сохранен.

По телефону Вы мне сказали, что дату /*50-летие*/ Консерватории будут отмечать в 1971 году, а /*дату*/ Романоса – в 1973 году. Вы меня очень успокоили этим сообщением. <...> Но совсем недавно до меня дошли совсем противоположные вести, исходящие из Консерватории, но лично от кого – не знаю.

Очевидно, за Ваше отсутствие произошли какие-то изменения. Мне сообщили, что Консерватория будет отмечать свою дату не в 1971 году, а в 1973-м, так как стройка нового здания Консерватории не закончена, а юбилей должен быть отпразднован обязательно в новом здании. Так хотят дирекция и большая часть Художественного совета.

Эдик, дорогой, помогите в этом вопросе. Я полагаю, что Вам удастся убедить людей и работников Консерватории в необоснованности их желаний и решений. Ведь если дата будет перенесена на 1973 год, это будет означать, что Консерватория не признает Студию в прошлом. Неужели здание может решить вопрос даты? Разве нельзя отметить дату в Большом зале филармонии или в Оперном театре?!! Неужели из-за здания можно исключить существование Студии, неужели ее можно снять со счетов, ее – основу музыкально-профессионального образования, которая своими ростками покрыла почти всю территорию республики и послужила основой для организации Консерватории. Ведь Студия была построена буквально на пустом месте горсточкой людей, их необычайно преданным и самоотверженным трудом, граничащим с подвигом. И этого нельзя забыть. А что получается, если дату Консерватории перенести на 1973 год? Получается, что Студии вовсе и не было.

А как же создалась Консерватория? Свалилась с неба в готовом виде, что ли? Консерватория не должна забывать, что если бы не было Студии в 1921-м, то не было бы и Консерватории в 1923 году.

Дорогой Эдик! Я не хочу, чтобы Вы подумали, что я пишу Вам о Студии потому, что Романос и я – мы были участниками создания ее. Мы были такими же участниками создания и Консерватории. Романос – ее организатор и первый директор, а я – /*была*/ первым, приглашенным в Консерваторию педагогом по вокалу и заведующей вокальным отделением Консерватории. Как видите, положение Романоса и мое нисколько не меняется от переноса даты на 1973 год – оно остается неизменным. Ну, а остальные работники Студии? Значит, их и не было вовсе? Значит, и Студии не было вовсе? Значит, не было и ее музыкально-просветительской деятельности, сыгравшей огромную роль в развитии родного нам искусства?!!

Ведь это же абсурд. Ведь есть документы о ее реальном существовании и о ее деятельности. Их сколько угодно. <...>

Дорогой Эдик! Извините за то, что я так долго задерживаю Ваше внимание. Но я не могу обратиться ни к кому, кроме Вас, решительно ни к кому. Я никому не верю, а верю только в Ваше от-

ношение, верю только в Вас. Прошу, очень прошу Вас, убедите Консерваторию. Я уверена, что Вам, именно Вам это удастся. Вас так высоко ценят. Вас так любят. И так считаются с Вами везде, везде.

<...> Если Консерватория “отречется” от Студии – от своей прародительницы, и не захочет присоединить ее к себе, то тогда, может быть, в связи с 50-летием /*Советской*/ Армении можно будет просто вспомнить нашу Студию, организованную в 1921 году, может, можно будет отметить 50-летие со дня основания первого музыкально-учебного заведения Армении. <...>

А теперь я хочу поговорить с Вами о Романосе. Как Вам известно, в 1973 году ему исполнится 90 лет. Но дело в том, что если дата Консерватории будет перенесена на 1973 год, тогда юбилей Романоса может не состояться. Ведь не могут же организовать два юбилея /*одновременно*/. Тем более, что Консерватория была открыта 1 октября, и Романос родился 1 октября. Боюсь, что может поступить также предложение отметить не 90-летие, а 100-летие Романоса в 1983 году!

Эдик, Вы только подумайте, что будет это означать. Это будет означать, что печатание его произведений, об издании которых было сделано Постановление Наркомпроссом еще в 1935 году <...>, а также издание книги воспоминаний о нем, которая лежит уже чуть ли не 10 лет и ждет издания, – все это может быть перенесено к 100-летию его рождения. Вот в чем весь ужас!

Ужас потому, что <...> откладыва/*ется*/ издание таких его произведений, /*как*/ “Вард”, “Осенняя песнь”, “Змрухти” и “Зарвар”! И потому мы так мало слышим его с эстрады. А разве его наследие недостойно издания и исполнения? А разве наши вокалисты недостойны обогащения своего репертуара его произведениями?

Правда, есть у Романоса такие поклонники, которые в его архиве (я не знаю, почему им это разрешают) переписывают его еще неизданные произведения, но весьма часто в неправильном и искаженном виде исполняют их. А потом присылают переписанные ноты мне для исправления текста. А разве Романос недостоин быть избавленным от таких “случайностей”, от ненужных “соавторов”, недостоин прозвучать таким, какой он есть?!

Все это говорит за то, что Романос должен быть издан, и безотлагательно. А это возможно сделать, только связав издание с его юбилеем. Вот почему перенос его юбилея на позднее время (если только это будет предложено) я считаю ужасом. И если этот ужас будет предложен, то нельзя ли будет тогда юбилей Романоса связать с 50-летием Консерватории в 1973 году – отметить эти два юбилея вместе, в один день?

Я полагаю, что Консерватория не позволит себе протестовать против этого. Ведь Романос имеет какое-то отношение к Консерватории как ее основоположник, первый ее директор, ее педагог. Полагаю, что все это все-таки не может быть забыто. Вот о соединении двух юбилеев в одно я и прошу Вас, но, конечно, только в крайнем случае, если откажут отметить юбилей Романоса отдельно.

Дорогой Эдик! Я обращаюсь к Вам как к человеку, возглавляющему музыкальную жизнь Армении, как к государственному деятелю, работающему не по проформе и не на юридической основе только, а к человеку, всей душой и сердцем преданному нашему родному искусству, отдающему ему все знания, талант и даже жизнь.

И еще обращаюсь к Вам как к дорогому мне Эдику, как к единственному человеку, с которым я могу поделиться своими мыслями, и от которого я хотела бы получить отклик по очень волнующим и тревожащим меня вопросам.

Говорят, ничего не забывается из прошлого, если это прошлое ценно и содержательно. И я хочу убедиться в том, что то, чему я была свидетельницей и участницей в 1921 году – создание Студии в самых тяжелых и невероятных условиях, не будет забыто, а будет достойно отмечено и оценено в сегодняшний день. И я уверена, что Вы сделаете все возможное для нашей, быть может, маленькой, но большой по дальнейшим результатам Студии.

Свято верю и в то, что Вы сделаете все зависящее от Вас для нашего общего учителя, дорогого Романоса, большого патриота своей родины и родного искусства, основоположника музыкально-профессионального образования республики, автора чудесных “Изумрудинок”. Сделайте все для того, чтобы достойно была бы отмечена его светлая память в день его 90-летия в 1973 году.

Эдик, дорогой! Вас может удивить то обстоятельство, что обе предполагаемые даты еще так далеки, а я уже так нервничаю, так волнуюсь. Я Вам открою причину моего такого состояния, такого нетерпения, открою мой секрет.

У меня на нервной почве очень плохо обстоит дело со зрением. Серьезность положения врачи от меня не скрывают. Каждую минуту можно ждать катастрофы, особенно в тех условиях, в каких мне приходится жить, если только процесс моего существования можно назвать жизнью. А катастрофа эта – слепота, которая может лишить меня трудоспособности, а значит, и жизни в настоящем смысле ее.

А если поинтересоваться в архиве Еревана последними желаниями Романоса, то в них ясно выражено его желание о том, чтобы во всех комиссиях, связанных с его именем и изданием его произведений, была бы и Арус Бабалян. Это его желание продиктовано вовсе не его влюбленностью в Арус Бабалян, а тем, что она знает каждое его желание, связанное с его творческим наследием, каждый желанный им штрих, вплоть до обложки его произведений.

Потому я и тороплюсь, дорогой Эдик, тороплюсь сделать все для Романоса, а также и в других областях, где я, возможно, могу быть полезной, тороплюсь сделать все возможное, пока я еще вижу, пока я еще не слепа. И потому я очень и очень прошу Вас подсказать мне, что я могу сделать для известных Вам, бесконечно дорогих мне дат. Надо сделать все, что в моих силах. И надо сделать поскорее. Я ничего не хочу унести с собой во мрак вечной ночи.

Дорогой, дорогой Эдик!

В 1973 году мне исполнится 80 лет!!! Как видите, возраст далеко не надежный и довольно-таки опасный. Доживу ли? Думаю, что нет – условия жизни не позволят. А если доживу, то обязательно буду отмечать свое восьмидесятилетие, свой праздник, но, конечно, только в пределах своей комнаты. И я приглашаю Вас на этот скромный “юбилей” как самого дорогого мне гостя. А потом, потом поедем на большой, большой юбилей в Ереван чествовать Консерваторию и Романоса. Говорю “поедем”, конечно, только в том случае, если меня в те дни не забудут, если только пригласят меня.

Не сердитесь на меня, Эдик, за многословие. Может быть, это – последние строки, какие позволит написать мне жизнь. Потому говорю Вам все, все как духовнику на исповеди. Говорю Вам, и только Вам, как близкому, родному человеку.

Еще раз прошу извинить мне мои строки и мои каракули из-за больных глаз и разрешить мне глубоко-глубоко поблагодарить Вас за внимание к ним, в котором, я убеждена, Вы не откажете.

Ваша ***Арус Бабалян***

01.09. (конец 1960-х), Тбилиси

Дорогой Эдик!

Сегодня мне сообщили о том, что пенсия моя пересмотрена в сторону увеличения. Хочу сообщить Вам об этом, чтобы Вы были вполне удовлетворены результатами Вашего обращения.

Я помню, с каким теплом и сердечностью Вы взяли на себя заботу по моему вопросу, помню, как много пришлось потерять Вам на него дорогого времени и даже нервов. Ведь, в основном, положительное разрешение моего вопроса – дело Ваших рук. Для меня это ясно. И за все это еще раз примите мою глубокую, глубокую благодарность. Я никогда не забуду Вашей помощи. Она имела для меня большое моральное значение. <...>

Приветствую Вашу милую семью. Приветствую Вас и целую

Ваша ***Арус Григорьевна***

Габриэлян Авет (скрипач)

около 1963 года

Дорогой Эдуард Михайлович!

Дорогой Эдик, вот по какому поводу я Вас беспокою. Дело в том, что при полном здравии и жизни Гургена Михайловича Боряна /*замминистра культуры, поэт*/, я с одобрения Кочиняна /*Антон, председатель правительства Армении*/ хотел сосватать армянской коллекции совершенно уникальный инструмент – скрипку Гваданини, принадлежавшую Г. А. Морозову /*скрипичный мастер*/. Об этом я писал Антону Ервандовичу, и он санкционировал двадцать тысяч рублей за скрипку. Письмо это с резолюцией Кочиняна попало к Боряну, который мне сообщил, что деньги отпущены и как только формальности будут закончены с владелицей скрипки – вдовой Морозовой, женой покойного мастера Морозова, – деньги немедленно будут переданы по ее московскому адресу. Короче говоря, когда для получения инструмента оставалось перевести владелице деньги, в Ереване произошло непредвиденное. Кто-то из министерства приостановил дело о покупке этой скрипки, и инструмент этот был тотчас же приобретен московской коллекцией. Там не налюбуются на эту скрипку, т.к. она теперь числится у них за номером один. Ее решено никому не давать – этот инструмент, по свидетельству многих, действительно уникальный в списке инструментов Гваданини. Удивительно, что он совершенно сохранился. Я несколько раз приезжал к вдове Морозовой и играл, забыв о том, что мне надо куда-то идти и что-то делать. И всему причина, по словам Карпа Домбаева[145], женщина – я забыл фамилию – из министерства, которой передано было дело о покупке скрипки. Но с этим делом покончено безвозвратно.

Это письмо посвящается другому, не менее замечательному, инструменту – тоже Гваданини. Ее решил продать профессор Е. М. Гузиков. Я, Эдик, по поводу этой скрипки уже написал Кочиняну, и это мое второе обращение к нему, считая неудачу с морозовской скрипкой, вселило известное беспокойство и даже некоторый стыд, хотя все произошло по не зависящим от меня обстоятельствам. Поэтому я хочу просить Вас, – если это мое письмо еще не попало в руки этой злополучной дамы, – помочь мне в деле приобретения инструмента. Скрипку эту хорошо знает Карп Савельевич /*Домбаев*/. Коган /*Леонид, скрипач*/ играл на ней в городах Америки и не хотел возвращать ее Гузикову, несмотря на его протесты и негодование. Возврату инструмента помог Я. И. Рабинович /*Яков, скрипач*/, по его же признанию. Прошу сообщить Кочиняну, если

[145] Скрипач, профессор ЕГК, имевший большие заслуги в обогащении госколлекции музыкальных инструментов Армении.

согласитесь это сделать, что вследствие недостаточной оперативности упущена возможность покупки такого уникального инструмента и что появился другой, не менее хороший, случай приобрести даже лучше морозовского. Надо ему сообщить, что кроме меня, никто не знает о продаже инструмента – об этом меня просил сам Гузиков.

Эдик! Прошу никому ни слова об этом, кроме Карпа Савельевича. Гузиков категорически мне заявил, чтобы никто об этом не знал, ибо московская коллекция в лице Быстрожинского, давно осаждающая его, выхватит у него эту скрипку и всю его богатейшую коллекцию. Совершенно необходимо выделить при решении этого вопроса человека, которому следует доверить двадцать тысяч рублей для вручения их без перевода лично Гузикову. Лучше всего, чтобы это сделал Домбаев. Если он не сможет, пусть Кочинян доверит мне. Гузиков не хочет иметь дела ни с кем, кроме Домбаева и меня, как своих учеников.

Слишком боюсь я, что этот случай, и, очевидно, самый последний, будет вновь упущен. Сообщите мои соображения К. С. Домбаеву и сделайте передачу денег через кого найдете нужным. Быть может, Эдик, Вы приедете по своим делам в Москву и заодно провернете и это дело.

Целую ***Авет***

– *Я* занимался и другой скрипкой для Рубена Агароняна */с 1996 года – Первая скрипка квартета имени Бородина/* **– инструментом мастера Гварнери, которую продавал концертмейстер оркестра Московской филармонии, армянин, настоящий патриот**

Рубен Агаронян и Эдвард Мирзоян, начало 1970-х годов

по фамилии Мадатов, с которым я общался в связи с премьерой моей Симфонии в Москве в исполнении этого оркестра. Мадатов хотел продать скрипку Армении, а Леонид Коган решил ее перекупить. Руководство Армении выделило 20 тыс. рублей, Коган давал 25 тысяч. После нашего с ним разговора Мадатов сказал:"Я хочу, чтобы скрипка попала в Армению, пусть даже мне придется продать ее дешевле". Документ, который, возможно, сохранился от этой сделки, – мое письмо председателю Совета Министров Армении Мурадяну Бадалу Амаяковичу. Его резолюция гласила – уплатить наличными (то есть без налога, это при том, что все сделки производились по перечислению).

...Я смог добиться освобождения Рубена Агароняна от службы в армии, принимая во внимание его талант. Уладил дела со скрипкой Гварнери (фактически, в обход налогового законодательства), и все это Рубик оправдал, выиграв именно с этим инструментом на конкурсе в Монреале (1972) одновременно Гран-при и Первую премию.

Гошовский Владимир (музыковед)

– *В*ладимир Гошовский – явление не только в армянском музыкознании, но в армянской музыкальной культуре вообще, личность, имеющая международное признание. Он работал в сфере армянской фольклористики, применяя в своих исследованиях возможности вычислительной техники, – область, исключительное значение которой осознается только сегодня. Гошовский сделал необыкновенные открытия, к сожалению, не понятые и не оцененные. Это пример того, как косность и ограниченность даже полезных людей наносят большой вред. Не хочу вдаваться в подробности, чтобы не обидеть конкретных людей. Но я убежден, что все, что сделал Гошовский (кстати, армянин по материнской линии) для армянской культуры, не пропадет даром – к этому еще вернутся, важность его открытий еще предстоит осознать следующим поколениям. Через 12 лет интенсивной деятельности он переехал во Львов, позже поступила просьба переслать его документы из СК Армении, о чем я даже сегодня говорю с искренним сожалением...

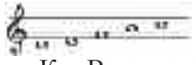
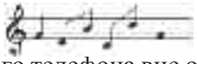
09.08.1987, Львов

Глубокоуважаемый и дорогой Эдвард Михайлович!

Рад Вам сообщить приятную новость: с первого августа с.г. в моей квартире установлен телефон. Его номер – 648396! Он примечателен тем, что напоминает структуру армянского орнамента,

типичную для хачкар/*а*/, а именно – асимметрию, вписанную в симметрию. Под этим углом зрения наш номер читается так:

6 – 48/39 – 6, или .

С музыкальной точки зрения этот номер соответствует звукоряду:  и мелодической эмблеме:  ...

Как Вы знаете, для установки квартирного телефона вне очереди нужны были весомые ходатайства. Первое ходатайство было Ваше, и оно, по-видимому, сыграло решающую роль. Итак, в устройстве последнего этапа моей жизни я снова встретил Вашу поддержку: Вы – как и в прошлые годы – протянули мне свою руку помощи. И сколько раз, начиная с 1974 года, Вы своим участием в моей жизни предопределяли мою судьбу! Теперь, когда между нами была установлена телефонная связь (точнее – установлен канал связи), расстояние между Львовом и Ереваном исчисляется не тысячами километров, а десятками минут. Не значит ли это, что я вновь приблизился к Армении?.. Завтра я попытаюсь воспользоваться этим каналом связи, чтобы сообщить описанную выше новость, услышать Ваш голос и узнать важнейшие новости музыкальной жизни Еревана и СКА.

Поскольку я не уверен, застану ли Вас в Ереване в это летнее время, решил написать Вам это письмо и напомнить о тех двух просьбах, которые содержатся в моем прошлом письме от 1 июля.

1. Первая просьба касалась приглашения для чтения лекций в Гамбургском университете в 1988/89 уч.гг. Не имея отказа, я не

рмении, на пе-

знаю, что сообщить в Гамбург (там по наивности думают, что поездка в ФРГ – это мое личное дело).

2. Вторая просьба касалась моего статуса в СКА: могу ли я далее оставаться на учете в Ереване, проживая во Львове?

Если мне не удастся связаться с Вами завтра по телефону, то будьте так добры и позвоните мне во Львов. <...> Вопрос моего статуса имеет не только принципиальное и символическое значение, но и чисто практическое: как член СК я имею определенные обязанности и права. Так, например, будучи в Москве в начале июня, я обратился к В. В. Панченко /*заместитель первого секретаря СК СССР*/ с письменной просьбой выделить мне для работы с компьютером 2000 руб. в год для оплаты (по перечислению) за использованное машинное время во львовском вычислительном центре. Панченко пообещал этот вопрос рассмотреть на секретариате. Если Музфонд СССР выделит такую дотацию на Львовское отделение Музфонда, то вопрос будет исчерпан; а если нет? Смогу ли я в таком случае обратиться в Армянское отделение Музфонда или в Правление СКА? Располагает ли СКА такими средствами? Сможет ли перечислить (по счету) 500 руб. в квартал за использованное машинное время? Как Вы знаете, дорогой Эдвард Михайлович, в настоящее время я уже не могу заниматься музыкальной фольклористикой, не используя ЭВМ: ведь 5000 песен с их анализом по 85 параметрам может храниться и обрабатываться только с помощью ЭВМ! Если Москва не выделит средства, то Украина мне в них откажет по двум причинам:

1. Потому что я – Гошовский.

2. Исходя из действующего здесь принципа – “сам не гам, и тобі не дам!” (то есть “сам не съем, и тебе не дам”).

Вот уже восьмой месяц проживаем во Львове и находимся в кругу нашей семьи, но мысленно мы с Е. Я. /*Елизавета Яковлевна, жена*/ часто залетаем в Ереван и вспоминаем время, прожитое там. 12 лет – это не длительная командировка! Но и ереванцы нас не забывают: регулярно нам пишут и друзья, и соседи с улицы Фучика, и коллеги (главным образом Светлана Саркисян и Каринэ Худабашян), а в июле у нас даже гостили ереванцы... Квартиру еще окончательно не отремонтировали: и сил мало, и средств не хватает. Но жить можно, и гостей принимаем (со скромным угощением, но с обязательными армянскими блюдами): вскоре должен к нам приехать в гости мой тесть из Праги, которому уже исполнилось 96 лет...

Что у Вас нового? Как поживают Люсинэ Богдановна и Елена Мамиконовна? Передайте им, пожалуйста, от нас сердечный привет. Как Ваше здоровье? Надеюсь, что у Вас все в порядке.

С пожеланием всего доброго крепко жму Вашу руку.

Ваш ***В. Гошовский***

02.11.1987, Львов

Глубокоуважаемый Эдвард Михайлович!

Наш последний телефонный разговор меня так взволновал, что я долго не мог заснуть. Ваш голос, который я не слышал почти год, Ваша сердечность и деловитость мне живо припомнили годы, прожитые в Армении под Вашим покровительством. Такого мецената, как Вы, у меня никогда раньше не было и никогда уже не будет...

На следующий день я хотел Вам написать, но пришло письмо из Гамбурга. Я решил его переписать для Вас и приложить к письму (что сейчас и делаю). Произошла короткая задержка, и вдруг пришло известие из Ужгорода, что там скоропостижно скончался мой старший брат Николай, врач по профессии и добрейший человек... Так прошла следующая неделя, но я до сих пор не могу прийти в себя от этой тяжелой для меня потери.

А потом пришло Ваше приглашение на пленум. Взвесив свои возможности, я согласился приехать и сделать небольшое сообщение, написанное на армянском песенном материале с помощью системы УНСАКАТ. Тему я назвал “Тетрахордальная мелопея армян”. В ней речь о том, какую мелодику может создать армянин, имея в своем распоряжении лишь четыре звука в объеме чистой кварты... Думаю, что она заинтересует слушателей, т.к. подобные задачи решать можно только с ЭВМ.

Встретиться с Вами мне необходимо потому, чтобы окончательно решить вопросы и моего будущего пребывания в составе СК Армении и возможности поездки в Гамбург. Без Вас я ни тот, ни другой вопрос решить не могу.

Если ничего непредвиденного не произойдет, то я прибуду самолетом через Тбилиси 24-го днем – это самое удобное для меня сообщение. Очень прошу Вас распорядиться относительно моей командировки, чтобы не произошли формальные недоразумения.

Предвкушая радость встречи с Вами, Люсинэ Богдановной, Еленой Мамиконовной и старыми добрыми друзьями, остаюсь с наилучшими пожеланиями

Всегда Ваш ***В. Гошовский***

16.11.1987, Львов

Глубокоуважаемый Эдвард Михайлович!

Я знаю, что телеграмма, которую Вы сегодня получите, Вас огорчит, и я чувствую себя виноватым перед Вами. Ведь своими предыдущими письмами я внес так много лишних волнений в Вашу, загруженную общественными делами и творческими планами, жизнь. Я никак не мог примириться с тем, что между моими идеалами и реальностью существует пропасть, преодолеть которую я уже не в состоянии: нет у меня нужных для этого физических сил.

После нашего последнего телефонного разговора и последующего за ним решения прибыть на пленум меня охватило ужасное волнение: я плохо спал, не мог сосредоточиться, не находил себе дома места. От положительных эмоций, связанных с моими представлениями о встрече с Вами, моими друзьями и коллегами, и вообще – с представлением о том, что я снова буду в Ереване, я находился в неустанном стрессовом состоянии. А стрессы – это именно то, что мне теперь – после облучения и химиотерапии – противопоказано. Еще в пятницу я говорил по телефону с Каринэ Эммануиловной /*Худабашян, музыковед*/, договорились о встрече в институте, а в субботу я почувствовал себя очень плохо и слег в постель...

Итак, вместо участия на пленуме в Ереване мне предстоит хождение по врачам и процедурным кабинетам. Такова реальность! Реальным является и осознание того, что мое присутствие на пленуме (даже если бы я преодолел это временное физическое недомогание!) уже никакой пользы армянской фольклористике не принесет, как не принесло и мое 12-летнее пребывание в Армении...

Исходя из сказанного, теряют свой смысл и мое дальнейшее пребывание в составе СК Армении, и мои попытки добиваться разрешения на поездку в Гамбург. Иными словами, пора поставить точки над “i”. Возможно, это – капитуляция, но я уже другого выхода в данной ситуации не вижу: сил нет более! Свое решение я излагаю в прилагаемом заявлении. И этим обрывается моя последняя связь с Арменией. Грустно на душе...

Дорогой Эдвард Михайлович! Не сердитесь на меня за мое решение, за то, что я без Вашего согласия решился на этот шаг. Но это двойственное положение и мое состояние здоровья заставили меня сделать это. Простите и не обижайтесь на меня! Действительно, мне очень трудно, и я потерял почву под ногами...

Я надеюсь, что наши личные связи не прекратятся и что нам будет суждено встретиться, чтобы я мог отвести душу.

Желаю Вам здоровья и успехов в общественной и творческой деятельности.

Прошу передать мой сердечный привет Люсинэ Богдановне и Елене Мамиконовне. Вас я горячо обнимаю и всегда буду помнить.

Искренне Ваш ***В. Гошовский***

02.07.1988, Львов

Дорогой Эдвард Михайлович,

Несколько недель тому назад меня остановил на улице львовский композитор Янивский, который до этого побывал в Армении. Он не только с восторгом рассказывал о своих впечатлениях и о встрече с Вами, но и передал мне от Вас привет. Вчера я встретился с другим местным композитором, побывавшим в Армении, и от него я услышал то же самое. Я был глубоко тронут Вашим внима-

нием ко мне, был рад, что наша душевная связь не оборвалась после моего отъезда из Армении.

А между тем из львовского СК мне сообщили, что из Еревана прибыло мое личное дело... Значит, последняя формальная связь с Ереваном и с СК Армении прервалась. Хотя это было неизбежно, и я сам настаивал на этом, мне стало очень грустно на душе: ведь значительную часть своей жизни я провел в Ереване, и много воспоминаний связано с организацией на улице Демирчяна, 25 /*адрес СКА*/. Правда, моя роль в последней была какая-то странная, и я больше походил на Дон Кихота, чем на равноправного члена Правления, тем не менее на всю жизнь сохранились незабываемые впечатления. Надеюсь и очень хочется верить, что то невидимое, неформальное, но духовное и интеллектуальное, что связывало нас с 1974 года, не прекратится и впредь, так как оно в формальных узах не нуждается...

Возможно, что Вас, дорогой Эдвард Михайлович, огорчило то, что я изменил свое первоначальное решение оставаться и далее членом СКА. Но, как я Вам уже писал, я не мог примириться с формальным статусом члена СКА, не имея к последнему никаких реальных, фактических отношений: я ржавел, как вагон, забытый на боковых рельсах, не связанных с системой ж/дорог. А потом наступило тяжелое отчуждение, вызванное драматическими событиями в Ереване. Анализируя все происходившее <...> в Армении и Азербайджане, я с ужасом констатировал, какой огромной властью пользуется “мафия” и как она свободно манипулирует массами, играя на их чувствах и доверчивости, страстях и ненависти. Это открытие, которое пролило свет и на мои неудачи в Армении (точнее – на причины моих неудач), причинило мне ужасную душевную боль и страдание. Начались бессонные ночи, которые привели к ухудшению моего состояния здоровья: появились рецидивы, и мне пришлось снова начать лучевую терапию... Все это, вместе взятое, и повлияло на изменение моего первоначального решения. Поэтому прошу: не сердитесь за это на меня!

Не забывайте меня, дорогой Эдвард Михайлович, даже если Вы не согласны с моим “анализом”, даже если я уже не член Вашего Союза: ведь я остаюсь тем же Гошовским, к которому Вы на протяжении 13 лет благоволили, для которого Вы сделали так много хорошего. Этого забыть нельзя, как не следовало бы и забывать то, что Гошовский пытался сделать и сделал для музыкальной фольклористики в Армении, даже если “мафия” с этим не согласна. (Кстати, в статье к моему 65-летию, которая была напечатана в Чехословакии, уделено много места моей деятельности в Армении: правда очень живуча...)

У меня такое предчувствие, что это мое последнее письмо к Вам, так как любая переписка – это диалог, а не монолог: письмо без ответа – глас вопиющего в пустыне!

Желаю Вам здоровья, новых творческих успехов, удач во всех начинаниях и счастья в семейном кругу. Люсинэ Богдановне, Елене Мамиконовне и всей Вашей семье шлю сердечный привет.

Вас я крепко обнимаю, всегда помню и уважаю.

Ваш ***В. Гошовский***

Григорян Рубен (дирижер)

– *Р*убен Григорян – американский дирижер, который неоднократно играл мои сочинения и произведения многих армянских композиторов. Эмигрировал в США из Ирана, в Иране у него учился Сергей Агаджанян. Рубен – настоящий просветитель-энтузиаст, в течение 20 с лишним лет – инициатор ежегодных гала-концертов армянской музыки в Бостоне.

...Расскажу вот какую историю. На Западе принято в связи со смертью человека приносить не цветы, а деньги. И вот, у Рубена появилась таким образом накопленная сумма в 600 долларов, которую он решил пожертвовать на благотворительные цели. “В чем у вас есть необходимость?” – спрашивает он меня. Появилась идея: тарелки фирмы "Зильджян", которую удалось осуществить. И когда на юбилее Ованеса Туманяна мы стояли вместе с композитором Родионом Щедриным, заиграли гимн, и Робик восхитился: "Слушай, что это за прекрасные тарелки?!" Я с гордостью рассказал, что в 1623 году в Константинополе была создана знаменитая фирма "Зильджян", сохраняющая мировое лидерство в производстве этих инструментов. Фирма основана в Турции, затем перевезена в США. А попали эти инструменты к нам благодаря нашим соотечественникам.

Вот как это было. Рубен Григорян и органист Перч Жамкочян идут к Аведису Зильджяну, которому 80 лет, – он с армянскими кругами не связан. Перч спрашивает президента фирмы:

– Կը ներէ՛ք, պարո՛ն, Դուք հայերէն կը խօսի՞ք (Простите, господин Зильджян, вы говорите по-армянски?):

– Դուն քանի՞ տարեկան ես (Сколько тебе лет?):

– 40:

– Դուն 40 տարեկան ես՝ հայերէն կը խօսիս, ես 80 եմ՝ չե՞մ խօսիր (Тебе 40 – ты родным языком владеешь, мне 80 – и ты думаешь, я не владею?):

Ведут переговоры на 600 $. Выясняется, что этого недостаточно. На следующий день приходят, оформляют, протягивают полную сумму.

– Գիշերը մտածեցի, որոշեցի՝ անվճար եմ տալիս (Ночью думал и решил: отдаю бесплатно):

...На Правлении Союза композиторов торжественно были

вручены одна пара тарелок – симфоническому оркестру Армфилармонии, одна – симфоническому оркестру Гостелерадио и еще одна – Эстрадному оркестру Армении.

Փետրուար 16,1968, Պոսթըն
Միրելի՛ Էդիկ,

Քանի օր է, որ վերադարձել եմ կոնցերտ-տուրից: Ինչպէս ծրագրում կը տեսնես, Փետրուար 10-ին եւ 11-ին, Մինեսոթա նահանգի գլխաւոր քաղաքում՝ Սէնթ Փօլում, առիթ ունեցայ ներկայացնելու քո սքանչելի Սէնֆոնին, երկու գիշեր... Ուզում եմ, որ հաւատաս անկեղծութեանս եւ մտածես, որ գրածներիս մէջ ոչ մի չափազանցութիւն չկայ: Գրում եմ անկեղծօրէն ինչ որ մտածում եմ եւ ինչ որ զգում եմ:

Հսկայական յաջողութիւն ունեցաւ Սէնֆոնին թէ՛ երաժիշտների շրջանակում, թէ՛ քննադատների եւ թէ՛ մանաւանդ ժողովրդի մէջ, եւ իմ համեստ կարծիքով, «արդար է եւ իրաւ». իրապէս սքանչելի գործ է՝ ամէն տեսակէտից վերցրած: Չափազանցութիւն չէ, որ ասեմ՝ հայ երաժշտութեան մէջ երբեք այսքան արժէքաւոր եւ գեղեցիկ գործ չէ գրուած, ուր հայ երաժշտութիւնը հասած լինի համաշխարհային մասշտաբով այդպիսի արժէքի: Ներփակ կը գտնես այդ շրջանի ամենաանշանաւոր քննադատի կարծիքը, ուր խոստովանում է, թէ Բարթոկից բացի՝ ինքը երբեք չէ լսել այսքան փոփոխական (տարբեր) տօնի գոյներ լարաւոր գործիքներից: Հիացած է երկրորդ մասով: Իսկ ժողովուրդը այնքան էր ոգեւորուած եւ խանդավառ, որ չեմ կարող նկարագրել:

Voice of America-ն [«*Ամերիկայի ձայն*»] ժապաւէնի վրայ առաւ՝ ձայնասփռելու համար: Կարծում եմ, առիթ կ'ունենաք լսելու: Պէտք է խոստովանեմ, որ երաժիշտները իրենց լաւագոյնը արին՝ դուրս բերելու համար: Չմոռանաս, որ ամբողջ program-ը [*ծրագիր*] պատրաստուեց 4 փորձով (ամէն անգամ՝ 2,5 ժամ): Երաժիշտների union-ը [*միութիւն*] շատ խիստ օրէնքներ ունի, իսկ յաւելեալ փորձերը շատ թանկ են: Միայն հնարաւորութեան սահմաններում մեր կարելին արինք՝ գեղեցիկ եւ լաւ ներկայացնելու համար, եւ կարծում եմ, յաջողեցինք. երանի՛ լսէիր եւ կարծիքդ յայտնէիր:

Մարդկութեան, ժողովուրդներին, մանաւանդ հայ ժողովրդին ծառայելու ամենալաւ, ամենաազնիւ միջոցը մշակոյթին ծառայելն է: Վստահ եմ, որ այդ խոր գիտակցութիւնը ունես, միայն ափսոս է, որ ժամանակդ ուրիշ երկրորդական բաներով գրաւուի, թող այդ ուրիշները անեն, դու գրիր, գրիր, գրիր եւ գրիր: Ամէն մարդու տրուած չէ այդ շնորհքը: Ներիր որպէս մեծ եղբայր իմ սրտիցս բղխած խորհուրդների համար: Զգում եմ, որ հասունութեանդ բեղմնաւոր շրջանն ես ապրում, եւ յանցանք է ուրիշ կերպ վարուելը:

Կ'ուզէի, որ արդարօրէն հպարտ զգայիր, եւ ես առիթ ունենայի համբուրելու հայի բարձր ճակատդ: Ապրե՛ս, շա՛տ ապրե՛ս: Այդ քանի օրը, նոյնիսկ այժմ, թէեւ այնքան հեռու, բայց այնքա՛ն մօտ եմ զգում քեզ:

Արամ Խաչատրեանը այստեղ է, կոնցերտներ է տալիս, առիթ չեմ

ունեցել հանդիպելու: Թերեւս այցելութեան համար Բոստոն ժամանի, եւ առիթ ստեղծուի հանդիպելու: Օրկեստրայի մասերը վերցրի, ինձ մօտ են: Սպասում եմ քո կարգադրութեան՝ ուր եւ ում հասցէով ուղարկեմ, խնդրում եմ գրիր: Ջերմ բարեւներս Ռոբերտ Աթայեանին [*երաժշտագէտ*]: Իր նամակը ստացել եմ, շուտով կը պատասխանեմ: Սարսափելի զբաղուած եմ: Պերճը [*երգեհոնահար, բարերար*] շատ բարեւներ ունի: Բարեւիր Ալեքսանդրին [*Հարությունյան*]: Իր կոնցերտը Ֆիդլէրը Նոր Զելանդիայում պիտի նուագած լինի: Սպասում եմ նամակիդ:

Համբոյրներով՝ ***Ռուբէն***

Հ. Գ. Ջերմ բարեւներ սիրելի Առնոյին, իր Թրիօն եղբայրս նուագել է եւ ուղարկել իրեն, արդեօք ստացե՞լ է:

16.02.1968, Бостон
(перевод Л. Епремян)
Дорогой Эдик!

Уже несколько дней, как я вернулся из концертного тура, как указано в программе, которую высылаю тебе, это было 10-го и 11-го в главном городе штата Миннесота – в Сент Поле, где я два вечера играл твою чудную Симфонию... Хочу, чтоб ты поверил в мою искренность, потому что в том, что я сейчас скажу, нет никакого преувеличения – пишу откровенно то, что думаю и что чувствую.

Симфония имела грандиозный успех как среди исполнителей, так и у критиков и особенно слушателей, и по моему скромному мнению, это справедливо. В самом деле, прекрасное произведение во всех смыслах, без преувеличения в армянской музыке до сих пор не было произведения подобной ценности и красоты, которое бы подняло армянское музыкальное искусство до подобных высот в мировом масштабе. Ниже ты найдешь мнение самого авторитетного здесь критика, который признается, что "за исключением Бартока, никогда не слышал такого разнообразия звуковых красок в струнной группе. ...Восхищен второй частью". А публика принимала нас с таким воодушевлением и восторгом, что слов нет...

"Голос Америки" сделал запись, чтобы распространить ее по всему миру, надеюсь, что у вас был повод ее услышать. Должен признаться, что музыканты играли на пределе своих возможностей. Не забывай, что вся программа подготовлена всего за четыре репетиции (по 2,5 часа). Профсоюз оркестрантов накладывает строгие ограничения, и дополнительные репетиции обходятся очень дорого. Так что в этих условиях мы сделали все, чтобы хорошо представить сочинение, и, кажется, достигли этого. Если бы ты услышал и поделился своим впечатлением!

Я горд тем, что премьеру Симфонии в США сыграл я. Самая лучшая, честная и благородная форма служения человечеству, народам,

и особенно армянскому народу, состоит в служении искусству. Уверен, что и ты осознаешь это, жаль только, что растрачиваешь свое время на иные дела второстепенного свойства. Пусть этим занимаются другие, а ты пиши, пиши, пиши и пиши. Не каждому дается такой дар. Прости меня за этот идущий от сердца совет старшего брата, но я чувствую, что ты сейчас в зените творческой зрелости, и потому жить иначе просто преступно.

Ты имеешь право гордиться собой, я хотел бы при встрече поцеловать твой высокий лоб армянина – молодец, молодчина, несмотря на расстояние, в эти дни ты так близок мне.

Арам Хачатурян здесь с концертами, повода для встречи не было. Если приедет в Бостон, увидимся. Оркестровые партии Симфонии хранятся у меня, жду твоих распоряжений, напиши, кому и куда их выслать. Горячие приветы Роберту Атаяну /*музыковед*/, его письмо получил, скоро напишу ответ – был страшно занят. Перч /*Жамкочян, органист, меценат*/ горячо всех приветствует.

Целую ***Рубен.*** Жду ответа.

P. S. Передай привет Александру /*Арутюнян*/, его Концерт Фидлер должен был сыграть в Новой Зеландии. Горячие приветы любимому Арно, мой брат исполнил его Трио и запись выслал ему. Получил ли?

Давидян Рафаэль (скрипач)

07.12.1959, Москва

Дорогой Эдик!

Недавно мы возвратились из поездки /*гастроли квартета имени Комитаса в Румынии и ГДР*/. Поездка была очень интересная. Кое-то ты, наверное, уже знаешь из газеты “Коммунист” от 05.12 /*1959, публикация Р. Давидяна*/. При встрече расскажу более подробно.

<...> Эдик джан! Ты меня извини за назойливость, но тебе, как моему давнишнему другу, я могу сказать откровенно, что я не хотел бы упускать этого случая именно теперь (ты знаешь, о чем я говорю) /*речь идет о выдвижении на звание Народного артиста АрмССР квартетистов – Рафаэля Давидяна (вторая скрипка) и альтиста Генриха Талаляна*/. Другого момента ждать нельзя. Ты сам сказал очень правильно по этому поводу, что потом это может быть “братской могилой”. К тому же, квартет сейчас находится на таком общественном взлете, как никогда. Прибавь сюда еще США и Грецию.

Я хочу подчеркнуть, что для твоих усилий появился ряд сильных сопутствующих моментов. Хотя не знаю, может быть, ты уже действовал в какой-то степени, но неудачно. Во всяком случае, говоря объективно, это должно привести к успеху. Если сопротивляются по этому поводу, то это просто вопиющий “бозутюн!” (*блядство*) и больше ничего!

Эдик джан! Очень тебя прошу, во имя нашей дружбы, действуй усиленно. Чутье мне подсказывает, что момент не должен быть упущен. Теперь – или никогда!

Тебе может показаться, что в моих словах много патетики и чинодральства. Но что делать, дорогой? Мне ведь никто не поднесет это на блюдечке! Я ведь не Вагаршак Саакян /*ашуг, руководитель ансамбля “Саят-Нова”*/ или Арам Мерангулян /*руководитель Восточного ансамбля*/! Это ведь не только ради удовольствия, это теперь всюду играет большую роль. На это обращают большое внимание.

Я всю свою жизнь отдаю квартету (кое-что ты об этом знаешь). Тринадцать лет потрудился вовсю. Деятельность весьма многообразна. Мы с Генрихом проработали больше, чем наши предшественники (я отнюдь не хочу преуменьшать их заслуг). Мне кажется, то, что мы ставим этот вопрос, это не авантюра. И жаль, что об этом приходится говорить столь нескромно. Мне кажется,что если даже твои ходатайства и хлопоты не встретили поддержки, необходимо снова взяться за это “по второму туру”. Дело стоит этого. <...>

Крепко тебя целую!

Твой ***Рафик***

30.03.1960, Москва

Дорогой Эдик!

Только что видел композитора Владимира Александровича Власова. Он мне сказал, что позавчера был худсовет (а он был членом худсовета), и что запись твоего Квартета приняли. За несколько дней до худсовета я прослушал запись. Без всяких преувеличений считаю, что запись отличная и в художественном, и в техническом отношении.

У меня к тебе один деликатный вопрос: как ты относишься к тому, чтобы Виктору Мержанову /*пианист*/ было присвоено Почетное звание Армянской ССР? Если ты к этому относишься положительно, то мог ли ты в этом отношении предпринять кое-какие шаги, чтобы к 40-летию /*советизации Армении*/ он попал бы в число награжденных? У Виктора в этом отношении никак не продвигаются дела. Заслуги и известность у него солидные. Гастроли в Армении регулярные. В конце концов, он все же армянин.

Было бы очень хорошо, если бы он нашел поддержку в этом вопросе. Во всяком случае, я был бы тебе очень признателен, если бы ты мне черкнул пару слов в отношении своих соображений и возможностей по этому вопросу. Я Виктору сказал, что поинтересуюсь этим вопросом. Прозондируй, пожалуйста, почву и сообщи, есть ли шансы? Или не думать об этом больше.

Целую тебя крепко! Большой привет Люсе Богдановне и Ляле!

Твой ***Рафик***

26.10.1961, Москва

Дорогой Эдик!

Артак Тоникян /*руководитель музыкального отдела Управления по делам искусств*/ был в Москве и обратился к нам с предложением выступить 29 ноября на торжественном концерте в Ереване /*правительственный концерт к празднованию очередной годовщины советизации Армении*/.

Ты ведь сам прекрасно понимаешь, что такого рода концерты специфичны во многих отношениях. Конечно, мы прекрасно понимаем, насколько "невыигрышны" для нас такие выступления. Обычно в таких случаях и у нас, и у публики (судя по успеху) оставался горький осадок. Но что поделаешь?! Всегда приходилось на это соглашаться, так как отказ от таких выступлений приводил бы к нежелательным выводам.

В настоящее время положение осложнилось еще и тем, что в Ереване (в других местах это все свежо и оригинально) больше Комитаса играть уже невозможно. Я сам несколько раз слышал реплики по этому поводу. Представляю себе, что еще говорится "за спиной". Нового, к сожалению, ничего нет в таком плане и для таких случаев. Все уже заиграно там до предела. В общем, мы решили играть Мирзояна.

Артак мне сказал – в пределах 5 минут музыки. Я сказал, дайте 7, он согласился. Но, честно говоря, я не знаю даже, как мы и за 10 минут выкрутимся!

Мы решили сыграть 4-ую вариацию, а затем 3-ю. Товарищи предлагают 4-ую играть с купюрами. Когда твой Квартет временно был не в фаворе, мы играли кое-что с купюрами. Кроме того, /*что это*/ все уродовало, это вызывало твое законное недовольство. Я это хорошо помню.

В общем ясно одно: наше выступление должно быть с армянской музыкой. Наиболее подходящий вариант – Мирзоян. Я хочу, чтобы ты понял:

1. Другого ничего сыграть мы не можем и
2. Самое главное – посоветуй, как нам выкрутиться из этого положения? Чтобы и тебя не "искромсать", и нам не "облажаться".

Мы в Ереване будем 25-го.

Ты мне, пожалуйста, напиши свои соображения по этому поводу.

Большой привет Люсе Богдановне и Ляле!

Крепко целую!

Твой ***Рафик***

Без даты

Дорогой Эдик!

Пишу тебе это письмо "вдогонку". Сегодня Асатур Григорян /*скрипач*/ мне сказал, что только что получил твое письмо от Богданяна /*Рачья, скрипач*/, из которого он узнал, что вопрос о его консультациях /*в качестве профессора МГК*/ в консерватории /*ЕГК*/ становится реальностью. И что Зарик Сарьян /*ректор ЕГК*/ тоже в курсе дела.

Я тебя очень прошу выяснить, когда будешь в консерватории, этот вопрос, и, когда вернешься, я надеюсь узнать от тебя что-нибудь новое.

Эдик джан! Ты меня извини, пожалуйста, за беспокойство, которое я тебе причиняю, но я клянусь тебе, что, независимо от твоих возможностей, у меня в Ереване человека ближе тебя никого нет.

Целую тебя крепко и шлю самые сердечные приветы Люсе Богдановне и Ляле!

Твой ***Рафик***

03.09.1963, Москва

Дорогой Эдик!

<...> Очень сожалею о том, что не повидал тебя.

Около месяца я пробыл в Тбилиси. Очень остался доволен тем, что давно столь продолжительный срок не бывал там с родителями.

Сейчас уже приступил к работе. В этом году в консерватории /*Московской* / получил педагогическую нагрузку еще больше прежней. Одних только квартетов у меня 13 составов, не считая работу в классе Янкелевича /*Юрий, скрипач, профессор МГК*/.

Готовимся к поездке в Польшу.

По фестивальной программе мы будем играть 8-й квартет Вайнберга, Шостаковича 4-й и твой Квартет. В концертах будем играть Моцарта, Равеля и тебя. Уезжаем 15-го сентября.

Накануне, 14-го, открываем сезон здесь, в Малом зале консерватории, исполнением квартета Шостаковича и твоего.

Я очень рад, что ты собираешься на Эдинбургский фестиваль. Быть может, застанешь нас еще здесь.

Дорогой Эдик! Вот какое дело – правда, может показаться, что рано об этом думать, но это не так.

В январе 1965-го года исполняется 40 лет нашему квартету /*создан в ноябре 1924 года, первый концерт – в январе 1925-го*/. Мы с тобой как-то говорили о том, что хорошо было бы к этому времени выпустить новую книгу о квартете. С моей точки зрения, она должна быть дополнена, так как после выхода в свет книги Саши Тер-Татевосяна /*Александр, музыковед*/ в творческой биографии прибавилось немало. И кроме того, если она будет написана, то должна быть обязательно написана и издана на русском языке. Ты

помнишь, как мы с тобой года три тому назад ходили по поводу ее перевода на русский язык в Музгиз, к Сакве /*Константин, работал в системе Минкульта СССР*/ и, кроме мычания, от него ничего не услышали и не добились. Конечно, резонанс от напечатания книги на русском языке будет гораздо больший. В общем, посмотри, пожалуйста, свои соображения по этому поводу и сообщи, пожалуйста, свои мысли, насколько это возможно.

С большой радостью прочел в "Известиях" статью Глезер /*Раиса, музыковед*/ о тебе. Статья очень хорошая, обстоятельная. Это очень приятно.

Оказывается, вышла опять пластинка с твоим Квартетом. Искал сегодня в магазинах. Не нашел. Уже распродали. В общем, ее так и нет у меня.

В остальном у меня по-старому. Прихожу домой поздно. Работа, разные заботы и хлопоты.

Передай, пожалуйста, большой привет Люсе Богдановне и Ляле!

Крепко целую тебя! Пиши.

Твой ***Рафик***

25.09.1964, Москва

Дорогой Эдик!

Так как тебя заинтересовала наша германская поездка, я решил ее выписать для тебя:

21 – Берлин
23 – Лейпциг
27 – Карлмарксштадт
28 – Райхенбах
30 – Магдебург

Возможно, Дурян /*Оган, дирижер*/ окажется с твоей Симфонией в каком-нибудь из этих городов и, как видишь, по плану свободные дни у нас тут имеются, так что, возможно, мы сумеем присутствовать на концерте.

Дней 10 тому назад я написал письмо Акопу Ханджяну /*начальник Управления по делам искусств, скрипач*/, в котором просил его проследить за Филармонией в отношении выпуска специальной афиши с программой двух наших концертов в Малом зале филармонии с "шапкой" "к сорокалетию концертно-исполнительской деятельности".

Разумеется, ни о каких премиях я ему ни слова не написал.

По поводу государственных премий я хочу сказать следующее: в принципе, это очень хорошо, что они будут учреждены. Но шансы нашего квартета для этого очень незначительные. Во-первых, как видно из твоих слов, еще не решен вопрос, будет ли премия присуждаться за исполнительскую деятельность. Во-вторых, безусловно, в первую очередь будут варьироваться другие кандидаты, а не квартет.

В-третьих, если бы они были уже учреждены, то, возможно, тут "сработало" бы 40-летие квартета. Но мало шансов на то, что к тому времени (т.е. к январю) они будут учреждены.

Может быть, я слишком размахнулся в своих мыслях и это утопия, но мне кажется, что если бы в руководстве решили учредить премию имени Комитаса (независимо от учреждения государственных) за многолетнюю популяризацию его творчества и в связи с 40-летней датой квартета, то это было бы реальностью применительно к квартету.

Дорогой Эдик! Во всяком случае, если у тебя будет что-либо новое в этом вопросе, то сообщи мне, пожалуйста. Да и без отношения к этому делу очень рад был бы всегда именно от тебя иметь вести.

У меня лично все по-старому. Работаю по-прежнему много. Дома почти не бываем. Чувствую себя весьма средне, со здоровьем у меня не все ладно. Немеет правая рука. Уже полгода врачи не могут определить причину этого. Безумно мучаюсь во время игры. Портится зрение. Начну пользоваться очками. Сердце пошаливает. В общем, старею! Мои механизмы стали портиться. Дорогой мой! Передавай большой привет Люсе Богдановне, Ляле!

Крепко целую тебя!

Твой ***Рафик***

14.11.1964, Москва

Дорогой Эдик!

Меня потряс один факт, о котором я тебе хотел рассказать при встрече, но так как до сих пор (то есть с августа месяца) в Большом театре стоит хохот, я, не дожидаясь встречи, решил тебе написать. Полтора месяца тому назад знакомые оркестранты из Большого театра принесли мне газету "Советский артист" (печатный орган Большого театра). Там довольно крупным шрифтом напечатано следующее:

"Г. Терпогосов – заслуженный артист Армянской ССР. Указом Президиума Верховного Совета Армянской ССР от 7 августа 1964 года артисту оркестра Большого театра Союза ССР Терпогосову Григорию Леонтьевичу присвоено звание Заслуженного артиста Армянской ССР".

Вот кто такой Терпогосов: бакинец армянского происхождения, никогда не был связан с Арменией и ее народом. Армянского языка не знает. Очень скромный музыкант, скрипач, сидит на 7-м пульте.

Эту газету я сохранил и привезу с собой в Ереван. Между прочим, об этом не было опубликовано в республиканских газетах. Я ежедневно получаю "Коммунист", и об этом там не было напечатано. Как тебе это нравится?

Ты помнишь, как тебе для меня и Генриха /*Талалян, альтист*/ все

звания приходилось буквально вырывать из горла! Ведь для В. Мержанова /*Виктор, пианист*/ (кстати, летом этого года утвержденного в звании профессора) куда все было сложнее, чем для Терпогосова.

А об Асатуре /*Григорян, скрипач, проф. Московской консерватории*/ даже и речи не было. Между прочим, дирекция оркестра Кондрашина, вдохновленная случаем с Терпогосовым, на днях направляет в Армению ходатайство о присвоении пятерым музыкантам-армянам звания Заслуженного артиста Армянской ССР. О возмутительном случае с Терпогосовым я на днях написал Акопу Ханджяну /*начальник Управления по делам искусств*/.

Дорогой Эдик! Сегодня я направил Амазаспяну /*Варджес, председатель Комитета по связям с соотечественниками за рубежом*/ телеграмму с просьбой включить тебя в состав делегации в связи с предстоящим исполнением твоего Квартета во Франции. Об этом я тебя сегодня известил телеграфно. Очень будет хорошо, если Постановление об учреждении государственных премий выйдет к 29 ноября, ко дню установления Советской власти в Армении. Было бы хорошо, если бы ты, опираясь на указание Ованеса Багдасаряна /*второй секретарь ЦК*/, периодически напоминал об этом его помощнику.

Но тут есть, по-моему, другая опасность: как бы и премии /*Госпремия Армении*/ не начали присуждаться также к 29 ноября. В этом случае наши шансы резко покатятся вниз – это уже будет через год. За существование к тому сроку я в этом случае не ручаюсь. Есть основания. Проследи, пожалуйста, за своей поездкой во Францию с нами. Было бы очень хорошо. Давай “тряхнем Америкой”!

Крепко тебя целую! Приветы твоим!

Твой ***Рафик***

15.07.1965, Москва

Дорогой Эдик!

Вряд ли ты сейчас в Ереване. Пишу на всякий случай. Может быть, ты в Дилижане и наездами бываешь в городе.

Я после приезда из Ленинграда сразу лег в больницу. Пролежал там 9 дней. У меня нашли сужение сосудов в правой руке. Провели курс лечения. Пускали ток. После больницы прошел еще один курс, но амбулаторно. Пока заметного улучшения не чувствую. Посмотрим, как будет дальше. Послезавтра улетаю в Тбилиси. Пробуду там числа до 23-го августа. <...>

Это все пока вести грустные. А теперь, хочешь я тебя развеселю? Недавно из Парижа нам пришли визы, причем всей группе! Срок виз: с 4 июля по 4 августа. В общем, тогда были концерты, но не было виз. Теперь есть визы, но нет концертов. Из Посредства сообщили об этом Амазаспяну /*Варджес, председатель Комитета по культурным связям с соотечественниками*/. Но он молчит.

Говорят, что визы отодвигать нельзя. Надо их запрашивать заново.

Если тебе удастся, выясни там, как надо сделать, чтобы иметь визы именно в сентябре. Насколько мне помнится, Вардкес уехал из Москвы, договорившись с Парижем на сентябрь месяц.

В общем, цирк!

Целую ***Рафик***

P. S. Сергею Захаровичу /*Асламазян, виолончелист квартета имени Комитаса*/ стало несколько лучше, но теперь болеет его старшая дочь, и он вынужден быть в городе и бывать у нее в больнице.

02.09.1965, Москва

Дорогой Эдик!

Читал о том, что в Ереване проходили “Дни Бриттена”. Конечно, ты уже вернулся в город. А теперь у тебя уже начались занятия и все остальное.

Хочу тебя посвятить в планы квартета, чтобы ты был в курсе.

11 и 12 сентября играем в Таллинне.

18 и 19 сентября – в Вильнюсе.

В программе: Моцарт, Мирзоян, Дебюсси.

2 и 3 октября – в Риге.

30 и 31 октября – в Вильнюсе.

В программе: Моцарт, Мирзоян, Равель.

6 ноября выезжаем в Варшаву.

В городе Катовице состоится музыкальный фестиваль. И еще концерт где-то там, будем играть: N7 квартет Шостаковича, Чайковского N2 и Мирзояна.

14 ноября выезжаем на один фестивальный концерт в Берлин. В программе: Моцарт, Мирзоян, Равель.

17-го – концерт в Эрфурте (ГДР). Программа та же.

18-го едем в Чехословакию. Там всюду будем играть одну программу: Моцарт, Мирзоян, Дебюсси.

2 декабря возвратимся в Москву.

Сегодня звонил мне из Еревана Бальян /*Владилен, композитор, директор Армфилармонии*/. Мы с ним договорились о том, что с числа 8-10 декабря выедем в Армению дней на 10. Он считает, что в эти дни нужно организовать чествование по случаю 40-летия квартета /*имени Комитаса*/. Сообщил также о том, что квартет выдвинут на Государственную премию.

Вот, дорогой Эдик, таковы наши планы до Нового года. Как видишь, планы большие (я еще не назвал московских и ленинградских концертов). Если Бог пошлет нам здоровье, то будем его осуществлять.

Сергей Захарович /*Асламазян*/ чувствует себя по-разному. Я со своей рукой заметного улучшения не чувствую. Единственное, чего врачи добились, это заставили меня бросить курить. <...>

Недавно мы похоронили внезапно скончавшегося В. П. Ширинского /*Василий, II скрипка квартета имени Бетховена*/. Так это было неожиданно! Он в квартете считался самым здоровым. У Борисовского /*Вадим, альтист квартета имени Бетховена*/ уже год с лишним инфаркт, у Цыганова /*Дмитрий, I скрипка квартета имени Бетховена*/ пошаливает сердце, а Сергею Ширинскому /*виолончелист квартета имени Бетховена*/ года два тому назад удалили почку. Один Василий Петрович не испытывал серьезных заболеваний. Очень все это было для всех нас неожиданным. <...>

За твоей профессурой я слежу. В ВАКе осталась только одна инстанция – Пленум ВАКа. Не сомневаюсь в том, что эта инстанция будет пройдена столь же благополучно, как и предыдущие.

Привет твоим близким! Крепко целую!

Твой ***Рафик***

08.10.1965, Москва

Дорогой Эдик!

Получил сегодня твое письмо.

“Новость”, о которой я тебе писал, меньше всего касалась Союза композиторов, который всегда к нам относился замечательно.

Говорят, о нашем выдвижении были споры в других сферах. Ну что же, посмотрим, что из этого выйдет. Во всяком случае, мы “на всех парусах” завершаем свой 40-й сезон и, представь себе, довольно бурно: концерты в пяти союзных республиках и в 3-х зарубежных странах. Да еще семь предполагаемых концертов в декабре в Армении.<...>

Я не знал о том, что Эмин Хачатурян /*дирижер*/ имелся в виду для работы с оркестром. Во всяком случае, Тэриана /*Михаил, дирижер*/ я рекомендую, будучи уверенным в том, что он как педагог-воспитатель оркестра очень хороший. Ну а впрочем, вам виднее, как решить этот вопрос.

Спасибо тебе и в твоем лице Союзу композиторов Армении за то, что Вы оказали нам большую честь, выдвинув нас на соискание Государственной премии!

Целую! Твой ***Рафик***

18.12.1965, Москва

Дорогой Эдик!

Эта неделя прошла у меня очень тревожно. Дело в том, что у меня осложнения с получением ордера на въезд в квартиру. Бегаю по этим делам. Завтра с Котиком Арутюняном хочу пойти к Хренникову попросить о помощи в этом вопросе. Придираются к нескольким метрам излишков в площади. Был в министерстве. Тебя оформляют. Поинтересуйся, пожалуйста, в ЦК, не надумали ли там что-нибудь в отношении Асатура /*Григорян, профессор по классу*

квартета МГК/. Когда ты справлялся, в то время еще не было письма Когана, Ростроповича и Мостраса. Сделай, пожалуйста!

Приветы тебе от мамы и дяди!

Приветы Люсе Богдановне и Ляле!

Пиши!

Твой ***Рафик***

17.01.1967, Москва

Дорогой Эдик!

Спасибо тебе за новогодние поздравления! Надеюсь, ты мои тоже получил. 22-го мы выезжаем в Ереван <...>.

Вчера звонил мне Тигран Минасян /*замдиректора Армфилармонии*/. Наши гастроли по республике на этот раз географически очень расширились. Кроме Ленинакана и Кировакана, мы будем еще в Шамшадине, Иджеване и Дилижане. Так что мы с тобой сможем встретиться и в Дилижане тоже.

Тут на меня навалилось новое дело. Месяца полтора тому назад со мной начали вести разговоры о том, чтобы я занял пост председателя месткома консерватории /*Московской консерватории имени Чайковского*/. Я категорически отказывался, кроме ряда причин, указывал на то, что поддержание моей исполнительской формы зависит от регулярного лечения, которое я запустил в связи с подготовкой к 100-летию консерватории. Как будто все понимали, но не прекращали разговоров. Кончилось тем, что месяц с лишним тому назад, за день до выборов, меня вызвали на партбюро, к Свешникову /*Александр, дирижер, ректор МГК*/, и предложили на один год согласиться. О том, насколько это еще более усложнило мою жизнь, ты себе представляешь.

В Ереване мы 3-го открываем реконструированный Малый зал. Затем будет концерт, посвященный 70-летию Сергея Захаровича /*Асламазян, виолончелист квартета имени Комитаса*/. От юбилейчествования он наотрез отказался. Я наводил справки относительно того, чтобы ему в этот день вручили медаль лауреата Государственной премии. Но по поводу того, готовы ли эти медали или нет, представь себе, до сих пор идут разноречивые слухи.

Я думаю, хорошо будет, если ты позвонишь Гарибджаняну /*Людвиг, министр высшего и среднего специального образования Армении*/ и попросишь его о том, чтобы они присвоили бы Сергею Захаровичу звание Почетного гражданина Ленинакана (как Ростроповичу, Тиграну Петросяну и др.).

Они, правда, во время 40-летия квартета отказались это сделать, но ему они должны сделать. Ты ему /*Гарибджаняну*/ объясни, сколько он сделал для популяризации Комитаса. Думаю, это до него дойдет. Между прочим, я теперь не директор квартета. Теперь у нас директор квартета Сергей Захарович. Дорогой Эдик,

постарайся быть в Ереване, а то нам за последние годы очень не везет с твоим присутствием. Как назло, ты в это время вынужден бываешь отсутствовать.

Я надеюсь, что ты в Дилижане многое успел сделать и порадуешь меня (разумеется, не только меня) в скором будущем новыми талантливыми сочинениями.

Приветствую всех членов твоей семьи и крепко тебя целую!

Твой ***Рафик***

P. S. На днях в ВАКе меня утвердили в должности доцента[146].

26.02.1967, Москва

Дорогой мой Эдик!

Знаю от Карпа Савельевича /*Домбаев, скрипач*/, какое ты принял горячее и сердечное участие в вопросе о награждении Сергея Захаровича /*Асламазян*/ Почетной грамотой Верховного Совета. Мы оба выражаем тебе глубокую благодарность и признательность. И он, и я выписываем уже много лет газету “Коммунист”, и очень было приятно прочитать и Указ, и отличную статью Ляли /*Анаит, скрипачка, музыкальный критик*/ Цицикян. Очень тепло и хорошо отмечено семидесятилетие Сергея Захаровича, получившего также много телеграмм из Армении.

Словом, спасибо, родной!

Твой ***Рафуль Давидян***

13.06.1968, Москва

Здравствуй, дорогой Эдик!

Хочу тебя удивить одним сообщением. Дело в том, что я женился. Правда, жена молодовата для меня, но что поделаешь, так получилось. Между нами 13 лет разницы. Ей 32 года. Она русская. Имеет сына 10 лет. Преподает русский язык иностранцам в Медицинском институте. Человек она хороший.

Летом собираемся с моими родителями на месяц в Эстонию. А пока очень много работаю. Кроме консерваторских дел, сижу еще председателем госкомиссии в институте имени Гнесиных.

Сергей Захарович /*Асламазян*/ все еще прихварывает. В консерваторию ходит, но играть побаивается. Посмотрим, как будет с осени.

Что-то перестали мы общаться друг с другом. Я лично очень сожалею об этом. Я понимаю, что много объективных причин. И тем не менее. Хочу думать, что у тебя дома обстоит все благополучно.

Приветы Люсе Богдановне и Ляле! Крепко целую

Твой ***Рафик***

[146] Позже Р. Давидян защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения.

01.11.1968, Москва

Дорогой Эдик!

Право, не пойму, чем я тебя прогневил. Я уж не говорю о том, что ты, бывая в Москве, совсем перестал мне звонить. Еще в июне я написал тебе письмо о том, что женился. Ты, обычно такой внимательный человек, никак не среагировал на это. Правда, брак мой не оказался счастливым. Я глубоко раскаиваюсь в содеянном и в том, что поступил так опрометчиво и легкомысленно (но это я так, к слову).

Хотел объясниться с тобой. Узнать, в чем дело. Сегодня утром звонил тебе. Оказалось, что твой телефон передали другим лицам. <...>

Недавно Сергей Захарович /*Асламазян*/ позвонил Армену Георгиану /*виолончелист, отец виолончелистки Карине Георгиан*/ и просил /*по*/работать пока вместо него, но предупредил его, что если почувствует себя лучше, то вернется в квартет. Но, откровенно говоря, это мало вероятно (я поговорил с Сергеем Захаровичем по душам). В настоящее время репетируем с Георгианом. Я, признаться, тоже подумывал из-за руки одновременно с Сергеем Захаровичем прекратить работу, но потом имел разговор с Аветом Карповичем /*Габриэлян, I скрипка квартета имени Комитаса*/ и Генрихом /*Талалян, альтист квартета имени Комитаса*/, которые говорили, что не предполагают сами интенсивной работы, и пока решил остаться.

В зимние каникулы собираемся приехать в Ереван. На днях звонили из Госконцерта. Сказали, что в июне у нас запланирована Болгария.

Между прочим, мы туда собирались несколько раз, но так ни разу и не побывали. Спрашивали о программе. Сказали, что будет достаточно одной программы. Дал такую программу: Моцарт, Мирзоян, Равель.

6-го улетаю в Тбилиси на праздники. Хочу повидаться с родителями.

Словом, дорогой Эдик, если чем и обидел тебя, прошу извинить меня! Не пристало нам на старости лет дуться друг на друга.

Предполагаю из Тбилиси вернуться 11-го. Если удастся вернуться к вечернему (т.е. концертному) времени, то приду на твой концерт. Тут уже у консерватории несколько дней висят плакаты.

Передай, пожалуйста, приветы Люсе Богдановне и Ляле!

Твой ***Рафик***

11.02.1970, Москва

Дорогой Эдик!

Некоторое время тому назад у меня опять началось обострение болезни моей руки. Мне стало ясно, что напряжения гастрольной поездки я не выдержу. А у квартета в марте гастроли на Украине и в Румынии. Я договорился с товарищами о моей замене и сам привел вместо себя ученика Л. Когана Эдика Татевосяна. Эдик на V

курсе, лауреат двух международных конкурсов. Перед моим отъездом на каникулы в Тбилиси я пошел к своим лечащим врачам, которые мне пытались чем-нибудь в течение этих лет помочь. После консилиума они заявили, что, к сожалению, больше ничего сделать для меня не смогут. Дали мне на руки заключение, в котором после диагноза напечатаны слова: “исполнительская деятельность противопоказана”. Я, конечно, сделал для себя надлежащие выводы. Грустно, конечно, но что поделаешь. Жизнь есть жизнь. Я, еще будучи в Тбилиси, написал заявление министру культуры Удумяну /*Камо*/ и директору Армфилармонии Котояну /*Вагаршак, композитор*/. По возвращении в Москву я объявил своим коллегам о своем решении оставить работу в квартете. И сейчас вместо меня уже играет Эдик Татевосян. Вот так завершилась моя 23-летняя работа в квартете имени Комитаса.

Мне много вообще гадит Асатур Григорян. Он остался верен себе и на этот раз. Он ведь теперь в Армении является государственным инспектором по квартетным делам. Его, как крупнейшего и авторитетного специалиста в этой области, пригласили периодически наезжать и заниматься с квартетом. Пока это квартеты Мамиконяна /*Левон, скрипач, профессор ЕГК*/ и Мокацяна /*Вилли, скрипач, профессор ЕГК*/. Но поговаривают, что у него будет своя квартетная школа-студия, наподобие тех, какие существуют, скажем, у таких знаменитых спортсменов, как Владимир Енгибарян, Грант Шагинян, Альберт Азарян и т.д. Поговаривают также, что Карен Костанян /*скрипач, профессор ЕГК*/ передает ему свою кафедру.

И вот он, будучи недавно в Ереване, узнал, что Эдик едет вместо меня в поездку. И он всем заявлял (и, в частности, З. Сарьяну, с которым я его в свое время познакомил) и угрожал, что он Эдика в поездку не отпустит (для того, чтобы специально гадить мне). Тут даже дело не во мне. Ни у кого не нашлось мужества сказать ему, что этим он портит квартету Комитаса, срывая его гастроли. Но, в общем, я это утряс. Пока он поездом возвращался в Москву, я за один день с консерваторским руководством обговорил отъезд Эдика. И когда Асатур, возвратившись в Москву, убедился, что у него ничего не получится, он заявил, что напишет в Ереван, чтобы Эдика зачислили в квартет Комитаса. Как тебе это нравится!

Кроме этого, он в Ереване заявлял, что я тут будто бы портил дела квартету Мамиконяна перед конкурсом в Льеже. Это ложь! Меня действительно пригласили на прослушивание перед самым отъездом. Цыганов /*первая скрипка квартета им. Бетховена*/ мне первому предоставил слово. Я сказал, что считаю, что квартет может ехать на конкурс, но сделал ряд критических замечаний.

Вот такие дела, дорогой мой! Словом, я теперь целиком перешел на тренерскую работу. Передавай приветы Люсе Богдановне и Ляле.

Твой ***Рафик***

11.04.1972, Москва

Дорогой Эдик!

Читал в “Коммунисте”, что ты был с группой композиторов в Ленинграде и что еще предстоит цикл таких выездов и в другие города.

У меня вот какой к тебе разговор: У Михаила Никитича Тэриана /*дирижер, руководитель студенческого оркестра Московской консерватории*/ здесь возникла с ректоратом конфликтная ситуация по некоторым аспектам. В основном это касается выезда старшего студенческого оркестра на конкурс в Западный Берлин. В общем, Михаил Никитич не хочет отступать от своих принципов и даже подумывает о прекращении работы в консерватории. У него появились по каким-то каналам (неофициальным) предложения относительно руководства симфоническим оркестром Армянского радио и телевидения (вместо Манго) /*Рафаэл Мангасарян, дирижер*/ и полставки в консерватории (альт, квартет). Во всяком случае, он готов безвыездно перебраться в Ереван (пока на один год). Вообще он воспитатель и руководитель великолепный и вообще богатая творческая натура и организатор, и, думаю, мог бы принести большую пользу республике. <...> Вообще интересно, как ты отнесешься к этой идее, является ли она для тебя новой (в том смысле, что узнаешь об этом от меня). Михаил Никитич в любом случае был бы рад твоему звонку, когда будешь в Москве. <...>

В субботу иду в институт Гнесиных на вечер, посвященный 50-летию со дня рождения Генриха Талаляна /*альтист квартета имени Комитаса*/. 9 мая еду в Ленинград председателем ГЭК в консерватории. Пробуду там 10 дней, а с 20-го буду в том же амплуа в институте имени Гнесиных. Числа 10 июля на недельку прибуду в Ереван.

Сердечно приветствую твоих близких.

Крепко тебя целую

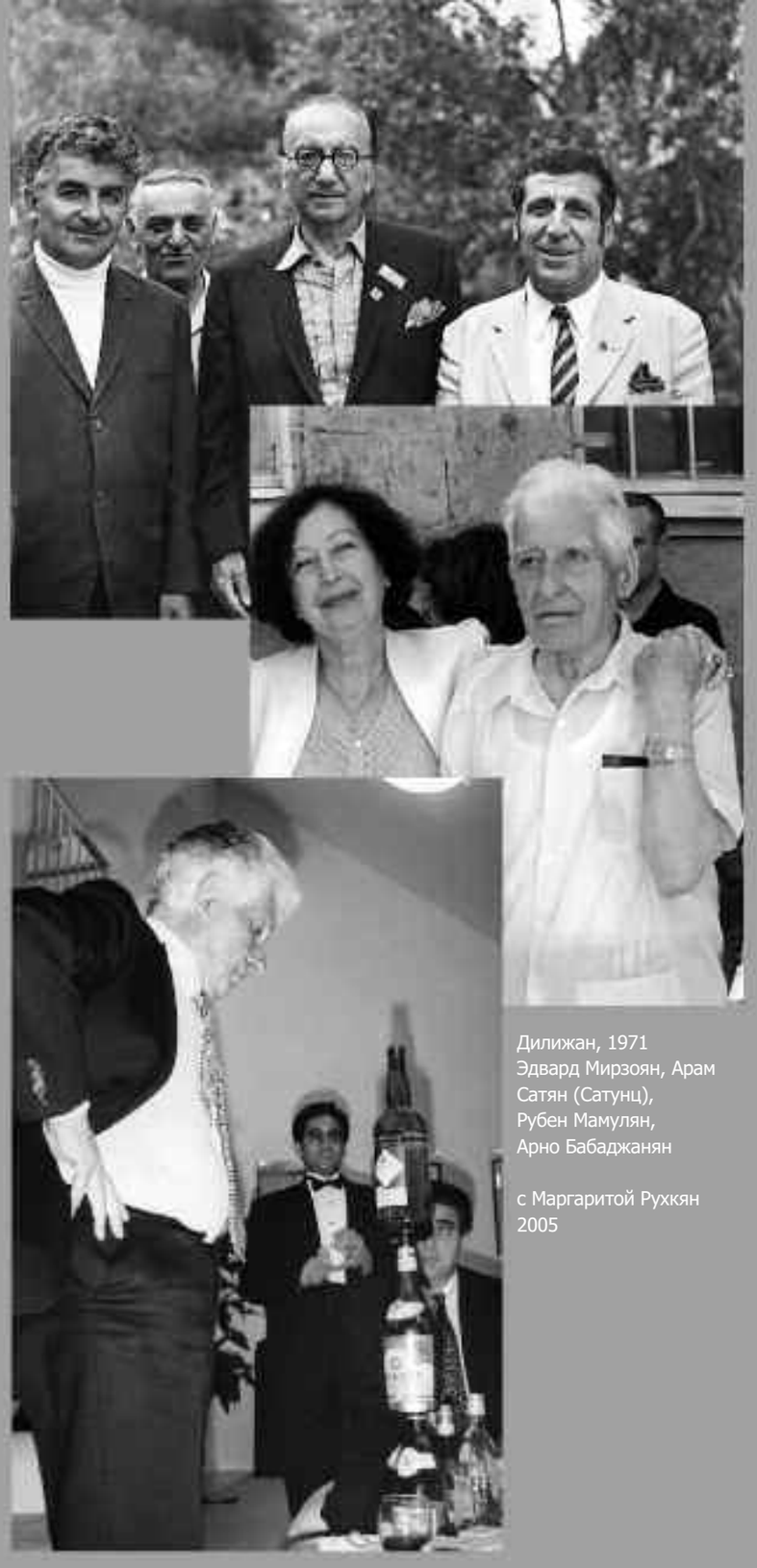
Твой ***Рафик.***

02.01.1975, Москва

Дорогой Эдик!

Хочу надеяться, что тебе нервы треплют меньше, может быть, поймут, в конце концов, что интересы дела должны превалировать над всеми остальными вещами. Я думаю все же, что через некоторое время ряды “оппозиции” сильно поредеют, хотя кое-кто и будут стараться держать Союз композиторов в “напряжении” и продолжать накалять обстановку.

Здесь недавно был Левон Аствацатрян /*композитор*/. Он огорчен тем, что Г. Рождественский /*Геннадий, дирижер*/ затянул исполнение его симфонии. Но мнение Рождественского относительно его симфонии ему, естественно, очень дорого. Кроме его личного словесного



Дилижан, 1971
Эдвард Мирзоян, Арам Сатян (Сатунц), Рубен Мамулян, Арно Бабаджанян

с Маргаритой Рухкян
2005

мнения, он знает о том, что Геннадий в своем письме к тебе очень высоко отозвался о его работе. Ему очень хотелось бы иметь у себя хотя бы копию этого письма. Если ты сочтешь возможным, то передай ему, пожалуйста, письмо для снятия фотокопии. Ему очень хотелось бы показать отцу и вообще располагать этим отзывом.

У нас ректора все нет, некоторые кандидаты отпали, отказались. “Труднее” всех пришлось Хренникову. Его два раза приглашал на беседу министр. Больше всего “наверху” хотят на это место поставить композитора, называют и пианиста (Е. Малинина). Одно время очень настойчиво говорили о Кухарском /*Василий, замминистра культуры СССР*/. Говорили и об Отаре Тактакишвили /*министр культуры Грузии, секретарь СК СССР*/. Но этот вариант мне казался не столь реальным, так как, на мой взгляд, это место русское. Во всяком случае, пока и.о. – Б. Куликов. И говорят, что так может продлиться еще долго.

Чувствую себя вроде бы неплохо, хотя ощущаю временами и недомогание.

Желаю тебе в наступившем году многих успехов и радостей, здоровья и хорошего настроения! Те же пожелания и твоим близким!

Обнимаю и целую тебя

Твой ***Рафуль***

Джербашян Карпис (бизнесмен, меценат /Франция/)

– *К*арпис Джербашян – благороднейший человек, патриот, много сделавший для Армении. Он продолжил меценатскую деятельность своего дяди, Арцруна Джербашяна, передавшего Эчмиадзину 22 килограмма золота для изготовления алфавита и герба Армении. Карпис же не раз помогал Армении. Профинансировал литье церковных колоколов, приобрел рояль марки STEINWAY, установленный в зале консерватории, и др. Причем, это не те бизнесмены, которые играючи делали миллионы, – все это доставалось им, эмигрантам из Западной Армении, нелегким трудом. О том, какой тяжелый путь ему пришлось пройти, свидетельствует хотя бы история, которую Карпис рассказал мне в своем доме в пригороде Парижа.

Карпис одолжил у дяди деньги, но прогорел – арабы ему сумму не вернули. И вот он просит дядю либо продлить срок выплаты, либо простить нерадивого племянника. Арцрун отказывает, и Карпис оказывается на грани самоубийства. «Բայց եթե նա այդպես չվարվեր, ես հիմա այսպես ուղիղ կանգնած չէի լինի» (“Но если бы он тогда так не поступил, я бы сейчас так твердо на земле не стоял бы”), – сказал мне в тот день Карпис.

Этот разговор у нас состоялся после моей урологической операции, в которой, вместе с Аршамом Бабаяном и Пьером Казаряном */бизнесмены из Франции/*, **Карпис тоже принял финансовое участие. А дело было так: Католикос Вазген Первый пригласил меня к себе в резиденцию после концерта, который был организован по его инициативе. Узнав, что я еду на операцию, написал письмо Гюту** */возглавлял армянскую церковь во Франции/*, **чтобы тот выделил 5000 франков. Я отказался: «Էնտեղ ունեմ մտերիմներ, որոնք, հուսով եմ, ծախսերը կհոգան»: – «Ոչի՛նչ, վերցրե՛ք»: (“У меня там есть близкие люди, которые, надеюсь, возьмут расходы на себя”. – “Ничего, возьмите”). Я вез еще одно письмо Гюту с просьбой о выделении средств с целью приобретения пленки “Кодак” для фильма о Котике Арутюняне. С Карписом был разговор, решили эти 5000 франков не трогать. В больнице меня посещает Гют, передаю ему письмо насчет Котика, а насчет себя не передаю. Через 2-3 дня, узнав, что должен получить еще одно письмо, Гют снова пришел в больницу. И снова я не отдал письмо Католикоса. Вернувшись в Ереван, я пришел к Вазгену Первому: «Վեհափա՛ռ, խնդրա՛նք ունեմ. այս նամակը թողեք ինձ հիշատակ...» (“Святейший, у меня к Вам просьба: оставьте это письмо мне на память...”).**

23.09.67, Փարիզ

Յարգելի եւ սիրելի Պրն. Ե. Միրզոյեան,

Գալս պիտի ուշանայ ոչ թէ գործերիս պատճառով, այլ որովհետեւ մի ամսից պիտի ենթարկուեմ մի փոքրիկ վիրաբուժական գործողութեան, որով միայն գարնան պիտի կարողանամ գալ:

Այնուամենայնիւ, դա պատճառ չէ, որ ուշանայ STEINWAY դաշնամուրի խնդիրը, որի մասին Ձեզ հետ խօսել էինք երաժշտանոցի սրահին համար:

Ձեզ տեղեկացնում եմ, որ այդ դաշնամուրը արտադրում են Գերմանիայում (HAMBOURG) եւ Ամերիկայում: Մասնագէտներից իմացայ, որ Եւրոպայում աւելի նախընտրում են գերմանականը, քան ամերիկեանը:

Գերմանականը ունի երկու մօդէլ. մէկը, որ հազար հոգինոց սրահի համար է՝ 2 m, 74, իսկ միւսը աւելի փոքր է՝ 2m, 27:

Ամերիկեանը շատ աւելի սուղ է: Բայց կարեւոր անպատեհութիւնը նա է, որ Ամերիկայից կարելի չէ ուղղակի յանձնել Սովետական Միութեան: Որով կարծում եմ, որ ամենայարմարը գերմանականն է՝ 2m,74, հազար հոգինոց սրահի համար:

Խնդրում եմ, որ ինձ գրէք Ձեր կարծիքը եւ Ձեր թելադրութիւնները այս մասին, որպէսզի իսկոյն ապսպրեմ Ձեր ուզածը: Գիտեմ, որ դա պիտի ուղարկուի Սփիւռքահայ Կոմիտէի անուան, որպէսզի մաքսատան դժուարութիւններ չունենաք:

Խնդրում եմ նաեւ, որ այս կարգադրութիւնը մեր մէջ մնայ: Արածս նուէր չպիտի համարել, այլ նուիրական մի պարտականութիւն, կամ աւելի ճիշդ պիտի լինէր, որ ասէի՝ իմ մեծ պարտամուրհարկի դէմ մի փոքր կանխավճար հանդէպ այն ժողովուրդին, որի շնորհիւ դեռ մնում եմ հայ...

Սպասելով Ձեր լաւ լուրերին՝

Յարգանքով ու ջերմ բարեւներով՝

Կարպիս Ջրբաշեան

Յ. Գ. Տնեցիները լուր չունեն այս վիրաբուժական գործողութեանս մասին: Խնդրում եմ, որ Ձեր նամակում չարտայայտուէք այդ նկատմամբ: Շնորհակալ եմ:

23.09.67, Париж

(перевод Л. Епремян)

Дорогой, уважаемый г-н Э. Мирзоян!

Мой приезд откладывается. Не подумайте, что занят, – я должен лечь в больницу на небольшую операцию. И потому выберусь к вам только весной.

Однако это совсем не повод откладывать вопрос STEINWAY-а для консерватории, о котором мы с Вами говорили.

Я выяснил, что рояли этой марки выпускаются в Германии (Гамбург) и Америке. Уточнил у специалистов, что в Европе предпочитают немецкие рояли американским. Немецкий рояль имеет две модели: одна – для зала на тысячу мест – 2m, 74, другая меньше – 2m, 27.

Американский рояль стоит намного дешевле, но неудобство в том, что из США прямо перевезти его в Советский Союз невозможно. Так что, по-моему, предпочтительней немецкий, 2m, 74, на тысячу мест.

Напишите мне о Ваших соображениях, пожеланиях и указаниях по этому поводу, чтобы я вплотную занялся этим вопросом. Знаю, что надо послать рояль на адрес АОКС-а, чтобы не было проблем с таможней[147].

Прошу, чтобы этот разговор остался между нами. То, что я делаю, – не подарок, а святая обязанность. Или, точнее, небольшой залог в счет крупного налогового обязательства тому народу, благодаря которому я все еще остаюсь армянином...

В ожидании хороших вестей от Вас,

с уважением и любовью

Карпис Джербашян

P. S. Дома не знают о моей операции**,** не пишите об этом в письме. Благодарю.

[147] Рояль прибыл в Ленинакан, на ящике было написано: “Ереван, Э. Мирзояну”.

26.05.1972, Փարիզ
Յարգելի Տիար Նախագահ,
Միրելի՛ Էդիկ,

Նորից ես եմ Ձեզ անհանգստացնում՝ Ձեզ տեղեկացնելու համար, որ Յունիսի 15-ին հօրեղբօրս (Արծրունի) գեղախումբը պիտի գայ Հայաստան: Այդ խումբին հետ լինում են նաեւ <u>օր. Ալիս Շամիրեան</u>, որ Փարիզում կատարեց Անուշի դերը, ինչպէս նաեւ Պրն. Արշամ Բաբայեանը [*գործարար, բարերար, հասարակական գործիչ*]՝ իր տիկնոջ հետ:

Ի նպաստ մեր Սփիւռքի արուեստի զարգացման՝ պիտի խնդրէի Ձեզանից, որ մասնաւոր ուշադրութիւն ցուցաբերէք հանդէպ Ալիսին (որ շնորհալի եւ ապագայ խոստացող երգչուհի է, շատ զգայուն արուեստագիտուհի), որպէսզի նա սնուի Հայրենիքի շունչով ու աւիշով:

Նոյն խնդրանքն եմ ուղղում Ձեզ Արշամ Բաբայեանի մասին: Նա պայմանների բերումով երկար տարիներ հեռու է մնացել հայկական միջավայրից՝ գրեթէ «շուռ» եկած աստիճանի: Յանկարծ լսելով «Անուշ» օպերայի երգերը՝ հոգեպէս ցնցուել է եւ որոշել է ամէն գնով գլուխ հանել Մարսէլում այդ օպերան: Մի խօսքով, Արշամ Բաբայեանի անսովոր խանդը եւ «էներգիան» ոչ միայն ապահովեցին «Անուշ»-ի ներկայացումներ Մարսէլում եւ Փարիզում, այլ ուղղակի մի յայտնութիւն եղան ու մեզ շշմեցրին: Եթէ նա նիւթապէս, ֆիզիկապէս եւ բարոյապէս չօժանդակէր, «Անուշ»-ը չպիտի վայելէինք Ֆրանսայում: Ուրեմն՝ ցանկալի է, որ այդպիսի մի անձնաւորութիւն ապահովենք մեր գալիք մշակութային ձեռնարկներին ի նպաստ: Մանաւանդ որ, Արշամ Բաբայեանի շրջապատը ունեւոր անձերից է բաղկացած, եւ կարող են «շնորհակալ» գործ կատարել, եթէ աւելի գիտակից մօտեցում ունենան հանդէպ մեր ներկայ Հայրենիքի իրականութեան եւ նրա ձեռք բերած վերելքին:

Մի խօսքով, այս առնչութեամբ խնդրում եմ Ձեր օժանդակութիւնը:

Սրտագին մաղթանքներով ու բարեւներով՝

Կ. Ջրբաշեան

26.05.1972, Париж
(перевод Л. Епремян)
Уважаемый г-н председатель, дорогой Эдик,

Снова я беспокою Вас по поводу прибытия в Армению 15 июня артистической труппы моего дяди (Арцруна). С ними будут и исполнительница роли Ануш во Франции Алис Шахмирян, а также Аршам Бабаян */бизнесмен, меценат, музыкально-общественный деятель/* с супругой.

Во имя развития армянского искусства за рубежом прошу Вас уделить особое внимание Алис (она талантливая, многообещающая певица, тонкий музыкант), чтобы она прониклась духом отечества.

Та же просьба – в отношении Аршама Бабаяна. По воле судьбы он долгие годы был далек от армянских кругов и почти полностью ассимилировался. Однажды, где-то случайно услышав отрывки из оперы "Ануш", он был потрясен и загорелся идеей во что бы то ни

стало осуществить постановку этой оперы в Марселе. Словом, упорство и энергия Аршама принесли свои плоды: постановка осуществлена в Марселе и Париже и стала для нас настоящим открытием и потрясением. Если бы не его личное финансовое, деятельное и моральное участие, оперу "Ануш" во Франции мы бы не увидели.

А значит, желательно обеспечить участие такого человека в реализации наших будущих планов. Тем более, что он вращается в кругах обеспеченных людей, которые могут сделать благородное дело, если более осознанно и ответственно отнесутся к сегодняшним реалиям возрождающейся Армении.

Словом, в связи с этим прошу Вашего содействия.

С сердечными пожеланиями и приветствиями

Карпис Джербашян

06.08.1981, Փարիզ
Միրելի՛ Էդիկ,

Անուշի եւ Շուշանի [*Ջրբաշեանի դուստրերը*] միջոցով քեզ, ինչպէս նաեւ հարազատներիդ, ուղարկում եմ ջերմ ողջոյններս:

Պիտի ստանաս նաեւ դաշնամուր լարելու այն բանալին, որ ուզել էր ինձանից Բարգէնը [*Սօսեան*]: Յուսով եմ, որ «Տամօժնին» [*մաքսատուն*] գլխացաւանք չի անի...

Դրանից զատ՝ ներփակ STEINWAY ընկերութեան քլավսինի (Clavecin) պայմանագիրը, որի նուիրողը, ինչպէս գիտէս, Արշամ Բաբայեանն է, ձեր երաժշտանոցի համար, վագոնով պիտի ստանաք եկող Յունուարին:

Մաղարիչը չմոռանաս...

Արդէն եկող ամսին Արշամը գալու է Հայաստան եւ քեզ աւելի մանրամասն տեղեկութիւններ կը տայ այդ Clavecin-ի մասին:

Սրտագին բարեւներով ու կարօտով՝

Կարպիս Ջրբաշեան

06.08.1981, Париж
(перевод Л. Епремян)
Дорогой Эдик,

Через Ануш и Шушан */дочери Джербашяна/* посылаю тебе и твоим родным горячие приветы.

Посылаю также ключ для настройки рояля, который просил Бабкен /*Сосян*/. Надеюсь, с таможней обойдется без головной боли...

Кроме того, высылаю договор с фирмой STEINWAY о приобретенном для консерватории клавесине, как тебе известно, подаренном Аршамом Бабаяном. Груз прибудет поездом в январе будущего года.

Не забудь о магарыче...

Уже в следующем месяце Аршам приедет в Армению и более подробно проинформирует об этом.

С сердечным приветом ***Карпис Джербашян***

Долуханова Зара (певица)

20.07.1987, Москва

Дорогая Люся Богдановна!

Находясь во Франции, в городе Туре на музыкальном семинаре, я имела счастье слушать 15 июля 1987 года Симфонию Эдуарда Михайловича для струнного оркестра с ударными инструментами.

Эту Симфонию я слышала впервые и могу смело отнести ее к лучшим творениям современности. В исполнении оркестра под управлением Ю. Башмета Симфония понравилась решительно всем и имела грандиозный успех. На днях здесь появился и сам автор, которому я и высказала свое восхищение.

Позвольте Вас тоже поздравить с успехом Эдуарда Михайловича и пожелать Вам доброго здоровья, долгих лет жизни на радость всем, кто знает Вашу семью и радуется Вашей радостью!

Целую Вас крепко

Зара Долуханова

23.09.1987, Москва

Дорогая моя Люся Богдановна!

Ваше письмо меня восхитило и обрадовало настолько, что я вновь вспомнила мое музыкальное прошлое и концерты в Ереване. Мне кажется, не было ни одного моего выступления без Вашего внимательного взора, чуткого уха и доброй улыбки.

За все это (и многое другое) Господь Бог одарил Вашу семью большим талантом, пусть не только в музыке, но одинаково незаурядным.

Спасибо Вам за все!Мой сердечный привет Э. М. (Эдику), Ляле (здоровья ей), Зарочке – моей милой тезке и Арику. Взяла на заметку. Если со мной что случится, – прямо к нему! Целую

Ваша ***Зара***

Ереван, 1984, Международный конкурс имени Глинки. Члены жюри в Доме-музее Мартироса Сарьяна: Лазарь Сарьян, Ирина Архипова, Эдвард Мирзоян, Мария Биешу, Рафаэл Акопян, Зара Долуханова

Есаян Хачатур (художник)

– *Х*ачик Есаян – очень хороший художник, сценограф. Родом из Карса. Его прекрасные картины остались у женщины, которая ухаживала за больным братом, – он не смог перенести ужасов геноцида армян, свидетелем которых довелось быть в детстве...

Хачик – личность неординарная. Близкий друг Флиера, был близок со многими известными людьми. “Как-то Костя Игумнов мне сказал...”, – часто ссылался в разговоре. Был долговязый и худой (Генрих Оганесян называл его «պատեֆոնի ասեղ» /*“иголка от патефона”*/). Был влюблен в Зару Долуханову. Очень любил нашу композиторскую брашку. Комитаса не воспринимал.

С ним связана чудная шутка. Он был на премьере Трио Арно Бабаджаняна, которому еще до того подарил свое фото с надписью: “Почти гениальному Арно”. И вот, в Малом зале Московской консерватории после выступления Арно, Кнушевицкого и Ойстраха не протолкнуться, народу битком. Хачик издали кричит: “Арно! “Почти” можешь зачеркнуть!”

Известны и другие забавные истории: он подает Флиеру телеграмму: “Сволочь, объясни молчание”. Телеграмму не принимают, закатывается скандал...

Как-то он мне сказал:

– Когда я был на похоронах у Игумнова...

– Ты же не был на похоронах.

– Был.

– Кто выступал от Армении?

– Ты.

– Хачик, от Армении никто на выступал.

– Я до сих пор не могу простить себе, что не был на похоронах Игумнова...

10.06.1963, Ереван

Дорогой мой, замечательный Эдик,

Если б ты знал, как я тебя люблю. Какой ты молодец! Я еще до сих пор под впечатлением вчерашнего дня (не в смысле банкета, нет!), а то доброе и красивое дело, которое вы с Бабкеном сделали, – это в наших условиях, конечно, подвиг /*открытие Дома творчества “Дилижан”*/. Быть может, больше, чем подвиг Гагарина, – там нужно было только здоровье, а тут еще кое-чего...

Всю дорогу мы с А. Шагиняном /*министр культуры*/ (мы с ним уехали в 4 часа) говорили о тебе добрым словом. Հալալ ա քեզ, ապրես! (Молодец!)

Если когда-нибудь мне посчастливится с тобой там отдохнуть, это будет, очевидно, из красивых дней моей измученной биографии.

Эдик джан, прими мою благодарность и объятия с поцелуями. Когда же наши горы покроются такими домами?

Искренне твой

Хачатур Есаян <...>

27.08.1968, Бухенвальд

/шутка, характеризующая его состояние/

Эдик ջան (джан),

Дело в том, что сегодня мне сказала Берта */сотрудница Музфонда/*, что коттеджи с 1-го */числа/* распределены Сарьяном и Сосяном. Мы с ней не знаем, как мои дела в смысле нижнего коттеджа. Очень прошу, позвони Берте (только ради Бога, не ругай Берту! Она может обидеться, тогда когда невиновна). Твой немедленный звонок ей или Сосяну может предотвратить очень многое. Էսքանը (пока столько). Еле стою на ногах. Работаю все 20 часов в сутки. Делаем спектакль с Аджемяном */Вардан, режиссер/* – "Арцваберд" */Андрея Бабаева/*.

Нежно кланяюсь всей твоей семье. А тебя целую

Твой ***Хачатур Есаян*** (почти мертвый)

31.03.1969

Սիրելի իմ Էդվարդ,

Քեզ տեսնելու բոլոր հույսերս կորցնելով պատճառով դիմում եմ նամակի, այլ ոչ թե էպիստոլյար [*նամակագրական*] ժանրում թողնելու նպատակով:

Ուզում եմ խորհրդակցել քեզ հետ, և եթե կարիք լինի նաև քո միջամտությանը, ապա դա պիտի անել:

Խոսքը վերաբերում է մեր ազնիվ բարեկամ Գևորգ Արմենյանին:

Թատրոնում անտանելի վիճակ է ստեղծված նրա շուրջ: Նույնիսկ նա դիմում է ներկայացրել թատրոնից գնալու համար:

Մեր մեջ ասած, նա էլ մեղավոր է ստեղծված կացության համար: Շատ ճակատային, երբեմն խիստ անզուսպ, որը մեզ համար նորություն չէ: Դիվանագիտության լրիվ բացակայություն – գոնե իր նախորդից [*Էդգար Հովհաննիսյան*] մի քիչ բան լիներ:

Շիտակ և ազնիվ, եզի նման աշխատող մեր Գևորգի շուրջ ստեղծվել է մի անտանելի կացություն: Սրան, իհարկե, նպաստում է մեր մինիստրության ոչ կայուն վարքագիծը, երբեմն խիստ խանգարիչ: <...> Այս բոլորը, ցավոք, մինիստրության մեղքով: Ուդումյանի [*Կամո, Մշակույթի նախարար*] բացակայությունն էլ ավելի խճճեց հարցերը:

Գլուխդ ինչ ցավացնեմ, մեղք է տղան, գցել ես մի խումբ ազդեցիկ գանգստերների բերանը և իրանք մի կողմ են քաշվել:

Շատ աննախանձելի վիճակում է նաև Բագրատունին [*Վահագն, Սպենդիարյանի անվան օպերային թատրոնի ռեժիսոր, հետագայում Նովոսիբիրսկի օպերային թատրոնի ռեժիսոր*]: Ողջամիտ լինելու համար ասեմ, որ այստեղ շատ մեղավոր է Գևորգը: Ես մի կերպ կարողանում եմ ծայրը ծայրին բերել, որպեսզի նրանց կոնֆլիկտը չսրվի:

Մի քանի խոսք էլ իմ մասին: Ես էլ ունեմ իմ դժգոհությունները: Երբեմն ինձ էլ հասցնում է այն աստիճանին, որ ես էլ չեմ խնայում նրան: Ինչ արած, փոխվել չեմ կարող և չեմ ուզում: Իմ հարցերը ահա վաթսուն տարի է ինքս եմ լուծել առանց որևէ միջամտության, հիմա էլ այդպես կվարվեմ:

Երևի իրոք որ ազնիվ և շիտակ մարդիկ մեր թատրոնում չպետք է լինեն: Սա միջանկյալ:

Ահա և հակիրճ, առանց օրինակների բոլորը: Մտածիր, խորհիր: Գուցե կարիք լինի հանդիպելու: <...>

Քո միշտ նույն ***Խ. Եսայան***

31.03.1969, Ереван

(перевод Л. Епремян)

Дорогой мой Эдвард!

Потерял всякую надежду на встречу с тобой, только поэтому обращаюсь к тебе письмом, а не для того, чтобы отметиться в эпистолярном жанре. Хочу с тобой посоветоваться, и если будет необходимость, попросить твоего вмешательства. Речь идет о нашем честном друге Геворке Арменяне */композитор/*.

В театре вокруг него сложилась невыносимая ситуация. Он даже написал заявление об уходе */с поста директора Оперного театра/*.

Конечно, в сложившейся ситуации есть и его вина. Все говорит в лоб, нередко крайне несдержан, что для нас, конечно, не новость! Полное отсутствие дипломатических способностей – хотя бы у своего предшественника */Э. Оганесян/* поучился! Вокруг прямого и честного, трудолюбивого, как ломовая лошадь, нашего Геворка сложилась жуткая ситуация. К этому добавляется нечеткая позиция нашего министерства, препятствующая ему своими замечаниями. Отсутствие Удумяна */Камо, министр культуры/* еще более накалило обстановку.

Не буду долго морочить тебе голову, короче говоря, жалко парня. Отдали его на съедение группе влиятельных гангстеров, а сами держатся в стороне.

Очень незавидное положение и у Багратуни */Вааган, режиссер Театра оперы и балета имени Спендиарова, в дальнейшем – режиссер Новосибирского оперного театра/*. Справедливости ради должен сказать, что в этом очень виноват Геворк. Я изо всех сил стараюсь, чтобы их конфликт не обострился.

Несколько слов о себе: и у меня свои претензии. Иногда и меня он доводит до такой степени, что не щажу его. Что поделаешь, измениться не могу, и не хочу! Свои проблемы вот уже 60 лет решаю сам, безо всякого вмешательства извне, и в этот раз поступлю так же. Наверное, в самом деле, открытых и честных людей не должно быть в нашем театре. Вот вкратце все, что я хотел сказать, не приводя конкретных примеров. Подумай обо всем этом, если надо, встретимся. <...>

Твой, всегда неизменный ***Х. Есаян***

Жамкочян Перч (органист)

Перч Жамкочян – выдающийся органист и меценат. Родившись в 1929 году в Бостоне в семье армянских эмигрантов, он грезил Арменией, был бесконечно предан ей и сам себя воспринимал не иначе как посланника армянской цивилизации в чуждом для него мире. Учился в Англии, много лет являлся артистом Бостонского симфонического оркестра, а записи двух его концертов газета "Нью-Йорк Таймс" причислила к 50-ти лучшим музыкальным записям всех времен. Перч бывал в Армении часто, очень часто, и каждый его приезд на родину становился событием. Жамкочян умер в Бостоне 23 февраля 2004 года.

Он имел прямое отношение к установлению в Армении нескольких органов, в том числе по инициативе Католикоса Вазгена I органа в зале имени А.Хачатуряна. Однако меценатская деятельность Жамкочяна не афишировалась. Как возможный "агент иностранной разведки" он находился под бдительным оком соответствующих структур.

В советские годы на одном из выступлений в Ереване, где он сыграл сочинение Д. Бака с цитатой из американского гимна, возник серьезный конфликт, впрочем, вполне предсказуемый и закономерный в той системе идеологических координат. Я сочла не лишним привести ниже воспоминания Марата Харазяна /*историк, дипломат, государственный деятель*/ о партийной карательной машине, морально раздавившей большого музыканта. Они объясняют многое в его письмах к Эдварду Мирзояну, через которые Перч раскрывает свою историю любви к Армении – очень непростую, как и история всякой истинной любви... Эта история шире – она о том невозвратимом, единичном человеческом материале, которого тысячелетиями формировала Западная Армения, но трагедия геноцида вырвала из отечества и оставила наедине со своим горем в огромном бесчеловечном мире...

В 2009 году на сольном концерте пианиста и композитора Гайка Меликяна в Доме-музее Хачатуряна в третьем отделении концерта звучали импровизации на предложенные темы. Мелодии Амирханяна, Шаинского и вдруг – композитор Левон Чаушян предложил в честь Дня независимости Америки сымпровизировать на тему гимна США в стиле Бетховена. Успех был абсолютный – мир изменился до неузнаваемости...

Марат Харазян
"Дело" об американском гимне [148]

Очень поздно я узнал о смерти замечательного американского органиста Перча Жамкочяна, с которым в одном эпизоде переплелась моя судьба. Это довольно комичная история, достойная пера Чехова. Но она могла обойтись мне дорого...

– Марат Александрович, а вы слышали, что вчера в Большом зале филармонии исполнялся американский гимн? – сказал мне один из ответственных работников ЦК с оттенком превосходства оттого, что знает больше, чем полагалось знать мне (в то время я работал первым заместителем министра культуры).

– Какой американский гимн, о чем вы говорите?

– А вот такой. Самый настоящий. Его исполнил Перч Жамкочян во время своего концерта. И уже поднялся шум по этому поводу.

Действительно, накануне Перч Жамкочян давал концерт. За несколько недель до этого (это было осенью 1984 года) Вардкес Амазаспян, председатель Комитета по культурным связям с зарубежными армянами, в официальном письме просил Министерство культуры дать указание Армконцерту о предоставлении зала для концерта Жамкочяна, который, как хорошо помню, должен был выступить в Армении в девятнадцатый раз. Причем, насколько знаю, он не получал гонорара за свои выступления или получал какой-то мизер в соврублях.

Я немедленно распорядился составить соответствующее письмо на имя генерального директора Армконцерта Георгия Асатуряна (который совершенно недавно справил свое 80-летие), что и было сделано. С Жамкочяном мне уже приходилось встречаться. В 1983 году мне было поручено вручить ему премию Комитета по культурным связям с зарубежными армянами (для краткости – Комитета соотечественников) имени Петроса Адамяна. В то время упомянутым Комитетом для "прогрессивных" армян диаспоры были учреждены премии в различных областях искусства: имени Сарьяна – для художников, имени Хачатуряна – для музыкантов, имени Петроса Адамяна – для исполнителей всех жанров и т. д. Перч Жамкочян подпадал под категорию исполнителей. Вручение премии состоялось в Доме камерной музыки, и там я познакомился с ним лично.

Завотделом культуры ЦК Сурен Аветисян, человек умеренный, быстро разобрался в том, что исполнялся вовсе не американский гимн, а музыкальное произведение, в котором звучала мелодия гимна. Его автор, американский композитор Д. Бак, первым среди соотечественников написал произведение для органа. Это были "Вариации" на тему гимна США. Короче, Аветисян "закрыл дело"

[148] "Новое Время", 22.09. 2006.

(подробностей не знаю, так как находился в отъезде). Но месяца через два оно вновь вспыхнуло “синим пламенем”.

Помню, был понедельник, когда меня сверхсрочно вызвали в ЦК на “оргсовещание”. Чаще всего это означало, что готовится вопрос для рассмотрения на бюро ЦК. В отделе культуры Тамара Папян, в то время заместитель заведующего отделом, по старой дружбе и под секретом дала мне прочесть проект решения бюро, в котором мне выносился выговор “за ошибку, допущенную при организации концерта”. Я был изумлен. В чем была моя ошибка и разве это я “организовывал” концерт? И потом, в мои функции не входило утверждение программ концертов. Это обычно делал художественный руководитель Филармонии. И наконец, кому понадобилось вытаскивать на свет эту почти забытую историю?

Подумал, что все объясню на оргсовещании у Даллакяна, секретаря ЦК по идеологии, человека рассудительного, с которым у меня к тому же были ровные товарищеские отношения, ибо в одно время мы вместе работали в ЦК. Но на совещании Даллакян был неузнаваем. Он попросил Тамару Папян прочесть проект решения и затем сообщил, что вопрос на бюро ЦК будет обсужден завтра же. Никаких объяснений он не принимал в расчет и торопился побыстрей закончить совещание, которое, как я понял, было созвано для проформы, чтобы сообщить мне о предстоящем выговоре. Вдобавок он высказал упрек, что мы ведем себя как в Польше, с чем я не согласился, сказав, что у нас есть порядок, а в Польше бушует “Солидарность”. Но какое это имело значение, хотя и было видно, что Даллакяну не по душе его миссия? Стало понятно, что Даллакян выполнял возложенное на него поручение и что выговор мне будет вынесен непременно. Было понятно и то, что это поручение исходило от Демирчяна. Но что послужило толчком к обсуждению вопроса, который не стоил и выеденного яйца? Про себя я решил, что КГБ Армении в порядке отчета дал информацию на Лубянку, а та, в свою очередь, в обзорном спецсообщении для ЦК КПСС о положении дел в стране не забыла упомянуть и “исполнение американского гимна” в Армении. Оттуда позвонили Демирчяну и предложили наказать виновных. Хотя я не исключал и того, что могли “настучать” Демирчяну на месте. Все это осталось для меня загадкой и по сей день.

Этот сам по себе неординарный случай, подобно чеховскому рассказу “Брожение умов”, оброс деталями: во-первых, оказывается, в республике исполнялся американский гимн (какой ужас!), во-вторых, первый замминкультуры чего-то “недоглядел”, в-третьих, он же не согласовал выступление Жамкочяна с Госконцертом СССР (чего он и не должен был делать, так как концерты артистов армянской диаспоры никогда не согласовывались с Москвой – наша республика долго отстаивала это право).

Чтобы побольше узнать о предстоящем обсуждении на бюро ЦК, я в тот же день побывал у председателя Президиума Верховного Совета республики Бабкена Саркисова и секретаря ЦК Гранта Восканяна. Но ни один из них даже не слышал о деле с “американским гимном”. Саркисов вообще был настроен философски: дескать, все бывает, но не бойся, ничего не случится.

И вот настал “судный день”. Мы с министром Аракеляном отправились на заседание бюро ЦК. Надо отметить, что Аракелян не имел к этому вопросу никакого отношения, но должен был отвечать за все, что творится в его “епархии”. Что же касается меня, то я оказался в ситуации, когда человек должен доказывать, что он не верблюд.

Началось заседание бюро ЦК. Аракелян выступил первым. Как и полагалось, он признал, что допущена ошибка (попробовал бы кто-нибудь на заседании бюро пойти наперекор “мнению партии”), и заверил, что министерство сделает выводы и не будет впредь допускать подобных ошибок.

Затем Демирчян дал слово мне. Я тоже признал факт ошибки, но исхитрился защитить себя. Сказал, что “не в порядке оправдания, а в порядке объяснения” хотел бы вкратце остановиться на мотивах своих действий. Все члены бюро и присутствующие внимательно слушали. Суть моих объяснений свелась к следующему. Во-первых, просьба о предоставлении Большого зала исходила от Комитета соотечественников, то есть от организации достаточно компетентной и ответственной за свои действия, которая знает, кого приглашать в республику и за кого ходатайствовать, и что у меня не могло возникнуть сомнений в лояльности Жамкочяна. Во-вторых, Перч Жамкочян – музыкант, достаточно известный в республике, он давал в Ереване свой 19-й концерт и ничем себя не скомпрометировал. В-третьих, в минувшем году я по поручению ЦК вручал ему премию имени Петроса Адамяна. Затем сказал, что многие композиторы, как Верди, Глинка и другие, использовали в своих произведениях мотивы национальных гимнов разных стран (Марсельеза и др.). И дальше в таком же духе.

Началось обсуждение. Не помню, кто выступил первым, но слова “выговор” не произнес никто. Меня интересовало, какую позицию займет председатель КГБ Мариус Юзбашян. Он выступил вторым или третьим. Но, к моему удивлению, Юзбашян не сказал ни слова о моей “ошибке”, а отметил, что в республике давно пора навести порядок с приемом зарубежных гостей. Дескать, неизвестно, кто и как увозит гостей в любом направлении, показывая им и “закрытые” регионы, не извещая предварительно Комитет соотечественников. (Он подразумевал, главным образом, поездки в Мараликский район для показа развалин Ани.) После его выступления обсуждение пошло в этом русле. Приводились конкретные примеры несоблюдения порядка в приеме иностранцев, а про “аме-

Мартин Вартазарян, Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян

Фортепианный дуэт Эдуард Багдасарян – Эдвард Мирзоян

Москва, 22.04.1948
На Первом Всесоюзном съезде советских композиторов

Сидят: Люся Сафарян, Анушаван Тер-Гевондян, Ашот Сатян, Микаэл Мирзаян; стоят: Роберт Атаян, Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян, Евгения Гилина, Артак Тоникян, Завен Вартанян

риканский гимн” словно позабыли. Итоги обсуждения подвел Демирчян. Взглянув в проект решения, он сказал:

– Можно было бы наказать строже, но думаю, пусть останется так, как это предусмотрено в проекте.

А проект предусматривал устный выговор. Затем, взглянув на меня с лукавыми искорками в глазах, произнес:

– Слушай, как ты мог так ошибиться, ты ведь работал за кордоном?! (Он имел в виду то, что я несколько лет находился на дипломатической работе во Франции.) Конечно, как человек, прекрасно знающий пружины нашего общества, он понимал, что мы оба играем комедию: я веду свою роль, а он – свою. И потому он мысленно улыбался.

– Бывает, Карен Серопович, – ответил я. <...>

Итак, мне дали устный выговор. Через год предстояло его снять. Оказалось, что в нашей республике их снимают как письменные, т.е. как выговоры “с занесением в личное дело”. Это означало, что мне предстоит пройти через восемь инстанций: бюро и собрание первичной организации министерства, парткомиссию и бюро Спандарянского райкома партии, парткомиссию и бюро горкома партии, парткомиссию и бюро ЦК партии. Таким образом, “дело”, о котором следовало бы поскорее забыть, предавалось огласке. И в райкоме, и в горкоме на меня изумленно оборачивались: “Как, разве у Харазяна есть партийный выговор?” Приходилось объяснять.

Голосовали за снятие /*выговора*/ охотно, приветливо оборачиваясь. А в парткомиссии ЦК я даже помог сотруднику составить справку. На бюро ЦК Демирчян <...> мой выговор снял без возражений.

...Жамкочяна я увидел через год. Узнав, что он в Ереване, я пригласил его к себе. Не знаю, кто, что и как сказал ему про тот концерт, но передо мной сидел запуганный, буквально затравленный человек, который едва отвечал на мои вопросы. Или, может быть, он знал о моем выговоре и чувствовал себя виновным передо мной? Приглашая, я хотел подбодрить его, дать понять, что ничего не произошло, ибо то, что случилось, было нашим внутрисемейным коммунистическим делом. Но беседы не получилось.

В дальнейшем я уже не получал ходатайств от Комитета соотечественников о его концертах. Стоял 1985 год. До исторических катаклизмов оставалось три года, и в моей памяти сохранилось то, что он больше не выступил в Ереване. Как обстояло дело после 1993 года, не знаю (мне известно, что он приезжал в 2001 году на празднества, посвященные 1700-летию провозглашения христианства государственной религией в Армении). Но в оставшиеся годы советской власти мы лишились удовольствия слушать игру замечательного органиста Перча Жамкочяна, человека, далекого от политики и служившего только своему искусству. Теперь его не стало, и мы уже больше никогда не услышим его вдохновенную игру на

органе. Пусть царствие небесное будет ему наградой за всю его честно прожитую жизнь и ту радость, которую он доставлял меломанам.

մօտ 1974 թ., Պոսթըն
Պրն. Եդուարդ Միրզոյեան,
Ատենապետ Երգահաններու Միութեան
Շա՛տ սիրելի Էդիկ,

Վերջապէս հասանք տուն, եւ փա՛ռք Աստծոյ, այս անգամ շատ գեղեցիկ երեւանեան յուշերով ու տպաւորութիւններով: Ես չափազանց ուրախ էի, որ մայրս ինձ հետ միասին էր: Ան նոյնպէս տպաւորուած էր այս այցելութեամբ: Իմ երախտագիտութիւնը Վեհափառ Կաթողիկոսի հանդէպ սահման չունի, որովհետեւ այդ սուրբ անձը առանձնապէս պատճառ եղաւ իմ Երեւան գտնուելուս: Երբեւիցէ եթէ Վեհափառը չլինէր, նոյնիսկ 1970-ին հոն պիտի չլինէի եւ վստահաբար պիտի չկարողանայի գալ այս անցեալ աշնան եւս իմ մօրս հետ:

Այնուամենայնիւ, ես եկայ եւ այդ ուղղութեամբ շատ տպաւորուած եմ: Իւրաքանչիւր անցնող ժամ կը յիշեմ այն բառերը՝ քո գուզինըդ [*զարմիկ*] (Մոսկուայի բժիշկը) որ անգամ մը ըսաւ, երբ մենք Դիլիջան կը գտնուէինք 1967-ին, թէ՝ «Հայրենիքը շատ անուշ բան է»: Ես անձնապէս տակաւին չեմ կարող հասկնալ այն ձգողութիւնը, թէեւ ճշմարտօրէն կայ այն մէկը, որը մեծ ազդեցութիւն գործեց իմ անձնական կեանքի ներաշխարհին վրայ, նոյնիսկ տեսակ մը սկսաւ առաջնորդել իմ կեանքը: Եւ եթէ ես նոյնիսկ փորձեմ մատնանշել ուրիշ որեւէ փաստ, ես պիտի ըսէի, որ այդ իմ ժողովուրդն է: Ես երբեք պիտի չդադրիմ իրենցմով զարմանալէ, չեմ կարողանում բաւականանալ իրենցմէ, երբ ես հոն եմ, եւ մեծ դժուարութեամբ իսկ չեմ կարող նրանց հանել իմ մտքիցս, երբ իրենցմէ հեռանում եմ:

Էդի՛կ, դուն լաւ գիտես այս մասին, որով ես քեզ նշել տուած էի, երբ առաջին անգամ ըլլալով՝ հանդիպեցանք 1965-ին: Հաճիս, դու քո կարգին նոյն զգացումը փոխանցիր ուրիշներին, որպէսզի նրանք էլ մօտենան նոյն զգացմամբ այդ արժէքին:

Այստեղ կ'ուզեմ յիշել շատ հետաքրքրական դէպք մը, որ պատահեցաւ ինձ հետ Պէյրութի մէջ, անմիջապէս երգահանդէսէն յետոյ, երբ մայրիկիս հետ պանդոկ վերադարձանք: Երգասրահը խճողուած էր եւ ինձ որպէս զարմանք՝ գրեթէ հայերով (կարծես թէ բոլորը ՊԵՐՃՈՒՀԻՆԵՐՈՒ ազգականներն էին): Ես հարցուցի մօրս, թէ ինչ էր իր կարծիքը այդ ուղղութեամբ (պէտք է ըսեմ, որ մայրս այդպիսի բաներով ազդուողը չէ եւ ոչ ալ պիտի ըլլայ, մանաւանդ եթէ հարցը իմ նկատմամբ է): Բայց, առ ի զարմանք ինձ, ըսաւ, թէ լաւ տպաւորուած էր, բայց կարծես թէ աւելի Պէյրութով, քան իր ժողովուրդով: Այնուհետեւ աւելցուց, թէ Երեւանը տարբեր էր, ՇԱ՛Տ ՏԱՐԲԵՐ: Ես թեթեւ մը ծիծաղեցի եւ շատ ուրախ էի:

Էդի՛կ, ես շատ կը ցաւիմ, որ աւելի ժամանակ չունեցանք, որով ուզում էի քո տիկնոջ եւ, մանաւանդ որ խոստացած էի, մայրիկիդ, որ

զինք տեսնէի եւ որպէսզի գոնէ առնուազն մի քիչ անգլերէնս սորվեցնէի: Հաճիս, վստահ կերպով փոխանցիր նրանց իմ ջերմ յարգանքները: Շատ բան ունէի քեզի խօսելու զանազան հարցերու շուրջ: Ներկայիս շատ եմ աշխատում Էջմիածնայ երգեհոնի ուղղութեամբ, որը պիտի յաջողի: Կարծես թէ պէտք է կրկնապատկենք մեր ջանքերը, որպէսզի Դիլիջանի երգեհոնն ալ ներարկեալ ըլլայ:

Մասնաւորաբար կ՛ուզեմ քեզի շնորհակալութիւն յայտնել՝ զիս տեսնելու ջանքերուդ համար. առաջին՝ նախ այն երկու երգահանդէսներուն ներկայ ըլլալուդ եւ երկրորդ՝ այդ անհաճելի առաւօտեան ժամուն օդակայան գալուդ ինձ եւ իմ մօրս ճանապարհորդելու համար: Այս փոքր զոհողութիւնները նշմարելի եւ անմոռանալի եղան եւ պիտի ըլլան իմ մտքի մէջ, եւ մասնաւորաբար, երբ վստահաբար կ'ակնկալէի տեսնել ուրիշներ, անոնք, որոնք հոն պիտի ըլլային եւ հոն չէին՝ բացի Ատիկից: Միայն Երգահաններու Միութիւնը քաղաքավարութիւնը ունեցաւ ներկայ գտնուելու իմ երկու երգահանդէսներուն եւ խօսելու ինձ հետ:

Այն, ինչ որ լաւ է Երեւանի մէջ, շատ լաւ է, որը անկարելի է երեւակայել: Այն, ինչ որ գէշ է, աւելի ծայրայեղութեան կ՛երթայ: Այս եւս անկարելի է երեւակայել:

Ոչ մի անհատ այդ միութիւններէն, որոնք կապ ունին այսպէս կոչուած ՍՓԻՒՌՔԻ հետ, ջանք ըրին ինձ հետ հաղորդակցուելու: Անոնք կարծես իրականօրէն հաւատում էին այն տարաձայնութիւններին, որոնք ծնունդ առել էին իմ անուան շուրջ: Եւ տակաւին չեմ ուզեր խօսիլ երգասրահ այցելութեանս մասին, ուր գացի նուագելու այն երգեհոնը, որն ես իմ արիւնովս վճարած էի: Գողի նման հոն գացի գիշերուայ ընթացքին: Ո՛չ մէկը կար, որ զիս բարեւէր, արդարեւ, ո՛չ մի անհատ ինձ փորձեց հարցնել, թէ ինչ է պատճառը, որ մի ամերիկահայ այսպիսի բան երեւակայէ Երեւանի համար: Մեծ դժուարութեամբ կարող եմ ըսել, որ որեւէ մէկը ինձ շնորհակալութիւն յայտնեց այդ ուղղութեամբ:

Եթէ այդպիսի բանի մը մասին միայն իսկ մտածէի այս երկրին մէջ, կը փափաքէի, որ հոս ըլլաս՝ տեսնելու համար պատասխանը: Եթէ այդպիսի բան մը միայն փորձեմ առաջարկել Նիւ Իսկլընտի երաժշտանոցին, վստա՛հ եղիր, որ այդ դպրոցի րէքթօրը տեսակ-տեսակ տիտղոսներ պիտի շնորհէր ինձ՝ ցոյց տալով աներեւակայելի քաղաքավարութիւն, յուսալով, որ նոյնիսկ աւելին ընեմ: Կարծեմ դուն ինձ բաւական գիտես, որ հազիւ թէ այդ բաները ցանկամ, որուն բնաւ պէտքը չունիմ: Մէկ բան կ՛ուզէի: Այն էր՝ երթալ եւ նուագել իմ երգեհոնը: Անկեղծօրէն այն ժամերը իմ փորձի հաճոյալի ժամերն էին, որուն ընթացքին ես պայթում եմ: Կը մաղթէի, որ հոն ըլլայիր՝ տեսնելու եւ լսելու համար իմ գործիքի ձայնը:

Ուրիշ կէտ մը եւս, այն երգեհոնսներէն մէկը նուիրուած էր ի յիշատակ իմ հանգուցեալ հօրս: Ոեւէ մէկը չմտածեց, որ մօրս տանէր եւ ցոյց տար իր ամուսնոյն ի յիշատակ նուիրուած երգեհոնը: Ան նոյնպէս գողի նման գիշեր մը երգասրահ գնաց՝ տեսնելու համար երգե-

հոնը: Արդեօք խօսի՛մ այն անձերու մասին, որոնք ունեցան իմ տան հիւրասիրութիւնը, որոնք նոյնիսկ չփորձեցին ժամանակ տրամադրել, այլ ընդհակառակը՝ չհմանալ ձեւացուցին: Սրանց բոլորին կ՛ուզեմ արտայայտել իմ խորին զգացումը քո միջոցաւ եւ իրապէս պիտի ուզեմ անձնապէս զայն գործադրել, երբ յաջորդ անգամ Երեւան այցելեմ. g-a-h-g| a-g|| [*հայհոյանք*]:

Անկեղծօրէն ըսելով ինչ որ յիշեցի վերեւում՝ հազուադէպ է, որ ցանկամ ունենալ: Ես եկայ պարզապէս իմ հայ ժողովուրդի համար, եղբայրներուս ու քոյրերուս համար եւ, փառք Աստուծոյ, որ նրանք հոն էին եւ միշտ դէպի լաւը մաղթում եմ անոնց: Անոնց համար ես պատրաստ եմ տալու ամէն ինչ, նոյնիսկ իմ կեանքը: Գալով ուրիշներու՝ պարզապէս բնական օրկանիք նիւթ, պարզապէս ԳԱՔ անշուշտ միայն պատեհ, արժանի պահերուն: Եւ նաեւ միեւնոյն արժէքին համեմատող մի քանի խօսքեր:

Էդի՛կ, կրկին իմ անկեղծ շնորհակալութիւնը քեզի: Պարզապէս Էդիկ ըլլալովդ՝ մի փոխուիր: Ես շատ ուրախ եմ, որ մտածած ես քո ժամանակը յատկացնել գրելու. ահա ճիշդ հոն է, որ դու անում ես քո նուիրատուութիւնդ անոր, որ մենք ամէնքս սիրում ենք՝ Հայաստանին: Անշուշտ մեծ դժբախտութիւն է, որ չես գրում երգեհոնի համար, որ ոչինչ շատ կարեւոր չէ, միայն եթէ կարող ես գրել, գրիր:

Յաջորդ տարի իմ առաջին անգամ Հայաստան այցելութեանս տասնամեակն է: Եթէ Աստուած կամենայ, պիտի վերադառնամ, որպէսզի տօնեմ այն գեղեցիկ եւ հոյակապ դէպքը իմ կեանքի: Իրապէս, այդ լինելու է հոյակապ, եւ ես արդէն իսկ համրում եմ օրերն ու ժամերը:

Իմ եւ մօրս սէրն ու յարգանքները այն բոլոր սիրելիներուն, որոնք գտնւում են այնտեղ:

Պերճ Ժամկոչեան

Около 1974 года, Бостон
(перевод Л. Епремян)

Дорогой, дорогой Эдик!

Наконец, мы добрались до дому, слава Богу... Вернулись с прекрасными впечатлениями и воспоминаниями о Ереване. Я был очень рад, что и мама была со мной, она тоже под большим впечатлением от поездки. Нет предела моей признательности Католикосу, этот воистину святой человек оказал особое содействие моей поездке, если бы не он, даже и в 1970 году я не был бы в Ереване, и уж совершенно определенно мы с мамой не смогли бы приехать прошлой осенью.

Как бы то ни было, я вернулся, полный впечатлений. Каждую минуту вспоминаю слова твоего кузена (врача из Москвы), которые он произнес как-то в Дилижане в 1967 году: «Հայրենիքը շատ անուշ բան է» ("Родина – нечто очень дорогое"). Я и сам не в силах понять эту удивительную силу притяжения. Несмотря на то, что

там действительно есть человек, который оказал огромное влияние на мою личную жизнь, на мое мироощущение и даже стал направляющей, ведущей силой в моей судьбе /*вероятно, речь идет о Католикосе Вазгене Первом*/, тем не менее, если я попробую указать на иную причину такой привязанности к родине, то это – мой народ. Никогда не перестану удивляться ему, не насыщаюсь общением с ним на родине и даже большие усилия перестать думать о нем безрезультатны, когда я вдалеке. Эдик, тебе это хорошо известно еще с 1965-го, со времени нашей первой встречи в Ереване. Используя свое положение, передай это ощущение и другим, чтоб и они свято дорожили этой ценностью.

Тут хочу вспомнить об одном очень любопытном случае, который произошел со мной в Бейруте сразу после концерта, когда мы с мамой были на банкете. Был полный зал, к моему удивлению, в основном армяне (все будто родственники Перча – ПЕРЧУИНЕР)[149], и я спросил маму, какого она о них мнения (должен сказать, что ее такими вещами не проведешь, тем более, если дело касается меня)[150]. Но, к моему удивлению, мама сказала, что впечатление у нее хорошее, но скорее от Бейрута, чем от людей, потом добавила, что Ереван – это нечто совершенно иное, что Ереван отличается, ОЧЕНЬ ОТЛИЧАЕТСЯ. Я был очень рад это услышать.

Эдик, мне очень жаль, что у нас не было больше времени, чтобы навестить твою жену и особенно, как я обещал, маму, чтоб хотя бы немного позаняться английским. Пожалуйста, передай им мои теплые чувства. Много о чем хотелось поговорить с тобой, сейчас очень стараюсь довести до ума вопрос эчмиадзинского органа – надеюсь, получится. Кажется, надо объединить наши усилия, чтобы и дилижанский орган стал реальностью.

Хотел бы поблагодарить тебя за те усилия, которые ты приложил, чтобы увидеться со мной. Во-первых, за личное присутствие на обоих моих концертах и, во-вторых, за то, что ранним утром ты приехал в аэропорт проводить нас с мамой. Эти маленькие жертвы были заметны и незабываемы, и они не изгладятся из моей памяти, тем более, что я рассчитывал увидеть многих, которых так и не встретил (кроме Адика). Только Союз композиторов проявил культуру и такт посетить мои концерты и поговорить со мной.

Из организаций, которые занимаются связями с так называемым СПЮРКОМ, никто не пожелал со мной встретиться. Как будто и в самом деле они поверили в досужие домыслы и сплетни вокруг моего имени. Даже не хочется вспоминать о своем посещении концертного зала, куда я зашел поиграть на том органе, который оплатил своим потом и кровью. Зашел туда, как вор, в ночное время, не

[149] Игра слов: перч – роскошный, пышный, великолепный, богатый; здесь – вычурный, мещанский, манерный, расфуфыренный.
[150] Речь идет о возможных кандидатурах в невесты Жамкочяна.

было никого, кто бы поздоровался со мной, и никто даже не поинтересовался, что явилось причиной того, что некий американский армянин задумал такое для Еревана. Не могу сказать, чтобы хоть кто-то нашел для меня слова благодарности.

Если бы я только предположительно допустил подобную идею в США, хотелось бы, чтоб ты в этот момент был здесь и увидел, что за этим последует. Если я только предложу подобное консерватории Нью-Ингланд, не сомневайся, что ее ректор тут же присвоит мне разнообразные титулы, обнаружив невероятную вежливость и выразив надежду, что я способен на большее. Зная меня, ты поверишь, что на самом деле мне это абсолютно не нужно. У меня одно желание – приехать и поиграть на своем органе. Часы репетиций доставили мне истинное наслаждение. Если б только ты был там и слышал божественный звук моего инструмента!

Еще об одном. Один из органов был подарен в память о моем отце. Никто не додумался повезти и показать моей матери этот инструмент памяти ее мужа. Она тоже ночью, как воровка, поехала взглянуть на него. Упоминать ли здесь о людях, которые, пользовавшись моим гостеприимством, не только не нашли для нас времени, но, напротив, сделали вид, что им ничего не известно? Всем им через тебя хочу передать свои глубокие чувства и при следующей же встрече скажу им лично: g-a-h-g| a-g|| */ругань на музыкальном языке/*.

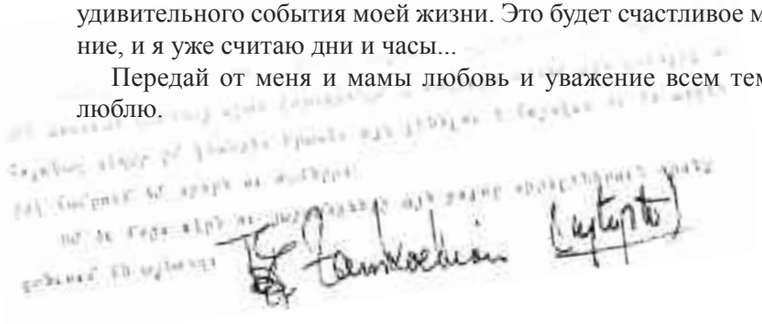
Откровенно говоря, не хотелось бы отвлекаться на подобные вещи. Я приехал ради своего народа, ради своих братьев и сестер, слава Богу, что они были на концерте, и я желаю им только хорошего. Им я готов отдать все, даже жизнь. А остальным при удобном случае – естественного вещества органического происхождения, ГОВНА, и несколько соотносимых с этим понятием выражений.

Эдик, еще раз искренне благодарю тебя за то, что ты и есть Эдик – не меняйся. Очень рад, что ты решил занять свое время композиторской работой. Этим самым ты делаешь для Армении великое дело. Безумно жаль, что не пишешь для органа, но, в конце концов, это не так важно, лишь бы ты сочинял.

В следующем году исполняется десять лет, как я впервые побывал на родине. Даст бог, я вернусь, чтобы отметить годовщину этого удивительного события моей жизни. Это будет счастливое мгновение, и я уже считаю дни и часы...

Передай от меня и мамы любовь и уважение всем тем, кого люблю.

Перч



Кабалевский Дмитрий (композитор)

– Это случилось в июне 1969 года, когда я был депутатом Верховного Совета Армении, – рассказывает Мирзоян. – **По моей инициативе Верховный Совет одну из своих сессий посвятил проблемам эстетического воспитания – не скрою, добиться этого было очень непросто. Учитывая исключительный авторитет Дмитрия Кабалевского в области музыкальной педагогики, я хотел сделать так, чтобы это был главный вопрос повестки дня, а не один из вопросов. Кабалевский дал согласие на приезд, и вдруг выяснилось, что премьера его оперы "Сестры" откладывается, и поэтому его в назначенный день не будет. С большим трудом – с помощью первого секретаря ЦК Антона Кочиняна мне удалось перенести заседание ВС, ведь дата сессии была уже объявлена в прессе. И вот выяснилось, что премьеру снова отложили. Мне опять удалось отложить сессию.**

Наконец, сессия состоялась, председательствующий предоставил слово Кабалевскому. Не приходится говорить, каким он был оратором, как знал предмет анализа, какой исключительной компетентностью обладал в этой области. И вдруг неожиданно Кабалевский буквально на полуслове замолкает – это был ужас, который я даже не сразу осознал. Оказывается, председательствующий включил лампочку регламента. Настоящий скандал. Кабалевский был огорошен – ведь его трижды специально приглашали, это выступление должно было стать программным. Значение этого вопроса должно было раскрыться после его выступления, во время прений. Никаких решений, никакой реакции зала: "Ваше время истекло". Конечно, мои искренние извинения не смягчили оскорбления бестактностью.

Москва, 1963 год, на съезде работников культуры СССР: Эдвард Мирзоян, Арам Хачатурян, Дмитрий Шостакович, Гурген Джанибекян, Дмитрий Кабалевский

13.09.1968, Москва

Дорогой Эдик,

Едва успели прилететь в Москву, как я был втянут в такой стремительный водоворот всяческих дел и забот (а еще больше – просто обычной, ужасной московской суетни), что вот уже две недели, как не смог собраться написать Вам, хоть и хотел сделать это еще в день прилета. Единственное, что успел сделать, – это послать Вам пластинку с записью "Кармен" Щедрина и том своих фортепианных сочинений. (Это, как принято говорить, маленький знак больших чувств). Я буду очень рад, если Бизе-Щедрин понравится Вам так же, как он нравится мне, а мне, как Вы знаете, опус этот очень нравится. Что же касается моих собственных опусов, то, минуя ранние сочиненьица, когда будет время и охота, посмотрите более поздние, в частности, 3-ю сонату и 24 прелюдии (к моему крайнему удивлению, эти сочинения были запрещены в 1948 году "за формализм"). Мне кажется, что в некоторых прелюдиях мне удалось найти кое-что интересное в смысле подхода к русской народной песне.

Но, в общем-то, я послал Вам эти сочинения не столько для их пропаганды (особенно, конечно, это относится к моему тому!), сколько для того, чтобы хоть как-то выразить Вам свою бесконечную признательность за все то сердечное, дружеское, хорошее, что Вы так щедро подарили мне и моему семейству в чудесные дилижанско-ереванские дни. Вы хоть и не любите, когда я об этом заговариваю, но все-таки не могу не сказать, что испытываю угрызения совести, когда думаю о том, сколько музыки Вы могли бы написать за те часы, которые провели с нами. А для нас эти часы навсегда сохранятся в числе самых лучших, самых теплых воспоминаний. Спасибо Вам, дорогой Эдик, еще раз от меня, от Ларисы Павловны /*жена*/ и от Машеньки /*дочь*/.

Вы знаете, как я работал в Дилижане, и поймете поэтому, как тяготит меня то, что я до сих пор (т.е. за 14 дней, проведенных уже в Москве) не закончил третьего акта оперы /"*Сестры*"/. Финал второго /*акта*/ я пересочинил, воспользовавшись Вашими очень тонкими замечаниями, которые были поддержаны Арно и Котиком. Вы были, конечно, правы. Сейчас получилось гораздо правдивее и, естественно, лучше по музыке. Доброе отношение всех вас к первым двум актам меня очень обрадовало и ободрило. За третий акт взялся с особым удовольствием, и мне кажется, что получается лучше первых двух. Работы осталось дней на пять, но где взять эти дни – совершенно неизвестно! Зато было заседание коллегии Министерства просвещения СССР, заседание коллегии Министерства культуры СССР, два совещания в ЦК, совещание у Кухарского /*замминистра культуры*/, серьезные встречи-беседы в издательстве "Молодая гвардия", в Комитете по делам печати, с президентом Академии педагогических наук и т.д. и т.д. и т.д. ... Один раз собрался утром поиграть в теннис, да и то ничего не получилось – проспал, так как накануне до 3-х часов ночи писал всякие деловые письма. Добавьте к этому занятия в консерватории (хотел уйти в отпуск, да не отпустили) плюс длиннейшее заседание кафедры с участием ректора, бездну дел по музыкально-эстетической комиссии в связи с началом сезона и прочее, и Вам станет понятно, с какой любовью и нежной тоской вспоминаю я о днях в Дилижане...

Сегодня в полночь я уезжаю в Брянск. Два дня будет там праздноваться 25-летие со дня освобождения. Впервые услышу, как там звучит музыка, которую я написал для Памятника Славы и Вечного Огня.

Дальнейшие мои планы изменились, и мы с Ларисой Павловной вместо Кисловодска поедем в конце месяца в Сочи – с тайной мечтой хоть чуть-чуть покупаться в море. Прямо из Сочи поеду в Горький, где 26-го октября должен дирижировать авторским концертом в день открытия сезона. В каком виде я приеду в Москву, не ясно, так как в отличие от всех нормальных людей, буду в санатории не отдыхать, а готовить доклад к нашему декабрьскому съезду и заодно оркестровать оперу.

Когда Вы собираетесь в Москву? Мне будет в высшей степени досадно, если приедете в октябре, когда меня не будет.

Ну, дорогой Эдик, крепко Вас обнимаю и шлю большущий привет от себя и своего семейства Вам, Вашей милой-милой Ляле и славным Вашим ребятам. Еще раз спасибо!

Искренне Ваш

Д. Б. Кабалевский

07.06.1969, Москва

Дорогой Эдик,

Три дня назад вернулся из Перми, где 31 мая и 1 июня все же состоялась премьера "Сестер". Пишу "все-таки", так как до последнего момента не был уверен, что спектакль можно будет показывать зрителям. Конечно, не хватило времени, чтобы довести работу до необходимого совершенства. Больше всего "недоделок" пришлось на долю постановочной, декоративно-сценической части. Художник Талалай (главный художник московского ТЮЗа) превосходно решил свою трудную задачу, но она оказалась трудной и для реализации на сцене. Кое-что оказалось недоделанным и у режиссера (молодой режиссер Высоцкий, о котором я Вам, кажется, рассказывал, – оказался очень талантливым, и спектакль получился очень интересным: современным, живым, молодым, очень не похожим на традиционные оперные представления). Но, несмотря на все эти "недоделки", спектакль пришлось выпускать (правда, вместо трех раз дали только два, на два дня тем самым отсрочив премьеру). Театр 2 июня уезжал на гастроли, откладывать больше было некуда.

И при всем при том, как это ни удивительно, опера не провалилась, но, напротив, прошла даже с хорошим успехом! Но мы решили никого на эти первые спектакли не приглашать. После гастролей и отпуска, в октябре, состоится официальная премьера (после дополнительной двухнедельной работы), на которую будем приглашать друзей и лиц официальных. Вас, моего дорогого друга, я приглашаю заранее! Написал об этом и Котику Арутюняну. Должен же я перед Вами окончательно отчитаться в своей "полудилижанской" опере, в том, как реализовал Ваши разумные пожелания и замечания, за которые еще раз хочу от всей души сказать спасибо.

А пока шлю Вам, дорогой Эдик, и всему Вашему семейству сердечный привет и самые добрые пожелания (и от моего семейства тоже).

Ваш ***Д. Кабалевский***

25.04.1971, Москва

Дорогой Эдвард Михайлович,

Пишу Вам буквально два слова, т.к. через несколько часов мы с Лялей /*Лариса Павловна, жена*/ улетаем в Крым – надеюсь окончательно добить там свою опротивевшую мне хворь.

Я не знаю, насколько это верно, но до меня дошли "слухи", что Министерство просвещения или горотдел культуры собирается выдвигать на какое-то звание за большие и успешные труды в области эстетического воспитания детей руководителя хора школы им. Белинского Ованеса Ованесовича Вераняна. Вы знаете, что с этой школой, с ее превосходным хором и с талантливым руководителем этого хора меня связывает давняя творческая дружба. Поэтому, если дошедший до меня "слух" имеет под собой почву и если Вы найдете это нужным и удобным, я готов буду поддержать выдвижение О. О. Вераняна от имени нашей Всесоюзной комиссии по эстетическому воспитанию при секретариате СК СССР. В таком случае дайте мне знать (я буду до 25-26 мая по адресу: Крым, Ялта, санаторий "Нижняя Ореанда"), и я с удовольствием сделаю все, что нужно. И вообще, учтите, что наша комиссия готова поддержать любое доброе начинание в области эстетического воспитания. Вы всегда можете рассчитывать на нашу поддержку.

Дружески Вас обнимаю и шлю сердечный привет всему Вашему семейству.

Искренне Ваш ***Д. Кабалевский***

12.0I.1981, Москва

Дорогой Эдвард Михайлович, милый Эдик!

Спасибо за поздравление. Я отвечаю с такой задержкой потому, что на рубеже старого и Нового года в наш дом вторгся грипп – Лариса Павловна лежит в больнице, я дома борюсь с обострившейся астмой.

А теперь о том, что получилось с начатой два года тому назад работой над романсами на стихи О. Туманяна. Долго пролежали эти "заготовки". За это время я сочинил 4-й ("Пражский") концерт для ф-но с оркестром и вдруг, как-то внезапно, в ноябре прошлого года вернулся к Туманяну и очень быстро закончил весь цикл. Называется он так: "Песни печального сердца. Восемь романсов на стихи Ованеса Туманяна". Вот перечень этих романсов:

1. "Печальное сердце" ("Как много скорби и смертей в моем печальном сердце...")
2. "Утес" ("С горных высей стремится ручей")
3. "Я не знал"
4. "Забытая любовь"
5. "Светлая песня" ("Рассветные колокола поют вдали светло-светло...")
6. "Летний день" ("Как хорошо на той горе день летний встретить на заре...")
7. "И лишь любовь" ("Лились и означали грусть...")
8. "Не проси меня петь..."

Общий замысел цикла значительно изменился в сравнении с тем, как я Вам рассказывал. Этот замысел может показаться "не похожим на меня", однако это очень искреннее сочинение.

Вероятно, Вы помните, я говорил о своем желании, чтобы первое исполнение состоялось в Ереване, и просил рекомендовать мне хорошего исполнителя, который заинтересовался бы именно таким произведением. Но осуществить этот замысел, к сожалению, не удалось. Цикл выучил и совершенно изумительно спел в концерте 27 декабря 1980 года в Ленинграде, в зале им. Глинки Сергей Лейферкус, я ему аккомпанировал. Не представляю себе, что эту музыку можно спеть лучше. Без малейшего преувеличения могу сказать, что успех был очень большой. И как бы ни сложилась судьба этого цикла, он останется для меня одним из самых дорогих моих сочинений. Теперь мы с Сергеем Петровичем мечтаем, чтобы приехать с этим сочинением к Вам. Буду надеяться, что это удастся.

Если при случае Вы познакомите с этим письмом наших друзей – тоже бывших первыми слушателями первых набросков этого сочинения, – я буду Вам очень благодарен, хотя мне и показалось, что тогда эта музыка не слишком Вам понравилась. Некоторыми советами, которые Вы мне дали, я воспользовался и хочу Вам сказать за это сердечное спасибо.

Шлю Вам свой дружеский новогодний привет и самые добрые пожелания. Обнимаю, любящий Вас

Д. Кабалевский

Капутикян Сильва
(поэтесса, общественно-политический деятель)

14.05.2006, Երևան
Սիրելի՛ Էդվարդ,

Թեև դու ինձ ակնարկ իսկ չես արել ծննդյանդ 85 ամյակին շնորհավորագիր ուղարկելու մասին, բայց ես հոգուս պարտքը համարեցի գրել այս տողերը և շնորհավորել քո հոբելյանական տարեդարձը: Ա՛խր մենք, իմ հի՛ն ընկեր, համարյա միաժամանակ ենք աշխարհ եկել, համարյա միասին ենք՝ դու՝ կարճավարտիք մի մանչուկ, ես՝ թմբլիկ մի աղջնակ, բայց սրտի նույն դողով բացել մեր՝ Ցուցադրական կոչվող դպրոցի դռները ու մտել ներս: Միասին ենք թղթին հանձնել՝ դու՝ քո առաջին նոտագրությունը, ես՝ իմ առաջին ոտանավորը: Մենք միասին ենք կառուցել մեր հայրենիքը, ապրել նրա ուրախություններով և տխրություններով: Միասին ենք լայնացրել մեր փոքրիկ Հայաստանի սահմանները, հասցրել մինչև Մոսկվա, Լենինգրադ, արտասահման՝ դու՝ քո սքանչելի երաժշտությամբ, ես՝ իմ պոեզիայով: Ու հիմա էլ մեր ծերունական դողդոջուն քայլերով միասին ենք բարձրանում բեմ՝ ընդունելու մեր ժողովրդի սերն ու մեծարանքները:

Մեր միջև եղած տարբերությունը այն է, որ դու ավելի բարի ես, թեթևասիրտ ու հանդուրժող: Մեր հոգիներում եռացող ավյունն ու կիրքը դու ոչ թե ինձ նման դարձրել ես խարազանող խոսք, դիմակայող ոգի, այլ դարձրել ես Կոմպոզիտորների միությունը երկար տարիներ հանդարտորեն ղեկավարելու հմտություն, Կոնսերվատորիայում՝ կատարյալ հաջորդներ պատրաստելու պարտականություն, Խաղաղության հայաստանյան կոմիտեն գլխավորելու պատրաստակամություն, դարձրել ես կոմպոզիտորների համար բնակելի շենք, դիլիջանյան ստեղծագործական տուն, Բեթհովենի անվան համերգասրահ, դարձրել՝ իմինից տարբեր, բայց հասարակության համար նույնչափ անհրաժեշտ գործունեություն: Եվ որ ամենից կարևորն է, այս ամենի կողքին, այս ամենով հանդերձ՝ դու մնացել ես ստեղծագործող էության, մեծարժեք երաժշտական արարումների հեղինակ, մշակութային աշխարհում ճանաչված անուն, որով և օրերս արժանացել ես ՄԱԿ-ի հովանու ներքո գործող մրցանակաբաշխության կոմիտեի՝ հազվագյուտ անձանց տրվող Լեոնարդո Դա Վինչիի անվան մեդալին:

Շնորհավորում և ուրախանում եմ նոր պարգևիդ համար, քո շեն ու սիրառատ գոյության համար, քո չսպառվող հումորի, քո անկասելի կենսախնդության համար, իմ մանկության, պատանեկության, երիտասարդության ու ծերության ընկեր, մշտապես չարաճճի Էդի՛կ ջան, Հայաստանի ընտրանի զավակ, մեծավաստակ կոմպոզիտոր, բազում տիտղոսների ու մրցանակների տեր ու նաև Լեոնարդո Դա Վինչիի անվան մեդալի նորընծա ասպետ, մեծարգո Էդվարդ Միքայելի Միրզոյան:

Միլվա Կապուտիկյան

14.05.2006, Ереван
(перевод Л. Епремян)
Дорогой Эдвард!

Хотя с твоей стороны не было и намека на то, что ждешь поздравлений по поводу 85-летия, по зову сердца я решила написать эти строчки. Ведь мы, мой старый друг, родились на свет почти одновременно. Почти одновременно (ты – мальчик в коротких штанишках, я – пухленькая девчушка), с такой же дрожью в сердце мы приоткрыли двери нашей так называемой Показательной школы и вошли туда. Вместе доверили бумаге: ты – свое первое музыкальное сочинение, я – первое стихотворение. Мы вместе строили нашу родину, жили ее радостями и печалями. Вместе расширяли границы нашей маленькой Армении, доведя их до Москвы, Ленинграда, зарубежья: ты – своей прекрасной музыкой, я – своей поэзией. И сейчас, семеня старческими неуверенными шажками, вместе поднимаемся на сцену, чтобы принять любовь и почести нашего народа.

Наше отличие лишь в том, что ты добрее, терпимее и мудрее меня. Кипящие в наших душах пыл и страсть ты обратил не как я – в разящее слово, дух противоречия, а в мастерство долголетнего бесконфликтного руководства Союзом композиторов, в консерватории – в обязательство по подготовке высокопрофессиональной грядущей смены, в ответственное руководство Фондом Мира Армении. Обратил в жилой дом композиторов, в дилижанский Дом творчества, в концертный зал имени Бетховена, – в иную, отличную от моей, но столь же необходимую обществу деятельность. И что самое главное – при всем этом ты остался творцом, автором высококлассных музыкальных творений, известным именем в мире культуры, о чем свидетельствует присвоенная тебе на днях медаль Леонардо да Винчи, которой действующий под эгидой ООН конкурсный комитет отмечает совершенно особенных людей.

Поздравляю и радуюсь твоей новой награде, твоему полнокровному и любвеобильному существованию, неисчерпаемому юмору, неиссякаемой жизнерадостности, мой старый друг – друг детства, отрочества, молодости и старости, как всегда шаловливый мой Эдик джан; избранный сын Армении, признанный композитор, кавалер многих титулов и званий, рыцарь ордена Леонардо да Винчи, многоуважаемый Эдвард Михайлович Мирзоян!

Сильва Капутикян

Кокжаян Юрий (звукорежиссер)

– *Ю*ра – блестящий звукорежиссер, эмигрировал в ФРГ. Человек с большим юмором, друг Оника Параджаняна /*пианист*/**. В его остроумном послании упоминается "оникина (моя) "Волга", по поводу которой нужны пояснения. Дело в том, что когда в 1959 году я стал депутатом Верховного Совета Армении, наш общий друг Оник Параджанян попросил походатайствовать насчет машины на мое имя – в расчете, что мне не откажут. Это уже был не тот случай, когда машины выдавались членам СК и строго контролировались – депутаты имели право получить машину в личное пользование. Я встал и пошел к председателю горсовета Сурену Асатуровичу Вартаняну. Он внес мою фамилию в список, Оник заплатил деньги и получил машину.**

...Через 17 лет председатель горсовета Мурад Мурадян сказал мне, что выделяет для меня персональную "Волгу". Я тут же подумал: а оникина (моя) "Волга" уже старенькая, дай-ка к его 60-летнему юбилею (6 января 1976 года) подарю ему новую. И 30 декабря 1975 года мы с ним, необыкновенно радостные, выехали на новой "Волге". Так что своей машины у меня так и не было...

18.07.1985

Дорогой друг!

Пишет тебе Заслуженный работник культуры РСФСР, звукорежиссер высшей категории, Почетный радист, член Всесоюзных обществ: филателистов, любителей собаководства, Научно-технического (НТО), Театрального (ВТО) и т.д. и т.п. Юрий (Георгий) Левонович Кокжаян. Пишет письмо об Эйвазове (был такой долгожитель) и о себе.

Я, некоторым образом, тоже долгожитель в звукозаписи (без малого 40 лет в строю). Эта профессия подарила мне незабываемые встречи с очень многими титанами исполнительского искусства, а /*как*/ армянину – сотрудничество с Тавризяном /*Микаэл, дирижер*/ ("Давид-бек" 30 лет назад), Малунцианом /*Микаэл, дирижер*/, Артемием Айвазяном (великолепный виолончелист!) /*композитор, руководитель Эстрадного оркестра Армении*/, Алтуняном /*Татул, дирижер*/, Тер-Абрамяном /*Арменак, певец*/, Шара Тальяном /*певец*/, Гоар Гаспарян /*певица*/ (два к/ф: "Поет Гоар Гаспарян", "Ануш"), Айдиняном /*Артур, певец*/ (к/ф "Сердце поет"), Квартетом имени Комитаса (Генрих /*Талалян, альтист*/ и Сергей Захарович /*Асламазян, виолончелист*/), Аветом Карповичем /*Габриэлян, скрипач*/, Зарой /*Долуханова, певица*/, Павлом Герасимовичем /*Лисициан, певец*/ и еще со многими-многими другими. "Ну и что?" – спросишь ты. Ты даже скажешь: "Мэ ра шуаши вар?" /*груз. в значении "А при чем тут я?"*/.

...Когда азербайджанскому колхознику Эйвазову стукнуло 148 лет (может, и соврал?!), ему показали специально выпущенную к юбилею почтовую марку, на которой изобразили его. Ярко-зеленая, как твоя (оникина), оникина (твоя) "Волга".

Он сказал:

– Эт не я!

– А кто же? И борода Ваша, и усы, и даже папаха, а вот написано, что это Вы – Махмуд Эйвазов.

– Эт не я! – упорствовал старик. – Я не Махмуд, я – Махаммед Эйвазов (диалог был много длинней и бестолковей).

И что же ты думаешь? Министерство связи СССР повторно отпечатало исправленный тираж, старый был изъят, кроме уже осевших в альбомах филателистов (у меня тоже обе!!).

Старик был безмерно доволен и вскоре на радостях помер.

Что же мне от тебя надо, о чем прошу?

Дорогой Эдик! В газете с представлением на премию... Эт не я!

1. Правда, Юриком меня называли где-то задолго до того, как я получил паспорт и, тем более, стал звукорежиссером.

2. Эт не я!! (Кокж***о***ян). В титрах армянского варианта "Ануш" наврали иначе – Кок***дж***аян. После не очень дипломатического разговора с Маратом Варжапетяном (а не Вор-жопа-тян) /*режиссер фильма-оперы "Ануш"*/, в русском варианте все было правильно.

3. Эдик-джан! Эт не я!!! – звукооператор.

Сейчас в музыкальных фильмах узаконена профессия звукорежиссера. Так было в фильмах Бабушкина /*Ефим, звукорежиссер*/, твоего покорного слуги – "Грозный век", "Последний месяц осени", "Человек идет за солнцем" и Бог знает, где еще (всего не упомнишь!).

Что касается звукооператора (он входит в творческую группу) в "смешанных" фильмах. Он записывает диалоги, синхронные шумы и т.д. и т.п., все это "сводит", и потому в титрах может (должен) значиться. Здесь же – фильм-опера, и "шумы" тоже мои.

Эдик, родной! Что делать, не знаю?! (То есть знаю, и потому пишу именно тебе, а не представившим фильм: Отделу культуры исполкома Сисианского райсовета, коллективам стройуправления Спандарянской ГЭС, Дастакертского завода медоборудования, "Микродвигателя"...) ПОМОГИ "Эт не я!" исправить (1, 2, может быть, 3).

Писать куда-то, кому-то боюсь (ведь могут вовсе вымарать из и без того большого списка, чтоб впредь не "чирикал", а исключительно был доволен и счастлив). Все.

Огромный привет Ляле!

Обнимаю вас ***Махмуд (Юрик)***

Кочарян Сурен
(артист, мастер художественного слова)

– *С*урен Кочарян – фигура уникальная. Когда вспоминаю, как он читал “Крейцерову сонату” Л. Толстого, сказки Туманяна, особенно “Кикос”!.. Он смаковал свое величие, получая удовлетворение от всеобщего, единодушного восторга обожающего его народа. Мы вместе были в Ташкенте, на правительственной даче. Ի՜նչ համով-հոտով մարդ էր, չտեսնվա՛ծ մարդ էր (какой колоритный был человек, с каким юмором – необыкновенный человек!):

...На его похоронах на кладбище стою рядом с Алексаном Киракосяном /*зампред Правительства Армении*/ **и с горечью говорю ему, что в оркестре больше народу, чем провожающих. Когда недавно Тонино Гуэрра на встрече в Картинной галерее Армении рассказывал о похоронах Нино Рота, на которых было четверо провожающих, я вспомнил Сурена Кочаряна.**

Сурен Кочарян воспитал талантливого сына – ***Левона Кочаряна***, который оставил значительный след в культурной жизни российской интеллигенции. Друг Тарковского, Шукшина, Кеосаяна, Высоцкого и других знаменитостей, он реализовался, в первую очередь, именно как пассионарий, направляющий умы, сердца и души свободно мыслящих людей. Людей, не только чувствующих, но и способных действовать, чтобы изменить мир к лучшему. Вот что пишет переводчик Давид Карапетян о дружбе Л. Кочаряна и Высоцкого[151].

“Отроческие годы Владимира Высоцкого неразрывно связаны с именем Левона Кочаряна, сына знаменитого актера и чтеца, Народного артиста СССР Сурена Кочаряна.

Для того, чтобы представить масштабы влияния “легендарного Левы” на молодого Высоцкого, стоит отметить, что именно дома у Кочаряна будущий поэт познакомится с такими незаурядными личностями, как Василий Шукшин и Андрей Тарковский, Эдмон Кеосаян и Артур Макаров, Григорий Поженян и тот же Юлиан Семенов. “Влияние Левы на Володю, да и не только на него, на всех нас и еще на многих и многих было огромно, его нельзя переоценить”, – вспоминал Артур Макаров.

Именно на кочаряновском магнитофоне “Днепр-10” и были сделаны первые записи молодого Высоцкого. Стоит ли говорить, что Володе тогда было семнадцать лет и что именно кочаряновская квартира – это и есть знаменитый дом на Большом Каретном. Левон Кочарян

[151] Публикуется по: “У Параджанова вино лилось рекой, балконы ломились от фруктов...” // “НВ”, 27.01.2009.

С Суреном Кочаряном

был организатором и душой знаменитой “компании на Большом Каретном”, которая так много значила в жизни Владимира Высоцкого.

Лева Кочарян некоторое время поработал в Московском уголовном розыске, позже окончил Высшие операторские курсы и ушел в кинематограф. Вскоре стал на “Мосфильме” незаменимым вторым режиссером – “первым среди вторых”, причем начал с ассистента режиссера у самого С. Герасимова в “Тихом Доне”. <...>

Левон Кочарян скончался в 1970 году.

Сам Высоцкий часто рассказывал на концертах о своем друге, об истории создания знаменитых песен из Каретного цикла, а в конце добавлял: “Нет хозяина этой квартиры, нет Левы Кочаряна... Он успел снять только одну картину как режиссер – “Один шанс из тысячи” ... Он его поймал и быстро умер. Он успел не много. Он жил жарко – вспыхнул и погас – мгновенно”. Показательно, что авторами сценария, снятого в 1968 году на Одесской киностудии фильма “Один шанс из тысячи”, были Андрей Тарковский, Левон Кочарян и Артур Макаров.

Валерий Нисанов вспоминал: “Однажды Володя зашел ко мне домой – это было в конце мая 1980 года. А у меня на стене фотографии, на одной из них я снят вместе с Левой Кочаряном. Володя остановился перед этой фотографией и долго-долго смотрел. Не знаю, что когда-то между ними произошло, но у Володи вдруг началась истерика, самая настоящая, со слезами...”

30.05.1963, Москва
Дорогой, очень любимый Эдик!

С огромной душевной радостью и законной гордостью за достойнейшего сына моих добрых друзей узнал весть о присвоении тебе высокого, заслуженного звания Народного артиста нашей Родины. Сколько бы хорошего ни сказали музыковеды, со всеми я давно и твердо согласен. Я – о другом. Хоть ты и сейчас уже звезда

первой величины, но ждет тебя еще более блестящая будущность, ибо ты счастливо сочетаешь с талантом то, без чего нельзя стать большим, надолго незабываемым творцом-художником.

Прежде всего надо быть достойным сыном своего народа – в тебе это качество есть!

Надо любить жизнь и людей – ты и любишь!

Надо быть скромным, простым, уметь радоваться успехам других – ты есть таков!

Надо любить друзей, уметь дружить и ценить дружбу – ты это умеешь!

Надо быть хорошим семьянином – ты есть таков!

Обладая всеми этими качествами, ты, естественно, являешься прекрасным общественником и государственным мужем, умеющим в сегодняшнем дне видеть день завтрашний.

Короче говоря, я не верю в хорошее будущее тех художников, человеческие качества которых ниже их способностей. В дурном человеке даже талант со временем сникает, потухает. В достойном даже способность перерастает в дарование, а дарование – в талант, подчас большой.

Твой талант возмужал вместе с ростом и расцветом твоих человеческих качеств, заложенных и воспитанных сперва твоими родными, а позже – тобой самим, что особенно важно! Я радостно взволнован и рад за тебя и не могу удержаться от того, что, наверное, сказал бы тебе покойный Михаил Иванович – твой подлинный отец... Передай наши (мои и жены моей) искренние поздравления маме и жене твоей.

Обнимаю вас всех, а тебя крепко целую по-отцовски – в лоб

Твой ***Сурен Кочарян***

Кушнарева Каринэ (археолог, дочь Х. Кушнарева)

20.01.1961, Ленинград

Дорогой Эдик!

Ты, вероятно, не поверишь, если я тебе скажу, что с момента моего отъезда из Еревана я ежедневно собираюсь написать тебе. Все откладывала, но ведь это не важно. Важно, что каждый день хотелось поговорить с тобой, а следовательно, вспоминала.

Мне жаль, что в этот мой приезд мы так все же мало виделись и мало говорили о серьезных вещах, так как все куда-то спешили. Своим пребыванием в Ереване я бесконечно довольна. Ведь я до сих пор живу впечатлениями, которых очень много. И все, что происходит здесь, в Ленинграде, мне представляется чем-то временным, что должно скоро кончиться. После ухода папы я вообще себя чувствую невероятно осиротевшей, а после возвращения из Еревана это чувство особенно усилилось. То есть я особенно почувствовала тот

холод, который существует здесь, на севере, между людьми и который в большой степени восполнялся у нас в семье папиной теплотой. Понимаешь, до его смерти было тепло хоть дома, а сейчас и этого нет, потому что и мама осталась совершенно растерянная.

А в Ереване я почувствовала теплоту людей. Может быть, это было потому, что я была там в гостях, может быть, и там такие же безразличные люди?! Этот вопрос я задаю себе бесконечно и не могу на него ответить.

У меня сейчас ужасное настроение. Не могу решить окончательно вопрос, как мне жить дальше – оставаться в Ленинграде и жить по инерции или все сломать и уехать в Ереван. Запуталась я и в своих личных делах. Если я останусь здесь, ясно, что не останусь одна и, может быть, в силу такого своего нехорошего настроения на это решусь скоро. И очень возможно, что это было бы моей второй (и теперь уже последней!) ошибкой в жизни. Потому что это будет опять не свой, а чужой. Вот этого всего я боюсь, чувствую, что этого не следует делать, вопреки давлению, которое на меня оказывается.

С другой стороны, что ждет меня в Ереване? Может быть, разочарование, когда все это превратится в обыденное, каждодневное. Может быть, я буду очень скучать по тому, что все же дает Ленинград. Может быть, там мне грозит одиночество. Кто знает?

Одним словом, все очень сложно. Сложно потому, что надо решить все самой. Мама сказала – где тебе будет лучше, там буду и я. То есть ей самой сейчас все глубоко безразлично. Я все думаю – вот если бы был папа, и он бы решил переезжать, тогда мне было бы в тысячу раз легче.

Ты не удивляйся, что я пишу тебе. Просто я к тебе чувствую такое же доверие и расположение, как и раньше. Ничего не изменилось, и твое место осталось твоим. Я полагаю, что если я все же буду в Ереване, наша дружба будет как-то развиваться.

Хочу ли я твоего совета? Разумеется, советовать здесь очень трудно, я понимаю, но все же мне хотелось бы, чтобы ты высказал более определенно свое мнение – ведь все наши разговоры о моем переезде были, главным образом, связаны с тем, что наши ереванские друзья хотели бы нас с мамой видеть среди них. Я тебе говорила, что с работой у меня должно сложиться в Ереване благополучно, если мне будут давать длительные командировки в Москву и Ленинград для ознакомления с литературой (зарубежной, которой в Армении мало).

Я тебе еще все это пишу вот почему – вчера я отправила в Ереван маму. Она обещала посмотреть те квартиры, которые нам там предложили. Если у тебя будет случай (а ты можешь его сам найти), поговори и ты с ней об этом. Хорошо? Где-то в душе она боится переезда, хочет жить там, где был папа. Но, может быть, встреча с Арменией, которую папа так любил, и теплота людей ее склонят к этому без всякого нажима.

А в общем, я сама не знаю, что мне нужно! Так тоже бывает, оказывается.

Очень бы хотела тебя повидать (когда ты будешь в Москве?) или получить от тебя письмо, несмотря на твою занятость. Наша старая дружба позволяет мне рассчитывать на твою объективную поддержку. Итак, я жду или тебя <...>, или твое письмо.

Передай самый сердечный привет маме, Ляле, ее родителям. Передай также большой привет Бабкену Михайловичу. <...>

Будь здоров и счастлив.

Целую ***Каринэ***

12.03.1980, Ленинград

Дорогой Эдик!

Сегодня постараюсь дозвониться к тебе по делу, и, одновременно, решила написать подробное письмо, которое собираюсь написать давно.

Я очень жалею, что в Москве наша встреча была такой мимолетной. Пожалуй, самой мимолетной из всех наших встреч. Такова наша жизнь, и то спасибо судьбе, что мы повидались. Вид у тебя был очень молодой, я даже заметила, что ты коротко постригся, и это тебе идет.

Из открыточки мамы, такой милой и неизменно теплой, я узнала о всех сложностях и радостях, происходящих в твоей семье. Я, как всегда, хочу, чтобы у вас все было хорошо. У нас дома все очень не стабильно, прежде всего из-за меня, то есть моего здоровья. Временами я чувствую себя хорошо и тогда готова свернуть горы. А потом обязательно срываюсь. В декабре у меня несколько раз были сильные кровотечения из носа. Даже дважды попадала в больницу. Ничего серьезного не нашли, дали лекарство, и сейчас я нормально себя чувствую. Посмотрим, что будет дальше. <...>

Я очень много работаю. Сейчас наш институт готовит 18-томное парадное издание “Археология СССР”. Я – редактор (и автор) одного из томов, посвященного археологии Кавказа. Это очень тяжелый труд. Как только закончу, возьмусь за докторскую, которая у меня на 2/3 готова. Но это все “если”... Вперед сейчас ничего стараюсь не планировать.

Недавно я получила одно сообщение, которым была очень взволнована. Меня разыскал бывший воспитанник приюта в Гюмри /*Цолак Айказян*/, который был организован для армянских детей, бежавших из Турции. Как оказалось, моя бабушка (мать мамы), урожденная Каракаш (Каракашян) возглавляла благотворительное общество, постоянно приезжала к детям, привозила туда актеров и устраивала там концерты. О ней он вспоминает с благоговеньем. Но, как выяснилось, мать моей бабушки была родной сестрой Рафаэла Патканяна /*писатель*/, причем самой любимой из трех сестер.

Об этом неоднократно упоминается в изданных письмах Рафаэла Патканяна, о которых я ничего не знала.

Получив эти интересные сведения, я начала рыться в семейных фотографиях и обнаружила портреты всех персонажей, о которых мне сообщает Цолак Айказян из Ленинакана. Сохранилась, в частности, фотография Варвары Патканян (то есть сестры Рафаэла, моей прабабушки) около его памятника и многое другое.

Кроме того, я в одном доме, куда попали вещи папиного двоюродного брата, сына сестры Кара-Мурзы /*композитор, дирижер*/ и папиной мамы, раскопала чудесный портрет отца Кара-Мурзы, который, быть может, неизвестен. Как видишь, моя археологическая натура не дает мне покоя, и я веду раскопки даже дома. В итоге получается, что в нашей семье были очень знаменитые предки – Кара-Мурза, Спендиаров, а сейчас еще и Рафаэл Патканян.

Недавно я передала в музей Спендиарова кое-какие документы, связанные с Александром Афанасьевичем. В дальнейшем непременно передам в Армению все, что у меня сохранилось по линии Кара-Мурзы и Рафаэла Патканяна. Это мой долг перед их памятью.

25 января исполнилось 20 лет, как нет моего отца, а 5 июня ему было бы 90 лет. Год получается юбилейный. Я очень надеялась, что к этому году выйдет сборник, подготовленный Институтом истории искусств АН АрмССР. Его готовили много лет, и подготовкой мы обязаны исключительно Матевосу Оганесовичу /*Мурадян, музыковед, псевдоним – “Аврора”*/. Он сделал значительно больше, чем мы, вплоть до переводов русских текстов на армянский. В 1978 году сборник был представлен в издательство, и вот сегодня я узнала, что он не будет даже включен в план 1981 года!!! У меня просто руки опустились. Если дозвонюсь до тебя сегодня, обязательно поговорю с тобой, так как в ближайшие дни окончательно должен быть утвержден план на 1981 год. Может быть, ты захочешь что-нибудь сделать. Этот сборник начали готовить еще при жизни мамы. Ее нет уже 12 лет. Теперь он готовый лежит без движения, и никто за это активно не борется.

Ты знаешь, каким скромным был мой отец. Его скромность в чем-то мешала ему. Мне кажется, что именно поэтому он до конца сам не оценивал тот вклад, который внес в армянское и советское музыкознание. Прошло 20 лет, и нет ни одной книги в этой отрасли, где бы не развивались его мысли, где не было бы самых высоких оценок этого вклада. Недавно вышел советский энциклопедический словарь, где тоже фигурирует его имя. Притом однотомник, в котором отобраны только крупные имена. Одним словом, его творчество уже выдержало испытание временем и будет еще долго давать ростки. По-видимому, отец засеял большое поле, и всходы его дают хороший урожай. При жизни папы все это не было оценено по достоинству. Скорее всего, из-за его скромности. Мне казалось, что

после его ухода, когда произошла оценка итога его жизни и творчества, его заслуги должны быть как-то закреплены организационно. Об этом мы с тобой когда-то говорили... Время идет, мы стареем, а после нас не останется никого, кто соприкасался с отцом. Следующему поколению будет уже безразлично...

Летом в Ленинграде была Нина Григорьевна Будагян /*жена дирижера Георгия Будагяна*/, которая мне сказала горькую фразу: “Все надо пробивать самой”. И действительно, память многих музыкантов живет в именах учреждений, книгах, посвященных им, и многом другом. Возможно, это организуется их родными, которые неустанно добиваются закрепления этой памяти. Что же делать мне, оторванной от Еревана на тысячи километров?!! В память отца я написала книгу и посвятила ему. Единственное, что я могу сделать еще, это написать тебе, моему близкому другу, человеку, который достаточно знает заслуги отца.

Я больше всего ценю друзей, с которыми не связана никакими делами, и, видя, как все тебя рвут на части, всегда внутренне радовалась, что я тебя не обременяю своими просьбами. Но ведь моя просьба не носит потребительский характер, ты это хорошо понимаешь. Подумай обо всем.

Пора прощаться, Эдик, дорогой, 2 часа ночи.

Поцелуй всех твоих и будьте здоровы.

Ваша ***Карина***

Литинский Генрих (композитор)

22.12.1948, Москва

Дорогой Эдик!

<...> Как и Вы, я очень сожалею о том, что нарушился “ритм” наших творческих встреч с Вами, Котиком. Но я не оставляю надежды на то, что, по крайней мере, мы с Вами раза два в год будем встречаться и проводить время за инструментом. Из письма Григория Савельевича Домбаева /*начальник Управления по делам искусств*/ я знаю, что собираются послать мне на съедение новых двух композиторов. Я этому чрезвычайно рад хотя бы потому, что это поддержит мою живую творческую связь с армянским музыкальным творчеством, которое мне очень близко и очень дорого и с которым я органически сроднился[152].

Я чрезвычайно рад тому, что Вы начали преподавать. Увлекайтесь этим делом, но в то же время будьте эгоистом и помните о том, что творчество дороже – а в Вашу творческую звезду я верю и буду

[152] В композиторском классе Литинского учились: Вагаршак Котоян, Эдуард Багдасарян, Вартан Тигранян, Эдуард Абрамян, Арташес Хачатрян.

верить, независимо от заседательских случайностей. Я знаю, что кантату Вашу приняли очень хорошо, а не “холодно”, как Вы об этом пишете. Не придавайте значения “холодку” и “высокой температуре”, а работайте всем пылом Вашего горячего сердца и светлого ума, в которые я верю. Вы знаете мою скупость на похвалы. Так оцените же в полной мере мои слова. Работайте, и Ваше время придет, притом очень и очень скоро.

Пишите о своих планах. Не разменивайтесь на мелочи. Держите меня в курсе дел Ваших. Если сможете мне прислать Вашу переписанную партиту, буду Вам очень благодарен. Пишите. Приветствуйте от моего имени Люсю Богдановну, Михаила Ивановича /*Мирзаян*/ и Гургена Ивановича /*брат М. Мирзаяна*/, встречи с которыми остались для меня незабываемыми. Обнимаю Вас.

Всегда Ваш ***Генрих Ильич***

02.0I.1949, Москва

Дорогой Эдик!

<...> Мои главные планы в отношении Вас сосредоточиваются сейчас на теме Вашей работы в этом году. За Котика я теперь спокоен – он верно пришел к триумфу – справедливому и заслуженному, а сейчас, видимо, дело идет к премии. Я хочу – это так и будет, – чтобы в этом году триумф выпал на долю Вашей работы. Я в это верю, и дело только за Вами и не столько за Вашим дарованием, которое я ставлю выше, чем Вы это себе представляете, сколько за Вашей работоспособностью и умением организовать план и сроки работы. Если последнее не будет срываться болезнью или другими побочными причинами, Вы придете к успеху вне всякого сомнения.

Вы знаете меня как резкого противника всякого празднословия, особенно когда речь идет о реализации творческих планов. Так и сейчас: я советую Вам подумать, не теряя времени, о новой работе и сообщить мне. Я полагаю, что это должна быть работа, в которой будет участвовать не только оркестр самостоятельно (увертюра – небольшая, антракт или два антракта), но и два или три солиста и хор. Может быть и работа только для оркестра, но обязательно программная. Может быть ни то, ни другое, а что-либо третье. Но об этом надо сейчас же подумать, не теряя ни минуты, так как осенью этого года (в сентябре-октябре) будет происходить следующий пленум ССК и местом для его проведения будет Ереван. Учтите все преимущества, вытекающие из этого, учтите сжатые сроки и вместе с этим знакомую мне Вашу медлительность. Учтите, что хотя Ваша кантата и не исполнялась на пленуме в Москве, о ней знают все, кто должен знать, и, кроме того, уже приняты все меры, в особенности К. Саквой /*Константин, работал в системе Минкульта СССР*/, к тому, чтобы Ваша кантата была здесь исполнена в течение

зимнего сезона. Оно так и будет, так как на деле увидели, что за сила кроется за молодыми композиторами Армении.

Бесконечно жалею о том, что нельзя было из-за сжатости сроков исправить в Вашей партитуре отдельные недоделки, явившиеся результатом дикой спешки. Это должно послужить Вам уроком на будущее.

Я нарисовал Вам перспективу, притом весьма полную и чрезвычайно реальную, основанную на реальном учете Ваших огромных творческих возможностей, а также и Вашего неумения организовать свое время так, чтобы избежать спешки. Самое опасное дело для Вас, и не только для Вас, – спешка. Спешка – это могила всякого успеха. А сроки коротки: чтобы по-настоящему показать себя на ближайшем пленуме, Вам надо не позднее начала февраля засесть за работу; музыку закончить к началу мая, затем засесть за партитуру /*на*/ 2,5-3 месяца. В мае необходимо будет Вам съездить сюда, ко мне, на 2-3 недели, чтобы все привести в порядок и откорректировать музыку, а по окончании партитуры – второй раз приехать сюда. Все это реально будет, если не будете зря терять время.

Подумайте обо всем и напишите мне.

Приветствую всех Ваших: Люсю Богдановну, Михаила Ивановича и Гургена Ивановича /*Мирзаян, брат М. И.*/. Желаю Вам в этом году самых блестящих успехов, в незамедлительность исполнения которых я глубоко верю. Обнимаю Вас

Всегда Ваш ***Г. Литинский***

01.02.1949, Москва

Дорогой Эдик!

Задержался я немного с ответом на Ваше обстоятельное письмо, которое произвело на меня очень сильное впечатление тем, что оно не только полностью отразило Вашу трезвую оценку положения вещей, но и отразило совершенно правильные выводы, сделанные Вами из всего стечения всяческих случайных и неслучайных обстоятельств.

Свое письмо к Вам я с глубоким удовлетворением начинаю с того, что скажу, что Вы молодчина и Вами можно гордиться. Хочу, в первую очередь, остановиться на Ваших творческих планах. Для меня, как и для Вас, ясно, что следующая Ваша работа должна по теме и музыкальному жанру приближаться к первой, к кантате. Сейчас Вы подойдете к решению новой задачи с полнейшим учетом всех явных и скрытых погрешностей, которые Вам в кантате сейчас гораздо виднее, нежели кому-либо другому. А это может полностью обеспечить Вам в новой работе самые блистательные результаты. Правда, при условии, если Вы абсолютно устраните в процессе работы какие бы то ни были элементы спешки, нервозности и разрывы в сроках. Я повторяю: если бы этих роковых недочетов в работе над кантатой не было, все пошло бы по совершенно

другому пути с совершенно другими результатами. Прошлого не вернешь, а это только к лучшему, и я в это верю.

Надо избрать сейчас тему о юности, о молодости; может быть, тему о героях, где фигурировала бы наряду с юношей-героем также и девушка-героиня. Стоит просить Сармена /*поэт*/ о том, чтобы он написал 4-5 стихотворений на одну тему, притом в различных стихотворных метрах. Может быть, следует подумать о том, чтобы женский сольный голос был представлен колоратурным сопрано – это позволит устроить в разработке “состязание” между колоратурой и флейтой-solo и между колоратурой и скрипкой-solo. Я допускаю, что это произведение может быть предназначено для оркестра, хора, колоратурного сопрано, тенора, скрипки-solo и виолончели-solo. Это необычный состав, но это можно творчески решить очень эффектно. Размер частей – такой же, как и в кантате, общей длительностью в 23-25 минут – не больше (и не меньше!). Очень хотелось бы, чтобы работа Ваша была именно такой – это сложно, но это и почетно, и по плечу Вам.

На худой конец можно и симфонический цикл (программный) написать на боевую тему, не прибегая к хору и сольным вокалистам. Такого рода работа для Вас рискованней, имея в виду Вашу склонность к углубленному и несколько мрачноватому психологизированию. Если бы я был уверен в том, что в такого рода цикле (чисто симфоническом) Вы способны были бы написать траурный марш (скажем, в той части, которая посвящена памяти народных героев) в ... мажоре, или на худой конец такой, какой написан Вагнером в “Гибели богов”, то я благословил бы Вас на такой труд, не ввязываясь из-за краткости сроков в историю с написанием текста и т.п. Но я боюсь, как бы такого рода часть не повторила собою образа матери из Вашей кантаты. Образ матери потрясающий получился. А всякого рода потрясающие вещи – не ко времени, особенно принимая во внимание субъективистскую окраску, которую Вы дали этой части своей кантаты. Подумайте, но думайте скорее.

Такого рода симфония, о которой я думаю и пишу Вам, смогла бы состоять из следующих частей: I. Пролог (небольшая, но боевая увертюра на две темы с небольшой разработкой или с тремя темами, но без разработки. Эти три темы смогли бы символизировать собою старшее поколение советских людей, молодежь и детей. По-моему, получилось бы заманчивое дело); II часть: под несколько пространным названием “Ашуги, поющие гимн возрожденной стране и воссоединенному народу”; III часть: “Песня и танец” (нечто вроде фантазии с вариациями); IV часть: “Памяти народных героев”; V часть: Эпилог (нечто вроде шествия или празднества в честь вождя).

Разумеется, не обязательно 5 частей: могут быть и 4 или даже 6 частей. Кроме того, такая программа дает возможность при желании использовать в эпилоге хор, а в средних частях – солистов

(ашуги) и далее – солистов-инструменталистов (в песне и танце) в сопровождении оркестра. Вариантов здесь может быть много. Надо еще, Эдик, помнить, что 1949 год – год семидесятилетия И. В. Сталина и вся работа может быть построена под углом зрения этой знаменательной даты. Хорошенько подумайте и напишите мне об этом, не теряя времени. Теперь Вы поймете, почему задержался мой ответ на Ваше письмо. Я все это время думал о теме для Вас.

Еще могу Вам подсказать одну, но чрезмерно смелую мысль: использовать тексты стихотворений И. В. Сталина, написанных им в юности. Об этом стоит подумать, если эти стихи переведены на армянский язык и если для их использования не требуется специального /*раз*/решения (если не автора, то соответствующих организаций). Очень, однако, сомневаюсь в такой возможности; в противном случае кто-нибудь уже использовал бы эти тексты.

Буду ждать Вашего письма, а тем временем буду еще думать о теме для Вас.

Напишите, как живете, как Ваши материальные дела, что у Вас дома слышно. От всей души хотел бы, чтобы Вы в этом году не ввязывались ни в какие личные дела и истории, которые Вас отвлекут от творческой работы. Повремените еще один годик, и тогда все придет в свое время.

Здесь все затихло: студия не работает из-за отсутствия студийцев; все пребывают в стадии полной невыясненности, и неизвестно, будет ли что-нибудь.

В общем, трудно что-либо сказать. Надо работать, и только работать. Ни о чем не думая, кроме своей темы.

Заканчивая, прошу передать мой и Розы Давыдовны /*жена*/ сердечные приветы Люсе Богдановне, Михаилу Ивановичу и Гургену Ивановичу /*Мирзаян, брат М. И.*/. Женяшка /*сын*/ вырос, помнит всех Вас и занимается только тем, что обещает быть хорошим. Обнимаю Вас

Всегда Ваш ***Литинский***

14.03.1949, Москва

Дорогой Эдик!

Получил Ваше письмо и целиком одобряю композиционный план новой кантаты. Старайтесь, чтобы I часть, как и финал, носила характер гимна, торжественной музыки, не формальное аллегро. Постарайтесь, чтобы во II части пели сопрано и тенор, а в IV части – меццо-сопрано. Очень хорошо было бы включить в эту же часть или в III часть баритон или бас с хором, а в финале вывести всех солистов как вокальный ансамбль, квартет с хором – на фоне хора и обособленно от хора (чтобы оправдать ансамбль). Я этих соображений Вам не навязываю, но мне кажется, что использование солистов и вокального ансамбля в таком плане, как я говорю,

выделило бы кантату среди других подобных произведений, которые пишутся плохо по музыке и безграмотно по форме, к тому же и без ансамблей. Хронометраж всей кантаты ограничьте 22-24 минутами – не больше и не меньше. Старайтесь хоровую партию строить полнее, чем в первой кантате; используйте в большой мере выигрышные регистры хора и голосов. Опять-таки не забудьте использовать то в одном, то в другом месте сольные инструменты (труба, виолончель, скрипка) – они очень оживляют развитие музыки. Старайтесь соблюсти пропорциональность в масштабах частей, чтобы не было очень длинных и очень коротких частей. О тональностях хорошо подумайте.

Сроки работы Вы хорошо запланировали. Было бы лучше, если бы Вам удалось к концу мая быть в Москве. Если будет время, черкните в письме одну-две темы (можно без гармоний).

Относительно исполнения Вашей кантаты в Ленинграде, а затем в Москве, я убежден, что это реальное дело. Правда, Мравинскому я больше доверяю, чем Дмитровскому, симпатии которого никогда не соприкасались с национальной музыкой и в доброжелательности которого я не уверен. Тем не менее решающее значение имеет слово Мравинского, а не Дмитровского, и поэтому я верю, что дело это реально.

Еще больше значения я этому придаю потому, что в Комитете искусств кантата Ваша – после ее показа Котиком – произвела исключительно сильное впечатление; это тоже немалый довод в пользу кантаты.

Возвращаясь к новой Вашей работе, хочу напомнить Вам о разнообразии размеров: 6/8, 5/4, 3/4 и т.д. Не забудьте об этом и проследите за тем, чтобы словесный текст позволил осуществить для каждой части кантаты свой ритм и метр.

По Вашему письму чувствую, что Вы сейчас находитесь в полной творческой форме и что Вы с увлечением приступаете к делу. Я бесконечно рад этому и верю, что Вы порадуете меня и других новыми творческими успехами, которых я Вам от всей души желаю.

Буду очень рад, если Вы в минуты передышки будете меня информировать о ходе работы, о Ваших сомнениях и т.п. Впрочем, хотелось бы, чтобы сомнений у Вас вовсе не было, чтобы Вы писали со всем свойственным Вам творческим пылом, с верой в свое дело.

Желаю успеха. Прошу передать мой и Р/*озы*/ Д/*авыдовны*/ приветы Вашим родным. Обнимаю Вас

Ваш ***Литинский***

28.06.1949, Казань

Дорогой Эдик!

Тороплюсь написать Вам и попросить Вас передать всем Вашим “соратникам” по перу несколько слов. Перед выездом из Москвы и по приезде в Казань я точно рассчитал время с тем, чтобы 1-го

числа быть уже с Вами в Москве. Здесь же, в Казани, выяснилась весьма неприятная перспектива неполучения ни жалованья, ни каникулярных денег ко дню моего отъезда. Здесь сейчас серьезные задержки жалованья стали рядовым явлением. Из-за этого мне пришлось так все дело построить, что я на 3-4 дня задержусь. Уехать без денег – перспектива мало привлекательная, так как после этого я могу прождать их до осени, и никто пальцем не шевельнет, чтобы перевести деньги. <...> Если в течение этих лишних 3-4 дней денег не будет, я без дальнейшей задержки вернусь в Москву и там уже что-нибудь придумаю.

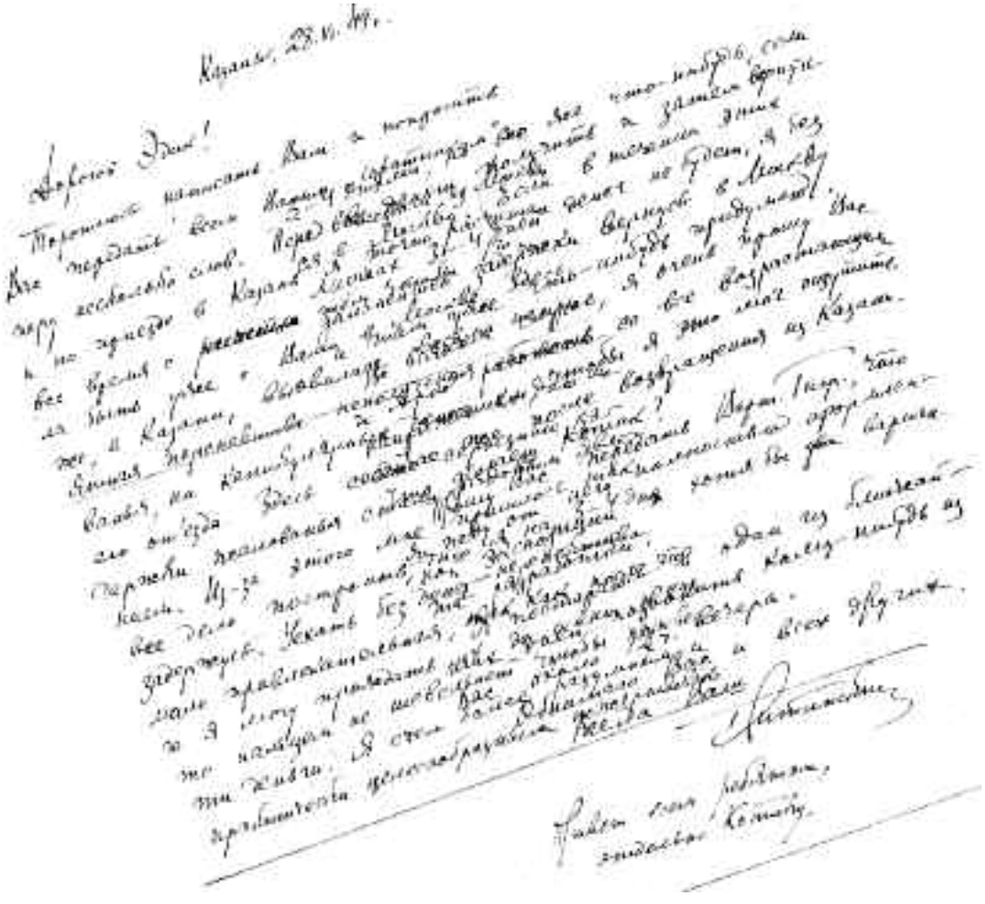
Во всяком случае, я очень прошу Вас и Арно работать со все возрастающим напряжением, чтобы я это мог ощутить сейчас же после возвращения из Казани. Что делает Котик?

Прошу Вас передать Вартану Тиграняну /*композитор, сын Армена Тиграняна*/, что я жду от него полностью оформленной экспозиции и хотя бы двух вариантов разработки.

Я постараюсь в один из ближайших дней позвонить кому-нибудь из Вас около 12 ч. вечера. Обнимаю Вас и всех других

Всегда Ваш ***Литинский***

Привет всем ребятам, отдельно – Котику.



22.07.1949, Яундубулты (Рижское взморье)

Дорогой Эдик!

Выполняю обещание и сообщаю, что погода здесь архипакостная. Работать невозможно, так как местные бюрократы при покровительстве музфондовских московских бюрократов ликвидировали полностью все три творческих комбината. Ведут себя так, как будто композиторы находятся в услужении у Музфонда, а не наоборот. Сплошная гадость. Администрация мерзопакостная. Никогда ничего подобного здесь не было. Пишите, как работаете. Арно еле-еле движется вперед – нет инструмента, холодно, сыро /*Бабаджанян писал Скрипичный концерт*/. Привет Котику и Адику.

Обнимаю Вас Ваш ***Генрих Литинский***

19.12.1949, Казань

Дорогой Эдик!

Пишу Вам с опозданием, причиной чему явился, с одной стороны, сюрприз, который нам преподнес Женулик /*сын*/, внезапно заболевший скарлатиной, которая идет сейчас на убыль. С другой стороны, очень много внимания и стараний уделил Вашему вопросу Котик, который настолько добросовестно все делал, что моя помощь в этом направлении оказалась совершенно лишней, если не считать серьезного личного, а затем телефонного разговора с Сережей Баласаняном /*композитор, зампредкомитета Радиоинформации*/, который дал слово, что для Вас все будет сделано в самом выгодном для Вас направлении и наилучшим образом. Таким образом, я был совершенно спокоен за положительный исход дела. А не писал я по техническим причинам. Сейчас я приехал на два дня в Казань и пишу Вам, пользуясь небольшим перерывом в занятиях.

Самое большое, что беспокоит меня сейчас насчет Вас, – это вопрос о том, что Вы будете делать к юбилею республики. Ясно мне, что кантат хватит с Вас: надо придумать что-нибудь более “портативное”, но не легковесное. Может речь идти об увертюре, об “Оде” для оркестра с небольшим заключительным хором, который легко можно было бы заменить при исполнении в Москве соответствующей редакцией содержания этого хора для оркестра (без хорового коллектива). Может быть, следовало бы подумать о бывшем симфоническом “Юбилейном марше” на манер вагнеровских – из “Тангейзера” или из “Мейстерзингеров” – на 7-8 минут длительности. Советую подумать о небольшом цикле “Юбилейных симфонических прелюдий” – 4, не больше 5 штук по 3 или 4 минуты каждая (“Пролог” – 4/4 Moderato, “Песня ашуга” – 5/4 Andantono, “Танец” – 6/8 Alleretto scherzanto, “Шествие” – 4/4 или 2/2 Allegro Moderato pomposo) – без каких бы то ни было вокальных или хоровых участников. На худой конец, если без этого нельзя обойтись, введите солиста для “Песни ашуга” и хор для “Шествия”, но не больше.

Подумайте. Ничего другого не надо Вам к юбилею, а когда юбилейная работа у Вас будет закончена, Вам надо будет сесть за симфонию – и ничего другого. Симфония у Вас получится, а кантатами Вам не скоро придется заняться.

Обхамили на пленуме и Котика, и Арно. Хотя Арно во многом сам виноват, тем не менее не могу примириться с хамством того, что его сначала подняли на щит, а потом шлепнули лбом о мостовую. Моя совесть чиста – я его ругал в студии, а вне студии все делал для того, чтобы отстоять право его бесспорного замечательного таланта. Как бы то ни было, с хачатурянизмом ему надо кончать, и кончать на позициях такой музыки и такой четкости формы, как у него получилось в финале концерта. Что бы ни случилось, а я буду верить, что и Вы, и Арно, и Котик не раз еще творчески набьете морду дуракам от музыки, генералмузикам, у которых на рубль амбиций и на грош амуниций. Время работает на Вас, на хорошую музыку – к этому все идет. Джербашян /*Степан, композитор, ученик Мирзояна*/ Ваш имел замечательный успех, и я Вас поздравляю[153].

Если появятся новые мысли, я Вам напишу, а пока жду Вашего ответа, а также письма Арно. Котик скоро вернется, так что я его увижу. А когда Вас и Арно увижу – даже предполагать не могу, а только мечтать.

Передайте всем мой сердечный привет – Котику, Арно, Адику, Константину Соломоновичу /*Сараджев, ректор ЕГК*/. Особый привет Михаилу Ивановичу и Люсе Богдановне. Обнимаю Вас

Всегда Ваш и с Вами ***Литинский***

Л. Е. *– Ну и как, написали “Юбилейный марш”?*
Э. М. **– Что ты! К какой-то дате написать – не придавал этому значения.**

27.04.1950, Москва
Дорогой Эдик!

Было намечено исполнение кантаты на 07.05, но из-за ряда радио-нелепостей переносится на 18.05. Гаук /*Александр, дирижер*/ недоволен тем, что не сделан дуэт. Я помню, что мы с Вами кое-что придумали и практически наметили. Допускаю, что Вы со своим “пожарным порядком” работы попросту забыли это сделать или сделали не до конца. Короче говоря, недоволен Гаук, недоволен Баласанян /*Сергей, зампредкомитета Радиоинформации*/, и получается впечатление, что Вы не выполнили предложений радио. Если действительно имеется с Вашей стороны упущение, то это

[153] Речь идет о Сонате для виолончели С. Джербашяна, отмеченной на Всесоюзном пленуме наряду с Виолончельной сонатой Мясковского.

очень неприятно и чревато недоверием к Вам в будущем. Никак не прощу Вам того, что Вы в ту пятницу, когда должны были мне показать в окончательном виде работу в Институте, не пришли, завозились посторонними вещами, схватили все в охапку и, сломя голову, сели в поезд. Видимо, Вы неисправимы, и ругать Вас ни к чему. Сейчас дело поправимо, если вы числу к 7, не позднее 8 мая, приедете, все поясните и реабилитируете себя. Времени хватит, снова посидим вместе и, чем черт не шутит, Вы найдете время для того, чтобы спокойно все довести до конца.

Я Гауку не доверяю так же, как и Вам. Но Гаук в данном случае что-то решает, а Ваш голос – не решающий. В этом неприятная разница. К тому же Гаук – посредственность и, случись что-нибудь при исполнении, он все будет валить на Вашу голову. Подумайте о заблаговременном приезде в Москву. Все можно уладить, не дав делу разгореться в неприятность. Отношение к Вам очень хорошее и благожелательное, так что надо это ценить. Приезжайте поскорее.

Очень прошу Вас передать записку Котику. Обнимаю Вас, взъерошенного озорника, непокорного и неисправимого

Всегда Ваш ***Литинский***

P. S. Сердечный привет родителям от меня, Розы Давыдовны и Женульки.

– Кантата была исполнена на радио. Я не написал дуэта, а написал лирическую вторую часть, пела Наталья Рождественская, мать Геннадия – он носит фамилию матери, а по отцу он Аносов, был такой хоровой дирижер. (Сейчас вспомнил, как Геннадий Рождественский выступал в Ереване, в Малом зале, и в момент начала разработки Шестой симфонии Чайковского свет погас...)

...Не помню, какого числа исполнялась кантата, но помню, что в этот день вместо концерта сидел на заседании, посвященном Микояну как кандидату в депутаты, – меня не выпустили.

Что же касается моей рассеянности, о которой говорит Литинский, то дело дошло даже до того, что однажды, взяв своих детей на прогулку, по дороге я занялся решением какой-то проблемы и забыл собственных детей на улице.

Из самых болезненных впечатлений юности на ту же тему: Котик Арутюнян позвонил из Москвы в 1947 году и попросил оркестровые голоса и партитуру своих сочинений “Ода” и “Триумфальный марш”. Гаук должен был сыграть в концерте 6 ноября. Я обещал повезти. За день до вылета забираю ноты из библиотеки, по дороге куда-то захожу и забываю их. Рассеянность мне была присуща с самых молодых лет. Приезжаю, не помню, что не привез. Котик в недоумении – дальше некуда. Я звоню маме: «Քարի տակից պետք է գտնես» (“Из-под земли

должна достать”). Мама в тот же день находит и посылает авиарейсом Ереван-Сухуми-Ростов-Харьков-Москва. Встречаю самолет, счастливый, торжествующий вхожу в общежитие. Эдик Абрамян идет навстречу: “Э-э-е...”. У Литинского обсуждали и осудили меня. Сволочи, в мое отсутствие осудили. Именно из-за рассеянности таких случаев было немало.

13.02.1951, Москва

Дорогой Эдик!

Очень рад ликвидации холостого положения в Вашей жизни и поздравляю Вас и Елену от всей души. Желаю Вам также от всей души ликвидации холостого положения в творчестве. Пока не услышу от Вас настоящей, полноценной работы, вынужден буду считать Вас на холостом ходу. Над симфонией можете работать, если Вы очень “загорелись” ею. Но должен сказать Вам, что обстановка общая складывается пока неблагоприятная для данного жанра. Если бы Вы засели за 7-8-минутную симфоническую композицию вроде чего-нибудь похожего на “Болеро” Равеля, и вместо болеро Вы бы избрали армянскую танцевальную тему, то я был бы полностью уверен в успехе. Симфонию Вы, может быть, вытянете, но глубоко убежден в том, что она Вас не вытянет.

В письме не могу исключить причин. Хотите – верьте, хотите – не верьте. Возьмите у Сараджева /*Константин, ректор ЕГК*/ (кстати, он стоял рядом со мной на концерте Арно и даже не поздравил меня с успехом Арно) “Болеро” Равеля и посмотрите его. Гениальное произведение, не знающее ничего равного себе в этом жанре. Вы смогли бы головокружительным образом осилить такую форму. Советую Вам подумать. Не могу разделить Ваших надежд на армянскую Декаду в Москве – для Вас она будет лишь эпизодом, может быть, даже удачным эпизодом, но никак не событием. Событием для Вас должен явиться ноябрьский пленум ССК в 1951 году. Если Вы попадете на этот пленум не с симфонией, а с произведением такого типа, о котором выше я сказал, я могу Вас уверить, что “холостым” Вы не останетесь. Только так, а не иначе стоит вопрос. Вы же можете поступить, как хотите. Мою помощь Вам я всегда отдам.

Не знаю, что Вам дадут 20 дней отпуска. Более целесообразно приехать в самом начале июня и просидеть до осени за работой в Москве. Во всяком случае, и 20 дней сейчас могли бы быть использованы для разработки композиционного плана и эскизов работы.

Очень прошу не разглашать этой новой композиционной формы: если Вы ею не воспользуетесь, я ее отдам кому-нибудь из студийцев. Сейчас я ее придерживаю исключительно для Вас.

Черкните несколько слов. Передайте мой сердечный привет Елене и родителям. Обнимаю Вас

Всегда Ваш ***Генрих Литинский***

P. S. Роза Давыдовна и Женулик благодарят Вас за память и шлют свои приветы.

– Я написал эту Симфоническую поэму “Оровел”, начало напоминает “Болеро” – соло флейты. Был такой композитор Нахабин (кажется, из Украины), хороший музыкант, который очень высоко оценил поэму, он ее выделил среди прозвучавших на пленуме сочинений.

01.05.1953, Москва

Дорогой Эдик!

Не имел возможности своевременно поздравить с днем рождения Вашу маленькую-удаленькую /*Зарочку*/ вследствие того, что письмо Ваше мне Адик передал два дня спустя после знаменательной даты. От этого нисколько не ослабляются мои и моей семьи искренние, сердечные пожелания Вашей дочурке долгой, счастливой, радостной жизни и полного здоровья.

Я Вам очень благодарен за Вашу партитуру, которую я с большим удовлетворением еще и еще раз просмотрел и проиграл. Хорошая кантата! И издана она отлично! Жаль только, что Вы с головой ушли в преподавание и запустили творчество. Я надеюсь, что Вы исправите это положение, в частности, тем, что доведете до конца работу над “Оровелом”. Очень хорошо, что Вы взялись вновь за симфонию: ее надо закончить, и закончить хорошо[154]. Работайте над чем хотите, но только работайте и побольше (наилучшим образом!). Критику слушайте, но считайтесь только с доказательной, а не вкусовой и импровизационной критикой.

Жаль, что с оперой у Вас дело не получилось пока. Я не знаю, как критиковали Ваше либретто, не знаю и самого либретто. Возможно, что критика была права, но я с подозрением отношусь к такому толкованию, которое можно выразить тезисом, что “репатрианта пришили для того, чтобы над ним посмеяться”. Истолковать можно по-разному, но толкуют ведь взрослые люди и для взрослых. Какие же основания к тому, чтобы типично комедийное положение истолковать как насмехательство? Впрочем, Вам виднее.

Недавно подумал о Вашем квартете: его надо чаще исполнять и надо обязательно его издать – в Москве или Ереване[155]. Сейчас можно не волноваться за него.

Очень хорошо было бы Вам выбраться в Москву для того, чтобы немного поработать – серьезно и целеустремленно. В Ереване у Вас нет, видимо, ни стимула, ни возможности сосредоточиться на творчестве.

---

[154] “Первую симфонию для большого симфонического оркестра я почти закончил, играл наизусть”, – говорит Э. Мирзоян.

[155] Квартет издан в 1958 году в Москве в издательстве “Советский композитор”.

Соскучился я по Вам – и по дружбе, и по творчеству, – поэтому я был бы вдвойне рад Вашему приезду. Во всяком случае, если не сможете приехать, держите меня в курсе Ваших творческих дел, которые для меня далеко не безразличны.

Пишите, пожалуйста, хотя бы время от времени. А в ожидании вестей от вас или Вас лично, желаю Вам и Вашей семье всяческого благополучия, радостей и успехов. К этому моему пожеланию присоединяются Роза Давыдовна и Женичка. С праздником 1 мая!

Обнимаю Вас и желаю всяческих благ Люсе Богдановне и Михаилу Ивановичу

Всегда Ваш ***Г. Литинский***

P. S. Я по-прежнему езжу в Казань один раз в месяц, занимаюсь в институте Гнесиных (здесь радости мало). С ребятами тоже занимаюсь, но у себя дома, ввиду ликвидации Дома культуры.

Г. Л.

04.0I.1956, Москва

Дорогой Эдик!

Очень благодарен Вам и Лялечке за память и новогодние пожелания. Когда люди разделены таким расстоянием, как мы с Вами, то кажется, даже редкая весточка становится особенно дорогой и близкой.

Когда я думаю о Вас, Эдик, – а думаю я о Вас очень часто, – то с особенной остротой ощущаю замедление, которое наблюдаю в Вашей творческой работе. Я не поклонник скороспелых опусов – это Вы знаете. Но я не сочувствую неоправданным или мало оправданным излишним затяжкам в творческих делах. Вот, например, почему лежит под спудом Ваш Струнный квартет? Ведь у вас уже немало возможностей было привести его в порядок, “почистить” некоторые вариации, особенно быстрые, и передать все комитасовцам для исполнения в Музгизе. Дело верное, а Вы почему-то не решаетесь. Надо бы подвести черту под “Оровелом” и симфонией. До каких пор будете консервировать этот замечательный материал?[156]

Не внедряйтесь в педагогику на все 100% – хватит с Вас пока и 50%. Остальные средства Вы, без сомнения, добудете творческим трудом – не бойтесь этого. Нужно только захотеть и решить, а остальное неизбежно придет, и Вы достигнете творческого расцвета. Будет туговато два-три месяца, но не больше, а там все наладится. Вот с этими мыслями я и засел за это письмо и в качестве

[156] “Симфонию для струнных и литавр я сочинил в 1955 году, – говорит Э. Мирзоян, – в конце 1956 года играл ее на рояле в кабинете Хубова /*Георгий, главный редактор журнала “Советская музыка”*/, но по глупости тогда Литинскому Симфонию не показал. Для меня загадка, почему в его письмах нет реакции на премьеру Симфонии, – очень жаль. И в письмах Джоника /*Тер-Татевосян*/ – сейчас перечитал – тоже ничего не сказано: сначала все волнуется, переживает: пиши, пиши, а потом – ни слова...”

лучшего новогоднего пожелания я решил высказать эти мои мысли “вслух”, в данном случае – “зримо”, то есть в письме.

Я верю в Вас как в очень немногих, могущих сказать свое звонкое слово в искусстве. Так вот поэтому-то я жду от Вас всего, на что Вы способны в творчестве, и, ожидая, болею за Вас и снова верю, и снова ожидаю.

А пока что обнимаю Вас, обнимите за меня всех членов Вашего любимого мною “колхоза” – от самых старших до самого младшего “опуса”.

Роза Давыдовна присоединяется к моим мыслям и чувствам, а Женичка поддакивает нам обоим. Целую Вас

Всегда Ваш ***Литинский***

16.09.1958, Москва

Дорогой Эдик!

Передо мной партитура Вашего квартета, которую я только что приобрел. Смотрю страницу за страницей, снова – как почти одиннадцать лет тому назад, вслушиваюсь в каждую строку и снова переполняюсь чувством гордости за тот дух, мысли и чувства, которые Вы по-юношески свежо, чисто и непосредственно вложили в каждый такт музыки.

Я бесконечно удовлетворен и тем, что не ошибся, когда десять лет назад в атмосфере безудержного, бездумного ниспровергательства смог все же разглядеть и расслышать сегодняшний день нашего могучего искусства и ясно представить себе судьбу этого Вашего замечательного опуса.

Я бесконечно рад хорошему (в общем) изданию, рад за Вас, за нашу камерную музыку и.., как это свойственно мне, не могу не посетовать на то, что медленно и мало работаете.

Я очень хотел побывать на “Закавказской музыкальной весне”, хотел подышать живительным воздухом Армении, но всякие суматошные дела переезда в новый дом отвлекли меня от всех насущных дел музыки.

Сейчас я живу в роскошной новой квартире, блаженствую и в душе благодарю товарищей и бывших учеников, приложивших усилия к тому, чтобы жизнь мою и работу обставить сейчас наилучшим образом. Бесконечно благодарен Тихону Хренникову, раскрывшемуся передо мной своими благородными чертами душевности, простоты и человечности.

Сейчас собираюсь за границу, в Китай и Корею, на несколько недель. Учебный год немного смущает, но отказываться нет смысла: придется наверстывать потом.

Болтается в мыслях балет, за который надо взяться, чтобы в январе 1959 года сдать клавир, а к весне – партитуру (для той же Якутии).

Обстановка для всего этого – если не считать, что мать в боль-

нице, – очень хорошая. Все мы работаем, воспитываем подрастающее поколение и т.д. и тем самым оправдываем свое существование.

Хочу только, чтобы связь между нами была более тесной – поэтому и расписался так подробно. Надеюсь, что это послужит примером для подражания с Вашей стороны.

Что Вы сейчас делаете, как дети растут, что старшие делают и Ваши планы на ближайшее будущее – все это меня живо интересует, и я был бы чрезвычайно признателен за удовлетворение этого моего интереса. Все мои приветствуют Вас и Ваших и желают самого лучшего и радостного Вам и Вашей семье.

Как всегда, горячо обнимаю Вас

Всегда Ваш ***Литинский***

P. S. Само собой разумеется, что я душевно проникнут посвящением мне квартета Вашего.

– Когда Литинский услышал Виолончельную сонату, обнял меня, поцеловал и сказал только одно слово: “Умница...”. На фестивале AMA (2011) я услышал Пятый квартет Л. Чаушяна и решил ему это слово повторить – я давно не получал такого удовольствия от современной музыки.

19.04.1971, Москва

Дорогой Эдик!

Вчера звонил мне Эдик Багдасарян /*композитор*/ – он получил от меня все, что требуется в заверенном виде, и, таким образом, вся документация для ВАКа у него уже в полном порядке и пойдет в дело.

Меня очень встревожило его сообщение о том, что Вы слегли и довольно серьезно с точки зрения медиков. Что же стряслось с Вами? Я никак и никогда не ожидал, что поганая, мелкая канцелярская сошка, желая Вам напакостить, причинит Вам неприятность, которую Вы воспримете как серьезное потрясение. Стоит ли так реагировать, как это показали Вы? По-моему, это – малодушие, несмотря на обидную досаду, которую вызывают подобные выходки со стороны бюрократических субъектов, не нашедших своего места в жизни и в обществе. Не думал я о Вас, что Вы настолько можете близко принять к сердцу подобные гадости. Выбросьте все это из головы и забудьте как можно скорее. Каждый Ваш шаг в творчестве и в нашем искусстве в целом неизмеримо более перевешивает любую гадость или желание сделать Вам гадость – откуда бы она ни исходила. Относитесь к такого рода вещам с предельным презрением, а не принимайте их близко к сердцу, да еще настолько, чтобы свалиться. Нехорошо, Эдик! Подлецов на свете не очень много, но они есть, и на каждого из нас, независимо от возраста, этих людишек хватает для того, чтобы в той или другой мере отравлять нам жизнь, окружающую атмосферу.

Я Вас люблю и оттого случившееся с Вами я воспринимаю больнее, чем обычно. И оттого, что я Вас люблю, я хотел бы, чтобы Вы поскорее избавились от ощущения незаслуженной обиды, которую Вам нанесли. Проходите мимо таких эпизодов. Будьте выше всего этого, то есть таким, какой Вы в действительности есть, были и будете.

Скорее поправляйтесь и переключитесь на обычный, свойственный Вам лад. Это будет лучше для Вас и для всех, кто мыслями, чувствами и делом всегда с Вами, мой любимый и дорогой Эдик.

Обнимаю Вас

Всегда Ваш ***Литинский***

– Это дикая ерунда. Но как я на это реагировал! Ерунда заключалась в том, что я пришел в ярость от лжи, прямо, открыто брошенной мне в лицо. Я многое могу простить, но наглую ложь в открытую – не в состоянии. Пошлость такая, грязь. Я не заболел – կատաղել էի (я был взбешен) до такой степени, что решил пойти к Кочиняну и отказаться от председательства в СК. Он придумал отпуск, потому что я ему ничего не рассказал. Но он что-то почувствовал.

Первопричина: Адик Худоян приходит и говорит, что один из работников Музфонда получил машину и тут же продал. “Знал бы, я бы и сам расплатился таким образом со своими долгами”, – упрекнул меня Адик. Эти машины распределяю я и слежу, слежу очень придирчиво. Под документами три подписи: председателя, секретаря партбюро, председателя профкома. Было четыре списка: композиторы, аппарат СК, аппарат Музфонда, цех при Музфонде. В первую очередь получают члены СК. И вот при этом четком режиме один из работников Музфонда, женщина, получила машину и продала – не имеет права. Мол, неудачная была машина, останавливалась под каждым деревом, и Сосян сказал: “Продай, я помогу тебе купить “Волгу”.

Выясняю, Сосян отказывается. Вызываю парткома, даю указание обсудить вопрос на партбюро с устным выговором. Мой заместитель, Э. Аристакесян: “Зачем Вы это делаете? Ведь Вы знали, что она должна продать, все об этом знают”. Вызываю ее:

– Я знал, что Вы должны продать?

– Да, Вы знали, – лжет мне в лицо.

– Я знал?

– Да, Вы знали.

– Я в третий раз спрашиваю, причем спрашиваю у женщины.

– Да, Вы знали.

Я взорвался – какая грязь, подлость!

С ее стороны начинается то, что описать невозможно: шан-

таж по полной программе, шантаж на женской почве. Сосян в панике. Я спрашиваю Сосяна:

– Ты чего-нибудь боишься?

– Нет!

Зарик был в то время председателем Музфонда, у него нервы не выдержали. Я ему рассказал анекдот. Еврей умирает от дезинтерии, говорит врачу, сидящему у изголовья: “Доктор, я знаю, что умираю. Я вас не виню в этом, вы сделали все, что было в ваших силах. Об одном прошу: не пишите, что я умер от дезинтерии, напишите, что умер от сифилиса. Чтоб знали, что умер мужчина, а не засранец”. Приличные люди обо мне дурного не подумают, скорее наоборот.

История длилась свыше года. Год спустя нашли компромиссный вариант: она подает в суд, ее восстанавливают на работе, потом пишет заявление и уходит. Заявление она написала.

15.0I.1984, Москва

Эдик, дорогой, родной мой!

Спасибо за память и добрые пожелания. Очень тронут Вашим вниманием. Это чувство сейчас особенно обострилось под влиянием нашей общей, невозместимой, тяжкой утраты, которую нам с Вами и близким принесли последние недели – уход из жизни нашего незабвенного Арно.

Мир праху Его.

Всегда думаю и вижу Вас с Котиком нашим рядом с собой: это помогает в моей жизни. Счастья и радостей Вам, мой родной, любимый и неразлучный. Всегда и навсегда

Ваш ***Литинский***

Микоян Нами (писательница, музыковед, журналист)

– *М*ы были в гостях у Анастаса Ивановича Микояна – были дружны с Нами, его невесткой, которую знали очень давно (как приемную дочь Первого секретаря ЦК КПА Г. Арутюнова и близкую подругу Арно). Нами всегда выделялась своей неординарностью, яркостью и талантом. В то время Микояну совсем недавно сделали операцию, которая прошла успешно. Сидя во главе стола, он пил шампанское и рассказывал о своем детстве – о том, как хотел учиться, а отец считал, что он должен стать рабочим. Помню, что Генрих Оганесян /*кинорежиссер*/ **спросил, можно ли курить. “Курите, – позволил Микоян, – но знайте, что это очень вредно”, и обстоятельно стал говорить о вреде курения. Գևորիխը շուռ եկավ իմ կողմը թե՝ «Էգուցվանից ծխելը թարգ**

եմ տալիս, մտնում եմ պարտիա» (Генрих обернулся ко мне: “С завтрашнего дня бросаю курить – вступаю в партию”):

...Выходим, у ворот стоит полковник:

– До свидания.

Генрих:

– С Новым годом!

– При чем тут это? Сейчас только октябрь...

– В таких домах мы не каждый день бываем, может быть, больше не увидимся, так что с Новым годом!

Дорогой Эдик!

Большое тебе спасибо, что ты есть на свете. Это очень высокопарно звучит, но это правда. Дети приехали счастливые из Армении, а ты оставил на них самое сильное впечатление. Ниночка /*дочь Нами*/ поражена твоей чуткостью, тонкостью, проницательностью. Стаська /*Стас Намин, сын Нами*/, при всей своей несобранности, чувствует себя виноватым и переживает, что мало видел тебя, и говорит, что умнее, мудрее и добрее тебя он никого не видел. Все время вспоминает твое лицо – лоб, глаза и улыбку. Как я рада, что они тебя смогли понять и полюбили. Зарик тоже оставил на них удивительное впечатление.

В этот раз они как-то больше говорили о людях, и мне думается, что это им поможет в своем становлении. Ты знаешь, как мне дорого все, что связано с Арменией, с тобой, со всеми мне близкими людьми, с природой, с детством, да и вообще ты все понимаешь сам. Тем более я счастлива, что детям это начинает передаваться. Я не знаю, что их ждет. Не знаю, выровняется ли Стасик, сможет ли он найти главную цель для себя в жизни, или так разбросанным и останется. Не знаю, найдет ли Нина свое счастье. Я только верю в их доброе начало, и все, что я смогу им дать духовно, всегда по своим силам буду им передавать. К сожалению, я сама недостаточно практична, да и других недостатков у меня тысяча. Но я люблю своих ребят, люблю свою землю и все, что с ней связано. Очень захотелось написать тебе. Тебе, не только моему другу, не просто человеку, чей талант человеческого общения необычен, но и старшему другу моих детей, на которого они могут смотреть как на идеальный пример сочетания ума, доброты, строгости и чуткости. Вот как я тебе расписалась, но я, правда, рада, что они тебя так глубоко почувствовали, что каждое твое слово запомнили и рассказывали о тебе с глубокой любовью. Сердечный привет Зарику, Бабкену Михайловичу /*Сосян*/. Спасибо за Дилижан. Вообще, спасибо за ребят.

Крепко целую Лялю, чудного Арика – “маленького Эдика”, Зарочку, Люсю Богдановну, Евгению Гавриловну /*мать Ляли*/

Твоя ***Нами***

Мирзаян Микаэл (композитор)

Письма Микаэла Мирзаяна к сыну будто писались как послание в будущее, запетчатлевая ритм музыкальной жизни, события, лица, образы. Мирзаян посещает практически все симфонические концерты и театральные представления, не оставляя без внимания новых сочинений армянских молодых и маститых композиторов. Он – свой человек в музыкальной элите Еревана и Тифлиса, и весь свой опыт познания искусства и людей Микаэл старается передать сыну, воодушевляя его на новые творческие свершения. Не только Эдик, но и Арно, Котик, Адик, романтическое увлечение сына Марианна Арутюнян – все они в какой-то мере являлись его детьми, всем он покровительствовал, за всех болел, занимался их делами и поручениями.

Микаэл Мирзаян слыл мастером сатирических зарисовок – в письмах он предстает как мастер сатирического портрета. Его острый и проницательный взгляд оставил свой след и в жанре музыкальной критики – сохранились рецензии в прессе.

Несколько фактов биографии Мирзаяна. Родился в 1888 году в Тифлисе. Окончил полный курс семинарии Нерсисян в Тифлисе, пел в хоре Нерсисянской семинарии. После окончания Тифлисского музыкального училища поступил в Тифлисскую консерваторию в класс И. Черепнина и Т. Гартмана, но по материальным причинам был вынужден прервать учебу. Вместе с Романосом Меликяном и Азатом Манукяном развернул активную деятельность в обществе “Армянская лига”, занимаясь проблемами национального музыкального воспитания. Мирзаян – один из организаторов и руководителей “Тифлисского музыкального общества” (1912) и “Айартуна” (“Հայ արվեստների տուն”, 1921). С 1924 года переехал в Ереван, где развернул активную композиторскую, музыкально-общественную и педагогическую деятельность. За два года существования (1926-1928) организованный им Детский музыкальный театр имел около 100 выступлений. Мирзаян – автор более 300 песен и романсов, обработок крестьянских и гусанских песен, создатель детского хорового коллектива, один из основателей музыкальной школы имени Спендиарова, сподвижник Р. Меликяна в вопросах организации и жизнедеятельности Ереванской государственной консерватории.

15.04.1946, Երևան
Միրելի՛ Էդիկ,

Այսօր երեկոյան գնացի ֆիլհարմոնիա: Օրկեստրը նվագում էր Չայկովսկու Հինգերորդ սիմֆոնիան և Իտալական կապրիչիոն, իսկ Գեորգի Սարաջևը՝ Չայկովսկու Առաջին դաշնամուրային կոնցերտը: Վերջինս լավ նվագեց, միայն շատ նեժնի էր [*նուրբ, մեղմ*]. այն ուժգնությունը, որ զարգացնում է Ռախմանինովը (ես նրան Թիֆլիսում լսել եմ [19]15 թվին), շատ հեռու է մեր Ժորժիկի նվագից, բայց մեծ ճաշակով Մալունցևը [*Միքայել*] ղեկավարեց Կապրիչիոն: Ինձ թվում է, այն հնչունականությունը, որ զարգացնում է Չայկովսկին փողային, մանավանդ պղնձե գործիքների միջոցով, ռուս կոմպոզիտորներից և ոչ մեկին չի հաջողվում, և այդ էֆեկտը առավել ուժեղ է Կապրիչիոյի մեջ: Նման փողային հնչունականությունը մեկ էլ լսել եմ Վագների «Տանհեյզերի» մեջ:

<...>

Երբ համերգը վերջացավ, ես գնացի արտիստների սենյակը՝ Սարաջևին և Մալունցյանին շնորհավորելու համար: Այնտեղ պատահեցի Կոնստանտին Սոլոմոնովիչին [*Սարաջև, ԵՊԿ ռեկտոր*], բարևեցի և ասացի, որ դու քո գրած նամակով ողջույն ես ուղարկում իրեն: Նա ասաց. «Երբ նամակ գրես Էդիկին, скажи, [*что*] он большая свинья, он один из четырех свиней, до сих пор никто из них мне не писал. Я их снабжал письмами [*к*] Шапорину и другим... Мне нужны подробности об их занятиях» [*ասա, որ նա մեկն է այն չորս խոզուկներից, որոնք մինչ օրս ինձ նամակ չեն գրել: Ես Շապորինին և մյուսներին գրություններ էի ուղարկել իրենց վերաբերյալ... Ինձ անհրաժեշտ են տեղեկություններ նրանց ուսման գործընթացի մասին*] և այլն, և այլն, թունդ կատաղած էր... Վերցրու մի ընդարձակ նամակ գրիր տեղիդ անցուդարձի մասին, ձեր պարապմունքների և հարմարությունների մասին:

Քո ***Միքայել***

Ереван, 1952 год, сидят: Ляля Степанян-Мирзоян, Эдвард Мирзоян с годовалой Зарочкой, Евгения Габриэлян /*теща Э.Мирзояна*/; стоят: Люся Першангова-Мирзаян, Микаэл Мирзаян, Арно Бабаджанян, Адам Худоян

15.04.1946, Ереван
(перевод Л. Епремян)
Дорогой Эдик!

Сегодня вечером я был в Филармонии, оркестр исполнял V симфонию и “Итальянское каприччио” Чайковского, а Георгий Сараджев /*пианист, композитор*/ – его I фортепианный концерт. Солист сыграл хорошо, только слишком изнеженно – та сила, которая была в Рахманинове (я слышал его в Тифлисе в 1915 году), очень далека от интерпретации нашего Жоржика, но Малунцев /*Микаэл*/ с большим вкусом продирижировал Каприччио. Мне кажется, к тому качеству звучания, которого Чайковский достигает посредством духовых, особенно медных духовых, не может приблизиться никто из русских композиторов, и этот эффект наиболее силен именно в Каприччио. Подобное звучание духовых я слышал еще разве что в “Тангейзере” Вагнера. <...>

Когда концерт закончился, я направился в артистическую поздравить Сараджева и Малунциана. Там я встретил Константина Соломоновича /*Сараджев, ректор ЕГК*/, поздоровался и передал, что в своем письме ты кланяешься ему. Он сказал: “Когда будешь ему писать, скажи, что он большая свинья, он один из четырех свиней, до сих пор никто из них мне не писал. Я их снабжал письмами /к/ Шапорину и другим... Мне нужны подробности об их занятиях” и т.д. и т.д., он был сильно разгневан... Сядь, напиши ему подробное письмо о всем происходящем, о ваших занятиях и условиях вашего пребывания.

Твой ***Микаэл***

1947
Էդի՛կ ջան,
Գրում եմ հերթական երկրորդ նամակս:
«***Դեմքեր ու դեպքեր***» [*Երվանդ Սարդարյանի մասին - Լ. Ե.*]

...Բայց եթե միաժամանակ ունենար ստեղծագործական շնորհիք, նա մի քանի դար իր մասին կխոսեցներ: Ինչ խոսք, ճարպիկ է, կամ, ինչպես ասում են, делец [*դելեց, ճարպիկ*]՝ խառնված ոայոնական [*ևեղ շրջանակի*] դիպլոմատիզմի հետ: Նա գործը բարձրից էր բռնել, երբ Գրիգորի Արտեմիչը [*Հարությունյան, ՀՀ Կենտկոմի առաջին քարտուղար*] Մոսկվա էր: Նրան ներկայացել էր որպես Մոսկվայում ճանաչված կոմպոզիտոր, որ ամբողջ երկրում մի քանի հարյուր համերգներ է կազմակերպել, որոնց ունկնդրել են միլիոնից ավելի հաճախորդներ: Էն մարդը կարծել է, թե իր առաջ կանգնած է մի գիգանտ [*հսկա*] և խոստացել էր Երևանում կազմակերպել համերգ: Էս բանավոր մանդատը գրպանում՝ նա գալիս է Երևան և գալն էլ այնպես է կազմակերպում, որ ստիպում է Սավելիչին [*Գրիգորի Դոմբաև, Արվեստի վարչության պետ*] հեռագրով իրեն հրավիրի, թե մեռանք սպասելով, ախր եկ, է՛, աչքներս ջուր կտրեց, էլ չենք կարող համբերել:

Սկսվում է ավտորսկի [*հեղինակային*] համերգի նախապատրաստական աշխատանքը: Սավելիչը իր մոտ է հրավիրում Մուզֆոնդի

նախագահին, մեր Սոյուզի [*Միության*] պատասխանատու քարտուղարին. պետք էր խոր [*երգչախումբ*] պատրաստել: Սրան Ուսուցիչների տան խորը փոքր է թվում: Սավելիչը խոստանում է դրսի ուժերով ուժեղացնել խորը. օպերայից մի 20 հոգի են հրավիրում: Հրավիրված խորիստների վարձը փորձերի և ելույթի համար կազմում է 8000 ռուբլի: Բայց երբ ժողովը վերջանում է, Սավելիչը, Մազմանյանին [*Մարտին, կոմպոզիտոր, խմբավար, ՀԿՄ Վարչության նախագահի տեղակալ*] մի կողմ քաշելով, հարցնում է, թե էս 8000-ը ո՞վ պիտի վճարի: Ուզում էր գցել Մուզֆոնդի գլխին, էստեղ զսպված երկուսը վիճում են, բայց կամաց, որ Սարդարյանը չիմանա: Մոտ մի ամիս պատրաստության մեջ էին: Համերգին մասնակցելու համար հրավիրել են մի շարք սոլիստներ՝ Շարա Տալյան, Թուշիկ Խաչատրյան, Արմենակ Տեր-Աբրահամյան, իր [*Սարդարյանի*] կինը, ինչ-որ մի աղջիկ, որը արտաքինով նման է դժոխքի ճանապարհից վերադարձած[*ի*], թալանված և, ի վերջո, պրակատային [*վարձած*] շորերի մեջ մի կերպ փաթաթված, ձայնն էլ քոնից մի քիչ լավ: Մասնակցում էր նաև Մերանգուլյանի Արևելյան անսամբլը Օֆիկ Համբարձումյանի հետ (երգեց «Զգեցիր զիս քո դուռ»):

Մոռացա ասել, որ համերգի բացման խոսք էր պատրաստել Սամսոն Գասպարիչը [*Գասպարյան, երաժշտագետ*], որը խնամքով կարդաց: Սամսոնն ասում է, որ բեմ դուրս գալուց երկու րոպե առաջ Սարդարյանը մոտեցավ և ասաց, թե քո խոսքի մեջ հիշիր և իմ կնոջ անունը, որը 35 տարի ինձ հետ կենակցել է և օժանդակել իմ ստեղծագործական աշխատանքներին: Սամսոնը թե՝ էդ մեկը չի լինի. քո կնոջ մասին կխոսեմ իր հոբելյանի առթիվ: Տեր-Ղևոնդյանը [*Մուշավան, կոմպոզիտոր*] էս մասլահաթը որ լսեց, վրա բերեց՝ էդ որտեղից նա 35 տարվա կին դարձավ, դրա կինը [*19*]22 թվին ինձ մոտ որ սովորում էր Թիֆլիսի կոնսերվատորիայում, դեռ օրիորդ էր:

Չգիտեմ խորի 8000 ռ. ծախսը ով ում վզով կապեց (խոսքը վերաբերում է ֆիլհարմոնիային և Մուզֆոնդին), բայց Սարդարյանը իր գործը տեսել էր. էս մի ամսվա ընթացքում ժողովրդական ինքնագործության միջոցով ստեկլոգրաֆով տպել է տվել մի ինչ-որ ռոմանս, իսկ «Պիոներ կանչ»-ի վերջին համարում՝ իր նկարը, կենսագրությունը՝ 1000000-ից ավելի ունկնդիրներով և նոտագրված մի ինչ-որ մանկական երգով:

Երբ համերգի օրը մտա դահլիճ, բոլոր աթոռների վրա դարսած էր մեկ-մեկ օրինակ ծրագիր, ստեկլոգրաֆով տպած ռոմանսը և «Պիոներ կանչ»-ի վերջին համարը:

Ռեդակցիայից [*խմբագրություն*] չորս մարդ էր հրավիրել: Ամբողջ ծրագիրը անտաղանդության մարմնացում էր: Համերգ էր բերել նաև խեղճ Ավետիք Իսահակյանին, որը նստած տեղը տաք ու հով էր անում: Համերգին ի պաշտոնե ներկա էր նաև Զավեն Ղևոնդիչը [*Վարդանյան, Արվեստի վարչության պետ*]: Շատ անլազաթ [*փհաճ*] երգչուհի է իր [*Սարդարյանի*] կինը՝ ջարդված պառավական ձայն: Բերանը որ բացվում է, տեսնում ես մեջը լեզվի մի աժդահա կտոր՝ տարօրինակ թեք ընկած: Հոգուս մեղք է, բայց երգելիս ինձ հիշեցնում

էր մի ազնիվ կենդանու, որ գիշեր ժամանակ լուսին տեսնելիս գլուխը վեր բարձրացրած բարձրաձայն բողոքում է նրա գոյության դեմ:

Համերգը վերջացավ երգեցիկ խմբի կատարումով՝ ղեկավարությամբ արվեստի վաստակավոր գործիչ Մարտին Մազմանյանի: Մարտին Մազմանյանը այդ առթիվ առաջին անգամ հագել էր իր նոր կոստյումը, որը կարել է արտասահմանից նոր եկած հայտնի հայ վարպետը (էս մասին, իհարկե, ծրագրում հիշված չէր), բայց Սարդարյանը կոնդրաբանդ ձևով աֆիշայում [*հայտագիր*] գրել էր՝ ավտորսկի [*հեղինակային*] համերգ իր կոմպոզիտորական գործունեության 35 ամյակի առթիվ:

"Коммунист"-ը [«*Կոմունիստ*»] ռեցենզիա [*գրախոսական*] տպեց, որ համերգը անցավ с большим успехом [*մեծ հաջողությամբ*]: Սրան Սարդարյան կասեն. կազմակերպչական մեծ շնորհքի տեր է:

Բարևիր տղաներին, համբուրիր Ադամին:

Համբույրներով՝ քո ***Դյադյա Միշա***

1947 год

(перевод Л. Епремян)

Эдик джан!

Пишу очередное, второе письмо из серии

"События – люди" */о Ерванде Сардаряне – Л. Е./*

...Но если б он был еще и творчески одарен, заставил бы говорить о себе веками. Спору нет, он ловкач или, как говорится, делец, наделенный районным дипломатизмом. Взялся за дело с самых верхов, когда Григорий Артемич /*Арутюнян, Первый секретарь ЦК КПА*/ был в Москве. Отрекомендовался как известный в московских кругах композитор, который, имея миллионную слушательскую аудиторию, дал несколько сот концертов по всей стране. Григорий Артемич решил, что перед ним гигант, и обещал организовать концерт в Ереване. С этим устным мандатом в кармане Сардарян приезжает в Ереван, причем обставляет свой приезд таким образом, что добивается от Савельича /*Григорий Домбаев, директор Армфилармонии*/ именной пригласительной телеграммы: мол, приезжай поскорей, ах, сил нет больше ждать, умираем от нетерпения.

Начинается подготовка к авторскому концерту. Савельич вызывает председателя Музфонда, Ответсекретаря нашего Союза – надо было подготовить хоровой коллектив. Хор Дома учителя ему кажется слишком мал. Савельич обещает усилить его силами, пригласив из Оперного театра дополнительно человек 20. "Усиление" это оценивается в 8000 рублей. Но по окончании собрания, отозвав Мазманяна /*Мартын, композитор, хормейстер, зампред Правления СКА*/ в сторону, Савельич интересуется, кто же заплатит эти 8000 руб. Хочет свалить на Музфонд, тут у них завязывается спор – но говорят тихо, чтоб Сардарян не услышал. Около месяца продолжаются репетиции. В качестве солистов приглашены Шара Тальян, Тушик Хачатрян, Арменак Тер-Абрамян, его /*Сардаряна*/ жена, какая-то девица страшнее смерти, будто только что вернувшаяся из ада, в пути обобранная до нитки, в конце концов завернутая в лоскутья из проката, а голос чуть лучше твоего. Участвовал также Восточный ансамбль Мерангуляна с Офик Амбарцумян (пела "Цгецир зис ко дур").

Забыл отметить, что Самсон Гаспарыч /*Гаспарян, музыковед*/ подготовил и аккуратно прочел вступительное слово. Самсон говорит, что за пару минут до выхода подошел Сардарян и попросил подчеркнуть заслуги его жены, которая уже 35 лет живет с ним и способствует его композиторскому росту. Самсон ему, мол, не надейся, о ней поговорим на ее юбилее. Тер-Гевондян /*Анушаван, композитор*/ встревает в спор: "Откуда 35? Его жена в 1922 году училась у меня в Тифлисской консерватории и замужем тогда не была".

Не знаю, на чью шею повесили те 8000 руб.(Филармонии или Музфонда), но Сардарян свое дело устроил. За этот месяц он силами местной самодеятельности отпечатал стеклографом один романс, а последний номер "Пионер канч"-а опубликовал его портрет, биографию, где фигурировало "более миллиона слушателей" и текст какой-то детской песни.

Когда в день концерта я вошел в зал, на всех стульях было сложено по одному экземпляру программки, отпечатанного стеклографом романса и последнего номера "Пионер канч"-а.

Из редакции было приглашено четверо журналистов. Весь концерт был воплощением бездарности. На концерт он привел и Аветика Исаакяна, который, скучая, обмахивался. По роду службы присутствовал и Завен Гевондович /*Вартанян, начальник Управления по делам искусств*/. Ну очень неприятная певица его /*Сардаряна*/ жена – со старческим надломленным голосом. Как откроет рот, виден как-то странно искривленный огромный обрубок языка. Грешу, но во время пения она мне напоминала некое благородное животное, которое ночью, завидев луну, закидывает голову и громко протестует против ее существования.

Концерт завершился выступлением хорового коллектива под руководством Заслуженного деятеля искусств Мартына Мазманяна. Мартын Мазманян ради такого случая был в новом костюме, сшитом недавно прибывшим из-за границы известным портным-репатриантом (об этом, конечно, в программке ничего не сказано), но Сардарян контрабандно в афише написал: авторский концерт в честь 35-летия композиторской деятельности.

Газета "Коммунист" напечатала рецензию о том, что концерт прошел "с большим успехом". Имя этому крупному организаторскому таланту – Сардарян.

Привет мальчикам, поцелуй Адама.

Целую Твой ***Дядя Миша***

30.08.1949, Երևան
Սիրելի՛ Էդիկ,

<...>

Քեզ նախորդ նամակում ասել էին Միությանը նամակ գրես և պաշտոնապես տեղյակ պահես աշխատանքիդ ընթացքի մասին: Մինչև հիմա չես գրել և ավելորդ խոսակցությունների առիթ ես տալիս: Վերջերս պատահեցի Սարմենին [*պոետ, «Հայաստան» կանտատի տեքստի հեղինակ*], պատմեցի կանտատիդ չորրորդ մասի տարակուսանքիդ մասին: Սարմենն ասաց. «Թող գրի, ես այստեղ նրա երաժշտության համապատասխան կշարադրեմ»:

Նախանձը երիտասարդների վերաբերմամբ այստեղ մեծ է. ամեն կերպ աշխատում են ձեր առաջընթացը քողարկել և մահանաներ են փնտրում ձեզ անպարտաճանաչ ներկայացնելու: Երբ ես Սաթյանին [*Աշոտ, կոմպոզիտոր, ԿՄ նախագահ*] ասացի. «Փող ուղարկեք, թող գործերը այստեղ արտագրել տան», նա խնդիր էր դնում նախ приемсмотр-ի [*ստուգատեսի*], իսկ հին աղվես պատրիարխը [*Անուշավան Տեր-Ղևոնդյան*], որ ներկա էր խոսակցությանը, վրա բերեց. «Մոսկվան մեզանից պահանջում է ինքնուրույն գործեր ներկայացնել»: Սա намек է [*ակնարկ*], թե տղաները самостоятельно [*ինքնուրույն*] չեն աշխատում: Ես ասացի. «Ճիշտ է, Լիտինսկին օր ու գիշեր չէր քնում, որ Կոտիկը 100000 ռ. փող ստանա»: Մի խոսքով, չկամ են:

<...>

Համբույրներով՝ *Միշա Դյադյա*

30.08.1949, Ереван
(перевод Л. Епремян)
Дорогой Эдик!

<...> В предыдущем письме тебя просили направить в Союз официальное уведомительное письмо о текущей работе. До сих пор ты не откликнулся, чем дал повод для лишних разговоров. Я недавно встретил Сармена /*поэт, автор текста кантаты "Армения"*/, рассказал о сомнениях по поводу IV части твоей кантаты. Сармен сказал: "Пусть пишет, я здесь подгоню текст под его музыку".

Зависть к молодежи здесь велика: любым способом хотят принизить ваши достижения и ищут любую зацепку, чтоб представить вас безответственными. Когда я сказал Сатяну /*Ашот, композитор, председатель СК*/: "Вышлите им деньги, пусть перепишут там свои произведения", он поставил условие предварительного "приемасмотра", а старый патриарх – хитрющий лис /*Анушаван Тер-Гевондян, композитор*/, присутствующий при разговоре, ввернул: "Москва требует от нас самостоятельных сочинений". Это был намек, что ребята самостоятельно не работают. Я сказал: "Правильно, Литинский дни и ночи не спал, чтоб Котик получил 100 000 рублей". Словом, обстановка недоброжелательная. <...>

Целую ***Дядя Миша.***

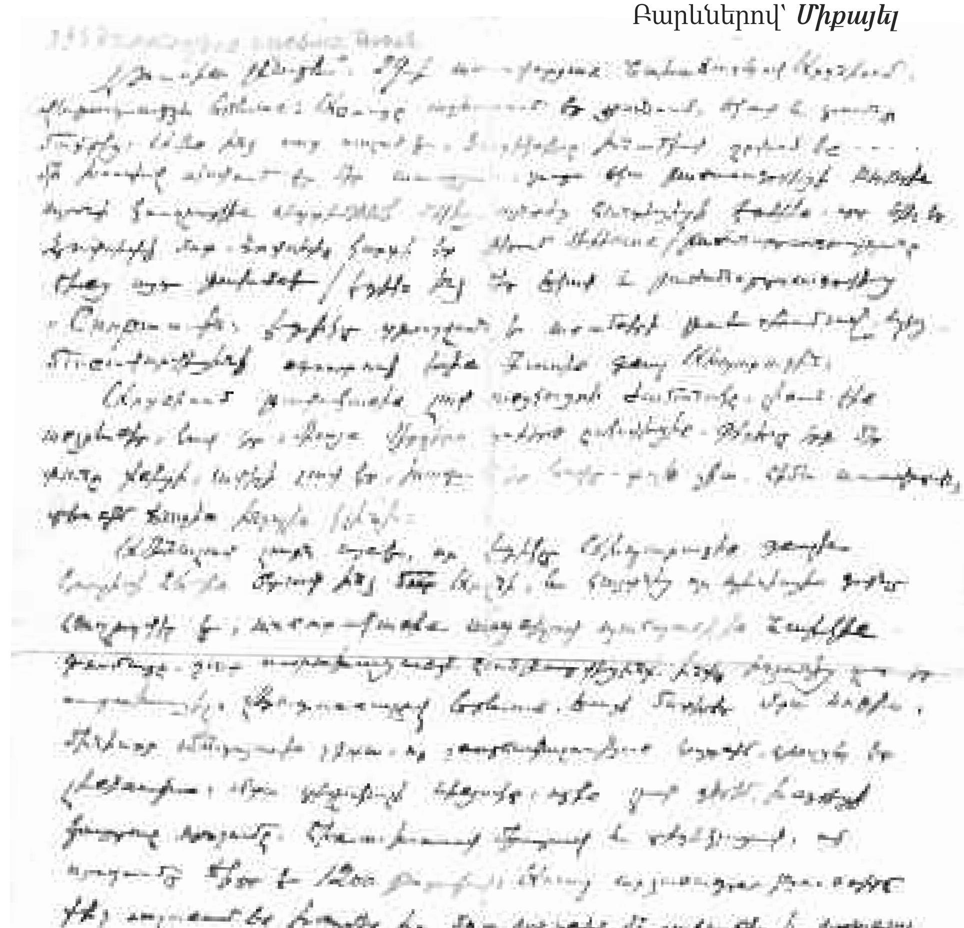
30.07.1958, Երևան
Լյուսյա՛, բարև՛,

29-ի առավոտյան նախաճաշելով Արզնիում՝ վերադարձա Երևան: Անուշը [*հավաքարար*] աշխատում էր ցածում, եկավ և տունը մաքրեց: Ամեն ինչ սաղ սալամ է [*իր տեղում է*], ծաղիկները խնամքով ջրվում են... Մի խոսքով, սկսվում է մեր առօրյան: Դուրս եկա բաժանորդագրվեցի թերթերին, որոնք կուղարկվեն սեպտեմբերի մեկից, այստեղ հանդիպեցի Էդիկին, որը <...> բաժանորդագրվեց «Спорт»-ին [«*Սպորտ*»]: <...> Պայմանավորվեցինք օգոստոսի մեկին միասին գնալ Ախպարաշեն:

<...>

Ամենալավ լուրն այն է, որ Էդիկը Ախպարաշեն գնալիս հուլիսի 26-ին մտավ ինձ մոտ Արզնի և հայտնեց, որ պենսիայի [*թոշակ*] գործը հաջողվել է. անհատականին անցնելով՝ պահպանել են նախկին գումարը: Շատ ուրախացանք, համբուրվեցինք. ինքը ինձանից շատ էր ուրախացել: Վերադառնալով Երևան, <...> մտա Սոբես [*Սոցապ*], մինիստր Մաղոյանին չգտա, որ շնորհակալություն հայտնեմ. գնացել էր Լենինական: Մտա տեղակալի սենյակը, որին լավ գիտեմ, խնդրեցի կարդալ որոշումը: Հեռախոսով միացավ և տեղեկացավ, որ որոշումը ճիշտ է՝ 1200 թոշակով: Ասաց՝ արձանագրությունները քիչ ուշանում են, խնդրեց իր մոտ անցնեմ մի շաբաթից և ստանամ անհատական գրքույկը՝ ասելով, որ ազատ կարող եմ աշխատել 3000 ռուբլու սահմաններում: Էս մի խնդիրն էլ լուծվեց: <...>

Բարևներով՝ *Միքայել*



30.07.1958, Ереван
(перевод Л. Епремян)
Здравствуй, Люся,

29-го утром, позавтракав в Арзни, я вернулся в Ереван. Ануш /*горничная*/ работала внизу, поднялась и прибрала в доме. Все в целости-сохранности, каждый день цветы аккуратно поливаются... Словом, начинаются наши будни. Я вышел на почту, подписался на газеты, которые начнем получать с 1 сентября, и там встретил Эдика, <...> который подписался на “Спорт”. <...> Мы договорились вместе поехать в Ахпарашен.

Самая радостная новость заключается в том, что по дороге в Ахпарашен 26 июля Эдик заехал ко мне в Арзни и сообщил, что вопрос моей пенсии решился: перевели на персональную с сохранением прежней суммы. Мы оба были очень рады, поцеловались, Эдик радовался больше меня. Вернувшись в Ереван, <...> я зашел в Собес, чтобы поблагодарить министра Мадояна, но его на месте не оказалось, – выехал в Ленинакан. Зашел к его заместителю, которого хорошо знаю, и попросил прочесть приказ. Он связался по телефону и выяснил, что все верно: назначена сумма в 1200 рублей. Сказал, что протоколы поступят немного позже, просил зайти через неделю и получить книжечку персонального пенсионера, добавив, что вполне имею право работать в пределах 3000 рублей. Наконец, и эта проблема разрешилась. <...>

Приветствую ***Микаэл***

Мирзоян Эдвард

17.04.1946, Москва
(К. С. Сараджеву)[157]
Здравствуйте, дорогой и любимый Константин Соломонович!

Совершенно не стараясь оправдываться, прежде всего приношу свои извинения за то, что Ваш ученик, Эдик, так опоздал и не дал о себе знать в течение довольно долгого времени.

Дорогой Константин Соломонович! Вы уже знаете о положении наших дел и, знаю, принципиально против всего этого.

В данный момент положение вещей следующее: если мы поступим в консерваторию, то мы, во-первых, лишимся общего руководства и опеки Арама Ильича, и во-вторых, те, можно сказать, роскошные условия, в которых мы сейчас находимся, для нас перестанут существовать. А вообще говоря, от старой мысли мы не отказываемся. Сам Арам Ильич говорил, что, возможно, в консерватории будет лучше. Постольку-поскольку до конца учебного года осталось очень немного времени, то пока мы будем ждать. Уроки у Г. И. Литинского проходят довольно успешно, и он на нас оставил очень хорошее впечатление. Очень требовательный, энергичный и совершенно не “консервативный”.

За /*время*/ наше/*го*/ пребывания в Москве успели услышать “Поэму экстаза” Скрябина. Это произведение, которое заставляет призадуматься над тем, что в музыке могут быть вещи, которые как бы выходят из понятия “музыка”. Нам всем сразу захотелось еще и еще раз послушать это великолепное, чудодейственное произведение, грандиозное по масштабам. Мы все преклоняемся перед гением великого русского композитора Скрябина.

Дорогой Константин Соломонович! Сейчас мы работаем, в основном, по полифонии, а с завтрашнего дня с нами приступит к занятиям Цуккерман /*Виктор*/, который, говорят, очень подготовленный музыкант. Он должен с нами проходить анализ и прослушивание музыкальной литературы и вообще будет /*развивать*/ наши общие знания по искусству.

Сейчас все мы идем провожать мою маму.

Сердечно кланяйтесь Зое Борисовне /*жена*/ и поцелуйте чудненькую Наташечку. Горячие приветы и пожелания большого здоровья от Котика, Адика и Арно.

Целую Вас крепко

Ваш ученик ***Эдик***

[157] Архив Музея литературы и искусства имени Чаренца, Фонд Сараджева N268.

29.08.1946, Москва

Дорогой Константин Соломонович!

По приезде в Москву я приступил к работе над кантатой, эскизы к которой Вам показывал в Ереване. Здесь я написал все пять частей, которые в основном и композиционном отношении оставляли цельное впечатление. Однако, спустя некоторое время, ряд товарищей советовали мне пересмотреть IV часть, где речь шла о репатриантах. Они справедливо находили, что тема эта устарела и даже до некоторой степени выпадает из общего построения кантаты. Я решил IV часть заменить совершенно другой частью по характеру и построению. Ввиду этого, пришлось пересмотреть II часть, которая получалась похожей по типу на IV часть. В конечном итоге, пришлось написать две совершенно новые части, что я и сделал. Сейчас я закончил всю кантату в клавире и приступил к оркестровке. Придавая очень большое значение и чувствуя огромную ответственность, эту работу я решил любой ценой закончить в партитуре именно в Москве и потому обращаюсь с большой просьбой к Вам разрешить мне остаться здесь в течение сентября.

Мне думается, что, приехав в Ереван в конце сентября, смогу быстро наверстать упущенное и хорошей работой добиться успехов.

Вам сердечно кланяются Котик и Арно. Они также работают усиленно и думают в конце сентября быть в Ереване.

Кланяйтесь от всех нас милой Зое Борисовне. Целую Вас крепко

Ваш ученик ***Эдик***

17.10.1949, Москва

Дорогой Константин Соломонович!

Создавшаяся ситуация поставила меня в такое глупое положение, что мне трудно поделиться с Вами о моих переживаниях.

С одной стороны, чувствую себя беспредельно виноватым перед Вами как перед директором консерватории, где мне доверили вести такой ответственный класс, каким является класс композиции, и с другой стороны, хочется поделиться той радостью, которая охватила всех нас после прослушивания наших произведений в Союзе композиторов.

Очень надеюсь, поверите моей искренности, если скажу, что интересы моей творческой работы не разделяю от интересов работы в консерватории. Я очень полюбил эту работу и за прошедший год постарался вложить всю свою энергию для того, чтобы оправдать Ваше большое доверие. И сейчас мне больно сознавать, что оказываюсь в роли безответственного человека, проваливающего столь серьезное дело. Об этом не забываю ни на один день, и это меня мучает.

В дни, когда я, закончив работу, собирался вылететь в Ереван, неожиданно позвонили из Союза композиторов и попросили Котика, Арно и меня сыграть наши новые сочинения для секретариата. 15 октября состоялось прослушивание. Председательствовал Т. Хренников. Мы по очереди сыграли и стали ждать суда. Все выступавшие высоко оценили новые произведения молодых армянских композиторов. В заключение выступил Хренников и сказал, что секретариат выдвигает все прослушанные произведения на Всесоюзный пленум, который состоится в конце ноября, и предложил немедленно приступить к подготовке исполнения. После прослушивания я подошел к Хренникову и сказал о необходимости моего срочного отъезда в Ереван. Хренников считает, что мне надо следить вначале за переводом текста, далее следить за перепиской и, наконец, присутствовать на репетициях, которые начнутся не позже, чем в начале ноября. При таком положении вещей мне остается или бросить все и приехать в Ереван или просить Вас (что мне очень трудно) учесть все это и разрешить остаться до пленума. Очень обидно, что так получается, но другого выхода не вижу.

Если Вы сочтете возможным разрешить мне остаться до пленума, я по приезде в Ереван вложу все свои силы, чтобы наверстать упущенное и оправдать Ваше доверие. От оргкомитета Союза композиторов Вы получите официальное ходатайство о разрешении моего пребывания в Москве до пленума.

Уверен, что, возмущаясь как директор моей безответственностью, Вы не можете одновременно не радоваться успеху Ваших учеников.

Вам сердечно кланяются Котик и Арно.

Кланяюсь Зое Борисовне, целую Вас крепко, извиняюсь

Ваш ***Эдик***

10.04.1989

Первому секретарю ЦККП Армении тов. Арутюняну С. Г.

Глубокоуважаемый Сурен Гургенович!

23 марта 1987 года письмом за N 03 Правление Союза композиторов Армении обратилось в Ергорсовет о выделении помещения для создания магазина-салона по продаже музыкальных пластинок и нот, а также мастерской по ремонту и прокату электронно-музыкальных инструментов.

Ергорсоветом было выделено подвальное помещение по адресу ул. Калинина, 9, но, несмотря на Постановление Ергорсовета, это помещение нам не передано, районные руководители мотивируют непередачу тем, что окружающее население против организации вышеуказанных мастерских при Армотделении Музфонда СССР.

Письмами за N 03 от 23 и 29 сентября 1988 года и 21 и 27 декабря 1988 года, адресованными председателю Ергорсовета тов.

Авакяну Э. П., просили рассмотреть вопрос о передаче с баланса на баланс аварийных зданий по адресам: ул. Чехова, 24, Араратяна, 4 и 6, также после неоднократных обращений в Горсовет по закреплению за нами периодически выделяемых и отнимаемых помещений и участков. По сегодняшний день мы не получили не только прав, но и вразумительного ответа.

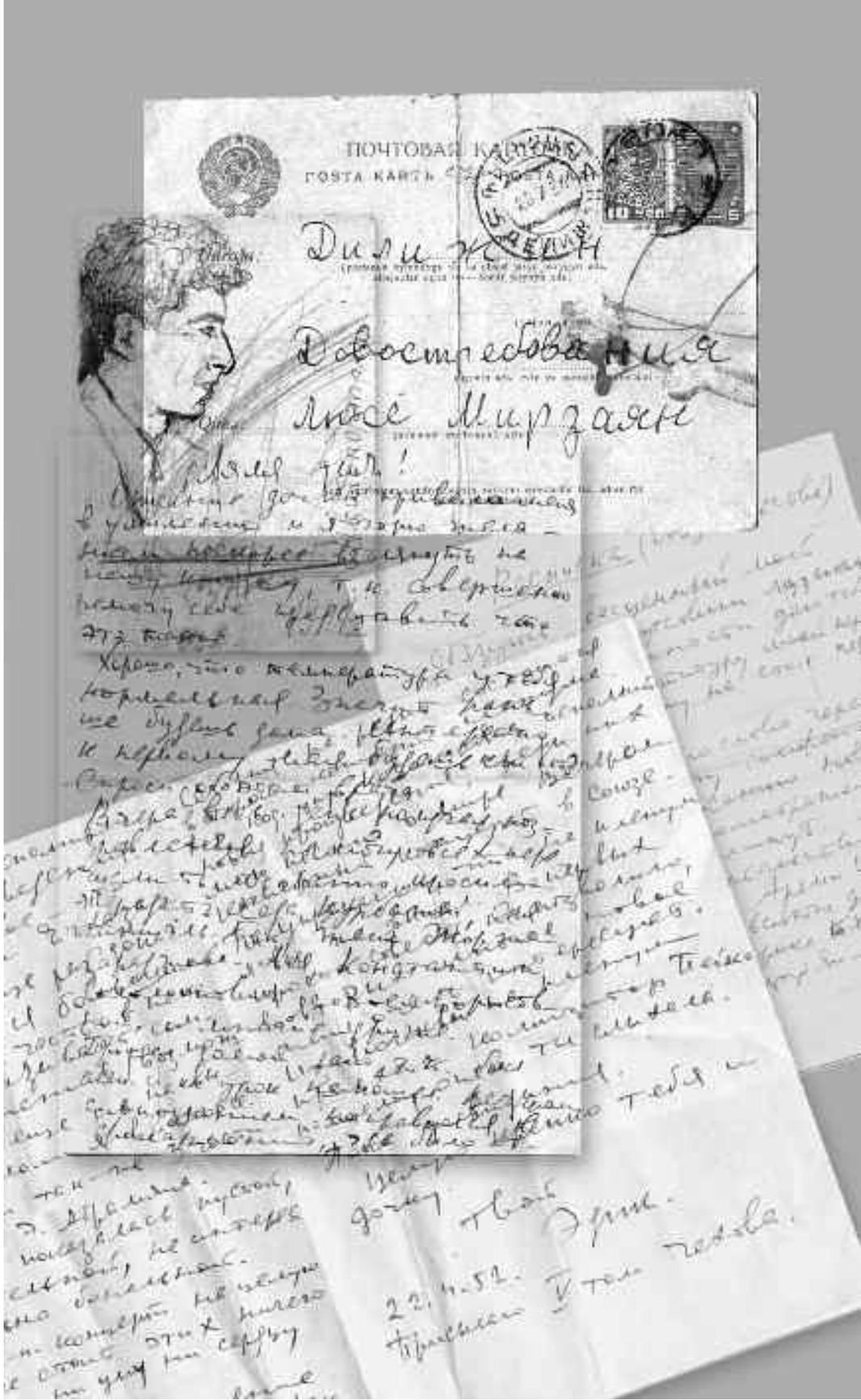
Затягивание решения вопроса о базовом помещении отрицательно сказывается на деятельности Музфонда не только внутри республики, но и на взаимоотношениях с организациями и фирмами, сотрудничество с которыми положительно скажется и на нашей экономике. Есть договоренность создать совместное предприятие с чехословацкой фирмой "Петроф" (копия протокола прилагается), которая даст 2000 первоклассных пианино в год, сборка которых будет производиться в городе Ереване. Помимо вновь организуемых цехов и видов деятельности, в настоящее время функционируют единственный в СССР цех по производству смычковой канифоли, цеха по ремонту и настройке клавишных инструментов, бюро по переписке нот, находящиеся под угрозой закрытия из-за несоответствия помещений для производственных нужд.

Учитывая экологическую чистоту вышеупомянутых и других цехов, считаем нужным выделить земельный участок для строительства за счет Музфонда СССР при Армянском отделении Музфонда СССР комплекса производственного комбината в черте города.

Вот так выполняются Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1987 года "Об улучшении условий деятельности творческих союзов" и Постановление ЦККП и Совета Министров Арм. ССР за N 309 от 21 апреля 1987 года.

Просим Вашего незамедлительного вмешательства в решение вопроса, который будет способствовать дальнейшему развитию музыкального искусства Армении, так как все доходы Музфонда СССР используются для оказания материально-бытовой помощи композиторам, музыковедам, их семьям, для содержания Домов творчества, улучшения творческой и концертной жизни, пропаганды достижений нашей музыки, творческих командировок, культурных связей и на другие благородные цели.

Председатель Правления Союза композиторов Армении
Мирзоян Э. М.



Фрагменты писем
Э. Мирзояна
и автопортрет
композитора, 1947

Никогосян Николай (скульптор)

19.10.1981, Մոսկվա
Իմ սիրելի Էդիկ,

Երբեմն մարդը, աչքերը խավար, ոչ ոքի չի տեսնում, ավելի շուտ՝ չի ուզում տեսնել, զբաղված է միմիայն իր գործերով (ժամանակն է դաժան)։ Նույնիսկ ընկերը փնտրում է իր ուղին տենչանքով, մենակ, անօգնական իր ամբողջ կյանքում։ Այդ դժվար ժամանակ ազնիվ ընկերոջ թեկուզ մի բարի խոսքը, թեկուզ մի խորհուրդը ժամանակին հաղորդելը դժվարությունը թեթևացնում է, և զգում ես՝ բարեկամդ մեջքիդ պինդ կանգնած է։

Два слабых деревца, которые, опираясь друг на друга, защищаются от бури [*երկու թույլ փնակիներ, ապավինելով միմյանց, պաշտպանվում են փոթորկից*]։ Այդպես էլ թվաց, երբ որ Դիլիջանից քո քաղցր ձայնդ սրտիս հասավ։

Այսօր վերադարձանք Կառլովի Վարից՝ բարի կնոջս հետ։ Այնտեղ ես իմացա, կոմպոզիտոր Արամ Սաթյանի միջոցով, որ քեզ տվել են ՍՍՀՄ Ժողովրդական արտիստի կոչում։ Չես պատկերացնի, իմ հարազատ ընկեր, ինչքան ուրախացա, որ այս գիշեր գրեցի, ավելի շուտ՝ գրում եմ և ուզում եմ հաղորդել իմ ամբողջ ընտանիքի կողմից։ Քո 60 ամյակը շնորհավորում ենք։

Ուզում եմ հայտնել. վերջնական լրիվ վերջացրեցի 18 մետրանոց Եղիշե Չարենցի հուշարձանը, մնաց բրոնզի ձուլումը, այն էլ երբ ձուլեն, հեյվախ, պիտի մեռնեմ, բայց ձուլված չտեսնեմ։

Ես վերջացրեցի երկու վարիանտից [*տարբերակ*] Շոստակովիչի կոմպոզիցիան։ Կիսանդրիներից մեկը ձուլվեց բրոնզից և գովասանքով ցուցադրվեց, իսկ մյուսը դեռ գիպս է։

Դու գիտես, ես թափառական ստեղծագործող եմ. ինչքա՜ն, ինչքա՜ն գործեր եմ դրել օտար հողերում։ Ես արդեն մեծացել եմ, իմ միակ ցանկությունն է՝ թող գործերս մնան մեր ժեռ քարերի մեջ, փշերի վրա, քան թե Լեհաստանի հրապարակում։

Դու մի անգամ շատ լավ միտք առաջարկեցիր. Դիլիջանում մոստի [*կամուրջի*] մոտ կամ առաջ դրվեն Շոստակովիչի և Խաչատրյանի հուշարձանները։ Մի՛ հրաժարվիր այդ գեղեցիկ մտքիցդ։

Շատ եմ ափսոսում. երևանյան կոմիսիան [*հանձնաժողով*] չհասկացավ այն նոր կոմպոզիցիան, որով ես մասնակցել էի Ա. Խաչատրյանի կոնկուրսին [*մրցույթին*]։ Դու, որպես լավ արվեստագետ, [*գիտես*], թե ինչքան դժվար է գալիս օրիգինալ նոր միտքը։

Էդի՛կ ջան,

Առաջին անգամ Հայաստանը ինձ ներկայացրել է հայկական պետական պրեմիայի [*մրցանակի*]՝ իմ վերջին գործով՝ զոհվածների հուշարձանը իմ ծննդավայրում։ Ես այդ գործի համար Մոսկվայից ստացա I պրեմիա՝ տարվա ամենալավ գործը Սոյուզում [*Սովետական Միությունում*]։

Հիմա քեզ խնդրում եմ. որպես արվեստագետ՝ եղիր ազնիվ այդ

հարցում։ Եթե գտնում ես՝ եղածների մեջ իմը թույլ է, մի քաշվիր. կարող ես տապալել, հարկավոր չէ պաշտպանել, իսկ եթե ոչ. անգին գործ է, կխնդրեի ժյուրիի անդամները՝ ընկերներդ, չլինեն պասիվ, նույնիսկ ատամներով պատշպանեին։

Երևի իմ անկապ մտքերով և անգրագետ բառերով ձանձրացրեցի քեզ, ջա՛նս։

Իմ բարի, սրտիս ընկեր...

Նիկոլայ Նիկողոսյան

05.1981, Москва
(перевод Л. Епремян)
Дорогой мой Эдик!

Иногда пелена застилает человеку глаза, и он ничего не замечает, скорее, не хочет замечать, занятый исключительно своими делами (время сейчас такое жестокое). Не замечает даже друга – покинутого, беспомощного, который всю жизнь в одиночку прокладывает себе путь. В тяжелую минуту искреннее слово друга, вовремя данный совет облегчают тяжелую ношу и чувствуешь – за тобой крепкая спина, опираясь на эту добрую силу, ты твердо стоишь на ногах. Два слабых деревца, которые, опираясь друг на друга, защищаются от бури. Так мне показалось, когда однажды твой родной голос из Дилижана достиг моего сердца.

Сегодня мы с моей доброй женой вернулись из Карловых Вар. Там от композитора Арама Сатяна я узнал, что тебе присвоили звание Народного артиста СССР. Не представляешь, дорогой мой друг, как я обрадовался. До того, что сразу же ночью сел писать тебе письмо и хочу передать от всей нашей семьи поздравления к твоему 60-летию.

Хочу сообщить, что окончательно завершил работу над 18-метровым памятником Е. Чаренцу. Остается отлить его в бронзе, но когда это еще будет, эй-вах, не доживу, наверное, до этого дня.

В двух вариантах закончил композицию Шостаковича, один из бюстов отлит в бронзе и на выставке удостоился похвал, а второй пока в гипсе.

Ты же знаешь, я художник-скиталец, как же много скульптур я поставил на чужой земле. Мне уже немало лет, и единственное мое желание – лучше пусть мои работы будут установлены на наших камнях, даже на наших колючках, чем на роскошных польских площадях.

Однажды ты высказал очень хорошую мысль: поставить у моста или перед входом в ДК в Дилижане памятники Шостаковичу и Хачатуряну. Не отказывайся от этой прекрасной мысли.

Очень обидно, что ереванская комиссия не поняла моей новой идеи, представленной на конкурсе памятника Хачатуряну. Тебе как творческому человеку известно, как нелегко приходит оригинальное решение.

Эдик джан, впервые Армения представила меня к Государственной премии с моей последней работой – мемориалом погибшим /*в Великой Отечественной войне*/, установленным на моей родине. За эту композицию в Москве я получил первую премию, как за лучшую работу года в СССР. Теперь по этому поводу прошу тебя, как человек творческий, будь честен в этом вопросе. Если посчитаешь, что среди представленных работ моя слабее, не стесняйся, смело можешь ее раскритиковать, не надо искусственно поддерживать, но если находишь ее бесценной, я просил бы твоих друзей-членов жюри не быть пассивными в этом вопросе, отстаивать ее зубами.

Наверное, своими бессвязными мыслями и нескладным, безграмотным слогом утомил тебя, джанс. Мой добрый друг, друг моего сердца...

Николай Никогосян

Панкин Борис *(председатель Правления ВААП)*

– *В* 1977 году в составе делегации ВААПа */Всесоюзное агентство авторских прав/* **из шести человек на международном конгрессе по авторским правам в Гамбурге я представлял музыку, а Панкин, руководитель делегации – литературу (он какое-то время был редактором “Комсомольской правды”, был также замминистра иностранных дел). Для ВААПа, где ко мне всегда хорошо относились, моя популярность была полной неожиданностью. Ко мне на Западе проявили такое уважение, что я, не зная языка, участвовал в переговорах по присоединению СССР к международной конвенции по авторским правам. Решалось, где провести следующую встречу. На очереди были Словакия (как наиболее вероятный вариант), у нашей делегации было желание сделать так, чтоб это состоялось в Советском Союзе. Председательствующий на переговорах австриец предложил оставить вопрос нерешенным, пусть СССР и Словакия между собой договорятся. “Вы согласны?” – спрашивает он меня, я не понимаю, потом на всякий случай отвечаю “да”. Вдруг с места кто-то сказал: “Познакомившись с Мирзояном, я не сомневаюсь, что этот конгресс пройдет в Советском Союзе и состоится в Армении”. Так и получилось: было решено провести в СССР, а я добился того, чтобы он состоялся в Армении.**

17.07.1978, Москва

Дорогой Эдвард Михайлович!

Хотел бы еще раз от имени Правления ВААП, от себя лично и всех сотрудников ВААП, участвовавших в подготовке и проведении СИАМ /*организация по защите авторских прав*/, выразить удовлетворение и благодарность руководству Союза композиторов Армении за помощь активное участие в организации этого важного международного мероприятия.

Наши зарубежные гости дали высокую оценку организации СИАМ и той атмосфере, в которой проходили и деловая часть, и культурная программа. Большой интерес зарубежные композиторы проявили к армянской культуре и творчеству композиторов Армении. Главным положительным итогом СИАМ является установление тесных творческих контактов между композиторами различных стран.

В заключение хотел бы выразить уверенность, что наше сотрудничество и впредь будет плодотворным.

С уважением и дружескими чувствами

Председатель Правления ВААП ***Б. Д. Панкин***

Пахмутова Александра, Добронравов Николай

28.12.64

Дорогой Эдвард Михайлович!

Дорогие Зара, Ляля и Аршак!

Поздравляем с Новым годом! С новым счастьем! С новыми сочинениями! С новыми радостями! Очень часто в холодной, заснеженной Москве вспоминаем теплую (во всех смыслах) Армению! Вспоминаете ли Вы нас? Очень надеемся на новые встречи не только на дилижанской земле!

С уважением и любовью

Ваши ***А. Пахмутова,***
Н. Добронравов

Прокофьевы:
Лина Любера
(первая жена С. Прокофьева, певица),
Святослав и Надя Прокофьевы
(сын и невестка композитора)

03.12.1962, Москва
Дорогая Ляля,

Вы не можете себе представить, как я Вам благодарна за чудесное одеяло /*из овечьей шерсти*/. Я сплю под ним как в детстве – так уютно!

С удовольствием вспоминаю солнечную Армению и милых ереванцев. Еще раз спасибо за Вашу заботу. Сердечный привет Вам и Вашей милой семье.

Ваша ***Лина Прокофьева***

P. S. Надеюсь, игрушки понравятся Вашим детям.

Л. П.

01.1965год
Дорогой Эдуард Михайлович!

Поздравляем Вас с Новым 1965 годом!

С удовольствием вспоминаем наше пребывание в Дилижане и встречи с Вами и Вашей семьей. Желаем всем вам здоровья, счастья и успехов. Привет Вашей жене и очаровательным детям.

Надя и Святослав Прокофьевы

08.10.1978, Гагры
Дорогой Эдик, (извините, что так называю)

Сердечно поздравляю Вас, Вашу семью и друзей-соотечественников с наступающей знаменательной датой Вашей солнечной, прекрасной столицы /*2760-летие Эребуни-Еревана*/.

Я отдыхаю в Гаграх, где солнце не очень балует – с удовольствием прилетела бы в Ереван на 2-3 дня, но боюсь, что столько будет в городе гостей, что негде остановиться. Если Вы знаете о такой возможности, пришлите мне телеграмму, пожалуйста, – тогда возьму билет. Если же это слишком трудно, не беспокойтесь. Шлю самые лучшие пожелания Вам и Ляле.

Ваша ***Лина Прокофьева***

Сараджевы:
Зоя Борисовна Сараджева (жена)
Тамара, Ада, Кира, Нил (дочери и сын)

05.01.1959, Москва
Здравствуй, дорогой мой Эдик!

Поздравляю Тебя и Твою семью с Новым годом, желаю здоровья, успехов и полного счастья. Мне очень жаль, что я не повидала Тебя перед отъездом. Мне говорили, что Ты собираешься ко мне зайти, но, очевидно, у Тебя не было возможности это сделать. Я со своей стороны очень стремилась побеседовать с Тобой об одном деле, но с Твоим телефоном что-то приключилось, и я неизменно попадала к какому-то постороннему лицу. А побеседовать я хотела о следующем: Георгий Григорьевич Тигранов решил издать свою книгу о Константине Соломоновиче */Сараджеве/* сперва на армянском языке в издательстве Союза композиторов. Книга эта будет более краткой, чем та, которая впоследствии выйдет на русском языке в Москве – тоже в издательстве Союза композиторов. В армянском экземпляре не будет отдела воспоминаний, документов и программ... Словом, речь идет именно об этой книжке: Тигранов просил меня с Тобой поговорить, поскольку этот вопрос, вероятно, касается и Тебя, – подать свой голос за издание, вот и все. Я убеждена, что и без моей просьбы Ты всегда поддержал бы подобное дело. Не правда ли, дорогой Эдик?

На этом кончаю. Ни минуты не забываю о Твоем большом горе */скончался Микаэл Мирзаян/*. Желаю Тебе сил переносить его. Целую тебя. Привет Люсе Богдановне и Ляле.

З. Сараджева

03.10.1962, Ереван
Дорогой Эдик,

Сегодня в “Коммунисте” видела снимок, на котором Ты радостно смотришь на Стравинского. Раньше видела Тебя в “Известиях”. Я очень за Тебя рада, что Ты постоянно общаешься с такой личностью, это во всех отношениях интересно, и я вспомнила, что Ляля даже советовала Тебе записывать высказывания Стравинского!

Дорогой Эдик, хочу поговорить с Тобой о своем деле. Я, конечно, не забыла Твою готовность помочь мне. Я писала Тебе в Ереван, но мое письмо Тебя уже не застало. Теперь в кратких чертах хочу изложить Тебе суть дела, которое касается моей квартиры. Дело в том, что мне очень хочется произвести обмен с Москвой. Первый шаг – разделение счетов (в Москве это называется “жировки”) с Налей */внучка Сараджевых/*. Я предполагаю выделить ей 2 комнаты общей площадью около 27 кв. метров. Инициатива должна исходить от нее: она подает заявление в Жилищное управ-

Большой зал Армфилармонии, 1950-е годы: Эдуард Мирзоян, Жак Дувалян, Анатолий Мкртчян, Арам Григорян

Дилижан, начало 1980-х Чингиз Айтматов и Эдвард Мирзоян

С Владимиром Спиваковым в кабинете ректора ЕГК

С Давидом Азаряном

Елена Мирзоян, Родион Щедрин, Майя Плисецкая на фестивале Р. Щедрина в рамках Международного фестиваля "Ереванские перспективы" Ереван, 12.06.2008

ление Спандарянского райсовета и просит оформить ей счет на 2 занимаемые ею в квартире ее бабушки З./*ои*/Б./*орисовны*/ С./*арадж-жевой*/ комнаты. Я со своей стороны тоже подаю заявление, что не возражаю и прошу выделить мне отдельный счет на другие две комнаты (будет приложен схематичный план). Заявлений этих мы пока не подали, боясь и даже будучи уверены в отказе. Без поддержки такие вещи не проходят. Решать этот вопрос должен "Совет депутатов" райсовета, а там, говорят, заседают весьма недоброжелательные люди. Я пишу Тебе довольно подробно, чтобы Ты заранее мог обдумать, к кому Тебе обратиться в то короткое время, что Ты будешь в Ереване в связи с сессией. Ляля говорит, что во время сессии все наши гранды там бывают, и мне кажется, Ты бы мог завести кулуарный разговор с кем найдешь нужным. Относительно моего желания обменяться говорить не следует. Если помогут в разделе жировок, это уже будет очень много. И Наля спокойна будет за обе комнаты, и у меня будут руки развязаны, и я смогу искать желающих со мной обменяться. Помощник у меня для ведения дела имеется, от Тебя же мне хочется получить самое главное – поддержку сильных мира сего. Прости меня, Эдик, что отрываю у Тебя время. Знаю Твое исключительное к себе отношение, заранее Тебя благодарю и крепко целую

Любящая тебя ***Зоя Борисовна***

03.05.1977, Москва

Глубокоуважаемый, дорогой Эдик!

При последней встрече с Яшей Воскановым /*дирижер*/, он был в Москве в середине апреля, мы с радостью узнали, что в Ереване достаточно реально начинается подготовка к организации 100-летия папы. Знаем, что это делается благодаря Вашим усилиям, что вызывает нашу глубокую признательность. Яша говорил, что ожидается (или ожидалось) Постановление ЦК Армении о праздновании 100-летия. Также он сказал важную, с нашей точки зрения, вещь, что юбилейный комитет будет избран на совместном совещании Министерства культуры и Высшего образования совместно с Союзом композиторов Армении. Думается, что к юбилею, может быть, было бы целесообразно привлечь и руководство Ереванского горсовета, так как именно в Ереване смогла плодотворно развернуться творческая, педагогическая и общественная деятельность К. С. Сараджева.

Мы знаем, что просили Г. Г. Тигранова готовить книгу "К. С. Сараджев" к переизданию. В этой связи хотим сообщить, что несколько дней назад мы послали Георгию Григорьевичу на ереванский адрес достаточно интересный, имеющийся у нас дополнительный материал <...> – письма К. Сараджева к Танееву С. И; переписка с Прокофьевым С. С., Мясковским Н. Я.; копии писем к Сараджеву А. И. Хачатуряна, Д. Д. Шостаковича, Н. Я. Мясковского, В. Я. Ше-

балина, Н. И. Пейко, Б. Э. Хайкина, К. Н. Игумнова, чудесные Ваши четыре письма и письма Котика Арутюняна; также имеется список произведений, которые К. С. Сараджев первым исполнял в качестве дирижера (список этот заканчивается 1933 годом, то есть с периода переезда папы в Ереван).

Все материалы об армянском периоде жизни отца хранятся в Музее литературы и искусства имени Чаренца, и если Георгий Григорьевич заинтересуется, то он может иметь это в виду, а мы ему сообщим дополнительно. Если Вам интересны эти находящиеся у нас документы, мы с удовольствием вышлем. <...>

Нас очень беспокоит своевременность сдачи статей к 100-летию в "Советскую музыку", "Музыкальную жизнь" и др. <...> Также беспокоит своевременность приглашения дирижеров – учеников папы в Армению для участия в юбилейных концертах, о чем говорил Яша.

Если нужна какая-либо помощь с нашей стороны, по всем интересующим вопросам мы охотно все сделаем в меру своих возможностей.

Будьте здоровы!

Уважающие Вас ***Тамара, Ада, Кира, Нил*** <...>
Большой привет Ляле от всех нас!!

Спендиаровы:
Марина (дочь А. А., музыковед),
Леонид (сын А. А., спортсмен).

– *У* Марины Спендиаровой, дочери известного композитора, очень нелегкая судьба, как-будто переданная ей в наследство от отца. Она долгие годы просидела в лагере, в ссылке. Марина давала уроки французского языка дочери Сталина, и как-то, когда она со своей воспитанницей гуляла в саду, девочка промочила ноги. Марина, вернувшись домой, затопила печку. Якобы в доме был угар – ее арестовали.

...В последние годы жизни Марина Александровна жила одна в доме по улице Комитаса, она очень нуждалась. Ляля с Налей */внучка К. Сараджева/***, нередко навещали ее, приносили вкусную, приготовленную специально для нее еду, которую она, живя впроголодь, ела сдержанно, с большим достоинством, скрывая свое состояние.**

Марина всю жизнь посвятила Александру Спендиарову. Она вела дневник, и в итоге "Летопись жизни и творчества" возникла благодаря ее работе на протяжении десятилетий. Музей Спендиарова был открыт благодаря ей, она жила интересами музея. Встречала меня у подъезда в 7.30 утра:"Боялась Вас пропустить", – делилась массой вопросов, каждым из которых я занимался. В какой-то момент у нее возник конфликт с директором музея, Марина добивалась его снятия, я ей в этом не помог – она прозвала меня "врагом номер один".

Эдварду Михайловичу пришлось использовать все свое влияние, чтобы получить разрешение в верхах на принятие Марины в Союз композиторов – "железный" аргумент противников: нет музыковедческого образования. Только личный вердикт Хренникова, поддержавшего Мирзояна и на этот раз, поставил окончательную победную точку в "долгоиграющем" деле, бесконечно путешествующем по комиссиям и инстанциям. Как абсурдно звучит все это с позиций сегодняшнего дня, сколько сил и неуемной энергии Мирзояна было потрачено на то, что должно было решаться самоочевидным образом! Но нет – все требовало сил и времени, такого драгоценного времени. И может быть, долгая активная жизнь подарена Мирзояну свыше в ответ на именно это качество – умение с неизбывной щедростью дарить себя людям.

– Как мне не вспомнить художника Левона Мнацаканяна, который по туристической путевке уехал в Австрию и не вернулся в СССР. Я с ним виделся в Бостоне. Մի խոսք չասեց՝ ոնց են ծնողները. «Ասա, որ ես ըստեղ լավ եմ» (даже не спросил меня, как поживают его родители: "Передай, что у меня все в порядке"): **Позже я получил конверт от Л. Мнацаканяна, в котором был только один документ – свидетельство о том, как в 1904 году для оказания помощи пострадавшим от землетрясения в Муше и Сасуне "композитор Спендиариан" выслал армянской церкви 100 рублей золотом. Документ этот я передал музею Спендиарова.**

12.07.1964, Таганрог
Уважаемый Эдуард Михайлович!

Вам пишет Леонид Спендиаров, который у Вас был в октябре 1963 года в Союзе композиторов, и Вы мне очень помогли тогда в моем тяжелом положении. Только в основном по Вашему письму на имя директора завода, которое он читал во время заседания комиссии по распределению жилплощади, я получил (правда, без удобств) в старом доме водников комнату 14 кв.м. и кухню 6 кв.м., в которой я сейчас живу один. <...> В настоящее время я подал на развод <...>. Жениться здесь больше не хочу, так как можно опять нарваться на такую же. Сестры советуют бросить эту квартиру и ехать в Ереван устраивать жизнь, но мне очень жаль бросать эту квартиру, полученную с таким трудом, и кроме этого, стыдно ехать в Армению армянину, совершенно не зная армянского языка, хоть Армения мне очень понравилась и стала неузнаваема (особенно Ереван) за 36 лет, после того, как я был на похоронах отца. Я побывал в Эчмиадзине, Звартноце и, чтобы увидеть Севан, из Еревана

до Тбилиси поехал на автобусе, а из Тбилиси на поезде в Таганрог благодаря Вашей денежной помощи, за которую я Вас всю жизнь буду благодарить. До этих пор остались у меня самые лучшие впечатления от Армении и, не сочиняя никогда стихов, я сегодня решил написать посвященные Вам стихи <...> в двух вариантах. Напишите, пожалуйста, какой Вам больше нравится.

АРМЕНИИ

(I вариант)
Желанной сердцу стала ты и близкой,
Страна, где предки дальние мои
Когда-то жили на земле Лорийской,
Иль у Раздана пенистой струи...

***
В неравных лютых схватках ты веками
Сынов теряла – был к ним рок жесток.
Впитав их кровь, порозовели камни,
Как памятники, встали вдоль дорог...

***
Набеги орд, пожарищ горький дым –
Был скорбный путь твой бедами означен,
От ран твоих стал Арарат седым,
И стал Севан от слез твоих прозрачен.

***
А ныне герб твой славный увенчала
Святая Арарата седина.
Вперед, в века шагаешь величаво
Цветущая, счастливая страна.

(II вариант)
Многострадальная... Народ твой исполин,
Бессмертный зодчий величавых храмов,
Прославивших века Эчмиадзин,
Под гнетом шахов, ханов и султанов
Мечтал тогда лишь о твоем расцвете,
За участь светлую твою борясь...
И на чужбине старики и дети
Тебя оплакивали, о тебе молясь.
Страна Сасунского Давида и Маштоца,
Заоблачных и непреступных гор,

Колонн и фресок древнего Звартноца,
Чарующих потомков до сих пор...
Ты стала ныне сказочно красивой,
Свободной, мощной, Родина моя,
В забытых крепостях и башнях сиротливых
Былую удаль праотцов храня.
И старый Арарат с вершиной снежной
В сиянье ярких солнечных лучей,
Свидетель юности твоей мятежной,
Украсил герб республики твоей...

Уважающий Вас ***Леонид Спендиаров***
Լեոնիդ Սպենդիարով
(не знаю, верно или нет)

19.02, год неизвестен
Дорогой Эдик!

Сюзан /*муж М. Спендиаровой*/ мне сказал, что Вы интересовались, в какой стадии находится сейчас моя работа над “Летописью”. Я уже записала все периоды папиной жизни, оставив напоследок самый трудный – “ялтинский период”, над которым работаю теперь. Все уже записанное: “юность”, “годы занятий с Римским-Корсаковым”, “работа над оперой “Алмаст” и “жизнь в Армении” находится сейчас у моего редактора Геодакяна /*Георгий, музыковед*/. <...> Думаю, что получится интересная и нужная книга. Кроме писем, документов и программ, в ней – воспоминания современников и мой дневник. В книге будет не менее 20 печатных листов. Издавать будет Армакадемия, которая уже платит мне жалование “старшего научного сотрудника без диссертации”.

Спасибо за согласие включить меня в Союз композиторов. Думаю, что в Москве Вас поддержат. С. Баласанян /*Сергей, композитор*/ рассказал мне о том, что Москва включила в Союз человека, спасшего одну рукопись, я же спасла все письма, программы и все папины сочинения юношеского периода, изданные теперь в “Полном собрании” (благодаря этому материалу я смогла написать две книги и пишу третью). В прошлом году я встретила своего товарища по техникуму им. Гнесиных, певца Цепина, который сообщил мне, что за заслуги он включен в СК. Цепин не учился в консерватории, я же окончила Московскую консерваторию и аспирантуру Meistershule.

Если не удастся Вам, все-таки, включить меня в Союз, ни в коем случае не включайте меня в члены Музфонда. Я еще полноценно работающий человек. Не обижайте меня, я категорически отказываюсь от Музфонда.

Третий вопрос – самый для меня важный. Сюзан сказал мне, что снова вернулись к решению переделать папин финал в опере “Ал-

маст". Он назвал мне чье-то мнение, что то, что побеждают персы, компрометирует Спендиарова. Эта фраза довела меня до криза, пришлось опять вызывать доктора. Компрометирует Спендиарова чужое вмешательство в его музыку, дважды свернувшее его чудесную, стройно развивающуюся музыку в "иное русло". Как можно остановить идущее с самого начала драматургическое развитие?! Вы ведь это чудесно понимаете, Вы сами, как я, страдаете за это попрание памяти моего отца. Когда Вы прочтете "Летопись", Вы увидите, как папа ценил свой финал, и как он, умирая, боялся, что у него отнимут его любимое сочинение.

В прошлом году я сказала Вам о том, как можно удовлетворить патриотические чувства, не искажая музыки Спендиарова. Шавердян /*Александр, музыковед*/ пишет, что папа предполагал предварить сочинение хоровой интродукцией. Шавердян думает, что папа, если бы был жив, сопроводил бы оперу хоровым эпилогом. Папа, действительно, не раз говорил о том, что напишет по окончании оркестровки оперы хоровой пролог и эпилог.

Вот я и думаю, Эдик, что Вы или Котик, или Зарик, а может быть, все вместе должны написать хоровой эпилог, поручив одному из наших поэтов необходимый текст, в котором будет говориться, что прошло какое-то время, и армяне изгнали персов, и тут дать слова о современной Армении. Я уверена, что это – единственный путь. Подумайте! Можно создать великолепный патриотический хор, который украсит весь спектакль.

Целую Вас, преданная Вам

Марина Спендиарова

P. S. Хорошо, что Бальяна /*Владилен, композитор, директор Армфилармонии*/ сделали секретарем юбилейной комиссии, он создан для организации таких крупных дел и папу любит искренне.

P. P. S. Хор послесловия можно расположить не только на сцене, но и в зале, чтобы было впечатление, что поет весь армянский народ.

<...>

Стравинская Ксения
(племянница И. Ф. Стравинского)

14.11.1970, Ленинград
Милый Эдвард Михайлович!

Ну вот мы уже дома! После Армении неделю провели в Горьком, у братьев Ал. Ал./*Александр Александрович – муж К. С.*/, и неделю в Москве. Наше путешествие было в общем очень удачным. Армения же произвела на нас сильное и глубокое впечатление. Мы испытали в Вашей стране много счастливых и радостных часов – это была не только радость для глаз, но и большая душевная теплота, которую мы все время ощущали.

Жаль, что были так мало и Вас лично видели урывками. Надеемся, что Вы будете в Ленинграде, и мы будем счастливы видеть Вас у себя.

Привет Вашему семейству, с которым мы, к сожалению, не встретились.

С самыми душевными чувствами и благодарностью

Ваша ***К. Стравинская***

P. S. Если Вы встретите Мартироса Сергеевича /*Сарьян*/, пожалуйста, передайте ему наш сердечный и почтительный привет.

21.03.1979, Ленинград
Дорогой Эдвард Михайлович!

Спасибо Вам за такое доброе, теплое письмо, написанное Вами после получения моей книжечки. Мне только очень стыдно, что отвечаю я по прошествии больше месяца. Тут были всякие "смягчающие вину" обстоятельства (о которых и упоминать-то скучно), поэтому прошу меня извинить.

...Приехать в Дилижан было бы, действительно, замечательно, но в настоящее время это у нас, увы, не получится. Запланированы другие места, куда мы с моим Александром Александровичем должны поехать.

Минувшее лето я провела (к сожалению, одна, без мужа) у моих родственников в Париже и у кузена, Федора Игоревича /*Стравинского*/, в Женеве. Много интересного узнала, повидала, много радостного пережила.

В P. S. Вы мне пишете, что в */моей/* книге есть неточности. Конечно, мне очень хочется и нужно узнать о них. Очень прошу поделиться!

Мы всегда вспоминаем с радостью Вас и наше посещение чудесной Армении. Бываем в Москве (а Вы – в Ленинграде?) и, может быть, нам повезет, и мы тогда встретимся с Вами.

Еще и еще раз спасибо за письмо, за Ваши сердечные строчки в адрес моей книжки, всколыхнувшей память о радостных днях 1962 года /*приезд И. Стравинского в Москву, когда Э. Мирзоян исполнял обязанности первого секретаря Союза композиторов СССР*/.

Ксения Стравинская

Торадзе Лексо (Александр) (пианист)

– *В* 1969 году я был членом жюри Закавказского конкурса, – говорит Э. Мирзоян, **– причем еще и членом бюро жюри, куда входило по одному представителю от каждой закавказской республики. При том, что Армения в жюри была представлена такими именами, как Роберт Андреасян и Вилли Саркисян, в**

бюро был делегирован я. От Азербайджана в составе бюро был Гаджиев, от Грузии – Габуния. В процессе обсуждения разразился скандал, и Гаджиев вышел из жюри. Исполнительский состав был очень сильный, причем: от Армении выступали Алик Еолчян и Гарик Григорян, от Азербайджана – Иван Меликсетян, от Грузии – Лексо Торадзе, сын Давида Торадзе /*композитор, дирижер*/**. Мы нашли возможным присудить четыре первые премии: Торадзе, Еолчяну, Григоряну и Меликсетяну.**

...Лексо тогда просил написать для него фортепианный концерт. Я так загорелся! Даже играл ему начало концерта, но увы...

05.07.1979, Москва

Дорогой и любимый дядя Эдик, здравствуйте!

/обращение на грузинском языке, письмо на русском/

Мы (папа, мама и я) только вернулись из Рузы в Москву. Отдохнули и работали хорошо. Я готовлюсь к гастролям, которые начнутся 11 июля. Очень ответственные и интересные концерты с ведущими оркестрами и дирижерами. Буду играть концерты Прокофьева N3 и Чайковского N1, который выучил в Дилижане. В октябре, кажется, буду играть в Ереване Второй концерт Прокофьева, который сейчас разучиваю, – он совершенно отличный от Третьего и вообще, очень своеобразный – глубокий, суровый. Его много, он тяжело поднимается – вовсе не хочет расшевелиться и вдруг, как лава, прорывается и победоносно несется и хохочет.

И папа, и мама занимаются, в основном, моими делами – дают мне сосредоточенно работать. Я у них забираю и свое, и их время. И хотя это счастье, я очень переживаю.

Зара Мирзоян
и Лексо (Александр) Торадзе

Дядя Эдик! В этом году, 31 мая, исполнилось 10 лет со дня окончания Закавказского (нашего!) конкурса. Мы его отмечали в Харькове, где у папы был более чем авторский концерт: /*Давид Торадзе*/ – Симфония N2, Чайковский – Концерт N1, солист – сын. Мы мысленно – каждый в отдельности и вместе, конечно, бегали по времени 10 лет. Вы мне дали тогда I премию. Я смею сказать, что ее, премию, отчасти я оправдал. Но смогу ли оправдать Вашу ко мне любовь, Вашу ко мне веру? Ведь не Вы, а я сам себе не могу простить те несколько (слово слишком щадяще-ласковое) поэтому: то убитое ничем время, которое я терял в акклиматизациях, в приноровлениях, в исканиях. И еще во многом другом... Вы знаете! И до сих пор это мертвое время порою растет и пухнет – придет, навестит, растолстеет и убежит!

Мои американцы переслали еще несколько кадров того незабываемого и для них, и для нас путешествия /*в США*/. В письме ко мне шлют мистеру Edward Mirzoian-у и его семье самые теплые приветы.

Дядя Эдик! Вы же обещали /*речь идет о фортепианном концерте*/!!! Неужели я буду ждать Вас так же, как жду-не дождусь папу? Вы поймите, ведь если ЭТО не нужно Вам, то ОНО очень нужно мне. Правда, по-настоящему Вы слышали меня ровно 10 лет назад. Значит, судьбу решит концерт в октябре. Я согласен – это серьезный стимул для работы. Я невоспитанно назойлив? Пусть так. Я корыстен? Да! Я понимаю, что написать труднее, нежели выучить. Но это ведь тоже труд?

Очень сильно любящий Вас ***Лексо***

P. S. А может, я не прав? Может, Вы уже... нащупали... кое-что...

Тюлин Юрий (музыковед)

15.12.1969, Руза

Дорогой Эдик!

Пишу Вам из Рузы, где вторую неделю болею воспалением легких, пишу лежа и поэтому корявым почерком, за что прошу прощения. Мое молчание на Ваше приглашение приехать в Армению на юбилей /*100-летие*/ Комитаса Вы с полным основанием могли бы принять за невежливость. Но я получил его только на днях, с опозданием на на 2,5 месяца! Оказывается, что в ССК только одна (неведомая мне) канцелярия не знала моего нового адреса и изволила переправлять мои письма в Ленинград – теперь это выяснилось.

Для меня это недоразумение было очень досадно: я обязательно приехал бы к Вам на празднование столь знаменательного юбилея, тем более что очень высоко чту Комитаса. А так я даже не знал об этом юбилее и только поэтому не послал поздравительную телеграмму. “Лучше поздно, чем никогда”, – сказал еврей, опоздав на

поезд. Так вот, с опозданием хочу “стереть с лица земли” досадное недоразумение, которое представило бы меня в ложном свете перед моими армянскими друзьями, столь близкими моему сердцу.

Шлю Вашей семье сердечный привет, а Вас обнимаю и целую

Ваш ***Ю. Тюлин***

25.12.1972

Дорогой Эдик!

От всей души поздравляю Вас и Вашу чудную семью с Новым годом и желаю самого что ни на есть наилучшего.

А Вам лично – возможной плодотворной творческой работы, создания новых превосходных произведений. Не растрачивайте так свои силы! Вспоминаю Вас всегда с большой нежностью и теплотой. Самое важное – быть Человеком! Крепко Вас обнимаю и целую.

Старый хрыч (завтра мне будет 79 лет)

Ю. Тюлин

Удумян Камо *(историк, дипломат, министр культуры Армении)*

– *К*амо Удумян – министр культуры, позднее – министр иностранных дел, потом – посол СССР в Люксембурге, Непале. Очень яркий и бесстрашный тип. Он был лучшим министром культуры по конкретным результатам его очень активной деятельности. Когда я самовольно решил, что концертом к 50-летию установления Советской власти в Армении будет дирижировать Дурян, специально приглашенный для этого из-за границы, он не воспротивился этой довольно рискованной затее.

...Когда выяснилось, что он уходит в Министерство иностранных дел, я позвонил и поехал к нему. Зашли в соседнюю с его кабинетом комнату, я ему сказал:

– Очень жаль, нам еще многое предстояло сделать.

– Я бы остался, если бы это место меня дожидалось...

– Камо, твоей деятельности в Минкульте ставлю “пять”, но...

– Если ставишь “пять”, при чем тут “но”?

– Слушай, если бы я начал с того, что ставлю “два”, но .., это бы тебя больше устроило?

Он был ректором института имени Абовяна. Так получилось, что один из доносчиков, вечно строчащих жалобы, потребовал: “Дайте мне место ректора института имени Абовяна – и я перестану вас критиковать!” И вот Удумяна взяли в Минкульт, чтобы освободить это место, – а тот через неделю заявил, что пошутил...

Я встретил Камо в ЦК на лестнице, когда шел от второго секретаря ЦК, которому заявил: “До каких пор вы будете решать свои вопросы за счет культуры?!”

– Камо, – спросил я, – что у тебя общего с культурой?

– Кочинян сказал, что это дело решенное...

В итоге получилось так, что, будучи очень талантливым человеком, Удумян в короткие сроки сумел стать абсолютно компетентным в этой непростой сфере.

...Что же касается нынешнего министра культуры, Асмик Погосян, то она, несомненно, умница, и у нас с ней полное взаимопонимание.

1981թ.

Թանկագի՛ն Էդվարդ՝ որդի Միքայելի,

Դժվար է հաղորդել իմ ուրախությունը և ներքին գոհունակությունը՝ քեզ ՍՍՀՄ Ժողովրդական արտիստի բարձր ու պատվավոր կոչումը շնորհելու կապակցությամբ: Իմ խիղճը և հոգին կարծեք միանգամից փառավորվեցան ու հաճելի երանավետություն զգացին երկար տարիների անհանգիստ կացությունից հետո, քանզի ինչին դու արժանի էիր սրանից շատ ժամանակ առաջ, իրավաբանորեն ձևակերպվեց միայն հիմա: Իսկապես որ՝ «ուշ լինի, նուշ լինի»:

Այստեղ «մեղքը» միայն նրանցը չէ, ովքեր կոչված էին անմիջականորեն լուծելու միանգամայն ու օբյեկտիվորեն լուծման ենթակա այդ հարցն իր ժամանակին:

Ով-ով՝ ես գիտեմ, որ դու ինքդ էիր անում ամեն ինչ, որ սկզբում այդ կոչումն ստանային քո երաժշտական ու մարդկային կյանքի ընկերները: Երևի եթե հնարավորություն ունենայիր, կսպասեիր, որ մեր սիրելի Ղազարոս Սարյանը և Էդգար Հովհաննիսյանն էլ ստանային այդ կոչումը, և հետո միայն մտածեիր քո մասին, թեպետ ես համոզված եմ, որ դու երբեք էլ քո մասին ինքդ չէիր մտածի՝ ի տարբերություն շատերի: Դա քո բնական վիճակն է եղել միշտ, քո էությունը՝ ամենից առաջ ծառայել քո հարազատ ժողովրդին, նրա արվեստին ու այդ արվեստի մշակներին՝ մտածելով, որ դու դրանով հայրենի մշակույթի համար ավելի շատ կանես, քան եթե պարփակվես միայն քո երաժշտական աշխարհում: Ընդ որում, ծառայել ոչ թե հենց այնպես, ի պաշտոնե, այլ ամբողջ նվիրումով, անձնազոհաբար ու ասպետորեն՝ երբեք հաշվի չառնելով հանրապետության հասարակական ու քաղաքական կոնյուկտուրան:

Հաճախ է խոսակցության նյութ եղել, որ դու, վերջին տարիներս ամբողջովին տարված լինելով Մայր Հայաստանի երաժշտական մշակույթի զարգացման կենսական պրոբլեմներով և բնավորությամբ անընդունակ լինելով երկփեղկվել, ստեղծագործական առատ երկունք չես ունեցել: Նախ՝ երբեք չի կարելի արվեստագետի ստեղծագործական կյանքի համար չափանիշ ընդունել նրա ստեղծած գործերի քանակը: Գլխավորը, ինչ բնորոշում է արվեստագետի դեմքը, դա այն է, թե որքան մնայուն են նրա ստեղծագործությունները, ինչ արժեք են ներկայացնում, որքանով են նրանք նպաստել ժողովրդի մշակույթի այս կամ այն ասպարեզի զարգացմանը, նրա մակարդակի բարձրացմանը, ինչ

չափով են տվյալ արվեստը դուրս բերում ազգային շրջանակներից՝ հաղորդելով նրանց համամիութենական ու միջազգային հնչեղություն: Եվ ահա այս չափանիշների առումով, կարող ենք հանգիստ խղճով ասել, որ Էդվարդ Միրզոյանը ոչ միայն սովետահայ, այլ սովետական բազմազգ երաժշտական մշակույթի ամենատաղանդավոր, արգասաբեր (որակի չափանիշով) ու նշանավոր դեմքերից է, որն ունի իր արժանավոր և ուրույն տեղն ու դերը այդ մշակույթի պատնասում:

Եվ, վերջապես, վերջին քառորդ դարում սովետահայ կոմպոզիտորների կողմից որքան հիանալի ստեղծագործություններ են երկնվել՝ դրանք փառք ու պատիվ են բերել մեր հարազատ ժողովրդին: Այդպիսի շատ ստեղծագործությունների համահեղինակը, որը, սակայն, ոչ մի տեղ չի արձանագրվել, Է. Միրզոյանն է: Իսկ որքա՜ն շնորհալի երիտասարդ կոմպոզիտորներ են իրենց մնայուն տեղը գտել Է. Միրզոյանի հոգատարության ու ջանքերի շնորհիվ:

Սովետահայ ներկա բազմատաղանդ ու հզոր կոմպոզիտորական բանակի, որի գլխավոր հրամանատարի դժվարին, երբեմն անշնորհակալ, բայց ժողովրդի համար շատ անհրաժեշտ պարտականությունները արդեն ավելի քան 25 տարի է, ինչ դու կատարում ես անձնվիրաբար, ստեղծման գործում, սիրելի՛ Էդիկ, իրոք որ քո ծառայությունը դժվար է գնահատել:

Թանկագի՛ն բարեկամ,

Մարդկանց նկատմամբ քո սերը, նրանց հոգսերով, ուրախություններով ու տխրություններով ապրելը, նրանց բախտին հաղորդակից լինելը միշտ եղել են քո գեղեցիկ կյանքի անբաժան ուղեկիցները: Դու մեծ հայ ժողովրդի մեծ, բայց հավերժ երիտասարդ, արժանավոր ու բազմաշնորհ զավակն ես, նրա հարստությունը և հպարտությունը: Ամբողջ էությամբ լինելով իսկական արվեստագետ՝ դու միշտ մնում ես մեր հանրապետության լավագույն քաղաքացիներից մեկը, որն ապրում է նրա կյանքով ու բախտով: Ես գոհ եմ, որ ժամանակի ընթացքում հնարավորություն եմ ունեցել միասին աշխատել, հաճախակի հանդիպել, հաղորդակից լինել քո խելոք, նուրբ, կենսուրախ, լավատես և հումորով լի հոգուն, սրտին ու մտքին: Հաղորդիր իմ ջերմ ողջույնները և շնորհավորանքները սիրելի մայրիկին և հարգարժան Լյալյային: Ամուր գրկում և համբուրում եմ

Միշտ քո՝ ***Կամո Ույումյան***

1981 год
(перевод Л. Епремян)

Дорогой Эдвард, сын Микаэла!

Не могу передать, какую радость и удовлетворение я ощутил, узнав о присвоении тебе высокого, почетного звания Народного артиста СССР. Душа и совесть будто сразу возликовали после долгих лет волнений и тревог, поскольку то, что ты уже давно заслужил по праву, юридически оформлено только сейчас. Недаром говорят: “Лучше поздно, чем никогда”.

В этом “вина” не только тех, кто по должности был призван непосредственно решать этот абсолютно объективный вопрос в свое время. Кто-кто, но я-то знаю, что ты делал все, чтобы сначала это звание получили твои друзья по жизни и творчеству. Будь на то твоя воля, наверное, ты бы еще подождал, пока получат звание наши дорогие Лазарь Сарьян и Эдгар Оганесян, и только потом подумал о себе, хотя, я уверен, в отличие от многих, сам бы об этом ты беспокоиться не стал в любом случае. Это всегда было твоим естественным состоянием, твоей сущностью: в первую очередь, служить своему народу, его культуре и людям искусства, предполагая, что так ты будешь более полезен армянской культуре, чем если ограничишься исключительно творчеством. Причем, служить не просто по должности, а всей душой, выкладываясь до конца, жертвуя собой по-рыцарски, абсолютно не считаясь с политической и социальной конъюктурой.

Часто говорится о том, что, всецело посвящая себя насущным вопросам культурной жизни Матери-Армении и по сути своей не умея раздваиваться, ты мало писал. Но, во-первых, никак нельзя выдвигать критерием ценности художника количество созданных им произведений. Главное, что его характеризует, – выдержат ли эти сочинения испытание временем, какую ценность они представляют, насколько способствуют развитию культуры народа, повышению его уровня, в какой степени они выходят за рамки узконационального, достигая всесоюзного и международного масштабов.

А вот по этим критериям мы можем со спокойной совестью утверждать, что композитор Эдвард Мирзоян – одна из самых крупных, значимых и плодовитых творческих фигур не только армянской, но и многонациональной советской культуры, он занимает свое уникальное место в парнасе советского искусства.

Наконец, сколько прекрасных сочинений армянских композиторов появилось за последнюю четверть века! Соавтором этого множества сочинений, не подписавшимся, впрочем, ни под одним из них, является Эдвард Мирзоян. А сколько молодых композиторов нашли себя в творчестве благодаря чуткому отношению и активной поддержке Эдварда Михайловича!

Дорогой Эдик, в самом деле, трудно переоценить тот тяжелый, временами неблагодарный, но очень важный труд главнокомандующего сильной, крепкой и многочисленной армией армянских композиторов, который ты самоотверженно исполняешь вот уже более 25 лет.

Дорогой друг!

Любовь к людям, умение жить их заботами, радостями и горестями и быть причастным к их судьбе всегда сопутствовали тебе в жизни. Ты зрелый, но вечно молодой, достойный, многоталанный сын нашего народа – его богатство и духовная мощь. Всем своим существом являясь настоящим художником, ты всегда был в числе передовых граждан нашей республики, живущих судьбами своей родины. Я рад, что имел счастье общаться и работать с тобой на протяжении ряда лет, наслаждаясь умом, тонкостью, оптимизмом, жизнелюбием, остроумием твоей мысли, сердца и души.

Передай мои самые теплые чувства и благодарность твоей любимой маме и уважаемой Ляле. Крепко обнимаю и целую

Твой ***Камо Удумян***

Фельдман Соломон (дирижер)

12.1963, Куйбышев

Глубокоуважаемый и дорогой Эдуард Михайлович!

Сердечно поздравляю Вас, семью и близких с Новым годом и шлю наилучшие пожелания здоровья, всех благ и новых блестящих творческих успехов. 1963-й год был для Вас годом блестящих успехов. Передо мною Ваше письмо от 16.IV, где Вы еще с горечью отмечали пока небольшое количество исполнения Симфонии. Однако уже тут же, в апреле и мае, Симфония триумфально прошла в Югославии, затем в Англии. Сейчас, будучи летом за рубежом, я узнал о том, что все большие оркестры намерены ее исполнять. В журналах читал, что Симфонию будут исполнять в Германии, Америке и других странах. В моем ответе на Ваше письмо я один из первых сулил ей зеленую улицу по всему миру.

С. С. Фельдман

30.10.1974, Куйбышев

Многоуважаемый и дорогой Эдуард Михайлович!

...Еще в июне, до встречи с Вами в Москве, из подтвержденных мне концертов (а их пока мало) Челябинск подтвердил мою программу полностью, в которую я включил Вашу Симфонию для струнных и литавр. Другие две филармонии (Воронеж и Ворошиловград) пока еще программ не подтвердили и своих не предложили, но я твердо уверен, что в одной из них я обязательно исполню

Симфонию. Я бы с охотой исполнил бы Симфонию и у Вас, хотя знаю, что у меня не получится так хорошо, как у Дуряна. Я завидую ему здоровым творческим чувством как по этому поводу, так и характеру его текущей и дальнейшей творческой деятельности.

Как-то выступал в Челябинске (кстати, там очень хорошо посещаются филармонические концерты), мне выпала радость выступить совместно с Тер-Мергеряном /*Жан, скрипач*/ (концерт Хачатуряна). Я очень его люблю как музыканта и особенно как скрипача, и был бы безгранично рад вновь с ним где-нибудь выступить, и хорошо было бы, чтобы он всюду вез с собою партитуру и голоса Вашей пьесы “Perpetuum mobile”, с тем чтобы мы ее совместно исполнили.

Прошу передать привет Александру Григорьевичу /*Арутюнян*/, Худояну и Медее Абрамян. Если Александр Григорьевич и теперь у руководства Филармонией, ссылаюсь на его обещание, данное им мне здесь, в Куйбышеве, содействовать устройству моего выступления в Ереване.

Нет того дня в продолжении всего октября месяца, чтобы я не доставил себе удовольствия, погружаясь в безмолвие воспоминаний о чудесной встрече с Вами в сентябре в Москве, о прекрасном концерте и радости общения с людьми с такими яркими характерами и дарованиями.

Перед тем как писать это письмо, я извлек из письменного стола Ваши письма (их у меня три, помимо поздравления к юбилею) с тем, чтобы найти N Вашего телефона, и был поражен тем, что переписка происходила с 1963 года, т.е. вот уже одиннадцать лет тому назад. Боже мой, а кажется, что это было вчера, так свежо и ярко впечатление и след этого общения и переписки.

<...>

Крепко Вас обнимаю, Ваш поклонник и почитатель

Соломон Фельдман

07.09.1982, Куйбышев

Глубокоуважаемый, дорогой и любимый мною
Эдуард Михайлович!

Долго не решался отвлекать Ваше внимание и ценное время даже кратким письмом, но, наконец, решился, т.к. впечатления от встречи с Вами и Еленой Мамиконовной, а также от посещения благословенного Дилижана настолько сильны и неизгладимы, что нет сил отказаться от Вашего любезного приглашения вновь посетить благословенный край и пережить счастливые часы общения с Вами. <...>

Очень хочется знать все о Вас. Как прошел конкурс во Франции, как исполнили и приняли Ваш Квартет (очаровательное произведение, если это тот, что играли в Москве, в Малом зале на Вашем авторском концерте). Кое-что узнал из информации Всесоюзного радио.

О себе два слова. Как видно, пишу плохо и автоматически, т.к. после операции катаракты идет процесс заживления. С 26 сентября надеваю очки +10 и начну вновь учить Вашу Симфонию для струнных, об исполнении которой договорился в июне в Красноярске, где дирижировал 4 концерта, – то, что знаю без нот. Весь июнь и август лечил глаз. Есть надежда на полное зрение с очками. Неистребимо хочу в Москве всех вас видеть.

P. S. Не могу воздержаться от желания высказать Вам, что успешному заживлению после операции глаза очень способствовала запись Ваших теплых слов, обращенных ко мне. Весь послеоперационный период до сегодня мне запрещали читать и писать, и я заполнил время слушанием пластинок, и то, к сожалению, без чтения партитур, познал много радости, неоднократно прослушивая пленку с Вашими словами... Более того, их узнали многочисленные жители города, услышав по радио в начале июля в 19 ч. 30 мин. – самое лучшее время. Было записано корреспондентом интервью о гастролях в Ереване и Ваши слова. Я и мои все были этому очень рады и счастливы. После передачи мне многие посетители моих концертов много звонили и поздравляли. Спасибо еще раз Вам за это.

С горячей надеждой на встречу, обнимаю

Ваш ***Соломон***

25.09.1982, Куйбышев

Многоуважаемые и дорогие друзья
Елена Мамиконовна и Эдвард Михайлович!

После благополучного завершения моей с сыном 35-дневной поездки на Кавказ и Закавказье, хочу еще раз выразить Вам глубокую сердечную благодарность за предоставленную нам возможность пребывания в Доме творчества. Хотя пребывание в Дилижане было непродолжительным – всего 8 дней, и такой краткий срок пребывания был определен нами маршрутом, по которому мы были неделю в Сочи, неделю – в Кавказском заповеднике, 4 дня – в Тбилиси и 4 дня – в Ереване, нам в Дилижане было так благостно и радостно, что это запомнится на всю жизнь, и мы всегда будем Вам благодарны. Конечно, будем счастливы еще когда-нибудь там побывать в это же время. Было немало радостных знакомств и особенно с Аветом Рубеновичем Тертеряном, с партитурами его 6-ти симфоний успел очень бегло познакомиться. Сожалею, что так бегло, но надеюсь когда-нибудь тщательно вникнуть в одну из них, чтобы постичь т.н. “собственный его почерк” и направленность. Сам он произвел на меня глубокое впечатление.

Вероятно, я Вам сообщал, дорогой Эдвард Михайлович, о том, что после летних моих выступлений в Красноярске меня туда пригласили на зимний сезон в абонементе, и я договорился играть Вашу Симфонию для струнных, которую неизменно люблю и с радостью

повторял в Дилижане у хорошего рояля и продолжаю учить и дома сейчас. Когда будут назначены концерты, я Вам об этом сообщу.

Не удивляйтесь конфетам и новогодней открытке. У нас приходится их “ловить”, когда сети бывают (очень редко), я очень хочу, чтобы Вы и Арутюняны с ними познакомились и этим заодно и меня вспомнили.

Композитор Аркадий Георгиевич Аверченко, проживающий в Москве, показал мне партитуру новой симфонии в Дилижане. Написанная к 60-летию /*возможно, советизации Армении*/ на армянские темы и посвященная Армении, по зрелости и выразительности музыки она достойна исполнения. Хорошо было бы Вашему дирижеру с ней познакомиться и включить ее к исполнению.

Желаю Вам, дорогие Елена Мамиконовна и Эдвард Михайлович, и Вашим родным всех благ и здоровья. Дружески обнимаю

Ваш ***Соломон Фельдман***

Хагагортян Эдуард (композитор)

конец 1950-х

Дорогой Эдик!

За последние месяцы нам не удавалось встретиться в Москве и поговорить. Пять месяцев отец лежал в больнице, чудом спасся, но состояние его неважное. А мне как раз очень нужно было с тобой поговорить, посоветоваться о моих делах, о творческих планах. За последние месяцы, естественно, я появляться в Ереване не мог, но вчера я привез отца домой, и пока он будет приходить в себя, я подумаю и о себе.

В связи с работой на радио и рядом известных причин я за последнее время (долгое время), фактически, был оторван от Союза и теперь это я очень тяжело переживаю. Такое положение, естественно, продолжаться не может, и потому я решил уйти с работы на радио (карьера музыкального руководителя меня не прельщает), правда, сейчас это будет сделать труднее, но решение мое окончательное. В конечном итоге, я, могущий делать многое для других, лишен возможности регулярно творчески работать и общаться с Союзом.

В консерватории я оставлю за собой только заочников, и в таком случае у меня будет много времени и в общем по полгода я буду работать в Ереване и в Москве. Так же получится и у Амалии /*жена*/, которой, как и мне, необходим постоянный творческий контакт с Арменией. И потому комната наша в Ереване нам крайне необходима, и очень прошу тебя в этом вопросе оградить меня от поползновений Музфонда.

Эдик джан! Ты достаточно мудр, чтобы отличить простое желание сохранить за собой комнату (как примитивно могут думать же-

Три поколения

С Шааном Арцруни

В кардиологическом центре "Норк-Мараш" с профессором Грайром Овакимяном и его коллегами, 2000

С сыном и внуками

С зятем, художником Зограбом Мирзояном

С Александром Арутюняном и Сергеем Амбарцумяном

лающие не думать иначе) от необходимости творческой работы и контакта с Союзом. Лишить меня комнаты в этом смысле – значит нанести мне большую травму.

К тому же, я специально ухожу с работы, чтобы чаще бывать в Ереване и писать только музыку. Кстати, по поводу работы: сейчас все коллективы работают над программами пленума, а Армения, все-таки, представлена слабее. Я говорил вчера с Солодухой Я. С. */Яков Семенович, председатель комиссии по музыке СК СССР/* о симфонии Алеши Аджемяна, которая на последнем секретариате, где окончательно утверждалась программа пленума, не попала в список исполняемых произведений. Пришлось изыскать возможность (сняв оркестр с фондовой записи) проведения еще одного концерта пленума (вне плана) Большого симфонического оркестра с программой Габичвадзе /*Реваз*/ – симфония (которую БСО уже играл, и репетиций потребуется мало) и А. Аджемян – симфония. Сейчас надо договориться только с Г. Рождественским, который, к сожалению, находится в Израиле. Телефонная связь очень плохая. На будущей неделе у него концерты в Португалии, и тогда я с ним свяжусь и договорюсь принципиально. Прошу партитуру симфонии выслать Солодухе Я. Г. для передачи Рождественскому. Необходимо подтвердить возможность участия в концерте Беллы Айдинян /*певица, жена Р. Мангасаряна*/, поскольку переучивать с другой солисткой будет сложнее, да и вообще хорошо было бы Беллу познакомить с Рождественским. Концерт может быть студийный с присутствием слушателей около 60-ти человек. Больше и не надо. Зато будет хорошая запись по трансляции из студии. Надеюсь, что этот концерт будет моей последней миссией на радио.

Получили Вашу открытку поздравительную с Новым годом. Большое спасибо.

Если бы ты знал, как я хочу скорее вырваться и приехать!

Пока все. До скорой встречи. С приветом

Твой ***Э. Хагагортян***

около 1972 года

Москва – Свердловск – Тюмень

Дорогой Эдик!

<u>О себе</u>

Извини за плохой почерк. Пишу в поезде. Еду из Москвы в Тюмень на Декаду советской музыки, где играют также мой кларнетовый концерт. В Советском Союзе пока кроме Рафика Багдасаряна никто не играет лучше. Армения должна гордиться такими исполнителями. Надо писать о них. Мечтаю, когда концерт мой прозвучит в Ереване. 14 декабря в Концертном зале Филармонии состоится премьера моей III симфонии для органа solo. Играет Олег Янченко. Сейчас начинаю работать с Н. Сац по заказу детского те-

атра над оперой по мотивам О. Туманяна “Кот и Пес”. Возвращаться к старой опере (с трагической судьбой) /*подверглась резкой критике коллег*/ мне не хочется. Пишу на новое либретто новую музыку.

О тебе

С нетерпением жду твоего приезда. Когда вижу тебя, как будто вся хорошая Армения со мной – до того ты художественно-обобщенный образ. Это не комплимент. Ты знаешь, как я тебя люблю. Именно так люблю только тебя!!!

О делах

Симфония и Соната выйдут из печати в конце 1973 или в I квартале 1974 года. Договоры могут быть подписаны хоть сейчас. Ориентировочный тираж Симфонии – одна тысяча экземпляров. Если Армения закажет через Союзкнигу тысячу, то мы общими усилиями доведем до полутора тысяч. Это в наших общих интересах. Уже по Армении редакция имеет много сочинений и взять Овунца можно только условно. Могу по памяти перечислить: Аристакесян “Прометей”; Арменян “Крушение”; Аджемян Симфония N3; Чтчян Концерт; Бекарян Поэма, Ахинян Симфония, Овунц 2 тетради – не рассмотрены.

При нынешнем катастрофическом положении издательства, когда на головную, оперно-симфоническую редакцию дается всего 50 названий (это на весь Советский Союз и зарубежных авторов), республика может рассчитывать на одно, максимум полтора названия в год (!) – представляешь, что получается? Мы давно уже дошли до дна. Так продолжаться долго не может. Предполагаю, что скоро могут быть какие-либо кардинальные изменения. Не говоря уже о том, что в ближайшее время в связи с существенными изменениями в авторском праве, носящими международный характер, многое станет с головы на ноги. Могу сказать (это уже не большой секрет), наша страна впервые подпишет международную конвенцию по авторскому праву с государствами Европы и Америки. Вероятно, это будет конвенция сроком на 50 лет (вопрос находится в стадии окончательного решения). Поэтому значительно возрастет приоритет издательств. Предполагаю, что ВУАП будет реорганизован, и будет вместо него создана центральная государственная организация по регистрации авторских отчислений в советских рублях и в чистой валюте.

О друзьях

Я посещал Ст. Джербашяна /*Степан, композитор*/ в больнице. Когда я вернулся из Польши, узнал, что операцию уже сделали. Положение его ужасное, здоровье ухудшается. Надо ему помочь. Во-первых, прошу срочно найти и выслать мне клавир его оперетты “Еразик”. Кажется, название ее не перепутал. Речь идет об оперетте, которая была поставлена в нескольких городах. У меня будет возможность заплатить ему в счет будущего издания гонорар. Надо также найти у него несколько мелких сочинений, достойных публикации, и прислать мне срочно. Во-вторых, когда ты приедешь на пленум, нам надо будет договориться в секретариате о выделении ему безвозвратной ссуды. Все это надо делать срочно!

Привет большой передай Ляле (в Финляндии мы так были неразлучны, что сухие эстонцы решили, что Ляля – моя жена, а Ира Ушакова /*балерина, жена композитора Б. Саккилари*/ – дочь “несовершеннолетняя”) и всем своим прекрасным домочадцам.

Целую тебя Твой ***Эдик***

P. S. Когда приедешь в Москву, захвати с собой несколько союзных бланков – пригодятся.

Хотел отправить письмо из Свердловска, не нашел конверта. Отправляю из Тюмени.

Письмо из Тюмени снова возвратилось в Москву. Посылаю с аэропорта.

Целую ***Эдик***

Хачатурян Арам

1946-1947, Москва (записка)

Левон! /*Атовмян, директор Музфонда СССР*/

Распорядись выдать четырем молодым композиторам, пишущим гораздо больше и лучше, чем некоторые другие, нотной бумаги и клавирной, и партитурной.

А. Хачатурян

18.02.1959, Москва

С. А. Товмасяну */I секретарь ЦК КП Армении/*

Дорогой Сурен Акопович!

Хочу обратиться к Вам с просьбой, но, может быть, я опоздал? Хотя краем уха я слышал, что в руководящих инстанциях есть намерение выдвинуть в кандидаты в депутаты Верховного Совета Арм. ССР тов. Мирзояна Эдуарда. Если это так, то я чрезвычайно удовлетворен и благодарю Вас за то, что Вы не забыли о композиторах. Эдик Мирзоян – талантливый композитор, большой организатор, большой патриот и человек с государственным умом. Мне кажется, было бы правильно, чтобы председатель армянского Союза композиторов был бы депутатом Верховного Совета Арм. ССР.

Молодые композиторы Армении на последнем пленуме Союза композиторов СССР были лидерами пленума, в особенности Тер-Татевосян.

Завтра здесь, в Москве, в зале Чайковского, исполняется Первая

симфония Гарика Оганесяна. Это большое событие. Я думаю, что Оганесян в самое ближайшее время займет одно из первых мест среди композиторов Армении, и не только Армении. Это мой ученик, аспирант Московской консерватории, которую он на днях кончает.

Извините, дорогой Сурен Акопович, что вторгаюсь в Вашу большую государственную жизнь своим письмом.

Примите мой сердечный привет.

Всегда уважающий Вас

Арам Хачатурян

19.06.1960, Москва

Дорогой Эдик!

Еще живо помню Ереван, всю свою бурную деятельность, а главное – Ваше теплое отношение ко мне. Настоящим письмом хочу поблагодарить тебя и всех моих товарищей за то внимание и сердечное тепло, которое было выявлено в дни моего пребывания в Ереване. Ты давно <...> знаешь, что дружбе я всегда придавал большое значение. Причем, дружбе принципиальной, деловой, творческой, дружбе, объединенной какими-то идеалами, дружбе, где наличествует взаимовлияние, и дружбе, где возможна взаимная критика. Дружба, основанная на одних "кенацах", быстро распадается. Я впервые в жизни написал письмо Котику. Это письмо не случайное. Ценю его душевную суету. Надеюсь, что она искренна. Котик повзрослел. Умоляю тебя, не забудь об обещании и расписке.[158] Если ты не выполнишь обещания, нанесешь большой ущерб нашей дружбе.

Передай привет своей милой супруге и поцелуй своих очаровательных детей. Кланяйся всем товарищам и скажи им, что я помню, благодарю их за внимание, оказанное мне. Нахожусь на даче, начал работать. В июле уеду на отдых. Август-сентябрь буду работать. Хочу выполнить обещание к 40-летию Армении. Если увидишь Сурена Акоповича */Товмасян, I секретарь ЦК КП Армении/,* скажи, что я очарован им, его отношением ко мне и благодарю его. Проследи, чтобы вопросы, которые мы поставили перед ним, были бы разрешены и, в частности, */проблемы/* симфонически*/х/* оркестр*/ов/* Филармонии и Оперы.

Обнимаю тебя

Твой ***А. Хачатурян***

29.07.1960

Кремлевская больница

Дорогой Эдик!

Стукнулся мой автомобиль. Я в больнице. Легкое сотрясение. Не успел послать письмо. Думаю, что меня выпустят. Я хочу думать, что все вы, мои друзья, будете взволнованы. Не забудь "расписку". Вексель придется оплатить и желательно досрочно.

Твой ***А. Хачатурян***

[158] Речь идет о расписке-обязательстве Э. Мирзояна закончить Первую симфонию, см. с. 240.

09.01.1962, Մոսկվա

Միրելի՛ Էդվարդ,

Վաղուց է՝ ինձ նամակ չես գրել: Արդյոք պատճառն ինչո՞ւմն է: Լսել եմ, որ իբրև թե սիմֆոնիադ վերջացրել ես: Ճշմարի՞տ է այդ թե՞ ոչ: Եթե ճշմարիտ է, ես շատ ուրախ եմ և երջանիկ:

Նոր վերջացրեցի նամակս Կոտիկին, որտեղ ես նրան անվանում եմ մեծ տաղանդ: Նույնը կրկնում եմ քեզ: Դուն մեծ տաղանդ ես և իրավունք չունես այդ ոսկի հասակիդ ժամանակ քո տաղանդին ուշադրություն չդարձնել: Ամեն մեկ տաղանդ ունի իր հատկություններ: Քո տաղանդի հատկությունը այն է, որ նա շատ համեղ է, շատ կյանքին մոտիկ է և շատ դեմոկրատիկ է: Խնդրում եմ քեզ, ուշադիր եղիր դեպի քեզ:

Իմ սխալներս աշխատիր հիշել և մի կրկնիր: Ես էլ սխալվել եմ կյանքումս և ուզում եմ, որ դուք իմ սխալներս չկրկնեք:

Երևի իմ նամակս քեզ կզարմացնի, բայց իզուր. ես ուզում եմ այս նամակովս հիշեցնել իմ մասին: Ուզում եմ շնորհավորել Նոր տարիդ, ցանկանալ քեզ և քո ընտանիքին առողջություն և հաջողություն <...>:

Սոսյանին բարևիր, ես նրան ցանկանում եմ հաջողություն և առողջություն: Հույս ունեմ, որ նոր տարում մենք կտեսնվենք շատ անգամ: Հույս ունեմ, որ քաղցր զրույցի ժամանակ մենք կքննարկենք շատ երաժշտական հարցեր:

Նամակս վերջացնում եմ: Ընդունիր իմ եղբայրական զգացումներս:

Չմոռանաս ինձ:

Քեզ սիրող՝

Արամ Խաչատրյան

09.01.1962, Москва

(перевод Л. Епремян)

Дорогой Эдвард,

Давно ты мне не писал, в чем причина?

Слышал, будто бы ты закончил симфонию, правда ли это? Если да, то я очень рад и счастлив.

Только что закончил письмо Котику, где я называю его большим талантом. То же повторяю тебе. У тебя большой талант, и ты не имеешь права пренебрегать им в золотую пору жизни. Каждый талант имеет свои особенности. Особенность твоего дара – в его "вкусности", жизненности и демократичности. Прошу тебя, будь внимательнее к себе. Помни мои ошибки и не повторяй их. Я не раз ошибался в своей жизни и хотел бы, чтобы вы не повторяли моих ошибок.

Наверное, мое письмо тебя удивит – и напрасно. Этим посланием я хочу напомнить о себе. Хочу поздравить тебя с Новым годом. Пожелать тебе и твоей семье здоровья, удачи и всего наилучшего. Передай Сосяну приветы и пожелания здоровья и удачи. Надеюсь при встрече в приятной беседе обсудить многие музыкальные вопросы.

Заканчиваю. Прими мои братские чувства, не забывай меня.

Любящий тебя ***Арам Хачатурян***

06.05.1966, Москва

Дорогой Эдик!

Вчера видел Хачика Есаяна /*художник, сценограф Театра оперы и балета имени Спендиарова*/, который рассказал мне о том, что ты очень огорчен, что меня не выдвинули в депутаты Верховного Совета СССР.

Не волнуйся и не мучайся. Я считаю, что справедливо меня не выдвинули в депутаты. Какой же я депутат, если я хромой (временно или постоянно, я еще не знаю) и если у меня голова качается. Я не полноценный человек и не смог бы быть полезным депутатом.

Хачик мне говорил, что Антон Ервандович /*Кочинян, Первый секретарь ЦК КПА*/ выдвигал мою кандидатуру со всей настойчивостью, но что "были другие причины". Я очень благодарен Антону Ервандовичу, прошу передать ему мой сердечный привет.

Теперь меня волнует другое. Когда человек, например, находится в списке едущих за границу, но вдруг не едет, у него возникают подозрения, почему он не едет и кто, где и когда, а главное – за что поставил ему "галочку". Вот я сейчас думаю – кем, где, когда и за что мне поставлена "галочка"? Тяжело после шестидесяти лет думать, что тебе могут поставить "галочку". Я своей работой и всей своей жизнью снял все возможные "галочки" на всю жизнь.

Еще Хачик сказал мне, чтоб я не огорчался, что меня выдвинут депутатом армянского Верховного Совета. Дорогой Эдик! Я думаю, что и это не произойдет, но если вздумают меня выдвигать в депутаты армянского Верховного Совета, пожалуйста, скажи, чтобы этого не делали. Ведь я не смогу запросто ездить на сессии армянского Верховного Совета. Получится то, что я буду /с/компрометирован перед народом. Очень прошу тебя, запомни мою просьбу. Хотя сейчас рано об этом говорить, но я боюсь забыть, поэтому пишу сейчас. Может получиться так, что я вынужден буду отказаться.

Пишу эти строки и думаю, что ты будешь в душе смеяться надо мной и подумаешь: "Чего он воображает о вещах, о которых мы не собираемся думать". Прошу тебя, прости меня за нескромность. Конечно, я воображаю себе что-то, а воображать не имею права. После травмы в связи с ногой я потерял какие-то ориентиры.

Несколько слов о себе. Нахожусь дома, двигаюсь, как ребенок, голова не моя – чужая. Пытаюсь думать о музыке. Настроение посредственное, хотя понимаю, что падать духом нельзя.

Жизнь – это карусель. Сначала идешь снизу наверх, а потом опускаешься или, вернее, тебя опускают. Опускают потому, что надо на твое место в карусель сесть другому. Культурно говорят – диалектика!

Раскрыл нотную бумагу. Хочу продолжить работу над сочинением для ф-но с оркестром /*Концерт-рапсодия*/. В этой работе проходит мелодия «Քուռն է գալիս ղոր-մղոր».

На днях слушал в домашнем исполнении мои три концертные арии для голоса с оркестром. Это сочинение написано 20 лет тому назад, но до сих пор не исполнялось. Исполняла у меня дома Зара Долуханова. Должен тебе сказать без ложной скромности: я проникся уважением и к сочинению, и к автору.

Зара послезавтра уезжает в Австралию и везет эти арии с собой. Будет исполнять там с оркестром. Осенью будет петь в Москве. Это большое сочинение. Идет оно 20 мин. Но дело не в хронометраже. Слова из антологии армянской поэзии в переводе Бальмонта и Брюсова. Первая ария – "Поэма", вторая – "Ахтамар" Туманяна и третья – "Дифирамб", слова Пешикташляна. Я уверен, что тебе это сочинение понравится. Сочинение написано довольно острым языком.

Еще была у меня одна маленькая премьера. Аранович /*Шико, композитор и дирижер*/ сыграл по радио мою сюиту из музыки к пьесе Лавренева "Лермонтов". Это 30 минут музыки. Музыка местами написана под эпоху, но в целом – мой и свойственный мне язык. Сюита в 4-х частях: 1. На смерть поэта (на смерть Пушкина); 2. Мазурка; 3. Вальс (мазурка и вальс – сюжетная музыка) и 4. Лермонтов на Кавказе. Это большой номер, который идет 8 минут. Вся сюита – 30 минут. Мне кажется, что эту сюиту будут играть не в гала-концертах.

Мысли об опере не покидают меня. Но вместе с тем мучают меня. Я боюсь банальности. Боюсь Большого театра. У меня дерзкие мысли, но хочется к этому "преступлению" привлечь, завербовать еще кого-нибудь. Так будет легче. Это может быть литератор, режиссер, друг или свой Стасов.

Дорогой Эдик, надо кончать письмо. Желаю хорошо провести молодежный пленум. Хочу, чтобы хорошо прошел фестиваль Прокофьева.

Когда будешь в Москве?

Я ложусь в больницу 10 июня 1966 года. Третья операция (третий тур). На конкурс Чайковского ходить не буду.

Тебе желаю как можно скорее понять, что ты – огромный талант, что ты должен сочинять. Будь хоть министром, но сочиняй. Вставай рано утром. Сочиняй с 9 до 1 дня.

Передай мои добрые пожелания всем молодым композиторам.
Привет всей твоей семье. Обнимаю

Твой ***Арам Хачатурян***

20.12.1968, Москва

Дорогой Эдик!

Потрясен подарком /*к 65-летию А. Х.*/!!! Не ожидал! Крепко тебя обнимаю и благодарю! Передай привет и благодарность партии и правительству Армении и юбилейному комитету. Поздравляю тебя и всю твою семью с Новым годом. Спасибо за 1968 год, за твою сонату. В 1969 году (до осени) жду не хуже сочинения. Ты должен написать. Начинай немедленно работать. Котика ленинское сочинение мне очень понравилось. Буду писать ему письмо. Еще раз обнимаю тебя

Арам Хачатурян

16.02.1969, Кунцево

Дорогой Эдик!

Я думал, может быть, ты напишешь мне письмо и спросишь, как я себя чувствую. Говорят, когда Магомет не идет к горе, гора идет к Магомету.

Я решил написать о себе письмо и /*про*/информировать вас о моем состоянии. Ты знаешь, что в данное время я нахожусь в больнице. У меня было кровотечение язвы. Кровь остановлена, но есть открытая ниша, т.е. язва. Меня очень мучают. В день шесть уколов. Рентгеновские просвечивания язвы, печени, желчного пузыря, толстой кишки – это очень тяжелые процедуры. Но я веду себя послушным больным, чтобы дать им возможность полностью изучить состояние моего здоровья.

У меня отдельная палата с телефоном и телевизором. Так что я устроен очень хорошо. Но все равно это для меня культурная тюрьма. В Москве свирепствует грипп, поэтому в больнице карантин, и никого не пускают.

Я привез сюда магнитофон и запись моего Концерта-рапсодии (который армянам не понравился), буду чуть-чуть подчищать. Во второй быстрой части буду упрощать ритм. Там я слишком мозаично размазал пикантные ритмы, которые не получились и вряд ли легко будут получаться. Кроме того, здесь я пишу письма, отзывы, характеристики и т.д. Перебрал свой фотоархив. Между прочим, немало снимков с тобой.

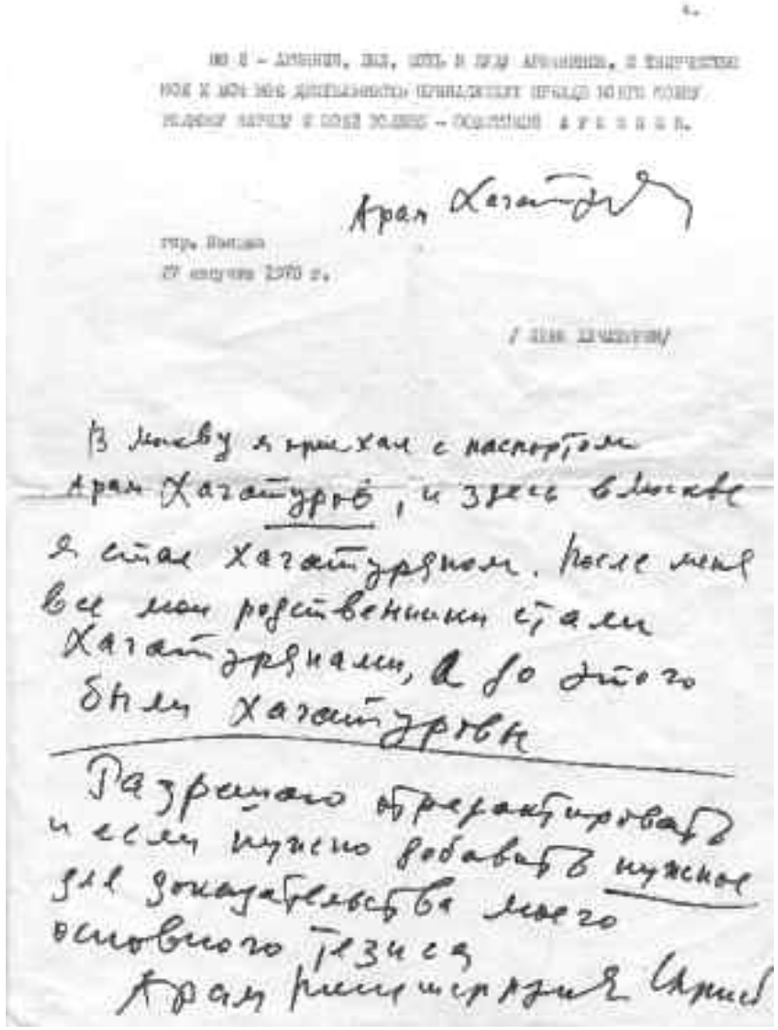
В общем, стараюсь занимать себя делом и много читаю – все это для того, чтобы отгонять от себя мрачные мысли. А мысли у меня, действительно, мрачные. Я понимаю, что старики должны уступать свои места молодым. Это естественно. Но молодые, в свою очередь, не должны забывать стариков. Я замечаю, как все понемногу начинают

забывать меня. На это ты можешь сказать мне, что достойных стариков не забывают. Армения – Родина моя! Народ – Да! Он меня всегда понимал и любил, армянская нынешняя власть считает, что я только организатор звуков, а не активный строитель культуры. Моя трагедия еще /*и*/ в том, что в Москве я – чужой, а для армян я – "эмигрант".

Прости меня за такие мысли. Но я ничего не могу сделать с собой. Я никогда не думал так много о том, что я армянин, никогда не думал, как сейчас.

В заключение хочу знать, ты работаешь или нет? Закрепляешь успех после сонаты или нет? Прошу принять мой привет, мои добрые мысли о тебе. Кланяйся твоей очаровательной супруге с детьми.

С любовью ***Арам Хачатурян***



Хачатурян Эмин (дирижер)

– Это был истинный интеллигент. Он очень хорошо работал в Ереванской консерватории – мне приходилось в этом убеждаться каждый раз, когда я возглавлял комиссию выпускных экзаменов класса симфонического дирижирования.

У меня с этим замечательным музыкантом, дирижером настоящей профессиональной школы была дружба, связанная с моей работой в области кино. В итоге – большинство фильмов были записаны им и, как принцип, под изображение. Он это делал мастерски. Он был безотказный, всегда шел навстречу. Согласно существующему правилу, дирижер имел право записать лишь определенное количество минут музыки. Однажды, когда я обратился с просьбой, выяснилось, что он исчерпал свой лимит, и Эмин согласился записывать меня бесплатно...

Я вспомнил одну историю – с Эмином мы записывали музыку к к/ф "Хаос", когда я по собственной инициативе написал музыку к эпизоду, не предполагающему музыкального сопровождения. Главный герой Смбат в ресторане. Напился допьяна, потому что ему дали указание стрелять в бастующих рабочих. Полное крушение социалистических идеалов. Идет его монолог: «Դու ճիշտ էիր, Նատալյա՛...» ("Ты была права, Наталья..."). Я сел и написал музыку – проходит тема, потом становится фоном. Звоню в Ереван режиссеру Лаэрту Вагаршяну, прошу срочно приехать в Москву. Он отказывается: "Там не должно быть музыки. У меня времени в обрез, и вообще – делай что хочешь". Я отвечаю, что если утром его не будет в студии, снимаю смену и отменяю запись – а это большие издержки. Лаэрт прилетает ночным рейсом и уже утром сидит рядом со мной.

Эмин дирижирует этот эпизод, музыка оказывается длиннее зрительного ряда.

– Лаэрт, я сокращу.

– Не надо, я удлиню зрительный ряд.

Он сразу принял эту версию. Теперь в Ереване идет перезапись этого куска: шумы, голоса – целое дело. Сценарист Вадим Меликсетян категорически против:

– Ни в коем случае, никакой музыки – это кульминация фильма, там каждое слово должно дойти до зрителя – все полетит к черту!

– Вадик, ну хоть немножко послушай, прошу тебя, очень прошу...

Он слушает, потрясенный, оборачивается ко мне:

– Эдик, что ты сделал! Ты реквием написал...

И тут же начинает сокращать текст: "Эти слова убери, это тоже убери..." Половину текста сократил, а музыку оставил...

20.09.1965, Москва

Дорогой Эдик!

Отвечаю тебе с небольшим опозданием, так как только вчера получил твое письмо – оно пролежало несколько дней у Котика.

Я очень благодарен тебе, во-первых, за ответ, а главное, за то, что ты поддерживаешь мое желание переехать в Ереван и так оперативно взялся за дело. Действительно, желание жить и работать в Ереване у меня большое и намерения, как говорится, самые серьезные. Меня не пугают те трудности, которые сейчас испытывает оркестр */Государственный симфонический оркестр Армфилармонии/* и о которых ты пишешь мне. Главное, что руководит мной, – это стремление работать, заниматься любимым делом, работать вместе с друзьями и товарищами, которые, я надеюсь, у меня есть в Ереване. Тот план, который ты предлагаешь, по-моему, самый разумный. Я имею в виду свой приезд в Ереван с концертами и конкретные переговоры на месте.

Я готов приехать в октябре в любое время и буду ждать вызова. Все это, включая сроки и программы, можно сделать через Госконцерт.

Дорогой Эдик! Та ниточка, которой я связан с Ереваном, – это ты (ниточка ли это? Может быть, что-нибудь более крепкое).

Поэтому я снова прошу тебя быть моим наставником и покровителем в делах, связанных с моим переездом в Ереван.

Целую Твой ***Эмин***

27.06.1988, Москва

Дорогой Эдик!

Я очень благодарен тебе за готовность помочь мне с Дилижаном. Как и всегда, мне радостно сознавать, что у меня есть друг, все понимающий с полуслова и всегда готовый помочь в самых разных делах.

Путевка в Дилижан мне действительно очень нужна. Дело не только в том, что я не имел нормального отдыха уже 3 года, но главным образом в том, чтобы моя малышка-дочь побыла хотя бы месяц вне города, да и вообще подышала бы воздухом Родины. А я тебя с ней познакомлю, по-моему, она получилась замечательная.

У меня нет дачи, и все лето, до сентября, мы в Москве. Снять дачу не удалось, да и рискованно ехать на дачу с пятимесячной девочкой. Нужны удобства – вода, газ, а это найти очень трудно.

В Москве лето началось очень жаркое и душное, и меня очень тревожит то, что Каринка живет в этой духоте. Так что огромное спасибо тебе за помощь!

Большой привет Ляле, маме и всем в твоей семье

Обнимаю тебя ***Эмин***

Нона (Нелли) Шахназарова (музыковед)

1981год

Дорогой Эдик!

К моему глубокому сожалению, я не могла тебя поздравить в дни юбилея – так получилось. Но не откликнуться на него – хоть с опозданием – я тоже не могу. Мне жаль, что мы теперь не видимся, – каждая встреча с тобой, даже самая мимолетная, доставляла мне радость, заставляла улыбаться.

Я тебя всегда воспринимала как некое воплощение времени, Востока вообще – твою мудрость, щедрость души, твой гибкий ум и дипломатические способности, твое стремление служить национальным интересам Армении и ее музыке, забывая подчас о собственной своей творческой судьбе, твою способность входить легко в контакт с людьми разных характеров и разного социального ранга – и главное, твое человеческое и мужское обаяние.

Я люблю твою музыку и, как смогла, постаралась в свое время это выразить. Очень сожалею только, что ты, – один из самых талантливых и самый, может быть, чуткий к современности музыкант своего поколения, не успел себя выразить в полной мере.

Но и того, что ты сделал, достаточно, чтобы остаться в музыкальном творчестве и музыкальной культуре Армении навсегда.

Желаю тебе здоровья и долгих лет жизни.

Мой сердечный привет Ляле, с таким достоинством несущей не очень легкое бремя быть твоей женой.

Мои наилучшие пожелания всему твоему прекрасному семейству

Целую ***Нона***

Шостакович Дмитрий

02.06.1963, Фрунзе

Дорогой Эдвард Михайлович!

Пишу Вам из Фрунзе, где сейчас проходит Декада русской советской музыки. Забот, хлопот видимо-невидимо. Пишу Вам вот по какому делу. 1-го июля мы – жена и я – собираемся приехать в Дом творчества в Дилежане /*Дилижан – Л. Е.*/. Большая просьба устроить нас там на месяц. Сообщите мне, пожалуйста, что для этого нужно. Нужно ли взять путевки в Москве или их можно взять в Ереване. Мне не хочется из-за формальностей задерживаться в Ереване. Хочется прямо направиться в Дилежан (простите, если я неправильно пишу это название). Кроме того, еще один вопрос: как туда добираться? Я хочу 1-го июля прилететь в Ереван. Можно ли будет так устроить, чтобы нас встретили и отвезли бы на машине в Дилежан? Если Вам не будет трудно, сообщите мне об этом в Москву (Москва

К-9 ул. Неждановой 8/60 корпус 2 кв.23). В Москву я вернусь 11-го июня.

Простите меня за то, что я Вас беспокою.

Шлю Вам самые лучшие пожелания

Ваш ***Д. Шостакович***

08.04.1966, Москва

Дорогой Эдвард Михайлович!

Спасибо Вам за приглашение принять участие в работе Съезда композиторов Армении. К сожалению, состояние моего здоровья не позволяет мне воспользоваться Вашим приглашением.

Шлю Вам мои самые лучшие пожелания

Д. Шостакович

08.12.1971, Барвиха

Многоуважаемый Эдвард Михайлович!

Спасибо Вам сердечное за приглашение на юбилейные торжества в связи со 100-летием великого армянского композитора А. Спендиарова. Приехать к Вам я не смогу. Я два месяца тому назад перенес инфаркт, и мне еще нужно много времени, чтобы вернуть силы и здоровье. А сейчас я еще очень слаб.

С лучшими пожеланиями

Д. Шостакович

10.09.1972, Жуково

Дорогой Эдвард Михайлович!

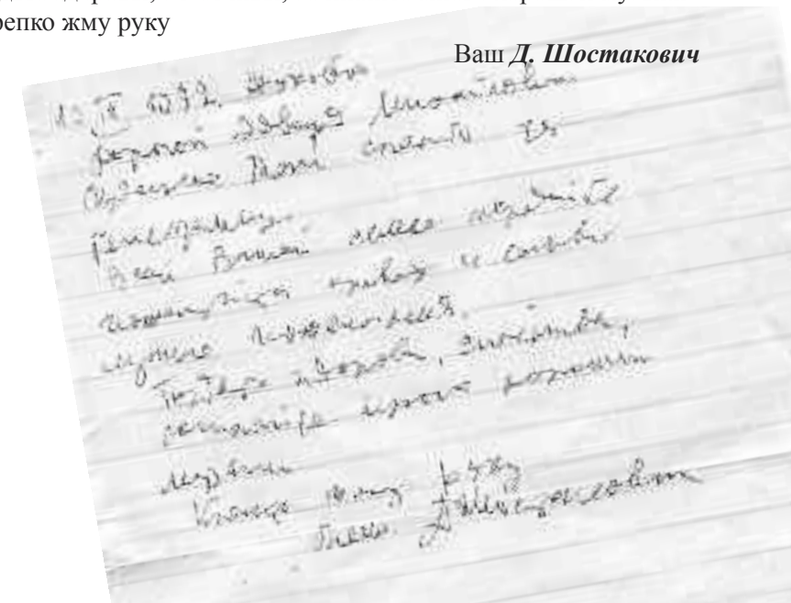
Сердечное Вам спасибо за телеграмму.

Всей Вашей семье передайте, пожалуйста, привет и самые лучшие пожелания.

Будьте здоровы, счастливы, сочиняйте много хорошей музыки.

Крепко жму руку

Ваш ***Д. Шостакович***



Щедрин Родион, Плисецкая Майя

09.01.1967, Москва

Дорогой и любимый наш Эдик джан!

Я и Майя – а 2 (a due) – поздравляем всех вас – тебя, Лялю, Зару и, конечно, Аршака с Новым годом. Чтоб был он счастливым, удачливым и принес нам встречу с твоим новым сочинением, которое ты задолжал после замечательной струнной (с Timp.) симфонии. Спасибо за поздравление Аршаку! Кстати, скажи ему, что тогда в Дилижане наша /*футбольная*/ команда все же выиграла.

Был на днях у Арноши. Вид у него неплохой, и он веселый и беззаботный, как всегда, но хорошего, как ты знаешь, к сожалению, мало.

Вчера (хочу тебе похвастать и отчитаться) в Большом зале я играл с БСО (с Ген. Рождественским) свой новый (II) фортепианный концерт. Вроде прошло хорошо. Теперь твоя очередь. Я очень искренно жду новое твое сочинение.

Крепко целую

Твой ***Робик***

Аринька, дорогой, спасибо тебе большое за поздравление! Будь здоров и счастлив в Новом году и поцелуй Зарочку, маму и папу.

Твоя подружка ***Майя Плисецкая***

Список публикуемых писем

Գրիգորյան Ռ. (22.09.67) «Շատ սիրելի Էդիկ, Նստած Պերճի հետ՝ միասին լսում ենք Ձեր բոլորի այնքան քաղցր ձայնը, անկեղծ մաղթանքները, եւ ուրախութեան յուզմունքը պատել է մեզ. երկուսիս աչքերն էլ խոնաւ են...», էջ 230:

Գրիգորյան Ռ. (02.16.68) «Սիրելի՛ Էդիկ, Քանի օր է, որ վերադարձել եմ կոնցերտ-տուրից», էջ 468:

Դուրյան Օ. (17.06.75) «Սիրելի՛ Էդիկ, Ես Բաբկենի հետ լարային նվագախմբի համար պարտիտուրա ուղարկեցի՝ քեզմե խնդրելով, որ գնահատես գումարը, իմ խեղճ կնոջս և երեխայիս ուղարկես», էջ 280:

Եսայան Խ. (31.03.69) «Սիրելի իմ Էդվարդ, Քեզ տեսնելու բոլոր հույսերս կորցնելու պատճառով դիմում եմ նամակի, այլ ոչ թե էպիստոլյար ժառանգություն թողնելու նպատակով», էջ 492:

Ժամկոչյան Պ. (1976) «Շա՛տ սիրելի Էդիկ, Վերջապէս հասանք տուն, եւ փա՛ռք Աստծոյ, այս անգամ շատ գեղեցիկ երեւանեան յուշերով ու տպաւորութիւններով», էջ 500:

Խաչատրյան Ա. (09.01.62) «Սիրելի՛ Էդվարդ, Վաղուց է՝ ինձ նամակ չես գրել: Արդյոք պատճառը ինչո՞ւմն է», էջ 81 (հատված), էջ 581:

Խաչատրյան Ա. (19.04.67) «Սիրելի՛ Էդիկ, Սարասաթեի անհետաքրքիր է այստեղի խոսակցությունը: Բոլորը սուտ են խոսում», էջ 85:

Կապուտիկյան Ս. (14.05.06) «Սիրելի՛ Էդվարդ, Թեև դու ինձ ակնարկ իսկ չես արել ծննդյանդ 85 ամյակին շնորհավորագիր ուղարկելու մասին, բայց ես հոգուս պարտքը համարեցի գրել այս տողերը և շնորհավորել քո հոբելյանական տարեդարձը», էջ 510:

Ղարաբեկյան Ա. (03.04.87) «Շա՛տ սիրելի վարպետ, Շատ ուրախ եմ, որ վերջապէս յաջողուեց Ձեզ հետ հեռաձայնով խօսել. Ձեզ հետ խօսելը անմոռանալի յուշեր թարմացրեց մէջս, եւ կարօտ զգացի...», էջ 328:

Միրզայան Մ. (24.04.42) «Էդի՛կ ջան, Քանի որ մամադ ընթացիկ անցուդարձի մասին քեզ հետ միշտ խոսում ու նամակներով էլ հայտնում է, ես այս նամակով քեզ տեղյակ կպահեմ մեր երաժշտական անցուդարձի մասին», էջ 70:

Միրզայան Մ. (15.04.46) «Սիրելի՛ Էդիկ, Այսօր երեկոյան գնացի ֆիլհարմոնիա, օրկեստրը նվագում էր Չայկովսկու V սիմֆոնիան և Իտալական կապրիչիոն, իսկ Գեորգի Սարաջևը՝ Չայկովսկու I դաշնամուրային կոնցերտը», էջ 538:

Միրզայան Մ. (07.05.46) «Էդի՛կ ջան, Շնորհավորում եմ ծննդյան 25 ամյակդ: Կյանքի քառորդ դարը բավական մեծ ստաժ է և շնորհքով մարդու ձեռքին բեղմնավոր ստեղծագործական աշխատանքի պատկառելի ժամանակաշրջան, որպեսզի նա կարողանա շրջապատին իր մասին խոսեցնել», էջ 136:

Միրզայան Մ. (12.06.46) «Սիրելի՛ Էդիկ, Առաջին խնդիրը, որին նվիրում եմ նամակս, վերհուշ է այն խոշոր թյուրիմացության, որ այնքան մեծ վիշտ պատճառեց մորդ և Մարիանային», էջ 100:

Միրզայան Մ. (20.03.47) «Էդի՛կ ջան, Վաղուց ուզում էի քեզ գրել մի շարք՝ «Դեմքեր-դեպքեր», բայց զբաղվածությունս միշտ խանգարել է», էջ 89:

Միրզայան Մ. (1947) «Էդի՛կ ջան, Գրում եմ հերթական երկրորդ նամակս՝ «Դեմքեր ու դեպքեր» (Երվանդ Սարդարյան)», էջ 540:

Միրզայան Մ. (15.07.48) «Սիրելի՛ Էդիկ, Մամադ մանրամասն պատմած կլինի պայմանագրերի կնքման պատմությունը: Ֆորմալիստական անցուդարձից հետո բոլոր հիմնարկները հետևում են դրանց», էջ 121:

Միրզայան Մ. (30.08.49) «Սիրելի՛ Էդիկ, Քեզ նախորդ նամակում ասել էին Միությանը նամակ գրես և պաշտոնապես տեղյակ պահես աշխատանքիդ ընթացքի մասին», էջ 544:

Միրզայան Մ. Լյուսյա Փեժանգիին (30.07.58) «Լյուսյա՛, բարև՛, 29-ի առավոտյան նախաճաշելով Արզնիում՝ վերադարձա Երևան...», էջ 545:

Միրզոյան Է. Արամ Խաչատրյանին (19.04.67) «Արամ Իլյիչ, Այս բոլոր խոսակցությունները, հայերեն լեզվով ասած, ֆնդխ են», էջ 87:

Նիկողոսյան Ն. (19.10.81) «Ի՛մ սիրելի Էդիկ, Երբեմն մարդը, աչքերը խավար, ոչ ոքի չի տեսնում, ավելի շուտ՝ չի ուզում տեսնել. զբաղված է միմիայն իր գործերով (ժամանակն է դաժան)», էջ 552:

Զրբաշյան Կ. (23.09.67) «Յարգելի եւ սիրելի Պրն. Ե. Միրզոյեան, Գալս պիտի ուշանայ ոչ թէ գործերիս պատճառով, այլ որովհետեւ մի ամսից պիտի ենթարկուեմ մի փոքրիկ վիրաբուժական գործողութեան», էջ 486:

Զրբաշյան Կ. (26.05.72) «Յարգելի՛ Տիար Նախագահ, Սիրելի՛ Էդիկ, Նորից ես եմ Ձեզ անհանգստացնում՝ Ձեզ տեղեկացնելու համար, որ Յունիսի 15-ին հօրեղբօրս [*Արծրունի*] գեղախումբը պիտի գայ Հայաստան», էջ 488:

Զրբաշյան Կ. (06.08.81) «Սիրելի՛ Էդիկ, Անուշի եւ Շուշանի միջոցով քեզ, ինչպէս նաեւ հարազատներիդ ուղարկում եմ ջերմ ողջոյններս», էջ 489:

Սարյան Ղ. (մոտ 1972 թ.) «Այ Էդիկ, Սոնատիդ նոտաները հանձնիր հրատարակությանը: Դա արդեն միայն քո սեփականությունը չի», էջ 247:

Սարյան Օ. (17.10.63) «Մեր թանկագին եւ հարազատ հայրենական հիւրեր, Շատ ուրախ ենք որ այժմ պատեհութիւն կ'ունենանք անձամբ լսելու Ամերիկեան ժողովրդի հետ այս երկրի բեմերի վրայ», էջ 259:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (06.12.58) «Էդի՛կ ջան, Շատ դժվար է ինձ համար քեզ գրել այս նամակը, ես ընդհանրապես չունեմ խոսելու կամ գրելու որևէ ձիրք և համարյա երբեք չեմ կարողանում իմ զգացմունքները արտահայտել խոսքով կամ գրելով», էջ 384:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (11.09.59) «Էդի՛կ ջան, Չեմ ուզում քեզ երկար անհանգստացնեմ, միայն ուզում եմ ասել որոշ չափով իմ գործերի մասին», էջ 387:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (31.03.60) «***Էդի՛կ ջան,*** Ինչպես դու հիշում ես, ես վերադարձա Ռուզա ամսի 11-ի առավոտյան: Սկսած ամսի 14-ից մինչև օրս ես հիվանդ եմ», էջ 390:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (28.11.60) «Էդի՛կ ջան, Այս չորս ամիսների ընթացքում ես, իհա՛րկե, գլուխ չեմ պահել, այլ աշխատել եմ, ոչ այնպես, ինչպես ես կարող եմ՝ օրական 20 ժ., այլ՝ ավելի հանգիստ, չշտապելով», էջ 391:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (29.12.60) «Էդի՛կ ջան, Չգիտեմ թե ինչու, սրանից առաջ գրած նամակս սկսեցի ռուսերեն, և կարևորն այն է, որ կիսատ-պռատ ռուսերենով: Բայց կեսը գրել էի և շարունակեցի», էջ 396:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (25.04.61) «Էդի՛կ ջան, Գործերը այնպես են դասավորվում, որ ոչ մի կերպ չի հաջողվում գոնե մի քանի օրով գալ», էջ 400:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (10.01.62) «Էդի՛կ ջան, Շնորհավորում եմ քո Նոր տարին, ցանկանում եմ, որ մյուս տարիներին հակադիր՝ այս տարում դու թքես այն բոլորի վրա, որ քեզ խանգարում է աշխատելու և գրես անընդհատ», էջ 403:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (23.04.62) «Սիրելի՛ Էդվարդ Միխայլովիչ, Չգիտեմ, թե դու ինչպես կվերաբերվես այս նամակին: Հարցը նրանում է, որ ես մեր Վարչությանը դիմում գրեցի՝ Երկրորդ սիմֆոնիան արտագրելու համար», էջ 405:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (27.12.62) «Էդի՛կ ջան, Կարծես թե Ռուզայի գործերը լավ են գնում: Մի երկու օրից հետո ամեն ինչ կպարզվի», էջ 407:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (02.63) «Էդվա՛րդ Միխայլովիչ, Երկար մտածելուց հետո եկա այն եզրակացության, որ համենայն դեպս պահպանել այն լարված դրությունը մեր մեջ, որը հիմա գոյություն ունի, ուղղակի հիմարություն է», էջ 410:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (06.11.63) «Էդի՛կ ջան, Շատ խորին շնորհակալ եմ Բաբկեն Միխայլովիչից բավական «նուրբ» և «սիրալիր» վերաբերմունքի համար», էջ 414:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (17.08.64) «Էդի՛կ ջան, Այնպես էլ գնացի, ու մի կարգին չխոսեցինք: Էդի՛կ ջան, Դե ես էլի եկա և ընկա իմ հիմար գործերի մեջ: Պետք է ստիպված փող աշխատել», էջ 417:

Տեր-Թադևոսյան Զ. (26.10.64) «Էդի՛կ ջան, Շատ ներողություն, որ քեզ անհանգստացնում եմ մի այսպիսի հարցով: Մի երկու օր առաջ Խաղազորտյանի հետ խոսում էի», էջ 418:

Ուդումյան Կ. (1981) «Թանկագի՛ն Էդվարդ՝ որդի Միքայելի, Դժվար է հաղորդել իմ ուրախությունը և ներքին գոհունակությունը՝

քեզ ՍՍՀՄ ժողովրդական արտիստի բարձր ու պատվավոր կոչումը շնորհելու կապակցությամբ», էջ 569:

Քոչինյան Ս. (01.09.84) «Էդի՛կ ջան, Շատ եմ ափսոսում, որ ես եկա՝ դու չկայիր: Ուրախությանս չափ չկար, երբ ես նայեցի սրահը (Բեթհովենի)», էջ 198:

Аксюк С. (11.05.74) "Дорогой Эдуард Михайлович! Слышал и видел на днях Вашу симфонию с литаврами и Вас по телевидению", с.211.

Арутюнян А. (22.05.42) "Здравствуй, милый друг! Получил твое письмо, был несказанно рад и спешу тебе ответить <...>. Во-первых, поживаем ничего, хорошо, т.е. так, как живут все люди в обстановке войны", с.72.

Арутюнян А. (19.08.69) "Дорогой Эдик! Я уже потерял надежду на ответное письмо, как вчера, придя после пляжа в пансионат, узнаю, что на мое имя сразу два письма: от тебя и Зарика!", с.191.

Арутюнян Б. (18.04.42) "Здравствуй, дорогой Эдик! Так вот значит, если ты уехал, то должен забыть нас всех?! с.52.

Асламазян С. (18.02.67) "Дорогой мой Эдик! Я не нахожу слов, чтобы поблагодарить Вас за все, что Вы сделали для меня", с.268.

Бабаджанян А. (30.09.47) "Эдик ջան (джан)! Посылаю с Гурвичем партитуру моего концерта. Вчера играл довольно-таки успешно, встречали тепло, на бис сыграл "Токкату", с.449.

Бабаджанян А. (22.09.60) "Эдик ջան! Как мы с тобой договорились, присылаю партитуру и клавир моей песни. Котик, как всегда, верен себе, еще мне не звонил", с.449.

Бабаджанян А. (05.0I.78) "Дорогой Эдик! Только приехал из Парижа и спешу тебе сообщить. Наш концерт должен состояться 16 июня в Марселе и 18-го – в Лионе.", с.452.

Бабаджанян Арц. (06.03.63) "Эдик, дорогой! Вся надежда на тебя. Недаром, когда ты уезжал в Америку, я почувствовала какую-то тревогу", с.450.

Бабаджанян Т. (1980) "Дорогой Эдик! Обращаюсь к тебе с просьбой относительно здоровья Арно", с.451.

Бабаджанян Т. (1980) **"**Дорогой Эдик! Только что из разговора с Сосяном выяснилось, что ты обращался за разрешением нашей поездки в ЦК", с.451.

Бабалян А. (02.02, конец 60-х). "Дорогой Эдик! Прежде всего я хочу выразить Вам свою глубокую благодарность за Ваши строки обо мне, адресованные О.В.Тактакишвили. Большое, большое Вам спасибо за них", с.42 (фрагмент), с.454.

Бабалян А. (01.09, конец 60-х) "Дорогой Эдик! Сегодня мне сообщили о том, что пенсия моя пересмотрена в сторону увеличения", с.458.

Бахтадзе И. (12.12.80) "Добрый день, Эдуард Михайлович! Я написала Вам, чтобы не отнимать времени у Вас в предпраздничный

период напряженной работы. И сейчас хочу высказать свою признательность за гостеприимный и теплый прием, оказанный Вами, с.272.

Буш Дж. (без даты) "Мой дорогой Эдвард! Снова я дома после трехнедельной поездки, но такой яркой, что до сих пор мне кажется, что я еще с Вами", с.229.

Восканян Гр. (26.11.78) "Дорогой Эдвард Михайлович! Перед отъездом я не успел поговорить с Вами, потому (хотя бы с небольшим опозданием) выражаю Вам глубокую благодарность за чудесные дни в Ереване", с.230.

Габриэлян А. (02.11.72) "Дорогой Эдик! В связи с моим решением восстановить деятельность моего детища – квартета имени Комитаса, организованного мною в 1924 году, я пополнил квартет двумя молодыми музыкантами: лауреатом Всесоюзного и Международного конкурсов, виолончелистом Д. Григоряном и альтистом Г. Марказьяном", с.265.

Габриэлян А. (около 1963 года) " Дорогой Эдуард Михайлович! Дорогой Эдик, вот по какому делу я Вас беспокою", с.459.

Газаров Э. (04.06.91) "Дорогой Эдвард Михайлович! Чудом удалось меня обменять на одного офицера-турка, при этом пришлось выделить солидную сумму посредникам", с.312.

Газаров Э. (24.06.91) "Дорогие Эдвард Михайлович и Левон Александрович! Благославляю и благодарю вас за столь искреннее внимание к моей судьбе и моему творчеству", с.313.

Гарднер Дж. (без даты) "Мой дорогой Эдвард! В то время, как я пишу Вам, я вспоминаю о том гостеприимстве, какое Вы оказали в октябре мне и Джоффри. Мы оба пришли к тому выводу, что время, проведенное нами в Армении, было одним из чудеснейших в нашей жизни", с.228.

Гошовский В. (09.08.87) "Глубокоуважаемый и дорогой Эдвард Михайлович! Рад Вам сообщить приятную новость: с первого августа с.г. в моей квартире установлен телефон", с.461.

Гошовский В. (02.11.87) "Глубокоуважаемый Эдвард Михайлович! Наш последний телефонный разговор меня так взволновал, что я долго не мог заснуть", с.464.

Гошовский В. (16.11.87) "Глубокоуважаемый Эдвард Михайлович! Я знаю, что телеграмма, которую Вы сегодня получите, Вас огорчит, и я чувствую себя виноватым перед Вами", с.464.

Гошовский В. (02.07.88) "Дорогой Эдвард Михайлович, несколько недель тому назад меня остановил на улице львовский композитор Янивский, который до этого побывал в Армении", с.465.

Григорян Г. (без даты) Здравствуйте, дорогой Эдуард Михайлович! Я начал работу усиленными темпами, но боюсь потерять */работу/,* потому что итальянцы не очень любят работать, но ничего – двое из маэстро полюбили меня и занимаются с большим интересом, им нравится наше пение и наша музыка", с.336.

Григорян Р. (22.09.67) “Дорогой, дорогой Эдик! Сидим тут вместе с Перчем и слушаем ваши родные голоса, ваши искренние добрые пожелания, и радостное волнение наполняет нас, у обоих слезы на глазах...”, с.231.

Григорян Р. (02.06.68) “Дорогой Эдик! Уже несколько дней, как я вернулся из концертного тура, как указано в программе, которую высылаю тебе”, с.469.

Давидян Р. (30.06.59) “Дорогой Эдик! Уже давно по приезде из Исландии собираюсь написать тебе, но сразу же окунулся во множество дел и все никак не мог собраться”, с.253.

Давидян Р. (07.12.59) “Дорогой Эдик! Недавно мы возвратились из поездки. Поездка была очень интересная. Кое-что ты, наверное, уже знаешь из газеты “Коммунист” от 5.12. При встрече расскажу более подробно”, с.470.

Давидян Р. (20.03.60) “Дорогой Эдик! Сегодня концерт прошел успешно. Всем очень понравился твой Квартет. Говорили “настоящий”, с.254.

Давидян Р. (30.03.60) “Дорогой Эдик! Только что видел композитора Владимира Александровича Власова. Он мне сказал, что позавчера был худсовет (а он был членом худсовета), и что запись твоего Квартета приняли”, с.471.

Давидян Р. (26.10.61) “Дорогой Эдик! Артак Тоникян был в Москве и обратился к нам с предложением выступить 29 ноября на торжественном концерте в Ереване”, с.472.

Давидян Р. (без даты) “Дорогой Эдик! Пишу тебе это письмо “вдогонку”. Сегодня Асатур Григорян мне сказал, что только что получил твое письмо от Богданяна”, с.265 (фрагмент), с.473.

Давидян Р. (03.09.63) **“**Дорогой Эдик! <...> Очень сожалею о том, что не повидал тебя. Около месяца я пробыл в Тбилиси. Очень остался доволен тем, что давно столь продолжительный срок не бывал там с родителями”, с.473.

Давидян Р. (25.09.64) “Дорогой Эдик! Так как тебя заинтересовала наша германская поездка, я решил ее выписать для тебя”, с.474.

Давидян Р. (14.11.64) “Дорогой Эдик! Меня потряс один факт, о котором я тебе хотел рассказать при встрече”, с.475.

Давидян Р. (15.07.65) “Дорогой Эдик! Вряд ли ты сейчас в Ереване. Пишу на всякий случай. Может быть, ты в Дилижане и наездами бываешь в городе”, с.476.

Давидян Р. (02.09.65) “Дорогой Эдик! Читал о том, что в Ереване проходили “Дни Бриттена”, с.477.

Давидян Р. (08.10.65) “Дорогой Эдик! Получил сегодня твое письмо. “Новость”, о которой я тебе писал, меньше всего касалась Союза композиторов, который всегда к нам относился замечательно”, с.478.

Давидян Р. (18.12.65) “Дорогой Эдик! Эта неделя прошла у меня очень тревожно. Дело в том, что у меня осложнения с получением ордера на въезд в квартиру”, с.478.

Давидян Р. (17.01.67) “ Дорогой Эдик! Спасибо тебе за новогодние поздравления! Надеюсь, ты мои получил тоже”, с.479.

Давидян Р. (26.02.67) “Дорогой мой Эдик! Знаю от Карпа Савельевича, какое ты принял горячее и сердечное участие в вопросе о награждении Сергея Захаровича Почетной грамотой Верховного Совета”, с.480.

Давидян Р. (13.06.68) “Здравствуй, дорогой Эдик! Хочу тебя удивить одним сообщением. Дело в том, что я женился”, с.480.

Давидян Р. (01.11.68) “Дорогой Эдик! Право не пойму, чем я тебя прогневил. Я уж не говорю о том, что ты, бывая в Москве, совсем перестал мне звонить”, с.481.

Давидян Р. (11.02.70) “Дорогой Эдик! Некоторое время тому назад у меня опять началось обострение болезни моей руки”, с.481.

Давидян Р. (11.04.72) “Дорогой Эдик! Читал в “Коммунисте”, что ты был с группой композиторов в Ленинграде и что еще предстоит цикл таких выездов и в другие города”, с.483.

Давидян Р. (02.01.75) “Дорогой Эдик! Хочу надеяться, что тебе нервы треплют меньше, может быть поймут, в конце концов, что интересы дела должны превалировать над всеми остальными вещами”, с.483.

Давидян Р. (28.01.77) “Дорогой Эдик! Еще вчера вечером решил написать тебе. А сегодня утром, перед тем, как сделать это, открыл газету и прочитал о смерти Вартана Аджемяна”, с.187.

Джанибекян Дж. (1965) “Уважаемый гр. Мирзоян – хороший человек! Пару дней назад узнал о том, что благодаря Вашему содействию мне сократили срок на два года. Не будучи со мной знакомым, Вы поверили в меня и пытались достичь еще больших результатов, сделать большее, но и то, что удалось, – немало”, с.76.

Джербашян К. (23.09.67) “Дорогой, уважаемый г-н Э.Мирзоян! Мой приезд откладывается. Не подумайте, что занят, – я должен лечь в больницу на небольшую операцию”, с.487.

Джербашян К. (26.05.72) “Снова я беспокою Вас по поводу прибытия в Армению 15 июня артистической труппы моего дяди (Арцруна)”, с.488.

Джербашян К. (06.08.81) “Дорогой Эдик, через Ануш и Шушан посылаю тебе и твоим родным горячие приветы. Посылаю также ключ для настройки рояля”, с.489.

Джербашян С. (1949) “Дорогой Эдик! Во-первых, прости, что так долго не писал – как-то не получалось и, откровенно говоря, не хотелось лишний раз тебя огорчать своими грустными письмами”, с.378.

Долуханова З. – Люсе Першанговой (20.07.87) “Дорогая Люся Богдановна! Находясь во Франции, в городе Туре на музыкальном

семинаре, я имела счастье слушать 15 июля 1987 года Симфонию Эдуарда Михайловича для струнного оркестра с ударными инструментами", с.490.

Долуханова З. – Люсе Першанговой (23.09.87) "Дорогая моя Люся Богдановна! Ваше письмо меня восхитило и обрадовало настолько, что я вновь вспомнила мое музыкальное прошлое и концерты в Ереване", с.490.

Домбаев Г. (04.07.48) "Дорогой Эдик! Спешу ответить на Ваше письмо, полученное вчера. Вчера я подписал договор с Вами и Котиком и, как мне сказала бухгалтер, Михаил Иванович получил за вас обоих авансы", с.118.

Дурян О. (17.06.75) **"**Дорогой Эдик, с Бабкеном послал тебе партитуру для струнного оркестра с просьбой оценить это сочинение и деньги передать моей бедной жене и ребенку, поскольку отсюда я пока не в состоянии им помогать, с.281.

Есаян Х. (10.06.63) "Дорогой мой, замечательный Эдик, если б ты знал, как я тебя люблю. Какой ты молодец!", с.491.

Есаян Х. (27.08.68) "Эдик ջան, дело в том, что сегодня мне сказала Берта, что коттеджи с 1-го распределены Сарьяном и Сосяном", с.492.

Есаян Х. (31.03.69) "Дорогой мой Эдвард! Потерял всякую надежду на встречу с тобой, только поэтому обращаюсь к тебе письмом – а не потому, чтобы отметиться в эпистолярном жанре", с.493.

Жамкочян П. (1974) **"**Дорогой, дорогой Эдик! Наконец, мы добрались до дому, слава Богу... Вернулись с прекрасными впечатлениями и воспоминаниями о Ереване", с.502.

Золотов А. (22.07.74) "Дорогой, горячо и искренне почитаемый мною Эдвард Михайлович! Пишу Вам в большом волнении ЗА ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ...", с.262.

Кабалевский Дм. (13.09.68) "Дорогой Эдик, едва успели прилететь в Москву, как я был втянут в такой стремительный водоворот всяческих дел и забот (а еще больше – просто обычной, ужасной московской суетни), что вот уже две недели, как не мог собраться написать Вам", с.506.

Кабалевский Дм. (07.06.69) "Дорогой Эдик, три дня назад вернулся из Перми, где 31 мая и 1 июня все же состоялась премьера "Сестер", с.507.

Кабалевский Дм. (25.04.71) "Дорогой Эдвард Михайлович, пишу Вам буквально два слова, т.к. через несколько часов мы с Лялей улетаем в Крым – надеюсь окончательно добить там свою опротивевшую мне хворь", с.508.

Кабалевский Дм. (12.0I.81) "Дорогой Эдвард Михайлович, милый Эдик! Спасибо за поздравление. Я отвечаю с такой задержкой потому, что на рубеже старого и Нового года в наш дом вторгся грипп – Лариса Павловна лежит в больнице, я дома борюсь с обострившейся астмой", с.508.

Канчели Г. (02.95) "Дорогие Ляля и Эдвард Михайлович, я всегда вас очень любил, а за последние четыре года полюбил еще больше по простой причине – живя вдалеке от дома, воспоминания обостряются", с.431.

Канчели Г. (17.02.98) "Дорогие мои Ляля и Эдвард Михайлович, от Л. Чаушяна узнал, что Вы здоровы, что болеет Лазарь Мартиросович, что Вы его навещаете. Остальные новости узнаю по трем московским каналам, наличие которых (мы установили "тарелку") не слишком отдаляет меня от дома", с.432.

Канчели Г. "Дорогой Эдвард Михайлович, обращаюсь к Вам как к моему наставнику и старшему другу с просьбой передать эту книгу библиотеке Ереванской консерватории", с.436.

Капутикян С. (14.05.06) "Дорогой Эдвард! Хотя с твоей стороны не было и намека на то, что ждешь поздравлений по поводу 85-летия, по зову сердца я решила написать эти строчки", с.511.

Карабекян А. (03.04.87) "Дорогой Варпет! Очень рад, что, наконец, удалось связаться с Вами по телефону: Ваш голос пробудил во мне незабываемые воспоминания, и я затосковал...", с.328.

Карапетян В. (10.68) "Соната для виолончели и фортепиано Эдварда Мирзояна – выдающееся явление не только армянской, но и всей советской музыкальной культуры", с.245 (фрагмент).

Кокжаян Ю. (18.07.85) "Дорогой друг! Пишет тебе Заслуженный работник культуры РСФСР, звукорежиссер высшей категории, Почетный радист, член Всесоюзных обществ: филателистов, любителей собаководства, Научно-технического (НТО), Театрального (ВТО) и т.д. и т.п. Юрий (Георгий) Левонович Кокжаян", с.512.

Кочарян Б. (29.12.06) **"**Дорогой Эдвард Михайлович! "*С* большим *с* удовольствием" поздравляю Вас с наступающим Новым годом и Рождеством! Я счастлива, что имею такого Большого Друга в своей жизни. Вы, бесспорно, яркое явление в истории нашего народа", с.158.

Кочарян С. (30.05.63) "Дорогой, очень любимый Эдик! С огромной душевной радостью и законной гордостью за достойнейшего сына моих добрых друзей узнал весть о присвоении тебе высокого, заслуженного звания Народного артиста нашей Родины", с.515.

Кочинян А. (01.09.84) "Эдик джан! Очень жалею, что не застал тебя. Радости моей не было предела, когда осмотрел зал (имени Бетховена)", с.198.

Кушнарева К. (20.01.61) "Дорогой Эдик! Ты, вероятно, не поверишь, если я тебе скажу, что с момента моего отъезда из Еревана я ежедневно собираюсь написать тебе", с.516.

Кушнарева К. (12.03.80) "Дорогой Эдик! Сегодня постараюсь дозвониться к тебе по делу и, одновременно, решила написать подробное письмо, которое собираюсь написать давно", с.518.

Литинский Г. (22.12.48) "Дорогой Эдик! <...> Как и Вы, я очень

сожалею о том, что нарушился “ритм” наших творческих встреч с Вами, Котиком”, с.520.

Литинский Г. (02.0I.49) “Дорогой Эдик! <...> Мои главные планы в отношении Вас сосредоточиваются сейчас на теме Вашей работы в этом году”, с.521.

Литинский Г. (01.02.49) “Дорогой Эдик! Задержался я немного с ответом на Ваше обстоятельное письмо”, с.126 (фрагмент), с.522.

Литинский Г. (14.03.49) “Дорогой Эдик! Получил Ваше письмо и целиком одобряю композиционный план новой кантаты”, с.524.

Литинский Г. (28.06.49) “Дорогой Эдик! Тороплюсь написать Вам и попросить Вас передать всем Вашим “соратникам” по перу несколько слов”, с.525.

Литинский Г. (22.07.49) “Дорогой Эдик! Выполняю обещание и сообщаю, что погода здесь архипакостная”, с.527.

Литинский Г. (19.12.49) “Дорогой Эдик! Пишу Вам с опозданием, причиной чему явился, с одной стороны, сюрприз, который нам преподнес Женулик, внезапно заболевший скарлатиной, которая сейчас идет на убыль”, с.378 (фрагмент), с.527.

Литинский Г. (27.04.50) “Дорогой Эдик! Было намечено исполнение кантаты на 07.05., но из-за ряда радио-нелепостей переносится на 18.05”, с.528.

Литинский Г. (13.02.51) “Дорогой Эдик! Очень рад ликвидации холостого положения в Вашей жизни и поздравляю Вас и Елену от всей души”, с.530.

Литинский Г. (01.05.53) “Дорогой Эдик! Не имел возможности своевременно поздравить с днем рождения Вашу маленькую-удаленькую вследствие того, что письмо Ваше мне Адик передал два дня спустя после знаменательной даты”, с.531.

Литинский Г. (04.0I.56) “Дорогой Эдик! Очень благодарен Вам и Лялечке за память и новогодние пожелания”, с.532.

Литинский Г. (16.09.58) “Дорогой Эдик! Передо мной партитура Вашего Квартета, которую я только что приобрел”, с.127 (фрагмент), с.533.

Литинский Г. (07.01.66) “Дорогой Эдик! Так мне хочется сказать: “мои дорогие мальчики!” после получения Вашего, Котика и Арно поздравлений по поводу Нового года”, с.109.

Литинский Г. (19.04.71) “Дорогой Эдик! Вчера звонил мне Эдик Багдасарян – он получил от меня все, что требуется в заверенном виде”, с.534.

Литинский Г. (15.0I.84) “Эдик, дорогой, родной мой! Спасибо за память и добрые пожелания. Очень тронут Вашим вниманием”, с.536.

Микоян А. (01.06.09) “Уважаемый Эдуард Михайлович! От всего сердца горячо поздравляю Вас с получением высокой заслуженной государственной награды – ордена Ленина”, с.269.

Микоян Н. (04.57) “Дорогой Эдик! Трудно тебе передать, как меня обрадовали все известия, пришедшие со съезда”, с.168.

Микоян Н. (без даты) “Дорогой Эдик! Большое тебе спасибо, что ты есть на свете. Это очень высокопарно звучит, но это правда”, с.537.

Мирзаян М. (24.04.42) “Эдик джан! Поскольку мама держит тебя в курсе текущих событий, в этом письме я расскажу о новостях музыкальной жизни”, с.71.

Мирзаян М. (15.04.46) “Дорогой Эдик! Сегодня вечером я был в Филармонии, оркестр исполнял V симфонию и Итальянское каприччио Чайковского, а Георгий Сараджев – его I фортепианный концерт”, с.540.

Мирзаян М. (07.05.46) “Поздравляю тебя с 25-летием, четверть века – это значительный стаж, а для одаренного человека – еще и период плодотворной творческой деятельности, достаточный для того, чтобы заставить говорить о себе”, с.137.

Мирзаян М. (12.06.46) “Дорогой Эдик! Первый вопрос, который я затрону в своем письме, касается того крупного недоразумения, которое причинило столько боли твоей маме и Марианне”, с.102.

Мирзаян М. (20.03.47) “Эдик джан! Давно собирался начать писать тебе цикл “События-люди”, но все было некогда. Хотя информация моя в определенной степени устарела (она касается банкета в честь А. Хачатуряна), но некоторые эпизоды довольно значимы и заслуживают внимания”, с.93.

Мирзаян М. (1947) “Эдик джан! Пишу очередное, второе письмо из серии “События – люди” /*о Ерванде Сардаряне*/”, с.542.

Мирзаян М. (15.07.48) “Дорогой Эдик! Мама, вероятно, подробно описала перипетии, связанные с процессом заключения договоров. После формалистических событий тут все строго придерживаются этих положений”, с.123.

Мирзаян М. (30.08.49) “Дорогой Эдик! <...> В предыдущем письме тебя просили направить в Союз официальное уведомительное письмо о текущей работе”, с.544.

Мирзаян М. (30.07.58) “Здравствуй, Люся, 29-го утром, позавтракав в Арзни, я вернулся в Ереван”, с.546.

Мирзоян А. (07.70) “Дорогой папа! Я пишу тебе это письмо, потому что мама мне сказала, что ты в третьем коттедже, где мы не знаем твой номер телефона”, с.150.

Мирзоян Э. Люсе Першанговой (1931) “Дорогая мама, получил твое письмо. Я сидел у стола, завтракал и читал твое письмо”, с.25.

Мирзоян Э. Белле Арутюнян (20.01.40) “Белочка! Большое спасибо за письмо. Да, из этого письма я полностью убежден и согласен с тобой /*в*/ том, что ты меня не любишь и любить не можешь”, с.51.

Мирзоян Э. Белле Арутюнян (15.07.40) “Здравствуй, дорогая Белка! Сегодня после обеда (к 3 часам) зашел на почту и безна-

дежно спросил, есть ли ко мне письмо. Неожиданно подали мне открытку и, когда я увидел твою рукопись, мое сердце вздрогнуло”, с.51.

Мирзоян Э. Белле Арутюнян (1943) “Дорогая Белочка! Сейчас сижу у вас дома, где я узнал, что от тебя есть письмо, узнал, что ты чувствуешь себя легче, и это меня очень обрадовало”, с.54.

Мирзоян Э. Константину Сараджеву (1942) “Не знаю, с чего начать это письмо, но <...> не оттого, что не о чем писать. Скажу одно: день, когда Вы стояли перед пультом и дирижировали моей поэмой и когда я переживал огромное напряжение сил и энергии, этот день навсегда стоит передо мною, как наисчастливейшее время в моей жизни”, с.65.

Мирзоян Э. Константину Сараджеву (17.04.46) “Здравствуйте, дорогой и любимый Константин Соломонович! Совершенно не стараясь оправдываться, прежде всего приношу свои извинения за то, что Ваш ученик – Эдик, так опоздал и не дал о себе знать в течение довольно долгого времени”, с.547.

Мирзоян Э. Люсе Першанговой и Микаэлу Мирзаяну (14.05.46) “Дорогие мои родные! Отпраздновали день моего рождения, и я постараюсь, насколько возможно, правильно и объективно рассказать об этом, для меня знаменательном дне”, с.134.

Мирзоян Э. Константину Сараджеву (29.08.46) “Дорогой Константин Соломонович! По приезде в Москву я приступил к работе над кантатой, эскизы к которой Вам показывал в Ереване”, с.548.

Мирзоян Э. Люсе Першанговой (16.12.46) “Дорогая мама джан! <...> Занятия продолжаются полным ходом. Я уже прилично играю прелюд Скрябина. Бываем на концертах”, с.132.

Мирзоян Э. Люсе Першанговой (30.04.48) “Дорогая мама джан! Наконец-то я немного освободился от хлопот по делам нашего Союза”, с.117.

Мирзоян Э. Константину Сараджеву (17.10.49) “Дорогой Константин Соломонович! Создавшаяся ситуация поставила меня в такое глупое положение, что мне трудно поделиться с Вами о моих переживаниях”, с.548.

Мирзоян Э. Люсе Першанговой (20.08.50) “Дорогая мама джан! Пользуюсь отъездом Ирочки и пишу. Приближается время моего выезда. Работа моя находится в стадии, когда я заканчиваю разработку и перехожу к репризе”, с.162.

Мирзоян Э. Елене Степанян (19.04.52) “Ляля ջան! Сегодня вечером я дома, а тебя не будет. Видишь, как получается. На “кошмарную” атмосферу не жалуйся, главное не это”, с.147.

Мирзоян Э. Елене Степанян (21.04.52) “Дорогая Ляля ջան! Вчера собрались ребята – Зарик, Арно, Адик, Фира, Гарик, Э.Абрамян”, с.147.

Мирзоян Э. Елене Степанян (22.04.52) “Ляля ջան! Пришел к тебе ближе, но разницы никакой. Состояние твое меня беспокоит. Паникую как следует”, с.148.

Мирзоян Э. Елене Степанян (22.04.52) “Ляля джан! Описание дочки привело меня в умиление, и я горю желанием поскорее взглянуть на нашу крошку, т.к. совершенно не могу себе представить, что это такое”, с.148.

Мирзоян Э. Елене Степанян (09.01.63) “Дорогие мои дорогие! Вот уже семь часов как мы летим над Атлантическим океаном. Самолет Боинг-707 на 156 мест”, с.257.

Мирзоян Э. Елене Степанян (12.01.63) “Это город Сиэтл, в который мы прилетели из Ванкувера 12.01.63 в 12 ч. дня. Короче говоря, мы уже находимся в США”, с.257.

Мирзоян Э. Елене Степанян (08.02.63) “Дорогие мои хорошие! В Монреале нас встречала Анаид– жена А. А. Арутюняна. Она специально приехала из Оттавы на машине, была сердечная встреча” с.258.

Мирзоян Э. Араму Хачатуряну (19.04.67) “Арам Ильич, все эти разговоры – полная ерунда. Если есть талант, значит, есть все, включая метод соцреализма”, с.87.

Мирзоян Э. Сурену Арутюняну (10.04.89) **“** Глубокоуважаемый Сурен Гургенович! 23 марта 1987 года письмом за N 03 Правление Союза композиторов Армении обратилось в Ергорсовет о выделении помещения для создания магазина-салона по продаже музыкальных пластинок и нот, а также мастерской по ремонту и прокату электронно-музыкальных инструментов”, с.549.

Мирзоян Э. Аршаку Мирзояну (около 1993) “Мои любимые Ануш, Арик, мои прелестные и любимые внучата-сестрички! Я знал, что очень буду скучать без вас, но даже не предполагал, что ваше отсутствие будет настолько ощутимо”, с. 152.

Мирзоян Э. Аршаку Мирзояну (1997), “Дорогой мой Арик ջան, իմ սիրելի, սիրունիկ Անուշ, Հեղուկ, Սաթուկ, Շանթ ջան: Твое письмо прочел внимательно, потом снова прочел не только потому, что у тебя природно корявый почерк”, с.153.

Мнацаканян М. (10.09.78) “Дорогой Эдуард Михайлович! Прослушал “Шушаник”. Что за божественная музыка! Чудо! Не знаю, когда Вы ее написали, но для меня это – открытие”, с.323.

Никогосян Н. (19.10.81) “Иногда пелена застилает человеку глаза, и он ничего не замечает, скорее, не хочет замечать, занятый исключительно своими делами”, с.555.

Оганесян Э. (12.08.58) “Дорогой Эдик! Искренне поздравляю тебя с твоим давно Заслуженным званием. Желаю тебе плодотворной работы и уверен, что ты в творчестве никогда не станешь “провинциалом” и будешь таким же принципиальным, как до сих пор”, с.165.

Оганесян Э. (17.12.58) “Эдик, дорогой, надо ли писать о том, что в те дни мы все всем сердцем были с тобой. Чудесный, редкий человек был Михаил Иванович”, с.173.

Оганесян Э. (22.12.58) “Эдик ջան! Пока писать не о чем. Приедем, все расскажем”, с.175.

Оганесян Э. (23.06.60) “Дорогой Эдик! Перед отъездом я так и не смог зайти в конс., поговорить с тобой. Во-первых, о кантате «Երկիր հայրենի», с.166.

Оганесян Э. (1960-е годы) “Эдик ջան! Не моя вина, что мы не попрощались. И не твоя, конечно”, с.207.

Орбелян Г. (1963) “Дорогой мой, родной Эдик джан! Как я и Вера обрадовались, когда получили твое письмо! Золотой мой, нет такого пера, которое могло бы описать нашу любовь. Я тебя уже любил как родного брата до твоего приезда”, с.442.

Орбелян К. (1964) “Эдик джан, здравствуй! Так и не удалось повидаться с тобой перед отъездом. Нахожусь на гастролях на Украине, сейчас пишу тебе из Николаева”, с.439.

Орбелян К. (1967) “Дорогой мой Эдик! Испытываю острую необходимость поговорить с тобой хотя бы на бумаге. Я очень рад, что быстро уехал из Еревана, здесь нет людей, и я чувствую себя лучше”, с.441.

Панкин Б. (17.07.78) “Дорогой Эдвард Михайлович! Хотел бы еще раз от имени Правления ВААП, от себя лично и всех сотрудников ВААП, участвовавших в подготовке и проведении СИАМ, выразить удовлетворение и благодарность руководству Союза композиторов Армении за помощь и активное участие в организации этого важного международного мероприятия”, с.555.

Пахмутова А., Добронравов Н. (28.12.64) “Дорогой Эдвард Михайлович! Дорогие Зара, Ляля и Аршак! Поздравляем с Новым годом!”, с.555.

Першангова Л. (04.02.63) “Мой Эдик, дорогой сын! С чего начать писать, так много на душе, сердце. Одно скажу, что все мои мысли, все мои волнения – с тобой”, с.36.

Прокофьева Л. Елене Мирзоян (03.12.62) “Дорогая Ляля, Вы не можете себе представить, как я Вам благодарна за чудесное одеяло. Я сплю под ним как в детстве – так уютно!”, с.556.

Прокофьева Л. (08.10.78) “Дорогой Эдик (извините, что так называю). Сердечно поздравляю Вас, Вашу семью и друзей-соотечественников с наступающей знаменательной датой Вашей солнечной, прекрасной столицы”, с.556.

Прокофьевы Н. и С. (01.65) “Дорогой Эдуард Михайлович! Поздравляем Вас с Новым 1965 годом! С удовольствием вспоминаем наше пребывание в Дилижане и встречи с Вами и Вашей семьей”, с.556.

Рубин В. (07.05.86) “Уважаемый Эдвард Михайлович! На протяжении многих, многих лет мы с Вами знакомы и трудимся в рамках одного Союза”, с.151.

Ростропович М. (без даты) “Дорогой, любимый балик джан, джаникес Гера! Посылаю тебе лекарство”, с.237.

Салнис Н. (1980-е) “Глубокоуважаемый Эдуард Михайлович! Спасибо Вам большое за теплые слова и поздравления! Вместе со мной Вас сердечно благодарят музыканты оркестра, которые с наслаждением играли Вашу Симфонию”, с.223.

Сараджева З. (05.01.59) “Здравствуй, дорогой мой Эдик! Поздравляю Тебя и Твою семью с Новым годом, желаю здоровья, успехов и полного счастья”, с.557.

Сараджева З. (03.10.62) “Дорогой Эдик, Сегодня в “Коммунисте” видела снимок, на котором ты радостно смотришь на Стравинского”, с.557.

Сараджевы: Тамара, Ада, Кира, Нил (03.05.77) “Глубокоуважаемый, дорогой Эдик! При последней встрече с Яшей Воскановым, он был в Москве в середине апреля, мы с радостью узнали, что в Ереване достаточно реально начинается подготовка к организации 100-летия папы”, с.559.

Саруханян Ф. (05.03.63) “Многоуважаемый, дорогой Эдуард Михайлович! В свое время Гай Юлий Цезарь с поля битвы доложил Римскому сенату: Veni, Vidi, Vici”, с.266.

Сарьян Л. (18.02.39) “Здравствуй, дорогой Эдик ջան! Твое письмо получил, очень рад, что наши мнения о сонатном Allegro не расходятся. Как раз я тоже сейчас закончил Scherzo для квартета и сижу над первой частью. Пишу во время урока истории музыки", с.57.

Сарьян Л. (28.02.39) “Дорогой Эдушка! Только что получил твое письмо – очень рад, что связь между нами письменно установлена. Ты пишешь, что я должен был написать много, а написал мало, это всегда так и бывает, самое обыкновенное происшествие”, с.58.

Сарьян Л. (22.03.57) “Дорогой Эдик! То, что я тебе присылаю, это сырой материал, который ты при желании можешь использовать. Дело в том, что я в последнее время по ночам мучаюсь от удушья, и это основная причина того, что я не приехал”, с.172.

Сарьян Л. (1968) “Дорогой Эдик ջան */джан/*! Вчера вечером раздали ордера. Недовольных и жалоб почти нет”, с.184.

Сарьян Л. (около 1972 года) “Послушай, Эдик! Сдай рукопись сонаты в издательство. Это уже не только твоя собственность”, с.247.

Сарьян Л. (около 1984 года) “Эдик ջան, мой родной! <...> Сегодня был у Гургена Ашотовича! Говорил о том, что Симфонический оркестр погибает из-за ужасных условий работы”, с.184.

Сарьян О. (17.10.63) “Дорогие, родные посланники Отечества! Счастливы, что будем иметь возможность вместе с американским народом приобщиться к вашему искусству, лично побывав на концертах”, с.259.

Свиридов Г. (23.03.90) “Дорогой Эдвард Михайлович! Христос воскрес. Поздравляю Вас с праздником и желаю всякого добра Вам и всем близким Вашим”, с.213.

Спендиаров Л. (12.07.64), “Уважаемый Эдуард Михайлович!

Вам пишет Леонид Спендиаров, который у Вас был в октябре 1963 года в Союзе композиторов, и Вы мне очень помогли тогда в моем тяжелом положении", с.561.

Спендиарова М. (19.02, год неизвестен) "Дорогой Эдик! Сюзан мне сказал, что Вы интересовались, в какой стадии находится сейчас моя работа над Летописью", с.563.

Стравинская К. (14.11.70) "Милый Эдвард Михайлович! Ну вот мы уже дома! После Армении неделю провели в Горьком у братьев Ал.Ал. и неделю в Москве", с.564.

Стравинская К. (21.03.79) "Дорогой Эдвард Михайлович! Спасибо Вам за такое доброе, теплое письмо, написанное Вами после получения моей книжечки", с.565.

Тер-Татевосян Дж. (06.12.58) "Эдик джан! Очень нелегко мне писать тебе это письмо, у меня вообще нет никаких способностей к письму или к слову, мне почти никогда не удается передать словами свои чувства", с.386.

Тер-Татевосян Дж. (11.09.59) "Эдик джан... Не хочу тебя долго беспокоить, только немного расскажу о своих делах. Я закончил II часть, измучился", с.389.

Тер-Татевосян Дж. (31.03.60) "Эдик джан... Если ты помнишь, я вернулся в Рузу утром 11-го февраля и, начиная с 14-го по сегодняшний день, болею", с.206 (фрагмент), с.391.

Тер-Татевосян Дж. (28.11.60) "Эдик джан... Эти четыре месяца я, конечно, не сидел без дела, а работал, не так, как умею – по 20 часов в сутки, но более спокойно, не спеша", с.393.

Тер-Татевосян Дж. (20.12.60) "Эдик, дорогой! Как у тебя дела, что делаешь, в каком состоянии симфония? Хоть немножко напиши, чтоб я знал, ведь все это меня очень волнует. Скоро съезд, и твоя симфония должна быть обязательно готова", с.395.

Тер-Татевосян Дж. (29.12.60) "Эдик джан... Сам не знаю, почему предыдущее письмо начал по-русски, причем с грехом пополам. Но дошел до середины и пришлось уже на русском доканчивать", с.398.

Тер-Татевосян Дж. (25.04.61) ***"***Эдик джан!Дела складываются так, что никак не удается вырваться хотя бы на несколько дней ", с.402.

Тер-Татевосян Дж. (10.01.62) "Эдик джан! Поздравляю тебя с Новым годом и желаю, чтобы в этом году, в отличие от прошлых лет, ты плюнул бы, наконец, на все отвлекающие обстоятельства и все время посвятил творчеству", с.404.

Тер-Татевосян Дж. (23.04.62) "Дорогой Эдвард Михайлович! Не знаю, как ты отнесешься к этому письму. Дело в том, что я написал заявление в наше Правление по поводу переписывания Второй симфонии, поскольку уже в этом концертном сезоне она должна была исполняться", 406.

Тер-Татевосян Дж. (27.12.62) "Эдик джан! Вроде бы дела, связанные с Рузой, обстоят хорошо. Дня через два все окончательно выяснится", с.409.

Тер-Татевосян Дж. (02.63) "Эдвард Михайлович... После долгих размышлений я пришел к выводу, что, во всяком случае, сохранять ту напряженность, которая существует сейчас в наших отношениях, просто глупо", с.411.

Тер-Татевосян Дж. (20.03.63) "Эдик, дорогой! По-видимому, нам так и не удалось с тобой поговорить как следует. Ты понимаешь, ведь время идет, многое меняется. Ну что же, ты меня не можешь простить, может быть, в этом ты и прав", с.412.

Тер-Татевосян Дж. (06.11.63) "Эдик джан... Я глубоко признателен Бабкену Михайловичу за его необыкновенно "чуткое" и "любезное" отношение ко мне", с.415.

Тер-Татевосян Дж. (23.12.63) ***"***Эдик ջան (джан)...Я Ханджяну уже послал ноты. Я тебя очень прошу, поговори с ним, это очень важно. Симфонию – кровь из носа – я закончу к середине апреля, тем более, что материала у меня достаточно", с.416.

Тер-Татевосян Дж. (17.08.64) "Эдик джан... Я уехал, и мы так и не поговорили. Эдик джан, ну я приехал и снова с головой окунулся в свои дурацкие дела. Хочешь-не хочешь, приходится деньги зарабатывать", с.417.

Тер-Татевосян Дж. (26.10.64) "Эдик джан... Извини, что беспокою тебя по следующему вопросу. Пару дней назад я говорил с Хагагортяном ", с.419.

Тертерян А. (18.10.66) "Дорогой Эдвард Михайлович! Пока что нахожусь часто в каком-то нервном напряжении и в волнении – остается мало времени... Злюсь на обстоятельства, на то, что занят, в общем, не тем, чем следовало бы", с.427.

Торадзе Л. (05.07.79) "Дорогой и любимый дядя Эдик, здравствуйте! Мы (папа, мама и я) только вернулись из Рузы в Москву. Отдохнули и работали хорошо", с.566.

Туровский Ю. (2006) "Дорогой Эдвард Михайлович! Посылаю Вам компактный диск с записью Вашей замечательной Симфонии, которая была произведена Radio Canada", с.222.

Тюлин Ю. (25.05.65) "Дорогой Эдуард Михайлович! Вчера был в Филармонии на концерте Вашего оркестра. Наконец-то мне удалось услышать симфонии – Вашу и Котика Арутюняна – в живом исполнении, раньше я их знал только по звукозаписи", с.227.

Тюлин Ю. (15.12.69) "Дорогой Эдик! Пишу Вам из Рузы, где вторую неделю болею воспалением легких, пишу лежа и поэтому корявым почерком, за что прошу прощения", с.567.

Тюлин Ю. (25.12.72) "Дорогой Эдик! От всей души поздравляю Вас и Вашу чудную семью с Новым годом и желаю самого что ни на есть наилучшего", с.568.

Тюлин Ю. (26.05.74) "Дорогой Эдик! Прошло уже много време-

ни с тех пор, когда передавали у нас по телевизору исполнение Вашей Симфонии", с.220.

Удумян К. (1981) "Дорогой Эдвард, сын Микаэла! Не могу передать, какую радость и удовлетворение я ощутил, узнав о присвоении тебе высокого, почетного звания Народного артиста СССР", с.571.

Фельдман С. (12.63) "Глубокоуважаемый и дорогой Эдуард Михайлович! Сердечно поздравляю Вас, семью и близких с Новым годом и шлю наилучшие пожелания здоровья, всех благ и новых блестящих творческих успехов", с.572.

Фельдман С. (30.10.74) "Многоуважаемый и дорогой Эдуард Михайлович! ...Еще в июне, до встречи с Вами в Москве, из подтвержденных мне концертов (а их пока мало) Челябинск подтвердил мою программу полностью, в которую я включил Вашу Симфонию для струнных и литавр", с.572.

Фельдман С. (07.09.82) "Глубокоуважаемый, дорогой и любимый мною Эдуард Михайлович! Долго не решался отвлекать Ваше внимание и ценное время даже кратким письмом, но, наконец, решился", с.573.

Фельдман С. (25.09.82) "Многоуважаемые и дорогие друзья Елена Мамиконовна и Эдвард Михайлович! После благополучного завершения моей с сыном 35-дневной поездки на Кавказ и Закавказье, хочу еще раз выразить Вам глубокую сердечную благодарность за предоставленную нам возможность пребывания в Доме творчества", с.574.

Хагагортян Э. (конец 50-х) "Дорогой Эдик! За последние месяцы нам не удавалось встретиться в Москве и поговорить", с.575.

Хагагортян Э. (07.06.72) "Ваша Соната для виолончели и фортепиано была представлена издательству и сдана в производство в ноябре 1969 года", с.246.

Хагагортян Э. (около 1972) "Дорогой Эдик! О себе. Извини за плохой почерк", с.378 (фрагмент), с.577.

Хачатурян А. Сурену Товмасяну (18.02.59) "Дорогой Сурен Акопович! Хочу обратиться к Вам с просьбой, но, может быть, я опоздал?", с.579.

Хачатурян А. (19.06.60) "Дорогой Эдик! Еще живо помню Ереван, всю свою бурную деятельность, а главное – Ваше теплое отношение ко мне", с.580.

Хачатурян А. (29.07.60) "Дорогой Эдик! Стукнулся мой автомобиль. Я в больнице. Легкое сотрясение. Не успел послать письмо", с.580.

Хачатурян А. (09.01.62) **"**Дорогой Эдвард, Давно ты мне не писал, в чем причина? Слышал, будто бы ты закончил симфонию, правда ли это?", с.82 (фрагмент), с.581.

Хачатурян А. (02.63) "Սիրելի Էդիկ, Хотел бы написать по-армянски, но уйдет много времени", с.86.

Хачатурян А. (06.05.66) "Дорогой Эдик! Вчера видел Хачика Есаяна", с. 582.

Хачатурян А. (19.04.67) "Дорогой Эдик! Ужасно неинтересный здесь ведется разговор. Все врут", с.85.

Хачатурян А. (20.12.68) "Дорогой Эдик! Потрясен подарком!!! Не ожидал!", с.584.

Хачатурян А. (16.02.69) "Дорогой Эдик! Я думал, может быть, ты напишешь мне письмо и спросишь, как я себя чувствую", с.584.

Хачатурян Э. (20.09.65) "Дорогой Эдик! Отвечаю тебе с небольшим опозданием, так как только вчера получил твое письмо – оно пролежало несколько дней у Котика", с.587.

Хачатурян Э. (27.06.88) "Дорогой Эдик! Я очень благодарен тебе за готовность помочь мне с Дилижаном", с.587.

Хренникова Кл.(29.03.63) **"**Какое совпадение: и весна года наступила, и Вы приехали", с.179.

Худоян А. (19.06.47) "Здравствуйте, ребята! По старшинству – Котик, Арно и Эдик! Пользуясь отъездом в Москву Роберта и, не жалея усилий, через него посылаю каждому по отдельности по 1758 рублей от Завена Гевондовича", с.193.

Цветаева А. Мирзояну Э. "Напоминаю Вам нашу беседу в июне с Натальей Поповой-Сараджевой, племянницей моего Звонаря, о котором в 1977 году (N7 журнала "Москва", статья "Сказ о звонаре московском") была публикация ", с.64.

Цуккерман В.(04.0I.76) "Дорогой Эдвард Михайлович! Вот уже пять дней мы в Москве, но воспоминания о виденном и слышанном так живы в нас, словно еще час назад мы были в Ереване или где-то среди гор и снегов", с.227.

Чеботарян Г. (15.03.92) "Дорогой Эдик! От Карины пришла радостная весть – решение о присвоении имени Кушнарева музыкальной школе N10 принято", с.316.

Шахназарова Н. (1981) "Дорогой Эдик! К моему глубокому сожалению, я не могла тебя поздравить в дни юбилея – так получилось. Но не откликнуться на него – хоть с опозданием – я тоже не могу", с.588.

Шлифштейн С. (31.10.72) "Дорогой Эдуард Михайлович! На последних двух заседаниях худсовета Дома звукозаписи я познакомился с неизвестными мне сочинениями армянской музыки в превосходном исполнении талантливой вашей пианистки Кэтти Малхасян (которую я тоже до этого не знал)", с.271.

Шостакович Д. Константину Сараджеву (31.10.49) "Дорогой Константин Соломонович! Ваше письмо я получил. Оно меня очень обрадовало и одновременно поставило меня в несколько затруднительное положение. Вы просите меня поделиться с Вами моими соображениями по поводу преподавания композиции в Ереванской консерватории", с.61.

Шостакович Д. Дж.Тер-Татевосяну (20.02.60) “ Дорогой Джон Гургенович! Сегодня я написал Мравинскому о Вашей Второй симфонии, о Первой тоже”, с.383.

Шостакович Д. (22.04.63) “Дорогой Эдуард Михайлович! Очень жалею, что не смогу послушать сегодня Вашу прекрасную симфонию, которую я полюбил сразу же, познакомившись с ней”, с.226.

Шостакович Д. (02.06.63) “Дорогой Эдвард Михайлович! Пишу Вам из Фрунзе, где сейчас проходит Декада русской советской музыки.. Забот, хлопот видимо-невидимо”, с.588.

Шостакович Д. (08.04.66) “Дорогой Эдвард Михайлович! Спасибо Вам за приглашение принять участие в работе Съезда композиторов Армении. К сожалению, состояние моего здоровья не позволяет мне воспользоваться Вашим приглашением”, с.589.

Шостакович Д. (08.12.71) “Многоуважаемый Эдвард Михайлович! Спасибо Вам сердечное за приглашение на юбилейные торжества в связи со 100-летием великого армянского композитора А.Спендиарова”, с.589.

Шостакович Д. (10.09.72) “Дорогой Эдвард Михайлович! Сердечное Вам спасибо за телеграмму”, с.589.

Щедрин Р. и Плисецкая М. (09.01.67) “Дорогой и любимый наш Эдик-джан! Я и Майя – а 2 (a due) – поздравляем всех вас – тебя, Лялю, Зару и, конечно, Аршака с Новым годом. Чтоб был он счастливым, удачливым и принес нам встречу с твоим новым сочинением, которое ты задолжал после замечательной струнной (с Timp.) симфонии”, с.590.

Содержание

Два слова 7

Часть I

Победитель 11
Глава 1. Это будет Эдик, и он будет музыкантом 19
Глава 2. Истоки 25
Глава 3. Мимолетности 39
Глава 4. Первая любовь 49
Глава 5. Романтика и реальность 57
Глава 6. Ты записался добровольцем? 69
Глава 7. Танцевальная сюита 79
Глава 8. Литинский 99
Интермедия. Эдуард Айрапетян 110
Глава 9. Испытание на зрелость 113
Интермедия. Эдуард Татевосян 130
Интермедия. Сос Саркисян 140
Глава 10. Мы долгое эхо друг друга.. 143
Глава 11. Благодаря и вопреки 157
Глава 12. Ближний круг 177
Интермедия. Тихон Хренников 181
Интермедия. Левон Чаушян 199
Глава 13. В точке золотого сечения 205
Интермедия. Эдуард Топчян 214
Глава 14. “Может, и Арарат вернем?” 237
Интермедия. Медея Абрамян 248
Глава 15. Полеты во сне и наяву 253
Глава 16. “Свои” и “чужие” 265
Глава 17. Противостояние 275
I. Оган Дурян 277
II. Валерий Гергиев 282
Интермедия. Марк Петросян 284
III. Арам Хачатурян 287
IV. Союз композиторов 291
Интермедия. Генрих Игитян 299

V. Леонид Брежнев 302
Интермедия. Рубен Саркисян 307
Глава 18. Землетрясение 311
Интермедия. Алексей Симонов 317
Интермедия. Вардан Аджемян 320
Глава 19. “Сказание небу...” 335
Интермедия. Алексан Киракосян 343

Часть II
Эдвард Мирзоян в диалогах 347
Блиц-интервью 371

Часть III
Мирзоян-педагог 377
Степан Джербашян 377
Дживан Тер-Татевосян 381
Авет Тертерян 421
Гия Канчели 429
Константин Орбелян 435
Сергей Агаджанян 443

Часть IV
Человек-эпоха (избранные письма) 449
Бабаджанян Арно 449
Бабалян Арус 454
Габриэлян Авет 459
Гошовский Владимир 461
Григорян Рубен 467
Давидян Рафаэль 470
Джербашян Карпис 485
Долуханова Зара 490
Есаян Хачатур 491
Жамкочян Перч 494
Харазян Марат “Дело об американском гимне” 495
Кабалевский Дмитрий 505
Капутикян Сильва 510
Кокжаян Юрий 512
Кочарян Сурен 514
Кушнарева Каринэ 516
Литинский Генрих 520
Микоян Нами 536
Мирзаян Микаэл 538
Мирзоян Эдвард 547
Никогосян Николай 552
Панкин Борис 554

Пахмутова Александра, Добронравов Николай 555
Прокофьевы 556
Сараджевы 557
Спендиаровы 560
Стравинская Ксения 564
Лексо (Александр) Торадзе 565
Тюлин Юрий 567
Удумян Камо 568
Фельдман Соломон 572
Хагагортян Эдуард 575
Хачатурян Арам 579
Хачатурян Эмин 586
Шахназарова Нона 588
Шостакович Дмитрий 588
Щедрин Родион, Плисецкая Майя 590
Список публикуемых писем 593

Технический редактор – М. Геворкян
Корректоры – И. Егиазарова (русский текст),
К. Абраамян (армянский текст)
Компьютерный набор – Л. Епремян

Отпечатано в типографии Издательства “Тигран Мец”